

Вольфганг
Акунов

СКАЗАНИЕ
О НАШИХ
ГОТСКИХ
ПРЕДКАХ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2020

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЪЯНС

Документы и материалы
древней и новой истории Суверенного Военного ордена
Иерусалимского храма

Под редакцией действительного члена
Академии военных наук, профессора
Александра Шаравина

УДК 94(363.6)

ББК 63.3(0)4

А 442

Акунов В. В.

А442 Сказание о наших готских предках / В. В. Акунов. – СПб.: Алетейя, 2020. – 526 с.: ил. – (Документы и материалы древней и новой истории Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма).

ISBN 978-5-00165-009-6

Во второй половине IV в. п. Р. Х. Римская «мировая» держава была потрясена вторжением германского племени готов, едва не приведшим ее к гибели. Но со временем именно готам было суждено не только вписаться в античный мир, но и стать решающим фактором его выживания и подготовки к переходу в мир феодализма. О судьбе готов, внесших свой вклад и в создание древнерусской государственности, повествует новая книга Вольфганга Акунова.

Книга выходит в серии «Документы и материалы древней и новой истории Суверенного военного ордена Иерусалимского Храма», ибо в готскую эпоху уходят корни рыцарства, архетипом которого стал Орден бедных соратников Христа и Храма Соломонова.

УДК 94(363.6)

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-00165-009-6

9

© В. В. Акунов, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

Светлой памяти моих родителей

«Среди наиболее сложных проблем древней истории Восточной Европы готская является едва ли не самой сложной»

Вера Буданова

«От голода пришлось им выйти из лесов И стать владыками Вселенной»

Эмиль Верхарн

«Готы ныне — народ, затерявшийся в туманах истории, и раскрытие их тайнств — серьёзный вызов, к которому нельзя отнестись легкомысленно»

Эдред Торссон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прах мудрецов — уныл, мой юный друг.
Развеена их жизнь, мой юный друг.
«Но нам звучат их гордые уроки!»
А это — ветер слов, мой юный друг.

Омар Хайям

Помнится, мой добрый друг еще со школьных времён Александр Рубенович Шавердян как-то сказал: «Наше настоящее в плену у прошлого, как наше будущее — в плену у настоящего». Эта «максима сентенция», как сказали бы древние римляне, вспоминается мне всякий раз, когда я, сидя за своим «письменным столом» (в действительности же — компьютерным рабочим местом), погружаюсь, волею судеб, в наше общее прошлое. Пытаясь извлечь из него уроки для нашего общего настоящего и будущего. Как для себя, так и для уважаемых читателей.

При работе над своей предыдущей книгой, посвящённой поискам следов гуннского народа между современными реками Доном, Дунаем и Марной (известными в античную эпоху под совсем иными, хотя, возможно, звучащими с определённой степенью схожести

названиями — Танаис, Дануб и Матрона, или Матерна), автор настоящих строк, в очередной раз, как бы переживал наяву далёкое прошлое. В моих ушах пугающе отчетливо звучали яростные боевые кличи, лязг оружия, свист стрел, военные команды, крики торжества и боли, конский топот эпохального сражения на Каталаунских равнинах, под нынешним французским городом Шалон-на-Марне, в 451 г. после Рождества Христова. Там, где многие тысячи, если не десятки тысяч павших в той «битве народов» спят, по сей день, вечным сном на полях провинции Шампань, засеянных сахарной свеклой. Когда тема по-настоящему захватывает автора, он забывает обо всём и как бы переносится в мир, который пытается воскресить из небытия. Этот мир становится для него второй (если не первой) реальностью. Ни днём, ни ночью я не знал покоя. В моих видениях и снах гунны под предводительством свирепого Аттилы представлялись мне так явственно, будто я видел их на экране кинозала, телевизора или компьютера. А вот гуннские союзники-германцы — остготы («восточные готы»), франки и гепиды —, ускользя почему-то от моего мысленного взора, казались мне скорей бесплотными и молчаливыми тенями. Так же, как и римские союзники-германцы — вестготы («западные готы»), другие франки и бургунды, спасшие от гуннов Римскую державу, слышную на протяжении тысячелетия оплотом и венцом всего, созданного волею и силой человека.

Между тем, на самом деле яркая, зловещая, кровавая звезда Аттилы, прежде чем, словно «кристалл багряный, раздробиться в небе» (используя образ из стихотворения Эмиля Верхарна «Полководец»), лишь несколько лет озаряла собственные исторические судьбы готов. В начале и в конце V века от Рождества Христова, кульминацией которого стала «битва народов» под Каталауном во «главе угла» мировой (т.е., по тогдашним понятиям — римской) истории стояли не гунны, а готы. Рискавя впасть в некоторое преувеличение, можно даже сказать, что незабвенный гуннский «Батюшка-царь», прозванный римлянами «Флагеллум Деи», а готами — «Годегизель» (и то, и другое значит по-русски «Бич Божий»), ухитрившийся сравить восточных готов с западными, был лишь героем интермедии, разыгранной между уходом с исторической арены царя вестготов Алариха, взявшего «Вечный Город» — Первый (Ветхий, или, говоря церковным языком, Старейший) Рим на Тибре, и выходом на нее царя остготов Теодориха — «регенератора» Западной Римской империи. Впрочем, готы

и до гуннского нашествия, в III—IV вв. «представляли собой весьма активную историческую силу на северо-восточных рубежах Римской империи. Событиями, связанными с их деятельностью, буквально заполнен весь период поздней античности. Именно готы выступали в тогдашних источниках основным элементом в сложной цепи, именуемой Великим переселением народов». (Вера Павловна Буданова. «Готы в эпоху Великого переселения народов»).

В своей книге «Таинства готов» Эдред Торссон (Стефан Э. Флауэрс), ссылаясь на «традицию», возводит этноним «гот» к имени самого отдаленного (мифического?) предка готского народа — Гаут(с) а. Указывая, что, по мнению многих, эпоним был спроецирован на миф, исследователь приводит кажущееся ему наиболее вероятным значение слова «гаут(с)» — «отец». В языке отдаленных родственников готов — исландцев — «Гаут(р)» является одним из прозвищ бога Одина (соответствующего В(у)отану (Водену, Водану, Воданазу) материковых германцев). В древнеисландском руническом стихотворении об асе (боге) Одине сказано:

Ass er aldin-gautr (Асс эр алдин гаутр), т.е. «Ас (Бог) есть древний отец».

При этом Гаут(с) «не обязательно идентичен Воданазу, потому что это имя означает только «отец», а в этимологическом смысле — «тот, кто изливает из себя», т.е. «исток, к которому восходят поколения отпрысков» («Таинства готов»).

В англосаксонской героической поэме «Беовульф» упоминается северное племя геатов (по-древненорвежски: «гаутар»), чей этноним, возможно, восходит к тому же истоку, что и этноним «готы».

Александрийский географ и астроном, создатель геоцентрической картины мира Клавдий Птолемей (годы жизни: 100–170 п.Р.Х.) упоминает в своей фундаментальной «Географии» (написанной между 150 и 170 гг.) в числе скандинавских народов гаутов (греч. гаутой), надежно подтверждая этим, по мнению Максима Жиха и др., скандинавское происхождение континентальных готов.

«В описании Скандинавии в "Гетике" (историческом труде готского, или, точнее, готоаланского историка на восточноримской службе Иордана, о котором ещё пойдет речь далее — В.А.) упоминаются и некие гаутиготы/Gautigoth <...> вероятно, тождественные гаутам <...>, которые <...> очевидно являются родственниками "континентальных" готов» (Максим Жих).

«Более того, весьма вероятно, что одной из ветвей готов (само-название ёт) является племя ютов, так что, во-первых, к исходному готскому варианту следует отнести полуостров Ютландию («страну ютов»=ётов=гётов=готов — В.А.), а во-вторых, готскую компоненту следует признать не только у шведов, но и у датчан, а, значит, и норвежцев» (В.Б. Егоров. «Русь и снова Русь»).

В то же время этноним «г(у)от» явно сближается по значению со словом «Бог» (нем. «Готт», англ. «год» и т.д.). И со словом «добро» — как в значении «благо» (нем. «Гут»), так и в значении «имущество» (нем. «гут»). Не случайно и по-русски слово «добро» (в значении «имущество») является синонимом слова «богатство» (также связанного с понятием «бог»).

Обо всем этом будет подробнее сказано далее...

Оговоримся заранее, что будем придерживаться традиционной версии о северном, нордическом, скандинавском происхождении готов, хотя она отвергается или, по меньшей мере, ставится под вопрос многими авторами (например, Иваном Анатольевичем Анфертьевым и другими). Как правило, указывающими, в обосновании своей точки зрения, прежде всего, на малонаселенность Скандинавии в древние времена и оспаривающими, на этом основании, свойственные еще древним представлениям о ней как о «кузнице народов», «мастерской народов» или «лоне, рождающем народы». Мы не намерены вступать с ними в полемику, ибо не это является целью нашего повествования.

Идя по следам готов, автору настоящей книги поначалу пришлось мысленно блуждать по туманному Северу, «Вечному Норду», внушавшему непреодолимое отвращение еще Мефистофелю из II части «Фауста» моего тезки Вольфганга Гёте. Надо сказать, что с гётевских времен этот суровый Север не стал щедрее к археологам. Раскопки предыдущих столетий обогатили историческую науку лишь сравнительно немногочисленными находками древних заколок-фибул, наконечников копий и тому подобного. Но современные методы полевых археологических исследований позволили ученым сделать важные выводы о жизни и развитии древних народов в этой молчаливой и сумрачной зоне. Правда, даже археологи первой половины XXI в. п. Р.Х. во всеоружии самых продвинутых и прогрессивных методов не в силах вызвать из небытия на территории нынешних Скандинавии, Польши, Северной Германии, Прибалтики руины храмов и дворцов. Но оскудение важных археологических находок в столь

щедрой на них еще совсем недавно, но перекопанной вдоль и поперек Передней Азии заметно оживило интерес к предыстории Северной и Центральной Европы. А также обмен результатами исследований и их обсуждение научной общественностью. Конечно, археология заметно изменилась со времен Генриха Шлимана, Леонарда Вулли, Артура Эванса и множества других, посвятивших своим и чужим изысканиям очень и не очень толстые книги. Находки вроде идолов богов давно забытых культов или солнечных колесниц, «кладов Приама» или «скифского золота» стали большой редкостью, а во многих районах вообще не встречаются, как глубоко ни копай. Зато главным предметом исследований стали не столько боги и цари древних народов, а сами эти древние народы. Как они жили, чем питались, что выращивали на своих полях, что за корм давали своему скоту, на каких зверей охотились, что за рыбу ловили, как разрастались и почему приходили в упадок их поселения.

Да и что за интерес живописать остатки чудом сохранившихся до наших дней убогих глинобитных хижин или т.н. «культурный слой» — доисторические кучи мусора, копившегося тысячами лет и привлекательного лишь для археологов! Да и непросто их описывать — в отсутствие живых людей, без исторического фона, или, говоря «по-новорусски», без «бэкграунда»...

И все-таки нам придется начать именно с них, ибо лишь в этой области изучения первобытной и ранней истории готов и других германских народностей были сделаны достойные упоминания находки, проливающие свет на их генезис. Ведь весь фонд античных свидетельств и исторических источников, римских и греческих авторов, давно изучен маститыми учеными, еще сто лет тому назад в восторге упоенно воспевавшими германцев времени Великого переселения народов. С того момента, когда солнце античной историографии впервые озарило готов, появившихся на дальних подступах к границам римской Экумены (греческой Ойкумены, т.е. обитаемого, в смысле — «цивилизованного» мира), на Агалинге (так германцы в древности именовали реку Днестр) и на Евксинском понте (современном Черном море), сведения древних источников о них становятся все более подробными. Однако эти источники были известны еще нашим отцам, дедам, прадедам и так далее. Поэтому автор настоящей книги решил не ограничиваться ими, а, с учетом этих сохранных нам античными и раннесредневековыми историками фактов и наря-

ду с ними, сообщить читателю и о том, что нам известно о готах с современной точки зрения.

При написании своей предыдущей книги о неукротимых и неутомимых гуннах, о которых нам известно, в общем-то, не так уж много достоверного, автору пришлось изрядно попотеть, заполняя многочисленные пробелы в их истории, незаполненные историками прежних лет, десятилетий и веков. При работе же над настоящей книгой, посвященной «заклятым друзьям» гуннов — готам, мне пришлось столкнуться с противоположной проблемой. А именно: как в доступной и занимательной форме изложить историю готского народа широкому кругу читателей, не перегружая его органы восприятия информации чрезмерным избытием фактов. Сведений, многие из которых важны и интересны лишь специалистам. Вынужденно обходя молчанием те или иные моменты готской истории (долгой, переменчивой и извилистой, словно полет летучей мыши), я утешал себя тем, что ныне наши россияне и другие русскоязычные читатели могут свободно путешествовать по всему миру. И те из них, что не успеют дочитать мою книжку до отпуска и, заинтересовавшись «готской темой», действительно решат отправиться по следам древних готов, смогут использовать для своих поисков отпускное время. И таким образом самим пополнить запас своих знаний о готах. Следы готов они без труда найдут на солнечной Адриатике, где их, во всем величии своей древней красоты, ждет столица остготов — Равенна. А если их больше интересуют вестготы, то советую им провести отпуск в солнечной Испании. Запасись дорожной картой, взять напрокат машину — и поехать по стране, чтоб насладиться видом маленьких вестготских каменных церквушек, затерявшихся на хранящих первозданное молчание равнинах, как в свое время — автор этих строк.

А пока — в путь, уважаемый читатель!

I. В НАЧАЛЕ ДОЛГОГО ПУТИ

«Готы, как появились из тумана веков,
так в нем же, кажется, и исчезли».

(Стефан Флауэрс)

ВСЕГО ТРИ КОРАБЛЯ?

Мне почему-то думается, что дело было раннею весной. Лет этак две тысячи «с гаком» тому назад. В начале апреля Янтарное море, вероятно, уже не было сковано льдом. И в то же время подошли к концу запасы корма для домашнего скота. После долгой скандинавской зимы в области обитания готов (нынешнем Гёталанде-Готаланде, буквально — «Готской земле», на юге современной Швеции) царил беспросветная нужда. То, что обсуждалось членами отдельных родов долгими зимними вечерами, стало неизбежным. Части готского народа предстояло сняться с насиженных мест и отправиться на поиски новых земель, чтобы там поселиться.

Существует древнее сказание о том, как это делалось. Ему, конечно, можно верить или нет. Но оно представляется нам достаточно достоверным и убедительным. Именно в силу своей суровой, неприкрашенной простоты. По этой легенде, народ в подобных случаях разделялся на три большие группы, включавшие каждая в примерно равном количестве молодых и старых, богатых и бедных, земледельцев и скотоводов. А потом жеребьевкой решалось, какой из этих трех одинаково сильных и состоятельных групп надлежит покинуть родную землю. Чтобы своим уходом дать возможность выжить остальным.

Когда обитателям Гёталанда (подобно многим другим народам между Тихим и Атлантическим океанами — например, древним грекам и римлянам, аналогичным путем основывавшим новые колонии для избыточного населения) пришлось тянуть жребий, Европа давно уже не была малонаселенной частью света. По которой когда-то бродила всего пара тысяч охотников на многочисленные стада мамонтов. Находя убежища в пещерах. Покрывая стены этих пещер

разноцветными изображениями животных. Конечно, численность тогдашнего населения территорий, занимаемых сегодня Швецией и другими странами, прилегающими к Балтийскому морю, была далека от современной. Но в те далекие времена человеку требовалось гораздо больше места, чем сегодня. Тогда человек поддерживал свое существование тремя способами. Либо полеводством, которым занимался преимущественно на пригодных для обработки земли свободных пространствах, чтобы не тратить слишком много времени и сил на рубку и корчевку леса (дело весьма долгое и трудоемкое). Либо животноводством, для занятия которым требовались обширные пастбища. Или же полеводством в сочетании с животноводством. В последнем случае земли, само собой, требовалось еще больше.

При столь экстенсивном и неэкономном, с точки зрения использования земельных угодий, образе жизни, земли должно было постоянно не хватать. Особенно с учетом подтвержденной многими источниками привычки северных германцев предпочитать захват новых земель рубке и корчевке лесов с целью превращения земли в пашни для растениеводства и луга для скотоводства. Эти «норманны» («северные люди»), как их стали называть впоследствии жертвы их набегов и миграций, старались по возможности щадить свои леса, немалая часть которых сохранилась и доныне. И охотнее брались за мечи, чтобы завоевать себе новые земли под пашни, поселения и пастбища.

Однако, прежде чем начать сражаться, готам предстояло сесть на корабли и переплыть Янтарное море. Это звучит фантастичнее, чем было на самом деле. Потому что число переселенцев вряд ли было слишком большим. В готском сказании о переселении с «острова Скандза» (Скандинавского полуострова), донесенном до нас античными историками, речь идет всего о ТРЕХ кораблях. «ТРИ» — любимое, сакральное, число сказаний и легенд. Так что на самом деле кораблей у готов, несомненно, было больше. В отличие от генуэзца Христофора Колумба, отплывшего в 1492 г. из средневековой Испании (основанной фактически вестготами и свято почитавшей память своих готских основателей) пролагать морской путь в Индию (и открывшего «попутно» Новый Свет) действительно всего лишь на трех кораблях. Возможно, за легендарными «тремя кораблями» готских мигрантов скрываются три флота, или три флотилии. А может быть, один флот, совершивший три рейса, пока не перевез всех переселенцев. Впрочем, это не так уж и важно.

Важно другое. Была ли в то далекое время у «северных варваров» историческая и техническая возможность совершить подобное вторжение? Ведь переправа целого народа (пусть и не слишком многочисленного, с современной точки зрения) через Янтарное море была именно вторжением.

Ответ один. Все говорит в пользу возможности, осуществимости такого предприятия. Древнегреческий мореплаватель Пифей из средиземноморского порта Массалии (Массилии, нынешнего Марселя) за триста лет до описываемых нами событий вышел из устья Гарумны (нынешней Гаронны), в месте ее слияния с Дуунной (нынешней Дордонью) и обогнул Оловянные (Британские) острова. В далеких каледонских (или, говоря по-нашему, шотландских) гаванях потомок Одиссея выведал у местных мореходов сведения об оживленном морском сообщении между Британией и Скандзой. Моряки указали греку путь, предупредили об опасностях. Предупрежден — значит, вооружен. Пифею — в IV в. до Р.Х. удалось доплыть до Туле (Тиле, Фуле, Филе, Тулы, Фулы — крайней северной точки обитаемого мира, то ли Оркнейских, Шетландских или Гебридских островов, то ли Норвегии, то ли Исландии, то ли даже Гренландии). Соответствующие сведения дошли до нас в сохранившихся отрывках бесценного Пифеева «перипла» — описания плавания на край света — содержащего данные о жизни в Западной Скандинавии, о полярной ночи, приливах, отливах и многом другом.

Следовательно, мореплавание в этих широтах было распространено задолго до Великого переселения народов. На территории нынешней Швеции сохранились подобию древних ладей, выложенные из необтесанных камней. Мореходное искусство скандинавских народов уже в давние времена стояло на таком высоком уровне, что перспектива переплыть Янтарное море их нисколько не страшила. Ведь они были привычны к плаванию по гораздо более опасному и суровому Северному морю (или «Дышащему океану», если выражаться языком массалийца Пифея). Да и корабельного леса было сколько угодно. Поэтому то, что писал упомянутый выше историк готтоаланского происхождения Иордан (Иорнанд), служивший нотариумом (секретарем) у (восточно)римского военачальника в ранге военного магистра Гунтигиса Базы (отпрыска царского готского рода Амалов), и, соответственно, хорошо знавший родовые предания Амалов, в своем труде «О происхождении и деяниях гетов», сокращенно именуемом

«Гетика», запечатлевший на тысячелетия начало перелома в судьбах всего античного мира, несомненно, следует рассматривать как нечто большее, чем просто древнюю легенду:

«...на просторах северного океана расположен большой остров по имени Скандза, подобный лимонному листу, с изогнутыми краями, вытянутый в длину и закругляющийся. О нем же сообщает и Помпоний Мела, говоря, что Скандза расположена в Коданском заливе моря и что берега ее омывает океан. Скандза лежит против реки Вистулы (нынешней Вислы — В.А.), которая, родившись в Сарматских горах (Карпатах — В.А.), впадает в северный океан тремя рукавами в виду Скандзы, разграничивая Германию и Скифию. Скандза имеет с востока обширнейшее, углубленное в земной круг озеро, откуда река Вагн, волнуясь, извергается, как некое порождение чрева, в океан. С запада Скандза окружена огромным морем, с севера же охватывается недоступным для плавания широчайшим океаном...».

То, что «Скандза», т.е. Скандинавия (у некоторых авторов — «Скатинавия», «Скандзия» или «Скандия») воспринималась людьми античного мира в качестве острова, не должно нас удивлять. Сильно вытянутый Скандинавский полуостров примыкает к европейскому материку лишь на относительно узком участке между Ботническим заливом и заполярной норвежской областью Финнмарк. Поскольку же Ботнический залив стал судоходным не ранее 900 г. п. Р.Х., античные географы считали полуостров Скандзу островом. Однако Иордан совершенно правильно описывает Каттегат, как омывающий «прилегающую к океану» сторону нынешней Южной Швеции. Он также верно указывает на существование на «Скандзе» большого внутреннего озера, практически делящего современную Швецию пополам между городами Стокгольмом и Гётеборгом («Готским замком»), лежащим в устье реки Гёта-Эльв (Гота-Альв, «Готской реки»). После нескольких типичных для античных географов замечаний о волках, лишающихся от мороза зрения на льду замерзающего Янтарного моря, и о суровой скандинавской зиме, жестокой не только для людей, но даже для диких зверей, готский историк продолжает:

«С этого самого острова Скандзы, как бы из мастерской, [изготавливающей] племена, или, вернее, как бы из утробы, [порождающей] племена, по преданию вышли некогда готы с королем своим по имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей, они ступили на землю, как

сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза (Gutisk andja, т.е. «Готский берег» — В.А.).

Вскоре они продвинулись оттуда на места ульмеругов («островных ругов», от «хольм», holm/holmr=«остров»; по мнению ряда авторов, германцы-руги в те давние времена занимали остров в Балтийском море, названный в память о них Руга-Рюген, и переименованный пришедшими туда впоследствии славянами в Руян — «остров Буян» позднейших легенд, сказаний и былин — В.А.), которые сидели тогда по берегам океана; там они расположились лагерем, и, сразившись [с ульмеругами], вытеснили их с их собственных поселений (согласно гипотезе Всеволода Игоревича Меркулова, готы на своем пути проследовали через остров Ругу-Рюген и прилегающие к нему земли; да и на карте готской миграции, составленной Марком Борисовичем Щукиным на основе археологических данных, путь готов также пролегает мимо Руги — именно близ этого острова, по мнению ученого, подчеркивает Максим Жих в своем исследовании «Славяне и готы на Волини и в Верхнем Поднестровье. Проблема локализации земли Oium и "племени" (gens) Spali», высадились на материковый берег первые готские мигранты из Скандинавии, представленные т.н. густовской группой памятников — наиболее ранней из идентифицируемых с материковыми готами). Тогда же они подчинили их соседей вандалов, присоединив и их к своим победам. Когда там выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимер, сын Гадарига, то он постановил, чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда (по смыслу текста, через море — В.А.)».

В этом месте нам представляется необходимым сделать следующее замечание.

Традиционно германских и других «варварских» (например, гуннских) царей времен Великого переселения народов именуют по-русски «королями». Нам это представляется неверным. И вот почему. Слово «король» («кароль», «краль», «круль»), как титул верховного правителя (аналогичный германским словам «кунинг», «конунг», «конге», «кёниг», «кинг») вошло в славянские языки (и в венгерский — в форме «кираль») не ранее IX в. п. Р.Х. Как производное от германского имени «Карл». Карлом звали царя германского племени франков, коронованного в 800 г. в италийском «Вечном Городе» Риме на берегах Тибра папой (епископом) римским

венцом (западного) римского (а не «франкского» или «германского») императора и вошедшего в историю как Карл Великий. Само древнегерманское имя «Карл» происходит от слова «карл» («керл»), означающего «муж(чина)». Изначально оно пришло из древненорвежского (скандинавского) языка («нуррён»), в котором «карл» означало «свободный человек», в отличие от «ярла» — аристократа, представителя родоплеменной знати, и «трелла» («дрелла») — раба. Поэтому мы в дальнейшем будем именовать в нашей книге «варварских» правителей, живших до Карла Великого, не «королями», а царями (за исключением цитируемых источников, переведенных на русский язык не нами). Но это так, к слову. «Мы же на прежнее возвратимся» (выражаясь языком средневековых русских летописцев).

Предприятие готского царя Филимера было чем-то явно новым для высоко развитой римской Европы. Народы, населявшие берега Средиземного моря (именуемого римлянами Внутренним или просто «нашим морем», по-латыни — «маре нострум»), давно забыв тягу своих далеких предков к дальним странствиям, ко времени готского «прыжка» через Балтику уже давно оседло жили в городах, занимались земледелием. На протяжении столетий они существовали в рамках прочно устоявшихся государственных форм. Привычно обращая свои взоры лишь на «вечный» Рим, только от него ожидали они добра или зла. Янтарное море тоже можно назвать «средиземным». Но там все происходило не «цивилизованно», не в духе порядков высокоразвитой Римской империи, а все еще очень «по-варварски». Народы переселялись, куда хотели. Оседали, где им нравилось. Расчищали себе жизненное пространство силой меча, копья, ножа (а иногда — простой дубины). Более слабый, поневоле, уступал место более сильному. Даже цари (или, точнее говоря, царьки) нисколько не догадывались о том, что готовят изменение судеб не только своего, но и множества других народов. Что сражаются за земли, за которые другие народы будут сражаться после них, на протяжении двухсот веков. Что они поселяются в устье Вистулы (в «Гетике» Иордана — Висклы), реки, где через два тысячелетия разразится величайшая из войн в истории человечества. Всех их, селившихся там друг рядом с другом в те давние годы, занимали гораздо более скромные, приземленные мысли. Они думали о гораздо более простых вещах. О пище и о жизненном пространстве для людей и для скота.

В труде «Размышления о французской революции» англо-ирландского консервативного мыслителя Эдмунда Бёрка содержится следующая сентенция: «Чтобы мы любили свою страну, она должна обладать чем-то, за что ее возможно любить» (другой вариант перевода: «она должна быть милой нашему сердцу»). Вероятно, в пору седой готской древности «скатинавскую» родину готов любить было особенно не за что. Не была она «милой готскому сердцу» — и все тут. Не могли готы отнести к себе пословицу: «Где родились, там и пригодились»...

О том далеком времени до нас не дошло ни одного готского сказания, ни одной героической песни, сложенной в честь переправы готов через море. Или в честь обретения ими новой родины. В отличие, скажем, от подробных, содержательных саг, сложенных тысячу лет спустя о заселении другими северными германцами Исландии (возможно, Туле, до которой доплыл массалиец Пифей) и сохранившихся до наших дней. Видно, не достигли еще древние германцы уровня своих исландских потомков. А если и достигли, то... уж слишком беспокоен и подвижен был окружающий их мир. Так что ни у кого из готов не было ни времени, ни сил вырезать рунами на дереве или, тем более, на камне, длинные песни и сказания.

Так что остается нам, дав волю фантазии, самим попытаться представить себе, как целая треть готского народа переплывала Янтарное море (именуемое у Иордана также Германским). Вероятнее всего, никто из готов не думал, что плывет «на авось», «в никуда», или «куда глаза глядят». Торговцы — вечные первопроходцы и «разведчики земель» у всех народов — несомненно, и до готского переселения курсировали между устьем Вистулы-Вислы и Скандзой. Ведь река Вистула традиционно была торговой артерией между Евксинским понтом и восточным Средиземноморьем, на юге, и землями, прилегающими к Янтарному морю, на севере. Устья рек, особенно столь важные, как дельта Вистулы-Вислы — были с древнейших времен населены гораздо гуще, чем другие части суши. Ибо торговля давала куда больше возможностей. И обеспечивала куда лучшие условия жизни и заработка. Да и рыболовство было в то время не слишком трудным и весьма доходным ремеслом. Рыба служила дополнительным питанием и товаром для меновой торговли с жителями поселений, расположенных выше по реке.

Вряд ли готские мигранты ожидали найти дельту Вистулы полностью незаселенной. Скорей наоборот. Переселенцы из Гёталанда

в «Готискандзу» предполагали, что смогут жить там без чрезмерного вложения сил и средств. Без инвестиций (выражаясь современным языком). Без необходимости самим валить и корчевать леса. А потом долго ждать урожая. Нет, это заселение готами первой освоенной ими территории на европейском материке было заранее просчитанным и спланированным захватом. Ибо в «Готискандзе» — стране, чьи житочные обитатели — к примеру, те же упомянутые Иорданом ульмеруги (рути, ругии) или их соседи, давно занимались весьма прибыльным мореходством и торговлей, завоевателям наверняка было чем поживиться. Там готских переселенцев ожидали не убогие селенья бедных пахарей. И не кочевья легких на подъем, подвижных, как песок, номадов, способных быстренько откочевать со своим скарбом на колесах табунами и стадами мелкого и крупного скота подальше от свалившихся им на головы неожиданно пришельцев. А, так сказать, уютное и теплое «гнездо» для готских «кукушат».

Но это «гнездо» очень скоро оказалось им мало. Ибо из-за моря в «Готискандзу» прибывали все новые готы. Ведь до них очень скоро дошли известия об удачном захвате новой земли, завоеванной (как видно, без особого труда — хотя, кто знает?) воинственным передовым отрядом готского народа. Мигранты прибывали с семьями. Заключались все новые браки. В условиях наступившего в «Готискандзе» мира и обретенного изобилия готский народ стал плодиться и размножаться.

Свидетельства более поздних, лучше известных ученым времен, говорят, что подобный, вообще-то достаточно типичный, процесс, занимает, при наличии определенных обстоятельств и условий, относительно немного времени. Передовой отряд потомков (хоть и отдаленных) готов Филимера — викингов-норманнов, более поздних выходцев из «Скандзы», поселившихся в западной части королевства франков (получившей в честь них название Нормандии), насчитывал на первых порах всего пару сотен мигрантов. Очень скоро они стали получать подкрепления из Скандинавии. Всего через несколько лет «северные люди» во франкских владениях стали настолько многочисленными, что смогли перейти к все более глубоким рейдам и обширным завоеваниям в центральных областях Франкской державы. Аналогичным образом обстояло дело с норманнскими вооруженными мигрантами в южной Италии и на Руси. Да и с арабами, принявшими в VII в. ислам. Молниеносно переправившись через Геракловы

столпы (получившие, в честь арабского полководца Тарика ибн Зияда название Джебель аль-Тарик, «Горы Тарика», или, по-нашему, по-европейски — Гибралтар), воины ислама быстро покорили южно-испанские области, а вслед за тем — и другие части Испании (разбив ее предыдущих покорителей — вестготов).

По какой же причине готы на протяжении нескольких десятилетий оставались в этих первых покоренных ими прибрежных областях дельты Вистулы? Вероятно, переправа через Янтарное море занимала больше времени, чем переправа через Британский океан или Геркулесовы столбы. К тому же норманны и арабы были, видимо, более воинственными и подвижными, чем готы. Германские переселенцы с «острова Скандзы» готского периода предстают мысленному взору позднейших историков довольно медленно странствующими племенами, не привыкшими еще к образу жизни вооруженных грабителей, как к чему-то само собой разумеющемуся. В отличие от более поздних морских (и сухопутных) разбойников — стремительных арабов и норманнских викингов.

У Иордана и его предшественника Кассиодора, записавших готские сказания, говорится, что в «Готискандзе», на новой родине, обретенной готами на южном побережье Янтарного моря, успели смениться пять готских царей, прежде чем переселенцы со «Скандзы» в «Готискандзу» решились покинуть это насиженное «гнездо» и отправиться дальше. Что может с равным успехом означать: готы прожили в Южной Прибалтике и сорок, и пятьдесят, и восемьдесят и даже сотню лет. Но это — с одной стороны. С другой же стороны, надо учитывать следующее. Готские переселенцы, несомненно, пребывали, на захваченных ими в «Готискандзе» прибрежных плацдармах, в состоянии перманентной войны Теснимые туземцами, стремившимися сбросить незваных гостей в море, из-за которого те приплыли, готские «вооруженные мигранты» нуждались в энергичных и молодых царях (или, точнее говоря, военных предводителях — «войсковых царях», «гееркёнигах»). А значит, готские цари самой силой вещей сменялись довольно часто.

Все это может разочаровать уважаемого читателя. Ибо звучит слишком уж неопределенно и туманно. Особенно если сравнить эти первые сообщения о готах с тем, что нам известно, например, о ранней истории Рима. Итальянского города-государства, разросшегося до размеров «мировой» державы. Все подробности и перипетии

развития которого — в том числе, в период первых десятилетий пребывания готских мигрантов в устье Вистулы — известны нам не только из современных — преимущественно бульварных — романов и повестей. Но и из немалого числа античных литературных памятников. Тщательно фиксируя даже самые мельчайшие события в жизни «потомков Ромула». И все-таки нам очень повезло, что мы знаем о первых шагах готов по европейской «Большой Земле» хотя бы столько, сколько знаем. Ибо вся обширная территория Германии в начале христианской эры представляла собой, с точки зрения «цивилизованных людей», «терра инкогнита». Т.е. «неведомую землю». Землю, недоступную для изучения и описания образованными людьми античного мира, в силу своей непроходимости. Люди греко-римской Экумены давно уже проложили караванные пути через пустыни, и даже горные дороги через Альпы. Но обширные, дремучие леса и болотные трясины казались им по-прежнему непреодолимыми препятствиями. А древняя Центральная Европа была настолько переполнена болотными трясины и дремучими лесами, что мы сегодня просто не можем себе этого представить.

А между тем, нам хорошо известно, что греческий историк и географ римской эпохи Страбон уже вскоре после Рождества Христова, в годы правления принцепса Октавиана Августа оставил на страницах своего труда упоминание о готах. Значит, была на то причина. И этой причиной было наличие, и даже изобилие в балтийской «Готискандзе» уникального по своей ценности товара. Т.н. «солнечного камня». «Электр(он)а» (по-гречески), «электр(ум)а» (по-латыни), или, по-нашему, по-русски — янтаря. Из-за своего золотистого цвета янтарь назывался по-гречески и по-латыни так же, как и сплав золота с серебром. По мнению ряда историков — например, Юргена Шпанута, янтарь упоминается Платоном в диалоге «Критий», повествующем об Атлантиде, под названием «орихалк» («желтая медь»).

Кстати, этому же Страбону мы обязаны приведенным в его «Географии» любопытным пассажем о географе Эратосфене (прекрасно знавшем, между прочим, о шарообразности Земли), свидетельствующим о том, что не все носители античной культуры смотрели на «варваров» свысока: «В конце своей книги Эратосфен критикует тех, кто делит все человечество на две группы — на греков и варваров, а также и тех, кто советовал Александру (Македонскому — В.А.) считать греков друзьями, варваров — врагами; было бы лучше, продол-

жает он, делить людей по хорошим и дурным качествам, ибо есть не только много дурных греков, но и много образованных варваров — например, индусы и арианы (под «арианами» античный автор подразумевает не христиан-еретиков, в его время еще не существовавших, а иранцев, т.е. в первую очередь персов и мидян-мидийцев — В.А.), кроме того, существуют римляне и карфагеняне с таким удивительным государственным устройством». Увы! — люди столь широких взглядов составляли в то время незначительное меньшинство. И все-таки они были! Но довольно об этом. Вернемся к «солнечному камню» и его добыгчикам.

Украшения и материалы для их изготовления — любимые находки археологов. Они остаются неизменными на протяжении тысячелетий. Нередко изделия древних ювелиров столь миниатюрны, что укрываются от жадных взоров и цепких рук кладоискателей. Как легкий и простой в перевозке товар, их находят вдоль всех древних торговых путей. Можно сказать, что именно украшения ведут нас по Древнему миру, как световые сигналы.

Из янтаря, этой легкой и хорошо поддающейся обработке окаменелой смолы хвойных деревьев, начиная с Каменного века, изготавливали не только подвески, бусы и другие украшения, но и художественно оформленные предметы домашнего обихода. Об этом свидетельствуют археологические находки, причем не только на побережье Балтийского моря, получившего название Янтарного, но встречавшемуся на его побережье в изобилии «солнечному камню». В древности янтарные амулеты и фигуры животных отличались довольно внушительными размерами. Судя по этому, запасы янтаря были тогда еще очень далеки от истощения. До нас дошла чаша для питья диаметром семь с половиной сантиметров, выдолбленная из цельного куска янтаря.

Когда массалиец Пифей, как новый Одиссей, плыл меж Геркуловых столбов, на Крайний Север, т.е. в IV в. до Р.Х., янтарь уже ценился так высоко, что считался священным. Священным почиталось и место наибольшего скопления «электрона» — остров Абал в устье Виадра (нынешнего Одера). Море выносило на берега Абала целые глыбы янтаря. Впоследствии этот остров получил у немцев название Свантевустров (вероятно, искаженное славянское «Святой остров»); в раннем Средневековье на острове жили сменившие готов славяне, поклонявшиеся там богу Свантевиту-Святовиту). В этой местности

был найден крупнейший известный в истории кусок янтаря весом почти десять килограммов. По рекам Видуе и Вистуле издавна пролегли пути в «Страну янтаря». Но только после того, как римляне начали приобретать янтарь в больших количествах, чем греки и другие средиземноморские народы (особенно в императорский период римской истории), наряду с упомянутыми выше «янтарными реками», стали приобретать все большее значение «янтарные пути», проходившие по суше. Главный «янтарный путь» вел из «Готискандзы» и области расселения силингов (которых некоторые считают частью вандалов, другие же — отдельной восточногерманской народностью) на юг, по территории римской провинции Норик, через Виндобону (нынешнюю Вену) или Карнунт. Последний отрезок Янтарного пути проходил по Эмилиевой дороге — главной дороге Северной Италии — и вел в прославленный, богатый город Аквиле(й)ю. Важный стратегический и торговый центр, основанный древними римлянами в 183–181 гг. до Р.Х. на побережье Адриатического моря, чтобы держать в повиновении тамошних венетов (о венетах еще будет сказано далее). Соединительный пункт римских дорог, ведущих в Паннонию, Норик, Далмацию, Истрию. Дорожный узел, именуемый порою (как впоследствии — Венеция) «царицей Адриатики». Из данного, не подлежащего никакому сомнению, исторического факта можно сделать следующий вывод. После непродолжительного периода упадка торговли янтарем (вызванного, возможно, уничтожением римлянами контролировавших «янтарный бизнес» древних этрусских торговых династий, в ходе римско-этрусских войн) торговля «солнечным камнем» пережила новый взлет. Ибо спрос, как всегда, определял предложение. В императорский период римской истории янтарь пользовался все большей популярностью. Этот рост популярности «электрона» — дорогостоящего, но тем более желанного «солнечного камня» привел к его широкому распространению не только в самой Италии, сердце Римской «мировой» империи, но и в завоеванных римлянами землях (провинциях). Как среди представителей древней родовой знати, разорвавшихся, но не желавших соразмерять свои доходы с расходами. Так и среди тщеславных «нуворишей». «Новых римлян» (выражаясь современным языком), или «новых людей» («гоминес нови», как их именовали сами римляне). Выбивавшихся «из грязи в князи» хундордных «скоробогачей». Сплошь и рядом — вчерашних рабов. Вольноотпущенников-либертинов, выкупившихся

на свободу у своих разорившихся хозяев — выродившихся потомков аристократических фамилий. Но, несмотря на свое «низкое» происхождение, не желавших ни в чем уступать своим прежним господам. Потомкам бессмертных богов, или, по меньшей мере — Энея и других легендарных троянских героев (к которым возводили свое происхождение преисполненные фамильной спеси отпрыски древних патрицианских римских родов, не представлявшие себе жизни без привычной роскоши). Широчайшее распространение «электра» по всей территории Римской державы подтверждается многочисленными находками ювелирных украшений и других изделий из «солнечного камня», доставляемого (по тогдашним понятиям), с самого края света. Наибольший «урожай» произведений ювелирного (и не только ювелирного) искусства, изготовленных из янтаря, дали раскопки Аквилеи. Древнего, гордого своим богатством торгового города, являвшегося южной конечной точкой протяженного сухопутного торгового пути, начинавшегося на южном побережье Янтарного моря, в «варварских» землях готов, герулов и вандалов.

Наряду с янтарем, основными товарами, вывозимыми в Римскую «мировую» державу из «варварской» Германии, были пчелиный мед, воск, меха, кожи, рабы, а также...белокурые косы германских женщин и девушек для париков богатых римских модниц (к описываемому времени — преимущественно брюнеток). Среди высших сословий древнеримской державы царил форменный культ «нордической» внешности...

Во время своего многотрудного плавания на Север около 140 г. до Р.Х. массалиец Пифей еще не встречал на побережье Янтарного моря готов. Вместо готов в будущей «Готискандзе» жил германский народ лугов (лугиев, лигиев, луйев, лугийцев, лигийцев), ассоциируемых большинством археологов с носителями пшеворской культуры и соотносимых рядом современных историков с вандалами. Лишь римский ученый-энциклопедист (или, как сказали бы древние греки, «полигистор») I в. п. Р.Х. Гай Плиний Секунд (Плиний Старший) заменил эти устаревшие географические данные актуальными, приводя в своей «Естественной истории» этноним новых обитателей Янтарного берега — гут(т)онов (т.е. готов). Римский историк I–II вв. п.Р.Х. Публий (Гай?) Корнелий Тацит, автор фундаментального труда «О происхождении, расположении, нравах и населении Германии» (сокращенно — «Германия»), именовал их готонами:

«За лугиями живут готоны, которыми правят цари, и уже несколько жестче, чем у других народов Германии, однако еще не вполне самовластно. Далее, у самого Океана, — ругии и лемовии; отличительная особенность всех этих племен — круглые щиты, короткие мечи и покорность царям».

Из данного отрывка «Германии» Тацита можно заключить, что готы не истребили лугиев, а лишь оттеснили их вглубь материка, на юг (впоследствии ассимилировав лугиев, по мнению ряда современных авторов). Известный нам из готского сказания факт исхода готов с территории нынешней Южной Швеции и захват ими земель в устье Вистулы был осуществлен под руководством царей, также подтверждается Корнелием Тацитом. В другом его известном сочинении — «Анналах» — изложение римского историка становится подробнее, он даже приводит имя одного из готских предводителей:

«Был между готонами знатный молодой человек по имени Катувальда, в свое время бежавший от чинимых Марободом (царем маркоманов и других народностей — членов германского племенного союза свебов, или свевов, предков современных швабов, завладевших Бойгемом, или Богемией — нынешней Чехией —, неоднократно воевавшим с римлянами — В.А.) насилый и, когда тот оказался в бедственных обстоятельствах, решившийся ему отомстить. С сильным отрядом он вторгается в пределы маркоманов и, соблазнив подкупом их вождей, вступает с ними в союз, после чего врывается в столицу царя и расположенное близ нее укрепление. Тут были обнаружены захваченная свебами в давние времена добыча, а также маркитанты и купцы из наших (римских — В.А.) провинций, которых — каждого из своего края — занесли во вражескую страну свобода торговли, жажда наживы и, наконец, забвение родины <...> Для Маробода, всеми покинутого, не было другого прибежища, кроме милосердия Цезаря. Переправившись через Дунай там, где он протекает вдоль провинции Норик, он написал Тиберию (римскому принцепсу Тиберию Юлию Цезарю Августу, пасынку императора Октавиана Августа — В.А.) <...> И Маробода поселили в Равенне <...> Сходной оказалась и судьба Катувальды, и убежище он искал там же, где Маробод. Изгнанный позже силами гермундулов (древнегерманского племени, родственного свебам и проживавшего на территории современной немецкой федеральной земли Тюрингия — В.А.), во главе которых стоял Вибиллий, и принятый римлянами, он был отправлен в Форум Юлия, город в Нарбоннской Галлии...».

Данное сообщение Тацита также представляется нам весьма интересным. Из него явствует, что европейская трансконтинентальная торговля продолжала процветать, несмотря на военные действия. Мало того! Несмотря на затяжную войну, в которую Марбод (в других источниках — Марбод), отсиживавшийся в своей созданной самой природой, окруженной горами бойгемской естественной крепости, вовлек римлян, основные торговые пути между Средиземным и Янтарным морями оставались, как и прежде, оживленными. Римские купцы стали «своими людьми» среди населявших южную Прибалтику германцев. Не только не угрожавших жизни римских выходцев, но и не чинивших регулярно посещавшим «Готискандзу» римлянам никаких препятствий в бизнесе (выражаясь по-современному). Очевидно, готские переселенцы из Скандии пришли в самый центр области, где издавна процветала интенсивная международная торговля. Нам думается, это было не случайно. В боях с местными уроженцами готы силой копья и меча завоевали себе жизненное пространство в дельте Вистулы, как области высокого, в сравнении со скудной «Скандзой», благосостояния и уровня жизни. И теперь занялись его обороной. Ибо на просторах древней Европы центров оживленного товарообмена, подобно «Готискандзе», открывавших перед теми, кто их контролировал, все новые возможности обогащения, было все еще очень немного.

Почему готы мигрировали именно в такую область, а не в какую-либо живописную и тихую лесную зону, нам становится ясно из краткого сообщения об их появлении в земле лугиев. А также из того факта, что почти все античные географы обозначают готов осень схожими этнонимами, указывающими на их принадлежность к одной и той же германской народности. Независимо от различий в написании этих этнонимов. С учетом путаницы названий, царящей в античной географии, да и в географии вообще, данное обстоятельство представляется далеко не случайным совпадением. Частичное объяснение ему мы находим в «Естественной истории» Плиния Старшего:

«Ныне вполне установлено, что янтарь ввозят с определенного участка прибрежной полосы Германии, отстоящего почти на шестьсот миль от паннонского Карнунта (в районе нынешнего Петронеллы в Австрии на полпути из Вены в Братиславу — В.А.). Еще жив римский всадник, которого Юлиан, надсмотрщик над играми гладиаторов при императоре Нероне, посылал для изучения [пути, по которому ввозят

янтарь]. Этот Юлиан изучил все пути торговли (commercía) янтарем и все побережье, откуда он происходит, и привез такое его множество, что янтарными привесками стали украшать сети, с помощью которых загоняли зверей на подиум...». А в другом переводе: «... привез такое огромное количество янтаря, что сетки, защищающие балкон от диких зверей, скреплены были янтарем, а вся арена и носилки для убитых гладиаторов и все прочее снаряжение, необходимое для игр, были сделаны из янтаря, чтобы создать разнообразие в самой пышности каждого отдельного дня этих игр».

Ничего себе уровень жизни, наверняка подумает всякий, прочитавший эти строки! Но одновременно и: ничего себе уровень государственного расточительства! Вот на что шли средства, высасываемые из подданных «мировой» державы жадными щупальцами имперского фиска! Но это так, к слову...

Вес самого большого куска из числа привезенных Юлианом достигал, если верить Плинию Старшему, тринадцать фунтов. Уже цитировавшийся нами Тацит в «Германии» рассказывает о приобретаемом римлянами у германцев необработанном янтаре: «...нетрудно понять, что это — древесный сок, потому что в янтаре очень часто просвечивают некоторые ползающие по земле или крылатые существа; завязнув в жидкости, они впоследствии оказались заключенными в ней, превратившейся в твердое вещество». А в эпиграмме римского поэта Марка Валерия Марциала говорится о муравье: «...капнул янтарь и обвил тонкое тельце его. Так, при жизни своей презираемый всеми недавно, / Собственной смерти ценой стал драгоценностью он». Но дело не в этом. А в том, что готские мигранты получили в свои руки «золотую жилу» (хоть и была она в действительности не золотой, а янтарной, но уж так говорится)...

В «Естественной истории» Плиний Секунд, со ссылкой на Пифея, сообщает о гут(т)онах, бродящих по Балтийскому побережью, собирающих янтарь и продающих солнечный камень» тевтонам. Если верить «Германии» Тацита, они «обшаривают и море, и на отмелях единственные из них собирают янтарь, который они называют глезом (это готонское название янтаря — glesum — явно родственно немецкому названию стекла «глас»=Glas, английскому названию стекла «гласс»=Glass, латинскому названию льда «глаций»=glacies, французскому названию льда «гляс»=glace, да и русскому слову «глаз» — все их объединяет свойство прозрачно-

сти — В. А.). Но вопросом о природе его и как он возникает, они, будучи варварами, не задавались и ничего об этом не знают; ведь он долгое время лежал вместе со всем, что выбрасывает море, пока ему не дала имени страсть к роскоши. У них самих он никак не используется; собирают они его в естественном виде, доставляют нашим купцам таким же необработанным и, к своему изумлению, получают за него цену».

Согласно Плинию, германцы привозили янтарь главным образом в римскую Паннонию (включавшую южную часть нынешней Нижней Австрии и современную Венгрию). Иначе говоря — в район «Янтарного пути», прилегающий к Адриатике. По сведениям римского энциклопедиста, Коданский залив до Кимврского мыса (т.е. до нынешнего мыса Скаген на северной оконечности датского полуострова Ютландия) полон островов, самый знаменитый из которых — Скатинавия, размеры которого еще не изучены:

«Там гигантская гора Сево, не ниже, чем Рипейский (Уральский — В.А.) массив, причем она образует огромный — до самого Кимврского мыса — залив под названием Кодан. Он усеян островами, из них самый известный — Скатинавия. Размеры его не исследованы, а на той части, которая одна только пока изучена, в своих пятистах деревнях живет народ гиллевионов. Они свой остров называют «второй землей» (*alterum orbem terrarum*, буквально — «вторым земным кругом» — В.А.). [Остров] Энингия, как считают, размером не меньше Скатинавии.

Далее благодаря [доходившим до этих мест] римским войскам [нам стали] известны 23 острова. Из них самые значительные (*nobilissimae*): Буркана, его римляне зовут... Глезария за янтарь (вспомним приведенное выше германское название янтаря, заимствованное римлянами — «глез» — В.А.)... А напротив ... в Германском море разбросаны Глезарские [острова], их нынешние греки называли Электридами за то, что на них рождается янтарь (*electrum*)».

В то же время Плиний сообщает и о некоем острове «Скандиас», отличном, по контексту его «Естественной истории», от «Скатинавии». Темна вода во облацех, как говорили наши предки...

Причины этой — конечно, не единственной — дальней экспедиции ясны и понятны.

Причуды и прихоти непредсказуемого принцепса Нерона Клавдия Цезаря Августа Германика вынуждали его окружение постоянно

выдумывать что-нибудь новое, чтобы удовлетворить душевнобольного императора. Получить столько янтаря, чтобы украсить им всю цирковую арену, в установленный Нероном срок, путем торговли тогда было невозможно (а если и возможно, то по непомерно высокой цене). Вот и пришлось знатному римлянину на императорской службе лично, в сопровождении рабов-носильщиков и/или погонщиков вьючных животных, а также, естественно, многочисленной вооруженной охраны, отправиться к Янтарному морю, в страну электроглаза «Готискандзу». Ушлые, дошлые и хитрые купцы предпочитали помалкивать о путях в земли, от торговли с которыми получали доходы. Или распространять о них зловеще-фантастические слухи для отпугивания конкурентов. Но теперь «Глава мира», «Вечный Город» на Тибре благодаря этой счастливой случайности получил, наконец, достоверные сведения «из первых рук», не укрывшиеся и от внимания усердного и любознательного Плиния, привыкшего все тщательно записывать.

Второе античное свидетельство наличия прямых контактов между устьем Вистулы и римской Италией примерно на полтысячелетия младше, т.е. ближе к нам по временной оси (Теодор Моммзен датирует его периодом 523–525 г. п. Р.Х.). Этот документ также касается торговли янтарем, что вообще-то удивительно. Оказывается, что и в беспокойной, мало изученной по сей день позднеантичной Центральной Европе, сотрясаемой пограничными сражениями и нашествиями «варварских» народов, по-прежнему исправно (и, должно быть, без особых перебоев) функционировал древний сухопутный торговый маршрут — «Янтарный путь» между Прибалтикой и Адриатикой. Даже после того, как его перестала охранять состоявшая из ираноязычных наемных сарматов римская конная стража — Сарматская ала.

Знатный римлянин Кассиодор (полное имя: Флавий Магн Аврелий Кассиодор Сенатор), магистр оффиций (премьер-министр), секретарь тайной канцелярии (канцлер, хранитель печати) готского правителя Италии (удостоенного звания римского консула и сенатора) Флавия Теодориха (Теодериха, Феодориха, Феодорика, от готского Тиудерейкс, Тиудирейкс, Тиодрик, т.е. «царь народа») Великого из рода Амалов, префект претория (глава гражданского управления) Италии и прочая и прочая и прочая, не только был образованным человеком, но и думал (что тогда еще случалось крайне редко) об ученых, которые придут ему на смену. За свою долгую жизнь (490–

583 п. Р.Х.) он доказал свою большую мудрость, между прочим, тем, что завершил весьма активную раннюю фазу своей жизни второй, созерцательной, фазой. В 540 г. Кассиодор уединился в кафелическом (православном) монастыре под названием Виварий, расположенном в южноиталийской области Калабрия. В этом монастыре, основанном им несколькими годами ранее, Кассиодор, не приняв монашеского пострига, посвятил себя научным занятиям. Нам еще не раз придется обращаться к написанной им «Истории готов» (основному источнику труда Иордана и первой истории «варварского» народа, написанной римлянином, именно с целью включить историю готов во всемирный процесс). Но в данном случае речь идет о т.н. «Вариях» - сборнике самых разных документов, включая важнейшие письма, адресованные Кассиодором в основном своему господину и повелителю. В «Вариях» содержится и текст письма царя осевших в римской Италии восточных готов (остготов) Теодориха далеким эстиям — обитателям устья (дельты) реки Вистулы, жившим в конечной точке ведущего по ее течению торгового пути к Янтарному (у Тацита — Свевскому) морю, написанного между 533 и 526 г.

В этом письме царь италийских остготов и одновременно — римский сенатор — Флавий Теодорих, если верить Кассиодору, благодарил эстиев за ценные подарки, присланные в древний венецкий город Равенну к его царскому двору, и среди них — за янтарь, дар моря, сверкающий волшебным блеском, чье происхождение неизвестно. Цитируем:

«Приятно нам знать, что вы услышали о нашей славе и отправили послов, которые пробрались через множество диких народов, чтобы искать нашей дружбы. Мы получили янтарь, который вы послали нам. Вы говорите, что собираете это самое легкое из всех веществ у берегов океана, но как он прибывает туда, вы не знаете. Но, как автор по имени Корнелий (т.е. римский историк Тацит — В.А.) сообщает нам, он собран на самых удалённых островах океана, будучи образован первоначально из сока дерева (откуда его название «сукцидум»), и постепенно укрепляется высокой температурой солнца (т.е. медленно затвердевает на солнце — В.А.). Таким образом, это становится источаемым металлом, с прозрачной мягкостью, иногда краснеющим цветом шафрана, иногда пылающим с подобной пламени яркостью. Затем, скользя вниз к краю моря, и далее очищенный вращением волн, он долго плывёт к вашим берегам и выбрасывается на них».

Может показаться странным, что остготский царь из италийской Равенны (где своего янтаря никогда не бывало), поучает обитателей давно покинутого готами (по крайней мере, в большинстве своем) Янтарного берега, эстиев, о происхождении янтаря (видимо, полагая, вслед за Тацитом, что им самим оно неизвестно). Но суть не в этом. Совершенно очевидно, что Кассиодор изначально рассматривал «письма», собранные в «Вариях», как исторические свидетельства своей эпохи. Ибо его «письма» часто содержат сведения, которых получатели этих «писем» явно не могли не знать. Следовательно, Кассиодор не столько записывал их тексты для современников, сколько сохранял их для потомков. Правда, в письме далеким эстиям царь италийских готв и римский консул Теодорих, по Кассиодору, счел необходимым сделать специальную оговорку:

«Мы подумали, что лучше будет рассказать вам об этом, чтобы вы не предполагали, будто ваши предполагаемые тайны (тайна янтаря — В.А.) избежали нашего знания...»

И призвал эстиев чаще посещать его «на путях, открытых их любовью», ибо обретенная дружба богатых царей всегда полезна. Ведь эти цари, обрадованные маленьким подарком, всегда стремятся дать взамен гораздо больший.

«Мы посылаем вам подарки с нашими послами и будем рады вашим дальнейшим посещениям тем же путем, что вы открыли, и окажем вам в будущем милость».

Приведенное нами первое сообщение о Янтарном берегу носит случайный характер, как следствие безумной прихоти римского императора Нерона, сохранившееся благодаря страсти Плиния к собиранию всяческих сведений об окружающем мире. А вот второе — официальное письмо, исходящее из государственной канцелярии столицы италийских готв Равенны. Так сказать, документальное историко-экономическое свидетельство...

Еще в самом начале христианской эры, после двух тысяч лет господства на рынках предметов роскоши североморского янтаря, в поле зрения средиземноморских торговцев (шедших по стопам своих финикийских, карфагенских и этрусских предшественников) попали гораздо более богатые залежи янтаря на южном побережье Балтийского моря. При римском императоре начала III в. п. Р.Х. Марке Аврелии Антонине Гелиогабале (Элагабале, Элиогабале) ввоз «солнечного камня» в Римскую империю сократился. Причем сокра-

тился так резко, что причины следует искать не столько в изменении вкусовых предпочтений римских любителей (и любителей) роскоши (главным из которых был сам Гелиогабал), сколько, прежде всего, в чем-то другом. А именно — в изменении ситуации на торговом «Янтарном пути», в первую очередь — в его средней и северной части.

По мнению большинства современных историков, сообщение Плиния касается времени первого переселения готов из «Скатиавии» в дельту Вистулы. Эта миграция в «Готискндзу» произошла не ранее 100 г. д.Р.Х. и не позднее 100 г. п. Р.Х. Свидетельство Кассиодора приходится на «золотую пору» готской истории. Прибывший некогда со «Скандзы» на немногих кораблях, спасаясь от жестокой нужды, готский народ — Готтиуда, дойдя до далекой Италии, создал, при Теодорихе Великом, сильнейшую державу Запада. И доказал, в лице этого выдающегося деятеля позднеантичной истории, что готы — уже не «грубые варвары», но достойные наследники римской, а если быть точнее, то и всей древней, высокой средиземноморской культуры.

Но и в рамках этого пятисотлетнего периода янтарь, как своеобразный «ископаемый маяк», помогает «пролить свет» на темные периоды готской истории, сообщая необходимую нам информацию о готах. Так, например, известно, что примерно к 100 г. п. Р.Х., как свидетельствуют находки древних монет (или их отсутствие), торговля между «Янтарным берегом» и средиземноморскими землями пришла в упадок. В Прибалтике было найдено много тысяч римских, греческих, византийских, а впоследствии — также арабских монет. Поскольку все эти монеты поддаются датировке, то с большой степенью точности свидетельствуют о состоянии торговли столь давних времен, что о ней у нас не имеется иных свидетельств. Они дают нам представление об удивительно тесных связях между Янтарным побережьем, Адриатикой, Евксинским понтом и Восточным Средиземноморьем. Об активно используемом «торговом мосте» через области, о которых, скажем, историки Германского Второго рейха времен Готенцоллернов утверждали, что их цивилизовали только немцы.

Между 196 г., последним годом «нормальной частоты» находок ископаемых монет, и 220 г. — годом кризиса Римской империи в правление погрязшего в грязи, крови и роскоши распутного Гелиогабала, на пребывавших ранее в состоянии относительного спокойствия территориях между Вистулой, Карпатами (Сарматскими, или Венедскими, горами) и Евксинским понтом (современным Черным

морем) появилась новая, воинственная и весьма динамичная сила. Первоначально эта новая сила действовала в качестве противовеса римлянам, стремившимся расширить сферу своего влияния за Данубий, вплоть до упомянутого выше Бойгейма, Бойгема или Богейма (современной Чехии-Богемии, названной так по своим автохтонам — кельтскому племени бойев).

Вероятно, она сыграла определенную роль в переселении германских племен (известных впоследствии как аламанны, или аллеманы) из района севернее нынешних Судет и Рудных гор на Запад. А возможно, способствовала и волнениям, охватившим в период 214–218 гг. даков (народ гето-фракийского либо же иранского происхождения) и причинившим немало хлопот римскому императору Антонину Каракалле. Этой не поддающейся ныне точной идентификации силой, скорее всего, были готы. Ибо они как раз в период 220–230 гг., покинув дельту Вистулы, завоевали себе очередную «новую родину». Эта третья (после «Скандзы» и «Готискандзы») страна пребывания готских мигрантов («Ойум» или «Ауйом», о котором еще пойдет речь далее) располагалась на территории нынешней Южной России, в Северном Причерноморье (Припонтиде).

На первый взгляд, эти беспокойные, неутомимые, неутомимые готы были народом непосед. Однако, при ближайшем рассмотрении, они оказываются народом, которому потребовалось двести-триста лет на преодоление «дальней дистанции» от теперешней Южной Швеции до Черного моря. Причем не настоящим кочевым народом, вечно пребывающим в пути. А народом, ставшим номадом поневоле и стремящимся к оседлости (но только в подходящем месте). И, судя по всему, прошедшим путь от «Скандзы» до Понта Евксинского не разом, а в три или даже в четыре этапа, с довольно продолжительными промежуточными остановками (или, как говорили наши предки, «поприщами»).

Первым «поприщем» был Янтарный берег. Именно там готы впервые вступили на европейский материк. Возможно это произошло на месте нынешнего польского порта Гдыни. О чем говорит его немецкое название Готенгафен (Готенхафен, Готенгавен), т.е. «Готская гавань». Готы высадились там, чтобы сражаться. Сражаться до победы. А, победив, остаться на какое-то время на завоеванной территории. Иначе им пришлось бы сражаться непрерывно — или возвратиться восвояси.

Следующим «поприщем» стали, видимо, земли, расположенные в более удаленной от Янтарного берега материковой зоне. Скорее на правом, чем на левом берегу Вистулы. Там, близ реки, близ моря, готы, готовые принять последующие волны переселенцев со «Скандзы», поддерживающие связи между «Готискандзой» и своей старой «скатинавской» родиной, пережили первую фазу консолидации и выжидания. Возможно, в этой фазе готы нуждались в передышке, чтобы вновь собраться с силами. После жестоких схваток с соседями. Вытесненными готами из центров торговли янтарем и отброшенными от побережья вглубь материка.

В период между 150 и 200 г. п. Р.Х. готами снова овладел дух дальних странствий. Судя по всему, начался масштабный, хотя и очень медленный, процесс постепенного отделения и отселения отдельных готских племенных групп, приведшего вначале к незначительным, а затем — к все более серьезным волнениям в дельте Вистулы. «Птолемей размещает континентальных готов/гутонов на правом берегу Вислы, в пределах Европейской Сарматии, что отражает, по всей видимости, начавшийся процесс их передвижения на юго-восток» (Максим Жих. «Славяне и готы на Волыни и в Верхнем Поднестровье. Проблема локализации земли *Oium* и племени (*gens Spali*»).

Свидетельства этого процесса имеют главным образом археологический характер. И, к сожалению, не могут расцениваться как неоспоримые. Вследствие двух факторов. Во-первых — торговли, способствовавшей переходу тех или иных изделий от одной народности к другой. И, во вторых — этнических миграций, приводивших к соседству не только живых, но и мертвых представителей разных народностей (вплоть до возникновения смешанных захоронений»). Эти два фактора поставили под вопрос однозначность атрибуции этнической принадлежности погребальной утвари, характерную для погребений более спокойных эпох. Характеризующихся куда меньшей мобильностью племен и народов.

После победы сил антигитлеровской коалиции над гитлеровской Германией в ходе Второй мировой войны польские археологи занялись изучением найденного при раскопках древних захоронений между современными Варшавой и Сандомиром. Родство и сходство этих археологических находок, свойственные им общие черты, установленные аналогии, позволили классифицировать их с большей или

меньшей степенью точности. И отнести их к нескольким, достаточно расплывчато очерченным, группам. Например, к доримской пшеворской культуре железного века. Локализованной на территории Южной и Центральной Польши и характеризующейся сходством захоронений, погребальной утвари, керамики и т.д. Область распространения пшеворской археологической культуры, согласно древнеримским источникам, населяли упомянутые выше лугии. Польские ученые ассоциируют ее с венедской и считают праславянской. А почти все немецкие ученые — германской. Хотя при этом и расходятся во мнении, какие именно германцы были, по преимуществу, ее носителями — готы, вандалы, силинги (которых иные историки, впрочем, считают частью вандалов) или же более мелкие германские племена гарниев, гелизиев, манимов и наганарвалов.

Еще теснее была связана с готами, судя по всему, т.н. мазовецкая группа (названная так по месту соответствующих археологических находок, сделанных на территории современной польской области Мазовии). Даже наиболее скептически настроенный на этот счет Рольф Гахман писал: «Кроме того, может считаться чрезвычайно вероятным — практически несомненным — что материковые готы идентичны мазовецкой группе... Карты распространения мазовецкой группы, заселения Вестергётланда (Южной Швеции), а также (острова — В.А.) Готланда ... свидетельствуют о росте числа поселений и расширении заселенного пространства в Скандинавии, равно как и об уплотнении зоны поселений в Мазовии и Мазурах. В культурном отношении между всеми названными областями существуют черты большего или меньшего сходства, наряду с многочисленными различиями... Мазовецкая группа, несомненно, имеет более тесные культурные связи с юго-западом и югом, т.е. с зоной прочих групп пшеворской культуры, чем с Севером».

С ростом числа поселений дело обстоит следующим образом. Если народ плодится и размножается, или же если его численность возрастает вследствие притока новых мигрантов, то растет и число свидетельств существовавших в прошлом поселений этого народа. Если численность готского населения на территории нынешней Южной Швеции возросла настолько, что стало необходимым его разделение с целью частичного переселения, это должно было проявиться как в числе и плотности мест прежних поселений, так и в увеличении числа остатков новых поселений в местах переселения.

А поскольку народы даже в процессе миграции склонны придерживаться своих исконных традиций, артефакты, найденные на протяжении всего миграционного пути должны отличаться определенными чертами сходства. Хотя и смешанными с чужеродными элементами. Характерными для покоряемого или ассимилируемого готскими переселенцами автохтонного населения осваиваемых готами новых областей. Все это, конечно, очень сложно. Но вместе с тем и очень интересно. В данном вопросе исследователи должны стремиться быть предельно точными и проявлять немалое усердие. Чего требует сам уровень поставленной задачи. Чтобы точно проследить за увеличением числа мест поселений, необходимо изучить их в очень большом количестве. Мало того! Исследователям необходимо быть совершенно уверенными в том, что они полностью исследовали сравниваемые ими территории. Поневоле задаешься следующим вопросом. Известно ли уважаемым археологам, усердно занимающимися раскопками готских (и не только готских) древностей на острове Готланд, в Южной Швеции, Мазурах, Мазовии и в дельте Вислы, пробираясь сквозь местами твердый, а местами — мягкий грунт, изречение Иоганна Готфрида Гердера. Человека, родившегося, между прочим, в восточно-прусском Морунгене, в тех самых местах, где до него, когда-то, жили готы, прибывшие на материк из «Скатиनावии»:

«Не по поверхности твоей земли ты ходишь, бедный человек, но по крыше дома твоего, который лишь вследствие наводнений смог стать тем, что он есть сегодня».

ЧЕРЕЗ СУХОПУТНЫЙ ОКЕАН

В 1827 г., в правление императора и самодержца всероссийского Николая I Незабвенного, житель крымского города Симферополя остановил свой экипаж рядом с запряженной волами повозкой, нагруженной странными плоскими камнями. На поверхности этих каменных плит были довольно ясно различимы рисунки или рельефы. За пару копеек возчик уступил ему две самые красивые плиты. На одной из них красовалось рельефное изображение всадника. На другой — несколько строчек надписи на греческом языке.

Вскоре этот житель Симферополя, человек образованный и любознательный, живо интересующийся историей губернского города, в котором жил, рассказал о своем случайном приобретении археологу Ивану Павловичу Бларамбергу. Бларамберг был директором Одесского музея и Керченского музея древностей. Симферополь (греч. «город общего блага»), всего несколькими десятилетиями ранее именовавшийся Ак-Мечетью (от крымско-татарского Акъмесджит, т.е. «Белая мечеть») был сравнительно недавно, в 1784 г., присоединен к Российской империи. Поэтому у Бларамберга еще «руки не дошли» до изучения руин многократно разрушавшегося и снова восстанавливавшегося города. Но, рассмотрев найденные в развалинах древнего городища плиты с всадником и греческой надписью, он распорядился провести пробные раскопки в руинах под Симферополем, близ деревушки Керменчик, на невысоком платообразном возвышении под звучным названием «Петровские скалы» (еще не зная, что там в античную эпоху располагался Неаполь Скифский — столица Скифского царства в Тавриде). В ходе раскопок Бларамберг, наряду с большим количеством греческих надписей, нашел обломки известнякового рельефа, изображавшего парный портрет зрелого мужа и юноши. Бларамберг сразу узнал этого зрелого мужа, чей профиль был знаком ему по многочисленным древним монетам. Это был ни кто иной, как царь скифов Скилур, известный всем нумизматам по ценным бронзовым монетам, отчеканенным в причерноморской греческой колонии Ольвии (вероятно, зависимой от скифского царя). В 130–114/13 гг. до Р.Х. царь Тавроскифии Скилур

(известный нам из сочинений античных ученых Плутарха, Страбона и археологических раскопок), правил обширными территориями от северного побережья Евксинского понта с Таврическим полуостровом до устья Борисфена-Данапр(ис)а-Днепра. А юноша, изображенный рядом с ним на мраморной плите, мог быть Палаком, одним из сыновей скифского царя, столь же отважным воином, что и его отец. Палаку было суждено стать преемником Скилура, воевать с греческой колонией Херсон(ес)ом Таврическим (Корсунью древнерусских летописей — местом крещения в православную веру киевского князя Владимира Святославича, традиционно считающегося потомком норманна Рюрика, но, вероятнее всего, происходившего как по отцовской, так и по материнской линии из готского царского рода Амалов, о чем будет подробно рассказано далее) и погибнуть в войне с Митридатом VI Евпатором. Могущественным властелином эллинистического Понтийского царства и многолетним соперником Рима. Возводившим свое происхождение к древним персидским «царям царей» из рода Ахеменидов и одновременно — к великому завоевателю Александру Македонскому, потомку героя Троянской войны Ахилл(ес)а (почитаемого как Понтарх — покровитель плавателей по Евксинскому понту и Меотийскому озеру, именуемому ныне Азовским морем), сменившему Ахеменидов на престоле царей древней Персии и всей Азии.

Цари скифов Скилур и Палак правили в том самом Северном Причерноморье (позднейшей Новороссии), о котором готские мигранты еще не знали, как о конечной цели их переселения. Скифы, эллинистическое Боспорское царство, господствовавшее над Креченским проливом (именуемым в пору античности Боспором Киммерийским, в отличие от другого, Фракийского, Боспора, или же Босфора, на берегах которого располагался порт Византий, ставший со временем второй столицей Римской «мировой» империи — Константинополем) и древнегреческие колонии в Тавриде время от времени воевали между собой, с местными «немирными туземцами» (таврами, синдами, меотийцами-меотами и прочими), понтийцами, римлянами и их союзниками. Но эти ставшие привычными вооруженные конфликты, периодически вспыхивавшие между народами античного мира, жившими вокруг Понта Евксинского и успевшими хорошо узнать и изучить друг друга, были, в определенном смысле, «семейными дразгами» или «разборками» (говоря современным языком). Между тем

готы, которые с неодолимой силой будут сметать все на своем пути, уже высадились на южный берег Янтарного моря...

Перед ними простиралась бесконечная равнина, которую им предстояло пройти с боями. Она простиралась от Свевского моря до Кавказских гор. Много позже изумленные арабские «земли разведчики» назвали эту бескрайнюю равнину «скифским сухопутным океаном». Эта земля казалась бесконечной и безбрежной, как Мировой океан. Беспредельно обширная страна без естественных препятствий. «Великая Скифия». Или «Великая Скифь (Скуфь)» (как писал автор «Повести временных лет»). Равнина без конца и края, без гор. И только протекающие по ней великие реки, плавно несущие свои воды, указывали землепроходцам направления. На север, к Венедскому заливу и к Сарматскому океану. На юг — к Евксинскому понту и Гирканскому (ныне — Каспийскому) морю. Водораздел же, проходящий по равнине в районе сегодняшнего Смоленска, был почти не заметен.

За то время, пока готы, постепенно удаляясь от Янтарного берега, перешли через Вистулу-Вислу, чтобы временно осесть на территории сегодняшней Мазовии и Мазур, прежде чем, наконец, двинуться дальше, через «сухопутный океан», на далекий юг, успели смениться пять-шесть поколений. На протяжении этого долгого периода греки, а затем и скифы у Понта Евксинского укрепляли свои города.

Советские археологи нашли, раскопали и измерили остатки этих причерноморских укреплений. В том числе и крупнейшего из них (площадью более двадцати гектаров), раскопки которого были начаты И.П. Блаرامбергом. Они состоят из больших, необтесанных камней. Эти стены можно было бы назвать циклопическими. Если бы камни в них не скреплялись глиняным раствором. Правда, раствор на протяжении долгих столетий отвалился. Каменные глыбы лежат на поверхности, открытые всеми ветрам. И не только ветрам. Но и всем желающим прихватить камушек или пару древних «камушков» на память. Немало пригородных домов столицы Крыма — города Симферополя — в районе Петровских высот выстроено из скифских камней. Камней, выломанных из стен последней столицы Скифского царства. Твердыни, именуемой, как и известный итальянский порт близ вулкана Везувий, Неаполем. Что означает по-гречески «новый город». Или, по-нашему, по-русски — «Новгород». Где находилась прежняя столица скифов — «Старый город», «Старгород» — доселе неизвестно...

До того, как жители Симферополя принялись «добывать камень» для строительства своих домов из развалин Неаполя Скифского, на территории городища, судя по старинным гравюрам, еще долго сохранялось немало больших капитальных сооружений.

Царь скифов Скилур и сын Скилура Палак выстроили вокруг первой, древней крепостной стены Неаполя вторую, дополнительную полосу укреплений. Поначалу она была предназначена для защиты города от боспорцев и понтийцев с их союзниками. Но со временем пригодилась тавроскифам также против вновь и вновь накатывавших на Тавриду с Востока по бескрайней равнине волн сарматских кочевников. Нашествие этих западных сарматов на Тавроскифию совпало по времени с нашествием их родичей, восточных сарматов (саков, или, по-китайски, юэчжей) на выродившихся греко-бактрийских потомков некогда непобедимых «среброщитых» фалангистов и неукротимых пельтастов Александра Македонского на другом краю Евразийского континента.

Тавроскифский царь Палак сумел использовать первых сарматских пришельцев в своих интересах. Они стали наемниками сына Скилура в войне с Митридатом VI Понтийским. Желавшим, казалось, взять реванш за поражения, нанесенные его предкам Ахеменидам Киру II Великому (разбитому и убитому азиатскими скифами-массагетами в 539 г. до Р.Х.) и Дарию I Великому (разбитому и едва не убитому европейскими скифами-сколотами в 514 г. до Р.Х.). Однако вскоре воинственные сарматы стали представлять угрозу не только для понтийских войск, но и для скифских городов Тавриды.

При первом взгляде на географическую карту создается впечатление, что ни один, даже самый что ни на есть талантливый, правитель не имел ни малейших шансов устоять на этом, так сказать, передовом посту средиземноморской культуры. Удержать этот краеугольный камень античного мира в окружении бурного, вечно волнующегося, безбрежного моря враждебных племен и народов. Успешно сопротивляться на нем в течение хоть какого-то времени. В своей «Истории упадка и крушения Римской империи» Эдуард Гиббон писал: «Римляне не имели ясного понятия ни о том, как была велика угрожавшая им опасность, ни о том, как было велико число их врагов». Тем не менее римские Малую Азию, Македонию, Паннонию, Далмацию, Ахайю, Фракию, Мёзию защищали горы и бастионы союзников Римской империи. К югу от Тираса-Днестра, имея за спиной Карпаты,

даки могли успешно защищать римские провинции, расположенные на нынешнем Балканском полуострове. Кавказские же горы и непроходимые полупустыни Малоазиатского нагорья, непригодные для жизни человека, вообще были непреодолимым защитным поясом, вполне заменявшим и экономившим римским императорам множество воинов.

В отличие от римлян, скифы Тавриды находились в куда менее выгодном положении. Сумев покорить несколько древних греческих городов, господствуя над золотистыми от спелости щедрыми хлебными полями Припонтиды, они были вынуждены вести войну на два фронта. На первом, южном, фронте, тавроскифы сражались с войсками Боспорского и Понтийского царств, которым в скором времени пришел на смену новый, еще более опасный, враг — римские легионы. На втором, восточном, фронте — с воинственными, жадными до грабежа сарматами. Но стоило возникнуть третьему, северному, фронту, стоило явиться с Севера, с казавшейся столь мирной бескрайней равнины со спокойно текущими реками, еще одному противнику — и тавроскифам пришел бы конец. О чем скифы, похоже, не догадывались...

Ученые по сей день теряются в догадках, как готы нашли в себе силы, проделать столь долгий путь столь широким фронтом. Из нескольких готских родов, якобы уместившихся всего на трех кораблях и втиснувшихся среди первонасельников Янтарного берега, так сказать, «растолкав их локтями», в период пребывания на территории современной Мазовии сформировался целый готский народ. Из племен, неуверенно и робко, мелкими шагами (если не сказать — шажками) удаляющихся от побережья к Вискле-Вистуле, затем переходящих Вистулу и медленно осваивающих заречные земли — из этих племен некий готский царь выковал стойкое ко всем невзгодам, крепкое боевое содружество. Приобрел союзников и указал сплоченному им племенному союзу направление дальнейшего движения. Путь, от которого готы уже не отклонялись. Путь, которым они следовали неуклонно, с поразительной для нас, сегодняшних, уверенностью, что он их непременно приведет их к некоей желанной цели. Ибо между готскими захоронениями в дельте Висклы и Евксинским понтон до сих пор не найдено следов того, что готские скитальцы останавливались, так сказать, передохнуть с дороги. Свидетельств готских продолжительных стоянок, «поприщ». Готы безостановочно мигрировали в южном направлении. Не поддаваясь искушению остаться

или хотя бы задержаться на плодородных землях в течение Данапра. Невзирая на то, что там было много свободного места, и царил мир. Готам удалось преодолеть вставшие на их пути бескрайние болота, именуемые сегодня Припятскими, Пинскими или Полесскими. Хотя даже много веков спустя, командование германского вермахта (чьих военнослужащих в июне 1941 г. Патриарший местоблюститель Русской — или, если быть точнее, то тогда еще Российской — Православной Церкви митрополит Сергей Страгородский, кстати говоря, назвал в своем послании «безбожными готами»), при разработке операции «Барбаросса» вынуждено было учитывать Припятские болота как непреодолимую естественную преграду. Так что в результате группы армий «Центр» пришлось вести наступление севернее, в группе армий «Юг» — южнее Припятских болот.

А вот древние готы, в отличие от своих отдаленных потомков, прошли, хотя наверняка с огромными трудностями, почти непроходимой болотистой местностью между Данапром и Гипанисом (нынешней Кубанью). У готов ведь наверняка были свои «земли разведчики», лазутчики. Благодаря добытым ими сведениям, готы, видимо, знали, куда направлять свой путь дальше, сквозь болотные трясины и дремучие леса. Ибо, преодолев болотные трясины, готы отклонились в сторону от прежнего маршрута, и по течению Данапра-Борисфена, «великой и славной» (говоря языком Иордана) реки, столь судьбоносной для России, двинулись на юг, к теплому Гостеприимному морю. Так что — повторяем! — шли они отнюдь не «на авось».

Полтысячелетия спустя, отдаленные родственники готов, скандинавы-норманны (они же — варяги) обосновались на том же Данапре-Днепре, основав на его берегах державу потомков Рюрика (Рорика) Ютландского (Зеландского, Фрисландского) из Хедебю-Хайтабу — Киевскую Русь. Видимо, не случайно, ни кто иной, как товарищ Карл Маркс писал о времени первых Рюриковичей, как о «готическом периоде» в истории России.

Процитируем для вящей убедительности соответствующий отрывок из известной работы основоположника марксизма «Разоблачение дипломатической истории XIII века»: «... политика первых Рюриковичей коренным образом отличается от политики современной России. То была не более и не менее как политика германских варваров, наводнивших Европу. Готический (у Маркса *gotisch*, т.е. буквально «готский» — В.А.) период истории России составляет,

в частности, лишь одну из глав норманнских завоеваний <...> В отношении методов ведения войн и организации завоеваний первые Рюриковичи ничем не отличаются от норманнов в остальных странах Европы».

Подчеркнем еще раз: в оригинальном немецком тексте Маркса употреблено прилагательное *gotisch*, «готиш», т.е. «готский». Но дело не в этом. А в том, что держава Рюриковичей была отнюдь не первым государством на русской земле. Ибо у готов уже давно существовали свои государи. А раз у них были государи, то, соответственно, было и «государство» — царская власть. Так хорошо организовавшая и сплотившая их, что готы пронесли свое единство через все трудности долгого миграционного пути, сопровождавшегося периодическими боевыми действиями. Власть, оказавшаяся достаточно гибкой и стабильной даже в период резкой перемены обстоятельств, при миграции готов через чужие земли, в непривычных условиях. И вполне приемлемой для иноплеменников, присоединявшихся к странствующему готскому племенному союзу. Под предводительством своих царей готы, «обрастая» по дороге примыкавшими к ним все новыми союзниками, продвигались по достаточно мало заселенной тогда Восточноевропейской равнине, через земли теперешней Южной России, к Евксинскому понту. Как если бы их спасение было неразрывно связано с югом. Как если бы плодородное Черноземье сегодняшней Украины не способно было дать достаточно пищи им самим и корма — их скоту.

Но, возможно, готам хотелось чего-то большего? Может быть, они были не только «народом без пространства» (говоря словами Ганса Гримма о немцах между двумя мировыми войнами), но и народом, стремившимся к завоеваниям, захвату добычи и проживанию во взятых с бою землях и жилищах? Конечно, готы в начальный период своей истории поживились за счет торговли янтарем. Но кое-как обогатиться смогли, скорее всего, лишь князья, верхушка родоплеменной знати (т.н. эрилы, аналогичные скандинавским ярлам). Да и то, пока им удавалось сохранять свои позиции на Вистуле под натиском туземцев и новых пришельцев. Теперь же готы стали многочисленным народом. Широким фронтом продвигались мигрирующие германские племена (с разного рода негерманскими «вкраплениями») по «Великой Скифии» на юг, подгоняемые надеждами и ожиданиями. Алчные, нетерпеливые и беспокойные. Чувствуя, как климат стано-

вится все мягче, воздух — все теплее, а небеса — все голубее. И предвкушая близость лежащих на юге богатых городов.

При мысли об «Анабасисе», о походе десяти тысяч греческих «солдат удачи» Ксенофонта, или о стенах древнеегипетского храма, сохранивших для нас иероглифическую повесть о плавании моряков могущественной фараонши Хатшепсут, о подробных описаниях завоеваний Александра Македонского и даже весьма скурых сообщениях о непродолжительных и безуспешных предприятиях, вроде бесславной экспедиции римского префекта Элия Галла из Египта в Счастливую Аравию, можно только посетовать на судьбу. Почему, в самом деле, нам так мало известно о беспримерном и столь длительном походе готов «со товарищи»? Конечно же, пройти от Македонии до Индии — это, по понятиям IV в. до Р.Х., все равно, что пройти весь мир. Или, точнее говоря, пройти из одного мира в другой, совсем неизвестный, неведомый. Готы же прошли от Вистулы до Борисфена давно известными торговыми путями по равнине, где им не угрожали ни засады злокозненных горцев, ни боевые слоны индийских царей. И все же, все же, все же... Этот готский исход, это неожиданное, труднообъяснимое переселение целого племенного союза представляется не просто историческим событием, но поистине исторической сенсацией. Именно с него начался переход восточных (а затем — и не только восточных) германцев со своей родины на Янтарном побережье в культурное пространство Средиземноморья. Этот исход многочисленных союзников и их поход по Восточной Европе в южном направлении, до мест обитания понтийских греков, привел в движение народы. Он положил конец «римскому миру». «Пакс романа» — продолжительному периоду существования античных народов под верховной властью Рима, относительно мирному (по меньшей мере — для северо-востока Римской «мировой» империи). Именно готский исход по праву следует рассматривать как первый толчок, давший начало Великому переселению народов. В своей предыдущей книге, посвященной азиатским кочевникам-гуннам, автор этих строк выдвигал иную точку зрения. А именно — считал началом Великого переселения народов нашествие на Европу гуннов. Однако у автора было время переосмыслить свою прежнюю точку зрения и пересмотреть ее. Гунны появились на границах греко-римской Экумены лишь через сто пятьдесят лет после готов, когда все уже было в движении. Когда римские границы были давно уже прорваны «варварами» во

многих местах. Гуннское вторжение явилось апогеем, т.е. наивысшей точкой, Великого переселения народов, но данный факт свидетельствует, что это переселение началось до их прихода. И все же многие историки (как до недавних пор — и Ваш покорный слуга) никак не могут вырваться из пут старых, устоявшихся клише, согласно которым именно гунны привели в движение варварские народы.

Как бы то ни было, у длительного похода готов и союзных им германцев по недружественной территории, к сожалению, не нашлось своего Ксенофонта. Однако же малоизвестный историограф по имени Аблабий (или, на «вульгарной», простонародной, латыни, Аблавий — именно так его именует в своей «Гетике» не слишком образованный Иордан) через много десятилетий после готского «Великого исхода» написал-таки сочинение о готах. От него сохранились фрагменты, повествующие о переселении готов из Скандинавии, заселении ими Скифии у Евксинского понта, но, самое главное — описание отдельных германских племен, входивших в готский племенной союз. Аблабий, вероятно, сам — не гот по происхождению (хотя, возможно, в жилах его отца или матери текла готская кровь), жил в период 330–490 гг. п. Р.Х. Точные годы его жизни нам не известны. Аблабия довольно часто цитирует в своих трудах упомянутый выше Кассиодор, магистр оффиций Теодориха Остготского. Но и фрагменты сочинений самого Кассиодора известны нам лишь через Иордана — того романизованного гота (или готоалана), чье компилятивное историческое сочинение «Гетика» заменяет нам, в какой-то мере утраченные труды Аблабия и Кассиодора. Но и это мы должны считать большой удачей. Иордан, чьи небрежность, сумбурность изложения, необразованность, пристрастность, стиль так часто были (и остаются) объектами критики позднейшим историков, несмотря на все эти недостатки, для нас поистине бесценен. Наряду с Плинием, он служит доказательством того, что мир часто мало что знал бы о великих авторах античности, если бы каждый из них не был окружен толпой усердных дилетантов, плагиаторов и копиистов. Не зря в Средние века писателей на Руси именовали «списателями»...

Если наши сведения «из третьих рук» верны, то и Аблабий описал великий поход готов от Янтарного берега до Тавриды очень лаконично, без особенных подробностей. Если бы он пользовался готскими героическими песнями (как полагал Теодор Моммзен), то, несомненно, украсил свое сочинение о столь выдающемся событии

готской истории большим числом подробностей. Ибо героические песни и сказания (см. хотя бы богатое собрание северогерманской эддической и скальдической поэзии, сохранившееся в Исландии, на крайнем Севере германского мира) содержат не только строфы и рифмы (у древних германцев — аллитерационные), но также имена, географические названия, топонимы, и описания исторических событий, пусть даже в художественно преображенной форме, причем зачастую — с поразительно высокой степенью точности и полноты.

Немецкий историк Людвиг Шмидт, опираясь на несколько отдельных античных свидетельств и используя свой большой запас общих знаний о германских народах, реконструировал следующую картину переселения готов в Северное Причерноморье:

В не поддающийся точному определению момент времени (но, несомненно, во II в. п. Р.Х.) неусидчивыми готами в очередной раз овладела тяга к перемене мест. Они вновь пришли в движение. «Усилившись и, возможно, став особенно воинственными благодаря возглавившему их молодому, энергичному предводителю, готы привлекли в свои ряды, в качестве союзников, покоренные ими соседние племена. Вандалов, чьи поселения располагались в (позднейшем) округе Нейденбург, т.е. в Восточной Пруссии, не слишком далеко от города Кенигсберга. И бургундов, живших в излучине Вислы и в районе Нетце» (Герман Шрайбер). «Так они (готы) положили начало великим передвижениям народов, первым последствием которых стала Маркоманская война в правление (римского императора-философа — В.А.) Марка Аврелия» (Людвиг Шмидт).

«Точно не известно, но вполне возможно, что готы совершили аналогичный (броску маркоманов на Юг при августе Марке Аврелии Антонине — В.А.) бросок на Восток, через Пассарге в восточнопрусскую Самбию; это стало бы убедительным объяснением сходства артефактов времен Римской империи, найденных археологами между Самбией и устьем Вислы» (Шрайбер).

Так или иначе, на определенном историческом этапе на Янтарном берегу возник очередной союз германцев. Как и ранее — скажем, при Арминии и Марободе — германцы, достигнув единства, почувствовали себя способными вершить великие дела. Снявшись с насиженных мест, они двинулись в путь. Эстии, первоначальники дельты Вистулы, поднаторевшие в торговле янтарем, к ним не присоединились. Этот своеобразный народ, явно не родственник германцам, к моменту

переселения готов из Скандинавии жил на Янтарном берегу и на берегу отделенной от моря узкой песчаной косой прибрежной лагуны, известной у немцев под названием Фриш-Гаф (а у нас — под названием Балтийской или Вислинской косы). Жил там, возможно, уже два тысячелетия. Этот осколок балтской языковой семьи, отличавшийся уникальной для Европы, поистине «египетской» оседлостью, видимо, обладал выдающимися бойцовскими качествами. Позволявшими ему стойко отражать попытки пришельцев извне подчинить или изгнать его с насиженных мест. К тому же, вероятно, эстии, закрепившиеся в просторной, удобной к защите, дельте Вистулы, было не так уж легко уязвимы. Поэтому готы, видимо, и решили обойтись без помощи этих строптивых иноплеменников, из которых вряд ли получились бы надежные союзники. Лишь через тысячу лет отдаленные потомки готов и других германцев — рыцари военно-монашеского Тевтонского (Немецкого) ордена — серьезно занялись подчинением потомков эстиев, именуемых в средневековых летописях пруссами. И после долгих войн все-таки обратили — прямо скажем, суровыми мерами, этих своенравных и упорно защищавших свою независимость героев в христианство. Не «истребив» пруссов, как многие думали раньше. А онемечив их и превратив в пруссаков.

Особо примечательными в данной связи представляются следующие три обстоятельства.

Во-первых, эстии, пращурь пруссов, признали верховенство над собой могущественного готского царя Германариха, хотя его резиденция находилась далеко от мест их обитания, в причерноморской «Скифии».

Во-вторых, древнепрусский язык содержал немало заимствованных древнегерманских слов.

В-третьих, в готском языке содержались прусские слова и имена, частично сохранившиеся и употреблявшиеся даже в поздний период истории готов — например, в вестготском царстве на территории Испании.

По Людвигу Шмидту, находившаяся под германским влиянием культура Восточной Пруссии просуществовала до VI в.

Кстати говоря, именно среди артефактов, найденных в захоронениях готско-эстийской военной знати, найдены вещи, украшенные знаком, практически аналогичным так называемой «родовой эмблеме Рюриковичей» — «двузубцу» или «трезубцу», представляющей

собой, в действительности, схематичное изображение ворона, священной птицы «Всеотца» Одина (Вотана, Вуотана, Водана, Воданаза) — верховного бога древнегерманских светлых богов-асов (азов). Что, между прочим, ставит под сомнение гипотезу В.Б. Егорова о том, что правители готских «вооруженных мигрантов», утвердившись на землях причерноморского Боспорского царства, переняли трезубец боспорских царей (символ их владычества над морем, как атрибут морского бога Посейдона-Посидона, римского Нептуна), в качестве своей родовой эмблемы (приписанной впоследствии «варягам Рюриковичам» — добавим это от себя, поскольку В.Б. Егоров существования первых варяжских князей-Рюриковичей вообще не признает, считая их откровенно легендарными фигурами, на которых позднейшие русские летописцы перенесли черты и деяния готских владык «Руси Первой» с центром на Данпаре-Днепре — В.А.)

Сохранившиеся в средневековой Исландии мифы о царе светлых богов-асов Одине, записанные в 1200-х гг. (т.е. через много столетий после Великого переселения народов) и сведенные в «Младшую Эдду» исландским скальдом Снорри Стурлус(с)оном, описывают жизнь асов и их переселение в Скандинавию из Великой (или Холодной) Свитьод, Svithjod (Светийи-Скифии), через которую протекает река Ванаквисль (Танаис). В устье этой реки располагалась страна ванов (вендов-венедов-венетов?), с которыми асы Одина сначала вели войну, но потом заключили мир. Согласно «Младшей Эдде», Один имел владения в Азии (Асии — «стране асов»), на востоке от реки Танаис (Дон), а также «в стране турок» к югу от горного хребта, служащего границей страны (возможно, Рипейских-Рифейских, т.е. Уральских, гор). Затем Один переселился в Данию, оставив править в своей прежней твердыне — Асгарде («Граде асов») братьев Ве и Вили. Править страной саксов Один поставил трех сыновей: Вегдега в восточной стране саксов, Бельдега (или Бальдра) — в Вестфалии, Сиги (родоначальника рода Вёльсунгов) — в земле франков. Дальше Один пошёл в страну Рейдготланд и сделал её правителем своего сына Скьёльда (от которого пошел род Скьёльдунгов, датских конунгов). Затем Один достиг Швеции (т.е. скандинавской области свионов-свеев, которую не следует путать с континентальной Светией-Свитьод, именуемой порой «Великой Швецией»), где его радушно встретил правитель Гюльви, и основал Сигтуну. Затем Один поехал на север и поставил править Норвегией сына Сэминга, родоначальника норвежских конунгов,

ярлов и других правителей. А с собою Один взял сына Ингви, царя Швеции, основателя рода Инглингов. Внук Одина Фроди правил Данией (тогда называемой «Страной готов») во времена жизни императора Августа при рождении Христа. Согласно «Младшей Эдде», асы, потомки Одина, расселившись по стране саксов, принесли туда свой древний язык из Азии-Азии.

Согласно фундаментальному труду итальянского медиевиста Франко Кардини «Истоки средневекового рыцарства», готы вобрали в себя иранскую скифо-сарматскую культуру, не чуждую им, еще со времен общего праарийского единства. Они сумели ассимилировать многое из содержательной стороны этой культуры, усвоили ее технические приемы, и в первую очередь — технику конного боя. Элементы шаманства, мистерии, хтонических культов, присущие древней германской культуре и сгруппированные в мифокультурный комплекс бога-всадника Одина-Вотана, как нам представляется, имеют не только рунический источник, но понтийско-германское, или «аланоготское» («готоаланское»), как предпочитают выражаться иные историки, происхождение. Научившись верховой езде и коневодству благодаря контактам со степными культурами, восточные германцы усвоили также наиболее подходящий для такого рода занятий костюм. Одежда их состояла из штанов для мирных поездок и охоты и доспехов, покрытых железной чешуей (чешуйчатой брони, брунии), на случай войны. Одежда имела культовое значение, неотделимое, впрочем, от функционального: так одевались шаманы. Но мы еще вернемся к этому вопросу, как вернемся и к религиозному значению коня и металлургии, которые тоже были заимствованы у народов Великой Степи (хотя о культе коня у германцев, сопоставимом по значению с культом коня у индийских ариев, писал еще Корнелий Тацит). Чрезвычайно интересным в данной связи представляется образ Вотана-Вуотана-Водана(за)-Водена-Одина, Повелителя мертвых, бога шаманов и воинов. Религиозно-магический мир представлений древних германцев известен нам прежде всего благодаря скандинавским источникам, относящимся, правда, к более позднему времени. Тем не менее даже поздние и сомнительные подчас свидетельства ясно показывают азиатское (асийское-асовское) влияние (которое многие, однако, отрицается, и не только по историческим соображениям) на германские верования и культы. Далее мы еще не раз убедимся в том, сколь многим все без исключения германцы обязаны готам,

и сколь многим сами готы обязаны народам, жившим в Понтийском регионе между Данубием-Дунаем и Кавказом. Странно было бы предполагать, что готы, позаимствовав оружие и коня у скифо-сарматов, смешавшись затем с гуннами, не переняли хотя бы отчасти духовные ценности и содержательную сторону культуры этих конных воинов-кочевников. Их несомненное влияние прослеживается в самой ткани готского языка и прежде всего в заимствованиях, относящихся к области военного искусства вообще и коневодству и оружию, в частности, тем более оно распространяется на сферу мифологии и концептуальной религиозности. Источники, из которых можно почерпнуть основные сведения о происхождении Вотана-Одина, — это «Деяния данов» Саксона Грамматика и «Младшая Эдда» Снорри Стурлус(с) она — сходятся на двух фактах: Один обитает в той части света, которая находится на Юге, откуда он и совершил завоевание Севера, употребив все свое магическое искусство. Его совершенство в умении сочинять песнопения, превращаться в животных, предсказывать будущее, насылать смерть, несчастья и т. д. сегодня мы могли бы определить как нечто, что сродни шаманскому искусству.

Чародей и повелитель мертвецов Вотан-Вуотан-Один, по мнению Кардини, весьма в малой степени может вызвать аналогию с «богом-олимпийцем» в общепринятом понимании этого термина. Об этом свидетельствует само его имя. Корень имени «Вотан» («Вуотан») тот же, что и у слова «вут» (wut), которое означает «неистовство, бешенство, ярость, иступление, одержимость, обуянность». Оно наводит на мысль о шаманском экстазе, о том самом «зверином» трансе, в который, если верить древнегреческому историку Геродоту, прозванному «Отцом истории» римским оратором и политиком Марком Туллием Цицероном, впадали представители индоиранского племени (а точнее — племен) скифов, накурившиеся конопли (аналогия с берсерками, опьяненными мухоморами, и индоиранцами, ритуально опьянявшими себя сомой-хаомой, очевидна).

Средневековый христианский хронист Адам Бременский подчеркивал: «Вотан сиречь бешенство».

Коль скоро религия германцев благодаря контакту со Степью претерпевает эволюцию и становится тем, что она есть, нас не может не заинтересовать одна ее определяющая особенность: все большая сакрализация лошади, значение которой возрастает по мере возвеличения культа Одина. Конь становится неразлучным товарищем этого

бога и непременно участником его свиты. В самом эпизоде инициации Одина устанавливается четкая корреляция: испытание — Космическое древо — лошадь (конь). Космическое древо — это виселица Одина. Это Мировой Ясень (Иггдрассиль, что буквально означает «Конь Игга», т.е. «Конь Одина»); связь коня с виселицей объясняется тем, что виселица в северогерманской скальдической поэзии обозначалась метафорой «конь повешенного»). К Иггдрассилю (которому у континентальных германцев соответствовал Ирминсуль) Один и привязывает своего коня, прежде чем самому повесить (распят) себя на Мировом древе («в жертву самому себе»), пригвоздив себя к стволу Иггдрассиля собственным копьём Гутниром (совершая тем самым магически-воинский инициационный обряд, необходимый для самопознания «обретения истинной мудрости»). Вера в то, что боги привязывают коней к Мировому древу (на котором бог-шаман Один провисел, «принесенный в жертву самому себе» девять дней и девять ночей), пользовалась широчайшим распространением у племен и народов Средней и Северной Азии. У Одина имелся волшебный конь Слейпнир, шаманский скакун о восьми ногах. С помощью этого колдовского коня бог-шаман общался с царством мертвых (первые четыре ноги Слейпнира предназначены для передвижения в этом, другие четыре ноги — для передвижения в ином, потустороннем, мире). Все вышесказанное о роли лошади в шаманском «путешествии», ее значении как провожатого усопшего, должно быть, проливает достаточно яркий свет на общность религиозных представлений, в центре которых находится бог-шаман Вотан-Вуотан-Водан-Воден-Один. У бурят существует легенда, в которой тщательно проводится различие между обычным четвероногим и волшебным восьминогим конем, являющимся плодом любви девушки с шаманским прародительским духом. Снова перед нами восьминогий конь как средство общения с иным, потусторонним миром (царством мертвых). Восьминогие кони встречаются не только в германских и бурятских, но также и в японских мифах и ритуалах (что не представляется слишком удивительным, с учетом происхождения древнейших японцев от центральноазиатских кочевников-коневодов, принадлежавших, судя по их вооружению — в частности, типичным парфяно-сармато-аланским «панцирным кафтанам» — к иранской ветви белой расы). Здесь они выполняют погребальную и эстетическую функцию. Но довольно об этом...

С учетом крайней запутанности картины передвижений Одина и его асов по Северной Европе, Людвиг Шмидт (в отличие от многих других) не был уверен в том, что Рейдгот(а)ланд, упоминаемый не только в «Младшей Эдде», но и в других древних нордических и англосаксонских источниках, действительно идентичен области готских поселений, расположенных на территории позднейшей Восточной Пруссии. И это вполне понятно. Если, к примеру, следовать логике Стурлус(с)она, упоминаемый им Рейдготланд, чьим правителем Один посадил Скъёльда, ставшего родоначальником датских царей, Рейдготланд — это, скорее, Ютландия, часть нынешней Дании (вспомним о возможном родстве готов-ётов с ютами). В «Саге об Инглингах» сказано не слишком вразумительно: «В те времена (когда Один и асы странствовали по земле — В.А.) весь материк (т.е. вся европейская «Большая земля» — В.А.)...звался Рейдготланд». Многие современные ученые — например, Евгений Владимирович Пчелов в своей книге «Генеалогия древнерусских князей», помещают Рейдгот(а)ланд в Южную Швецию. А некоторые — например, Владимир Борисович Егоров в своем замечательном труде «Русь и снова Русь» — отождествляют (X)рейдгот(а)ланд с восточноевропейской державой Германариха, могущественного царя (х)рейдготов («светлых готов»), о которой пойдёт речь далее: «Итак, не легендарное, а историческое государство Рейдготланд было создано в III веке н.э. причерноморскими готами, называвшими себя [hro̥e:th] и известными нам в иноязычной передаче как: hros / hrus/ рос/рус <...> на восточнославянской почве у [hro̥e:th] неизбежно должно было отпасть отсутствующее в древнерусском языке придыхание [h], а [th]перейти <...> в [s]: [hro̥e:th] -> [ro̥e:s] -> рос/рус. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что превращение в древнерусском языке этнонима грейтунгов [hro̥e:th] в «рос/рус» лингвистически вполне закономерно <...> Государство грейтунгов, реальный Рейдготланд Германариха, можно назвать Русью — Русью Первой» (В. Егоров. «Русь и снова Русь»).

Осторожность и взвешенность в оценках делает честь любому серьезному историку. «Но мы истории не пишем» (используя крылатое изречение нашего знаменитого баснописца Ивана Андреевича Крылова), а лишь популяризируем историю для широких читательских масс. Значит, с нас и спрос совсем другой. Поэтому «без гнева и пристрастия», но и без излишней робости, выскажем нашу

точку зрения. «Рейдготланд» означает «земля (страна) рейдготов». Этноним же «рейдготы», по одному из толкований, представляющемуся нам наиболее правильным, означает «готы в гнезде» (готы-«гнездюки», говоря языком казаков-запорожцев, возможно происходящих от готов). Т.е. готы, не ушедшие с большей частью своих соплеменников в дальний поход на юг по «сухопутному океану», а оставшиеся у Янтарного моря, на территории будущей Восточной Пруссии. Получается, что «Рейдготланд» — это «Готискандза», из которой ушло на юг большинство ее готского населения. И где остались только самые «тяжелые на подъем» готы-«гнездюки». Вполне возможно, именно от этих «рейдготов» протянулась, через долгую цепь поколений, тоненькая «готская нить» (или «готская ниточка») к их отдаленным потомкам. Скажем, к появившемуся на свет в 1821 г. в восточнопрусском Нейденбурге (польск. Нидзице) известному немецкому писателю и специалисту в области средневековой истории Рима на Тибре (тесно связанной с готской историей) Фердинанду Грегоровиусу, не сомневавшемуся, как известно, в своем готском происхождении.

Однако особо многочисленными эти рейдготы-«гнездюки» быть не могли. Археологические находки свидетельствуют о значительном сокращении населения Рейдгот(а)ланда-Готискандзы после ухода большей части готов «со товарищи» на Юг. Уже во II в. (причем, судя по всему, без заметного враждебного давления со стороны иноплеменников) там возник вакуум, начавший постепенно заполняться лишь через пару сотен лет. В этот вакуум стали медленно, нерешительно и постепенно просачиваться славянские племена. Вследствие их проникновения, земли до Альбиса, занимаемые ранее германцами, ушедшими на юг, оказались заселенными славянами, названными впоследствии «полабскими», т.е. живущими по реке Лабе-Альбису-Эльбе. Эта смена мест обитания двух многочисленных восточно-и центральноевропейских народов-соседей, приведшая к смешению артефактов, археологических находок разного происхождения, вызвала немало ожесточенных дискуссий в ученом мире. Польские археологи и историки «вычитывали» в найденных захоронениях нечто совершенно противоположное тому, что в них «вычитывали» их немецкие коллеги. Авторы школьных учебников тоже скрещивали мысленные «копья» с оппонентами «по ту сторону умственной (а еще чаще — словесной) баррикады».

А готский племенной союз, придя в движение, уже не останавливался. Правда, готы, по мнению Людвига Шмидта, мигрировали на юг не единой, сплоченной массой, а отдельными отрядами. Не сплошной волной, а ручейками, струйками. И этот миграционный поток растягивался во времени на многие годы. О чем свидетельствуют археологические находки. Вследствие чего древняя царская власть, о которой сообщает Тацит, постепенно пришла у готов в упадок. Усилилась самостоятельность родовой княжеской знати. Как писал Людвиг Шмидт: «По легенде о странствиях готов (в поисках новой родины — В.А.), предводителем первого отряда (переселенцев — В.А.) был Филимер, сын Гадарига. Которого Иордан-Кассиодор ошибочно называет царем и преемником целого ряда древних правителей (готов — В.А.)».

Что тут скажешь? Вне всякого сомнения, такое событие, как этот великий и всеобщий исход в дальние земли, привел к смене прежних порядков. Однако бесследно исчезнуть они все-таки не могли. Ибо царская власть — не понятие, ограниченное определенным пространством и связанное с конкретной областью обитания народа. Разумеется, царская власть в период долгих странствий по великой скифской равнине, орошаемой «великими и славными реками» («Гетика»), не могла осуществляться в прежней форме. В столь же четкой, действенной и жесткой форме, как та, о которой сообщает Тацит, описывая жизнь оседлых готов. Но и на пути в новые земли возникает целый ряд задач, решить которые племя, находящееся под хорошим и умелым руководством, способно лучше, чем беспорядочно бредущая, куда глаза глядят, толпа, лишенная руководителя. «В бурном море тяжело без кормчего», как совершенно верно сказано в цитатнике Председателя Мао.

У Иордана в «Гетике» написано:

«Когда там (в «Готискандзе» — В.А.) выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимер, сын Гадарига, то он постановил, чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда».

Вряд ли стоит, поэтому, обсуждать вопрос, был ли Филимер, сын Гадарига, царем-тиудансом (либо реиксом), воеводой-герцогом, родовым князем-кунигом или начальником передового, первого отряда — фуристо. Тот факт, что историки приводят имя его отца, указывает, видимо, на принадлежность Филимера к царскому, или, по

крайней мере, княжескому роду, обладавшему властью и в былые времена. Возможно, на протяжении целых поколений. А то, что очень скоро ему придется принимать трудные решения, доказывает эпизод с мостом через Данапр (о котором пойдет речь далее). Эта единственная известная нам подробность из сказания о странствиях готов в поисках новой родины на юге, дошедшая до нас в изложении Йордана-Кассиодора, со ссылкой на Аблавия.

Поначалу готы и их спутники-союзники, очевидно, предприняли попытку обойти болота, известные ныне как Припятские, с юга. Наверно, у переселенцев с Вистулы имелись проводники, которым был введом путь через пересеченную, но не заболоченную местность в направлении Данапра. Правда, единственным доказательством того, что готы шли этим путем, служит найденный в 1858 г. пахарем под украинским городом Ковелем наконечник германского копья, украшенный рунической надписью на готском языке (означающей имя копья — «ТИЛАРИДС», т.е. «НЕСУЩЕЕСЯ К ЦЕЛИ», «НАПАДАЮЩЕЕ», или, по иному толкованию — «ВСАДНИК»). Кроме рунической надписи, наконечник ковельского копья украшают такие типично германские символы, как знаки богов-асов Одина-Вотана и Тора-Тунара-Донара — крюковидный крест и триквестр.

Кстати говоря, похожее готское копьё (а точнее — его наконечник) было обнаружено в 1865 г. при строительстве железнодорожной станции Дамсдорф близ прусского (ныне — польского) городка Лебус. Этот артефакт, найденный в готском кремационном захоронении, изготовлен, как и ковельское копьё, из железа с серебряной инкрустацией. Дамсдорфское копьё также украшено магическими, в т.ч. тамгообразными, знаками и рунической надписью «РАН(Н)ЬЯ», т.е. «БЕГУЩЕЕ», «ЗАСТАВЛЯЮЩЕЕ УБЕГАТЬ» (или, в другом толковании, «ИСПЫТАТЕЛЬ»). По мнению Эдрета Торссона, имя копья «БЕГУЩЕЕ» имеет значение «ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЧТО-ЛИБО ИЛИ КОГО-ЛИБО НАСКВОЗЬ», «ПРОНИКАЮЩЕЕ», «ПРОНИЦАЮЩЕЕ», «ПРОНИЗЫВАЮЩЕЕ», т.е. «ПРОНЗАЮЩЕЕ».

Третье аналогичное готское копьё было найдено в 1932 г. близ города Розвадова (тогда — польского, ныне — украинского) при случайном обнаружении кремационного погребения всадника. Этот железный, инкрустированный серебром наконечник украшен тамгообразными знаками и рунической надписью «КРУЛС», т.е. по мнению Торссона, со ссылкой на Вольфганга Краузе — «(И)К(Э)

РУЛС» — «Я, ЭРУЛ (в данном контексте ЭРУЛ означает МАСТЕР РУН; существует гипотеза, по которой герулы-эрулы-эрилы были, по крайней мере, изначально, не отдельным германским племенем, а военно-аристократической группой или кастой, аналогичной скандинавским ярлам, обладавшей монополией на знание, толкование и использование рун — В.А.)».

Все эти наконечники напоминают самое древнее, т.н. мосское, готское копьё, обнаруженное шведскими археологами при раскопках погребения на «готском острове» Готланд. Но среди символов на этом железном, инкрустированном серебром, наконечнике, отсутствуют тамги (поскольку готы, жившие на Готланде и, в отличие от своих странствующих по «Большой земле» единоплеменников, не имевшие контактов с сарматами, не испытывали иранского влияния). Руническая надпись на мосском копьё гласит: «ГАОИС». По-готски «ГАУЙ-ИС» означает «РЕВУЩЕЕ». Краузе считает: «Такое имя копьё могло бы указывать на широко распространённую в нордическом мире веру в то, что копьё, производящее громкий шум, когда войско устремляется в битву, приносит удачу своему владельцу и неудачу его врагам».

Вообще же древнейшим скандинавским артефактом этого рода считается железный наконечник копьё, найденный в Овре-Стабю (Дания), чей возраст датируется второй половиной II в. п. Р.Х. Руническая надпись на нем — «РАУНЙАР» — означает «ПРОНЗАЮЩИЙ» (как и сходная надпись на дамсдорфском копьё).

Примечательно, что главным атрибутом власти над миром бога-аса Одина-Вотана служило его волшебное копьё Гунгнир (Гунгнер), на котором держится весь мир. Оно защищает святость заключённых договоров. Бросая «Мировое Копьё» Гунгнир во вражеское войско, Один обрекает его в жертву себе. Отсюда идет символический обычай древних германских князей перед началом битвы метать свое копьё в неприятельское войско, обрекая его в жертву Вотану-Одину. Не правда ли, сама собой напрашивается аналогия с нашим малолетним князем Святославом Киевским (как мы скоро узнаем — вероятнее всего, потомком готского царского рода Амалов), метнувшим, согласно «Повести временных лет», копьё во враждебное войско древлян, после чего воевода Свенельд воскликнул: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем!», и закипела битва?. Пригвоздив себя Мировым Копьём к Мировому Древу, бог битв и «живых мертвецов» познает тайну рун.

Стефан Флауэрс считает эти готские (и вообще германские) копьа магическими предметами, обладающими в битвах силой талисманов, и в то же время — символическими знаками царской и полководческой власти, наподобие скипетров монархов «культурных народов». Известно, что главным моментом при возведении на престол царей германцев-лангобардов (изначально именовавшихся «вин(н)илами», т.е. «победителями»), долгое время соседствовавших с восточногерманскими племенами (включая готов) было не возложение на них венца-короны, а вручение им священного копья. Виннилы пришли из Ютландии в Паннонию, а затем, после 558 г. — в северную часть Апеннинского полуострова, идя вдоль реки Пад (сегодняшней По), после растворения остатков разгромленных в ходе долгой разорительной войны восточными римлянами остготов в общей массе населения Италии. В 773–774 г. североиталийское царство лангобардов («длиннобородых»), оттеснивших восточных римлян на юг Италии, было завоевано царем франков Карлом Великим (будущим владыкой «Священной Римской империи»). В знак победы над лангобардами Карл не только венчался «железной» короной их царей, но и присвоил себе наконечник копья, вручаемого лангобардским царям при восшествии их на престол (или само копье). С тех пор Карл не расставался с сакральным копьем (наконечником) ни днем, ни ночью, как со священным атрибутом царской власти (якобы даже наделившим его даром ясновидения). После того, как Карл упал с коня, выронив копье (наконечник), он не прожил, якобы, и нескольких дней. По мнению Эдреда Торссона, именно этот наконечник лангобардского копья, переходивший от Карла Великого ко многим его преемникам, и был со временем преобразен легендой в «Святое Копье», которым якобы римский центурион (сотник) Гай Кассий Лонгин пронзил ребро распятого на Голгофском кресте Иисуса Христа, и которое, перейдя по наследству к первому римскому императору-христианину Константину Великому, а затем — в руки царя западных готов Теодориха и его союзника — западноримского полководца Флавия Аэция -, помогло им разбить полчища гуннского царя с готским именем Аттила в «битве народов» на Каталаунских полях в 451 г. В действительности же речь шла о древнем сакральном атрибуте германских царей.

Впрочем, довольно об этом...

В сохраненном Аблабием-Кассиодором-Иорданом сказании о странствии готов упоминаются встретившиеся им на пути обширные заболо-

ченные земли. Возможно, главным силам и левому крылу мигрирующего народа-войска не хватило места на дороге (шедшей в направлении сегодняшнего украинского города Житомира), и в результате они забрели в болота.

Через реку (по мнению Людвиг Шмидта — Данапр-Днепр) готами «со товарищи» был построен мост. Точное место выхода объединенных племен германских переселенцев на берег Данапра нам сегодня неизвестно. Но можно не сомневаться в том, что в те времена Днепр был, уж во всяком случае, не уже, чем во времена Н.В. Гоголя. Конечно, его ставшее крылатым изречение: «Редкая птица долетит до середины Днепра» было поэтическим преувеличением во все времена, включая время готских странствий. Однако переправиться через Данапр готским мигрантам было, разумеется, непросто. Вероятно, они построили для переправы через реку понтонный мост. Как в свое время — римский полководец Гай Юлий Цезарь, переправляясь со своими легионами через Рен(ус)-Рейн, к великому изумлению наблюдавших за переправой римлян, словно кролики — за приближением удава, уже разбитых римлянами в Галлии германцев-свевов. Но готы, скорее всего, уже обладали опытом строительства понтонных мостов. Вряд ли они в свое время форсировали до того довольно широкую Вистулу вплавать. Прошло, конечно же, немало времени, прежде чем по шаткому мосту через Данапр переправилось достаточно много людей, коней, домашнего скота и, повозок. И вот, после того, как половина, а может быть — треть или две трети мигрантов, расположились на отдых после переправы станом на восточном берегу, произошло нечто ужасное. Наведенный готами понтонный мост исчерпал свой запас прочности. Он постепенно расшатался и... Челн за челном, плот за плотом, стали срываться с якорей, соединяющие их балки — расходиться. Построенный с таким большим трудом мост стал разваливаться, распадаться на части. А эти части, подхваченные бурным течением — удаляться по реке от места переправы. Именно так следует понимать сообщение о том, что после переправы части готов с этого, т.е. западного, берега, на противоположный, восточный, берег, мост через Борисфен «непоправимо сломался». Немалой части готов, не успевших переправиться по мосту, пришлось продолжать свой путь на юг по западному берегу. Поскольку у готов (в отличие от римлян или греков) не было ни времени, ни навыков, необходимых для строительства каменного моста, под «непоправимой поломкой»

их моста следует понимать его развал, а под самим «мостом» — достаточно узкий плавающий настил.

Каким бы образом ни «сломался» шаткий готский мост, сколько бы при этом ни погибло людей, скота, коней и всякого добра, для готов эта «поломка» стала настоящей катастрофой. И притом совершенно неожиданной. Что усугубило ее тяжесть. Даже в туманном, многократно переданном из уст в уста, сообщении, записанном на пергамене Иорданом, сохранилось нечто от чувства отчаяния, охватившего странствующий по чужой земле готский народ:

«В поисках удобнейших областей и подходящих мест [для поселения] он (Филимер со своими готами — В.А.) пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум (Oium — В.А.). Филимер, восхитившись великим обилием тех краев, перекинул туда половину войска, после чего, как рассказывают, мост, переброшенный через реку, непоправимо сломался, так что никому больше не осталось возможности ни прийти, ни вернуться. Говорят, что та местность замкнута, окруженная зыбкими болотами и омутами; таким образом, сама природа сделала ее недосыгаемой, соединив вместе и то и другое. Можно поверить свидетельству путников, что до сего дня там раздаются голоса скота и уловимы признаки человеческого [пробывания], хотя слышно это издалека» («Гетика»).

Легко себе представить ужас и смятение всех местных уроженцев, спасающихся бегством при неотвратимом приближении вооруженных чужеземных, с позволения сказать, «землепроходцев», со своим скотом в речные поймы Борисфена. Или же в заболоченные местности, странным образом, пригодные для сельскохозяйственной деятельности и скрытого от чужих, недобрых глаз существования жителей маленьких деревушек (как, скажем, в нынешнем восточногерманском краю Шпреевальд). Но одновременно с этими сообщениями о фактах, в истинности которых Иордан, вроде бы, не сомневается, в его повествовании ощущается какой-то суеверный страх. Как если бы слышались в упоминаемой им «замкнутой местности» голоса скота (и, надо думать, человеческие голоса) были голосами «с того света». Голосами мертвецов, нашедших смерть в мрачном море болотных трясин. И то ли предостерегающих своими криками и завываниями тех, кто попадает в эти гиблые места по их следам, то ли стремящихся погубить их, заманив в болотные топи и омуты.

«Та же часть готов, которая была при Филимере, перейдя реку, оказалась, говорят, перемещенной в области Ойум и завладела желанной землей» — так продолжает Иордан свое повествование.

Следует заметить, что в разное время разные авторы локализовали Ойум (как и Рейдготаланд) в разных местах. Валентин Васильевич Седов — в окруженном болотами регионе нынешних Мазовии, Подлясья и Волыни (соответственно, рекой, пересеченной частью готов до обрушения моста, ученый считал Висклу-Вислу, разделявшую (по мнению многих античных авторов, включая Иордана), Германию и Скифию/Сарматия). Ф. Бирбрауэр располагал Ойум на нынешней Волыни (считая реку, пересеченную готами, Припятью). Аналогичной точки зрения придерживались и другие ученые, в т.ч. Марк Борисович Щукин (в своей книге «Готский путь»), Дмитрий Алексеевич Мачинский и Сергей Вячеславович Воронятиов.

Между тем, «Ойум» (точнее — «ауйом», или «ауйя») в переводе с готского (да и с других языков древних германцев) означает «земля произрастания злаков», «житница». Родственное слову «ойум» современное немецкое слово «ауэ», кстати говоря, означает (в Центральной Германии) «местность, богатая зерном». А ведь готам была нужна именно ЖИТНИЦА — ЩЕДРАЯ, УРОЖАЙНАЯ ЗЕМЛЯ, НА КОТОРОЙ В ИЗОБИЛИИ ПРОИЗРАСТАЮТ ЗЛАКИ. Была она нужна и древним грекам, остро нуждавшимся в собственном хлебе и вот уже полтора тысячелетия получавшим зерно с берегов Евксинского понта. Только подбирались греки и готы к плодородному, богатому зерном Причерноморью (как полагает целый ряд ученых, в том числе Людвиг Шмидт, Георгий Владимирович Вернадский, Гервиг Вольфрам, Елена Чеславовна Скржинская, Т. Левицкий, Олег Васильевич Шаров и др.), с безбрежными золотыми хлебными нивами тамошних «скифов-пахарей» и «скифов-земледельцев» (упоминаемых еще Геродотом) с двух разных сторон. Греки — с юга, готы — с севера. Как тут не вспомнить миф о припонтийском «золотом руно» — цели плавания древнегреческих героев во главе с Ясоном (названных, по своему кораблю «Арго», аргонавтами)! Считается, что «золотое руно» — шкура золотого летающего барана, посланного богиней облаков Нефелой или богом Гермесом по приказу верховного бога Зевса или его супруги Геры, со спасательной миссией. На спине золотого барана дети царя греческого города Афаманта — Фрикс и Гелла — полетели к понтийским берегам, спасаясь от преследований своей мачехи Ино (или,

по другой версии мифа, своей тетки Биадики). По дороге Гелла упала в море, названное после этого Геллеспонтом — «морем Геллы» (ныне это — Дарданеллы). Фрикс достиг берегов черноморской Колхиды. Там он принёс золотого барана в жертву Зевсу, а снятое с него золотое руно подарил местным жителям. Золотое руно, ставшее магическим гарантом благоденствия и богатства, охранялось драконом в священной роще бога войны Ареса. Откуда оно было похищено и увезено в Грецию аргонавтами под предводительством Ясона. Миф о золотом руно отражает историю ранних связей между Древней Грецией и Причерноморьем. По преданию, золото там добывали, погружая шкуру барана в воды золотоносной реки. Руно, на котором оседали частицы золота, приобретало большую ценность. Страбон, например, сообщал в своей «Географии» следующее: «...В их стране, как передают, горные потоки приносят золото, и варвары ловят его решетами и косматыми шкурами. Отсюда, говорят, и возник миф о золотом руно».

Увы — при всем нашем уважении к Страбону и другим античным авторам, данный способ добычи золота причерноморскими «варварами» ничем не подтвержден. И непонятно, можно ли таким способом добывать золотой песок из проточных рек или ручьёв. Зато у нас есть гораздо более простое объяснение: «золотое руно» — не что иное, как золотое зерно, тот зерновой хлеб, которого всегда не хватало древним грекам (да и римлянам).

Припонтийский «золотой ауйом» был для готом тем же самым, чем «Золотое руно» из мифа о плавании аргонавтов к Евксинскому понту было для греков. А именно — золотыми хлебными нивами Скифии. Грекам приходилось вывозить золотое зерно из Причерноморья в Аттику, и дальше на юг морем, опасным путем через Геллеспонт, мимо грозных прибрежных крепостей троянцев и других морских разбойников. Готам же удалось, форсировав Данапр, почти беспрепятственно попасть в самое средоточие хлебной сокровищницы Северного Причерноморья, главной житницы античного мира. Но удалось ли это всем готам? Или только части готом? Археологические находки, сделанные, вдоль трассы готского «трека», позволяют сделать следующий вывод. Германские мигранты продолжали свое продвижение на юг по обоим берегам Данапра. Находки соответствующих артефактов подтверждают разрушение или «поломку» готского моста. Но полагать, что только Филимер со своей «половиной»

готского племени прибыл на желанный юг и овладел плодородным «ауймомом», очевидно, было бы неверно. Да и предположение, что готы уже в ходе этого первого прорыва на юг (или даже до него), в лице своих разведчиков, «передовых землепроходцев», достигли полноводной реки Ра, а то и двинулись дальше на юг вдоль по течению Ра, не находит достаточно веского подтверждения. При всем уважении к столь авторитетному историку, как Г.В. Вернадский, придерживавшийся этого мнения. Не полноводная река Ра (нынешняя Волга), впадающая, как известно, в Каспийское море, а полноводный Данапр-Борисфен, текущий в направлении Тавриды-Крыма и впадающий в Евксинский понт, указывал путь на желанный юг готам и их союзникам.

«Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы. Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблавий, выдающийся описатель готского народа, в своей достовернейшей истории» («Гетика»).

В этом фрагменте как будто слышится победное звучание фанфар (или, точнее — германских рогов-луров). Разумеется, очень хотелось бы узнать, хотя бы в нескольких строфах или словах, в каких выражениях готские певцы-сказители (именовавшиеся у кельтов «бардами», у западных германцев — например, у англосаксов — «скопами», и неизвестно как именовавшиеся у гутонов-готов) славили в своих боевых песнях подвиги героя Филимера. Драматическую, едва не обернувшуюся всеобщей трагедией, переправу через Борисфен. Победу над спалами. Завоевание Тавриды-Крыма. Увы! Готские героические песни (наверняка не только сложенные, но и неоднократно исполнявшиеся по самым разным поводам) давно отзвучали, забывшись с течением времени. Почти всем, что нам сегодня известно о готском языке, мы обязаны переводу Библии с греческого основателем не только готской, но и всей германской письменности (не считая рун), да и литературы — готским епископом Вульфиллой (о нем еще будет подробно рассказано далее). Ибо, кроме него, до нас дошло лишь несколько готских надписей (вроде той, что украшает ковельское, дамсдорфское, розвадовское и моосское копьё), грамот, имен, фрагментов. А как насчет готских следов в германском языческом

стихотворчестве? Их отдаленное звучание можно, хотя и с трудом, расслышать в норманнских сагах и висах, в сохранившихся нордических редакциях раннесредневековой германской поэзии времен Великого переселения народов. Считается, к примеру, что в некоторых, старейших, нордических сказаниях и песнях (например, «Песни о битве готов с гуннами» или песни о кузнеце-кудеснике Вёлунде-Воланде-Виланде — своеобразном «северном Икаре» и прообразе булгаковского Воланда) еще сохранились далекие отзвуки словарного запаса языков древних южных германцев. «Великая сумятица», или, говоря по-русски — «Великая смута» (а то и «Великая замятня»), которой, своим переселением на юг, в немалой степени способствовали и готские мигранты, поглотила без следа свидетельства существования поэтических произведений, сочиненных готами в честь своего великого похода, ознаменовавшего собой наступление новой эпохи.

СПАЛЫ, СКИФЫ И ДРУГИЕ

Широкая и полноводная река, форсировать которую готские «вооруженные мигранты» после обрушения моста больше не могли, превратила их поход на юг в странствие на юго-восток. Эта смена направления движения не могла остаться незамеченной готским «народом-войском», хорошо знакомым с морем и мореплаванием. Но что готским мигрантам было делать? Река становилась все шире, неся свои бурные воды через безграничную степь. О переправе через своенравный Борисфен нечего было и думать.

Речные берега, как и морские побережья, были в древней Европе заселены гуще, чем места, более отдаленные от водоемов. Люди издавна селились по морям и рекам. С тех пор в этом отношении мало что изменилось. Возможность водного транспорта по рекам — единственный способ перевозки тяжелых грузов из одного населенного пункта в другой — была столь же важной, как рыбная ловля и возможность иметь в достатке питьевой воды для людей и домашних животных. А воду Данапра в то время, несомненно, можно было пить без лишних опасений. «Испить шеломом Борисфена», выражаясь языком автора «Слова о полку Игореве».

Вероятно, Филимеры и шедшим на юго-восток, параллельно со своими братьями, по западному берегу Данапра, готам приходилось постоянно вести бои с туземцами. Хотя эти бои были, скорее всего, неравными. Вряд ли земли, через которые проходили готы, были особо густо заселены. Несмотря на сказанное нами выше о большей заселенности речных берегов. Но вот в большой излучине Данапра-Борисфена, в районе нынешнего Киева, люди селились постоянно, начиная с Каменного века, и притом в немалом количестве. На современной территории «матери городов русских» было найдено тому множество свидетельств. Археологические раскопки показывают, что поселения на территории Киева и Киевщины существовали уже не менее пятнадцати, если не двадцати пяти тысяч лет назад (Кирилловская стоянка). Период неолита и энеолита представлен трипольской культурой, памятники и периоды которой исследователи разделяют на три этапа: ранний (4500—3500 до Р. X.), средний (3500—2750 до

Р. Х.) и поздний (2750—2000 до Р. Х.). Бронзовый век представлен на территориях юго-западной Киевщины белогрудовской культурой. Зарубинецкая культура (второй половины I тысячелетия до Р. Х. - первой половины I тысячелетия п. Р.Х.) характерна для северо-запада Киевщины. Короче, люди жили там как в более ранние, так и в более поздние времена. Когда Креститель Руси, Великий князь Владимир Святослав(ов)ич Стольно-Киевский (как его именуют наши древние былины), считающийся отпрыском норманна Рюрика (в действительности же, вероятнее всего — потомок готских Амалов, причем не только по матери, но и по отцу, о чем еще будет сказано далее), строил в Киеве в X в. церкви, то возводил их на месте древних сел и захоронений. Само возникновение, основание города Киева было ни чем иным как слиянием в единое поселение городского типа существовавших уже на протяжении многих столетий поселений рыбаков, перевозчиков, сплавателей, плотогонов, паромщиков (не зря именно перевозчиком считали в народе — к возмущению автора древнерусской «Повести временных лет»! — первого, легендарного, киевского князя-эпонима Кия; «Кий» — вероятно, искаженное иранское «Кей», от авестийского «Кави», т.е. «князь» или «царь» — первая иранская династия, считающаяся легендарной, вошла в фольклор, например, в «Шахнаме» Фирдоуси, и в историю Ирана под именем Кейанидов-Кеянидов). Но также и ремесленников — кузнецов, золотых дел мастеров, гребенщиков и гончаров-горшечников. Не менее прославленных своим мастерством и имевших не меньше покупателей своих изделий, чем резчики по янтарю из устья Вистулы. Ибо по великой реке покупатели сами плыли к ним в руки. В буквальном смысле слова.

Не позднее, чем добравшись до излучины Данапра, готы уяснили себе следующее. После долгих странствий по обширным, малозаселенным областям, они опять приблизились к зоне, густо заселенной носителями высокой культуры. Наверно, жители берегов Данапра напомнили им жителей дельты Вистулы. Покинувшему Янтарный берег народу готов по пути из «Готискандзы» к Евксинскому понту впервые за все время своего долгого странствия предоствилась возможность начать новую, более богатую и привольную жизнь. Жизнь, в условиях которой можно было бы, однако, сохранить те или иные старые привычки. Здесь готские странники могли бы начать жить по-другому. Лучше, чем прежде. Как в свое время — на Вистуле. Если бы

только вышли победителями из схватки с туземцами. С народами, на протяжении столетий наслаждавшимися близостью к теплому морю, не требующим особого труда изобилием и древней культурой. И потому, возможно, менее воинственными, менее стойкими в бою, чем готы, подступающие к их старинным поселениям.

Первым племенем, способным оказать и оказавшим готам Филимера достаточно упорное сопротивление, были упомянутые Иорданом спалы. О народе с таким названием известно крайне мало. Ибо до упоминания спалов в сказании о великом странствовании готов, донесенном до нас «Гетикой», этот (или схожий) этноним (в варианте «спалеи», лат. *Spalaei*) упоминался тольк римским энциклопедистом-полигистором Плинием Секундом. По мнению известного отечественного ученого-лингвиста Олега Николаевича Трубачева (разделяемому, в частности, Максимом Жихом): «Плиниевская форма *Spalaei* уводит в индо-арийский Крым и относится к сатархам — *Satarcheos Spalaeos*, букв. «сатархи — жители пещер» («пещерники» — В.А.). Как бы то ни было, спалы, очевидно, относились к кочевым народам азиатского происхождения (возможно, сарматского или, точнее, роксоланского, т.е. иранского, корня — отсюда и упоминание Трубачевым «индо-арийского Крыма»), хотя вряд ли возможно представить себе кочевников обитающими в пещерах (со своими стадами и табунами — иначе какие же это кочевники). Поэтому многие авторы, как, например, Иван Анатольевич Анфертьев, говорят в данном случае о случайном совпадении слов (омонимии). Темна вода во облацех, как говорили в таких случаях у нас в былые времена... Некоторые историки и филологи связывают со спалами русское слово «исполин» («спалин», «палин»). Предполагая, что спалы, некогда державшие в подчинении праславян (и потому воспринимаемые последними как непобедимые силачи), вошли под названием «исполинов» в славянский фольклор и язык. Эти (вероятнее всего — ираноязычные) номады (возможно, связанные с «царскими скифами» или «царскими сарматами» античных авторов) могли свободно кочевать по бескрайним степям к востоку от Данапра. И потому были вполне способны сконцентрировать боевую мощь своей конницы против готов. Что же касается бесчисленных, но мелких вооруженных стычек готов с прибрежными жителями (праславянами или уже славянами — «антами» и «склавенами», упоминаемыми Иорданом), то они не носили характера решающих битв. И потому не были упомянуты в сказании

о готском странствовании, сохраненном для потомков в «Гетике» го-тоаланского историка на службе у Второго Рима.

Совершенная иная ситуация возникла, когда готские мигранты достигли, наконец, Черноморского побережья. Ибо оно на протяжении вот уже целого тысячелетия было зоной древней культуры. Областью, находившейся под сильным влиянием греческой цивилизации. По крайней мере, с гомеровских времен. Если не раньше. Черноморское побережье с прилегающими к нему «ауйомами» — плодородными земледельческими зонами, изобильными зерном — относилось к числу первых земель, открытых древнегреческими мореплавателями и ставших объектом эллинской миграции с последующей колонизацией. Ибо на гористом греческом полуострове (и тем более — на многочисленных греческих островах, островках и островочках) никогда не произрастало достаточно хлеба, чтобы накормить неуклонно растущее население греческих городов, часть которого регулярно отправлялась в далекие, неизвестные земли в поисках новой родины и лучшей доли.

Потому-то первое плавание греческого корабля через Геллеспонт, а затем — через Понт Евксинский — в Колхиду было воспето в одном из самых поэтичных мифов классической древности и на все времена сохранилось в памяти культурного человечества. В упомянутом нами выше мифе о плавании направляемого волей богов и богинь корабля «Арго» под начальством Ясона. Героя, сломившего сопротивление угрожавших ему злых сил. Одолевшего их с помощью чародейки Медеи, И все же не Колхида была, на деле, главной целью греческих флотилий в последующие столетия. Нет, их целью был тот самый «ауйом», золотая житница-«ауэ» готы, Северное Причерноморье с его щедрыми урожаями зерновых.

Выходцами из Милета — процветающей эллинской метрополии, общепризнанного центра изящных искусств и ремесел, литературного творчества и торговли малоазийских греков, были основаны многочисленные колонии на берегах Евксинского понта — Синоп, Трапезунд, Ольвия, Томы, Гермонасса, Кепы. Выходцами из другого эллинского полиса, Мегары — колонии Гераклея Понтийская и Халкидон (Халкедон) Таврический. Города, большинство которых, хотя и не всегда располагались на одном и том же месте, оставались важными торговыми пунктами на протяжении долгого времени. Города, каждый из которых имел долгую и великую историю и свою собст-

венную судьбу. Города, служившие мостом между Западом, Европой, и Востоком, Азией. Между средиземноморским культурным кругом (выражаясь языком диффузионистов) и дикими, необузданными силами чудовищных в своей необозримости степей. В античные времена политическое устройство греческих колоний на берегах «Гостеприимного моря» с золотыми нивами описанных впервые Геродотом скифов-пахарей и скифов-земледельцев, было близко к устройству метрополий, выходцами из которых они были основаны. Впоследствии колонии причерноморских греков попали под власть эллинистического Боспорского царства. Затем — царства Понтийского. И, наконец, Римской империи. Местные греческие колонисты занимались сельским хозяйством, рыболовством, ремеслами и торговлей. Через причерноморские колонии осуществлялся вывоз в материковую и островную Грецию, в первую очередь, хлеба, шкур из Скифии, а также рыбы и рабов. Взамен из Греции завозились в основном керамика, вино, елей (оливковое масло).

Первым народом, приобщившимся, благодаря влиянию понтийских эллинов, к благам высокой греческой культуры, воспринявшим ее и благодаря этому раскрывшим свои собственные таланты и способности, были многократно упомянутые выше скифы. Сегодня не подвергается сомнению факт принадлежности скифов к числу иранских народов и их родство с мидийцами и персами. Хотя, к примеру, известный греко-римский историк Кассий Дион причислял к скифам восточногерманское племя бастарнов-бастернов (певкинов), относимых некоторыми историками и географами к кельтам. А по мнению греко-римских авторов Дексиппа, Иоанна Зонары и Стефана Византийского, «скифами» или «скифо-сарматами» были германцы-герулы (эрулы, элуры, эрилы, ассоциируемые некоторыми исследователями не с каким-либо германским племенем, не с воинским союзом или кастой рунорезцов, а с нордическими ярлами), мигрировавшие вместе с готами (или вслед за готами) из «Скандии».

В дальнейшем греки, так сказать, по старой памяти, именовали «скифами» всех периодически сменявших друг друга «варваров», переселявшихся на северные берега Евксинского понта (которое Иордан именовал на латинском «Понтийским морем»). И нападавших оттуда на «цивилизованный» античный мир. Так, тридцатилетняя война 238–271 гг. между Римской «мировой» империей и коалицией «варварских» племен, совершавших набеги на Малую Азию, Грецию,

Фракию и Мёзию из регионов Северного Причерноморья и Прикарпатья, именовалась римскими историками «Готской». По названию готов, как наиболее сильного племени «варварской» коалиции «меотийцев» (в которую, кроме готов, входили и другие восточногерманские племена — упомянутые выше герулы-элуры, певкины-бастарны, гепиды, вандалы-астринги, тайфалы, бургунды-уругунды, а также даки-дакийцы, карпы, бораны; последние, по мнению В.Б. Егорова суть «первые варяги-варанги-воран(г)и» в нашей истории). Но под пером греческих историков-традиционалистов эта война преимущественно с германцами (характерной особенностью которой стали морские походы готов по Черному и Средиземному морям, опередившие почти на двести лет морские набеги вандалов на Рим из Северной Африки и более чем на пятьсот лет — эпоху отдаленных родичей готов — норманнских викингов) получила название «Скифской». Впрочем, довольно об этом...

Как бы то ни было, греки даже «настоящих», ираноязычных, скифов (как и персов) почитали «варварами». Даже после многих столетий сосуществования с греками, на берегах Евксинского понта, скифы так и не утратили, в глазах эллинов, казалось бы, успевших хорошо изучить их, этого «клейма». Принято восхвалять прекрасные отношения, сложившиеся между греческими купцами из Ольвии и скифскими обитателями прилегающих к этой милетской колонии территорий. Однако для древних «классических» греков — скажем, афинян и граждан других полисов материковой (да и островной) Греции скифы, тем не менее, оставались неотесанными, ограниченными, умственно отсталыми пьяницами. Как писал греко-римский историк Луций Клавдий Кассий Дион Кокцейян (более известный под сокращенным именем Кассий Дион или Дион Кассий): «Ведь весь род скифов жаден до вина и быстро от него пьянеет». Хотя скифа Анахарсиса (согласно А.М. Иванову — Анахварти), хорошо знакомого с жизнью эллинов и подвергавшего их слабые стороны справедливой критике, те же греки причисляли к величайшим философам античного мира. Хотя Мардоний — высокоученый воспитатель римского императора Юлиана Отступника, прививший своему воспитаннику тягу к знаниям и любовь к эллинской культуре, поэзии Гомера, Гесиода, «введший его в притвор храма философии» (по воспоминаниям самого Юлиана), был скифом по происхождению (если не припонтийским готом, «произведенным в скифы» сознательно архаизирующим свое пове-

ствование греко-римским автором). И хотя именно скифы издревле служили, скажем, в Аттике, во вспомогательных отрядах лучников, и выполняли в греческих полисах — например, в Афинах — функции стражников, надсмотрщиков, караульных и полицейских (слово «полиция» и означает, собственно, «охрана полиса», «городская стража»). «Тупые» скифы-полицейские («ходящие по двое, потому что один умеет читать, а другой — писать», как сказали бы в наше время) были излюбленные фигурами древнегреческой сатиры.

«В области, лежащей еще дальше к северу от земли скифов, как передают, нельзя ничего видеть и туда невозможно проникнуть из-за летающих перьев. И действительно, земля и воздух там полны перьев, а это-то и мешает зрению. Так сами скифы рассказывают о себе и о соседних с ними северных странах».

Это скифы рассказали Геродоту, и «отец истории», похоже, поверил им на слово. Хотя возникает вопрос: кто был «туп», а кто — «еще тупее»? «Темные» скифы-рассказчики или поверивший им на слово «просвещенный» эллин? Впрочем, возможно, «Отцу истории» просто не довелось ни разу в жизни увидеть падающий снег. Ибо бесчисленные летающие перья, заполняющие воздух и сплошным белым ковром покрывающие землю, разумеется, не что иное, как снег. По сей день покрывающий в зимние месяцы наши с Вами, уважаемый читатель, родные просторы к северу от Черного моря. Геродот, которому мы обязаны самыми подробными сведениями об античных скифах, еще в V в. до Р.Х. посвятил им немало страниц IV книги («Мельпомена») своей «Истории», приведя множество ценных деталей. «Отец истории» также называет несколько скифских племен, проживавших в причерноморских областях, в которые шесть веков спустя явились готские мигранты с туманного Севера:

«Ближе всего от торговой гавани борисфенитов (древнейшей колонии греков в Северном Причерноморье — Борисфен, основанной на нынешнем острове Березань в устье Днепра около 647 г. до Р.Х. — В.А.), а она лежит приблизительно в середине всей припонтийской земли скифов — обитают каллипиды, эллинские (эллинизированные, огреченные — В.А.) скифы; за ними идет другое племя под названием ализоны. Они наряду с каллипидами ведут одинаковый образ жизни с остальными скифами, однако сеют и питаются хлебом, луком, чесноком, чечевицей и просом. Севернее ализонов живут скифы-земледельцы. Они сеют зерно не для собственного пропитания, а на

продажу (странное замечание, ведь одно другому не мешает — В.А.). Наконец, еще выше их живут невры, а севернее невров, насколько я знаю, идет уже безлюдная пустыня. Это — племена по реке Гипанису (нынешней Кубани — В.А.), к западу от Борисфена».

Восточнее Данапра-Борисфена область скифов-земледельцев, если верить Геродоту, простиралась еще дальше вглубь материка. Ибо «Отец истории» пишет, что они занимают область на три дня пути к востоку, до реки Пантикапа (Ингула или Ингульца — В.А.), а к северу — на одиннадцать дней плавания по Борисфену. Значит, их область имела, в современном исчислении, площадь не меньше пятнадцати тысяч квадратных километров. Восточнее этой зоны пахотного земледелия в нижнем течении современных Днепра и Ингульца начиналась область скифов-кочевников — позднейшая Ногайская степь, много столетий служившая обиталищем кочевых и полукочевых коневодов. Многие другие народы, жившие вокруг скифских областей, которые мы здесь перечислять не будем, хотя Геродот описывает их имена, нравы и обычаи, судя по всему, тоже вели преимущественно кочевой образ жизни. Так что мы вправе сделать вывод, что скифы к тому времени перешли к земледелию, поскольку торговля скифским хлебом с греками на протяжении поколений все больше обогащала скифскую землю и скифский народ. Способствуя росту благосостояния скифов в большей степени, чем войны с теми же греками (да и не только с ними).

Беспокойство, стимул к войнам и набегам вообще-то исходили не от скифов-земледельцев (или, по-гречески, «георгой»), а от кочевых «царских скифов». В своих завоевательных походах VI и V вв. до Р.Х. скифы доходили до Карпатских гор и до территории современной Добруджи. Скифами были покорены нынешняя Трансильвания и несколько греческих городов, хотя те и до завоевания приносили скифам только пользу. Около 500 г. до Р.Х. на территории нынешней южной России образовалось Скифское царство. О том, с каким успехом оно отразило нашествие бесчисленного воинства персидского «царя царей» Дария I Ахеменида, можно во всех деталях узнать из «Истории» Геродота. Некоторые исследователи, изучающие историю скифов, возможно, грешили (и по-прежнему грешат) чрезмерной любовью к этому своеобразному народу. Первозданно-могучему, бесшабашному и выделяющемуся, благодаря своему уникальному искусству, из числа других племен, вышедших из иранского «плавильного

котла». По их воле скифы (не обладавшие в действительности, как иранцы, приписываемыми им А.А. Блоком «раскосыми очами», но, вне всякого сомнения, жадные до всякого добра — естественно, чужого) ведут войны даже в далекой Месопотамии и Индии. Причем решают судьбы тамошних народов так, как те сами не смогли бы этого сделать. Может, конечно, так оно и было. Но к счастью для готтов, к моменту их прихода в Скифию, когда Филимер, после долгих странствий, выслал своих первых разведчиков к городам на Гипанисе и Борисфене, к Меотийскому болоту (Синдскому, или Азовскому, морю — В.А.) и северным отрогам Тавра, военное превосходство скифов было уже в прошлом. Иначе готтам пришлось бы не лучше, чем когда-то — персам «царя царей» Дария I, сына Виштаспы (или, по-гречески — Гистаспа).

Народ, поставивший скифов на грань катастрофы, сломивший их мощь и тем самым приутоживший путь мигрировавшим с севера готтам, тоже явился — как и скифы несколькими столетиями ранее — из недр бескрайних восточных степей. Точней говоря, это был не народ, а целый союз племен и народов. Речь идет об уже упоминавшихся нами сарматах (именуемых Геродотом «савроматами»). В двух отношениях они превосходили скифов (своих отделенных сородичей). Во-первых, в тактике боя и вооружении. Как писал Лев Николаевич Гумилев о ветви сарматов — аланах (или асах — как тут не вспомнить об асах Одина-Вотана, пришедших в Скатиनावию-Скандзу как раз из той великой степи «Светии-Свитьод», по которой кочевали асы-аланы и прочие племена сармато-арийского корня!): «... аланы... имели... сарматскую тактику боя. Это были всадники в чешуйчатой или кольчужной броне, с длинными копьями на цепочках, прикрепленных к конской шее, так что в удар вкладывалась вся сила движения коня. По данному вождем сигналу отряд таких всадников бросался в атаку и легко сокрушал пехоту, вооруженную слабыми античными луками. Преимущества нового конного строя обеспечили сарматам победу над скифами...». Возможно, у сарматов уже были стремена (вопреки мнению многих авторов, связывающих появление стремян в Европе лишь с нашествиями гуннов в конце IV в. или аваров-обров в VI в. п. Р.Х.), позволявшие им снабжать своих конников, получавших за счет стремян необходимую устойчивость, тяжелыми доспехами и лучшим вооружением. В т.ч. длинными пиками и длинными мечами. Более эффективными, чем скифские легкие копья и короткие мечи-акинаки.

Во-вторых, у сарматов были опытные в боевом искусстве девушки-воительницы. Ни одной сарматке не позволялось выйти замуж, не убив до этого в бою врага. Скифы называли сарматок «повелительницами мужей». Для греков же они, видимо, послужили прообразом юных воительниц-амазонок, вошедших в эллинскую мифологию.

«... жены савроматов придерживаются древнего образа жизни, выезжая на охоту на лошадях и вместе с мужьями и отдельно от мужей; они также ходят на войну и носят ту же одежду, что и мужья» — сообщает Геродот. «... относительно брака у них установлено следующее правило: никакая девушка не выходит замуж прежде, чем не убьет мужчину из числа врагов. Некоторые из них, неспособные исполнить обычай, умирают в преклонном возрасте, так и не выйдя замуж».

Сведения о воинственности савроматских женщин подтверждают археологическими находками их захоронений в воинских доспехах.

Вероятно, савроматы (как, по мнению многих — и скифы) были в числе предков позднейших славян. Сторонники этой точки зрения объясняют значение этнонима «савро-маты» следующим образом. «Свара» по-старославянски означает «война». Корень «мат» во всех индоевропейских языках означает одно и то же — «мать» или «женщина». По-видимому, первичным названием этого народа было «савроматы», т.е. «народ воинственных женщин», а последующие («савроматы», а затем «сарматы») возникли в результате его упрощения. «Сваргой» у индийских ариев назывались небесные владения воинственного бога-громовника Индры, подобие рая, в который попадают кшатрии (воины), исполнившие свой долг. Аналогом «Сварги» была германская Валгалла — чертог для избранных воинов Одина («эйнгериев»). Аналогом же арийского бога-громовника Индры у древних славян был бог Сварог — отец громовержца Перуна-Сварожича.

В 1928 г. в грузинском местечке Земо Ахвала, советские археологи нашли захороненные останки сарматской девушки-воительницы. Она была погребена в согнутом положении, с подогнутыми коленями, в полном вооружении. Рядом с амазонкой покоился в могиле ее двуострый топор. Захоронение датируется III в. до Р.Х. Эту необычную находку британский археолог русского происхождения Тамара Талбот Райс (в девичестве — Тамара Елена Абельсон) считала последним пристанищем сарматской воительницы, возможно, даже лишившейся жизни в бою со скифами. В VI в. до Р.Х. савроматы помогли скифам

изгнать полчища Дария I Ахеменида. Но в III в. до Р.Х. сарматы осмелились поднять руку на самих скифов. И заняли Причерноморские степи, отрезав Скифию от греческих эмпориев-колоний, с которыми скифы так долго и успешно торговали.

Можно сказать, что готские мигранты с Севера пришли почти «на все готовое». Ибо фактически сарматы разделились со скифами еще до прихода готов в «Ауйом». Очевидно, даже до готов, проживавших в прибалтийском «захолустье» античного мира, «на задворках Экумены», доходили слухи (как всегда в подобных случаях, преувеличенные) о богатстве скифских племен и земель. Ибо торговые пути, маршруты которых нам подробно описывает Геродот, уже существовали к моменту прихода готов в дельту Вистулы. А где курсируют торговцы, там курсируют и сведения. Слухи, рассказы и их зримые подтверждения в виде греческих монет, украшений и керамики. Да и многого другого. Надо полагать, что готские первопроходцы, закрепившиеся на Янтарном берегу, с каждым годом подвергались все большему давлению. Как со стороны вновь прибывавших соплеменников, так и со стороны соседних народов, в равной степени нуждавшихся в «жизненном пространстве». И потому, возможно, готы на протяжении жизни целых поколений толковали и мечтали о богатой скифской земле у теплого моря. О земле, казавшейся им, вероятно, «земным раем», «краем всеобщего благоденствия». Хотя — благодаря чему, собственно, скифам жилось так хорошо? Благодаря простым вещам, не считавшимся в других местах большим богатством. Они привольно жили за счет хлеба, меда, воска, мяса, молока, кож и мехов. Поскольку скифы, в отличие от жителей иных, более удаленных от теплого моря, земель, имели постоянных покупателей в Греции. Стране высокоразвитой городской культуры. Стране высокоразвитого общества. Достаточно богатого, чтобы позволить себе приобретать в большом количестве и за хорошую плату все эти товары. Обогащая этим скифов, продающих грекам все эти товары.

По мнению Тамары Талбот Райс, каждое значительное скифское племя евразийской степи переживало в своей истории собственное «золотое время». Скифы Кубанской группы одними из первых достигли уровня, позволившего им жить в роскоши и изобилии. Их захоронения (самые роскошные из которых датируются ранним VII — поздним VI в. до Р.Х.) содержали великолепные художественные изделия из золота, подлинные шедевры высочайшего ювелирного

мастерства. В этой области проживания скифов число лошадей, приносимых в жертву при похоронах князей, исчислялось сотнями. Хотя власть тамошних скифских владык носила патриархальный характер. Погребальная утварь, найденная во многих подобных захоронениях, указывает на то, что и простые скифы занимались торговлей, приносившей им богатство, сравнимое с богатством их правителей.

Современными учеными вполне допускается также возможность прямых, непосредственных контактов германцев со скифами на протяжении столетий, предшествовавших Великому исходу готов. Ибо скифы не были безропотными верноподданными своих государей, покорно кочующими или пашущими землю строго в отведенных им местах. Богатые, гордые и воинственные, скифы постоянно восставали против своих князей. Хотя власть последних была, вероятно, не наследственной, а выборной. Во всяком случае, в районе Пазарыкских захоронений — несомненно, самых богатых. Нам известно одно такое мятежное скифское племя, откочевавшее от Евксинского понта к нынешнему казахстанскому озеру Балхаш («Белому морю» древних тюрок, именуемому древними китайцами «Западным морем»). Другое же скифское племя, судя по всему, перекочевало в прямо противоположном направлении, вдоль древнего торгового пути по территории сегодняшней России, на территорию нынешней Польши, и дошло до Пруссии, т.е. зоны германских племен. Местом этой встречи скифских мигрантов с мигрантами германскими была нынешняя Нижняя Лужица. Поскольку именно туда почти одновременно со скифскими переселенцами пришли германские племена, переселившиеся с северо-запада, спасаясь от наступившего там резкого ухудшения климатических условий (о котором у нас еще пойдет речь). Все более усиливавшиеся в Бойгегейме кельты, германские мигранты и скифские «кентавры» стали вытеснять туземное население нынешней Нижней Лужицы — иллирийцев. Нам известно, что скифы напали на иллирийские укрепленные городища Визен и Нимич (и, вероятно, захватили их). Во всяком случае, при раскопках этих укрепленных городищ на территории Лужицы археологами были найдены типичные трехлопастные наконечники стрел, употреблявшиеся только скифами. Эти находки позволяют нам проследить путь скифских мигрантов через современную Силезию в сегодняшнюю Лужицу.

Однако самым впечатляющим свидетельством этого глубокого рейда скифов в германские области служит т.н. Феттерсфельдская

находка, или Феттерсфельдский клад. Обнаруженный в 1882 г. нижнелужицким пахарем (если верить чешскому историку Яну Филипу и его немецкому коллеге Герману Шрайберу). Крестьянский плуг во время пахоты наткнулся на скифскую княжескую усыпальницу конца VI в. до Р.Х. Самым ценным артефактом, найденным в могиле, было золотое, украшенное тонкой фигурной резьбой, изображение рыбы, длиной около сорока сантиметров. Снабженное притом семью отверстиями. Наводящими нас на мысль, что владелец этого роскошного, крупного ювелирного изделия носил его при жизни пришитым к одежде. В качестве талисмана-оберега. Вероятно, на груди, чтобы его видели другие воины (возможно, подчиненные ему). Кроме того, усыпальница содержала предметы парадного вооружения. Нагрудный панцирь (вообще-то не типичный для скифов), щит из белого золота, накладки на колчан и налуч, декоративные круглые бляхи, ювелирные изделия в скифском «зверином стиле», украшенные фигурками животных и орнаментами. И ножны меча драгоценной работы в древнеионийском стиле. Подлинный шедевр архаического греческого искусства. Сокровище, попавшее, при посредстве скифов, на территорию Нижней Лужицы из жаркой, далекой Ионии.

«Платить по счетам» тогда пришлось туземцам-иллирийцам. Судя по всему, этот народ был совершенно перемолот между скифским «жерновом» и «жерновом» германским. Никаких следов выживания иллирийцев на территории Нижней Лужицы не сохранилось. А их победители — сильные германские племена и воинственные скифы, видимо, разошлись, не войдя в боевое соприкосновение (несомненно, грозившее перерасти в войну на уничтожение). Отложив неизбежную схватку на пару столетий.

Что же доказывает «дальний поход» скифов через позднейшую Силезию в нынешнюю Нижнюю Лужицу, за семьсот лет до «дальнего похода» готов в противоположном направлении? То, что еще народы доисторической Европы были способны преодолевать расстояния во много тысяч километров. И это случалось не раз на протяжении истории. Укажем в качестве примера на стремительные конные рейды скифов, гуннов, обров-аваров и угров-венгров (предшественников, в этом отношении, монголов). Или на народы, странствующие, как готы и другие германские переселенцы, в пешем (или в смешанном, конном и пешем) строю, имея в авангарде воинские контингенты в качестве тарана.

К концу II в. до Р.Х. в северо-западной части Римской «мировой» империи и в прилегающих к ней извне областях скифских племен начали множиться признаки приближения новой волны воинственных народов, мигрирующих с бескрайнего Севера, вниз до Гипанису и Данапру. А поскольку там больше не оставалось незаселенных земель, давление передавалось от одних народов к другим, со все более далеко идущими последствиями, согласно известному закону физики. Что вселяло в скифов и римлян все большую тревогу.

Греко-римский военачальник и историк Аммиан Марцеллин писал о военных трубах, звучавших почти во всей Римской империи, против которой поднялись самые дикие племена и народы, начавшие вторгаться в ее пограничные области. О том, как одновременно с аламан(н)ами, опустошавшими Галлию и Рецию, сарматы и квады грабили Паннонию. А пикты, скотты и аттакотты постоянно досаждали бриттам (тогда еще — римским подданным):

«...в то время пикты, делившиеся на два племени, дикалидонов и вертурионов, а также весьма воинственный народ аттакотты и скотты, бродили повсюду и производили грабежи, а в приморских областях Галлии франки и соседние с ними саксы там, куда только могли прорваться с суши или с моря, производили грабежи и пожары, забирали людей в плен, убивали и все опустошали. А в Африке с самого начала правления Валентиниана (римского императора Флавия Валентиниана I — В.А.) свирепствовали варвары (мавры — В.А.), совершавшие дерзкие набеги, сопровождавшиеся убийствами и грабежами. А в Исаврии разбойники, расходясь шайками по соседним местам, с полной свободой предавали грабежу города и богатые виллы, принося страшный вред Памфилии и Киликии (...) аламанный царек Рандон осуществил свой давнишний замысел и тайно проник с легким грабительским отрядом к Могонциаку (нынешнему Майнцу в Германии — В.А.) не имевшему гарнизона. И так как именно в это время праздновался христианский праздник, то он беспрепятственно увел в плен мужчин и женщин всякого звания и награбил много домашнего имущества. Квады с сарматами, племена, отличавшиеся особой умелостью в деле грабежей и разбоев, распространяя все шире и шире круг своих набегов, уводили в плен мужчин и женщин, угоняли скот, злобно радуясь гледам пепла от сожженных селений, страданиям убитых жителей, и без всякой пощады избивали последних, нападая на них врасплох» (Аммиан Марцеллин. «Деяния»).

Разные мавританские племена беспокоили своими набегами римские колонии в Африке. Фракия же страдала от разорявших ее готских грабительских шаек.

Римская Фракия занимала восточную часть современного Балканского полуострова, т.е. его части, расположенные между нижним течением Дунаба, современного Дуная, и Босфором. А готские разбойники нападали на нее, по старому скандинавскому, а если быть точнее — шведскому — обычаю не со стороны материковой суши, переправляясь через реки Тирас (ныне — Днестр) и Дануб, а по воде, переплывая Черное море, северного побережья которого достигли незадолго перед тем. Другие группы готов стали нападать на скифские города и сарматские кочевья. Судя по усилению оборонительных сооружений, городское население было начеку и своевременно подготовилось к отражению готских нападений. Богатые торговые города Припонтиды оставались господами положения еще на протяжении многих поколений. Отсиживаясь под защитой мощных стен и многочисленных гарнизонов, они могли вести с новыми завоевателями Тавриды переговоры о подвозе всего необходимого, перевалочной торговле и поставках на регулярной основе готовых изделий городских ремесленных мастерских. И заключать соответствующие договоры.

Одной из скифских крепостей, успешно противостоявшей как сарматам, так и готам, и не сумевшей устоять лишь под натиском гуннов, была упоминавшаяся нами выше резиденция царей Тавроскифии. Неаполь Скифский, выстроенный царем Скилуром и его сыновьями (на территории нынешней столицы Крыма — Симферополя) для защиты от понтийского царя Митридата VI Евпатора (обожещенного еще при жизни как воплощение бога Диониса и много лет боровшегося с Римом за власть над Ойкуменной). В ходе раскопок скифского Неаполя, начатых еще в 1926 г. под руководством крымского археолога, историка, филолога и педагога Николая Львовича Эрнста, и продолженных в 1945–1960 г.г. Тавро-скифской экспедицией под руководством видного советского ученого Павла Николаевича Шульца (которой, в свою очередь, пришли на смену другие археологи), были обнаружены следы упорной осады города, датируемые концом II в. до Р.Х. Тогда осаждавшим Неаполь грекам из Херсонеса Таврического и понтийцам — удалось поджечь немало городских домов. О чем свидетельствуют черные и серые слои пепла между предшествующей времени осады и последующей застройкой.

В результате археологических раскопок городища был обнаружен мавзолей с пышными и богатыми захоронениями (целых семьдесят два погребения, в т.ч. царя, знати, с конями, оружием, множеством золотых украшений). Были отрыты остатки мощной (восемь с половиной метров толщиной) оборонительной стены с двумя привратными башнями, выявлены остатки жилых и культовых построек с интересной настенной росписью. Найдены портретные рельефы, обломки статуй, постаменты с греческими надписями — посвящениями богам. Исследовано свыше двухсот погребений — богатые фамильные склепы, вырубленные в скале, земляные склепы и грунтовые могилы рядового населения.

Судя по результатам раскопок таврического Неаполя, скифы давно уже привыкли жить не только в войлочных шатрах или кибитках. Но и в многокомнатных каменных домах. И делать запасы на случай осады, недорода и природных катастроф. Археологи нашли подземные хранилища зерна, домашние мельницы-зернотерки, полные вместительных амфор кладовые, искусно сложенные печи и высеченные в скалах хранилища для горшков, котлов, чаш и кувшинов.

Конец существованию столицы Позднего Скифского (Новоскифского, или Тавроскифского) царства, скифского «Новгорода», положили явно не явившиеся с севера готские вооруженные мигранты (преимущественно пешие). Судя по всему, готам удалось как-то договориться, по крайней мере, с частью местных жителей Тавриды. Неаполь погиб совершенно внезапно. О чем свидетельствуют брошенное его жителями ценное имущество, детские игрушки, разбросанная повсюду домашняя утварь. Все это указывает на поспешное бегство. Возможно — на бегство перед лицом внезапно появившихся в городе врагов. Вероятно, построенная при царе Скилуре мощная крепость была взята не правильным штурмом, после долгой осады, а хитростью или с налета. Неаполь Скифский пал в IV в. п. Р.Х. Враги — аланы или гунны — видимо, явились неожиданно, без объявления войны, без стычек в подожженных городских предместьях (или, как говорили у нас на Руси — посадах). Нежданно и негаданно. Свалившись скифам, как снег, на голову. Именно такой «блицкриг» был излюбленным способом ведения войны степными конниками — «орками-кентаврами» из кочевых племен. Не имевшими ни стенобитной техники, вроде таранов, виной, осадных башен-гелепол и т.д. Ни «артиллерии» — метательных орудий, вроде катапульт: баллист, карро-

баллист, онагров, скорпионов. Ни навыков, необходимых для обращения с осадными машинами. Ни терпения для взятия вражеских твердынь измором. И умевших брать города лишь одним способом. Проскакать, пригнувшись к конской холке, через открытые городские ворота мимо ошеломленной стражи. И выпрямиться на спине лихого скакуна, лишь оказавшись в самом сердце города. Когда страх при виде внезапного появления «всадников ниоткуда» уже овладел сердцами горожан, лишив их воли к сопротивлению.

ИСТИНА, СКРЫТАЯ В МОГИЛАХ

После трехсот лет активных и все-таки скрытых от мира действий и передвижений готские мигранты дошли, наконец, до Евксинского понта. Успели смениться семь поколений готов, выступивших в поход в поисках новой родины, так и не обретенной ими, прежде чем восьмое поколение, наконец, достигло берегов далекого южного моря. Которое, возможно, большинство из странствующих готов считало сказочным, а не реально существующим. Или путало его со Средиземным морем. После казавшегося бесконечным пути через необъятную Восточноевропейскую равнину, широкие, бурные реки и безлюдные степи, их взорам предстало желанное теплое море. Море, о котором сообщали купцы и разведчики. Морское побережье с большими, хорошо укрепленными портовыми городами. Море, по которому в припонтийские гавани то и дело приплывали корабли изо всех градов и весей Римской «мировой» державы. Море, способствовавшее благоратворению воздушных и произрастанию плодов земных, выражаясь языком христианских священников и проповедников. И позволявшее собирать на землях Припонтиды богатый урожай.

Однако берега этого Евксинского понта, Гостеприимного моря (которое поэт Овидий, сосланный основателем Римской империи принцепсом Октавианом Августом из Рима на Тибре в далекие Томы, близ современной румынской Констанцы, «на край света», и тоскующий там по «великосветской» римской жизни, именовал в своих «Письмах с Понта» совсем иначе — «Аксинским понтом» — «Негостеприимным морем») были плотно населены. Народами, ведшими там весьма активную и довольно комфортабельную жизнь. Надо было быть столь избалованным столичной роскошью «мажором», как Овидий, чтобы считать Черное море «негостеприимным», а жизнь на его берегах — «неуютной» и достойной разве что «скорбных элегий». Припонтийские скифы, сарматы, бургунды, готы и гепиды точку зрения Овидия не разделяли. И потому старались силой завоевать себе «место под солнцем» на землях казавшихся римскому ссыльному «негостеприимным» черноморского побережья (где именно с тех пор, как, например, на месте найденно-

го в наше время археологами городища Белинское, обнаруживают предметы связанных с готами черняховской и вельбарской культур типа керамических сосудов с нанесенными на ручки по сырой глине гребнем расчесами — свидетельством культа волос, характерного для готов, помещавших в захоронения гребни -, погребений в восточно-германской одежде — как, например, в Танаисе, каменных кругов скандинавского типа и т.д.). Суливших им наилучшие условия жизни и наилучшие пути сообщения с «главою мира». С «центром обитаемой Вселенной», куда стекались все деньги, где сосредоточены власть и могущество и главные потребители жизненных благ. Короче говоря, с Римом — «главою мира». «Рома капут мунди». Не будь в римском Средиземноморье густонаселенных территорий древних культурных народов и построенных ими мегаполисов с вечно голодным пролетариатом, все то, что добывалось и производилось на берегах Евксинского понта и складировалось для вывоза в «цивилизованный мир», не имело бы никакой ценности. Видимо, и среди готов нашлись разумные, сообразительные, опытные люди. Люди, сказавшие себе: «Все добро, что накопили здешние скифы, явно не нажито и не произведено самими здешними скифами. И не привезено к ним другими скифами. Нет, все это добро привезено из совсем иного мира. Из мира с совсем иными, более высокими, запросами. Из мира с более высоким уровнем жизни. Из мира с совсем другими проблемами. С проблемами, решить которые можно лишь с помощью здешнего зерна».

Тогдашняя ситуация весьма напоминает современную. Ни одно из природных богатств Припонтиды не представляло собой некой абсолютной ценности, само по себе. Как и нефть в наше время. Ведь современные арабы со всей своей нефтью не могли бы вырастить в пустыне даже самого крошечного растеньица, если бы не достижения современной техники искусственного орошения. Техники, полученной арабами (как и многое другое, вплоть до опреснителей воды) в обмен на нефть. И потому готы, завоевав силой меча новое «жизненное пространство» в Северном Причерноморье, этим отнюдь не удовлетворились. И на этом отнюдь не успокоились. Долгие странствия пробуждают в людях жажду. А жажда сродни жадности. Слово «жаждать» или «алкать», сродни слову «алчность». Продолжительные военные действия пробуждают в людях воинственность и нетерпеливость. Эти давно вошедшие в привычку воинственность

и нетерпеливость невозможно утолить, если только лишь пахать, сеять и месяцами ждать очередного урожая — сколь бы богат он ни был...

С учетом этих соображений, можно найти объяснение двум историческим процессам, могущим показаться, на первый взгляд, неожиданными. Во-первых, пиратским рейдам готских морских разбойников, терроризировавших всю Припонтиду, а также все восточное средиземноморское побережье. Хотя, казалось бы, поколение готов, достигшее, после долгих странствий, Евксинского понта, не имело опыта плавания на кораблях в открытом море (ведь со времени, когда их предки переплыли Янтарное море, прошло столько лет!). Тем не менее, готские переселенцы, обосновавшиеся в солнечной Тавриде и в устье полноводного Данапра, принялись (возможно, с помощью местных корабелов — кто знает?) валить лес, распиливать бревна на доски и спускать на воду корабли. Вроде тех, на которых приплыли со «Скандзы». Снабжать их корабельными командами. И, как впоследствии другие выходцы из «Скандзы» — викинги-норманны — ходить по морю, нападать на острова и побережья. «Шарпать берега Натолии», как писал Николай Васильевич Гоголь в «Тарасе Бульбе» о позднейших козаках (возможно — отдаленных потомках припонтийских готов, о чем еще будет сказано далее). В-общем — так пиратствовать, как в Средиземноморье не пиратствовал никто уже давно. С тех самых пор, как римский полководец Гней Помпей Великий (Магн), снарядив огромный флот, смог положить конец бесчинствам киликийских и североафриканских морских разбойников. А Марк Випсаний Агриппа, зять императора Октавиана Августа — бесчинству морских разбойников сына этого самого Гнея Помпея Великого — Секста Помпея (унаследовавшего от своего действительно великого, хоть и разбитого Юлием Цезарем, отца, прозвище «Магн» лишь по недоразумению). «Вивере нон эст нецесситаре — навигаре нецесситаре эст». Т.е. «Жить не необходимо, плавать по морям необходимо». Плавать — и попутно грабить...

На все эти особенности поведения готов в Припонтиде следует обратить особое внимание. Ибо они отличали его от поведения других германских народов. Скажем, гепидов и бургундов, скиров и прочих мелких этнических групп. Образовавшихся из обломков племен, разбитых или недорезанных готами в ходе их дальних странствий. Все эти побежденные готскими мигрантами племена «северных вар-

варов» дали готам себя вытеснить из густонаселенных припонтийских областей дальше на Запад. И несмотря на трудности преодоления пересеченной местности, направились к Карпатской горной дуге, принявшись беспокоить римскую провинцию Дакию.

С учетом этого столь разного поведения мигрировавших с севера германских племен при их появлении на границах Римской империи представляется необходимым перепроверить правильность тезиса, на протяжении многих поколений господствующего в историографии. В первую очередь — в историографии немецкой. Однако не только немецкой, но и, скажем, шведской. Ибо шведы гордились (и даже хвастались) своими готскими предками не меньше, чем немцы из Восточной Пруссии, Померании и Лаузица, хвалившиеся тем, что их родная земля в прошлом — пусть и ненадолго — была завоевана и заселена «славными готами, взявшими Рим».

Шведский историк академик Андерс Магнус Стрингольм (1786–1862), настоящий кладезь всевозможных сведений о завоевательных войнах, утверждал в своем труде о государственном устройстве, нравах и обычаях древних скандинавов, что общей и единственной целью всех германцев было сокрушение Римской империи.

Насколько сильными должны быть вера в величие германства и неразумность составляющих его народов, если труд, столь знаменитый по сей день, начинается с настолько ложного утверждения! Ибо, во-первых, у германцев никогда не было общих целей (тем более — одной единственной). Вплоть до II половины XIX в. (да и тогда, скажем, баварцы, в отличие от прочих германских народностей, не желали «шагать в едином германском строю»). Во-вторых, германские племена воевали, главным образом, не с Римом, а друг с другом. Это — непреложный факт. Сказанное относится и к «славным готам, взявшим Рим». Ведь даже в легенде об их «великом исходе» говорится, что готы первым делом победили герулов (германцев, как и сами готы). Вслед за тем готы, как это подтверждается историческими свидетельствами, одолели гепидов (германцев), бургундов (германцев) и (по крайней мере — частично) бастарнов (опять же германцев). Не говоря уже о величайшей в мировой истории битве между древними германцами — сражении на Каталаунских полях, близ Шалона-на-Марне, в 451 г., считающейся традиционно «битвой римлян с гуннами». В этой «битве народов» готы сражались против готов, франки — против франков, гепиды — против бургундов.

Если бы столь усердно постулируемое Стриннгольмом (и многими другими историками после него) пресловутое германское единство существовало в действительности... Если бы германцы уже в первые века Христианской эры достигли уровня организованности, позволяющего им совершить совместную «массовую акцию»... Тогда такие выдающиеся вожди древних германцев, как князь (или герцог) херусков (предков нынешних саксонцев) Арминий (получивший, до того, когда восстал против римлян, римское гражданство и титул римского эквеса-всадника за верную службу в римском войске) и царь маркоманов (предков нынешних баварцев) Мар(о)бод (проведший юность в Риме и пытавшийся править своими германскими подданными на манер римского императора) не сошлись бы в смертельной «братоубийственной» схватке, а плечом к плечу двинулись бы совместным походом на «ненавистный Рим». Не было бы никакого продолжения императорского периода римской истории. И на долю Алариха почти не осталось бы «победных лавров». Но именно отсутствие единства среди древних германцев обогатило мировую культуру еще несколько столетиями античности. Именно отсутствие единства среди германцев позволило достичь наивысшей точки расцвета античной цивилизации. Цивилизации, которой вплоть до времени правления римского принцепса-императора Октавиана Августа приходилось тратить немалую часть своих творческих сил и материальных средств на укрепление военно-политического могущества Рима. Позволившего ей в дальнейшем развиваться под своей защитой, в условиях «римского мира».

Конечно, автора этих строк могут упрекнуть не в попытке развеять «германский миф», а в попытке сознательно принизить все «готско-нордическое». Тем не менее, следует отдавать себе отчет в следующем. К моменту Рождества Христова германцы были неопишимо бедным, прямо скажем — нищим, первобытным народом. Во всяком случае, ни в чем не превосходившим две другие крупные этнические группы, которым было суждено, в конце концов, создать, вместе с германцами, европейскую семью народов. А именно — кельтов и славян. Тогдашние кельты, несомненно, превосходили тогдашних германцев. Как в сфере материально-технической цивилизации, так и в сфере духовной культуры. Славяне населяли самые плодородные земли, требовавшие меньших усилий для своей обработки. И потому имели больше свободного времени. Чтобы пре-

даваться на досуге развитию прикладного искусства, ремесел, рыболовства, торговли и транспорта. Всему этому германцы противопоставляли целый ряд идеальных (т.е. не приносящих практической пользы, материальных доходов) добродетелей. Таких, как гордость, чувство собственного достоинства, чувство чести и — понятное, с учетом перечисленного выше — вечное недовольство, постоянное чувство неудовлетворенности. Неприхотливые славяне жили припеваючи (или, во всяком случае — неплохо, по своим понятиям) за счет такого монотонного занятия, как рыболовство, и кое-чем при торговывали. Привыкнув довольствоваться малым. И не желая для себя ничего большего и лучшего. Германцы же, начиная с неизвестного нам сегодня момента времени, начали ощущать в себе нечто, что можно назвать поэтически «беспокойством и тягой к перемене мест» (вспомним главу X «Евгения Онегина»). Или, высокопарно-патетически, «харизмой воли к власти». А говоря прозаически, попростому — жаждой добычи. Ибо передвижения народов никогда не инициировались довольными собой и всем на свете неимущими людьми. Нет, они инициировались совсем другими людьми, у которых к первейшему и самому естественному побудительному мотиву — голоду — добавлялись иные мотивы и цели. И которые они привыкли (а точнее — приучили себя) считать более высокими мотивами и целями. Как долго многочисленные и достойные во всех отношениях уважения народы могут оставаться на уровне каменного века, при отсутствии материального благосостояния и этих самых более высоких целей, мы наглядно видим на примере североамериканских индейцев. Многие из племени индейцев были так бедны, что не обладали даже гончарными изделиями. И согласовывали свои кочевые странствия со временем созревания тех или иных диких плодов, трав, корней и овощей.

С другой стороны, современные историки пишут, например, по поводу недавней находки в английском графстве Дорсет массового захоронения обезглавленных англосаксами скандинавских викингов, что помочь идентифицировать скелеты последних именно как норманнов помог их анализ, показавший, что покойные жили в регионе с гораздо более суровым климатом, чем английский. Ученые установили, что в питании этих людей было много богатых протеинами продуктов — мяса, молока, яиц. Такая диета, помогающая наращиванию мышечной массы, была характерна для викингов, останки которых

были найденных на территории Швеции. Правда, речь идет об останках IX-X в. В общем, «темна вода во облацех»...

Как бы то ни было, современные историки, исследующие жизнь древних германцев, видят многие ее особенности яснее, чем — при всем уважении! — Генрих фон Трейчке и его современники. Чей взор был, вероятно, затуманен слишком воодушевленным и усердным чтением Тацита (несомненно, идеализировавшего в своей «Германии» германцев — дабы современным ему «римлянам, сравнивая себя с германцами, стало стыдно за свои пороки») и гордостью за только что состоявшееся в Версале провозглашение, под скипетром королей Пруссии из дома Гогенцоллернов, Германского империи («Второго») рейха, казалось, идущего на смену как средневековой «Священной Римской империи» («Первому рейху»), так и «классической» Римской империи времен античности. Все это мешало им видеть очевидные, несомненные факты. Но, с другой стороны, эти талантливые исследователи еще не имели в своем распоряжении так много фактов и материалов, как сегодняшние историки, открывающие их в результате археологических раскопок в Скандинавии и Германии.

Небольшая группа хорошо осведомленных ученых, результаты работы которых, право, стоило бы популяризовать гораздо шире, чем это делалось и делается до сих пор, относятся к столь долго чрезмерно восхваляемым и превозносимым древним германцам как к обычному, скромному во всех отношениях, первобытному народу. Раскапывая их скрытые в могилах останки с помощью лопат, зондов и сит. Стараясь подобраться к ним как можно ближе — насколько это сегодня представляется возможным. Ибо германцы, поступали со своими покойниками иначе, чем, скажем, древние египтяне. Т.е. не бальзамировали их выпотрошенные предварительно тела, чтобы затем замуровать их навечно (как им думалось) в гробницах. Германцы (как, кстати, и древние греки, и римляне) долгое время, придерживались обычая кремации. Т.е. трупосожжения. Хотя (к счастью для археологов) не полного, а частичного. Да и то — не всегда с необходимой последовательностью. Эта непоследовательность дает археологам возможность обнаружить и изучить тот или иной костный фрагмент. Во-первых, в силу того, что мертвые тела сгорали не дотла, т.е. не до полного превращения в пепел (как это делается в современных крематориях). Кости очень часто оставались не сожженными, в отличие от брэнной плоти, и вместе с остатками погребального костра опу-

кались в могильную яму, после чего засыпались землей. Даже в тех случаях, когда часть пепла помещалась в погребальную урну. Во-вторых, эта непоследовательность проявлялась в том, что даже у народов, хоронивших своих сожженных мертвецов в таких погребальных ямах, периодически встречались не сожженные трупы и могилы с не сожженным погребальным инвентарем.

В ходе раскопок древних захоронений, прежде всего в современных южношведских областях Вестер- и Эстергётланд (Вест- и Остготланд), существование которых, кстати, ставит под сомнение господствующее представление о разделении готов на западных и восточных лишь в ходе их миграции по европейской «Большой Земле», и на одноименном острове Готланд, шведские археологи К.Э. Сальстрём, Н.Г. Гейваль, а также Мoberг, Нилен и, независимо от них — Оксенсьерна, положили немало сил на поиск доказательств проживания и сосуществования ранних готов с другими племенами «Скандзы». А гамбургский археолог и историк Рольф Гахман (Хахман) попытался, на основе этих полученной шведскими учеными первичной информации, составить себе общее представление о жизни готов в «Скандзии» до переселения значительной части этого народа на «Большую землю». При чтении их описаний древних могил и опирающихся на археологические находки соображений, можно попытаться понять язык мертвых, похороненных в древних могилах. И тогда исторические акции готских племен приобретут в наших глазах иной оттенок, и даже иной характер.

Так, на основе изучения останков, захороненных в могилах, мы увидим, что детская смертность, составлявшая в среднем около тридцати процентов, в некоторых районах, отличавшихся особо суровыми климатическими условиями, превышала пятьдесят процентов. Иными словами: из троих детей молодой готской семьи, вследствие суровых, нищенских условий жизни только двое доживали до восемнадцати лет. В особенно неблагоприятных для проживания человека районах — только один ребенок из двух. А в районе нынешнего города Банкелла в Вестра-Гёталанде на юго-западе Швеции до восемнадцати лет доживал только каждый третий ребенок...

Средняя продолжительность жизни взрослых составляла сорок лет. Если считать взрослыми готов, преодолевших восемнадцатилетний возрастной «порог» лет, т.е. без влияния высокого показателя детской смертности, который исказил бы картину. Из этого Гахман

делал вывод, что семьи жителей Вестерготланда ко времени Рождества Христова были весьма немногочисленными. Сменявшие друг друга поколения не слишком задерживались на Земле. Когда на свет рождались внуки, большинство их дедов и бабок были уже мертвы. И зачастую дети были еще очень малы, когда умирали их отцы или (и) матери.

Так что население «Скандзы» росло очень медленно. А вот природные ресурсы окружающей среды исчерпывались очень быстро. Немногочисленность населения «Скандзы» не позволяла ему в крупных масштабах осваивать природу. Правда, определенная внутренняя колонизация «Скандии» все-таки происходила. Она сопровождалась рубкой и корчеванием лесов (для т.н. подсечного земледелия). И миграцией в еще менее заселенные области полуострова. Но, видимо, готы (в первую очередь — молодые) были не слишком привязаны к «родному краю» и к «родному дому» из-за отсутствия тесной связи между поколениями. Почти не знавшими друг друга, коль скоро деды обычно не доживали до рождения внуков, а дети едва знали родителей. И потому им казалось легче пытаться искать счастье на чужбине. Они предпочитали этот путь постоянному вкладыванию сил и времени в возделывание скудной земли, без особой отдачи. Жилось в «родной Скатиनावии» очень нелегко. Об этом наглядно свидетельствуют находки погребального инвентаря. Орудия труда, найденные в женских могилах, позволяют сделать естественный вывод, что погребенные в них покойницы работали ими при жизни.

Современные ученые установили, что германцы (по крайней мере — в Скандинавии) уже за тысячу пятьсот лет до Р.Х. вели оседлый образ жизни, так что обычай использования женского труда (или участия женщин в труде мужчин), по крайней мере, столь же стар. Если не старше. Подобные народные обычаи остаются неизменными, пока сохраняются неизменными места поселений и внешние условия жизни. Хотя встречаются и могилы без погребального инвентаря. Что не позволяет сделать однозначного вывода о роли женщины как помощницы мужчины во всех его занятиях. Разумеется, разделение труда между мужчинами и женщинами существовало всегда. Но чисто мужскими оставались лишь самые тяжелые и опасные виды трудовой деятельности. Например, охота, рубка леса, корчевание и обработка древесины — главного строительного материала в «Скандзии». Женщины и дети, достигшие сознательного возраста,

работали в поле, ходили за скотиной, вели домашнее хозяйство. И, вероятно, даже занимались гончарным делом. Хотя, возможно под присмотром и общим руководством наставника-горшечника, опытного в своем «рукомысле». И вот еще на что стоит обратить внимание. Погребальный инвентарь не позволяет сделать вывод о существовании в указанный период заметных социальных различий между скатинавскими готами. Ни в одной из древних готских могил, раскопанных археологами в Южной Швеции, не было найдено дорогого погребального инвентаря, указывающего на принадлежность погребенных к знатному, «княжескому» роду. Или хотя бы к социальному слою, резко выделяющемуся своим богатством на фоне прочих членов сельской общины. Из этого Гахман делал вывод, что «население, видимо, состояло из мелких крестьян с незначительным имуществом и скромным благосостоянием». «Отсутствуют явные признаки социального расслоения и возникновения обособленных социальных групп. Тем не менее, заметны различия в благосостоянии. Возможно, указывающие на то, что, не только трудолюбие и умение были не всюду одинаково велики (что естественно), но и имущество и собственность были не всюду одинаковы. Различия в авторитете (которым пользовались среди своих сородичей более трудолюбивые и умелые скатинавские готы — В.А.), несомненно, бывшие следствием подобных обстоятельств (...) еще не находили непосредственного выражения в области социальных институтов. Поскольку были, вероятно, связаны с конкретными личностями и поначалу еще не влекли за собой привилегий отдельных семейств» (Гахман).

Уделом готов «Скандии» была не полноценная, с нашей точки зрения, жизнь. А постоянная борьба за существование. Каждодневная, бесконечная, изнурительная борьба с угрозой смерти от самых разных причин, но прежде всего — от голода...

Убогая, скудная жизнь, на протяжении как минимум пятнадцати столетий ни разу не позволявшая готам достичь уровня той свободы (или возможности свободного передвижения), которую народ получает лишь тогда, когда производит немного больше того, что ему необходимо для выживания. Хотя германцы, вероятно, в разные периоды своей истории, пытались не довольствоваться скудной жизнью, позволяющей едва сводить концы с концами. Вспомним поистине героические усилия и поистине гениальную изобретательность скандинавских поселенцев в Гренландии (Туле?). Не побоявшихся тамошних

суровых природных условий, И попытавшихся заняться — за Полярным кругом! — даже разведением крупного рогатого скота. Устраивая в коровниках воздушные шлюзы, задерживающие проникновение ледяного полярного воздуха, и т.д. Упорные германцы не сдавались. Несмотря на несказанную нужду, они не тупо «прозябали». Не вели «растительное» существование по принципу «день прожит — и слава богу (или, точнее, асам)». Они, несомненно, воспринимали условия своего скудного существования как постоянный вызов, постоянную опасность. И пытались избежать ее, как могли. Нагрузившись своим жалким скарбом, уходили с насиженных мест, где земля уж больше не могла их прокормить, переплывая Янтарное море. Причем не только в пору Рождества Христова, когда готы переселились массами со «Скандзы» в «Готискандзу», но и, как минимум пятьюстами годами ранее. Археологические раскопки на территории Северной и Северо-Восточной Германии, близ Балтийского побережья, указывают на наличие там поселений, принадлежащих раннегерманским колонистам. Так сказать, «пытавшим счастья за морем». В свое время это признавали даже авторы из Германской Демократической Республики (как, например, Фридрих Шлетте), естественно, вынужденные учитывать результаты соседствовавшей с ГДР страны народной демократии — Польши, и толкования результатов раскопок польскими археологами. Тем не менее, даже они атрибутировали не только т.н. ясторскую группу археологических находок (на территории между Эльбой и Одером), но и, частично, прилегающие к ней с востока группы находок как имеющие отношение к германским племенам.

Особенности жизни германцев в областях, расположенных севернее и южнее Балтийского моря, в силу понятных причин, создавали (да и продолжают создавать) у многих авторов определенную неуверенность в том, мигрировали ли германцы с юга на север, т.е. в Скандинавию, или же с севера, т.е. из Скандинавии, на юг. Эта неуверенность нашла свое выражение даже в следующем отрывке из статьи о древних германцах в «Википедии»:

«... германские племена, изначально занимавшие территорию современной Дании и южного побережья Норвегии и Швеции (обычно этот период истории именуется тевтонским). К V веку н. э. германские племена заселили обширную территорию между Рейном и Вислой от запада к востоку, Дунаем на юге и Борисфеном и Меотским морем на юго-востоке, а также южную Скандинавию».

Т.е. получается, что германцы, изначально занимавшие Данию, южную Норвегию и Швецию (а это и есть Скандинавия), заселили южную Скандинавию только к V в. п. Р.Х.! «Темна вода во облацех...»...

Среди захоронений материковых германцев были обнаружены и погребения иной племенной принадлежности. Указывающие на присутствие среди населения Янтарного берега также иллирийских, кельтских и балтских элементов. Эти захоронения перемежаются, порой накладываясь друг на друга. И потому трудно определить, кто был туземцем, а кто — пришельцем. Что сих пор не позволяет составить себе однозначное представление о ходе процессов переселения народов и о формировании племенных образований в период между бронзовым и железным веком. А это оставляет широкий простор для самых вольных и даже фантастических построений и умозаключений. Как ученые-марксисты из стран «социалистического содружества» (которым полагалось быть «интернационалистами по определению»), так и ученые (как правило, не марксисты) из стран «капиталистического Запада» (так гордящиеся своей строго научным беспристрастным подходом) в эпоху «холодной войны» сплошь и рядом оказывались не свободными от чувства национально-племенного превосходства. Воодушевляясь от возможности приписать костным останкам или кухонным отходам, не говоря уже о каком-нибудь изображении медведя или божка первобытных рыбаков, «несомненно, славянский», или «несомненно, германский» характер.

Ну да ладно, Бог с ними. Процитируем лучше по этому поводу старого доброго Тацита. Для нас он остается несомненным авторитетом. Невзирая на идеализацию им древних германцев. Точность и правильность сведений, приводимых Тацитом в «Германии», современные археологи склонны признавать в куда большей степени, чем их предшественники XIX и первой половины XX в.

С чувством некоторого самодовольства и даже превосходства, понятным для «цивилизованного» римлянина, живущего в зоне вполне благодатного климата (вспомним Овидия, так страдавшего от «сурового» климата «бесприютной» Припонтиды!), Публий (Гай?) Корнелий Тацит пишет:

«Что касается германцев, то я склонен считать их исконными жителями этой страны, лишь в самой ничтожной мере смешавшимися с прибывшими к ним другими народами и теми переселенцами, которым они оказали гостеприимство, ибо в былое время старавшиеся

сменить места обитания передвигались не сухим путем, но на судах, а безбрежный и к тому же, я бы сказал, исполненный враждебности Океан редко посещается кораблями из нашего мира. Да и кто, не говоря уже об опасности плавания по грозному и неизвестному морю, покинув Азию, или Африку, или Италию, стал бы устремляться в Германию с ее неприютной землей и суровым небом, безрадостную для обитания и для взора, кроме тех, кому она родина?».

Эта родина-мать и в самом деле не слишком баловала своих сыновей (и дочерей). Ибо в эпоху бронзы в Северной и Центральной Европе по не совсем ясным по сей день причинам произошло резкое ухудшение климата. Что подтверждается данными палеоботаников, полученными в результате анализа остатков растительной пыльцы. Жизнь людей, не очень-то богатая и до этой перемены климата, стала на некоторых землях совершенно невозможной. Ибо увеличение влажности и участвовавшие холодные дожди раньше делали во многих областях возможным заниматься земледелием. Речь идет, выражаясь языком геологии, о молодых моренах с тяжелыми почвами. На которых до тех пор предпочитали селиться древние земледельцы. Как на наиболее плодородных и пригодных для обработки. Теперь же они сохранили свое значение лишь в зонах с «песочными островами» в почве. И обычно использовались лишь для скотоводства. Если население вообще оставалось в прежних местах.

Ибо немалая часть готов — вероятно, лишь после длившейся долгие годы, если не целые десятилетия, отчаянной борьбы с природой — отказалась от продолжения этой неравной борьбы и переселилась на более легкие почвы старых морен. И в расположенные, прежде всего, на территории нынешней юго-западной Швеции области с большими «песочными островами» в почвах. Немецкий археолог и историк Герберт Янкун, исследователь норманнского городища Хедебю-Хайтабу, установил, наступивший тогда расцвет скотоводства и спад земледелия. Видимо, начиная с того времени, в пору этого вызванного неблагоприятными климатическими изменениями, оскудения средств к жизни, скандинавские германцы, устав дрожать от холода и мучиться от голода в своих вечно сырых лачугах, начали впервые «искать счастья за морем». Т.е. в большом количестве мигрировать на юг через Балтийское море. Янкун даже писал (в сборнике *Archaeologia geographica* за 1952 г.) о происходившем в «Скандзе» процессе селекции. По его мнению, землепашцы

мигрировали, т.е. переселялись на чужбину, в то время как скотоводы продолжали бороться на прежних местах проживания со ставшими столь неблагоприятными, влажными и холодными, погодными условиями.

Вполне можно представить себе следующую картину. Как-то предприимчивый торговец — добравшийся с дальнего юга до «Скандии» грек, иудей, сириец или армянин — поведал мокрым от дождя несчастным готским «варварам», измученным капризами погоды, теснящимся у еле тлеющего очага в промозглой и открытой всем ветрам хибаре, кашляя от дыма, дивную историю, похожую на сказку. Историю о золотом «ауйоме» — житнице на берегу тепло-го моря. О бескрайних золотых нивах Припонтиды. Где под яркими лучами солнца, в условиях мягкого климата, на жирном черно-земе, произрастает великолепная пшеница, дающая пропитание, обеспечивающая сытую жизнь населению Восточного Средиземно-морья. Разве мог рассказчик дать готовым бессильно опустить руки готским земледельцам более желанную и привлекательную цель? Существуют коллективные мечты, чарующие воображение целых народов, сохраняющие привлекательность и притягательность на протяжении целых столетий. Вспомним хотя бы Итальянские походы немцев в эпоху Средневековья и Возрождения. Странствия паломников к Святым местам. Крестовые походы для освобождения Гроба Господня от неверных. Поиски русскими старообрядцами загадочного «Беловодья», а испанцами — Сиболы, Эдьдорадо, острова вечной молодости — Бимини. Стремление наших далеких (и не столь далеких) предков на Балканы, к Проливам, к стенам Царьграда (дабы «достигли мира мы середины»), «схватить за Золотой рог Босфорского быка» и вновь «водрюзить Крест на Святую Софию». Плаванья к неведомой Южной Земле — «Терра Австралис Иногнита». Возможно, древние готы, садясь на корабли, действительно мечтали ни о чем ином, как об описанных рассказчиком золотых нивах у теплого моря. О хлебном океане щедрой земли скифов, Во всяком случае, такая мечта, такое традиционное объяснение причин массового готского исхода и такая цель представляются нам более понятными, чем постановка (кем? и когда?) чисто политических задач и целей. Чем некое якобы исконно присущее готам стремление создать свое государственное образование, а уж тем более — разрушить чужое, римское государство. Вряд ли заливаемые непрерывными дождями и страдающие от

хронического ревматизма земледельцы Вестер- и Эстергётланда имели понятие о подобных вещах...

Гахман осторожно писал в 1956 г., что попытки некоторых историков объяснить все исторические и, в том числе, социально-исторические, события только изменениями экономических форм, переменной климата, истощением почвы и т.д., представляются ему «слишком механистическими и подозрительно склоняющимися к позитивизму». Подчеркивая, что на решение готов мигрировать, вероятно, оказали влияние и другие факторы. В то же время он был вынужден признать, что эти иные факторы, если они вообще существовали, не подтверждаются материалами археологических раскопок. С другой стороны, находки археологов подтверждают, что жизнь готов улучшилась сразу же после того, как они, переплыв Янтарное море, высадились на материк. «Жить стало лучше, жить стало веселее», как говорил товарищ Сталин...

Весьма сложную картину археологических находок готских древностей, сделанных на территории между Прибалтикой и районом реки Эмс, в современной германской федеральной земле Нижняя Саксония, мы здесь подробно освещать не будем. Ограничимся лишь несколькими наиболее характерными фактами, поскольку перемещения готских мигрантов в этих широтах, не оставивших на долю археологов ни развалин храмов, ни мраморных статуй богинь, интересуют в подробностях не широкие читательские массы, а сравнительно немногочисленных «узких специалистов». «Подобных флюсу, ибо их полнота — односторонняя» (Козьма Прутков).

Даже при самом беглом обзоре готских погребений на материке сразу бросается в глаза следующее. Во-первых, в готских захоронениях заметно увеличилось количество различных предметов вооружения. Во-вторых, эти готские «воинские могилы», очевидно, принадлежали лишь определенным семействам. Можно предположить, что новые задачи, связанные с переселением и вооруженным захватом новых земель на чужбине, потребовали нового «разделения труда» среди готских общинников-мигрантов. И это «разделение труда» (или, точнее, «разделение задач»), естественно, привело к социальному расслоению готов. Ибо, привыкнув владеть мечом, силой покоряя и усмиряя иноплеменников, определенная группа готских семейств, так сказать, «по умолчанию», давала почувствовать эту силу и своим же соплеменникам. Если в этом вообще была необходимость. Ведь

все прочие соплеменники и без того знали, что, хотя все «родовичи» равны, но «некоторые из них — равнее». Что теперь в готской общине сосуществуют сильные и слабые. Эти новые черты были привнесены в готскую среду (довольно однородную в «Скандии») завоеваниями на материке.

Эти появившиеся различия в силе, могуществе и вытекающей из них влиятельности не всегда однозначно подтверждаются данными археологии. Но находки археологов наглядно свидетельствуют о появившихся различиях в благосостоянии. Об изменившихся имущественных отношениях. Появляются крупные усадьбы — «гарды (дворы)», или, говоря по-нашему, по-русски — «хутора» — например, «ринги» на острове Готланд, Включающие, наряду с весьма вместительным, многокомнатным главным зданием, жилым домом богатого крестьянина, - хозяина двора —, различные пристройки, предназначенные как для содержания скота, так и для проживания домашней челяди, работников и слуг. Иными словами — дворовых, дворских, дворян, прообраза будущих дружинников (аналога позднейших скандинавских гридей, гирдманов). Поселения такого типа весьма напоминают позднейшие поселения норманнов-викингов в Гренландии. Свидетельствуют эти поселения об установлении социального строя, весьма напоминающего строй, господствовавший в заселенной норманнами Исландии эпохи саг. Здесь, с одной стороны, из крестьянско-сословия постепенно выделяются особые группы привилегированных общинников, а с другой — все больше общинников, в силу своей экономической слабости, мало помалу начинают занимать в обществе подчиненное положение. «Следовательно, к началу эпохи Великого переселения народов в Северной Европе уже произошла социальная дифференциация, почти не ошутимая незадолго до Рождества Христа» (Гахман).

Упомянутые выше новые порядки, установившиеся на готском (как принято считать) острове Готланд, были, конечно, только слабым отражением существовавших у материковых готы. Гораздо четче они прослеживаются на современном германском побережье Северного моря и в прилегающих к нему материковых областях.

Переселившиеся туда готские мигранты, оказавшись в более благоприятных климатических и географических условиях, смогли там вернуться к тем формам добывания средств к жизни, практиковать которые им стало невозможно на их «скатинавской» прародине из-за

ухудшения климата. Однако для обеспечения возможности вести эту новую, лучшую, более зажиточную, жизнь, готам потребовались новые организационные формы. В «Скандии» готам не угрожали нападения внешних врагов. Не зря еще Корнелий Тацит задавался явно риторическим (по крайней мере, для него) вопросом: кто же будет по доброй воле извне устремляться в эту неприятную землю с суровым небом, безрадостную для обитания и для взора, чтобы завоевать ее в качестве новой родины? А вот на новой родине готов на южном берегу Янтарного моря и на территории сегодняшней Германии все обстояло несколько иначе. Здесь врагам для нападения на готов, с целью отнять у них родину, не требовалось переплывать море. Здесь враги нападали на готов с севера и востока, а порой — еще и с юго-востока и с северо-запада. Не говоря уже о врагах-туземцах, у которых готские мигранты отняли часть их исконных земель. Военное искусство, без которого готы могли спокойно обходиться на «острове Скандза», стало для них после переселения на материк жизненно важным. В результате из готской среды в «Готискандзе» выделилась особая воинская каста, приобретающая, по мере обострения конфликтов с иноплеменными соседями, все большее значение. Теперь искусный воин, обладавший выдающимися боевыми навыками, мог сделать для выживания готской общины куда больше, чем самый опытный и способный земледелец. Соответственно, увеличилось число «воинских погребений» (часто даже расположенных отдельно, в стороне от захоронений «простых смертных»), с богатым погребальным инвентарем. Некоторые из расположенных отдельно от других, одиночных «воинских могил», содержат целый комплекс воинского снаряжения, полное вооружение. Указывая на то, что в них похоронен особо высокопоставленный, знатный, т.е. известный всем и каждому своими воинскими подвигами и своим (полученным в качестве военной добычи) богатством (не зря и в нашем, русском языке так тесно связаны слова «богач», «богатство», «богатырь»). Другие «воинские могилы», также полные предметов вооружения, расположены, хотя и группами (по три-четыре), но все равно в «блестящей изоляции», в заметном удалении от кладбищ простых готских землеробов.

Подобные захоронения в археологии обычно именуют «княжескими». В особенности если они — как, скажем, т.н. Любзовский клад, обнаруженный археологами на территории Померании — содержат, наряду с оружием, еще и дорогие импортные товары, попавшие к го-

там торговым путем или в качестве военной добычи (не забудем, что древнегерманский эквивалент слова «князь» — «фуристо» — означало «передовой боец», «первый в бою»). Изделия, которые простой гот не мог бы себе позволить. Серебряные кубки, бокалы и чаши дорогого египетского стекла, питьевые рога-ритоны из драгоценных металлов, бронзовые миски и котлы, медные кувшины и (в погребениях женщин «княжеского сословия», также полных всяческих сокровищ) — металлические зеркала и гребни. В-общем, как писал Николай Васильевич Гоголь в «Страшной мести» о выменянных или награбленных богатствах козака Данилы Бурульбаша: «Есть меж ними и кубки серебряные, и чарки, оправленные в золото, дарственные и добытые на войне...». Кстати говоря, по одной из версий, приднепровские козаки были потомками осевших в Северном Причерноморье, на Данапре-Борисфене, готов и слившихся с ними саксов (ираноязычных скифов или сарматов). Или же осевших на Данапре готов и союзных с ними саксов (германцев). А слово «козак» происходит от слияния этнонимов «гот»+«сак (скиф)», или «гот»+«сакс». Но это так, к слову...

Выше упоминалось, что женщины готского «княжеского сословия» удостаивались столь богатых погребений, что и в их могилах археологи находят ценные, редкие, «дефицитные» импортные заморские товары вроде малоазиатских металлических зеркал. О чем свидетельствует этот факт? О том, что выдающаяся роль отдельных представителей готской общины превратилась в выдающуюся роль их семейств. Погребальных почестей удостаивался уже не отдельный готский воин, а «князь» со своими близкими сородичами. Пользуясь уважением всей готской общины, беспрекословно признающей в них своих защитников и вождей.

Содержимое готских «княжеских погребений» наглядно демонстрирует нам следующее. Относительно небольшого преимущества какого-либо готского семейства в благосостоянии, силе и влиянии достаточно для того, чтобы возвысить это семейство, остающееся, в плане имущества, все еще крестьянским, над прочими крестьянскими семействами, выделить его из их среды. Чтобы привить его представителям культурные потребности. Пробудить в них вкус к художественным изделиям. Жажду приобщения к миру красоты и наслаждений, который можно обрести там, откуда приходят эти изделия. Где-то далеко на юге, в заальпийских городах, стране бесконечного лета и бесконечного изобилия. Это стремление «жить по-княжески»

захватывает и молодых женщин и девушек знатных готских родов. Начинающих осознавать, что то, чем они владеют, вполне сравнимо по ценности с серебряными кубками и бронзовыми чашами. И, подобно своим мужьям, отцам и братьям, обретающих вкус к «сладкой» жизни. Не случайной представляется, поэтому, находка в болоте Рухмоор близ Даммендорфа в округе Эккернфёрде нынешней германской федеральной земли Бранденбург подвергнувшегося естественной консервации трупа готской девушки примерно шестнадцатилетнего возраста в... мини-юбке. Юбочке около тридцати сантиметров длиной, заканчивающейся значительно выше колен. Имевшей, однако, по нижнему краю в ширину не менее ста шестидесяти пяти сантиметров. И потому, несомненно, облежавшей множеством складочек бедра юной готской кокетки. Эта мини-юбочка держалась на довольно узких ляпочках-бретельках. На плечи готской красавицы была накинута меховая курточка. Значит, в тех местах в пору ее переселения в лучший мир было достаточно холодно. Но, видимо, она и не подумала сменить свою коротенькую юбку на более длинную (и, конечно, же более теплую). Мода есть мода. А красота, как известно, требует жертв...

Не случайным представляется и другое обстоятельство. В раскопанном археологами хуторе готского «князя» под Любзовом была обнаружена мастерская золотых дел мастера. В других «градах» готских «князей» также были обнаружены мастерские ремесленников (причем не только ювелиров), старавшихся селиться поближе к богатым и постоянным заказчикам. Внося нотку разнообразия в чисто крестьянский характер поселения и существуя на первых порах «в тени» самого важного (для готского «князя») — воина и его присных) ремесленника — кузнеца, ковавшего, в первую очередь, оружие для будущих боев. Тем не менее, этот «град» был еще очень далек от «града» — поселения городского типа. И эти готские «князья» были, в сущности, не более (но и не менее), чем состоятельными хуторянами. Их надежда и мечта обрести в далекой стране вечного изобилия и непрекращающегося лета всяческие блага, блеск и богатство лежала во все еще очень отдаленной перспективе. Где-то там, на зыбкой грани двух миров — реального и воображаемого, сказочного, колыхались под солнцем далекого юга золотые от спелости хлебные поля на побережье теплого моря.

Странствуя на юг, готы, конечно же, шли туда не для того, чтобы вести войну на уничтожение с Римской империей. Не для того, чтобы сменить римлян в роли «повелителей мира». Они стремились к чему-то гораздо меньшему (что, однако, было для них чем-то гораздо большим) — к обретению доброй земли, дающей добрый урожай. Плодородные пашни, тучные нивы и пастбища с сочной травой — это и был столь желанный для готов «ауйом». То лучшее, что могли себе представить готы на протяжении долгих десятилетий и веков своей скитальческой, бродяжнической жизни, и чего они от жизни ожидали.

ГОТЫ ПОД СТЕНАМИ ТРОИ

Итак, теперь нам известны причины долгого готского странствия на юг. Мы можем себе представить, чего готские переселенцы ожидали от своей новой жизни на берегах Евксинского понта. И можем с большой степенью уверенности утверждать, что во II и III в. п. Р.Х. готские мигранты вовсе не имели намерения, приписываемого им многими историками Средневековья, Ренессанса, «века Просвещения» или позднейшими германофилами из академической среды. Намерения собрать, под своим руководством, в единый кулак мощь всех германских племен, дабы сокрушить Римскую «мировую» державу. Не было у готов такого намерения, повторим это еще раз для уважаемых читателей. И на то была причина, которую предводители готских мигрантов, вероятнее всего, осознавали в полной мере. Было бы просто глупо резать курицу, несущую золотые яйца. Или дойную корову, пока она исправно дает молоко. Разумнее как можно дольше питаться этим молоком, а также изготовленными из него продуктами — сыром, творогом, пахтаньем, маслом, простоквашей -, чем один раз наесться вволю мяса забитой коровы... а что потом? «Булки съедим, булочные — сожжем?»

Была у готов, впрочем, и еще одна причина не стремиться сразу же к уничтожению Рима. Укорененная, должно быть, в готском подсознании причина, которую, вероятно, осознали лишь великие готские вожди III и IV вв. п. Р.Х. В чем же она заключалась? В том, что необходимые для такого концентрического (со всех сторон сразу) нападения на Рим силы всех германцев невозможно сплотить воедино, собрать в один кулак, мирным путем. Что ради создания такого «пангерманского союза» для сокрушения Рима готам придется очень много и долго воевать с многочисленными германскими племенами (известными своей строптивостью), много и долго вести с ними переговоры и очень много чего им обещать в обмен на поддержку. Поэтому готские «князья» могли об этом, в лучшем случае, мечтать (если это вообще приходило в голову им, занятым более насущными заботами).

А вот пограбить богатых соседей, занятых внутренними «разборками», готы, естественно, были не прочь. Не отличаясь в этом отношении от прочих «варваров»:

«По ту сторону Рейна и Дуная северные страны Европы и Азии были населены бесчисленными племенами охотников и пастухов — бедных, жадных, отважных на войне и нетерпеливо ожидавших случая присвоить себе плоды чужого трудолюбия», как писал Эдуард Гиббон в своей «Истории упадка и крушения Римской империи».

Наш старый знакомец — восточноримский («ромейский») готован Иордан — очень заботится, в своей инспирированной Аблабием, через Кассиодора, «Гетике», о «сохранении незапятнанности риз» готского народа. Дабы представить его римлянам в качестве приемлемого во всех отношениях партнера. Он сообщает о выдающемся взлете в духовной жизни готов после их прихода в Северное Причерноморье. Или, точнее говоря — после распространения власти готов на сегодняшние румынские и болгарские области южных Балкан.

«Когда вышеназванные племена (готы «со товарищи» — В.А.), о которых мы сейчас ведем речь, жили на первом месте своего расселения, в Скифии у Мэотиды, то имели, как известно, королем (царем — В.А.) Филимера; на втором месте, т. е. в Дакии, Фракии и Мизии, — Залмоксеса, о котором свидетельствуют многие летописцы, что он обладал замечательными познаниями в философии. Но и до того был у них ученый Зевта, а после него Дикиней, третьим же был Залмоксес, о котором мы говорили выше. К тому же не было недостатка в людях, которые обучили бы их премудрости. Поэтому среди всех варваров готы всегда были едва ли не самыми образованными, чуть ли не равными грекам...».

Сочинив сей панегирик готской мудрости и образованности, Иордан, возможно, сам счел его чрезмерно хвалебным. И потому решил, на всякий случай, чтобы не быть обвиненным в пристрастности, заручиться свидетельством «образованного эллина», добавив к сочиненному им панегирику:

«... как передает Дион, составивший их (готов — В.А.) историю и анналы по-гречески. Он говорит, что тарабостезеи, впоследствии именовавшиеся «пиллеатами» (носящими шапки — В.А.), были среди них [готов] благородными; из их числа поставлялись и короли (цари — В.А.), и жрецы».

Дион, на которого ссылался Иордан, навряд ли идентичен упомянутому выше греко-римскому историку Диону Кассию, жившему и творившему на рубеже II и III вв. н. э. Ибо тот приводит в сохранившихся частях своей восьмидесятитомной (!) «Истории» лишь

самые общие и краткие сведения о готах. Чаще всего смешивая их с другими народами Припонтиды (или же, говоря по-нашему — Причерноморья). Тем не менее, римляне очень скоро стали относиться к готам со вниманием и даже с определенной долей уважения. В силу сложившихся обстоятельств. Ибо не подлежит сомнению следующий факт. Появление готов на Понтийском побережье вскоре привело в большое беспокойство весь Черноморский регион. Его успокоение (замирение или умиротворение — как угодно) требовало от римлян постоянных, и притом немалых, военных усилий. Речь, конечно, шла (пока еще) не о крупномасштабном готском наступлении на Рим. А «лишь» о серии готских военных походов, опустошавших окраины Римской державы (а порой — и не только окраины). Причем именно походов достаточно крупных воинских контингентов (хотя и принимающих, под пером «готофила», или «филогота», Иордана, сильно преувеличенные размеры). А не просто набегов на римские земли отдельных, малочисленных конных или пеших готских разбойничьих шаек.

«Полчища скифских народов прорвались на двух тысячах судов через Боспор (Босфор Киммерийский, современный Керченский пролив — В.А.), прошли по берегам Пропонтиды и произвели жестокие опустошения на море и на суше, но, потеряв большую часть своих, вернулись назад. В сражениях с варварами пали императоры Деции, отец и сын; подверглись осаде города Памфилии, опустошено было много островов, вся Македония была охвачена пламенем, в течение долгого времени была в осаде Фессалоника, а также Кизик, взят был Анхиал, и в то же время Никополь, который построил император Траян, как свидетельство победы над даками. После многих жестоких поражений с той и другой стороны разрушен был Филиппополь (современный болгарский Пловдив — В.А.), причем — если верно сообщение историков — убито было в стенах города сто тысяч человек. Пришлые враги свободно бродили по Эпиру, Фессалии и всей Греции; верховная власть была предоставлена славному полководцу Клавдию, но он пал смертью героя и прогнал их уже Аврелиан (император Луций Домиций Аврелиан, восстановитель, на краткое время, Римской империи — В.А.), человек дельный и строгий мститель за злодейства. После этого в течение продолжительного времени варвары держали себя спокойно и ничего не предпринимали, если не считать того, что изредка в течение последующего времени их гра-

бительские отряды совершали губительные набеги на соседние с их землей местности» (Аммиан Марцеллин).

Кстати говоря, первые упоминания античных источников о разделении готов («скифов») на две ветви — вестготов и остготов — появляются как раз во время правления упомянутого выше Аммианом «славного полководца Клавдия» — императора Клавдия II Готского (который, по другой версии, не пал смертью героя в бою, а умер от поразившей Римскую империю чумы, и к которому, кстати говоря, возводил свое происхождение первый римский христианский император Флавий Валерий Аврелий Константин, прозванный впоследствии Великим). Античные историки упоминают, что в 256 г. вестготы (визиготы, везеготы), в числе готов, переправились через Дануб в его нижнем течении и вторглись в пределы Римской «мировой» империи, наводнив сегодняшний Балканский полуостров. Исидор Гиспальский (Севильский) сообщает, что «почти пятнадцать лет они держали в своей власти Иллирик и Македонию», пока в сентябре 268 г. император Клавдий II (полное имя: Марк Аврелий Валерий Клавдий II Готский) не нанёс вестготам поражение в битве при Наиссе (ныне — Ниш в Сербии), а император Луций Домиций Аврелиан не изгнал их из Фракии и Иллирии. В 270 г. римские войска покинули провинцию Дакию, и вестготы расселились на оставленных римлянами территориях, входящих в современную Румынию. Около 291 г., римский поэт Мамертин в «Панегирике», сочиненном в честь императора Марка Аврелия Валерия Максимиана Геркулия (более известного в римской историографии как Максимиан Геркулий), упоминает «тервингов, часть племени готов» (лат. *Tervingi pars alia Gothorum*), вступивших в союз с тайфалами для нападения на вандалов и гепидов. Тервинги, т.е. «люди лесов», «лесовики», «древляне» — раннее название вестготов (ср. с ранним названием остготов — гревтунги, «жители степей и грубых песков»). В начале VI в. наш старый знакомый Кассиодор, автор «Истории готов», переложенной и сокращенной вслед затем другим нашим старым знакомым — Иорданом —, переосмыслил эти названия и ввел в обиход новые, обусловленные географией — «восточные готы» и «западные готы». Для магистра официальной равеннского двора остготского царя Италии Теодориха Великого новые названия отражали фактическое положение дел, ибо во времена Кассиодора вестготы (буквально: «западные готы») контролировали запад Западной Римской империи — большую часть

Пиренейского полуострова и Галлии, остготы (буквально: «восточные готы») же господствовали на территории Италии, т.е. на востоке Западной империи. Но об этом мы подробнее расскажем позже...

Нам не представляется необходимым, да и, честно говоря, возможным, перечислять в настоящей книге все готские военные походы и анализировать их результаты. Во-первых, ввиду уже упоминавшегося выше отсутствия у историков единого мнения об этнической принадлежности участников грабительских набегов «варварских дружин», лишь обобщенно именуемых «готскими». Во-вторых, ввиду того, что очередной римский наместник или император восстанавливал прежнее положение, отвоевывал захваченные готами римские земли, заключал с ними очередной мирный договор... и так до бесконечности.

Дело в том, что достигнутому тогдашними готами определенному военному превосходству над римлянами весьма способствовали сотрясавшие Римскую державу постоянные гражданские войны, убийства императоров, провозглашение мятежными римскими легионами новых «солдатских» императоров и «антиимператоров» в разных пограничных провинциях. И разгоравшаяся всякий раз с новой силой кровавая междоусобная борьба между самими римлянами. Разумеется, серьезно ослаблявшая обороноспособность Римской «мировой» державы. Вместо того, чтобы отбивать от всех ее границ всяческих «варваров», хорошо вооруженные и обученные, опытные римские легионарии и ауксилиарии гибли тысячами и десятками тысяч в битвах... не с внешними врагами, а друг с другом, во славу соперничающих претендентов на императорскую власть. И где было найти им замену? Только в «варварской» среде. В тщетных попытках «изгнать бесов силой князя бесовского» (Евангелие от Луки, 11, 15).

Одним из римских императоров, обязанных своим вхождением в анналы готам (т.е. очередному готскому вторжению в римские пределы), был Деций (249–251), упомянутый в приведенном выше фрагменте аммиановых «Деяний». Римский сенатор Гай Мессий Квинт Траян Деций удостоился порфиры чуть ли не насильно, будучи провозглашен императором по воле воинов взбунтовавшихся римских гарнизонов в Паннонии, которых Деций, собственно, был послан усмирить. Однако же бунтовщики решили избежать заслуженного наказания (в тогдашней Римской «мировой» империи, согласно Аммиану Марцеллину, их могли сжечь заживо, отсечь им руки и т.д.) возведением на царство того, кто прибыл их карать. Деций (вместе со

своим сыном Гереннием Этруском) вскоре погиб в битве при Абритте (в Мёзии) с теми же готами и карпами, причем вождю «варваров» Книве (видимо, отпрыску готского рода Балтов-Балтиев, второго по знатности после царского рода Амалов), как нам ни неприятно это констатировать, помогал римский полководец Приск:

«Книва же после долгой осады ворвался в Филиппополь и, завладев добычей, заключил союз с бывшим там (римским — В.А.) военачальником Приском будто бы для борьбы с Децием. Вступив в сражение, [готы] пронзают стрелой сына Деция, жестоко ранив его насмерть. Увидев это, отец, как рассказывают, произнес для укрепления духа воинов: «Пусть никто не печалится; потеря одного воина не есть ущерб для государства». Однако, не будучи в состоянии перенести горе отца, он нападает на врагов, ища либо смерти, либо отмщения. Под Абриттом, городом в Мезии (сегодняшнем болгарском Разградом — В.А.), он был окружен готами и убит, достигнув, таким образом, конца своего правления и предела жизни» («Гетика»).

Печальная история... Горьки плоды измены... Впрочем, дело-то в другом.

В том, что, благодаря своим мирным (и не мирным) контактам готы вскоре стали очень точно разбираться, а порой — принимать весьма активное участие — во всем, творившемся в Римской империи. Избавившись постепенно от своего изначального, присущего на первых порах всем «варварам», страха перед легионами. Этот страх окончательно исчез, когда измельчавшие «потомки Ромула» стали пытаться защититься от досаждавших им готов и готских союзников не в духе староримской доблести — силой оружия в полевых сражениях —, а тем же способом, что и спустя триста лет — от разбойничьих полчищ «последних гуннов» во главе с сыновьями «Бича Божьего» Атиллы. Поскольку обескровленных в междоусобных войнах римских легионов уже не хватало для эффективной защиты имперских границ, римляне взяли себе в союзники суровую природу нынешних Балкан (тогдашних Гема и Родоп). Они принялись возводить укрепления в различных, важных в стратегическом отношении пунктах. И заманивать готов, вандалов и карпов, наверняка, хуже знакомых с местностью, чем сами римляне, в ловушки. «Вытеснив врага за обрывистые склоны Гема, они (римляне — В.А.) заняли круглые горные проходы, чтобы, отрезав варварам всякий выход, взять их измором» (Аммиан Марцелин). Вынуждая то или иное мелкое «скопище»

(с римской точки зрения) готов «со товарищи», полумертвых от голода, жажды и бессильной ярости, сдать на милость победителей. Однако крупным готским «скопищам» обычно удавалось вырваться из кольца «голодной блокады» на «оперативный простор». «Как дикие звери, сломавшие свои клетки», (Аммиан), готы со всей накопившейся яростью и неутоленной алчностью, грабили и опустошали римские земли за Гемом и Родопскими горами.

В качестве иллюстрации приведем фрагмент из марцеллиновых «Деяний»:

«Безнаказанно рассыпались они (готы — В.А.) для грабежа по всей равнине Фракии, начиная от местностей, которые омывает Истр, до Родопы и пролива между двумя огромными морями. Повсюду производили они убийства, кровопролития, пожары, совершали всякие насилия над свободными людьми. Тут можно было наблюдать жалостные сцены, которые ужасно было видеть и о которых равно ужасно повествовать: гнали бичами пораженных ужасом женщин, и в их числе беременных, которые, прежде чем разрешиться от бремени, претерпевали всякие насилия; малые дети хватались за своих матерей, слышались стоны подростков и девушек благородного происхождения, уводимых в плен со скрученными за спиной руками. За ними гнали взрослых девушек и замужних женщин с искаженными от плача чертами лица, которые готовы были предупредить свое бесчестие смертью, хотя бы самой жестокой. Тут же гнали, как дикого зверя, свободнорожденного человека, который незадолго до этого был богат и свободен, а теперь изливал свои жалобы на тебя, Фортуна, за твою жестокость и слепоту: в один миг он лишился своего имущества, своей милой семьи, дома, который на его глазах пал в пепле и развалинах, и ты отдала его дикому победителю на растерзание или на рабство в побоях и муках» («Деяния»).

Вместе с Иорданом и только что процитированным Аммианом мы с вами, уважаемый читатель, погрузились в ужасающую повседневность полутора столетий почти непрерывных готских грабительских набегов на восточную Фракию. Мало различавшихся по своим целям и методам. Но если Иордан пыгается героизировать историю готов, Аммиан, грек на римской военной службе, в первую очередь делится с читателем своими личными впечатлениями. Поседельный под римским шлемом, он лично принимал участие в военных действиях на разных «фронтах», многочисленных боях и походах. А о тех операциях, в ко-

торых ему не довелось участвовать лично, компетентно судил с точки зрения офицера Генерального штаба (выражаясь современным языком). Именно аналогичную должность Аммиан Марцеллин занимал в 353–360 гг. при военном магистре Урсицине (Урзицине), верном соратнике первого римского императора-христианина Флавия Валерия Аврелия Константина, вошедшего в историю как Константин Великий. Так что Аммиан хорошо знал, о чем писал. В дошедших до нас книгах своего исторического труда он подверг жесточайшей критике в первую очередь своих же римских соотечественников. Странников различных кланов и партий, ослаблявших своим противостоянием все римское общество. А также придворных интриганов и завистников, портявших жизнь наиболее выдающимся полководцам, вроде Урсицина (судя по имени — служилого германца, вероятно, родича одноименного с ним царька аллеманов). И потому мы склонны больше доверять тому, что пишет греко-римский военный историк о тогдашних «варварских» народах (включая — при всем уважении! — готов), как современник и очевидец их вторжений, чем хвалебным гимнам, сочиненным полуголом Иорданом в честь своих готских предков.

В «Деяниях» Аммиана о готских военных обычаях написано много такого, что трудно совместить со светлым образом германского воителя. Воина «без страха и упрека» в стиле Макса фон Шенкендорфа, или Генриха фон Клейста. «Виртуозов пера», вдохновлявших в начале XIX в. своими романтическими фантазиями немецких патриотов на борьбу с «наследственным врагом» — французами Наполеона, или, скажем, с образами германских ратоборцев из историко-патриотических романов Вальтера Блёма. Когда читаешь в аммиановых «Деяниях» не просто об убийстве, но о «растерзании» (буквально: «расчленении») богатого свободнорожденного человека (вероятно, готские вооруженные грабители терзали его тело пытками, чтобы заставить римлянина рассказать, где спрятаны его сокровища), то... Поневоле вспоминаешь не героических и добродетельных германцев Тацита, а пиратов Карибского моря (но только не «киношных», а всамделишных). А также — в порядке конструктивной самокритики — набеги отдаленных родичей и потомков «наших готов», киевских варяго-русов Рюриковичей — Олега или Игоря — на земли Восточной Римской («Греческой») империи из «Повести временных лет»:

«В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей,

и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки "Великая Скифь". И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом 2000. И пришел к Царьграду: греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги...

В год 6449 (941). Пошел Игорь на греков. И послали болгары весть царю (ромейскому императору — В.А.), что идут русские на Царьград: 10 тысяч кораблей. И пришли, и подплыли, и стали воевать страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. А кого захватили — одних распинали, в других же, перед собой их ставя, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в головы. Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли и по обоим берегам Суда захватили немало богатств» ...

И далее по тексту...

Что ж, не зря, вероятно, кумир советских довоенных молодых читателей Аркадий Гайдар писал, что «жили такие люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На самом деле они готовили краснозвездную крепкую гвардию» или, иными словами, старались, чтобы дети вырастали хорошими солдатами. Но социально-политический заказ и историческая правда — это «две большие разницы», как говорят в Одессе...

И вот мы приходим к осознанию этой неприглядной правды, отрицать которую невозможно. Несмотря на вполне понятное, с педагогической точки зрения, желание, например, школьного учителя истории насколько можно, приукрасить ее в глазах своих учеников. В «книге книг» всего просвещенного человечества — гомеровском эпосе о Троянской войне и ее последствиях, так замечательно переведенном для наших предков и нас, многогрешных, такими виртуозами пера, как Н.И. Гнедич, В.А. Жуковский и прочие светочи русской изящной словесности, безо всяких прикрас описаны воинские обычаи героической эпохи греческой истории. Эпохи, которую товарищ Фридрих

Энгельс назвал в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» периодом военной демократии или высшей ступенью варварства. «К ней принадлежат греки героической эпохи, италийские племена незадолго до основания Рима, германцы Тацита, норманны времен викингов» (Энгельс). Что же мы видим у Гомера? Захваченные города подвергаются столь основательному разграблению и разгрому, что жизнь в них зачастую прекращается навсегда. «Что в городах разоренных мы добыли, все разделили» — говорит воспетый Гомером герой Ахилл(ес). Страбон и Геродот приводят нам целый ряд названий таких городов, некоторые из которых известны нам еще по «Илиаде» Гомера. Победители уносят из разоренных ими городов награбленное добро («рухлядь», как говорили у нас на Руси) на своих собственных плечах или на плечах своей двуногой добычи. Или, говоря по-древнерусски — «челяди». Захваченных во взятых городах мужчин обычно убивают. За исключением военнопленных, взятых в полевом сражении. Ведь добровольная сдача врага в плен сокращала время битвы. Если бы враг не мог рассчитывать на пощаду, он продолжал бы драться до последнего. Что, естественно, влекло за собой дополнительный риск для победителя. Всех женщин и детей без исключения порабощали (обращали в рабство). Ибо города-государства остро нуждались, так сказать, в «служебном персонале». Т.е. в бесправном низшем социальном слое. Предназначенном для выполнения всевозможных работ. И оказания всевозможных услуг. Как в государственном, так и в частном хозяйстве. Причем женщины-пленницы рассматривались, прежде всего, как вещь.

Когда Хриз, жрец бога Аполлона, просит предводителя ахейского войска под Троей царя Агамемнона вернуть ему, за выкуп, свою плененную ахейцами дочь Хрисеиду, Агамемнон гневно отвечает просителю:

«Старец, чтоб я никогда тебя не видал пред судами!
Здесь и теперь ты не медли и впредь не дерзай показаться!
Или тебя не избавит ни скиптр, ни венец Аполлона.
Деве свободы не дам я; она обветшает в неволе,
В Аргосе, в нашем дому, от тебя, от отчизны далече -
Ткальный стан (ткацкий станок — В.А.) обходя или ложе со мной
разделяя.

Прочь удались и меня ты не гневай, да здрав возвратишься!»
 («Илиада». Песнь первая. Язва).

Восприятие пленниц в качестве материальной ценности выражалось в том, что взятых в плен девушек или женщин было принято, наряду с другими сокровищами, дарить боевым товарищам. В том, что девушек и женщин объявляли призом победителю в состязаниях. Или обещали в награду за особые заслуги. Захваченных в качестве добычи девушек и женщин распределяли среди победителей по жребию. Правда, в отличие от всей прочей добычи, их, похоже, не использовали в качестве предмета меновой торговли. Нередко стоимость пленницы, колебавшаяся, в зависимости от ее возраста, навыков, физических и умственных способностей и качеств, устанавливалась достаточно точно. Она равнялась, скажем, у Гомера в «Илиаде», стоимости четырех волов. В то время как, скажем, медный треножник стоил в три раза дороже — двенадцать волов.

Вынес награды подвижникам: светлые блюда, треноги;
 Месков представил, и быстрых коней, и волов крепкочелых,
 И красноопоясанных жен, и седое железо.
 Первые быстрым возницам богатые бега награды
 Он предложил: в рукодельях искусная дева младая,
 Медный, ушатый с боков, двадцатидвухмерный треножник -
 Первому дар; кобылица второму шестигодовая,
 Неукрошенная, гордая, в недрах носящая меска;
 Третьему мздою — не бывший в огне умывальник прекрасный,
 Новый еще, сребровидный, четыре вмещающий меры;
 Мздою четвертому золота два предложил он таланта;
 Пятому новый, не бывший в огне фиал двусторонний.
 («Илиада». Песнь двадцать третья. Погребение Патрокла. Игры).

Впрочем, нам совсем не обязательно воскрешать в памяти эти воинские обычаи древних греков героической эпохи. Древние римляне вели себя ничуть не лучше. Они также неизменно обращали военнопленных, как мужчин, так и женщин, в бесправных рабов. Первым зримым свидетельством этого порабощения было торжественное выставление напоказ материальной и двуногой добычи, челяди, в ходе триумфальных шествий победоносных римских полководцев — императоров и в то же время триумфаторов — по улицам «вечного города» Рима, «столицы Вселенной».

Поэтому писатели-германофилы вроде Тацита и Иордана не находили ничего особенного в жестокостях, творимых готами «со товарищи» во время грабительских набегов и походов на римские земли. По крайней мере, ничего, что побудило бы их к пересмотру своих взглядов на германцев вообще и отдельные германские племена — в частности. А жертвам «варварских» набегов было, конечно, все равно, кто именно их разоряет, режет и порабощает — скифы, бастарны, сарматы или готы. Римские монеты, найденные в районе между Богшаном и Рафной, на территории бывшей имперской провинции Дакии, были кладом, скрытым своими владельцами в земле от напавших на Дакию грабительских шаек смешанного состава, в которые входили готы и карпы (последние, по мнению Моммзена, идентичны ираноязычным роксоланам). Эти монеты пролежали в земле более полутора тысяч лет, прежде чем были откопаны. Значит, их владельцам удалось-таки осуществить свое намерение — готы и карпы клад так и не нашли. Другой вопрос, пережили ли владельцы зарытых в землю римских монет «варварский» набег (а возможно — и допрос «с пристрастием»)? Или же смогли найти спасение в бегстве? Во всяком случае, вернуться, чтобы откопать зарытый клад им, как это ни печально, так и не довелось.

Кассиодору и Иордану не удалось связно изложить ход готских грабительских набегов. Но они, по крайней мере, перечислили ряд наиболее известных городов, разгромленных и опустошенных готами. И тем самым дали нам представление о территориальных масштабах готских «походов за зипунами» (используя выражение вероятных потомков готов — казаков атамана Степана Разина). Пришедшихся на период с 196 г. (года временного прекращения регулярной торговли по «Янтарному пути») по 371 г. (год начала гуннского вторжения). И достигших своего апогея в годы правления римского императора Публия Лициния Эгнация Галлиена (253–268). Когда ослабленную неудачной войной с персами, взявшими в плен императора Публия Аврелия Лициния Валерия Валериана (вот какой «чудовищной длинноты» достигали имена особо знатных римлян!) «мировую» Римскую державу сотрясали военные мятежи борющихся за императорский венец и багряницу тридцати двух (!) эфемерных узурпаторов (так называемых «тридцати тиранов»), ослепленных призрачным блеском императорского пурпура. А слабовольный император Галлиен, похоже, равнодушный к участи своего томящегося в плену

у персов августейшего отца Валериана, реагировал на весть об утрате Римской державой богатой провинции Сирии легкомысленным замечанием: «Ну что ж, обойдемся без сирийских пирогов», в ответ на весть об утрате империей Галлии — замечанием: «Ну что ж, обойдемся без галльских плащей» и т.д.

Но главное в другом. При внимательном прочтении Кассиодора-Иордана нам бросаются в глаза два обстоятельства. Во-первых, одна из причин успешности готских набегов заключалась в том, что они выступали в союзе с одними римлянами против других римлян. А измельчавшие «потомки Ромула» не упускали случая, воспользовавшись готами в качестве средства к собственному успеху (хотя и в ущерб Римской державе), половить рыбку в мутной воде:

«Тогда-то некий Эмилиан, из-за того что по причине небрежения императоров готы нередко разоряли Мизию, усмотрел, что возможно отнять ее без большого убытка для государства, а также сообразил, что тут-то и может случиться ему удача. Поэтому он захватил тираническую власть в Мезии и, перетянув к себе все военные отряды, начал разорять города и население. В течение немногих месяцев, пока выросло нужное для борьбы с ним множество военного снаряжения, он причинил государству немалый вред. Однако, пустившись на это нечестивое дело, он в самом начале его и погиб» («Гетика»).

Во-вторых, оба автора готской истории — как образованный и старающийся судить, по Тациту, «сине ира эт студио» — «без гнева и пристрастия» — Кассиодор, так и менее осведомленный, местами прямо-таки наивно-доверчивый панегирист Иордан — явно смущаются и становятся достаточно скупыми на слова при необходимости описывать сомнительные «подвиги» главных героев своего повествования. «По причине небрежения императоров готы нередко разоряли Мизию» («Гетика»). Зато оба историка с явным облегчением «растекаются мыс(л)ью по древу» в тех местах своего повествования, где его герои, в виде исключения, предаются, так сказать, «невинным шалостям»:

«... императоры Галл (Гай Вибий Требониан Галл — В.А.) и Волузиан (Гай Вибий Волузиан, сын этого самого Галла — В.А.) <...> лишь только достигли власти, заключили союз с готским племенем. Спустя недолгое время, после того как пали оба правителя, Галлиен захватил принципат (императорский престол в Риме — В.А.), дав волю своему буйству. Респа, Ведук и Тарвар, предводители готов, взя-

ли корабли (пираты-«варвары» часто использовали для совершения своих набегов корабли флота эллинистического Боспорского царства, чья зависимость от Рима давно стала чисто формальной, а то и суда подданных самой Римской державы — В.А.) и, переправившись через пролив Геллеспонтский (Дараданеллы — В.А.), перешли в Азию; в этой провинции они разграбили много городов, а в Эфесе сожгли славнейший храм Дианы, который <...> был основан амазонками» («Гетика»).

Расположенный в Малой Азии (близ нынешнего турецкого города Сельчук) греческий мегаполис Эфес (Ефес) был одним из крупнейших и знаменитых городов Древнего мира. Эфес, игравший большую культурно-экономическую роль еще в доримский период, сохранил ее и под властью римлян, в том числе в эпоху раннего христианства. Считается, что основателем первой христианской общины в Эфесе был сам святой Павел, «апостол язычников». Упомянутое в «Гетике» святилище богини Дианы (у греков — Артемиды, между прочим, покровительницы амазонок), по-гречески «Артемисий», располагалось примерно в двух милях от городских стен, на равнине, в самом конце дороги, предназначенной для священных процессий. Эта дорога, соединявшая Магнесийские ворота Эфеса с Артемисием, была обрамлена великолепной крытой колоннадой. Все пошло прахом! Надо думать, напавшие на Эфес готские герцоги-воеводы Респа, Ведук и Тарвар стремились вовсе не к сознательному осквернению святилища Дианы-Артемиды (хотя, с другой стороны, как выяснилось по ходу дела, и не имели ничего против его осквернения). В античности все крупные храмы (не исключая и Иерусалимского) были не только святилищами, но и крупнейшими банками, ссудными конторами и пунктами обмена валюты. Так что целью набега готов на эфесское святилище Дианы был не священный алтарь божественной сестры Феба-Аполлона, а копившиеся веками в храмовой сокровищнице Артемисия (как и в сокровищницах храмов множества иных богинь и богов) богатые дары благочестивых богомольцев и паломников и денежные средства. Из-за этих сокровищ Эфес был впервые сожжен еще в 678 г. до Р.Х. Поэтому то, что было раскопано в Эфесе за десятки лет археологами, относится преимущественно к римской эпохе. Все более раннее уже украли раньше. От храмовых приношений греческой эпохи мало что осталось. Будь к моменту готского набега еще жив писатель Ахилл Татий, он мог бы с полным основанием обратиться к любому из гер-

цогов явившихся в Ионию из покоренной готами Тавриды «скифов» с гневными словами из своей знаменитой во всем античном мире повести «Левкиппа и Клитофонт»: «В Скифию ты превратил Ионию, в Эфесе льется кровь, словно в стране тавров». Но, к счастью для себя, Татий до опустошительного «тавроскифского» набега не дожил...

«Перейдя в область Вифинии, они (готы — В.А.) разрушили Халкедон (гарнизон этого города при приближении готов просто разбежался — В.А.); впоследствии частично восстановленный Корнелием Абитом (Авитом — В.А.); и до сегодня, несмотря на то, что Халкедон имеет счастье быть в соседстве со столицей, он тем не менее сохраняет некоторые знаки своего разрушения как указание потомству. При такой удаче готы, вторгшиеся в области Азии, забрав добычу и награбленное, снова переплывают Геллеспонтский пролив; по пути они разоряют Трою и Илион, которые, едва успев лишь немного восстановиться после Агамемноновой войны, снова оказались разрушенными вражеским мечом (вообще-то со времен Гомера считалось и считается, что Троя и Илион — не два разных города, а два разных названия одного и того же города, взятого хитростью и разрушенного древними греками — ахейцами или данайцами — под командованием царя Микен Агамемнона; то ли Иордану это было, в силу пробелов в образовании, неизвестно, то ли в эпоху готских набегов на месте древней Трои-Илиона действительно существовало два населенных пункта, один из которых назывался Троей, а другой — Илионом — В.А.). После такого разорения Азии испытала их зверство Фракия. Там они приблизились и подступили к городу Анхиалу, у подножия горы Эма (Гема, нынешних Родопских гор — В.А.), близ моря. Этот город некогда поставил между морским побережьем и подножием Эма Сарданафал, царь парфянский. Рассказывают, что [готы] оставались там много дней, восхищенные банями на горячих водах, расположенными на двенадцатой миле от города Анхиала, где из глубины пробиваются огненные источники; среди всех остальных неисчислимых в мире мест с [горячими] термами это, несомненно, главные и наиболее действенные для здоровья страждущих. Оттуда вернулись они в свои места (т.е. в свой благодатный «ауйом» меж Борисфеном и Тавридой — В.А.) («Гетика»).

Итак, взяв Трою-Илион (причем, в отличие от греков Агамемнона — не хитростью, а приступом, или, как говорили наши предки — «на копье», без помощи Троянского коня), готы позволили

себе краткую передышку. Чтобы смыть с себя кровь и пот сражений (а заодно — конечно же, грехи) в горячих источниках крошечного, но хорошо укрепленного городка, обретшего бессмертие благодаря Публию Овидию Назону. Упомянувшему его в одной-единственной строчке своих «Тристий». Знаменитых «Скорбных элегий», сочиненных угасавшим от тоски по изгнанному его навечно «Граду» поэтом-плейбоем, сосланным за «аморальный образ жизни» принцепсом Октавианом Августом в «суровую» Тавриду:

«Вскоре возвышенных стен Анхиалийских достичь» (I, 10. 35).

Судя по всему, этот поход готов «за зипунами» представлял собой морскую экспедицию с высадкой десанта, вскоре возвратившегося с добычей на корабли. Так что от готского набега пострадали лишь прибрежные римские области и города. В описываемое время Эфес располагался еще у самого моря. От которого его сегодня отделяют семь километров суши. Ибо море с тех пор отступило. Невольно напрашиваются параллели между морскими набегами готов и начавшимися восемью столетиями позже морскими рейдами других скандинавских грабителей — викингов. Правда, морские экспедиции этих отдаленных потомков готских «северных людей» приобрели гораздо больший, почти что всемирный, размах. Далеко превзойдя в этом отношении морские рейды их отдаленных готских предков, как известно, так и не доплывших до Исландии, Гренландии, Винландии (сегодняшней Америки).

Историки до сих пор задаются вопросом, кем следует, прежде всего, считать норманнских викингов. Чрезвычайно подвижным разбойничьим племенем? Или народом величайших основателей средневековых государств (пусть и пользовавшихся весьма нетрадиционными методами)? У нас же возникает вопрос к Иордану: как понимать его фразу о том, что готы вернулись «в свои места»? Означает ли упомянутое им возвращение готских «викингов» в «свои места», что готы вернулись к себе на родину? И на какую именно родину?

Действительно ли территория нынешней южной России (названной более поздними, норманнскими, викингами, «Эстервег» или «Аустрвег» — «Восточный путь», а затем — Аустррики — Восточная держава и, наконец, Гардарики — Держава городов) уже стала к описываемому времени для готов новой родиной? Создали ли мигрировавшие на юг германские переселенцы в сегодняшней южной России нечто большее, чем удерживаемые с большим трудом, постоянно

обороняемые от наседавших со всех сторон противников опорные пункты, (или, по Маркусу, «стоянки»)? «Разбойничьи гнезда», вроде позднейшей Запорожской Сечи, откуда готы периодически выходили на грабеж и куда периодически возвращались «дуванить» добычу и зализывать раны?

На этот счет существует множество самых разных мнений. Как правило, мнения советских историков расходились с мнениями историков не советских. По крайней мере, после разгрома в тридцатые годы XX в., как «антинаучной», школы правоверного марксиста академика-большевика Михаила Николаевича Покровского, придерживавшегося самой что ни на есть «норманнской» теории происхождения российской государственности. М.Н. Покровский (подобно своим «непролетарским» предшественникам Николаю Михайловичу Карамзину, Сергею Михайловичу Соловьеву и прочим) опирался на версию, изложенную в «Повести временных лет» (долгое время приписываемой киево-печерскому монаху-летописцу Нестору), об основании первого в истории России государства от Ильмена до Днепра варягами Рюриком, Олегом и Игорем «со товарищи». Чье норманское (скандинаво-германское) происхождение не подвергалось сомнению никем из известнейших русских историков (кроме, разве что, Михаила Васильевича Ломоносова), да и товарищем Карлом Марксом. Приведем в качестве подтверждения обширную, но необходимую, на наш взгляд, цитату из главы четвертой уже цитировавшегося нами выше труда Маркса «Разоблачение дипломатической истории XIII века», извиняясь перед уважаемым читателем за небольшой — неизбежный — повтор:

«... Нам указывают на Олега, двинувшего 88 000 человек против Византии, прибавившего в знак победы свой щит на воротах ее столицы и продиктовавшего Восточной Римской империи позорный мир; на Игоря, сделавшего эту империю своей данницей; на Святослава, с торжеством заявившего: «Греки снабжают меня золотом, дорогами тканями, рисом, фруктами и вином, Венгрия доставляет скот и лошадей, из России я получаю мед, воск, меха и невольников»; на Владимира, завоевавшего Крым и Ливонию, заставившего греческого императора...выдать за него свою дочь, соединившего военную власть северного завоевателя с теократическим деспотизмом порфирородных и ставшего одновременно господином своих подданных на Земле и заступником их на небесах. Несмотря, однако, на известные

параллели...политика первых Рюриковичей коренным образом отличается от политики современной России. То была не более и не менее как политика германских варваров, наводнивших Европу... Готический (у Маркса *gotisch*, т. е. буквально «готский». — В.А.) период истории России составляет, в частности, лишь одну из глав истории норманнских завоеваний. Подобно тому как империя Карла Великого предшествует образованию современных Франции, Германии и Италии, так и империя Рюриковичей предшествует образованию Польши, Литвы, прибалтийских поселений, Турции и самой Московии. Быстрый процесс расширения территории был не результатом выполнения тщательно разработанных планов, а естественным следствием примитивной организации норманнских завоеваний — вассалитета без ленов или с ленами, существовавшими только в форме сбора дани, причем необходимость дальнейших завоеваний поддерживалась непрерывным притоком варяжских авантюристов, жаждавших славы и добычи. Вождей, у которых появлялось желание отдохнуть, дружина заставляла двигаться дальше, и в русских, как и во французских землях, завоеванных норманнами, пришло время, когда вожди стали посылать в новые грабительские экспедиции своих неукротимых и ненасытных собратьев по оружию с единственной целью избавиться от них. В отношении методов ведения войн и организации завоеваний первые Рюриковичи ничем не отличаются от норманнов в остальных странах Европы. Если славянские племена удалось подчинить не только с помощью меча, но и путем взаимного соглашения, то эта особенность была обусловлена исключительным положением этих племен, территории которых подвергались вторжениям как с севера, так и с востока и которые воспользовались первыми в целях защиты от вторых. К Риму Востока (Константинополю-Царьграду — В.А.) варягов влекла та же магическая сила, которая влекла других северных варваров к Риму Запада. Самый факт перемещения русской столицы — Рюрик избрал для нее Новгород, Олег перенес ее в Киев, а Святослав пытался утвердить ее в Болгарии (Переяславце-на-Дунае. — В. А.), — несомненно, доказывает, что завоеватель только нащупывал себе путь и смотрел на Россию лишь как на стоянку, от которой надо двигаться дальше в поисках империи на юге. Если современная Россия жаждет овладеть Константинополем, чтобы установить свое господство над миром, то Рюриковичи, напротив, из-за сопротивления Византии

при Цимисхии были вынуждены окончательно установить свое господство в России.

Могут возразить, что здесь победители слились с побежденными скорее, чем во всех других областях, завоеванных северными варварами, что вожди быстро смешались со славянами, о чем свидетельствуют их браки и их имена. Но при этом следует помнить, что дружина, которая представляла собой одновременно их гвардию и их тайный совет, оставалась исключительно варяжской, что Владимир, олицетворяющий собой вершину готической России, и Ярослав, представляющий начало ее упадка, были возведены на престол силой оружия варягов. Если в этот период и нужно признать наличие какого-либо славянского влияния, то это было влияние Новгорода, славянского государства, традиции, политика и стремления которого были настолько противоположны традициям, политике и стремлениям современной России, что последняя смогла утвердить свое существование лишь на его развалинах. При Ярославе верховенство варягов было сломлено, но одновременно исчезают и завоевательные стремления первого периода и начинается упадок готической России. История этого упадка еще больше, чем история завоевания и образования, подтверждает исключительно готический характер империи Рюриковичей... Таким образом, норманнская Россия совершенно сошла со сцены, и те немногие слабые воспоминания, в которых она все же пережила самое себя, рассеялись при страшном появлении Чингисхана» (Карл Маркс. Разоблачение дипломатической истории XIII века, глава четвертая, цитируется по книге: Л. Н. Гумилев. Черная легенда. Друзья и недруги Великой Степи. Экопрос, 1994. с. 464. 465, 466, 467).

Тщательно штудировавший Маркса, его верный последователь и негибачаемый большевик из рядов ленинской «старой гвардии» товарищ Покровский так и писал на с. 22–23 своей «Русской истории в самом сжатом очерке»

«... Что касается общественного устройства тогдашних славян, то о нем греки могли только рассказать, что славяне распадаются на множество отдельных маленьких племен, которые постоянно между собой ссорятся. Воспоминания об этих постоянных ссорах между племенами сохранились еще и в преданиях о начале «русского государства», которое летопись относил к середине IX в. — лет значит через триста после того, как появились первые известия о славянах.

Но по этому преданию, основателями первых больших государств на Восточно-европейской равнине были не славяне, а пришлые народы: на юге — хозары (хазары — В.А.), пришедшие из Азии, а на севере — варяги, пришедшие со Скандинавского полуострова, из теперешней Швеции. Потом варяги победили хозар и стали хозяевами на всем протяжении этой равнины.

Это предание новейшие историки часто оспаривали из соображений патриотических, т. е. националистических: им казалось обидно для народного самолюбия русских славян, что их первыми государями были иноземцы. На самом деле это не менее и не более обидно, чем то, что Россией с половины XVIII в. управляло, под именем Романовых, потомство немецких, голштинских герцогов (подлинные Романовы вымерли в 1761 г. в лице дочери Петра I — Елизаветы, у которой не было детей). То есть это вовсе никакого значения не имело, и то, что первые новгородские и киевские князья, которых мы знаем по именам, были шведы по происхождению (что несомненно), совсем неважно. Гораздо важнее было то, что эти шведы были рабовладельцами и работоторговцами: захватывать рабов и торговать ими было промыслом первых властителей русской земли. Отсюда непрерывные войны между этими князьями, — войны, целью которых было «ополониться челядью», т. е. захватить много рабов. Отсюда их сношения с Константинополем, где был главный тогда, ближайший к России, невольничий рынок. Об этом своем товаре, «челяди», первые князья говорили совершенно открыто, не стесняясь: один из них, Святослав, хотел свою столицу перенести с Днестра на Дунай, потому что туда, к Дунаю, сходилась «всякое добро», а среди этого «всякого добра» была и «челядь». Кроме этого на рынок шли и продукты лесного хозяйства — меха, мед и воск. Это все князья добывали «мирным путем», собирая в виде дани со славянских племен, которые им удалось покорить. Но рабы были самым важным товаром, — о них больше всего говорится в договорах первых русских князей с греческими императорами.

Первые русские «государи» были таким образом предводителями шаек работоторговцев. Само собою разумеется, что они ничем не «управляли»; в X в. например князь и в суде еще не участвовал. Только с XI столетия князья начинают понемногу заботиться о «порядке» в тех городах, которые образовались мало-помалу около стоянок работоторговцев. Дошедшие до нас письменные памятники изобража-

ют именно городской быт и городскую жизнь. Население этих городов было не чисто славянским, а очень смешанным. Туда стекались торговцы и просто беглецы из разных стран, куда ходили русские купеческие караваны. Именно это смешанное население и получило раньше всего название «Руси» — от прозвища, которое финны дали шведам, приезжавшим в Финляндию через Балтийское море. Шведы составляли первое время господствующий класс этого городского населения: имена первых князей и их ближайших помощников, бояр, сплошь шведские, как мы уже упоминали. Греческие писатели приводят несколько тогдашних «русских» слов, и они все заимствованы из шведского языка. Самое слово «князь» происходит от шведского «конунг», а другое всем знакомое слово «витязь» — от такого же шведского «викинг». Но большинство городского населения было славянское, и князья с их боярами скоро среди него ославянились. В конце X в. все князья носят уже славянские имена (Святослав, Владимир, Ярослав и т. д.) и говорят не по-шведски, а по-славянски.

Кстати говоря, книге товарища Покровского, объявленной «антинаучной», «антিলенинской» при верном марксисте и ленинце товарище Сталине (так якобы гордившемся вошедшим в обиход при нем крылатым изречением «Сталин — это Ленин сегодня»), предпослано факсимильное письмо не кого иного как товарища В. И. Ленина товарищу М. Н. Покровскому.

Тов. М. Н. Покровскому.

Тов. М.Н.! Очень поздравляю вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга «Рус(ская — В.А.) (История — В.А.) в сам(ом — В.А.) сж(атом — В.А.) очерке! Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на евр(опейские — В.А.) языки.

Позволяю себе одно маленькое замечание. Чтобы она была учебником (а она должна им стать), надо дополнить ее хронологическим — В.А.) указателем. Поясню свою мысль примерно так: 1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец оценки Вашей, марксистской; с указан(ием — В.А.) страниц Вашей книги.

Учащиеся должны знать и Вашу книгу и указатель, чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую. Ваше мнение об этом дополнении?

С ком(мунистическим — В.А.). прив.(етом — В.А.) Ваш ЛЕНИН.

Впрочем, это я так, к слову...

Как бы то ни было советской исторической науке удалось в очередной раз «разобраться» с «норманистами», доказав (правда, ненадолго, ибо ныне почти все серьезные российские историки — например Евгений Владимирович Пчелов, не сомневаются в норманнском происхождении Рюриковичей «со товарищи»), что все государственные образования на европейской части СССР имели славянское происхождение. Но тут же встал вопрос о германских мигрантах. Причем пока что даже не о готах. Дело в том, что вскоре после Р.Х., за несколько поколений до готских пришельцев, в Северном Причерноморье появились предшествовавшие им германские племена, основавшие в Приднепровье поселения городского или полугородского типа, поселки перевозчиков, плотогонов, сплавщиков, ремесленников. Главным протагонистом этой «не норманнской», но все же «германской» теории был известный русский историк-эмигрант Михаил Иванович Ростовцев (рожденный в 1870 г. в Киеве и умерший в 1952 г. в Нью-Хейвене). Он приписывал именно германским пришельцам инициативу создания политической организации новых городских общин. Ростовцев признавал существование этих поселений еще до прихода германцев (как, кстати, и «норманнисты» признавали существование славянских и финских поселений еще до прихода норманнов-варягов). Но в то же время был убежден в том, что эти поселения лишь после и вследствие прихода германских переселенцев с северо-запада приобрели характер полисов — самоуправляющихся городов-государств. Или, по меньшей мере, городских общин. Из-за Ростовцева и его сторонников «славянофилы от истории» попали из огня да в полымя. Ибо в I в. п. Р.Х. не было на Борисфене государства, которое можно было бы, положив руку на сердце, назвать славянским. Да и народа, который можно было бы назвать славянским (а не, выражаясь осторожно, праславянским). А целый ряд возникших там, пусть даже небольших, но все же городов, естественно, мог рассматриваться в качестве «предварительной формы» или, если угодно, «заготовки» будущих более крупных политических форм организации общества. Таким образом, создание первого государства на территории т.н. Древней Руси, т.е. на Борисфене-Данапре-Днепре, за несколько столетий до возникновения «империи Рюриковичей», все равно оставалось, выходит, заслугой германцев.

В отличие от Ростовцева и его школы, многие историки (например, Герман Шрайбер и др.) были скорее склонны приписать заслугу поли-

тического упорядочения территории сегодняшней Южной России не этим самым ранним германским мигрантам (например, бастарнам, связываемым с т.н. зарубинецкой культурой), а все-таки готам, пришедшим с Севера позднее и создавшим черняховскую культуру, соседствующую с (прото)славянской киевской культурой. Как подчеркивает упоминавшийся нами выше отечественный историк филолог В.Б. Егоров в своем лингвистическом эссе «Готские реминисценции»: «Население, создавшее киевскую археологическую культуру, обитало в пойменных речных низинах <...> А вся степь, ныне украинская, была в те времена усеяна большими селениями. мы сейчас могли бы назвать их станицами, черняховцев(готов — В.А.), которые распахивали степные черноземы <...> праславяне заимствовали у готов... самые что ни на есть бытовые термины. Готских заимствований в русском языке с лихвой хватило бы на отдельную книгу. Кстати, слово лихва тоже готское, означавшее "процент по займу". В числе древних заимствований из готского оказались такие, казалось бы, совершенно русские слова как жена, чадо, живой <...> Из готского к нам пришел целый пласт слов, связанных <...> и это весьма симптоматично <...> с земледелием: соха, плуг, рожь, хлеб. Ведь из последнего следует, что протославяне-киевляне учились <...> хлебопашеству у готов-черняховцев, а не наоборот». Или, возьмем, к примеру, наше русское слово «медведь» («ведмедь»). Это — не подлинное, исконное, а описательное название зверя, означающее «знающий (ведающий), где мед», или, по другой версии — «медоед». Так его называли, чтобы не произносить настоящего названия, которое у славян, как и у многих других народов являлось табу, и которое не разрешалось даже упоминать. У славян бытовало поверье, что зверь, если его назвать по имени, услышит и обязательно придет, и потому имена опасных животных запрещалось произносить вслух. Из-за этого, кстати, многие животные утратили свои первоначальные имена, и сейчас мы знаем только те, которые были заменителями настоящих. Так вот, германцы, включая готов, называли медведя «бэр» («бер»). А в русском языке осталось слово «берлога» — «ложе (логово) бэра (медведя)» — явно германского происхождения (данное мнение разделяется и «Толковым словарем живаго великорусскаго языка» Владимира Даля). Однако, довольно об этом...

Если верна гипотеза о происхождении слова «казак» от слияния древних этнонимов «гот» и «сакс» либо же «гот» и «сак» (т.е.

«скиф»), а самих приднепровских казаков — от потомков готов и спутников готов по миграции — других германцев или же иранцев-скифов (в широком смысле слова, т.е. ираноязычных сарматов-аланов), то представления об изначальном сосуществовании и различии между «мужиками» и «казаками» может показаться не столь уж и абсурдной...

Как бы то ни было, именно готы были, очевидно, самым могущественным военным фактором между Танаисом и Карпатами. Обладая столь внушительной военной мощью (именно из готского языка вошел в наш лексикон целый ряд слов, связанных с военным делом: «меч», «щит», «шлем», «враг», «друг», «дружина» и др.), готы стали совершать походы «за зипунами», буквально, во все стороны света, против давно сложившихся, прошедших, так сказать, проверку временем, государственных образований. В своих походах готы обнаружили древние, исправно функционирующие торговые города с греческими и греко-скифскими традициями. Города, лишь немногие из которых готам удалось захватить. Но и города, не захваченные готами, без сомнения, сохранили свое хозяйственное значение, свои экономические функции. Они остались полезными и после попадания в зону готского господства (или, точнее говоря, готского контроля), направляя и контролируя товаропотоки с севера на юг и с юга на север. Крупнейшим из этих городов — Ольвией — готы овладели в конце III в. Причем, видимо, без боя. Что позволяет сделать вывод о длившемся несколько десятилетий мирном сосуществовании греческих торговцев с готскими ратоборцами. Тира (современный Белгород-Днестровский), основанная греками в устье Днестра, была примерно в 170 г. покорена готами. В то время как Пантикапей (сегодняшняя Керчь) на Боспоре Киммерийском попал под власть готов лишь ненадолго. Ни Херсонес Таврический (Корсунь, в котором много позже, в 988 г., принял крещение по православному обряду князь Владимир I Красное Солнышко, Креститель Руси и потомок готских Амалов), ни Неаполь Скифский (павший, как было сказано выше, жертвой не готского, а гуннского или аланского набега), видимо, никогда не принадлежали готам (хотя именно готы положили в III в. конец Тавроскифскому царству). Вероятно, потому, что готы не считали захват этих ремесленно-торговых центров выгодным, а уж тем более — жизненно важным для себя. Совсем наоборот. В пору Античности и Средневековья сохранение такими перевалочными пунктами, традиционны-

ми местами перегрузки товаров, определенного нейтралитета считалось несомненным преимуществом. В Малой Азии и в других частях Римской «мировой» империи готы «обзавелись» многочисленными врагами и не приобрели особого доверия. Поэтому готам было выгоднее торговать с Римом (в тогдашнем понимании — «со всем миром») не напрямую, а при посредстве изрядно поднаторевших в торговле старинных греческих и скифских портовых городов, давних коммерческих партнеров средиземноморских греков и римлян. Равно служивших богу войны Аресу-Марсу и богу торговли Гермесу-Меркурию. Можно предположить, что черноморские города, получавшие от готов щедрые «комиссионные», исправно выполняли функцию скупщиков краденого или, выражаясь языком юристов, функцию «укрывателей имущества, добытого преступным путём». Ибо готы и карпы могли без труда сбывать награбленные ими ценности, и прежде всего — состоятельных невольников и невольниц — в этих демилитаризованных или даже нейтральных торговых центрах услужливым посредникам. А уполномоченные городов и семейств, пострадавших от готских грабителей, но сохранивших платежеспособность, могли беспрепятственно посещать Ольвию, Херсонес или Пантикапей, чтобы вести там без помех переговоры о выкупе пленников. Величайшие разбойники и грабители времен Великого переселения народов — гунны — вели себя столетие лет спустя аналогично готам. Ибо вся их алчность, вся их жажда грабежа, вся награбленная ими добыча, не принесла бы им никакой пользы, если бы они не имели хорошо налаженных рынков сбыта. И платежеспособных скупщиков в подходящих местах — торговых точках, или обменных пунктах, пользующихся, так сказать, правом экстерриториальности.

Как пишет В.Б. Егоров: «...готы вели оживлённую торговлю через причерноморские греческие города, что подтверждается археологически по всему ареалу черняховской культуры. Более того, в отличие от многочисленных кочевых народов, захватывавших Северное Причерноморье на более длительные сроки, готы сразу же переняли у греков искусство мореходства и не только лишили тех монополии в морской торговле, но и пошли дальше учителей в качестве пиратов (сказалась сохранившаяся в готских генах память предков — плователей по северным морям — В.А.)» («Русь и снова Русь»).

Изложенная выше версия, на наш взгляд, в какой-то мере проливает свет на роль древних припонтийских эллинских городов-эмпо-

риев, не только уцелевших, но и сохранивших свою автономию, даже попав в зону готского влияния. Тем не менее, у нас отсутствует уверенность в наличии у самих готов собственных административно-властных центров. Правда, с учетом важнейшей роли «великой и славной» реки Борисфена (Данпара, Данапра, современного Днепра), можно предполагать, что готы не позднее, чем на рубеже III–IV вв. сочли необходимым иметь вдоль Данапра, в некотором отдалении от морского побережья собственные поселения, готские грады-гарды-города. Ведь археологические находки, в первую очередь — раскопки погребений — подтверждают, что у готов еще до их прихода в нынешние южнорусские земли, имелись существовавшие на протяжении целых поколений постоянные «княжеские» резиденции межрегионального значения. Историки — специалисты в области изучения германских племен и Великого переселения народов — придерживаются разных мнений по данному вопросу. Прежде всего, вероятно, потому, что период существования готской державы на территории современной (преимущественно — Южной) России (подтвержденного не только готскими легендами, но и античными историками) рассматривается обычно, как некий «неполноценный», подготовительный этап истории готской государственности. Предшествующий «великой эпохе» готов как вершителей судеб восточной и западной половин Римской «мировой» империи. Царств вестготов и остготов в Галлии, Испании, Италии. Однако, скажем, швейцарский историк Валентин Маркович Гитерман, уроженец России и автор трехтомной истории нашей страны, дополненной в приложениях огромным числом документов (что делает ее особенно ценной), не сомневается в существовании готской резиденции на Днепре-Данапре-Борисфене, утверждая без обиняков:

«При своем царе Германарихе (350–376) (ост)готы основали в южной России собственную державу, столица которой называлась Данпарстадир, что означает город на Днепре, и под которой мы должны подразумевать Киев. Уже в начале (Великого — В.А.) переселения народов Киев считался олицетворением сказочного богатства. Скандинавы называли его Кэнугардр, позднее — Киангород. В «Песни о Нибелунгах» встречается название *das land ze Chiewen* («дас ланд це Киевен», т.е. «Киевская земля» или «Киевская страна» — В.А.)...».

Что тут сказать? Средневековая германская «Песнь о Нибелунгах» была записана на рубеже XII–XIII в. Сочинена она была, вне всякого сомнения, гораздо раньше, на основе древних германских

сказаний, восходящих к эпохе Великого переселения народов. Но на протяжении длительного времени, подобно сказаниям троянского или фиванского циклов в древнегреческой среде, передавалась исключительно из уст в уста. К моменту, когда «Песнь» была наконец записана, Киев — «мать городов (греч. метрополия, митрополия) русских» — уже на протяжении многих столетий был знаменитой великокняжеской резиденцией. При готах же этот древний град, вне всякого сомнения, достигший большого богатства благодаря стекавшемуся в этот центр готской власти со всех сторон добру, скорее всего, назывался все-таки Даншарстадир. По-моему, эта версия звучит убедительнее... Хотя — кто знает? Темна вода во облацех, как говорили наши пращурьы, когда не были в чем-либо точно уверены.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЦАРЬ GERMANARIX

С 270 г. п. Р.Х. античные хронисты начали писать о двух разных готских племенах (или двух разных группах готских племен). Да и тем самым десяткам, если не сотням, историков, лингвистов, германистов материал для десятков, если не сотен очень и не очень толстых книг. Как много было пролито чернил и пота, как много выдвинуто версий, гипотез, теорий (порой крайне причудливых и совершенно фантастических) для объяснения этого феномена! Но, чтобы, в свою очередь, не вносить смятение в умы и не сбивать с толку уважаемых читателей, мы будем по-прежнему пользоваться наиболее распространенными этнонимами — «вестготы» (букв. «западные готы») и «остготы» (букв. «восточные готы»). Хотя сегодня может считаться совершенно точно установленным, что эти древние племенные названия никак не связаны с понятиями «Запад» («Вест») и «Восток» («Ост»).

Первые различия между вест- и остготами проявились в землях, на которых наконец осели готские переселенцы.

Готы, поселившиеся в сегодняшних южнорусских степях восточнее Тираса-Днестра, именовались «грутунги австроготы (остроготы)». Значение этнонима «остроготы» толкуется Стефаном Флауэром как «готы, восславленные восходящим солнцем». По его мнению, эпитет «остро» («австро», «аустро») указывает на «восток» («ост») лишь косвенно, как на направление восхода солнца. «Грутунгами» австроготы были прозваны потому, что проживали в степях и на песчаных равнинах (что и означает данный этноним). По поводу жизни в степи следует заметить, что готы с самого начала своих странствований по «сухопутному океану» испытывали на себе влияние степной культуры «кентавров»-кочевников. И, продвигаясь по землям ираноязычных сарматов в сегодняшней южной России, уже хорошо представляли себе, с чем и с кем имеют дело. Ибо ряды самих готов пополнялись сарматами, передававшими им свои навыки жизни в степи, владения конем и т.д. В целом, североиранские сармато-аланские племенные группы, влившись в состав готского «народа-войска», сохраняли определенную обособленность. Не растворяясь полностью

в германской среде. Но смешанные межплеменные браки, особенно среди знати, были широко распространены, способствуя скреплению межклановых союзов. При этом, как подчеркивает Эдред Торссон, преобладающим языком общения в ирано-германском союзе становился готский.

Визиготы, или везеготы (по Флауэрсу — «благие и высокородные готы»), поселившиеся западнее Тираса в Прикарпатье и Карпатах, получили название «тервинги» (т.е. «жители лесов», «лесовики», «древляне» — на последний этноним просим уважаемых читателей обратить особое внимание).

Естественно, подобные прозвания имели смысл лишь до тех пор, пока как готы-степняки, так и готы-лесовики реально оставались в землях и местностях, чьи характер и особенности соответствовали содержанию этнонимов, производных от них. С учетом описанной выше тяги готов к дальним странствиям и глубоким рейдам готских непосед-грабителей по неприятельским тылам, связь между особенностями мест проживания охотников за римско-греческими «зипунами» и их звучными этнонимами оказалась со временем утраченной. Этнонимы исказились. Прозвание «грутунги» исчезло, «австроготы» («остроготы») превратились в «остготов». А тут еще один из царей остготского («восточно-готского») племени, в дополнение к своему имени собственному, получил (возможно, чтобы отличить его от другого германского «князя», одноименного с ним, но иноплеменного) прозвище «Острогота». Т.е. «Остгот», «Восточный Гот», И это новое прозвание в дальнейшем закрепилось за степными готами, которыми он правил.

«Древляне»-тервинги проживали западнее других готов. Но, в конце концов, еще до начала гуннского нашествия, покинули насиженные места и мигрировали еще дальше на запад. Тем не менее, они получили свой новый этноним, видимо, все-таки не от «запада» («вест») — страны света, в направлении которой переселялись. А от готского префикса (приставки) «весу» (*wesu*). Означающей «мудрый» (варианты: «добрый», «хороший»). Возможно, призванной выгодно отличить это готское племя от «злых», «недобрых», «нехороших» и «безумных» готских морских разбойников, успевших к тому времени снискать себе недобрую славу во всем культурном Средиземноморье. Чего стоило одно только осквернение готскими «протовикинами» такой прославленной на всю Экумену святыни как эфесский

Артемисий! Разрушение из «семи чудес света»! Это злодеяние воспринималось не просто как кощунство, не только как тягчайшее оскорбление одного отдельно взятого народа - скажем, греческого или римского. Но и как нарушение всеобщей, хотя и негласной договоренности всех культурных наций Экумены. Щадивших эту величайшую святыню на протяжении многих столетий. Не зря сожжение Артемисия Геростратом стало символом неслыханного «варварства» и «вандализма» (задолго до вторжения вандалов в римские пределы в пору «лихолетья Экумены»).

Однако, как часто бывает в истории, «злые», «нехорошие», «недобрые» «безумные» готы со временем возвысились, превратились в «блестящих», «сияющих», «светлых» австро- или остроготов. Именно из их среды вышли величайшие готские цари, разнесшие по всему свету славу готского имени. В то время как «добрые», «хорошие», «мудрые» готы — вестготы — остались в дураках. И были вынуждены питаться скудными подачками римских провиантских чиновников, прозябая на подступах к великой «мировой» державе.

Правда, на первых порах и остготы понесли от римлян ряд тяжелых поражений, вынудивших гревтунгов умерить свою прыть и сидеть до поры-до времени смиренно. Ибо после долгого периода кровавой чехарды т.н. «солдатских императоров» на римский престол взошел Константин I из рода Флавиев (312–337). Храбрый воин, искусный полководец и хладнокровный, коварный политик типа, названного впоследствии «византийским». Не случайно именно Константин I перенес столицу Римской империи в древний греческий город Византий, названный сначала «(Новым, Вторым) Римом», а позднее — его собственным именем. Хотя первоначально намеревался перенести имперскую столицу в Илион, т.е. Трою — город, равно дорогой как грекам (из-за связанного с ним национального греческого эпоса — поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея»), так и римлянам (ведшим свое происхождение от троянского героя Энея и его спутников, воспетых в римском национальном эпосе — поэме Вергилия «Энеида»). Мудрый август Константин «переиграл» всех своих внутривластных соперников. И оказался, сверх того, «не по зубам» даже самым свирепым, энергичным и жадным до добычи «варварским» племенам, давившим на империю извне. С воцарением Константина I разом прекратились готские сухопутные и морские «походы за зипунами». Прошли для готов времена, когда можно было овладеть даже таким

сильно укрепленным городом, как Трапезунд, чей гарнизон не охранял его мощные стены и башни, а предавался пьянству и разгулу в лупанарах. Когда готам удалось шутя взять римскую крепость Питиунт (современный абхазский город Пицунда) в Колхиде (чему весьма способствовало смещение с поста тамошнего выдающегося во всех отношениях наместника Сукцессиана по проискам придворных интриганов). Когда готы могли без помех, нагрузив корабли богатой добычей, включая пленных девушек и женщин, возвращаться по теплomu морю в ставшую им родной Тавриду. Поскольку Понтийский флот римлян, видимо, приказал долго жить в вихре гражданских войн. Хотя ему полагалось стоять на якоре в Кизике, бдительно охраняя морские границы «мировой» державы... И готам больше не везло, как при префекте претория Флориане. Сводном брате императора Тацита и опытном полководце, сумевшем в 276 г. окружить готское войско в Киликии. Но выпустившем обреченных, как казалось всем, на неминуемую гибель «варваров» из своих смертельных объятий. Чтобы, провозгласив себя императором, использовать готов против своего соперника в борьбе за императорскую диадему.

В период начавшегося в конце III — начале IV в. усиления Римской империи готам пришлось не только заключать договоры с римлянами, но и соблюдать их. Уразумев, что «пакта сунт серванда». Слишком дорого стало им обходиться нарушение этих договоров. И готы перешли к своеобразной форме сотрудничества с римлянами, позволявшей их воинственности не угаснуть окончательно. Они стали поставлять в римское войско отряды наемников-«федератов». За это римляне официально утвердили готов во владении римскими землями, захваченными ими силой меча, т.е «по праву сильного». Или, выражаясь языком древних германцев, по «праву кулака» («фаустрехт»). Иными словами, уступили готам римские окраины или римские колониальные территории, тянущиеся широкой полосой от позднейшего Баната до Данастра. Преддверие Дакии было еще раньше уступлено римлянами германцам и сарматам. Целое скопище многочисленных, беспокойных племен ждало лишь воцарения очередного слабого римского императора, чтобы совершить новый бросок на юг. Но вместо слабого императора воцарился Константин I Великий. Монарх, слепленный из совсем другого теста.

Император (или, выражаясь по-церковному, святой равноапостольный царь) Флавий Валерий Аврелий Константин, перенесший,

как уже говорилось выше, в 330 г. столицу Римской «мировой» империи в Византий (Второй Рим, Новый Рим, впоследствии — Константинополь), был прозван впоследствии Великим (Магном). Прежде всего — за свои неопределимые заслуги перед христианством. Которое он в 324 г. сделал господствующим вероисповеданием Римской «мировой» державы. Однако первый христианский император имел неоспоримые заслуги и в других сферах. Он завершил военную реформу, начатую «господином и богом» Диоклетианом Иовием, которому долго и верно служил (не разделяя его яро антихристианского настроения). Константин I разделил вооруженные силы объединенной империей на две части — сравнительно легковооруженные пограничные войска (лимитанеи) и тяжеловооруженные части полевой армии (комитатенсес). Первым надлежало сдерживать врагов, вторгавшихся извне в пределы Римской «мировой» державы. А вторым, перебрасываемым из центральной части империи на угрожаемые участки — этих внешних врагов уничтожать. Вследствие колоссальной убитости собственно римских (рожденных в пределах империи) воинов в междоусобных войнах, реформа Константина I ускорила и усилила начавшийся еще до него процесс комплектования пограничных легионов преимущественно из «варваров» (главным образом — германцев). Поначалу это казалось даже выгодным — истреблять «варваров» руками «варваров», к вящей славе «вечного» Рима... Римские легионы были разукрупнены (составляя каждый не более тысячи воинов во главе с трибуном, т.е. примерно пятую часть легиона времен Гая Юлия Цезаря), чтобы увеличить их мобильность и ослабить исходящую от них угрозу военного мятежа (шансов на преступный сговор командиров двадцати легионов было куда меньше, чем на сговор командиров четырех). Теперь сильно «варваризованные» легионы строились в колонны. Легионарии перешли на копье, спату и овальный щит ауксилія — взамен пилума, гладия и скутума. В комплекс их вооружения вошли типично «варварские» боевые топоры или секиры. Были существенно облегчены доспехи (вплоть до замены металлических шлемов шапками из кожи и меха). В дальнейшем легионы (не только пограничные) все чаще уступали место наемным чисто «варварским» подразделениям под командованием уже не римских офицеров, а «варварских» вождей. Хотя и сами уже почти поголовно состояли из тех же «варваров» (включая командный состав). Но это случилось уже

после святого равноапостольного царя Константина (как его поныне именуют на Руси)...

Константин I Великий правил и сражался с той же беспощадностью, силой и решимостью, что и его самые удачливые предшественники на императорском престоле. На пути к вершинам власти ему пришлось совершить целый ряд не очень и очень тяжелых преступлений. По сей день смущающих и ставящих порой в тупик его благочестивых жизнеописателей-панегиристов. Восстановитель единства империи, скажем, повелел казнить не только родного сына Криспа, но и свою вторую жену Фавсту. А также своего соправителя и императора-соперника Флавия Галерия Валерия Лициниана Лициния (Лициния). Поверившего на слово и сдавшегося Константину, обещавшему сохранить ему жизнь. Хотя Иордан, в отличие от других историков (например, Аврелия Виктора) утверждает, что Лициний был убит не Константином, а (восставшими?) готами, которые пронзили императора-неудачника мечом. Опять вездесущие готы! Ну, как же без них...

Столь суровый — мягко говоря! — правитель и опытный полководец, как Константин I, не проигравший за всю жизнь ни одного сражения, не мог не поставить римско-готские отношения на совершенно новую основу. Ибо все «варварские» народы, даже гунны, имели шансы на успех, лишь если внутренние неурядицы в Римской империи или слабый император на ее престоле временно давали им возможность добиться перевеса в той или иной части римских владений.

Соотношение сил в огромной Римской «мировой» державе было очень сложным. Хотя власть над ней не всегда оспаривали друг у друга тридцать или тридцать два, но нередко до восьми (!) носителей верховной власти, не считая претендентов на нее. Одни из них именовались «августами», а другие — «цезарями». Отец Константина Великого, Флавий Валерий Констанций по прозвищу Хлор (греч. «Бледный»), был августом западной половины Римской «мировой» империи. Сам Константин I, преодолев бесчисленное множество препятствий, с помощью интриг и военных походов, устранил со своего пути всех соперников, кроме Лициния — властителя ее восточной половины (и, кстати говоря, зятя Константина, женатого на его сестре Констанции). После серии военных столкновений между ними, начавшихся в 314 г. и продолжавшихся целое десятилетие, в 324 г. произошло решающее сражение на подступах к резиденции Лициния — Никомедии. В этой комбинированной (морской и сухопутной)

битве готы дрались на стороне Лициния. Поскольку на основании договора с ним были обязаны участвовать в обороне отведенных им для поселения и кормления земель. К тому времени римская армия, видимо, уже не могла без них обойтись. Как писал Иордан:

«...после того как цезарь Максимин («солдатский» император Гай Юлий Вер Максимин Фракиец — В.А.) с их (готских наемников — В.А.) помощью обратил в бегство царя персидского Нарсея (Нарзеса, Нерсеса, Нерсе — В.А.), внука великого Сапора (Шапура — В.А.), и захватил все его богатства, а также жен и сыновей, Диоклетиан же одолел Ахилла в Александрии, а Максимиан Геркулий уничтожил в Африке квинквентегианов — в (Римском — В.А.) государстве был достигнут мир, и готами начали как бы пренебрегать. А было время, когда без них римское войско с трудом сражалось с любыми племенами» («Гетика»).

Впрочем, готский военный контингент в войске Лициния был, видимо, относительно немногочисленным. Вряд ли готы поддержали Лициния, предчувствуя, что Константин является более сильным и, соответственно, более опасным врагом готского народа. И что поэтому необходимо, во что бы то ни стало, помешать сыну Констанция Хлора захватить власть над всей Римской «мировой» державой. Так сказать, по суворовскому принципу: «Далеко шагает, пора унять молодца». Причину выступления готов на стороне Лициния можно скорее объяснить их встречей с Константином I в 323/324 гг. Дело в том, что Лициний, очевидно, нуждавшийся в как можно большем числе воинов для борьбы с Константином, снял войска-лимитанеи с готской границы. Это вдохновило готские грабительские шайки, привыкшие к тому, что римская «граница — на замке», на новый и притом особенно опустошительный набег. Во главе с герцогом-воеводой Равсимодом (именуемым некоторыми авторами «сарматским царем»), повелевавшим вестготскими племенами, готы, перейдя открытую границу, совершили глубокий рейд через Гем во Фракию. Интересно, что на этот раз местное население (по крайней мере, жители приграничья) присоединились к готам. Возможно, варварских пришельцев поддержали многочисленные группы германцев, поселенных римскими властями к югу от Днуба. Немало натерпевшихся от имперских властей (в первую очередь — от беспощадных сборщиков налогов и податей). Хотя и считавшихся «свободными римскими гражданами». И не носивших рабского ошейника с многозначительной

надписью «Держи меня, чтоб я не убежал». Приветствовавших вторгшихся в «цивилизованный» римский мир «из-за бутра» соплеменников как освободителей. Не зря академик Л.Н. Гумилев писал: «Варварам было за что мстить Риму»... Во всяком случае, августу Константину I пришлось издать в апреле 323 г. суровый эдикт, приговаривавший каждого, кто сотрудничает со вторгнувшимися в империю готами, оказывает им поддержку или помощь, к жестокой казни — сожжению заживо. Как видим, этот вид казни существовал в Риме задолго до учреждения Святой инквизиции...

Невзирая на предстоящий широкомасштабный военный конфликт с Лицинием, Константин, выступив из Фессалоники (сегодня — Салоники в Греции- В.А.), прошел всю Фракию и всеми силами обрушился на готов. Что стало наглядным доказательством его военного могущества и уверенности в себе. Загнав готов в ловушку на территории будущей южной Румынии, Константин одержал над «варварами» убедительную победу в стиле победы Гая Мария над тевтонами Тевтобода или победы Гая Юлия Цезаря над свевами Ариовиста. Царь-герцог Равсимод пал в бою, а с ним — большая часть его «дикого варварского» войска. Пережившие бойню — в основном, обозная прислуга — так сказать, «нестроевые», женщины и дети, были в качестве военнопленных розданы по разным римским гарнизонам.

Второй раз Константин I Великий продемонстрировал готам свое безусловное военное превосходство в 324 г. Наголову разбив Лициния в двух сражениях под городами Адрианоподем (сегодняшним турецким Эдирне) и Халкедоном (Калхедоном, нынешним районом Кадыкёй турецкого мегаполиса Стамбула). Городами, хорошо известными готским предводителям. Сказанное относится в первую очередь к победе, одержанной Константином под Халкедоном и Хрисополем (ненешним турецким Ускюдаром), совсем рядом с проливами и напротив будущего Константинополя, на глазах хорошо осведомленных готов. «Князь» (вождь) вестготов Алика, командовавший готским наемным контингентом в армии Лициния, и едва унесший ноги, твердо уяснил себе одно. Такой император, как Константин, впредь не позволит германским племенам говорить с собой т.н. языком силы. Его догадка подтвердилась вскоре после битвы. Ибо Константин распорядился, к изумлению ошеломленных «варваров», построить грандиозный каменный (!) мост через Истр. Мост, соединивший берега широкого Дануба в районе римской крепости Суцидава, подобный

построенному им в молодости мосту через Рен в районе Колонии Аппии Кладвии (нынешнего Кельна). Остатки Константинова моста сохранились до сих пор. Его постройка давала римлянам возможность в любой момент ударить по западному флангу Готтиуды-«Готии», легко перебросив туда значительные силы. Бич римской военной угрозы постоянно нависал над готами. Кроме того, Константин I обеспечил римлянам вторую возможность переправы через Истр между Трансмариской (современным селом Тутракан в Болгарии) и крепостью Дафной. Возведя сильные предмостные укрепления и другие фортификационные сооружения, сын Констанция Хлора не оставил «северным варварам» и тени сомнения в том, что им впредь не удастся форсировать Истр незамеченными.

Живо смекнув, на чьей стороне сила, готы поторопились предложить ему свои услуги:

«... при Константине их позвали, и они подняли оружие против его родственника Лициния; победив, они заперли его в Фессалонике и, лишённого власти, пронзили мечом от имени Константина-победителя. Помощь готов была использована и для того, чтобы [Константин] смог основать знаменитейший в честь своего имени город (Константинополь — Новый Рим на Боспоре Фракийском — В.А.), который был бы соперником Риму: они заключили с императором союз и привели ему для борьбы против разных племен 40 тысяч своих [воинов]. До настоящего времени в империи остается их войско; зовутся же они и до сего дня федератами» («Гетика»).

Вообще же политика первого христианского императора Рима была весьма разумной и направленной на развитие мирных римско-готских экономических отношений. Она оказалась весьма успешной. На протяжении последующих тридцати пяти лет на римско-готской границе не происходило достойных упоминания военных конфликтов. Эта фаза стала — скорее всего, вопреки желанию Константина Великого — периодом вынужденного спокойствия и мира в жизни германцев, поселившихся на подступах к границам римской Фракии. И в первую очередь — в жизни готского народа. Для которого данный период стал решающей фазой формирования собственной государственности и укрепления его организационных форм.

О германских царях и вождях Тацит писал:

«Царей они (германцы — В.А.) выбирают из наиболее знатных, вождей — из наиболее доблестных. Но и цари не обладают у них

безграничным и безраздельным могуществом, и вожди начальствуют над ними, скорее увлекая примером и вызывая их восхищение, если они решительны, если выдаются достоинствами, если сражаются всегда впереди (первыми — фуристо! — В.А.), чем наделенные подлинной властью».

Правда, если верить Тациту, готы (которых римский анналист, как мы помним, называет «готонами»), в отличие от прочих германцев, уже давно находились под жестким (т.е. достаточно централизованным) управлением. Вы еще не забыли, уважаемый читатель, приводившуюся в этой книге выше цитату из «Германии»: «За лугиями живут готоны, которыми правят цари, и уже несколько жестче, чем у других народов Германии...»?

Так что вряд ли готы нуждались в дополнительном укреплении своей системы властных отношений. С другой стороны, Тацит в том же предложении пишет, что цари готов правят ими «однако еще не вполне самовластно». А значит, у них оставалась еще возможность «укреплять и усиливать свое самовластие». Но даже ученые, настроенные к готам чрезвычайно благожелательно — например, Людвиг Шмидт — в своих описаниях ставят за приводимыми нам Иорданом именами готских «царей» знак вопроса. Ибо неясно, всей ли полномочной власти и какими именно властными функциями эти «цари» обладали. Да и нам представляется необходимым разобраться с содержанием понятия «царь» и «царская власть» у готов.

Пределы и объем царской власти у древних готов, очевидно, зависели от личностных качеств ее конкретного обладателя. Судя по всему, один знатный род, особенно почитаемый Иорданом — царский род Амалов (превратившийся в позднейшем германском историческом эпосе в род Амалунгов или Амелунгов) с течением времени, на протяжении целого ряда поколений, породил блестящую плеяду энергичных и подлинно призванных господствовать правителей. Хотя многие упомянутые хронистами готские владыки, несомненно, Амалами не были.

Конечно, генеалогию пересказывать сложно — даже библейские родословия воспринимаются как что-то очень монотонное. Поэтому мы не будем составлять на основе «Гетики» Кассиодора-Иордана или других источников генеалогическое древо. А ограничимся лишь тем, что прокомментируем только особо выдающихся готских владык. Ибо, хотя в весьма импозантном царском родословии не все соот-

ветствует действительности и оно, особенно в начале, содержит, вероятнее всего, мифические и легендарные имена, носители которых, может быть, и существовали, но не обязательно были прямыми предками или потомками друг друга — Амалы все-таки представляются виднейшим из царских родов германцев. Единственным, достаточно четко и на протяжении достаточно длительного времени просматриваемым в историческом контексте, чтобы поставить его вровень или хотя бы сравнить его с другими родами или династиями античных правителей. Прежде всего, следует обратить внимание на их родовое прозвание — ибо от Амалов, как уже уговорилось выше, произошли Амелунги-Амалунги героических германских саг.

Австро-немецкий историк Рейнгард Венкус в статье «Амалы» изданного Гербертом Янкуном «Реального лексикона истории германской древности» высказал точку зрения, согласно которой Амалы не были первым готским царским родом. Автор столь смелого для энциклопедического словаря утверждения, по мнению других историков (например, Германа Шрайбера), не учитывал следующего обстоятельства. Царский дом Амалов, родоначальником которого считается Гапт (Гаут), правил готами на протяжении девяти поколений, прежде чем над ними воцарился Германарих — главный герой настоящей главы. Этому властителю, переселившемуся в мир иной (покончившему с собой или умершему от раны) в 376 г. на момент смерти было якобы «очень много» лет. Считается, что Германарих (в оригинальном тексте «Гетики» — Герменериг) родился никак не позже 300 г. по Р.Х. Значит, предшествующие ему девять поколений готских царей уводят нас в эпоху до Рождества Христова. Получается, что Амалы воцарились над готами в 120, если не в 140 г. до Р.Х. Т.е. в эпоху, предшествующую написанию Тацитом «Германии» и появлению источников, из которых римский историк черпал свои сведения о германцах. Значит, если до Амалов готами правили цари из какого-то иного рода, это было в совсем уж архаичную эпоху, на территории нынешней южной Швеции. Задолго до того, как готам пришла в голову мысль мигрировать через Янтарное море.

Если же начинать отсчитывать родословие готских царей с Гаута, то получится, что Амал — властитель, давший царскому роду готов свое имя (что обычно случается с основателем династии), был его правнуком. Почему же готский царский род был назван не в честь своего основателя Гаута, а в честь его правнука Амала? Возможно

потому, что этот царь правил во времена, когда готы готовились покинуть свои насиженные «гнезда» в устье Вистулы и в землях восточных эстиев, чтобы двинуться дальше на юг? Будущим переселенцам нужно было имя, напоминавшее им о покидаемой материковой родине. Может быть, именно по этой причине царское семейство именно тогда получило прозвание Амалов — в честь тогдашнего царя Амала?

Вскоре после Амала воцарился Острогота, которого Иордан, как нам известно, «возводит в правители» слишком рано. Получается, что между Остроготой и Амалом правил лишь один царь, что противоречит описанию тем же Иорданом боевых действий Остроготы в Дакии. В данной связи возникают большие сомнения, или просто путаница. Несколько менее туманной картина становится лишь, начиная с Атанариха, или же Афанариха — царя (?), которого христианские хронисты проклинают с таким же пылом, с каким они восхваляют Константина I Великого. Ибо Атанарих (возможно, сын Аориха) был врагом христиан и христианства, о чем мы с вами узнаем во всех ужасающих подробностях из следующей главы.

За Атанарихом воцарился Агиульф (Ахиульф, Аиульф), отец целого ряда известных нам по именам сыновей, сыгравших важную роль в готской истории. Один из них — Вультульф — основал одну, другой — Германарих — другую последующую линию Амалов. И тут картина становится настолько пестрой, что мы лучше воздержимся от комментариев. Чтобы, так сказать, не «ставить лошадь перед телегой». Ибо цари вторгшихся в «Готию» (Готтиуду) гуннов, начиная с Баламбера, начали брать себе в жены царевен из готского рода Амалов. Примеру гуннов последовали правители германских (вестготских, вандальских) и иранских (аланских) «варваров». Эта порой сбивающая нас с толку политика «перекрестных браков» привела к удивительному, на первый взгляд, казусу. Некоторые знаменитые цари вестготов — к примеру, Аларих II или Амаларих — оказываются, при ближайшем рассмотрении. Амалами, т.е. потомками царя остготов Остроготы. Одновременно в жилы представителей готского царского рода вливается свежая, хоть и чужая, кровь. Ибо за звучной латинской пометкой «экс конкубина» (приведенной, например, при описании рождения ставшего впоследствии столь знаменитым царя италийских готв Теодориха Великого), скрывается потомство наложниц Амалов чрезвычайно неясного происхождения. Не говоря уже о многочисленных случаях породнения с франками, ругиями

и бургундами, и даже с римским императорским родом Юстиниана и Феодоры.

Дадим еще краткое пояснение готским именам, звучащим как-то «по-латински». Их форма связана с тем, что историки вроде Кассиодора и Иордана писали о готах на латыни. Но также и с тем обстоятельством, что вместо подлинных имен готских владык в генеалогии приведены их прозвища. Например, Амал Винитарий, храбрый царь, павший в 376 г. в битве с гуннами (о чем еще будет подробнее сказано далее), имел, видимо, еще одно имя. Ибо «Винитарий» — не имя собственное, а прозвище, означающее «Победитель венетов (венедов, вендов, антов)». А имя другого царя готов, «Вандаларий», соответственно — «Победитель вандалов». Готы, видимо, пытались перенять римский обычай давать своим повелителям почетное прозвище по названию побежденных теми народов, Императору, победившему готов — например, Клавдию II (предку Константина I Великого), и другим — почетное прозвище «Готик» («Готский», т.е. «Покоритель готов»). А императору, победившему сарматов — например, Флавию Клавдию Константину II (сыну Константина I Великого) — прозвище «Сарматик» («Сарматский», т.е. «Покоритель сарматов»).

Еще не так давно скептики от истории считали единственными историческими личностями из длинного ряда готских царей только Теодориха, а из числа его предшественников — Германариха. Сегодня эта «гиперкритическая» точка зрения не разделяется уже почти никем. Как и в случае сверхкритического отношения к «Илиаде» и Библии, как раз последние десятилетия усердных исследований и проверок доказали, что генеалогия Амалов, приведенная Иорданом, гораздо более правдива, чем в свое время полагали критики (не говоря уже о гиперкритиках, всегда готовых в своем полемическом рвении «выплеснуть из купели вместе с крестильной водой и ребенка»!). А допущенные им неточности, в общем и целом, незначительны. Сложности возникают, прежде всего, при рассмотрении имен готских вождей, появляющихся у внушающих доверие историков вроде Аммиана Марцеллина. Можно предполагать, что их носили родичи Амалов, хотя точно установить их родственные связи и встроить их в систему родственных отношений готского царского рода очень трудно, если вообще возможно. Однако в общем можно сказать, что подобное царское родословие, длинное и разветвленное, как шумерские или египетские царские родословные, по меньшей мере, выделяет готов

из числа так называемых «народов без истории». И это невозможно отрицать.

Конечно же, неплохо было бы иметь чуть больше сведений об истории хотя бы первоначального этапа формирования царской власти у готов, происходившего, очевидно, на протяжении IV в. п. Р.Х. Ибо наши представления о готах данного периода, силою вещей, носят односторонний характер. Мы как бы видим готов глазами наблюдателей, живших на южном берегу Дунаба — римских чиновников, географов, военных и хронистов. Хотя наверняка были и соглядатаи, внедренные римлянами в готскую среду, посланники, и купцы, посещавшие готские города, их записи, отчеты, доклады и путевые заметки (если таковые ими велись) до нас не дошли. Только Иордан, пользовавшийся, наряду с греко-римскими источниками, готскими героическими песнями, смог немного осветить сумрак карпатских лесов и заглянуть на другой берег Тираса (нынешнего Днестра — В.А.), пограничной реки, разделявшей вест- и остготов, вглубь державы Германариха.

Похоже, что примерно к середине IV в. разделение между вестготами и остготами успело не только произойти, но и закрепиться. Каждый из двух племенных союзов по благоволению судьбы возглавляли энергичные и опытные в науке правления владыки, пытавшиеся выковать из этих готских союзов если и не полноценные государственные образования, то, хотя бы, достаточно сплоченные властные структуры или организации.

Самым выдающимся правителем «древлян»-тервингов, везеготов или визиготов, которых мы для простоты и из уважения к давней традиции, именуем вестготами, был Атанарих, именуемый на римский лад Атанарием или Атанариком (даже вмешивавшийся во внутривнутриполитическую борьбу, шедшую в Римской «мировой» империи, поддерживая претендента на римскую императорскую диадему — Прокопия). У «степняков»-гревтунов, грейтунов или остроготов, которых мы для простоты и из уважения к давней традиции, именуем остготами, таковым являлся Германарих, он же — Эрманарих, Эрменрих (у Аммиана), Герменериг (в оригинале текста Иордана), Эрманнерих или Ёрмунрекк (в нордических героических сагах).

Из этих двоих Атанарих представляется нам более интересным как личность. О внутренней проблематике этого «древлянского» владыки можно догадаться на основании следующего исторически засви-

детельствованного факта: он категорически запрещал римлянам именовать себя «царем». Оправдывая свой запрет отсутствием у него сакральных прав на ношение царского титула. Атанарих желал, чтобы римляне называли его на своем, латинском, языке не «царь» (лат. «рекс»), а только «юдекс», т.е. «(верховный) судья» вестготов. «Ибо первое означает власть, а второе — мудрость». Видимо, именно поэтому Атанарих в грозном 375 г., когда гунны вторглись в готские земли, передал (вольно или невольно) военное руководство своим «народом-войском» в руки более молодого Фритигерна, окрещенного по арианскому обряду. Последний (возможно, не получивший власть над «народом-войском» от Атанариха, а узурпировавший ее), правда, оказался столь же неспособным отразить гуннское нашествие, как Атанарих и Германарих. Но зато Фритигерн сумел привести большую часть вестготов (христиан арианской веры, как и он сам) на земли Римской империи (изначально — с согласия римлян) и победить в полевом сражении под Адрианополем восточно-римского императора Флавия Юлия Валента II, пытавшегося подавить волнения, вспыхнувшие среди готских беженцев вследствие неслыханных злоупотреблений «ромейских» провиантских чиновников (в 378 г.). Атанарих в этом походе не участвовал, полагаясь на естественную оборонительную мощь труднопреодолимой Карпатской дуги. Отступив со своей частью вестготов за реку Гиерас (ныне — Когильник), готский «юдекс» осел на территории нынешней Трансильвании. И лишь зимой 380–381 гг., видимо, в весьма почтенном возрасте, переправился через Истр, чтобы, с согласия восточно-римского императора Флавия Феодосия I Великого, направиться в Константинополь. Император Феодосий (Теодосий, Теодозий), после подавления восстания враждебных врагу христиан Атанариху готов Фритигерна (преимущественно — христиан арианского вероисповедания), стремясь предупредить возможность новых выступлений, пригласил поселиться на римской территории и Атанариха с его готами-язычниками. Таким образом, православный самодержец христианской Римской «мировой» империи создавал в лице готов-язычников Атанариха противовес готам-арианам Фритигерна. Исторически засвидетельствовано, что 11 января 384 г. Атанарих торжественно вступил в Новый Рим на Босфоре, где был с великими почестями принят августом (или, по-гречески, севастом) Феодосием. Благоверный «василевс ромеев» лично вышел навстречу главному гонителю готских

христиан. «Тиудансу», скончавшемуся уже через четырнадцать дней в столице Восточной империи. Не в меньшей степени, чем блестящий прием, величие римской императорской власти продемонстрировали государственные похороны, устроенные христианином Феодосием «нехрестю» Атанариху. Правда, православный император Феодосий I любил ариан (злостных еретиков, с его точки зрения), не больше, чем Атанарих (преследовавший всех «своих» христиан, но, поневоле — ариан, составлявших среди них большинство; почему — мы скоро узнаем). Император Феодосий I сам шел на похоронах перед погребальными носилками готского «юдекса».

По Аммиану Марцелину, «Атанарих был изгнан из родной земли ВСЛЕДСТВИЕ ЗАГОВОРА БЛИЗКИХ ЕМУ ЛЮДЕЙ (выделено нами — В.А.) бежал в Константинополь, где и скончался. С подобающим великолепием его погребение было совершено по нашему (тогдашнему римскому христианскому, т.е. православному! — В.А.) обряду».

При упоминании о столь внезапной смерти столь высокопоставленной персоны в Константинополе всякий, прежде всего, невольно думает об отравлении. Именно этим способом в царственном граде на Босфоре предпочитали избавляться от «нежелательных элементов». Не исключено, что какой-нибудь ревностный приверженец христианства, решил отомстить Атанариху за жестокое преследование старым готским судьей христиан («лучше поздно, чем никогда»), подмешав малую толику «смертного зелья» в, вероятно, слишком обильное, да к тому же, непривычное для готского желудка, угощение. Вкусы и кушанья «ромеев» весьма отличались не только от тогдашних готских, но даже от наших современных. Конечно, основная масса трудового люда, обдираемая налоговиками императора, как липка, перебивалась кое-как лепешками из муки грубого помола, кашей, зеленью, вареными бобами. Зато на трапезах скоробогатых «новых римских», знати и уж тем более благочестивых императоров «ромеев» подавали подлинные кулинарные шедевры. Причем не просто какие-то спинки карпа в хиосском вине (любимое ПОСТНОЕ блюдо императора Констанция II, сына Константина I Великого). А, скажем, считавшееся особо изысканным кушанье под названием «монокифрон», состоявшее из белых капустных кочерыжек, свиного сала, рыбы четырех сортов (стерлядь, сазан, горбыль и даже рыба-меч!), яиц и сыра разных видов. И все это готовилось в одном котле и подавалось на стол в одном

блюде! Как было готским «варварам», пусть даже самым знатным, с непривычки все это не только проглотить, но и переварить? Хотя вполне возможно, что дело не только в непривычной кухне. А просто зимнее путешествие из Дакии в Константинополь слишком утомило дряхлого готского «юдекса». И он, «оттянувшись по полной» в Царьграде, пал жертвой инфаркта или инсульта. Несмотря на то, что Атанарих умер, договор, заключенный покойным с Римской «мировой» империей, оставался в силе до самой смерти императора Феодосия I Великого. Многие знатные вестготы вступали в римскую армию и часто достигали видных должностей.

Об особом уважении, которым Атанарих пользовался у римлян, свидетельствует, прежде всего, то, что август Востока Валент II после трех не слишком успешных для римского войска походов на вестготов (с целью наказать их за посылку «ограниченного контингента» своих «воинов-интернационалистов» на помощь узурпатору Прокопию; успели ли вестготы повоевать под знаменами мятежника до его разгрома Валентом II, нам не известно, ибо ни один из авторов не сообщает об этом) был вынужден заключить с ними мир. Этот мир восточных римлян с готами был заключен на гребных судах (видимо, накрытых помостом) посреди Истра, в равном удалении от территорий недавних противников, «чтоб никому не было обидно» (так же много позже — при заключении Тильзитского мира в 1807 г. — встретились посреди Немана императоры Наполеон и Александр). И всему миру стало ясно, что вестготы никакого поражения не потерпели. А император Валент никакой победы над вестготами не одержал (хотя после поражения мятежника Прокопия готы из шедшего ему на помощь «ограниченного контингента» были пленены войсками Валента а и распределены по городам вдоль Дануба).

Как писала о мире, заключенным августом восточных римлян Валентом II с «юдексом» западных готов Атанарихом, в своей работе «Политические интересы поздней Римской империи в Северном Причерноморье» Ирина Евгеньевна Ермолова: «Новым по сравнению с предыдущим этапом истории в отношениях Римской империи с северопричерноморскими народами было то, что<...> после окончания военных действий был не только установлен мир и, как обычно, даны заложники <...>, но одновременно были урегулированы торговые отношения готов с империей». Ведь запрет всяких торговых отношений, согласно Аммиану Марцеллину (утверждающему, кстати

говоря, что до столкновения с «древлянами» Атангариха в 369 г. Валент напал на «воинственное племя гревтунгов», шедших, по мнению Гервига Вольфрама, на помощь тервингам), «свергал варваров в крайний недостаток в самом необходимом», и послужил одной из серьезных причин прекращения войны.

В книге XXVII своих «Деяний» Аммиан писал:

«Император, человек недалекий, но вообще весьма трезво оценивавший положение дел, пока его не развратили льстецы, и он не истерзал государство достойными вечных слез убийствами, подверг этот вопрос тщательному обсуждению и решил, что следует дать готам мир. И вот с нашей стороны были посланы к ним Виктор и Аринфей, состоявшие тогда магистрами пехоты и конницы. Когда они подтвердили в своих донесениях, что готы согласились на предложенные условия, выбрано было подходящее место для заключения мира. И так как Атанарих заверял, что он связан страшной клятвой и заветом отца своего никогда не ступить на римскую землю и нельзя было его заставить, а императору было непочетно переходить к нему, то решено было, что они встретятся на гребных судах на середине реки. Император с оруженосцами с одной стороны и Атанарих со своими людьми с другой встретились для заключения мира, согласно условиям. Устроив это дело и получив заложников, Валент возвратился в Константинополь».

В этом кажущемся вполне достоверным и далеком от выражения каких-либо симпатий к готам фрагменте «Деяний» Аммиан изображает Атанариха достойным, во всем равным римлянам, военно-политическим противником. Римляне вынуждены послать в его земли своих переговорщиков (чего победители обычно первыми не делают, принимая посланников от побежденных). Ни в ходе предварительных, ни в ходе основных переговоров готский «юдекс» не предстает перед читателями «варваром». «Темным дикарем», которого без всякого труда обводят вокруг пальца императорские чиновники и военачальники («ипаты и стратиги»). Август Валент II вынужден пойти на то же унижение, на которое был вынужден пойти император и самодержец всероссийский Александр I в 1807 г. в Тильзите. Атанарих — живое подтверждение одного из наиболее оспариваемых историками утверждений Иордана: среди готов имелись высокообразованные люди, по праву считавшиеся учителями своего народа.

Август Феодосий I Великий — не столько победитель, сколько умиротворитель готов — был (подобно своему менее удачливому пред-

шественнику Валенту II) вынужден «воленс ноленс» удостоить Атанариха, именуемого то князем германских племен, то — «судьей», великих почестей, как равный — равного. По сравнению с Атанарихом, другой владыка готов — Германарих (вошедший в историю, прежде всего, благодаря совершенному им, из страха перед гуннами, самоубийству — если верить Аммиану), кажется более великим и могущественным. Но в то же время — и более архаичным, своего рода пережитком более древней эпохи германской истории. Хотя именно Германариху довелось «выковать своим мечом» первую германскую великую державу и сохранять ее целостность до конца своей жизни. Как долго — мы сказать пока, увы, не можем. Ибо между ста десятью годами, которые щедро отводит Германариху в «Гетике» Иордан (в столь продолжительный срок жизни готского царя сегодня мало кто верит), и шестьюдесятью-семьюдесятью годами, вполне достаточными для того, чтобы назвать прожившего их государя «очень старым», «достигшим преклонного возраста», остается примерно тридцатилетний «люфт», или «просвет». Но, как бы то ни было, можно считать, что носителя верховной власти над «зоной остготского влияния» на протяжении большей части IV в. вплоть до катастрофы 375–376 гг., связанной с гуннским нашествием, звали Германарих. Хотя по-готски его имя звучало скорее всего как «Аирманареикс». Интересно, смог бы он, в менее преклонном возрасте, отразить гуннский натиск? Могли ли гунны напасть на остготов в молодые годы Германариха, скажем, в 365 или в 370 г.? Исследователи не устают задавать себе и другим подобные вопросы, хотя навряд ли можно надеяться получить на них ответ. История вещает нам устами Аммиана Марцеллина в книге XXXI его «Деяний»:

«И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами (остготами — В.А.) и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха (Германариха — В.А.), весьма воинственного царя, которого страшились соседние народы, из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов».

Итак, по неопровержимому свидетельству римского военного историка, Германарих на протяжении своей долгой жизни и долгого успешного правления, постоянно проявлял мужество, вселял в соседей

страх и трепет перед готами, уважение к готскому имени, неустанно сплачивая созданную им готскую державу. Царство, пределы которого достигали оставленных готами областей к северу от Данпарстадира и даже Янтарного моря. Где еще оставались не ушедшие в поход на юг «рейдготы»- «гнездюки». Эта великая «варварская» держава (следующую создаст царь гуннов с готским именем Аттила), разумеется, не имела границ в современном смысле этого слова. Да и основа, на которой Германариху удалось сплотить ее и удерживать от распада, должна рассматриваться с учетом тогдашних условий. Под тогдашним, а не современным углом зрения. Готский царь вполне довольствовался регулярной данью, получаемой им в Данпарстадире от покоренных племен. На большее его власть, особенно в отдаленных областях — к примеру, у эстиев в устье Вистулы — и не претендовала. С другой стороны, не подлежит сомнению и то, что в менее отдаленных областях он вел войны, покоряя народы, многие из которых, несомненно, не были связаны с готами или вообще с германцами, общим происхождением.

В годы Второй мировой войны опьяненные своими первоначальными успехами подданные гитлеровского «Третьего рейха» (именуемые Местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Сергием Страгородским «безбожными готами») стали свидетелями того, как рухнул германский Восточный фронт. Фронт, простиравшийся от Финляндии до Чёрного моря (говоря словами популярной в то время немецкой солдатской песни). Невзирая на все ухищрения изошренной и, надо признать, весьма эффективной (фактически, до самого конца войны) геббельсовской пропаганды, этот фронт не мог не рухнуть. В 1942–1943 гг. он начал рушиться, чтобы окончательно развалиться в 1944 г., под ударами превосходящих сил советской Красной армии. Но, даже если представить себе — хоть история и не знает сослагательного наклонения! — что немцы смогли бы удержать тогда Восточный фронт, он все равно неминуемо рухнул бы пятью или шестью годами позже. Рухнул бы даже без активных наступательных действий советских войск. Просто в силу своей чрезмерной для немцев протяженности, неблагоприятных для них условий местности («в России нет дорог, есть только направления») и климатических условий («генерал Грязь» и «генерал Мороз»). Как говорится, «что русскому здорово, то немцу смерть!»...

Между тем — при всей условности, возможно, некорректности или даже недопустимости подобного сравнения с точки зрения реальной

истории! — Германарих как-то ухитрился, со своими несравненно слабейшими (во всех отношениях) силами, чем силы германского вермахта и армий стран — союзниц гитлеровского «Тысячелетнего рейха», на протяжении почти столетия удерживать именно этот «Восточный фронт», простиравшийся «от Финляндии до Черного моря»! Разумеется, удерживаемый властителем позднеантичных готов «фронт», рухнувший, в конце концов, под гуннским натиском, был не сплошным, как фронт, удерживаемый германскими войсками Гитлера (менее трех лет) через шестнадцать веков после падения державы готского царя. «Фронт», удерживаемый в IV в. Германарихом, опиравшимся на покоренные им народности, представлял собой скорее отдельные опорные пункты, островки готского владычества в море (или, если угодно, болоте) разноязыких иноплеменников (тоже, кстати говоря, не слишком многочисленных). Тем более, что покоренные им племена, похоже, то и дело восставали. Локализация покоренных Германарихом, согласно Иордану, северных народов приводит нас в области, расположенные в 2000 и более километров от основной области расселения готов на территории нынешней Южной Украины. Размеры подвластной готскому царю территории оказываются слишком обширными, чтобы не заставить многих историков (например, академика Б.А. Рыбакова) усомниться в их достоверности. Тем не менее, ничто не мешает нам признать, что готы предприняли такую попытку. В пользу нашей версии говорит следующее. Подконтрольная готам Германариха область Нижней Оки простиралась вплоть до Волги (именуемой в древности, до прихода кочевых булгар-болгар, по которым ее переименовали, «великой рекой Ра»). А затем — от излучины Волги вверх по течению Камы и далее за притоки Камы — реки Чусовую и Белую — до золотосных Уральских (в древности — Рифейских, или Рипейских) гор. Благодаря своим месторождениям драгоценных металлов (прежде всего — залежам серебра) и высоко ценившихся в Древнем и Античном мире самоцветов (яшмы, малахита, изумрудов и др.) эти земли (подобно Янтарному берегу) с незапамятных времен привлекали торговцев, совершавших ради наживы столь дальние путешествия. Не менее ценными предметами вывоза из данных областей были продукты бортничества (пчеловодства) — мед и воска, а также пушнина. Весьма вероятно, что высылаемые готами военные экспедиции были направлены на захват в готские руки этой торговли и использования

ее для собственного обогащения. Эта цель вполне могла быть готами достигнута. Судя по сохранившимся памятникам черняховской культуры, готы — сильнейший, по общему мнению римлян, эллинов и варваров, из германских племенных союзов — обладали всеми военными и интеллектуальными возможностями для распространения своей власти на столь обширные территории и удержания их в зависимости от себя. И, разумеется, не стоит — повторим это еще раз! — подходить в державе Германариха с современными мерками. Скорее следует говорить об остготском протекторате — в частности, в Прикамье. После того, как повелитель готов поставил в зависимость от себя народы Севера, он покорил германское племя герулов (эрулов, элулов) в низовьях Танаиса. Борьба, которую Германариху пришлось вести с царем герулов Аларихом, была крайне жестокой. Из «Геттики» Иордана следует, что Германариху было очень нелегко покорить герулов: словами «*Herulorum cedes*» («побоище, резня эрулов») Иордан как бы подчеркивал значительность победы, одержанной готским царем. То обстоятельство, что готы Германариха сперва отправились походом далеко на северо-восток, и лишь затем покорили своих ближайших соседей герулов, может быть связано с тем, что, прежде чем поставить герулов на колени, Германарих считал необходимым полностью уничтожить их экономическую базу, лишив транзитной торговли с народами Поволжья. В результате победы над герулами готы смогли контролировать все торговые пути от излучины Волги вниз по течению до Дона и Черного моря.

Никому из предшественников Германариха — ни Гапту (Гауту), ни Хулмулу (Гулмулу), ни Хисарне (Гизарне), ни прочим, как бы их ни звали, не удалось объединить племена, которыми они правили, в подлинную державу. Честь этого невероятного достижения, требовавшего приложения почти сверхчеловеческих сил (учитывая обстановку той, мягко говоря, беспокойной древней эпохи) досталась Германариху. Сначала он покорил те племена остготов и их соседей, что еще не признавали власти рода Амалов. Затем — целый ряд (прото)славянских (венетских, по Иордану, или венецких, но никак не вендельских и не вандалских), угрофинских и даже балтийских народностей, включая эстиев. Как уже говорилось, к середине IV в. род Амалов в его лице властвовал над крупнейшей из тогдашних германских держав. Власть Германариха простиралась на земли от нынешнего Финского залива до Евксинского понта. Включая боль-

шую часть европейской территории современной России и Украины. Согласно «Гетике», остготский царь за годы своего долгого правления покорил следующие племена: гольтескифов (Goltescytha), тиудов (Thiudos), инаунксов (Inaunxis), васинабронков (Vasinabroncas), меренсов (Merens), морденсов (Mordens), имнискаров (Imniscaris), рогов (Rogas), тадзанов (Tadzans), атаул (Athaul), навего (Navego), бубегенов (Bubegenas), колдов (Coldas).

Попробуем истолковать эти приведенные в «Гетике» этнонимы (?):

Гольтескифы — «золотые скифы», ибо Golt или Gult(an) значит по-готски: «золото» — вероятнее всего, народы, проживающие в областях уральских золотых месторождений. «Скифами», в широком смысле, как известно, все античные авторы называли жителей всех территорий, лежащих севернее Понта Евксинского и простиравшихся до Ледовитого океана, Сибири и степей Центральной Азии («восточные скифы» — азиатские саки и массагеты, «северные» — аримаспы, исседоны и т.д.). Название «тиуды» (в готском и других германских языках — «народы»), видимо, относится к «гольтескифам». То, что в списке данников Германариха «гольтескифы» и «тиуды» перечисляются раздельно, как разные народы-данники, очевидно, объясняется ошибкой переписчика. Изначально в «Гетике» у Иордана было написано: «народы гольтескифов» (Goltescytha Thiudos). Впрочем, по другой версии, «тиуды» — это «чудь» древнерусских летописей и сказаний, финноугорские народы (или один из них), чей этноним (?) созвучен собирательному названию целого ряда племен и народов, как правило, прибалтийско-финской группы угрофинской общности, но не только: «чудь белоглазая» — дославянские жители современной Архангельской области России, «чудь заволочская» (впервые упомянутая в «Повести временных лет» XI века) — древнее дославянское население Заволочья — и др. Правда, при рассмотрении данной, второй версии остается непонятным, почему пришедшие впоследствии в места обитания «чуди» восточные славяне, предки русского народа, назвали автохтонов своей новой родины этнонимом однозначно германского, готского происхождения (ведь сами себя указанные угро-финны «чудью» никогда не называли). Данное загадочное обстоятельство заставляет отдать предпочтение первой версии. Мы затрудняемся «расшифровать» этноним «инаунксы», однако считаем возможным локализовать их рядом с «народами золотых скифов». Ибо перечень зависимых от Германариха народов явно составлен

Иорданом по принципу соседнего проживания. «Васинабронки» же суть «ВасинаБ(Э)Ронки», т.е., согласно результатам лингвистического анализа этнонима — жители равнинной страны с пышными травами, богатой водоемами и местами заболоченной, чьим тотемным зверем является медведь («бэр»). А по истолкованию академика Бориса Александровича Рыбакова, «васинобронки», как и в случае «гольтескифов» — сведенные, по ошибке переписчика, в один этноним «весь» (вепсы — финское прибалтийское племя, предки нынешних вепсов и части карел) и «пермяки» (пармаэки, финно-угорская народность коми). «Меренсы» и «морденсы» — поволжские финно-угорские народности меря и мордва. К финно-угорской этнической группе принадлежат и следующие за ними в списке Иордана «имнискары» — бортники (пчеловоды), именуемые в Древней Руси «мещерой», «мещеряками». Хотя некоторые авторы — к примеру, Александр Николаевич Азаренков, сближают мещеру-мещеряков с мадярами-маджарами-уграми-венграми. «Роги» (Rogas) и «тадзаны» (Tadzans) — явно очередная ошибка переписчика. Как и в случае с «гольтескифами» и «тиудами», эти ошибочно написанные раздельно (да еще и некорректно) слова следует свести воедино — тогда из совершенно непонятных Rogas и Tadzans получится ясное и понятное Roastadjans, т.е. «обитатели берегов Роа». Или Ра — нынешней реки Волги, не раз менявшей в истории свои названия, одним из которых было Итиль, Эдиль, Атель или Атиль — в честь повелителя гуннов Аттилы (?). «Атаул» (в некоторых тюркских языках — «передовой отряд», «передовое кочевье») — вероятно, передовое кочевье какого-либо тюркского народа, ставшее, возможно, полукочевым-полуоседлым (как впоследствии — тюрки-якуты). Или же «посаженное на землю» готским царем. Так впоследствии древнерусские князья «сажали на землю» подчиненных ими тюркских кочевников — берендеев, торков, черных клобуков и проч. Согласно толкованию академика Б.А. Рыбакова, «атаул» — водюл(ы), т.е. вода, финно-угорское племя. «Колды» же — голядь (галинды, балтоязычное племя). Под «бубегенами» скрываются хорошо известные античным авторам певкины — древнее германское (скорей всего) племя. Певкины входили в упоминавшийся выше племенной союз бастарнов (порой их прямо идентифицируют с бастарнами) и приняли, по мнению многих, участие в этногенезе славян. Определить этническую принадлежность «навегов» мы, признаться, затрудняемся. Да и вообще, дошедшую до нас от Иордана информацию о размерах

державы Германариха нельзя полностью подтвердить археологически. Северная граница черняховской культуры, с которой связывают готов, в то время не доходила ни до Балтийского моря, ни до Урала. Подобно тому, как «Гетика» различает «собственные народы» царя готов Германариха и покоренные им народы Скифии и Германии, существует также разница между областью расселения готов в собственном смысле слова (т.е. культурами черняховского круга), и сферой влияния державы Германариха. Как говорится, тема еще ждет своих исследователей... Более важным представляется нечто другое.

Через тысячу шестьсот лет после самоубийства готского царя Адольф Гитлер (кстати говоря, тоже покончивший с собой, причем при аналогичных обстоятельствах), мечтавший о «тысячелетнем рейхе», провозгласил германскую державу от Прибалтики до Крыма будущим ареалом, жизненным пространством, «лебенсраумом» для немецкого народа. Но того, чего Гитлеру не удалось добиться с помощью танковых клиньев и пикирующих бомбардировщиков, как ни странно, удалось добиться не имевшему ни танков, ни «штук» легендарному Германариху. Правда, всего на несколько десятилетий. Пока по его душу не явились гуннские «видимые бесы».

«Влечение к военным предприятиям волновало весь варварский мир, и спокойствие Галлии и Италии было нарушено переворотами, происшедшими на далеких окраинах Китая. Бежавшие от победоносного врага гунны направились к западу, и этот поток разрастался от беспрестанно присоединявшихся к нему пленников и союзников. Племена, спасавшиеся от гуннов бегством, в свою очередь воодушевлялись жадностью завоеваний; бесконечные толпы варваров обрушивались на Римскую империю с постоянно возрастающей тяжестью, а если самые передовые из них были уничтожены, то вакантное место немедленно замещалось новыми хищниками», писал Эдуард Гиббон в своей «Истории упадка и крушения Римской империи».

«Пораженный силой этой внезапной бури (нашествия гуннов в союзе с покоренными ими аланами — В.А.), Германарих в течение долгого времени старался дать им решительный отпор (вариант перевода: «устоять перед натиском объединенных гуннов и аланов» — В.А.) и отбиться от них; но так как молва все более усиливала ужас надвинувшихся бедствий, то он положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью» («Гетика»).

Итак, смерть Германариха произошла еще до смерти Атанариха. И эта смерть царя остготов представляется не менее загадочной, чем смерть вестготского «судьи». Нам, разумеется, известно, что римляне, попав в безвыходное положение или разбитые в бою, порой кончали с собой при помощи меча или кинжала (Брут, Катон, Антоний, Вар, Нерон, Отон и многие другие). У них (как и у греков) это считалось достойным способом уйти из жизни. Но именно у них. Не у германцев.

Некоторые позднейшие историки дают приведенному выше фрагменту труда Аммиана следующее истолкование. Угроза гуннского нашествия возникла совершенно неожиданно для Германариха. И потому была, вероятно, переоценена дряхлым остготским царем. Не видя способов предотвратить внезапную угрозу, старик пришел в отчаяние. Хотя, с другой стороны, согласно тому же Аммиану, «в течение долгого времени» старался дать тем же гуннам «решительный отпор и отбиться от них»! Старцу было необходимо принять решение, от которого зависела судьба его многоплеменной державы. Страх ответственности привел Германариха к душевному кризису. К некому нервному срыву. Не выдержав стресса, он совершил самоубийство. А фактически — «побег» от пугающей реальности. Побег туда, где никаким гунны было его не достать. Иные думают, что царь остготов добровольно принес себя в жертву. Ради победы своего войска над гуннами. Видя, что готы терпят поражение, и желая самоубийством умилостивить богов. Чтобы боги, удовольствовавшись его жизнью, все-таки даровали готам победу. Подобные добровольные саможертвоприношения практиковались в разное время и у разных народов. Включая древних греков и римлян. Достаточно вспомнить греческие мифы Фиванского цикла, «Историю Рима от основания города» Тита Ливия и др. источники.

Но, если перечитать выдержанное в довольно-таки странном тоне сообщение Аммиана, может показаться, что ему самому не очень-то понятен смысл описанного им события. В самом деле. Воинственный царь воинственных германцев, прошедший всю свою долгую, особенно по тем далеким временам жизнь, в боях и походах — неизменно славных и победоносных для него! —, вдруг не решается в последний раз, быть может, в своей жизни, скрестить оружие с врагом! А ведь известно: кто-кто, а уж древние германцы не могли себе представить лучшей смерти для всякого уважающего себя

не только царя, князя, герцога, но и простого воина (а воином у них считался всякий свободный мужчина, облеченный, в силу своего статуса, правом носить оружие и участвовать в военных походах!), чем славная, почетная, «мужская» смерть с оружием (желательно, окрашенным кровью сраженного врага) в руках на поле брани. А не позорная для воина «соломенная смерть» от старости или болезни. Мало того! Даже почувствовав приближение смерти в мирное время, от той же старости или болезни, германский воин брал в руки меч или копьё и, воздев его к небу, умирал с именем Вотана (у северных германцев — Одина), бога воинов и мертвых, на устах. И разве могло «трусливое», с готской и вообще с германской точки зрения, самоубийство (в отличие от представителей, других народов, с которыми воевали римляне — например, пунийцев или даков, да и самих римлян, в сходных ситуациях — нам не известны случаи, когда бы германцы кончали с собой, чтобы не попасть в плен) сравниться с гибелью в честном бою? С гибелью от вражеского оружия. Гибелью, открывавшей воину, павшему со славой, прямой путь в загробный мир. Путь к веселой и разгульной жизни в чертоге павших героев-эйнгериев. Воинов, избранных богом-кудесником Вотаном для своего войска «живых мертвецов», приберегаемого для финальной битвы с силами зла в день Рагнарёка — Гибели (Сумерек) богов. Путь к загробной жизни, полной пиров с богатырями прежних времен, рогов с медом и пивом. Полной сладостных утех с постоянно обновляющими свою девственность дочерьми Одина — божественными амазонками-валькириями. И постоянно возобновляющихся сражений друг с другом!

Как бы то ни было, воинственный седобородый готский старец обладал исключительной жизненной силой. Данное обстоятельство играет немаловажную роль в объяснении самими германцами причин загадочного ухода — нет, бегства готского царя в загробный мир. В то, что он покончил с собой, устранившись врага, естественно, не мог поверить никто, осведомленный о подвигах Германариха. Кто мог всерьез поверить, что правитель и военачальник, всю свою жизнь проведший в войнах и только лишь благодаря этим, выигранным им, войнам, сумевший создать свою громадную державу, скрепленную силой его победоносного оружия, бросился на собственный меч? Не вонзив его предварительно как можно глубже в гуннскую или аланскую грудь? Что Германарих, мужественно противостоявший гуннам

и аланам, вдруг ни с того ни с сего прекратил им сопротивляться, внезапно вняв молве о связанных с их нашествием «ужасных бедствиях»? Хотя он, уже вступивший в вооруженную борьбу с гуннами и гуннскими союзниками, никак не мог об этих приносимых ими бедствиях не слышать?! Известие о самоубийстве Германариха стало наиболее убедительным и широко известным свидетельством страха перед гуннами и ужасающего воздействия молвы о гуннском массовом терроре на всех современников. Но именно поэтому ему отказывались верить соплеменники самоубийцы, как и прочие германцы. Для готов смерть их величайшего царя должна была иметь иные причины.

Объяснения народными массами исторических событий, не подкрепленные надежными и убедительными доказательствами, историки называют легендами или сказаниями. Легенды и сказания так, сказать, «заполняют бреши». Ликвидируют «белые пятна истории». Удовлетворяют определенные потребности коллективной памяти народа. Но, чтобы выполнять эту задачу, они не должны быть вымышленными от начала и до конца. Не должны быть полностью и заведомо вымышленными. В отличие от сказок. То, что призвано выполнять указанную задачу, должно звучать достоверно. И соответствовать хотя бы некоторым известным фактам.

Поэтому-то создание легенды вокруг столь выдающейся фигуры эпохи Великого переселения народов, как царь остготов Германарих (не только слышавший, но и бывший, несомненно, не только грозным полководцем, наводящим страх на внешних врагов, но и свирепым тираном для своих подданных), имеет выдающееся значение со всех точек зрения. В т.ч. и с точки зрения изучения отношения к гуннам народов, пострадавших от гуннского нашествия. О не описанной подробно пером историка фазе гуннского нашествия (поскольку эта фаза пришлась на время до начала вторжения гуннов в земли римлян, где имелись историки, способные это вторжение гуннских «кентавров» подробно описать) — первом вооруженном столкновении гуннов с готами — у нас имеются лишь предельно лаконичные сообщения античных авторов. А вот в германском героическом эпосе память об этом важнейшем событии IV в., напротив, сохранились. Рассмотрим свод героических сказаний о Германарихе (напомним, что у Иордана в «Гетике» он именуется буквально «Герменериг»; в древнейшем из германских эпосов — англосаксонском эпосе «Ведсид» — «Эрманрик»; в древнейшей эддической песни «Речи Хамдира» — Ёрмунрекк(р));

в древнеанглийском эпосе «Беовульф» — «Эрменрек», в действительности же его имя произносилось по-готски скорее всего как «Аир-менереикс»), дошедший до нас лишь в позднейших переложениях, а также его нордическую (северогерманскую, скандинавскую, исландскую) редакцию. Согласно им, при дворе Германариха жила красавица по имени Сунильда (Свенильда, Свенельда, Сванхильда, Сванхильд, Свангильда, Шванхильда или Шванхильд, в разных сагах, песнях и других источниках — по-разному), происходившая из покоренного им рода (или народа) росомонов. Многочисленных спекуляций о происхождении этнонима и народа росомонов, попыток доказать родство росомонов с роксоланами (россо-аланами), русколанами (русо-аланами) или древними рус(с)ами-рос(с)ами, а рус(с)ов-рос(с)ов — со славянами мы здесь касаться не будем, ибо это увело бы нас слишком далеко в сторону от основной канвы нашего повествования. Хотя теоретически возможно все. Тем более, что на эту тему и без нас исписано множество страниц. Так, например, наш соотечественник, философ, герменевтик и историософ Леонид Александрович Гурченко, вообще не считает росомонов отдельным племенем или народом, утверждая в главе «Кто вдохнул варягам-руси имя Русь» своей книги «Вынуть дьявола из мелочей», со ссылкой на статью Ирины Владимировны Зиньковской «К вопросу о росомонах Иордана в свете древне-германской эпической традиции», опубликованной в 2008 г. в Воронеже в сборнике трудов, посвященных памяти Андрея Олеговича Амелькина «История общественного сознания»: «Росомоны, к примеру, на поверку оказались не названием этноса, а готским термином, обозначающим придворных Эрманариха. Rohsns = др. греч. ойкос, «двор» — «дом», семья, род»; «ойконрос» — «стерегущий дом, страж дома»; manna — «муж». Rohsomannos (росоманнос) - rosomoni (росомони) по-готски могло означать «люди двора», «дворские люди», т. е. «дворяне», «придворные». Но это так, к слову...

По Иордану, жившему через много столетий после Германариха и считающего росомонов «народом», «родом» или «племенем», супруг Свенильды, чье имя очень напоминает имя соратника (или соратников) русских князей Игоря-Ингоря-Ингвара Старого, Святослава и Ярополка — Свенельда (или Свенельдов), был чем-то вроде постоянного посланника этого (на)рода при дворе царя остготов. И покорно исполнял все его приказания. Германарих часто отсылал его с разными поручениями к росомонам. Ибо в отсутствие

мужа красавица Свенильда оставалась без опеки при дворе остготского царя. И могла невозбранно посещать его опочивальню. Ведь Германарих обращался с женщинами не иначе, чем с покоренными им народами. Он был их повелителем, берущим все, что пожелает. Существуют даже такие редакции этого сказания и такие толкования истории о Свенильде, согласно которым властный сластолюбец Германарих не пощадил даже чести собственной дочери. Поскольку она была рождена ему не законной женой, а наложницей. Свенильда (имя которой истолковывается как «дева-лебедь», «лебедка», от «свен» — «лебедь»), отличалась не только красотой, но и умом. Или, если угодно, коварством и хитростью. Она пользовалась своей близостью к готскому владыке, чтобы, уединяясь с ним для плотских утех, выведывать у старца все, что ее интересовало. С учетом данного обстоятельства версия, что Германариху было в описываемое время сто лет — не говоря уже о ста десяти! — представляется крайне сомнительной. Дело ведь происходило накануне гуннского нашествия, которого остготский царь не пережил! Неужели он почти до самой своей гибели вел активную половую жизнь — в стодесяти- или даже столетнем возрасте? «Не то, что нынешнее племя! Богатыри — не вы!..» Как бы то ни было, Свенильда запоминала все, что ей удавалось подслушать из бесед царя со своими советниками. И использовала полученные столь хитроумным образом сведения на пользу своему (на)роду. На пользу росомонам. Задумавшим поднять, с ее помощью, восстание против Германариха. Однако восстание «вероломного племени» (по Иордану) росомонов было подавлено готами. Как и многие другие восстания, происходящие в обширном царстве Германариха. Готский царь, оскорбленный не только как властитель, но и как мужчина, измыслил для коварной, вероломной, обольстительной Свенильды страшную, позорную, мучительную казнь. Очевидно, ее измена ранила старца больше, чем, скажем, измена какого-либо из подчиненных, будь он даже высокого ранга. Ведь росомонка отдавалась Германариху, как выяснилось, не по любви, а лишь с целью выспросить и обмануть его. Перед лицом всего двора красавицу раздели догола и привязали крепкими веревками к лукам седел четырех горячих жеребцов. Под ударами бичей кони разбежались на все четыре стороны. Разодрав злосчастную Свенильду, на глазах разгневанного Германариха и всех его придворных, на четыре части. Так что руки и ноги оторва-

лись от ее прекрасного тела. Как и при казни злополучного Дамьена, покушавшегося на жизнь французского короля Людовика XV Бурбона в XVIII в., тем же самым способом — четвертованием конями.

Эта история кажется, на первый взгляд, похожей на сказку. Однако именно избранный готским царем для Свенильды истинно «варварский» и, прямо скажем, зверский способ казни принадлежит к числу несомненных свидетельств в пользу историчности, т.е. подлинности ядра данного сказания. Ибо автору «Гетики» Иордану, приведенную которым версию мы, дополнив ее другими редакциями саги, положили в основу нашего рассказа, никак не могло быть известно нечто, известное нам. То, что еще в эпоху франкских царей из дома Меровингов именно таким — варварским (без кавычек), на наш взгляд — способом было принято казнить женщин. В особенности — преступниц знатного рода, вроде царицы Брунегаут (Брунгильды), за убийство десяти членов франкской царской семьи. От Меровингов этот мучительный вид казни переняли и их преемники из династии Каролингов. Казнившие этим способом не только женщин, но и мужчин. Если верить «Песни о Роланде», по приказанию императора Карла Великого был четьрьмя конями растерзан на части изменник Ганелон. Погубивший при отступлении франкского войска его арьергард во главе с графом Хруодландом-Роландом. О казни Дамьена в правление династии Бурбонов уже говорилось выше.

В общем, Свенильде был уготован, разумеется, страшный и привлекавший всеобщее внимание, но все-таки достаточно обычный для готов способ казни. Она погибла смертью изменниц из ближайшего царского окружения. И даже из царской семьи. И орудием ее казни были кони, считавшиеся у древних германцев (как, впрочем, и у других народов индоевропейского корня) священными животными.

Возможно, у Германариха имелся и еще один повод учинить Свенильде столь жестокою казнь. А именно — дать урок потенциальным изменникам, вселив в них страх перед карающей десницей готского царя и ожидающем их жестоком наказании. Весть о столь зверской расправе далеко разнеслась и надолго запомнилась. Ведь у народов позднеантичной Европы еще не было ни газет и журналов, ни телевидения, ни кино, ни видео, ни Интернета. Поэтому события такого рода врезались в память всех, до кого доходила весть о них, несравненно

сильнее, чем у наших современников — жертв «клипового» восприятия окружающего мира...

Поэтому молва о мучительной смерти Свенильды неизбежно дошла и до ее далекой родины. Вероятно, ее соплеменников (оставим в стороне вопрос, были ли это легендарные «росомоны» или какое-нибудь сарматское племя) особенно возмутило то, что весь двор Германариха, сотни остготов, наслаждались зрелищем публичной казни Свенильды. Идти на открытый мятеж было бессмысленно. Германарих без труда смирил бы непокорных данников так же, как уже смирял их и другие племена до них. Поэтому ближайшие родственники «лебедки» — либо два брата, либо три брата казненной, либо два брата и супруг Свенильды — отправились в Данпарстадир, проникли в «киевский» дворец остготского царя, подстерегли его в темном закоулке и нанесли старцу тяжелое ранение. Если верить «Гетике» — «вонзив ему в бок меч». Что помешало Германариху, страдавшему от тяжелой раны, лично возглавить свое дотоле непобедимое войско в войне с гуннами.

В дни военной страды той далекой эпохи цари и вожди были обязаны пребывать всегда в гуще схватки. «Впереди, на лихом коне». В самом опасном месте кровавой сечи. Да и могло ли быть иначе? Как мы помним, немецкое слово «фюрст» («князь», «государь». «монарх»), происходит от древнегерманского «фуристо», т.е. «первый (в воинском строю)». И означает, соответственно, «передовой боец»! Как, кстати, и латинское слово «принцепс» (от которого происходит слово «принц») — один из титулов римских императоров. Ведь «принцесами», или «принципами», как мы знаем, изначально назывались воины первой шеренги древнеримского легиона, передовые бойцы. А слово «герцог», аналогичное латинскому «дукс» — «вождь», предводитель (войска)» — происходит от древнегерманского «герицого», что означает: «выступающий впереди (во главе) войска». Опять-таки — передовой боец! А иначе — какой же ты царь?

Осознав свою неспособность возглавить, как и встарь, во всеоружии, верхом на боевом коне, поход остготского народа, Германарих совершил самоубийство. Не из страха. А чтобы освободить место для нового, полного сил, царя. Хотя самоубийство Германариха и привело, в конечном счете, к гибели остготского царства, его доброе имя и честь были сохранены. Ибо он действовал не из «гуннобоязни», а из добрых побуждений.

Нетрудно догадаться, как доволен был Иордан этим объяснением. Оно давало ответы на все недоуменные вопросы, придавая позорному поражению романтический ореол с оттенком мрачного трагизма. Не тускневший от того, что столь великий государь, как Германарих, все же предстал таким жестоким. Германские «судебники» предоставляли обманутым супругам право самим наказывать своих неверных жен за измену, изобретая для них наказания по своему собственному усмотрению. В эпоху Средневековья разгневанные рогоносцы так и поступали. Например, короли Артур Британский и Марк Корнуэльский приговорили своих жен-прелюбодеек Гиневру и Изольду (изменивших им, соответственно, с доблестными рыцарями Ланселотом и Тристаном) к сожжению на костре. Но это так, к слову...

Герман Шрайбер, известный немецкий специалист в области изучения культуры и истории германцев, выдвинул тезис о глубокой древности эпоса о Эрманрихе-Германарихе. При этом он особо подчеркивал соответствие его содержания идеалам германских народов: «Нашему взору предстают великая держава Эрманриха и неудачная попытка восстания поработенного племени. Удары братьев-мстителей поразили в Эрманрихе не только личного, но одновременно и политического врага. Этот соответствующий народным представлениям, подспудный мотив покушения мы склонны считать весьма древним. Мрачный образ великого царя готов, превалирующий во всех эпических сказаниях германцев об Эрманрихе, свидетельствует о его восприятии другими германскими племенами той эпохи, в которую они были подчинены верховной власти готов, как политического врага. Этот образ создан явно не самими готами». Историки находят самые разные оправдания самоубийству Германариха, о котором сообщает Аммиан. Но главное в другом. Последующая судьба готов, живших западнее и восточнее Тираса, недвусмысленно свидетельствует: все они, включая даже столь мудрого и осторожного Атанариха, оказались перед лицом гуннских захватчиков такими же бессильными, как одряхлевший и, возможно, смертельно раненый мстителями за Свенильду накануне битвы с гуннами деспот Германарих. Гунны были не только слишком многочисленными, но и слишком быстрыми, не оставляя германцам времени собраться с силами для решающей битвы. Как писал Аммиан Марцеллин в XXXI книге «Деяний»:

«Витимир, ИЗБРАННЫЙ (выделено нами — В.А.) после его (Германариха — В.А.) кончины царем (остготов — В.А.), оказывал некоторое время сопротивление аланам (т.е. объединенным силам гуннов и аланов — В.А.), опираясь на другое племя гуннов, которых он за деньги привлек в союз с собою. Но после многих понесенных им поражений, он пал в битве, побежденный силой оружия. От имени его малолетнего сына приняли управление Алафей и Сафрак, вожди опытные и известные твердостью духа».

Таким образом, по Аммиану, грозный царь остготов Германарих, несмотря на свои многочисленные браки (надо думать — не бездетные), переселился в мир иной, не оставив законного наследника и общепризнанного преемника. Ибо Витимир не унаследовал власть над готами по праву рождения, а был ИЗБРАН (выделено нами — В.А.). В то время как после гибели Витимира в бою, его сын с общего согласия унаследовал власть над остготами, несмотря на свое «малолетство». Очередная загадка истории...

«... тяжкие обстоятельства сломили их (Алафея и Сафрака — В.А.) и, потеряв надежду дать отпор (гуннам — В.А.), они осторожно отступили и перешли к реке Данастию (Данастру-Тирасу — В.А.), которая протекает по обширным равнинам между Истром и Борисфеном. Когда слухи об этих неожиданных событиях дошли до Атанариха, правителя тервингов («древлян»-вестготов — В.А.), против которого недавно, как я об этом рассказывал, выступал в поход Валент, чтобы наказать за помощь, оказанную Прокопию, он решил попытаться оказать сопротивление и развернуть все свои силы, если (гуннами — В.А.) и на него будет сделано нападение, как на остальных (готов — В.А.). Он разбил большой лагерь на берегах Данастия в удобной местности поблизости от степей гревтунгов (остготов — В.А.), и в то же время выслал на 20 миль вперед Мундериха, который был впоследствии командиром пограничной полосы в Аравии (уже на римской службе — В.А.), с Лагариманом и другими старейшинами, поручив им высматривать приближение врага, пока он сам беспрепятственно занимался приготовлениями к битве. Но дело вышло совсем не так, как он рассчитывал. Гунны со свойственной им догадливостью заподозрили, что главные силы находятся дальше. Они обошли тех, кого увидели, и, когда те спокойно расположились на ночлег, сами при свете луны, рассеявшей мрак ночи, перешли через реку вброд и избрали наилучший образ действий. Опасаясь, чтобы передовой вест-

ник не испугал стоявших дальше, они ринулись быстрым натиском на Атанариха». («Деяния»).

Опытный в военном деле греко-римлянин Аммиан описал здесь гуннский способ ведения войны, с которым готы и вообще германцы той эпохи были явно не знакомы. Он противоречил всему их прежнему военному опыту и их понятиям о воинской чести. Но война есть война. Не следовало использовать знатных римлян в качестве соглядатаев и оставлять речные переправы без охраны. Атанарих был разгромлен гуннами, но не смирился с поражением. Он ушел в Венедские горы, потеснив тамошних сарматов, и даже возвел в Карпатах стену для защиты от гуннов — пример выдающейся стойкости и несломленного боевого духа!

Как писал Аммиан Марцеллин:

«Ошеломленный первым ударом (гуннов — В.А.), Атанарих, потеряв кое-кого из своих, вынужден был искать убежища в крутых горах. От неожиданности этого события и еще большего страха перед будущим, он стал воздвигать высокие стены от берегов Гераза (греч. Пирета, нынешнего Прута — В.А.) до Дуная поблизости от области тайфалов. Он полагал, что быстро и основательно соорудив это прикрытие, он обеспечит себе полную безопасность и спокойствие. Пока работа велась со всей энергией, гунны теснили его быстрым наступлением и могли бы совершенно погубить его своим появлением, если бы не оставили этого дела вследствие затруднительного положения, в которое их поставило обилие добычи».

Со временем нехватка продовольствия заставила большую часть вестготов, перейдя Истр, направиться на юг. Поскольку под защитой полноводного Дануба, да еще на римской территории, они надеялись оказаться в большей безопасности от гуннов.

«Большая часть племен, которая оставила Атанариха вследствие недостатка в жизненных припасах, стала искать место для жительства подальше от всякого слуха о варварах (гуннах — В.А.). После продолжительных совещаний о том, какое место избрать для поселения, они решили, что наиболее подходящим для них убежищем будет (восточно-римская — В.А.) Фракия; в пользу этого говорили два соображения: во-первых, эта страна имеет богатейшие пастбища и, во-вторых, она отделена мощным течением Истра от пространств, которые уже открыты для перунов чужеземного Марса. То же самое решение как бы на общем совете приняли и остальные» («Деяния»).

Сам Атанарих, впрочем, долго отбивался в своих горных укреплениях, пока не был покинут последними из хранивших ему некоторое время верность готов. И уж потом был вынужден отдаться под защиту императора Второго Рима (возможно, спасаясь от восставших на него собственных подданных — если верить Аммиану; не исключено, что среди восставших задавали тон готы-христиане, желавшие отомстить Атанариху за его гонения на христиан). Как нам уже известно, прожил готский судья в Константинополе недолго. И то, что «юдекс» не смог приспособиться к жизни на римской службе (в отличие от многих германских вождей до и после него) выделяет этого прирожденного бойца, «бойца по жизни», из общей массы его современников... Для готов же, как остроготовов, так и визиготов, гуннское нашествие и гибель их великого царя резко оборвали эпоху создания их первой государственности. На протяжении следующих пятидесяти лет вестготы скитались, в поисках защиты, будучи в полной зависимости от Рима. Остготам, подчиненным гуннами, волей-неволей приходилось драться и грабить «цивилизованных» подданных Римской империи плечом к плечу с этими «всадниками ниоткуда», став союзниками гуннского царя с готским именем Аттила и, соответственно, противниками его братьев. Так начались самые «черные» 50 лет в истории готов. Истории, которую творили не готы, а другие — гунны и римляне. Действуя с помощью готов и — чаще всего! — против готов.

2. КУДА БЕДНЫМ ГОТАМ ПОДАТЬСЯ?

Гот Иордан назвал северную Европу мастерской человеческого рода; я скорее назвал бы ее мастерской, где производится оружие, разбивающее оковы, которые куют на юге.

(Шарль Луи де Монтескье)

МАА... ИЛИ ВСЕ-ТАКИ АМАА?

Под мощным гуннским натиском остготы частью подчинились гуннам, частью отступили в горную местность южнее реки Гипаниса и в горы Тавриды, где давно уже жили их соплеменники. Там археологи, этнографы и филологи находили следы пребывания готских мигрантов (вошедших в историю под названием готов-тетракситов или крымских готов) еще через много столетий. По последним эпиграфическим данным еще в IX-X вв. готский язык существовал в Крыму и как письменный, и как разговорный, причем употреблялся не только в литургиях, но и в обиходе. В древнерусском «Слове о полку Игореве» (конец XII в.) сказано, что после разгрома войска русско-го князя Игоря Новгород-Северского половцами в 1185 г. «ГОТСКИЕ (выделено нами В.А.) девы ...на берегу синего моря (т.е. на Черноморском побережье Крыма — В.А.)...воспевают время бусово (т.е. победу Амала Витимира-Винитария над Бусом — вождем антов Божем, о которой будет подробнее сказано далее — В.А.)». Католический монах-францисканец Вильгельм де Рубрук, следовавший в 1253 г. (!) из Константинополя с дипломатической миссией в ставку каана (Великого хана) монголов, видел на южном побережье Крыма замки, в которых «было много готов, язык которых тевтонский (teutonicum)» (т.е. германский). «В Крыму готы жили с III века» (Виктор Шкловский. «Марко Поло»).

Именно на основании столь долгого пребывания готов в Крыму считавший себя их преемником «безбожный гот», по выражению

митрополита Сергия Страгородского, Адольф Гитлер намеревался присоединить Крым, заселенный германцами, к своему «Третьему рейху». Назвав его не как-нибудь, а «рейхсгау (имперская область) Готенланд (Готская земля)». Но не все готы покорились гуннам или бежали от них. Часть остготовов, отказавшись искать спасения от степных «кентавров» в бегстве, даже после смерти Германариха, продолжала оказывать гуннам упорное вооруженное сопротивление. Эти готы дрались с гуннами под предводительством упомянутого выше Винитария (или Витимира), избранного царем, согласно Аммиану Марцеллину, в 375 г. Витимир, сражался, по Аммиану, и с аланами, и, как уже упоминалось выше, получил прозвище «Винитарий», буквально — «Победитель венеков (венетов)». Это прозвище, упоминаемое уже Кассиодором, преемник Германариха получил, по мнению австрийского историка Хервига (Гервига) Вольфрама, «за свою победу над венедами». Хотя Витимир принадлежал к роду Амалов, он не был сыном Германариха. Если, конечно, верить родословной Амалов, приведенной Иорданом. Но ведь иной родословной у нас не имеется. В «Гетике» Иордана, прославляющего доблесть «Винитария», имя «Витимир» отсутствует.

Боевые столкновения готов с гуннами носили непривычный по своей жесточенности и крайней беспощадности характер. Непривычный даже для готов, «повитых под шлемами и вскормленных с конца копья» (выражаясь слогом «Слова о полку Игореве»). И считавшихся самым воинственным из всех народов германского корня. Ведь у готов даже женщины сражались наравне с мужчинами, как амазонки. Согласно римскому историку Флавию Вописку, в триумфальном шествии римского императора Аврелиана: «Вели и десять женщин, которые сражались в мужской одежде среди готов и были взяты в плен, тогда как много других женщин (готских воительниц — В.А.) было убито...» («Жизнеописание августов»). Но гунны вели себя совершенно иначе, чем прежние противники готов, к чьей манере поведения лихие германцы успели привыкнуть. Так, гунны (особенно на первых порах) вообще не брали пленных. А ведь за военнопленных, особенно знатных, можно было получить выкуп. Пленных можно было обратить в своих рабов. Или продать их в рабство «на сторону». Тем же римлянам и грекам. Гунны не щадили даже женщин и детей, ведя борьбу на уничтожение. Борьбу, беспощадный характер которой пугал готов тем более, что откровенно геноцидальные методы

гуннов не поддавались, с готской точки зрения, разумному объяснению. Откуда было готам знать, что гуннские скотоводы, бросившие родные пастбища вследствие бескормицы, вызванной обледенением степи — т.н. джута -, бились с ними на вечно голодный желудок? Как в свое время — гонимые резким похолоданием в «Скатиनावии» и голодом предки готов Винитария — с эстиями на Янтарном берегу. Ведя борьбу не просто за добычу, новые уголья, пастбища, а смертный и бескомпромиссный бой «по Дарвину». Борьбу за выживание. Ведь гуннам было совершенно безразлично, пасть ли в бою от вражеских мечей, копий и стрел, или без боя издохнуть от голода. При том, что голодная смерть гораздо мучительней быстрой смерти на поле боя, почетной и желанной для всякого честного воина!. Вооруженная борьба — не на жизнь, а на смерть! — давала гуннам, по крайней мере, шанс на выживание. И на завоевание земель, которые опытный глаз кочевника сразу же оценил как не только пригодные для жизни, но и поистине благодатные.

Отдавать приказы и доводить их до исполнителей в то время можно было лишь в пределах видимости. Если царь, герцог, фуристо, был впереди, в первых рядах, все шло хорошо. Если он пропадал из виду — значит, его необходимо было спешно выручать из окружения. Если же царь обращался в бегство, лучше всего было тоже «вдарить плечи» — бежать с поля боя. Желательно, несколько быстрее, чем царь. Спасаться бегством было не в духе Амала Винитария. Он предпочел вступить с гуннами в бой. И гунны, также, видимо, поставив все на карту, выставили против него своего лучшего бойца и предводителя. Именно в данной связи мы впервые узнаем имя одного из царей этого загадочного народа — Баламбер. Имя воинственное, громкое и звучное, как барабанный бой. Наступательное вооружение Баламбера (у Л.Н. Гумилева — Баламира) явно превосходило таковое отважившегося сразиться с ним остготского царя. Хотя тот, возможно, превосходил гуннского повелителя вооружением защитным. Мощный дальнобойный лук давал гунну большое преимущество. Выпущенные из него стрелы летели гораздо дальше, чем копыя и дротики готов. Стрела царя Баламбера поразила Винитария в голову. Возможно — даже в глаз, (как норманнская стрела, сразившая англосаксонского короля Гарольда Годвинсона в битве при Гастингсе в 1066 г.). Готский царь, упав с коня, скончался на месте. Бегство в степь от гуннской конницы означало бы верную смерть. Поэтому, как уже говорилось выше,

большинство остготов, а вместе с ними, некоторые племена вестготов, которым явно грозила участь стать очередной жертвой гуннских «кентавров», обратили свои взоры и стопы в направлении Гема, римской Фракии. Чтобы добраться до Фракии, готам пришлось бы перейти Дануб. Нарушив тем самым договор о мире и общей границе с римлянами. Договор, заключенный несколькими десятилетиями ранее и соблюдаемый до тех пор обеими сторонами. Римляне, после некоторых колебаний, согласились впустить готов в пределы империи. Вероятно, «сыны Ромула» догадывались, что главную угрозу ей представляют не готские беженцы, а их преследователи. Гунны, уже маячившие, так сказать, за готскими спинами. Понимая, что им, римлянам, самим придется очень скоро отражать гуннское нашествие. И что тогда будет на счету каждый гот, способный носить оружие и поднять его в защиту Рима.

Гунны и впрямь не заставили себя долго ждать, завладев готскими землями. Обширная территория между Тавридой и бывшей римской провинцией Дакией, нынешней Трансильванией, славящаяся своим плодородием, была способна прокормить сотни тысяч гонимых голодом кочевников. Но эти кочевники уже вкусили вражьей, человеческой крови. Захваченная у готов богатая добыча, не виданная дотопе гуннами в родных кочевьях, пробудила в них жажду наживы. Гунны познали радости «наездов» на беззащитные, неукрепленные селения. Радости грабежей и поджогов. Гунны вошли во вкус, неустанно насилуя схваченных женщин и девушек, увозя их с собой, бросая или убивая их по пути, пресытившись их прелестями. Они ощутили себя повелителями мира. Они догадывались, что дальше их ждут все большая добыча, все новые города, новые женщины. И золото, еще больше золота, жажда которого в гуннах теперь пробудилась в полную силу. Гуннский вожак Баламбер, недолго думая, «попал» в жены Вадамерку (или Валадамарку), внучку старца Германариха. Она была далеко не первой его женой (и, скажем в скобках, далеко не последней). Но Вадамерка была не гуннкой и не простой полонянкой. А готской царевной из царского рода Амалов. Грубый с виду степняк Баламбер был, как говорит русская пословица, «сер-сер, да ум у него не черт съел». Он живо сообразил, что все эти бьющиеся насмерть с гуннами или бегущие от гуннов чужеземные народы схожи в одном. В приверженности своему царю и царскому роду. И что поэтому ему, владыке гуннов, очень важно и полезно будет породниться с этими царями.

Чтобы быть причисленным к их роду. Поэтому он взял знатную готскую девушку в жены. И, со скоростью степного наездника, сразу же сделал ей ребенка. Породил с ней сына, получившего готское имя Гунимунд. Имя «говорящее», «гласное», свидетельствующее о том, что отец его носителя — гунн.

В изложении Иордана, вся эта драматическая история выглядит несколько иначе. Хотя, пожалуй, даже любопытнее и интереснее. Вестготы, еще до нападения гуннов на остготов, «следуя какому-то своему намерению», отделились от них и проживали в «западных областях», в «Гесперийских странах». В то время как остготы, после смерти Германариха подчиненные власти гуннов, «остались в той же (прежней — В.А.) стране (Скифии-Причерноморье — В.А.)». Однако Амал Винитарий «удержал все знаки своего господствования» и, освобождаясь из-под власти гуннов, двинул войско в пределы антов (этноним этих предполагаемых праславян, сближаемых некоторыми авторами с венедами-вендами, имеет в иранских языках значение «жители окраин» — В.А.). Но в первом сражении был антами побежден. В дальнейшем Винитарий (чье происхождение «Гетика» возводит, через его отца Валараванса, к родному брату Германариха — Вультульфу, или Вультульфу, приходившемуся таким образом, по Иордану, дедом Винитария), «действуя решительнее, для устрашения», распял царя антов Божа с сыновьями и с семьюдесятью антскими старейшинами. Царь гуннов Баламбер, не стерпев этого (видимо, анты к описываемому времени были подчинены гуннскому владыке или зависели от племенного союза, возглавляемого гуннами), призвав на помощь Гезимунда (внука Германариха), сына великого Гунимунда (сына Германариха), повел войска на Винитария. Иными словами, гуннский царь выступил при поддержке одних готов против других готов. Впоследствии эта история будет повторяться с завидным постоянством. Баламбер дал войску Винитария три сражения, в которых Винитарий бился не только с гуннами (и, надо думать, аланами), но и со своими ближайшими готскими родственниками. В первых двух сражениях победил Винитарий. Но в третьей битве Баламбер, «подкравшись к реке Эрак» (?), собственноручно пущенной стрелой смертельно ранил Винитария в голову. И, «появ» себе в жены племянницу убитого им Винитария, Вадамерку, стал властвовать над племенем готов, полностью покоренным теперь «видимыми бесами» (как именовали гуннских нехристей богобоязненные христианские античные хронисты).

Следует заметить, что все это способствовало снижению напряженности, характерной для периода военных столкновений гуннов с готами. Гунны не только влияли на готов, но и попадали, в свою очередь, под готское (как и под алано-сарматское) влияние. Эдред Торссон считает крайне вероятным, что определенные готские кланы или семьи заключали с гуннскими кланами брачные союзы, поскольку не только готский царский род Амалов, но и многие другие известные готские роды процветали под гуннским «господством». Да и личные имена гуннов свидетельствуют об их восприимчивости к готскому влиянию. Как указывает в своей книге «История и культура гуннов» профессор Калифорнийского университета Отто Й. Менхен-Хельфен, «удивительно большой процент» гуннских имен имел германское и иранское происхождение. Германским (а именно — готским) было и имя (или прозвище) самого знаменитого гуннского царя — Аттила. «Атта» по-готски означает «отец».

Христианская молитва «Отче наш», переведенная епископом Вульфиллой, начинается по-готски со слов «Атта унсар». Добавление к корню «атта-» уменьшительного суффикса «-ила» дало диминутив «Аттила» («Батюшка» — традиционный эпитет царя у нас в России, на бывших готских землях). Готские имена, по Менхен-Хельфену, носили и другие высокопоставленные гунны из окружения «царя-батюшки» Аттилы — Эдекон, Лаударик, Онегесий, Рагнарис, да и царь гуннов Руга (Роас, или же Ругила), убитый молнией на подступах к Константинополю (что спасло Второй Рим от разграбления гуннскими «кентаврами»).

Из версии событий, изложенной в «Гетике», не ясно, почему сына Германариха тоже звали Гунимундом. Ведь Германарих-то был не гунном, а готом, и гуннских жен у него, насколько нам известно, не было. Да и не успел бы он, даже при самых благоприятных обстоятельствах, зачать с гуннкой сына и вырастить его. К тому же известен другой Гунимунд — царь германцев-гепидов, разгромленный лангобардами Альбоина, также не имевший, вроде бы, гуннских корней. Впрочем, довольно об этом «белом пятне истории»...

Но все ли готы были оттеснены гуннами на римские земли или в Тавриду? Или же часть их, возглавляемая князьями из рода Амалов, смогла, вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам, удержаться на берегах Данапра-Борисфена? И, возможно, дожить до основания «империи Рюриковичей»?

В своем первом историческом сочинении, опубликованном в 1841 г., крупнейший историк дореволюционной России С.М. Соловьев, рассуждая о призвании варягов, писал: «...власть у славян должна была явиться извне. Разумеется, что не к скотоподобным финнам (извиняемся перед уважаемым читателем, могущим, чего доброго, заподозрить нас в отсутствии политкорректности, но так написано у глубокоуважаемого Сергея Михайловича! — В.А.) должны были обратиться славяне с просьбой о власти, а к смелым морским королям Скандинавии, которые (будучи большей частью изгнанниками из своего отечества или удалившись из него по недостатку владений, следовательно, будучи безродными скитальцами, коих жизнь и слава зависели от их личных достоинств, т.е. храбрости и силы — единственных достоинств того времени) пришлось как нельзя лучше к славянам, также безродной смеси от племен всего мира. Вероятно, старики славянские еще помнили то славное время, когда все эти смешанные племена повиновались одному вождю из племени готфов (готов — В.А.), знаменитому Эрманарику» («Феософический взгляд на историю России»).

Уважаемый читатель, разумеется, не забыл, что, вследствие «перекрестных» браков остготские Амалы оказались и во главе вестготов. Даже если это было родство по материнской линии, род Амалов, как наиболее знатный, имел в глазах вестготов-тервингов («древлян») не меньший вес, чем в глазах готов восточных.

Автор «Повести временных лет» (не будем называть его «Нестором-летописцем», ибо таковым его сегодня уже мало кто считает) упоминает лесовиков-древлян с их князем «Малом», как убийцу киевского князя Игоря (Ингвара) Старого, считающегося сыном Рюрика-Рорика Ютландского. Вдова убитого — Ольга (Хельга, т.е. «Святая») изощренно мстит «тервингам», дважды убивая послов «Мала», сватающегося к ней, и разоряет древлянский «стольный град» (Ис-) Коростень (по-готски: hro:th+sten, т.е. «Красный камень», как верно подметил В.Б. Егоров в своем исследовании «Русь и снова Русь»). Казнь послов (первую «партию» которых сжигают в бане, а вторую — закапывают живьем в ладье) подозрительно напоминает погребальные обычаи древних рус(с)ов (описанные, в частности, арабским путешественником Ахмадом ибн Фадланом). Скорее всего, древлянские послы стали погребальной жертвой на тризне по Игорю-Ингвару (чем и объясняется их безропотное поведение). Однако об убийстве или

казни победителями самого князя «тервингов» Мала — казалось, бы главного виновника гибели Игоря Рюриковича! — киевская летопись ничего не сообщает. Российский историк Сергей Викторович Горюнов придерживается версии, согласно которой Ольга состояла в любовной связи с Малом (одним из готских Амалов), продолжавшим править частью земель своего предка Германариха. Факт отнесения его подданных — «древлян» — киевским летописцем к числу славянских племен этому вовсе не противоречит. Ведь и русы — изначально норманны с балто-финской примесью — дали свой этноним покоренным им славянам (хотя долгое время как в договорах Олега и Игоря с Константинополем и в других документах проводилась четкая разница между «русью» и славянами). Татары (изначально — монгольское племя), покорив тюркское населения Поволжья, растворились в нем, но передали ему свой этноним. Германцы-франки покорили римскую Галлию, названную в их честь Франкией-Францией, хотя от их «германства» скоро ничего не осталось (впрочем, французский король вплоть до 1830 г. именовался букв. «царем франков» — лат. «рекс франкорум»). То же можно сказать о германцах-бургундах, тюрках-(прото)болгарах и о многих других пришельцах, растворившихся в покоренных ими народах, но давших им свое имя.

Кстати говоря, Павел Иванович Якушкин (двоюродный брат декабриста Ивана Димитриевича Якушкина) — российский писатель-этнограф, собиратель народных песен, присловий, загадок и побасенок — в «Путевых письмах из Новгородской и Псковской губерний», опубликованных в Санкт-Петербурге в 1860 г., упоминает одно из имен Ольги — «Мальдита» — вероятно, «Амал(ь)дита» (как и в случае Мала-Амала). Возможно, и у Хельги-Ольги-(А)Мальдиты текла к жилам кровь Амалов, потомков Германариха? Что и предопределило ее связь с князем «древлян-тервингов» (А)малом, с целью зачатия равнородного и равнокровного наследника? Тогда «постылый, старый», да еще и «худородный» (по сравнению с Амалами) муж Игорь-Ингвар Рюрикович ей только мешал. И она постаралась его устранить, но, так сказать, «сохраняя правила приличия», чтобы комар носа не подточил... В-общем, темна вода во облацех...

Если «князь-викинг» Святослав (Хельгу-Рюрик) был не законным сыном Ольги от Игоря Рюриковича, а внебрачным отпрыском связи Ольги с древлянским князем из рода Амалов (несомненно, превосходившим Рюриковичей по знатности и древности рода, шутка ли — по-

томок самого Германариха!), то именно сыну Святослава — Владимиру (в святом крещении — Василию, т.е. «Царю») Красное Солнышко, по мнению С.В. Горюноква, было предназначено судьбой примирить в своем лице враждовавшие линии его предков с отцовской («более поздних» выходцев из «Скатиनावии» — норманнов Рюриковичей) и с материнской («более ранних» выходцев из той же «Скатиनावии» — готов Амалов) стороны. Отвечая на вопрос, куда же подевался якобы «разбитый в пух и прах» киевским воинством древлянский «Мал», Горюнокв указывает на таинственного «Марко» или «Малко» (уменьшительная форма имени «Мал», т.е. Амал) Любечанина (т.е. «живущего в Любече»). И на упоминаемого в русских былинных сюжетах «черниговского владыку». Как указывает в своем труде Горюнокв, во времена Ольги и Святослава между Киевом и Черниговом существовало противостояние. Связанное с тем, что бывший князь древлян-тервингов (а теперь — любечский узник или правитель — в этом вопросе версии расходятся) (А)мал, чье полное родовое имя было Мальфред (Амалфрид, Амалафрид — В.А.), возглавлял, как это явствует из летописно-былинных реконструкций, «готскую» черниговскую оппозицию «норманнской» партии, (включая истинных Рюриковичей — Ярополка и Олега Игоревичей), засевшей в Киеве (бывшем готском «Данпарстадире»; впрочем, В.Б. Егоров считает готским, Германариховым «Данпарстадиром» другой, заброшенный к тому времени, окруженный «Змиевыми валами», Великий Город, который Владимир Киевский пытался восстановить после прихода к власти). Относительно причин возникновения противостояния между бывшими знатными любовниками — родителями Святослава Киевского — пока можно только догадываться. Ясно лишь одно. Это противостояние закончилось, по С.В. Горюнкуву, тем, что Ольга умерла в Чернигове (т.е. в плоте «готской» оппозиции «норманнскому» Киеву), а Святослав (А)Мал(ович) был изгнан за пределы «империи Рюриковичей» и погиб при неясных обстоятельствах на днепровских порогах, еще помнивших его далеких готских предков. Считается, что сын Ольги и (А)Мала попал в засаду, устроенную ему тюркскими кочевниками-печенегами (якобы «по наводке» коварных «ромеев»). Перед этим отпрыск готских Амалов, изгнанный норманнской «партией Рюриковичей», неудачно воевал с «ромейским» самодержцем Иоанном I Цимисхием за Дунайскую Болгарию. Между прочим, в письме этого «василевса ромеев» отпрыску Амалов

Святославу, вступившему в войну с Восточной Римской империей, прямо говорилось, что убитый древлянами князь Игорь Рюрикович пал от руки «германцев». Понимай — готов-тервингов («древлян»). Quod erat demonstrandum, что и требовалось доказать:

«Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря (Игоря Старого, считавшегося официально отцом Святослава — В.А.), который, презрев клятвенный договор (заключенный им ранее с «ромеями» — В.А.), приплыл к столице нашей (Новому, или Второму, Риму — В.А.) с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору (Керченскому проливу — В.А.) прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды. Не упоминаю я уж о его [дальнейшей] жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев (древлян-«тервингов» — В.А.), он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое» (Лев Диакон. «История»).

Уж кто-кто, а «ромейские» спецслужбы точно знали, что к чему. Так что письмо константинопольского василевса «Сфендославу» подтверждает: древлянский князь «Мал» был в действительности не славянином, и уж тем более не иудеем или принявшем иудейскую веру хазаром «Малхом» (каковым его аттестуют иные «популяризаторы истории»). А восточным германцем из древнего готского рода Амалов, Амалунгов, Амелунгов или Амалфридов, нашедшего себе убежище в Древлянской («Тервингской») земле. Потомком разгромленного гуннами Баламбера готского царя Германариха из рода Амалов. А дочь (А)Мала Древлянского — (А)Малфрида, или (А)Малфредь («Малуша») — став наложницей единокровного ей Святослава Киевского, родила ему сына Владимира — будущего Крестителя Руси. Амала по крови, неизмеримо превосходящего по знатности всех подлинных Рюриковичей, включая своих сводных братьев Олега и Ярополка — родных сыновей Игоря Старого. Повторим это лишний раз для пущей ясности. Конечно, в случае правильности данной версии получается, что Святослав — сын (А)Мала Древлянского от Ольги-(А)Мальдиты — породил Владимира с (А)Малушей-(А)Малфридой — дочерью того же (А)Мала Древлянского от другой жены или наложницы, т.е. со своей сводной (по отцу) сестрой. Кровосмесительный брак! Но вспомним, что автор «Повести временных лет» весьма отрицательно отзывался о нравах древлян — они-де «жили звериным обычаем», «жили по-скотски», «и браков у них не бывало». Т.е. их

брачные обычаи, не укладывавшиеся в представления автора ПВЛ, возможно, включали в себя браки между кровными родственниками. Браки между братьями и сестрами практиковались в свое время и у северных германцев, особенно в среде высшей знати (кровосмесительный, с нашей точки зрения, брачный союз Сигмунда со своей сестрой Сигнью в «Саге о Вэльсунгах»). Темна вода во облацех...

После смерти Свято-Слава — Хельгу-Рюрика — вспыхнула смута (в ходе которой важную роль сыграл соратник Игоря Старого и Святослава воевода Свенельд, натравивший, мстя за своего сына Люта, или Люта, убитого Рюриковичем Олегом Игоревичем, последнего на другого Рюриковича — Ярополка Игоревича, спровоцировав братоубийственную войну и расчистив путь к власти над Киевом потомку Амалов — Владимиру Святославовичу (Святославичу). Этот самый Владимир, сын (А)Малуши-(А)Малфреды, дочери (А)Мала-(А)Малко-(А)Малфреда Сильного (в крещении — Ильи), и пришел, с помощью Свенельда, к власти в Киеве.

В действительности сына Святослава Киевского от (А)мал(а)фриды звали, очевидно, все-таки не Владимир, а Вал(ь)демер. Слово «вал(ь)д» (wald) в готском языке означает «великий», «славный», а слово «мер(с)» (mers) — «известный» («знатный», «знаменитый», «именитый»). В доказательство можно указать на то, что в древнерусских летописях имя сына Святослава Киевского писалось всегда через «е» — Владимир (др. русск. Володимир), что соответствует готскому и вообще германскому варианту имени Вал(ь)демер-Вал(ь)демар (в аналогичных готских и вообще германских именах «е» часто чередовалось с «а», например: Германарих-Герменериг, Теодемер-Теодемар и т.д.).

Возможно, Свенельд был сородичем и потомком упоминавшейся выше Свенильды-Сунильды, возлюбленной царя Германариха, за измену растерзанной или затоптанной конями по его приказу. Но Свенельд(ы)-Свенильд(ы) давно уже забыл(и) о своем происхождении от родичей Свенильды, воспринимая себя, да и других потомков росомонов времен Германариха как «часть коллективного наследия» древнего готского племенного союза с центром в Даншарстадире.

О Малфреде (Амалфреде) Сильном известно, что он входил в ближайшее окружение Владимира-Валдамера-Вал(ь)демара Святославича (Хельгурюриковича). И, по мнению Горюноква, «изучение противоречий в древнейших документах по истории Киево-Печерской лавры позволяет думать», что роль Малфреда-Ильи в истории основания

монастыря этими документами замалчивается. Взять хотя бы такой «черниговский аспект» в биографии «ЛЮБЕЧАНИНА (выделено нами — В.А.) Антония», как закладка им под Черниговом пещерного монастыря и церкви во имя пророка Илии. Основной же момент замалчивания летописями и церковной литературой личности Малфреда-Ильи, по Горюнкову, заключалась в его оппозиционности «ромейской» православной (к тому времени уже давно) Константинопольской патриархии. А именно — в арианском, еретическом, характере его христианства. Так объясняется сказка об Илье (опубликованная в «Очерках» Всеволода Федоровича Миллера), где он изображен покаявшимся в конце жизни «разбойником». В антиарианском сочинении Кирилла Туровского II половины XII в. «Слово на (собор — В.А.) святых отец 318» сам ересиарх Арий характеризуется как «необратный разбойниче», т.е. «необратимо отпавший от (православной) церкви раскольник». Именно таких «разбойников» (а не грабителей и душегубов) долго отказывался казнить смертью Владимир Святой, потомок ариан-Амалов как по отцу, так и по матери (в официальной истории крещения Ольги-(А)Мальдиты в Царьграде «от грек», т.е. кафоликов, тоже не все ясно), пока православные священнослужители из Второго Рима не убедили его проявить «необходимую твердость». Возможно, и сам князь Владимир был, до принятия крещения по православному обряду во взятом им «ромейском» городе Корсуни, т.е. Херсонесе Таврическом (скорее всего, отпавшем от Ромейской василии и возвращенной Владимиром империи «ромеев» в качестве «вена, т.е. выкупа за невесту — обещанную ему в законные супруги православную греческую царевну Анну, сестру императора Василия II, прозванного впоследствии «Болгаробойцей» за массовое ослепление захваченных им, не без содействия присланного князем Владимиром, по условиям брачного договора, в состав имперской армии вспомогательного воинского контингента, болгарских военнопленных), не язычником-идолопоклонником, а арианином.

В качестве дополнительного аргумента в пользу данной версии можно указать на одно «темное» место в «Повести временных лет». В ПВЛ в статье под 988г. в рассказе о крещении Руси Владимиром Святым приведен именно арианский символ веры.

Цитата:

«Когда же Владимира крестили и научили его вере христианской, сказали ему так: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй,

говоря так: "Верую во единого Бога Отца вседержителя, творца неба и земли" — и до конца этот символ веры. И еще: "Верую во единого Бога Отца нерожденного и во единого Сына рожденного, в единый Святой Дух, исходящий: три совершенных естества, мысленных, разделяемых по числу и естеством, но не в божественной сущности; ибо разделяется <Бог> нераздельно и соединяется без смешения. Отец, Бог Отец, вечно существующий, пребывает в отцовстве, нерожденный, безначальный, начало и первопричина всему, только нерождением своим старший, чем Сын и Дух; от него же рождается Сын прежде всех времен, Дух же Святой исходит вне времени и вне тела; вместе есть Отец, вместе Сын, вместе и Дух Святой. Сын же подобосущен Отцу и безначален, только рождением отличаясь от Отца и Духа. Дух же пресвятой подобосущен Отцу и Сыну и вечно сосуществует с ними. Ибо Отцу отцовство, Сыну сыновство, Святому же Духу исхождение. Ни Отец переходит в Сына или Духа, ни Сын в Отца или в Духа, ни Дух в Сына или в Отца: ибо неизменные их свойства. Не три бога, но один Бог, так как божество едино в трех лицах. Желанием же Отца и Духа спасти свое творение, не изменяя людского семени, сошло и вошло, как божественное семя, в девичье ложе пречистое и приняло плоть одушевленную, словесную и умную, прежде не бывшую, и явился Бог воплощенный, родился неизреченным путем, сохранив нерушимым девство матери, не претерпев ни смятения, ни смешения, ни изменения, а оставшись как был, и став каким не был, приняв вид рабский — на самом деле, а не в воображении, всем, кроме греха, явившись подобен нам <людям>... По своей воле родился, по своей воле почувствовал голод, по своей воле почувствовал жажду, по своей воле печалился, по своей воле утрашился, по своей воле умер — умер на самом деле, а не в воображении; все свойственные человеческой природе, неподдельные мучения пережил. Когда же был распят и вкусил смерти безгрешный, — воскрес в собственном теле, не зная тления, взшел на небеса, и сел справа от Отца, и придет вновь со славою судить живых и мертвых; как вознесся со своей плотью, так и сойдет. Исповедую же и едино крещение водою и духом, приступаю к пречистым тайнам, верую воистину в тело и кровь, принимаю церковные предания и поклоняюсь пречестным иконам, поклоняюсь пречестному дереву и кресту, и всякому кресту, святым мощам и священным сосудам. Верую и в семь соборов святых отцов, из которых первый был в Никее 318 отцов, проклявших Ария и проповедовавших

непорочную и правую веру. Второй собор в Константинополе 150 святых отцов, проклявших духоборца Македония и проповедовавших единосущную Троицу. Третий же собор — в Ефесе 200 святых отцов против Нестория, прокляв которого, проповедовали святую Богородицу. Четвертый собор в Халкидоне 630 святых отцов против Евтуха (Евтихия — В.А.) и Диоскора, которых и прокляли святые отцы, провозгласив Господа нашего Иисуса Христа совершенным Богом и совершенным человеком. Пятый собор в Царьграде 165 святых отцов против учения Оригена и против Евагрия, которых и прокляли святые отцы. Шестой собор в Царьграде 170 святых отцов против Сергия и Кура, проклятых святыми отцами. Седьмой собор в Никее 350 святых отцов, проклявших тех, кто не поклоняется святым иконам"» (просим прощения у уважаемых читателей за столь длинную цитату).

Приведем для сравнения:

1) АПОСТОЛЬСКИЙ СИМВОЛ ВЕРЫ

Верую в Бога, Отца Всемогущего, Творца неба и земли. И в Иисуса Христа, Единственного Его Сына, Господа нашего, Который был зачат Святым Духом, рожден Девой Марией, страдал при Понтии Пилате, был распят, умер и погребен, сошел в ад, в третий день воскрес из мертвых, восшел на небеса и восседает одесную Бога Отца Всемогущего, оттуда придёт судить живых и мертвых. Верую в Святого Духа, Святую Вселенскую Церковь, общение святых, прощение грехов, воскресение тела, жизнь вечную. Аминь.

2) СИМВОЛ ВЕРЫ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА I ВЕЛИКОГО

Верую в Бога Отца всемогущего, И в Иисуса Христа, Сына его едиnorodного, Господа нашего; рожденного от Духа Свята и Марии Девы; распятого при Понтийстем Пилате, и погребенна; воскресшего в третий день из мертвых; восшедшаго на небеса, сидяща одесную Отца; и грядущего судити живым и мертвым. И в Духа Святаго; Святую Церковь; Отпущение грехов, Воскресение плоти (тела).

3) НИКЕЙСКИЙ СИМВОЛ ВЕРЫ

(а) Церковнославянский текст из Кормчей книги Патриарха Иосифа 1650 г.:

Веруем во Единого Бога Отца Вседержителя, видимым же и не видимым Творца. И во Единого Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, рождена от Отца единочадна, сеже есть от существа Отца: Бога от Бога, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, а не сотворенна, единосущна Отцу, имже вся быша, яже на небеси и яже

на земли, нас ради человек, и за наше спасение сошедша и воплощася и вочеловечьшася, и страдавша, и в третий день воскресша, и восшедша на небеса и паки грядуща судити живым и мертвым. И в Духа Святаго. Глаголющая же, бе время егда не бысть, и яко от несущих бысть, или от иного состава, или существа, или преложна, или пременна Сына Божия, таковыя проклинает Соборная и Апостольская Церковь. Аминь.

(б) Русский текст:

Веруем во Единого Бога, Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого. И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, рождённого от Отца, Единородного, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рождённого, несотворённого, единосущного Отцу, через Которого [а именно Сына] всё произошло как на небе, так и на земле. Нас ради человек и нашего ради спасения сошедшего и воплотившегося, вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день, восшедшего на небеса и грядущего судить живых и мертвых. И в Святого Духа. А говорящих, что было время, когда не было Сына, или что Он не был прежде рождения и произошёл из несущего, или утверждающих, что Сын Божий из иной ипостаси или сущности, или создан, или изменяем — таковых анафематствует кафолическая (православная — В.А.) церковь. Аминь.

4) НИКЕО-ЦАРЕГРАДСКИЙ СИМВОЛ ВЕРЫ

(а) Церковнославянский текст:

1. Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.

2. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рождена, несотворена, единосущна Отцу, Имже вся быша.

3. Нас ради человек и нашего ради спасения спешаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечьшася.

4. Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша и погребена.

5. И воскресшаго в третий день по Писанием.

6. И возшедшаго на небеса, и сидяща одесную Отца.

7. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца.

8. И в Духа Святаго, Господа, животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки.

9. Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.

10. Исповедую едино крещение во оставление грехов.

11. Чаю воскресения мертвых.

12. И жизни будущаго века. Аминь.

(б) Русский перевод:

1. Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого.

2. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, едиnorodного, рождённого от Отца прежде всех веков, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рождённого, не сотворённого, одного существа со Отцом, через Которого всё сотворено;

3. для нас людей и для нашего спасения сошедшего с небес, принявшего плоть от Духа Святого и Марии Девы и сделавшегося чело-
веком,

4. распятого за нас при Понтии Пилате, страдавшего и погребённого,

5. воскресшего в третий день согласно с Писаниями (пророческими),

6. восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца,

7. и снова грядущего со славою судить живых и мёртвых, Царству Его не будет конца.

8. И в Святого Духа, Господа, дающего жизнь, исходящего от Отца, поклоняемого и прославляемого равночестно с Отцем и Сыном, говорившего чрез пророков.

9. И во единую, Святую, Вселенскую и Апостольскую Церковь.

10. Исповедую единое крещение во оставление грехов.

11. Ожидаю воскресения мёртвых

12. и жизнь будущую. Аминь.

«А в ПВЛ сохранился именно арианский символ веры. Арианские черты явственно прослеживаются в следующих ее фразах: «Отець, Бог отец, присно сый пребываетъ во отчестве, нерожен, безначален, начало и вина всем, едином нероженемъ старей сый сыну и духови... Сын подобосущен отцю, роженемъ точью разньствуя Отцю и Духу. Дух есть пресвятый, Отцю и Сыну подобносущен и присносущен»».

(А.Г. Кузьмин. Арианская версия крещения Руси)

«В «Повести временных лет» князь Владимир Святославович, крестивший Русь, при своем собственном крещении зачитал довольно странный Символ веры. Он произнес: «Сын же подобосущен и собезначален Отцу...» Подобосущен, а не единосущен, как то утверждается в православном Никео-цареградском символе. А кто считал Бога-Сына, Христа, всего лишь подобным сущности Бога-Отца, то есть практически тварным существом? Ответ очевиден — ариане, которых официальная Церковь считала еретиками».

(Елисеев А. Два христианства и два язычества).

Так что же, князь Владимир принял арианство?

Существует мнение, что арианский символ веры, содержащийся в процитированном нами выше фрагменте «Повести временных лет» — вставка после выражения «Верую во единого Бога Отца вседержителя, творца неба и земли» — и до конца этого символа веры. При этом, далее по тексту следует перечисление семи вселенских соборов христианской церкви, которые признает Православие, в том числе и (Первого) Никейского. Это тем более странно. Ведь наверняка известно, что «Повесть временных лет», как и предшествовавший ей «Свод Никона» (в котором впервые зафиксировано данное сказание о крещении Владимира), написаны людьми духовными, которым были отлично знакомы различия арианского и никейского символов. Возникает вопрос: как мог попасть арианский символ веры в «Повесть временных лет» и с какой целью он туда вставлен? Не в качестве ли намек на то, что до принятия Владимиром Святославичем в Херсонесе Таврическом «от грек(ов)» православия он исповедовал арианский вариант христианства — веру своих готских предков?

Данная версия объясняет имеющиеся сведения о том, что князь Владимир Киевский был крещен еще до похода на Херсонес. На вопрос, откуда же взялось на Руси арианство, дадим следующий ответ. Оттуда же, откуда появилось там имя Малфрида. Ближайший «родственник» этого имени, по Горюнкову — остготское имя «Амалафрид» в его женской и мужской формах. Амалафридой (ок. 460-ок. 520) звали сестру царя остготов Теодориха Великого (чьим магистром официий был знакомый нам историк Кассиодор и о котором у нас еще пойдет речь далее). А Амалафридом — сына ее дочери Амалаберги от брака с царем тюрингов (турингов) Гарменфредом. В 540 г. Амалафрид и его сестра с другими остготскими пленниками были, по приказу «ромейского» полководца Флавия Велизария, завоевавшего

для императора Флавия Петра Савватия Юстиниана I Великого Италию (или, с «ромейской» точки зрения, «возвратившего Италию в лоно империи») доставлены в Новый Рим — Константинополь. Амалафрид (как и многие «варвары» германского и негерманского происхождения до и после него) был зачислен на (восточно)римскую военную службу (что, кстати говоря, не требовало обязательного перехода в православие из арианства). А его сестра — выдана восточными римлянами за царя лангобардов Авдоина (Аудоина). Если сопоставить все эти факты с общепризнанным фактом приверженности готов арианству (о чем пойдет речь далее), получится следующая картина. Во II половине I тысячелетия п. Р.Х. на службе у (восточно)римских императоров находились представители той ветви (ост)готской династии Амалов, которые носили имя «Амалафрид». Принципы передачи ими этого имени по наследству, как и его способность выступать одновременно в роли как личного, так и родового, по Горюнкову — предмет особого рассмотрения. Практика дипломатических отношений «ромейских» императоров с западными и северными «варварами» включала в себя заключение брачных союзов между «варварскими» вождями, с одной стороны, и представителями (восточно)римской аристократии «варварского» происхождения — с другой. Князь древлян-«тервингов» (А)мал-Малфред был, несомненно, арианином. Хотя в самой (Восточной) Римской империи арианская ересь (которой фактически придерживался даже Константин I Великий) была подавлена уже в V в., на периферии «мировой» империи арианство, как мы еще не раз убедимся, довольно долго сохранялось, часто служа формой социального протеста «варварских» князей против вмешательства православной Константинопольской патриархии («приводного ремня» светской «ромейской» власти) в их внутригосударственную жизнь.

«Между прочим, именно «готский след» в древнерусской истории очень часто принимался и продолжает приниматься многими исследователями за «норманнский»» (Горюнков).

Тем более, что норманны были фактически потомками готов, мигрировавших, подобно готам, из Скандинавии.

Записки цесарца, как именовали на Руси подданных императоров средневековой «Священной Римской империи (германской нации)», барона Сигизмунда фон Герберштейна и отдаленного потомка «скатинавских» готов — шведа Петра Петрея де Ерлезунда - о «моско-

витских делах», включая родословие Великих князей Московских и всея Руси, сохранили итальянизированный вариант имени «Малфред» — «Мальдитто», производный от славянизированных форм «Малдед», «Мальдит», «Мальдитт». Понять этот вариант можно, как указывает Горюнков, только как отголосок памяти об изначальной принадлежности древнерусских (А)Малфредов к роду «италийского царя» остготов и — по совместительству — римского консула (или, по-гречески — «ипата»), военного магистра, сенатора, патриция и протчая и протчая и протчая Теодориха Великого (Дитриха Бернского германских героических сказаний).

Но довольно об этом...

ПРО ГОТСКОГО «ВОЛЧОНКА»

Впервые автору настоящей книги довелось услышать имя «Вульфила» в пятом классе из уст своего весьма начитанного школьного друга Виктора Милитарева по прозвищу «Инжир». Так он как-то ласково назвал меня, своего одноклассника Вольфганга Акунова, для друзей — «Вольфа», «Вольфушу» или «Вольфика» (а для друга моей юности Леша Былинкина по прозвищу «Христос» — так даже «Вольфичека»). В ответ на мой недоуменный вопрос, Викторушка с присущей ему уже в детстве важностью объяснил, что был, мол, такой готский епископ Вульфила (кем были готы, я к тому времени уже знал). Что же мы сегодня знаем о Вульфиле (Гульфиле, Ульфиле, Ульфилаसे), чье имя на его родном готском языке означает «маленький волк», «волчок», «волчонок» (уменьшительное от готского «вульфс», т.е. «волк»)? Что он исповедовал и проповедовал среди готов христианство (в его арианской форме, господствовавшей тогда и в самой Римской империи, вплоть до императорского двора). Создал готский алфавит и перевел на вестготский язык Книгу Книг — Священное Писание. Причем перевел Библию на «варварский» язык так хорошо, что удостоился похвалы самого Якоба Гримма: «Перевод, сделанный явно ученым человеком, верен, притом с учетом особенностей готского языка, что легко доказать; в нем сохранены все тонкости исходного текста, причем это сделано очень удачно; даже абстрактные рассуждения органично вплетаются в готскую речь».

Из этой краткой похвалы старшего из «добрых сказочников» братьев Гримм со всей очевидностью явствует, что перевод Вульфилей Библии был чем-то большим, чем, скажем, русский перевод собрания сочинений Гюстава Флобера или французский перевод собрания сочинений Ивана Сергеевича Тургенева. Переводы произведений людей равного и равноценного культурного уровня, с равноценным словарным запасом и с одинаковыми представлениями о мире. Вульфила же находился в положении Робинзона Крузо, вынужденного не только строить себе лодку, но и самому создавать (или, точнее говоря, изобретать) топор, канаты, деревья для досок и мачты. Одним

словом, ВСЕ. Начиная с создания на основе древнегерманского рунического ряда, или строя («футарка», именуемого так по названиям первых входящих в него рун), к которому «Волчонок» добавил некоторые греческие и латинские буквы, готского алфавита, состоящего из двадцати семи знаков.

На «Скандзе», в «Готискандзе» и «Ауйоме» готы пользовались руническим письмом. Вульфилла усовершенствовал руны, предназначенные для вырезания на дереве (буковых палочках или дощечках, от чего происходят немецкие слова «бухштабе», означающее «буковая палочка», и «бух», означающее «бук» и «книга» — ср. также с английским словом «бук»=«книга»; аналогичным образом обстоит дело и в других германских языках), кости, роге и металле (в т.ч. на металлическом оружии — вспомним упомянутые выше наконечники готских «священных» копий) или для высекания на камне, и являвшиеся изначально тайными колдовскими знаками.

Такой магический характер носит, скажем, руническая надпись на готском шейном кольце (гривне) из Пьетроассы (Румыния), о котором следует сказать особо. Это золотое шейное кольцо было найдено в руинах римской крепости (превращенной вестготами на некоторое время в свою главную твердыню) в числе двадцати двух драгоценностей (из которых сохранилось лишь двенадцать — руническая гривна, два ожерелья, две чаши, три сосуда и четыре фибулы), зарытых, вероятно, «тиудансом» вестготов Атанарихом. Спасавшимся бегством от гуннов, около 380 г. (по мнению Эдрета Торссона — между 379 и 380 г.). Руническая надпись на сильно поврежденной, после своего обнаружения, гривне (являвшейся в то время у германцев вообще и готов — в частности, наряду со священным копьём, более важным символом власти, чем, скажем, короны-венцы) гласит: «GUTANIO(THAL — В.А.) WINAIIAG». Или, на кириллице, «ГУТАНИО (ТАЛ — В.А.) ВИГАИЛАГ». По мнению Флауэrsa, первое слово — ГУТАНИ — форма родительного падежа множественного числа этнонима «готы». Седьмой знак — идеограмма, руна «отал» («одал», «отилиа»), означающая «наследственное имение» («имущество», «владение», но также «общее родовое наследие» и «благородство»). Эта руна заменяет и в других древнегерманских письменных источниках — например, в англосаксонской героической поэме «Беовульф» — аналогичное древнеанглийское слово «этель» (ср. немецкое «эдель» — «благородный»,

да и русские слова «удел» и «удаль»). «ВИГАЙЛАГ» — соединенные воедино слова «ВИГ» и «ГАЙЛАГ» (с учетом обычного правила сокращения сдвоенной руны), означающие два проявления «святости», известные германцам (да и другим народам арийского корня — напр. «санктум» и «сакер» у римлян, соединенные римским оратором, политиком, философом и писателем Марком Туллием Цицероном в одно составное слово «сакросанктум»). Таким образом, руническая надпись на гривне Атанариха переводится Флауэрсом как «НАСЛЕДИЕ ГОТОВ СВЯТОСВЯЩЕННО». По мнению Торссона, надпись выражает присущее царю (вождю) неотъемлемое свойство наделять качеством «священносвятости» готский «одал». Т.е. «освящать», «сакрализовать» наследственную общую собственность — «удел» — готов. Равнозначную их «кочующей», «странствующей», «мобильной» родине — самому готскому сообществу как таковому. Несущему «родину» с собой в своих странствиях (в отличие от Жоржа Дантона, полагававшего, что «невозможно унести родину на своих подошвах»). Хранить, оберегать своей сакральностью готский «удел» — таковы были священный долг и предназначение готского владыки. И гривна, символ его власти, помогала ему соответствовать своему сущностному предназначению.

Это древнее готское послание говорит нам о необходимости группового самосознания и единства во враждебном мире и о том, что истинные лидеры ответственны за определение целей и продвижение к ним вверенного им сообщества, считает Флауэрс. Верность вождя избранной цели обеспечивает долговременную преемственность и сохранность народа.

Существуют и иные варианты прочтения и истолкования надписи. Но довольно об этом.

Вульфилла превратил магические изначально руны в буквы, которыми можно было записывать (кисточкой или пером) священные тексты на папирусе или пергамене (телячьей коже, именуемой на Древней Руси «харатья» или «хартия», от латинского слова «карта»). Встречающееся порой утверждение, что порядок двадцати семи букв готского алфавита соответствовал греческому, неверно. Доказательством происхождения «(в)ульфилльского» алфавита именно от рун служит его порядок, сходный с руническим строем, а не с расположением букв (кстати, говоря, слово «буква» вошло

в наш язык как раз из готского) в латинском или греческом алфавитах. Подобно руническому ряду-«футарку», готский алфавит Вульфилы начинается не с буквы «А» (греч. «Альфа»), а с буквы «Фе» (передающей звук «Ф»). Сама же первая буква «вульфилского» алфавита эквивалентна руне «Фегу» («Файгу»), и т.д. Но Вульфила не только создал готскую азбуку. При переводе Священного Писания на готский язык, «Волчонка» исключил из его текста некоторые фрагменты. Он счел за благо лучше их не переводить. С учетом воинственного духа готов, который эти фрагменты могли еще больше разжечь. Вульфила не перевел на готский язык ветхозаветные книги, воспевающие кровавые воинские подвиги сынов Израилевых, беспощадно истреблявших иноверцев и иноплеменных. Наряду с решением этих «технических» проблем, было необходимо решать, строчка за строчкой, главную задачу. Взять сказания и летописи древнего культурного народа, обитающего в сытом и дряхлом от старости мире Восточного Средиземноморья, со времен зарождения древнейшей человеческой культуры. И переплавить их в слова и изречения, не только понятные вечно голодному народу скотоводов и крестьян, воинов, мореплавателей и разбойников, но и воспринимаемые этим немудреным народом, как высшая истина. Как нечто великое и новое. Как словеса новой жизни, новой реальности. Пришедшие на смену отзвучавшим навсегда тевтонским песням и сказаниям.

Флауэрс считает, что Вульфила должен был иметь вескую причину «изобрести для готского языка новую систему письменности — его, в общем, можно было бы передать на письме и греческими, и римскими (латинскими) буквами. Но тогда готская культура неизбежно сблизилась бы с миром (Римской — В.А.) империи, с основным (православным — В.А.) течением христианства». А значит, Вульфила изначально по какой-то причине «желал создать для готов обособленную, национальную традицию, отвергая основную задачу церкви греко-римского мира, интернационализацию и универсализацию (христианского учения, превращенного в орудие идеологического господства Римской «мировой» империи над всеми народами «круга земного», превращенного в «орбис террарум» под римским владычеством — В.А.)» («Таинства готов»).

Немецкий историк Георг Вайтц из Фленсбурга, которому мы обязаны наиболее полным и всесторонним освещением жизни первого

просветителя германцев, писал в своей книге о готском епископе, что упорный Вульфилла потратил на перевод Библии тридцати лет своей жизни. Намекнув, что больше времени ему бы на это и не потребовалось. В действительности же представляется скорее удивительным, как он успел выполнить свою задачу в столь короткий срок. Поэтому мы и начали с перевода Библии Вульфиллой, а не с его жизнеописания. Ибо, хотя многое в его жизни все еще представляется нам темным и неясным, великая загадка его существования заключается, вне всякого сомнения, в следующем. Как человеку IV в., в обстановке непрекращающихся войн, религиозных распрей, тягот скитальческой жизни среди беженцев, постоянной угрозы гонений на христиан и «наездов» гуннских «кентавров», вообще удалось сотворить чудо, сохраненное нам (в основном) «Серебряным кодексом»? Этот написанный серебряными (основной текст) и золотыми (инициалы) буквами на пурпурном пергамене текст Священного Писания — готская Библия Вульфиллы (из первоначально трехсот тридцати шести листов которой сохранилось лишь сто восемьдесят восемь) — покоится сегодня в библиотеке университета шведского города Упсалы (составляя ее главное сокровище!). Шведы вывезли его в родную «Скатиनावию» в годы Тридцатилетней войны из Пражской библиотеки владык «Священной Римской империи», основанной кайзером-окультистом Рудольфом II Габсбургом. Так этот драгоценный кодекс, написанный в VI в. в северной Италии в правление царя остготов Теодориха Великого, вернулся на исконную родину готов. Уникальный, роскошный экспонат. Число людей, которым довелось его прочитать, не превышает нескольких сотен. Тем не менее, этот перевод — важнейший мост, переброшенный между средиземноморским и германским мировоззрением, мост, построенный из слов и понятий и соединяющий наследие семитской и греческой культуры с германо-сарматским степным ареалом, откуда новые повелители Европы готовились начать Великое переселение народов. Обрушиться на Римскую империю, которой было суждено погибнуть «от недостатка техники». Если, конечно, верить Хосе Ортеге и Гассету, писавшему в своем труде «Восстание масс»: «Римская империя погибла из-за недостатка техники. Когда государство разрослось, возник целый ряд материальных проблем, которых неразвитая техника разрешить не могла. Античный мир начал приходить в упадок и разлагаться».

Приведем, для сравнения и просто ради интереса, тексты Молитвы Господней — главной молитвы всех христиан (единственной, заповеданной нам Самим Господом Иисусом Христом еще в Евангелиях) — «Отче наш», а также начала главы 15 Евангелия от Марка на трех языках — русском (Синодальный перевод), современном немецком (на основе модернизированного перевода Мартина Лютера) и готском (в переводе Вульфилы), с фонетической расшифровкой:

1) Молитва Господня

Отче наш, Иже еси на небесех!

Да святится имя Твое,

да придет Царствие Твое,

да будет воля Твоя,

яко на небеси и на земли.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь;

и остави нам долги наша,

якоже и мы оставляем должником нашим;

и не введи нас во искушение,

но избави нас от лукаваго.

Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки.

Аминь.

Vater unser, Du in den Himmeln,

Geheiligt sei Dein Name,

Dein Reich komme,

Dein Wille geschehe,

Wie im Himmel,

Also auch auf Erden.

Unser taeglich Brot gib uns heute

Und vergib uns unsere Schuld,

Wie wir vergeben unseren Schuldigern.

Und fuehre uns nicht in Versuchung,

Sondern erloese uns von dem Boesen.

Denn Dein ist das Reich und die Kraft und die Herrlichkeit in Ewigkeit.

Amen.

(Фатер унзер, Ду ин ден гиммельн,

Гехайлигт зай Дайн наме,

Дайн райх коммэ,

Дайн вилле гешеэ,
 Ви им гиммель,
 Зо ауф эрден.
 Унзер тэглич брот гиб унс хойтэ
 Унд фергиб унс унзере шульд,
 Ви вир фергебен унзерен шульдигерн,
 Унд фюрэ унс ниht ин ферзухунг,
 Зондерн эрлэзэ унс фон дем бёзэн.
 Денн Дайн ист дас райх унд ди крафт унд ди геррлихкайт ин эвигкайт.
 Амен).

Atta unsar thu in himinam,
 weihnai namo thein.
 qimai thiudinassus theins.
 wairthai wilja theins,
 swe in himina jah ana airthai.
 hlaiф unsarana thana sinteinan gif uns himma daga.
 jah aflet uns thatei skulans sijaima,
 swaswe jah weis afletam thaim skulam unsaraim.
 jah ni briggais uns in fraistubnjai,
 ak lausei uns af thamma ubilin;
 unte theina ist thiudangardi
 jah mahts jah wulthus in aiwins.
 amen.

(Атта унсар ту ин гиминам,
 Вайнай намо тайн,
 Квимай тиудинассус тайнс,
 Вайртай вилья тайнс,
 Све ин гимна йа анна айртай.
 Хлайф унсарана тана синтайнан гиф унс гимма дага.
 Йа афлет унс татай скуланс стьяйма,
 Свасве йа вайс афлетам тайм скулам унсарайм.
 Йа ни бриггайс унс ин фрайстубнйай,
 Ак лаусай унс аф тамма убилйн;
 Унте тайна ист тиудангарди
 Йа махтс йа вультус ин айвинс.
 Амен).

Приведем для сравнения другой вариант фонетической огласовки той же самой готской Молитвы Господней (по Стефану Флауэрсу):

Атта унсар ту ин гиминам веени намо тен, кеими тевдинассус тенс, верти вилья тенс, сва ин гимина яа анна эрти, хлиф унсарана тана ситенан гиф унс гимма дага, йа афлат унс тате скооланс сийма, свасва йа вес афлатам тим скоолам унсарим йа нее брингс унс ин фристу-бний, ак лоусе унс аф тамма увилен; унтай тена ист тевдангарди йа махтс йа вультус ин ивинс. Амен.

Надеемся, что уважаемый читатель не обвинит нас в отклонении от «готской» темы, если мы приведем для сравнения полный текст Молитвы Господней на вен(е)дском языке (представляющем собой причудливое смешение германских, славянских, а также, возможно, кельтских и иранских элементов), приведенный в редкой книге Ю. Потоцкого «Путешествие по всей Нижней Саксонии для изучения славянских и вендских древностей», изданной в Гамбурге в 1795 году:

Nesse wader, tu toy jiss, wa nebiss hay, siungta woarda tygi cheyma, tuae rick kommae. Tia wiliae szymweh rok wa nebiss kak no zimie. Un wy by dayne nesse chresmarym. Ni bringwa nass na wasskonie day lizwaynes wit wyskak chandak. Amen.

(Нессе вадер, ту той йисс, ва небисс хай, сиунгта воарда тиги хейма, туиэ рик коммэ. Тиа вилиэ щимве рок ва небисс как но зимье. Ун ви би дайне нессе хресмарим. Ни брингва насс на вассконие дай лизвай-нес вит вискак хандак. Амен).

2. Евангелие от Марка, глава 15

Немедленно поутру первосвященники со старейшинами и книжниками и весь синедрион составили совещание и, связав Иисуса, отвели и предали Пилату. Пилат спросил Его: Ты Царь Иудейский?

Und alsbald in der Fruehe hielten die Hoepriester einen Rat mit den Aeltesten und Schriftgelehrten, dazu der ganze Hohe Rat, und banden Jesus und fuehrten ihn hinweg und ueberantworteten ihn dem Pilatus. Und Pilatus fragte ihn: Bist du der Koenig der Juden?

(Унд альсбальд ин дер фрюэ гильтен ди гогепристер айнен рат мит ден эльтестен унд шриффтгелертен, дацу дер ганце Гоэ Рат, унд банден Йезус унд фюртэн ин гинвег унд юберантвортетен ин дем Пилатус. Унд Пилатус фратэ ин: Бист ду дер кёниг дер юден?)

Jah sunsaiw in maurgin garuni taujandans thai auhumistans gudjans mith thaim sinistam jah bokarjam, jah so gefaurds gabindan-

deans Jesu brahtedin ina et Peilatau. Jah frah ina Peilatus: Thu is thiudans Judaie?

(*Иа сунсайв ин маургин гаруни тауйанданс тай аугумистанс гудй-анс мит тайм синистам йа бокарийам, йа со гефаурдс габиндандеанс Йесу брагтедин ина эт Пайлатау. Йа фраг ина Пайлатус: Ту ис тиуданс Йудайе?*).

Думается, уважаемым читателям было интересно сравнить звучание одних и тех же евангельских текстов на современном немецком и на его далеком предшественнике — готском языке...

При достаточно глубоком погружении в текст, сравнение готского с греческим Новым Заветом, равно как готского с древнееврейским и арамейским содержанием, а также иудейскими толкованиями Ветхого Завета, могло бы поведать нам немало о готах. Если бы не высказываемое большинством ученых мнение, что этот чудодей Вульфилы, «готский Моисей» (по выражению сына святого равноапостольного царя Константина Великого — императора Флавия Юлия Констанция II), владевший в совершенстве, как минимум, тремя языками и добавивший к трем «священным» алфавитам поздней, христианской, Античности (еврейскому, греческому и латинскому) четвертый, собственное изобретение, все-таки не может быть полностью отождествлен с готами, среди которых он жил. И вот тут мы подходим к тому, что очень важно и о чем мы знаем — увы! — очень мало. К описанию жизни Вульфилы. Бесценного самородка, которому мы обязаны фактически всем, что знаем о готском языке. И всеми сохранившимися готскими письменными источниками. Которых, к сожалению, весьма немного. Наряду с переводом Библии, сделанным Вульфиллой, во всем бывшем готском «жизненном пространстве» почти не сохранилось письменных памятников.

Перевод Вульфилы дошел до нас в нескольких рукописях:

1) «Серебряный кодекс», о котором было уже сказано выше;
 2) «Каролингский кодекс» — рукопись V в., написанная на двух языках (готском и латинском параллельно). «Каролингский кодекс» сохранился на четырех листах, содержащих отрывок из «Послания к Римлянам».

3) «Амвросианские кодексы» — несколько рукописей, хранящиеся в Амвросианской библиотеке в Милане (Италия). Текст рукописи А насчитывает 192 страницы и содержит отрывки из Посланий апостола Павла. Рукопись В насчитывает 154 страницы и дает перевод

посланий. Рукопись С — это всего два листа, содержащие отрывок из евангелия от Матфея. Рукопись D на трех листах содержит отрывки из Ветхого завета.

4) Т.н. «Гиссенский отрывок», найденный в Египте, представляет собой два листа пергамента с латинско-готской рукописью.

Помимо отрывков из Библии, до нас дошли и более мелкие готские памятники:

1) Отрывок комментария к Евангелию от Иоанна на восьми листах.

2) Отрывки готского календаря, сохранившиеся в рукописи Амвросианского кодекса.

3) «Алкуинова рукопись» IX-X вв. из Германии, содержащая готскую азбуку.

4) Отдельные готские глоссы к латинскому тексту VI в.

5) Отдельные готские слова в пяти латинских купчих VI в. (с подписями).

Вот, собственно, и все. Хвала Господу (или, по-готски, Фрауйе) и за это...

Жизненный путь готского епископа (именуемого иногда «апостолом готов») и переводчика Библии на готский язык известен нам в самых общих чертах. Если не ошибаюсь, ни один биограф пока что не взялся за жизнеописание Вульфилы. Видимо, не решаясь заполнять громадные «бреши», зияющие в биографии «Волчонка», своими умозрительными спекуляциями. Еще удивительнее другое. Ни один автор исторических романов (или даже псевдоисторических фэнтези) не взялся за художественную обработку интереснейшего материала о жизни древних германцев. Хотя увлекательный сюжет, казалось бы, давал ему редкую возможность. Дать образ «варвара», но не воина (хотя именно воинами романисты обычно изображают «варваров» периода Великого переселения народов). А высокообразованного человека, не «мужа меча», а «мужа пера», «мужа книги», попавшего в самую гущу бурных событий IV в. Как-никак, долгожитель Вульфила был современником Константина Великого, его сына-арианина Констанция II («Констанцием I» принято считать отца Константина Великого — императора Констанция Хлора, основателя династии Константинов), гуннского вторжения и двух последних великих правителей готов раннего периода готской государственности — Атанариха и Германариха. «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые...». Но — увы...

Было бы весьма заманчиво представить Вульфилу таким «непроцарапанным» готским юнцом, которого внезапное соприкосновение с древней средиземноморской культурой пробудило, воспламенило и превратило в духовный светоч своего «косматого» народа...

«Тогда-то впервые сердец их косматых / Коснулось сиянье живой красоты», как сказал бы поэт. Однако на деле все было не так. Или, точнее, не совсем так... Подобно многим великим людям, щедро одарившим род человеческий своим гением или, по меньшей мере, талантом, Вульфила был счастливым плодом смешанного брака, доброй порослью доброго корня, хотя и зачатый в годы лихолетья греко-римской Экумены. В ходе одного из готских «походов за зипунами» на римские земли между 258 и 267 г. готские «находники из-за моря» (так древнерусские летописи именовали норманнов-варягов, но мы позволим себе применить этот термин и к готским предкам норманнов) угнали из Каппадокии плененную ими супружескую чету. Деда и бабушку будущего просветителя готского народа. Особенно дотошный церковный историк (один из многих, занимавшихся в эти столетия изучением становления христианской религии) даже выяснил название родного городка (или селения) этой супружеской четы, угнанной готами в рабство. Это была Садаголтина, в окрестностях города Парнаса. На современной географической карте это — местность в самом сердце турецкой Анатолии, простирающаяся к востоку от озера Тус-Гёлу, горы между этим озером и самой длинной рекой Турции — Кызылырмак, носившей в античности название Галис.

Дед и бабушка Вульфилы были культурными и образованными христианами, говорившими по-гречески (турецкая волна нахлынула на Анатолию лишь тысячелетие спустя). И были они далеко не единственными христианами, угнанными в готскую неволю. Тогда множество христиан, и в т.ч. немало священнослужителей и учителей, поработанных готами, отнюдь не добровольно переселилось на север, в готские земли между Тавридой и Истром. Несмотря на свое рабское положение, они постепенно познакомили готов с христианским учением.

О родителях Вульфилы нам не известно никаких подробностей. Считается, что его отец был готским воином (видимо, знатным), а мать — каппадокийской полонянкой. Что, в общем, представляется довольно логичным. Свободный, родовитый готский воин, привлеченный чужеземной красотой, образованностью и хорошими мане-

рами юной полонянки, вполне мог освободить свою избранницу из ее социального «гетто» и поднять ее статус, возвысив полонянку до себя. В отличие от молодого раба, который, будь он хоть отпрыском самого образованного семейства во всей Каппадокии, практически не имел ни малейшего шанса повысить свой статус женитьбой на свободной готской девушке.

Как бы то ни было, переселившиеся (или, если быть точнее, то переселенные насильственно) в «Готтиуду»-«Готию» каппадокийцы (таких в сталинские времена у нас именовали «спецпереселенцами») прожили среди готов уже лет шестьдесят, когда родился Вульфилла. И даже если его обучили в «Готии» всему, чему он научился бы, родившись в Каппадокии, юный метис, кроме того, получил и готское воспитание. Именно в этом судьба оказалась к нему особенно благо-склонной.

За шестьдесят лет, прошедшие с момента «добровольно-принудительного» переселения предков Вульфиллы в «Готию», молодое христианство во многом изменилось. Учению, считавшемуся в Каппадокии одним единственным, единым, бросил вызов Арий. Диакон и пресвитер из Александрии. Великого греко-египетского портового города, основанного Александром Македонским в дельте Нила. Мегалополиса, в котором издавна особенно сильно кипели и бурлили волны философских, богословских, догматических споров. Метрополии, в которой даже женщины вмешивались в споры мыслителей. И порой даже платили за свое увлечение философией собственной жизнью. Как, например, красавица Ипатия, чью соблазнительную плоть натравленная на инакомыслящую интеллектуалку чернь в бешенстве отделила от костей острыми устричными раковинами. «Мак бенак», как говорят в таких случаях «вольные каменщики»... Между прочим, расхожие представления об Ипатии как о «язычнице» не соответствуют действительности. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с фрагментами ее сочинений, сохранившимися в трудах друга (!) и ученика(!) Ипатии — православного епископа (!) Сине-зия Птолемаидского: «Радуйся, источник Сына; радуйся, образ Отца! Радуйся, основание Сына; радуйся, печать Отца! Радуйся, могущество Сына; радуйся, красота Отца! Радуйся, безконечный Дух центр Сына и Отца. Пошли же мне Его вместе с Отцом, орошающего крылья души, чтобы принес Он божественные дары <...> О блаженное, бессмертное, славнейшее дитя Девы, Иус Солимлянин! <...> Когда Ты

явился на землю из смертного лона, мудрое искусство магов изумилось, беспомощное пред восходом Звезды: кто это рожденное Дитя, кто этот сокрытый Бог — Бог, смертный или Царь? Принесите же Ему дары — жертвы смирны и золота, и ладана прекрасный фимиам. Ты Бог: прими же ладан, золото приношу Тебе как Царю; смирна же подобает погребению. Ты очистил и землю, и морские волны, и пути демонов, нежные струи воздуха и низшие глубины — спешащий на помощь усопшим Бог, сошедший в Аид...» Но это так, к слову...

Арий (годы жизни: 260–336), эллинизированный ливиец по происхождению, объявленный впоследствии ересиархом, стал причиной, или зачинщиком, первого великого раскола в христианстве. Основного внутрицерковного конфликта IV в., самого драматичного из перенесенных христианской церковью к тому времени. Ибо александрийский пресвитер стал проповедовать учение, согласно которому Иисус Христос не мог быть единосущным Богу-Отцу, поскольку это не соответствовало бы замкнутому в себе совершенству Бога. Арий отводил Христу, как Творению Божьему, хотя и обладающему высшей степенью чистоты и Божественной Сущностью, все-таки промежуточное место между Богом и человеком.

Вместо православной формулы: «Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу», ариане употребляли другую: «Слава Отцу через Сына в Святом Духе».

Выражаясь церковным языком, Иисус, по Арию, был человеком высочайшей нравственности, которому Бог Отец, Создатель мира, даровал, за его праведность, достоинство Сына Божия. Таким образом, Иисус, согласно пресвитеру Арию, был лишь подобосущен (греч.: «омиусиос») Богу Отцу.

Поэтому, к примеру, автор готского комментария на Евангелие от Иоанна Skeireins (которым, вероятнее всего, был сам просветитель готского племени Вульфила), учил «воздавать <Сыну> не равное (ibnon), а подобное (galeika) почитание» (Sk. 5, 22); Sk. 5,26 «указывает тем не на равную (ibnaleika), а на подобную (galeika) любовь» (А.Ю. Виноградов, М.И. Коробов. «Новые данные о ранней истории христианства у горнокрымских готв») и т.д.

В отличие от ариан, христиане-кафолики (православные, никейцы, «омии»), верили в иное. Иисус Христос, истинный Сын Божий, есть Бог Сын, единосущный (греч.: «омоусиос») Богу Отцу, рожденный из сущности Бога и во всем равный Ему Бог именно по сущности

(греч.: «усиа»), по природе, а не по благодати, уподобляющей тварь — Творцу (как верили ариане), и потому Ему подобает равное с Богом Отцом почитание. Именно эта точка зрения в настоящее время является неотъемлемой частью вероучения православной, римско-католической, англиканской церкви и подавляющего большинства других христианских церквей.

Учение Ария, получившее, по имени своего создателя и проповедника, название арианства (о котором уже неоднократно говорилось выше), начало распространяться примерно с 320 г. Если Вульфила родился, как считают многие, в 311 г., он впервые узнал об арианстве в детском возрасте. Если же «готский апостол» появился на свет в 318 г. (второй вариант, принимаемый теми, кто считает, что гениальный полукровка умер в 388 г.), то Вульфила вырос в арианстве с рождения (так что версия о его крещении в 332 г. в Константинополе оказывается неверной). Вероятно, и не догадываясь о существовании какой-либо иной формы христианства, кроме этой, воспринимаемой им в качестве единственной. Ибо как раз германские племена на территории сегодняшних Балкан и в Восточной Европе воспринимали расщепленную, «раздельную» Троицу как нечто более близкое своему привычному «праотеческому» многобожию. Для них было гораздо сложнее воспринимать православную, кафолическую, никейскую веру в Троиединое Божество, неразрывно и неслиянно сочетающее в себе Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа Святого. К тому же германцы, привыкшие возводить свои взоры из мира людей — Мидгарда (аналога греко-римской Ойкумены-Экумены) — к вышнему миру — Асгарду, населенному многочисленными богами-асами, не понимали необходимости концентрации всех этих божественных сущностей в одном единственном Верховном, или, если быть точней — Всевышнем Существо. Более личным, близким и привлекательным им представлялся стоящий между Богом и людьми Сын Божий, с его земной, исполненной страданий и борьбы, человеческой судьбой, о которой они узнавали от учителей из Евангелия.

«Арианский спор», как называют его историки церкви, или «пря о вере» (выражаясь языком наших отечественных средневековых летописцев), был, по сути дела, конфликтом между склонным к абстракциям и умозрительным спекуляциям высокодуховным благочестием греческих церковных учителей и более скромным умом сутубых практиков. Не проповедовавших в мегаполисах вроде Первого и Второго

Рима, а занимавшихся миссионерской деятельностью на «просторах родины чудесной» — Римской «мировой» империи. Греко-римское и германское «народное» язычество были гораздо менее умозрительными, спекулятивными, чем христианские богословские школы (учрежденные лучшими умами Ойкумены в Антиохии или Александрии), апеллируя не к разуму, а к чувствам слабо развитых умов (за исключением неопифагорейства, неоплатонизма и всякого рода гностических учений, исповедуемых, однако, лишь крайне узким слоем интеллектуалов, носивших, как правило, эзотерический характер и потому неведомых широким массам населения; способны ли были эти массы все эти учения вместить даже в случае их открытого проповедания — другой вопрос). Поэтому арианство, хотя его не раз проклинали на христианских церковных соборах, прочнее всего держалось как раз среди германцев, причем, в первую очередь — среди «славнейшего германского племени» — готов, сохранявших ему верность с удивительным упорством, на протяжении всей поздней Античности и вплоть до раннего Средневековья. Как видно, не хватало готам той «душевной поворотливости», о которой писал Александр Исаевич Солженицын в своем послании Третьему Собору Русской Зарубежной Церкви.

Хотя Вульфила и объединял в своем лице, так сказать, готскую сущность с греческой, высокоодаренный полукровка никогда не страдал от внутренних конфликтов, или «раздвоения личности». Перед лицом окружавшей его чудовищной реальности и сложнейших проблем, решать которые выпало на долю «варварского» просветителя — миссионерской деятельности среди готов, сложных переговоров с Константинополем, переводом Библии и спасения готов от гуннов — споры о дефинициях высших божественных инстанций должны были представляться ему...как бы выразиться поделикатнее... Не то чтобы совсем пустыми и ненужными... Но делом, которое он предпочитал предоставлять другим. Менее занятым практическим делом, чем он, многогрешный. Во всяком случае, Вульфила иногда высказывался именно в этом смысле. А своей готской пастве он заранее говорил со всей ясностью, что не стоит ей вникать в подобные тонкости. Надо только стараться быть добрым человеком и добрым христианином. А это меньше всего связано с тем, арианин ты или не арианин.

Поскольку, по наиболее распространенной версии, дед и бабка Вульфилы были угнаны в рабство таврическими (т.е. крымскими) го-

тами (известными впоследствии как тетракситы или трапезиты), до сих пор не удалось найти удовлетворительного ответа на вопрос, как он сам мог родиться в области вестготов к северу от Дануба.

Тем не менее, Вайтц считает рождение «Волчонка» в области вестготов достоверным фактом: «Дальше всех продвинулись в юго-восточном направлении тервинги, в союзе с тайфалами. Среди их, несомненно, и жил Ульфила». Несомненным, и подтвержденным многими античными авторами, является и тот факт, что молодой Вульфила, благодаря своему образованию и знанию языков был взят, так сказать, на (вест)готскую дипломатическую службу. В качестве вестготского посланника, «Волчонок» был направлен в Новый Рим. В Царьграде он наладил связи с высшими церковными авторитетами. В то время все они были, почти без исключения, или в большинстве своем, арианами. При этом самый выдающийся церковный учитель, с которым познакомился Вульфила в ходе своей константинопольской миссии, занимал не крайние, а умеренные арианские позиции. Проявляя готовность к компромиссам с находившимися тогда в оппозиции официальной (арианской) церкви православными. Это был Евсевий Никомедийский (или же Никомидийский), родственник и воспитатель будущего императора Юлиана Отступника (последнего язычника на престоле единой Римской империи). Архиепископ Константинопольский (339–341), ученик Лукиана Антиохийского, последователь Антиохийской богословской школы, Евсевий был епископом Берита (современного ливанского Бейрута). Затем, благодаря благосклонности к нему Констанции, жены императора Лициния (и, как мы уже знаем, сестры императора Константина I Великого), получил назначение епископом Никомедии, резиденции Лициния. На Вселенском Никейском соборе (325) выступал защитником Ария, с которым был дружен в юности. Позже вместе с епископом Евсевием Кесарийским («отцом церковной истории», автором жизнеописания императора Константина), был главой примирительной партии, члены которой по имени обоих Евсевиев получили название евсевриан (или же полуариан). По завершении собора Евсевий Никомедийский, отказавшийся отречься от арианства, был сослан императором Константином I Великим в Галлию. Но в 328 г. Евсевий, Арий и другие сосланные ариане были возвращены из ссылки тем же Константином I, исполнившим предсмертную просьбу своей сестры Констанции, вдовы Лициния. В 335 г. Евсевий принимал активное участие в Тирском

соборе, где возглавил фракцию евсевиян — сторонников Ария и противников православного, кафолического, александрийского архиепископа Афанасия Великого. В 340 г. Евсевий председательствовал на Гангрском соборе, созванном против ереси Евстафия, епископа Севастийского, и его последователей. По приказу императора Флавия Юлия Констанция II, яркого арианина, Евсевий руководил Антиохийским собором христианской церкви 341 г., на котором в восточной половине Римской империи арианство было признано официальным христианским учением и вероисповеданием.

Именно Евсевий Никомедийский окрестил в 337 г. первого христианского императора Константина Великого. Умершего в предместье Никомедии, на канонической территории Евсевия. Разделявшего его умеренно арианские взгляды и стремившегося примирить враждующие церковные партии. Исходя при этом, в первую очередь, из внутривластных соображений «рацио статус», сиречь — «государственной пользы». Ибо межконфессиональные распри, перекидывавшиеся из залов церковных соборов на улицы римских городов, ослабляли единство империи. Слишком часто под знаменем «истинного исповедания христианства» выступали сепаратистские силы, стремившиеся отделиться от имперского центра. И мешавшие ему вновь выстроить вертикаль власти. Основательно поколебленную гражданскими войнами, не раз ставившими Римскую державу на грань катастрофы.

Поначалу «полуварвару» Вульфиле, допущенному в круг светил церковной учености Нового Рима на Босфоре, была отведена скромная роль чтеца. Но уже в 348 г., в возрасте всего тридцати лет, он удостоился рукоположения в епископы «Готии». Император Константин I Великий был к тому времени уже мертв. А в Константинополе-Царьграде правил сын первого христианского императора — август Констанций II, убежденный и непримиримый арианин.

Это рукоположение или назначение в епископы «Готии» (или, говоря по-готски, «Готтиуды»), сыгравшее, вне всякого сомнения, решающую роль в жизни Вульфилы, до сих пор служит предметом дискуссий. Однако в нем, по сути дела, нет ничего неожиданного или сенсационного. Были же в истории церкви епископы еще более отдаленных от «центра обитаемого мира» областей — скажем, Гренландии и даже Винландии-Винланда (Нового Света, Америки!). Душепастыри, никогда не бывавшие в епархиях, вверенных их духовному

окормлению. Поскольку жизнь в Риме — «капут мунди» — казалась им гораздо привлекательней. Ранние столетия европейского христианства весьма богаты епископствами и епископами. Многие из этих первых епископов, ведших полную лишений и опасностей миссионерскую жизнь, были причислены к лику святых. Таким образом, многие итальянские, французские, голландские, бельгийские, немецкие, испанские, португальские, английские города получили своих небесных покровителей. Святых мужей, чей жертвенный жизненный подвиг заслуживает всяческого уважения. Нередко — даже мучеников, своей кровью засвидетельствовавших верность вере Христовой. Святителей, о которых мир, однако, ничего или почти ничего не знает. Просто потому, что память их, хотя и преданно, чтят лишь в той или иной конкретной точке мира. На церковном языке их именуют местночтимыми святыми. Зачем же собравшимся в Константинополе «князьям церкви» было упускать возможность убедить допущенного ими в свой круг молодого образованного и, очевидно, энергичного гота принять порученную ему многотрудную миссию? Наверняка было не слишком-то много желающих возглавить Готскую епархию. Наверняка, ни один грек или сириец не имел бы шансов добиться успеха у готов и сделать робко распространяемое среди них обращенными в рабство «ромеями» христианство общепризнанной религией. Вульфилла оказался удачной находкой и для церковных учителей. Теперь они могли выполнять свою обязанность распространять христианское вероучение, не направляя кого-либо из своих, «ромейских», соотечественников, в кишачие германскими головорезами карпатские леса. Вот только Евсевий Никомедийский, вопреки распространенному, но оттого не менее ошибочному, мнению, никак не мог сам рукоположить Вульфиллу в готские епископы. Поскольку креститель первого христианского императора умер в 40-е гг. IV в., скорее всего, не дожив до 348 г.

До Вульфиллы успехи проповеди христианства среди готов были крайне незначительными. Хотя отдельные готы, надо думать, и до него принимали христианскую веру под влиянием исповедовавших ее рабов или вольноотпущенников. Живших среди готов после грабительских походов III в. Или в качестве военнопленных, захваченных в ходе боевых столкновений с римскими войсками. Во всяком случае, арианская миссия Вульфиллы была первой, добившейся очевидных успехов. Она настолько укрепила христианство в готской среде, что

стала камнем преткновения для готских князей, все еще «косневших в язычестве». Нельзя, конечно, однозначно утверждать, что именно проповедническая деятельность Вульфилы обеспокоила Атанариха. И повлекла за собой жестокие гонения на готов-христиан, начатые «юдексом» в пятидесятые годы IV в. Или, возможно, возобновленные им. Ибо готские христиане, судя по ряду источников, подвергались преследованиям еще при Аорихе (возможно, отце Атанариха). Но определенная взаимосвязь между миссией Вульфилы и гонениями, думается, все-таки существует. Ибо не мог столь энергичный и, очевидно, образованный правитель, как Атанарих, безучастно отнестись к тому, что видел сам и о чем ему доносили другие. Что же он видел? И о чем ему доносили? Христианство исповедуется и проповедуется уже не только тайно, исподтишка, рабами и военнопленными, среди своих товарищей по несчастью и готских соседей низкого звания (в отличие от «цивилизованных» и «культурных» римлян, готские «варвары», при всей грубости нравов, не держали своих рабов в тюрьмах-эргастулах). А совершенно открыто, высокопоставленными отпрысками знатных готских родов, распространяющими эту новую веру. Религию, которую можно было, в сущности, рассматривать как мировоззрение врагов «Готии»-Готтиуды — римлян.

Жертвами гонений, начатых при Атанарихе, встревоженном, как видно, не на шутку, стали все христиане без исключения. Как первые, православные, так и ариане. Т.е. нельзя утверждать, что готские владыки терпимо относились к православным, преследуя лишь ариан. Просто до начала арианской миссии Вульфилы и других его единоверцев, христианство было столь мало распространено среди готов, что казалось готским правителям не заслуживающим внимания и поэтому не требовавшим принятия контрмер в форме репрессий.

Крутые меры, принятые Атанарихом в отношении христиан (требование под страхом жесточайшей кары публично приносить жертвы идолу, возимому по всей стране, и т.д.), известны нам лишь в изложении христианских хронистов.

Так, Созомен писал в своей «Церковной истории»:

«Афанарих (Атанарих — В.А.), видя, что и его подданные под влиянием убеждений Ульфилы, принимают христианство, и что тем самым отечественная вера их упраздняется, подверг многих различным казням, — одних, дерзавших мужественно защищать свое учение, предал на истязание, а других, не позволив им и оправдываться,

прямо умертвил. Говорят, что лица, которым было это приказано от Афанариха, поставили на колесницу один истукан и возили его по домам всех, объявивших себя христианами, повелевая поклоняться ему и приносить жертвы. И те дома, в которых отказывались совершать предписываемое поклонение, были сожигаемы вместе с людьми».

Т.е. сведения о преследованиях готских христиан известны нам лишь из ряда весьма пристрастных источников. И из житий святых. Ведь начатые Атанарихом гонения привели к появлению первых готских мучеников за веру. Чьи жизнеописания вошли в сокровищницу христианской традиции. В то же время эти жития готских святых, в значительной своей части, являются уникальными историческими источниками. В которых сохранились в первоизданном виде, некоторые подробности из жизни тех народов и эпох, не описанные ни в одном из дошедших до нас источников иного рода.

Из примерно полусотни известных нам поименно готских мучеников, пострадавших за веру в ходе преследований христиан при Атанарихе (включая великомученика Никиту и др.), наибольшей известностью пользуется святой мученик Савва Гот(ф)ский (Буззуский, Валахийский), память которого празднуется Русской Православной церковью 15, Греческой Православной — 18, Румынской Православной и Рим(ск)о-католической — 12 апреля. Он удостоился особенно подробного жизнеописания. Жития, содержащего целый ряд весьма интересных для нас фактов, не описанных больше нигде.

Согласно этому житию, будущий священномученик жил в то время, когда среди готов проповедовал христианство епископ Вульфила. Среди многих готов, окрещенных им, был, согласно некоторым источникам, и святой Савва. Став христианином, Савва вел добродетельную жизнь, был благоговеем, мирен, воздержан, прост, молчалив (но заставлял умолкнуть идолослужителей), избегал женщин, все дни проводил в молитве, пел в церкви (некоторые источники говорят, что он был чтецом) и заботился о ее благоустройстве. Он смело проповедовал христианство. Готские князья и судьи, под влиянием языческих жрецов, начали гонение на христиан и стали принуждать их к вкушению идоложертвенного мяса. Т.е. мяса животных, приносимых в жертву языческим богам. Дело в том, что, хотя жертвы и возлагались на алтарь для «всесожжения», они в действительности сжигались лишь частично. Язычники были достаточно практично и рационально мыслящими людьми, понимавшими, что богам не нужна человеческая

пища. Довольно с них благоухания дыма от жертвенника. Сжигались лишь отдельные части туш (или тушек) жертвенных животных. Надо думать, не самые лучшие. А также шерсть и перья (если приносились в жертву птицы). Лучшие кусочки шли жрецам. Остальное поедали верующие. Почти как в сказке о том, как мужик гуся (а после — и гусей) делил. Многие язычники, чтобы сохранить жизнь своим близким и родственникам, принявшим христианство, подавали им вместо идоложертвенного обычное мясо. Некоторые христиане согласились на такой обман, но святой Савва отказался и заявил, что христианин должен открыто исповедовать свою веру. За это жители селения, где жил святой Савва, выгнали его (из опасения, что Савва навлечет на них беду своим твердым стоянием в вере), но потом просили вернуться. Когда гонения на христиан усилились, односельчане святого Саввы решили идти к судье и принести клятву в том, что среди них нет ни одного христианина. Тогда святой Савва громогласно заявил: «Не клянитесь за меня, потому что я — христианин». Жители пошли и поклялись, что в их селении только один христианин. По приказанию судьи к нему привели святого Савву. Но судья, увидев его бедность (у Саввы не было никакого имущества, кроме платья, в которое он был одет), решил, что Савва не может ни помочь кому-либо, ни повредить, и отпустил его.

Между тем гонения на христиан не только продолжались, но и все усиливались. Вскоре один из готских военачальников по имени Афарид (возможно, член царского дома, о чем будет сказано далее) во время праздника Святой Пасхи напал на селение. Святой Савва собрался встречать Великий Праздник с епископом Гуфиком, но был возвращен с пути Ангелом в свое селение. К тому времени туда вернулся из Греции (Римской империи) и пресвитер Сапсал (Сансал, Сансала). Готские воины схватили священника Сапсала и святого Савву. Который открыто высказывал свое, мягко говоря, отрицательное отношение к идолослужению, жертвоприношениям и последующему поеданию идоложертвенного мяса. И прямо-таки бросал вызов судьбе. Схватившие Савву язычники-готы не дали ему даже одеться. Священника везли на телеге, а святого Савву, обнаженного, вели за телегой по терновнику, били палкой и бичами. Господь невидимо хранил мученика, так что когда на утро они достигли города, святой Савва сказал мучителям: «Посмотрите на мое тело, есть ли на нем следы от терновника и от ваших ударов?» Воины-язычники были

удивлены, увидев мученика здоровым и невредимым, без малейшего следа перенесенных мучений. Тогда святого Савву растянули на осях телеги и били весь день. Ночью одна благочестивая женщина встала, чтобы приготовить еду домашним, увидела привязанного мученика и освободила его. Он стал помогать ей по хозяйству (хотя мог, казалось бы, бежать из плена). Днем по приказанию Афарида святой Савва был подвешен к перекладине дома. Ему и священнику поднесли идоложертвенное мясо и пообещали отпустить на свободу, если они вкусят его. Священник Сапсал ответил: «Мы скорее согласимся, чтобы Афарид распял нас, чем вкусим оскверненное бесами мясо». Святой Савва спросил: «Кто прислал это мясо?». «Владыка Афарид», — ответил слуга. «Есть только один Владыка — Бог, Который на Небесах», — произнес мученик. В ярости один из слуг сильно ударил святого Савву копьём в грудь (вариант: пустил в него стрелу). Все думали, что мученик умрет, но святой не чувствовал никакой боли и сказал ударившему его готу: «Твой удар был для меня не сильнее того, как если бы ты меня ударил мягкой шерстью». Афарид велел предать святого Савву смерти. Священника Сапсала оставили связанным, а святого Савву повели к реке, чтоб утопить его. По дороге святой радостно благодарил Бога за то, что Он сподобил его пострадать за исповедание Его святого Имени. Слуги тем временем рассуждали между собой: «Почему бы нам не отпустить этого неповинного ни в чем человека? Афарид не узнает о том, что мы отпустили его». Святой Савва услышал их и воскликнул: «Исполняйте приказанное вам! Я вижу Ангелов, пришедших со славою взять мою душу!» Мученика бросили в реку, привязав к шее его большой обрубок дерева. Святой Савва пострадал 12 апреля 372 г., в возрасте тридцати восьми лет. Палачи извлекли тело мученика и бросили на берег, но христиане скрыли его. Позднее «один из скифских (надеюсь, уважаемый читатель не забыл о склонности античных авторов к сознательной архаизации?) вождей», христианин Юний Соран (Саран, Иоссаран), перенес мощи святого мученика Саввы в Каппадокию, где они были приняты с честью его родственником, святителем Василием Великим.

Последнее обстоятельство представляется весьма примечательным. Коль скоро готский мученик состоял в родстве с каппадокийским святителем, он, возможно, как и сам Вульфила, происходил от «спецпереселенцев» из Каппадокии. И, не исключено, был христианином с рождения, или, по крайней мере, с раннего детства, а не был

окрещен епископом Вульфиллой «со товарищи». Не зря в житии особо подчеркивается, что Савва был христианином с детства.

Савва Готский был бескомпромиссным ревнителем Христовой веры, чье неукротимое, пламенное желание пострадать, во что бы то ни стало, за Христа внушало опасения за свою судьбу даже тайным сторонникам и помощникам христиан (не зря односельчане прогнали его, хотя потом попросили вернуться). Вокруг готов, не скрывавших своего христианства, явно существовал круг лиц, сочувствующих им (вспомним женщину, не побоявшуюся отвязать святого, или мучителей, тщетно пытавшихся отпустить его на волю). Добровольная помощь со стороны благочестивой женщины и даже со стороны палачей... Спасение мощей святого Юнием Сораном — наместником римской Скифии... Все это говорит о широком распространении христианства в данной части Европы. Возможно, только правящая готская верхушка и окружение самого Атанариха (греч. «мегистаны») оставались все еще полностью и непримиримо враждебными новому для них христианскому вероучению. Об Афариде, главном гонителе Сапсала-Сансала и Саввы, в начале жития святого говорится, что он был сыном готского князя Ротестра. То же самое имя приводится как имя отца царя или судьи-«юдекса» готов Атанариха (хотя иные и считают последнего сыном Аориха). Так что Афарид и Атанарих могли быть, по меньшей мере, сводными (единокровными) братьями.

Атанарих, вероятно, бывший инициатором и главной движущей силой гонений на подвластных ему готских христиан (хотя и осуществляемых непосредственно его близким родственником, с согласия совета готской знати), называл себя «юдексом», т.е. «судьей», конечно, не из-за своей роли судьи жертв этих гонений. Когда произносишь вслух готский эквивалент слова «царь» — «тиуданс», не можешь отделаться от мысли, что он мог восприниматься римским ухом как сходное по звучанию с латинским словом «юдекс». И римляне переводили его как «судья» по чистому недоразумению, в силу созвучия. Если это так, то Атанарих запрещал римлянам именовать себя не «царем» как таковым, а римской формой этого титула — «рекс», противопоставляя ей его готскую форму — «тиуданс». Ибо явно испытывал непреодолимое отвращение ко всему римскому, которое был вынужден преодолеть в себе к концу жизни. Когда гунны «прищепили ему хвост», и ревнителю готского «родноверия» пришлось спастись «под крылышком» у ненавистных римлян. Невзирая на свою

«ганнибалову клятву» никогда не ступать на римскую землю. Как уже говорилось выше, он и христиан-то преследовал, в первую очередь, потому, что подозревал в них тайных римских приспешников. Возможно, потакая в этом антиримским настроениям, чрезвычайно сильным среди части вестготов (особенно знатных).

В то же время факт принятия христианства многими (судя по всему) представителями знатных готских кланов (а не только готского простонародья) заставляет задуматься о причинах успешности именно проповеди «Волчонка» среди готов.

Первым важнейшим событием в жизни Вульфилы было, несомненно, его рукоположение в епископы, связанное с руководством христианизацией его родного готского племени. Тогда он был еще молод, и величие поставленной перед ним задачи, несомненно, смущало, если не пугало будущего Крестителя «всех Готии». Четверть века спустя его паства, чьим верховным пастырем он стал и которую был, как новый Моисей, обязан вести по жизни, вопреки всем трудностям своего времени, именно вследствие ее обращения Вульфиллой в христианство, подверглась великому испытанию — гонениям на христиан. От которых готам, уверовавшим во Фрауйю-Христа, пришлось спасаться «за бутром», у римлян.

На основе упомянутого выше жития священномученика Саввы и других готских исповедников (например, священномученика Никиты) можно очертить временные рамки этих гонений периодом 372–374 гг. Значит, исход Вульфилы со своим племенем (или с христианами своего племени) на земли христианской Римской «мировой» державы произошел в конце данного периода. В кратком, но содержащем ценные биографические подробности латинском сочинении арианина Авксентия, епископа Мопсуестийского, говорится, что за Вульфиллой последовали «готы минорес», т.е. «малые готы». Видимо, это было многочисленное (вопреки своему названию), но не слишком сильное и влиятельное племя, которому было особенно нечего терять в родимой «Готии». И которое поэтому с благодарностью приняло предложение римских имперских властей поселиться на отведенных ему территориях Фракии, в предгорьях Гема. В долинах, расположенных в районе нынешнего румынско-болгарского приграничья. Там «малые готы» вполне освоились и продержались, по крайней мере, до IX в., продолжая говорить на своем «тевтонском (германском) языке» — «лингва теодиска» (если верить автору того

времени Валлафриду Страбону, бенедиктинскому аббату Рейхенау). Некоторые источники, относящие исход из «Готтиуды» целого народа к более раннему времени, а именно — к пятидесятым гг. IV в., вступают в определенное противоречие с данными точно датированных многочисленных житий святых, посвященных эпохе гонений. Ибо если великий исход готских христиан во главе с епископом Вульфиллой — «новым Моисеем» — произошел еще в 355 г., сразу после прихода Атанариха к власти, то этому «тиудансу» было бы просто некого преследовать в «Готтиуде» за исповедание христианской веры в 369–372 гг. «Темна вода во облацех...»

Внести в данный вопрос необходимую ясность крайне сложно. Ибо и в IV в. на нынешних Балканах (остающихся по сей день «пороховой бочкой Европы») было постоянно беспокойно. Поэтому для относительно мелкомасштабных переселений и миграций тех или иных племен не требовалось катастроф калибра гуннского вторжения. Остготы и вестготы, карпы, тайфалы, костобоки и прочие народности, дыша друг другу в затылки и наступая друг другу на пятки, то и дело накачивались на римский пограничный «лимес». Однако же под твердой властью августы Константина I Великого, умевшего показать варварам зубы, те не могли уже с привычной легкостью прорваться через римскую границу. Испуганные оскалом воспрянувшей от летаргии «римской волчицы», «варвары»-мигранты сочли за благо до поры-до времени ослабить натиск на границы Рима в своем вечном стремлении на юг.

Как мы знаем, в 322 г. между августом Константином I Великим и вестготами был заключен договор, предоставляющий племени статус «федератов»- союзников. Что соответствовало принципам обычной римской политики по отношению к воинственным «варварским» племенам. Согласно договору вестготы за ежегодную плату, т.н. стипендию (жалованье — с римской точки зрения, и, возможно — дань — с точки зрения самих вестготов) были обязаны охранять границы империи и предоставлять воинов для службы в императорских войсках. Иордан сообщает, что вестготы направили под римские знамена около сорока тысяч своих воинов. Кроме того, по его словам, в армии Константина I Великого служили вместе, во главе своих отрядов, вестготские цари Ариарих и Аорих.

Но первый христианский император Рима умер, и вот, с востока накатило вдруг неистовое, словно смерч, нашествие свирепых гун-

нов. Гуннский вихрь смел и остготов, и вестготов. Сокрушив державу Германариха. Вынудив «родновера» Атанариха увести своих готов-язычников за Траянов вал, в твердыню, возведенную им в самом сердце нынешней Трансильвании, между реками Пиретом и Сиретом. «Хроника вестготских царей» (созданная в VII в.), отводит Атанариху тринадцать лет правления («царствования», а не «судейства», но это в данном случае неважно). Между тем, как нам уже известно, в 376 г. народ вестготов, разгромленный гуннами, распался на подвластных Атанариху язычников и подвластных Фритигерну (Фридигерну) ариан. Поэтому за начало правления Атанариха можно принять 363 г. Тогда получается, что Атанарих возглавил свой народ еще в правление Германариха. Следовательно, Атанарих был автономным властителем вестготов под верховенством Германариха, как общеготского царя. Вот еще один вариант объяснения желания Атанариха именоваться не «царем», а «судьей», которое мы выносим на рассмотрение уважаемых читателей. Но довольно об этом.

Именно в те грозные, роковые 375 и 376 гг. готское давление на римские границы неизмеримо возросло. Достигнув, можно сказать, критической точки. Ибо переправиться на южный берег Истра, отдаться под защиту римского оружия было, с учетом ошеломляюще быстрых побед гуннских «кентавров», пленным в ту пору не бравшим, над готами, для тех единственным шансом сохранить свою «живую силу». И спасти готские племена (чье положение усугублялось неблагоприятными погодными условиями, на корню погубившими урожай) от истребления.

Похоже, озабоченные всем происходящим римляне спешили использовать сложившуюся ситуацию в собственных интересах. Прежде всего, они попытались включить готов в свою оборонительную систему. Что представляется не только извинительным, но и понятным, и разумным. Ведь гунны, сокрушившие в 375 г. готов Германариха и Винитария, рано или поздно должны были стать угрозой и для Рима. Однако, римляне, по всей вероятности, потребовали от готов, ожидавших разрешения переправиться через Истр на римскую сторону, отказа от языческой веры, в которой римские императоры, справедливо или несправедливо, видели одну из главных причин столь беспокоившей «потомков Ромула» воинственности германцев вообще и готов — в частности. Это тоже представляется, в общем, понятным. Христианство, пустившее среди римлян (и всех, считавших-

ся таковыми) достаточно прочные корни (особенно в городах), стало официальной религией Римской «мировой» державы. Считавшейся теперь, прежде всего, не Римской, а Христианской «мировой» империей. Римский же император — повелителем не только римских, но и всех на свете христиан. Как, скажем, СССР в «классический» период своего существования считался «отечеством пролетариев всего мира». Что символизировалось присутствием на советском гербе всего земного шара, с наложенной на него пролетарской эмблемой серпа и молота. Точно так же (земной) шар-держава (лат. империй) в когтях римских орлов и в руке римских самодержцев-автократоров символизировала их власть над всем миром. Шарообразность Земли в те времена ни для кого не была секретом. Для вразумления особо непонятливых держава (сфера, «яблоко»), осененная при Константине I крестом (хотя по старой памяти она изображалась — например, на монетах и медалях, все еще с языческой богиней победы — крылатой Викторией-Никой — вместо креста) даже была разделена на три части. Символизировавшие три известные тогда части света — Европу, Азию и Африку. Но довольно об этом.

Хотя христианство и стало государственной религией Римской империи, память о языческом прошлом была еще слишком свежа, чтобы можно было считать язычество окончательно преодоленным и безвозвратно выброшенным на свалку истории. Необдуманное включение крупных языческих контингентов в римскую систему обороны на Данаубе казалось христианским императорам «ромеев» чересчур рискованным. Не зря ведь считается, что, посылая Вульфилу христианским миссионером к его соплеменникам-готам, римская церковь, да и светские власти империи (тогда — почти сплошь арианские), втайне надеялась на смягчение нравов и, прежде всего, воинственности готов, в результате их христианизации. И что, как уже говорилось выше, именно с целью ослабления природной воинственности готов Вульфилла не перевел на их язык наиболее воинственные части Священного Писания, описывающие безжалостное истребление ветхозаветными израильтянами нечестивых ханаанеев и прочих язычников, врагов богоизбранного народа — например, Книгу Иисуса Навина, Книгу Царств и Книги Маккавейские. Хотя, судя по поведению готов на имперских землях в период после их ознакомления с «сокращенным и обезвреженным» Вульфиллой вариантом Библии (мало чем отличавшемся от их поведения на римских территориях в период до

ознакомления с этим «сокращенным и обезвреженным» вариантом Святого Писания), старания «готского апостола» не слишком-то способствовали уменьшению воинственности готов...

Внимание, читатель! Мы подходим к описанию странных, если не сказать — гротескных — событий на западнотско-восточноримской границе, о которых нам сообщают греческие авторы вроде Евнапия Сардского, бывшие их современниками (хотя и не очевидцами). И о которых у нас, к сожалению, нет сведений «из первых рук». Утверждения этих авторов (как правило, язычников, пристрастно судящих о христианстве и его последователях, как о «мошенниках» и «обманщиках») сводятся к следующему. Стремясь доказать, что они — христиане, и потому достойны быть пропущены через спасительный кордон, вестготские беженцы (по мнению указанных авторов, все еще «косневшие в язычестве»), стали чисто внешне подражать тому, что видели у готов-христиан. Или просто вели себя так, как, по их разумению, надлежало вести себя христианам (в отличие от готских язычников). Многие «специалисты по Вульфиле» полагают, что эта нарочитая демонстрация готскими мигрантами своей приверженности христианским обычаям диктовалась исключительно «соображениями текущей политики», нося чисто оппортунистический характер, с целью «обмануть доверчивых римлян». Просто потому, что все готы, подлинно уверовавшие во Христа, давно успели перейти через Истр на «ромейскую» сторону во главе с Вульфилей. Спасаясь от притеснений Атанариха, чтобы не быть вынужденными изменить Христовой вере или пасть жертвой религиозных гонений.

Конечно же, софисту-эллину Евнапию, ярому приверженцу изменившего христианству, пытавшегося возродить язычество в качестве государственной религии, императора Юлиана Отступника и не меньшему врагу Христовой веры и ее адептов, чем оный император (сраженный в битве с персами прилетевшим неизвестно откуда дроптиком, направленным, по мнению некоторых христиан, святым Меркурием или же самим Иисусом Христом), не следует безоговорочно доверять. Особенно в религиозных вопросах. Однако его, к сожалению утраченный, но использованный Дексиппом, как и Аммианом Марцеллином, исторический труд в четырнадцать книг, именно в силу неоспоримого авторитета этих двух античных историков, следует считать весьма ценным источником. С другой стороны, то, что пишет Евнапий, представляется вполне логичным. Почему бы

готам, измотанным непрерывными боями с гуннами и деморализованным постоянными военными неудачами, после невзгод бегства в Сарматские горы, лишения зимы, проведенной в Карпатах, или «Кавкаланде» (Аммиан), было не прибегнуть, под нажимом гуннской конной «нелюди», весной 376 г. к «невинной» хитрости? Ради обретения желанной безопасности на римской стороне. А возможно — также высказав тем самым свое «фэ» прежним, языческим богам. Ведь эти «боги предков» бросили своих приверженцев в годину бедствий. А вот новый, христианский Бог всего двумя десятилетиями раньше спас-таки своих готских приверженцев, уведя их из ставшей им мачехой «родины-матери» на юг. И помог им обрести за Истром, у «ромеев», безопасность. Может, Господь (Фрауйя) Бог христиан и впрямь добрей и сильней, чем старые боги готонов? Или — того хуже: Он — «правильный» бог, а их боги — «неправильные»?

С другой стороны, есть повод усомниться в соответствии действительности приведенной выше версии Евнапия (несомненно, пристрастного в своей враждебности христианству, считавшемуся у языческих интеллектуалов, начиная с Цельса и Лукиана Самосатского, «религией мошенников» — вспомним антихристианский пасквиль-диалог «Вольтера древности» о шарлатане Перегрине, прозванном «Протеем»!). Версии, согласно которой готы Фритигерна (по крайней мере, в большинстве своем) приняли христианства лишь внешне. С целью любой ценой, как можно скорее, попасть за римский «кордон», чтобы укрыться там от гуннов. Выше мы уже указывали на факт вполне искреннего принятия христианства многими представителями знатных готских кланов (а не только готского простонародья). Что же могло склонить готскую аристократию (включая Фритигерна и его соратника Алавива) к принятию Христовой веры? Неужели только стремление заручиться поддержкой христианского Рима в борьбе с Атанарихом или гуннская угроза? Но ведь сами Атанариховы гонения начались в связи с обращением в христианство все большего числа представителей готской верхушки, еще до гуннского нашествия!

Дело в том, что высказанное в Евангелиях четкое и ясное требование Господа Иисуса Христа следовать за ним вполне отвечало характеру и обычаям воинственных германцев вообще (и готов, в частности). Но, в первую очередь, германских военных вождей («герицого») и князей («фуристо»). Многие из них охотно принимали Христианство, воспринимая себя в качестве верных дружинников Верховного

Небесного Вождя (по-немецки дружинник — «гефольгсманн» — буквально означает «последователь», «спутник», в общем — «росомон», если верить гипотезе Гурченко). Вслед за военными вождями, руководствуясь тем же принципом верности, Христианство принимали, в свою очередь, и их собственные дружинники. Этот подход способствовал весьма воинственному характеру христианства среди германских народов (и вообще народов Запада) в последующую эпоху Средневековья. Включая участие епископов и других церковных иерархов в боевых действиях, возникновение военно-монашеских (духовно-рыцарских) орденов и т.д.

Приняв Христианство, готы Фритигерна, разумеется, не перестали быть германцами. Однако, вместо поклонения своим прежним языческим богам — асам и ванам — они стали поклоняться одному, Единому Богу, воспринимаемому ими, прежде всего, в качестве «римского» Бога. Поскольку готы Фритигерна сознательно «сделали ставку» на христианский Рим, став его союзниками, принятие веры их (восточно)римских союзников и покровителей представлялось им вполне логичным. Вооруженный конфликт готов-ариан с (восточными) римлянами, закончившийся разгромом последних и гибелью в упомянутом выше (спровоцированном римлянами) сражении с арианами-готами под Адрианополем восточноримского самодержца-арианина Флавия Валента II, был результатом трагического стечения обстоятельств. Вызванного, прежде всего, безудержной алчностью римских чиновников (все это будет подробно рассмотрено далее). И для бесхитростных готов сути дела не менявшего. Каково же были изумление и возмущение готских христиан, когда принятый ими (искренне, «без всякой задней мысли») арианский вариант Христовой веры вдруг был, ни с того ни с сего (с точки зрения готских «простецов», не искушенных в тонкостях христологических споров) признан ересью. Теми же римлянами, от которых готы приняли крещение в прежнем варианте. На Вселенском Константинопольском Соборе Христианской церкви в 381 г. Ибо учение Ария, по убеждению его противников, подменяло саму суть христианства как религии искушения. «Диалектически арианство вело к антитроичности Бога, к бессмысливанию вочеловечения...», как писал русский церковный историк Антон Владимирович Карташев в своем фундаментальном труде «Вселенские Соборы». Если бы простодушные готы об этом догадывались!..

Любопытно, что годом раньше, в 380 г., внезапно умер арианин Фритигерн. И Атанарих (бывший всю жизнь закоренелым язычником, но, возможно, незадолго перед смертью, окрестившийся и уж конечно, под влиянием принявшего его под свое крыло императора-кафолика Феодосия I, по православному обряду) был опять провозглашен правителем всех вестготов (естественно, с согласия тех же коварных и лукавых римлян). Именно это привело к новому витку военной конфронтации готов-ариан (видимо, органически не способных «чисто по-ромейски» применяться к обстоятельствам) с Римской «мировой» империей, принявшей вдобавок еще и характер религиозной войны. Закончившейся фактически уничтожением готов и других германцев-ариан (в частности, вандалов), православной (Восточной) Римской империей при василевсе Флавии Юстиниане I (причисленном впоследствии греко-православной, а затем — и отколовшейся от нее римско-католической церковью к лику святых). Но до этого было еще далеко...

В первые годы своего епископства Вульфила, вероятно, постоянно находился в готских землях. Но, начиная с 360 г., он стал довольно часто посещать Константинополь. Что объясняется, между прочим, и тогдашней обстановкой. Разгоравшейся все сильней борьбой вокруг арианства. Необходимостью личного присутствия князей церкви со всех концов империи и из ее «мягкого подбрюшья» на созываемых в данной связи многочисленных соборах и синодах. С какими бы трудностями это ни было сопряжено в тогдашних условиях. На т.н. Арианском синоде 360 г. в Константинополе Вульфила был среди церковных иерархов, подписавших Арианское исповедание. Однако не прервал коллегиального общения с православными епископами. Что позволяет считать его сторонником «умеренных» ариан евсевианского толка. Эта умеренная позиция готского «Волчонка» явно не была тайной для современников. Ибо после упомянутого выше разделения вестготского народа (в ходе которого готы, не утратившие волю к борьбе, остались с Атанарихом на территории нынешней Трансильвании, а отчаявшиеся в возможности победы над гуннами стали просить римлян пропустить их на имперские земли), именно арианский епископ Евдоксий просил римского императора Востока Валента II впустить в пределы империи только готов-христиан. От этого «цугцванга» (против которого особенно возмущенно протестовали знатные готы — вероятно, наиболее стойкие приверженцы

язычества) Вульфилу в свое время спас доверившихся ему «малых готов», выступив с посреднической инициативой. Готы доверяли «Волчонку». Они верили его утверждениям, что будущее принадлежит христианству. И что они ничего не потеряют, обрета, вместе с новой верой, и новую родину.

С точки зрения понимания готской истории необходимо еще раз подвести итоги происшедшего. Вестготы еще до нанесенного им гуннами поражения разделились как минимум на две большие и враждебные друг другу группы. Одну из этих групп возглавил Фритигерн, другую — Атанарих. Об Атанарихе нам уже известно, что он был ярким ненавистником и лютым гонителем христиан. Логично предположить, что, в борьбе с Атанарихом, Фритигерн, желая заручиться поддержкой римлян, наоборот, покровительствовал готам-христианам. В первую очередь — арианам. Поскольку повелитель римского Востока август Валент, на чью помощь рассчитывал Фритигерн, был христианином арианского толка.

Атанарих же, неоднократно воевавший с этим самым Валентом II, долгое время с негодованием отвергал саму мысль отдаться под защиту и покровительство римлян. Возможно, в силу исповедания этими римлянами (поддерживавшими силой оружия его врага Фритигерна), христианства в качестве официальной религии. Это позволяет думать, что «тиуданс» Атанарих был стойким защитником древнего германского «родноверия». А заодно — древнего готского кодекса чести. Кодекса, которым готские племена руководствовались со времени своей миграции со «Скандзы». И который давал им в странствиях на чужбине силу, сплоченность и чувство родины. Наряду с этими несомненными добродетелями Атанариху была свойственна неоднократно засвидетельствованная беспощадная жестокость. С ее помощью «юдекс» не только консолидировал боевой костяк своего народа, но и пытался искоренить в «Готии» христианство. Считая, как уже говорилось выше, всех христиан, вне зависимости от того, к какому течению в церкви они принадлежали, римской «пятой колонной» или, как минимум, римскими «агентами влияния». Вспомним, что согласно Созомену, Атанарих приказал провезти на повозке по стране «некое подобие изображению бога», которое подвозили к жилищам готов, ставших христианами, заставляя их поклоняться кумиру и приносить ему жертвы. Тех же, кто отказывался, сжигали вместе с их жилищами. А около идола наказывали и тех, кто преступил «бо-

жественный закон» племени. «Множество мужчин и женщин, те — держа детей за руку, эти — с младенцами у груди, укрылись в жилище, служившем им церковью, где и были пожраны пламенем». Так что жизнь в «Готии» стала для тамошних исповедников Христовой веры крайне беспокойной и небезопасной. Давая готам, не желавшим снова превращаться в идолопоклонников, немало поводов, после явного распада своей собственной, (вест)готской державы (вызванного, вдобавок ко всему, еще и расколом вследствие религиозного конфликта), переселиться в более прочное и стабильное государство. Пусть чужое, но зато обеспечивающее своим подданным хотя бы минимальный уровень безопасности и уверенности в завтрашнем дне. Вот потому-то основная масса христиан была вынуждена покинуть земли вестготов и уйти на сопредельные римские территории. Сегодня нам сложно во всех деталях проследить за этим миграционным процессом. Скорее всего, он представлял собой не одноразовый «исход», а постепенный «отток» христиан из «Готтиуды» за ее пределы, в южном направлении. Возможно, этого религиозно мотивированного «оттока» из готского государства части населения и не произошло бы. Если бы это государство хорошо функционировало. И не будь внешней угрозы в лице гуннских «кентавров». Во всяком случае, о бегстве готских христиан из Тавриды в восточную часть Римской «мировой» империи нам не известно ровным счетом ничего. Процесс распада не выходил за пределы фракийской державы вестготов, до тех пор, пока гунны не разгромили и остготскую державу. После чего процесс распада ранней готской государственности приобрел всеобщий характер. Так что, начиная с 376 г. становится крайне сложно проводить различие между вестготами и остготами в бассейне Истра.

Между тем, восточноримского императора-арианина Флавия Юлия Валента II, разбитого и убитого, по иронии судьбы, в 378 г. под Адрианополем «христианскими» (арианскими) готами Фритигерна, сменил на престоле новый август — православный самодержец Флавий Феодосий I, прозванный впоследствии Великим. Последний восстановитель единства Римской «мировой» империи (правда, ненадолго). Император, приступивший, с самого начала своего правления, к постепенному, но все более последовательному и систематическому притеснению и вытеснению изо всех сфер церковной и общественной жизни ариан, объявленных, в конце концов, решительно и бесповоротно, злостными еретиками и схизматиками, сиречь религиозными,

или церковными, раскольниками, врагами истинного христианства, «хуже иудеев и язычников».

Собор следовал за собором, синод — за синодом. Эти важные события церковной жизни описывались историками, в общем и целом, достаточно правдиво и достоверно. И нам становится все более очевидной тщетность попыток добиться взаимопонимания, «консенсуса» (как любил говорить Генеральный Секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев) между православными и арианами в ходе многочисленных церковных «встреч на высшем уровне». О Константинопольском «саммите» 388 г. (последнем, на котором засвидетельствовано личное присутствие Вульфилы) нам мало что известно. Факт замалчивания этого синода 388 г. историками церкви, видимо объясняется его безрезультатностью. Сократ Схоластик (а вслед за ним — Созомен) сообщает лишь, что в этом году, в то время, когда Феодосий был занят войной с узурпатором Магном Максимом, ариане произвели возмущение в Константинополе, вызвав сильные волнения. Что, по мнению Вайтца, могло быть связано с обещанием провести церковный собор, данным им, но так и не выполненным.

Короче говоря, при православном августе Флавии Феодосии I и речи не могло быть о созыве соборов или синодов с участием ариан (хотя арианская кафедра продолжала существовать в Константинополе вплоть до VI в., ибо василевсы-кафолики смотрели сквозь пальцы на то, что их германские наемники продолжали коснеть в арианском заблуждении — лишь бы воевали за империю; впрочем, переход служилых готов и других варваров в православие всемерно поощрялся и вознаграждался, как правило, повышением в должности). Но запрет на участие арианского духовенства в царьградских церковных соборах не коснулся Вульфилы. Не побоявшегося — в семидесятилетнем возрасте! — трудностей далекого путешествия через юго-восточную оконечность Европы и Дарданеллы. В ходе этого дальнего странствия «Волчонка» наверняка мучили тяжелые мысли о печальной судьбе его арианского вероисповедания, окончательно зачисленного в ереси и впавшего в глубокий кризис. После многих лет, на протяжении которых не слишком удачливый и выдающийся, но зато преданный арианству император Валент II защищал и поддерживал Вульфилу, наряду с другими арианскими епископами, самодержцем-автократом Восточной Римской империи теперь стал весьма удачливый и выдающийся во многих отношениях благочестивый император Феодосий I,

преданный православию, причем до фанатизма. Такой «зигзаг судьбы» разом изменил буквально все для людей со столь широкими религиозными взглядами, как у «готского апостола» Вульфилы. В середине 388 г. Вульфила в последний раз прибыл в «Новый Рим» на берегах Босфора. В Царьграде он к тому времени давно уже пользовался широчайшей известностью. Личность и труды маститого готского просветителя вызывали всеобщее уважение. Его ценили христиане всех течений, ариане и кафолики. Он мог с полным основанием считать Константинополь городом своих друзей. Однако после чистого горного воздуха Гема старцу тяжело дышалось в пропитанной тлетворными и ядовитыми миазмами, гнетущей атмосфере колоссальной евразийской гавани. «Пиявицы Вселенной», чье зловоние не могли заглушить даже самые изысканные ароматы, источаемые благовонными курильницами в «лучших домах» сгоравшей от летней жары столицы христианской Ойкумены. «От царьградских от курений / голова болит» (как писал граф А.К. Толстой). Столь много повидавший и переживший на своем веку, переведший за тридцать лет упорного труда почти все Священное Писание, сорок лет проповедовавший готам Слово Божие, убеленный сединами, умудренный опытом готский миссионер был прозорливым старцем. Он предчувствовал всю трудность предстоявшей ему борьбы за арианство с начитанными, изощренными в тонкостях риторики и диалектики, высокообразованными православными греческими иерархами.

В июне 388 г. Вульфила умер в Новом Риме на Босфоре. За его гробом следовали не только константинопольские ариане, но и никейцы — высшие иерархи Православной церкви. С величайшим благоговением передавалось из рук в руки завещание «Волчонка». Хотя оно и содержало его умеренное арианское исповедание. И уличало во лжи всех, утверждавших, что «готский епископ» всегда оставался в глубине своего сердца никейцем, кафоликом.

Справедливости ради, заметим, что по мнению некоторых, в частности, немецких историков — например, автора «Истории вестготов» Дитриха Клауде — «Вульфила, живший во времена христологических споров, когда христианская церковь еще не решила окончательно вопрос соотношения Божественной и человеческой природе в Христе, занимал в этих спорах срединную позицию, НЕ БЫЛ АРИАНИНОМ И ПОДВЕРГСЯ ОСУЖДЕНИЮ КАК АРИАНИН ЛИШЬ ВПОСЛЕДСТ-

ВИИ (выделено нами — В.А.) в связи с чем большинство его произведений, осужденные как еретические, не дошли до нас».

Современный богослов пишет о Вульфиле так: «перегибать» с причислением Ульфила к еретикам-арианам поостерегся бы... Слишком мало достоверных данных. Еп(ископ — В.А.) Ульфила скончался ещё до Второго Вселенского Собора, окончательно «осудившего» арианство, скончался находясь в общении в Цареградской Церковью, так что нет ни формальных, ни идейных поводов «записывать» его в «еретики». Скорее, применительно к деяниям Ульфила и прочему «германскому арианству» следует говорить об успешной «инкультурации» определённых элементов древле-германского наследия (тех же рун и т.п.) в Христианство <...>. О жизни и трудах еп. Ульфила сохранилось не так уж много сведений. Имеются упоминания у православных церковных историков Сократа Схоластика, Созомена Саламинского, бл(а)ж(енного). Феодорита Кирского, евномианина Филосторгия, готского историка Иордана и некоего «арианина» Авксентия Доросторского... Сим «списком», пожалуй, круг источников и исчерпывается... Но ни в одном из сих источников (кроме, пожалуй, работы Авксентия) «исповедание веры» Ульфила не противопоставляется однозначным и радикальным образом «исповеданию веры» Никейского Собора. Ни одним Собором еп(ископ) Ульфила не был осужден. То, что он принадлежал к партии «умеренных ариан», на наш взгляд, не способно его как-либо «дискредитировать». По сведениям бл(а)ж(енного) Феодорита и Созомена, Ульфила продолжал находиться в общении с «никейским духовенством» (по Созомену, до 376 г., по Феодориту и того позже Ульфила окончательно «уклонился в арианство»). Впрочем, учитывая, что кончину Ульфила источники увязывают с его прибытием в Царьград по приглашению Императора Феодосия в 383 г. для примирения «омиев» с Кафолической Церковью, можно с уверенностью предполагать, что Ульфила умер «в общении» с Церковью, а не «под отлучением» <...> Ко всему прочему, когда мы касаемся исторических обстоятельств времен «арианской смуты», надобно учитывать, что те «церковные партии», что вели ожесточенную «догматическую борьбу» на протяжении почти всего IV в. по Р.Х. (как-то: «крайние ариане», «умеренные ариане», «никейцы»), не воспринимали себя (по крайней мере, до II Вселенского Собора), как принадлежащими к «разным церквам». Это были споры «внутри одной Церкви».

И еп(ископ — В.А.). Ульфила, пребывавший в общении одновременно и с «омиями», и с «никейцами», нами сегодня никак не должен «антиисторически» постфактум «отлучаться» от Православно-Кафолической Церкви. У бл(а)ж(енного) Августина <...> нет никаких упоминаний об Ульфиле. Имеется некий пассаж в трудах св. Амвросия Медиоланского, и то не об Ульфиле, но об Авксентии Доросторском. Некие исследователи полагают, что арианский епископ Медиолана Авксентий II (383–386), противоборствовавший св(я)т(ому) Амвросию, и автор сочинения «О вере, жизни и кончине Ульфилы» се — одно и то же лицо. Известна речь свт. Амвросия «против Авксентия» (*Sermo contra Auxentium de basilicis tradentis*, в Римской Патрологии Миня она содержится в PL 16, col. 1056). Но, во первых, нет полной уверенности, что данные «Авксентии» составляют одно и то же лицо, а, во-вторых, творение Авксентия носит настолько «заказной», «анти-никейский» полемический характер, что многие исследователи выражали сомнения в том, насколько адекватно Авксентий передает богословие Ульфилы <...> Возвращаясь же к «арианству готы», видимо, следовало бы высказать и ещё одно соображение: Готы обратились в Христианство в период, когда почти целый век (от св. Константина Великого до св. Феодосия Великого, за исключением незначительных периодов «языческого реванша» при Юлиане, и «никейского реванша» при Грациане) «арианство» (вернее же рещи «полу-арианство» как некое «компромиссное» исповедание, ищущее «средней линии» меж крайними арианами и никейцами) было официальной Верой Римской Империи. Был «полу-арианом» и глубоко почитаемый Готами их Просветитель Вульфила. Не шибко сведущие в богословских вопросах Готы, оставались приверженцами «арианства», видимо в силу присущей им известной общегерманской добродетели — *Deutsche Treue* («Немецкой Верности»), не позволявшей им «менять веры как перчатки»... Впрочем, всё преждеписанное — есть не более, нежели *prolegomena* к сей интереснейшей и неоднозначной теме...».

Приведем в заключение формулу вероисповедания епископа Вульфила (в передаче Авксентия Доросторского):

Верую в существование единого Бога несотворенного и невидимого. И в его единородного Сына нашего Господа и Бога, создателя и творца всех созданий, которому нет никакого подобия. Потому есть один Бог, Отец, и Он — Бог нашему Богу.

Через много столетий после смерти «готского апостола» во Втором Риме на Босфоре, австрийский расовый мистик и ариософ барон (?) Йорг Ланц фон Либенфельз, основатель «Ордена Нового Храма» (лат. Ордо Нови Темпли, ОНТ), заявил о себе как об ученике и последователе Вульфилы. Ланц думал обрести в готском переводе Библии свидетельство истинности своего весьма своеобразного «ариогероического» «христианства (считавшегося римско-католической и православно-кафолической церковью таким же еретическим, как и арианское христианство Вульфилы). Великий Магистр ОНТ, чрезвычайно уважительно и одобрительно отзывавшийся об Арии (возможно, ему импонировало само созвучное этнониму «арий», «ариец» имя александрийского вероучителя, бывшего по происхождению ливийцем, т.е. белокожим европеоидом, арийцем), неустанно проповедовал следующий тезис. Вульфила был хранителем «изначального, чистого, неискаженного христианского учения» (являвшегося, по Ланцу, расово-культурной религией, до его последующей злонамеренной «фальсификации агентами низших рас», стремившимися лишить учение Иисуса Христа его изначально боевого характера). Поэтому Йорг Ланц фон Либенфельз ввел в свой собственный лексикон готское слово, означавшее «господин» или «хозяин дома». Слово, которым в Библии Вульфилы именовался Христос — «Фрауйя» (Frauja = Господин, Господь), эквивалент греческого слова «Кир(иос)». Ланц даже иногда именовал свой вариант христианства «готским», неустанно призывая чистых ариев, «сынов Света», заклать «человекозверей» (представителей «низших», «недочеловеческих» рас) в жертву Фрауйе, подобно тому, как ветхозаветный пророк Илия Фесвитянин заклал в жертву Господу лжепророков Вааловых.

Доказательством уважительного отношения Ланца к Арию и арианству может служить, к примеру, следующий фрагмент из его труда «Теозоология»:

«Весьма характерны суждения Ария об Иисусе. К ним следует прислушаться, прежде всего, потому, что просвещенные взгляды Ария стали религией германцев, пока Рим не подчинил ее себе с помощью франкского меча. Арий утверждает совершенно ясно и в полном соответствии с нашими ариософскими открытиями: Логос (Христос) есть не Бог в собственном смысле этого слова, а творение («ктисис»). Тем не менее, Он стоит надо всеми творениями и представляет собой нечто среднее («меситес») между Богом (и человеком). Логос можно

было бы назвать несобственно (относительно) Богом. Это убеждение оставалось еще долго присущим германцам».

Барон (?) Йорг Ланц фон Либенфельз предполагал, что на страницах сделанного епископом Вульфиллой перевода Библии, вырванных врагами истинной, изначальной, расовой, «античандальской» христианской веры, с целью утаить истинное учение Христа-Фрауйи от верующих христиан после уничтожения арианства Римом и Константинополем, и потому не сохранившихся до наших дней, содержалась «подлинное послание Священного Писания». А именно — призыв к борьбе с «чандалами» (представителями «низших», «зверочеловеческих» рас). Косвенным подтверждением правильности своих догадок и «прозрений» Ланц считал отсутствие в готской Библии Вульфиллы Книг Иисуса Навина, Царств и других частей. Как говорилось выше, многие исследователи связывали (и связывают донныне, как, например, Франко Кардини в своей «Истории средневекового рыцарства») отсутствие в «Серебряном кодексе (своде)» Вульфиллы этих частей Священного Писания с их чрезмерно воинственным и кровожадным содержанием. И с упомянутым нами предполагаемым желанием Вульфиллы отучить своих свирепых готских соплеменников, от присущей им кровожадности, поддерживаемой культом их прежних, языческих богов. Но Ланц был на этот счет иного мнения. Не случайно другой австрийский ариософ — Г(в)идо фон Лист — посвятил свой труд «Имена племен и народностей Германии», вышедший в 1909 г., «Неустрашимо и неуклонно идущему к цели писателю, господину доктору Й. Ланцу фон Либенфельзу — арманическому Ульфилю будущего, с глубочайшим почтением — автор». Надо ли говорить, что под «Ульфилю» Лист подразумевал готского арианского епископа Вульфилу?

Немецкий ариософ Рудольф Йон Горслебен, развивая теософское учение нашей соотечественницы Елены Петровны Блаватской, утверждал, что движущей силой развития цивилизации на Земле являются последовательно сменяющие друг друга коренные расы. Но, в отличие от теософов, полагал, что «коренных рас» («ур-рас») не пять (астральная, гиперборейская, лемурийская, атлантическая, арийская), а всего две:

А) «кельто-германцы» (нем.: Kelt-Germanen), они же — «герои-германцы» (нем.: Held-Germanen — Горслебен обыгрывал сходное звучание этнонима «кельт», Kelt, и немецкого слова «хельд», Held, т.е. «герой»), они же — «готы» (нем.: Goten) или «готтесфольк» (нем.:

Gottesvolk, т.е. «народ Божий», «народ богов», «божественный народ»; в данном случае Горслебен обыгрывал сходство звучания этнонима «гот» и немецкого слова «готт», т. е. «Бог»);

Б) «Йоты», Joten (производное от упоминаемых в древних германских сказаниях, в частности, в «Старшей Эдде» и «Младшей Эдде», названия исполинов-«йотунов», «йетунов» или «етунов», обитавших в мрачном «Йотунгейме», Jotunheim, и боровшихся против светлых божественных асов, Asen), они же «йуды»=«юды», Juden (этот этноним соответствует немецкому слову «юде», Jude, обозначающему исповедников религии иудаизма — иудеев — и в то же время этнических евреев), народ темных «иу-ху-гет(т)ов».

Впоследствии немецкий ариософ из Берлина Курт Пельке учредил и возглавил ариософскую квазиорденскую организацию «Союз гуотов», или «Гуотенбунд» (нем. Guotenbund), известную в русскойязычной литературе также как «Союз готов», или «Союз благих». Дело в том, что в ее немецком названии содержится игра слов. Название орденской организации Курта Пельке можно перевести с немецкого языка на русский и как «Союз Готов» (Gotenbund), и как «Союз Благих» (Gutenbund). И даже (в соответствии с воззрениями Рудольфа-Йона Горслебена), как «Союз богов». Йорг Ланц фон Либенфельз, испытывавший огромный пиетет перед всем готским или связанным с готами, поддерживал активные и всесторонние контакты с «Гуотенбундом», в свою очередь, уважительно относившимся к ариософскому движению.

Впрочем, довольно об этом...

ФЕДЕРАТЫ? РЕНЕГАТЫ?

Обладая определенным запасом готских письменных памятников и знаний о готах, а также о восприятии готами, на языке своих понятий, столь хорошо известного нам мира Ветхого и Нового Завета, можно попытаться разобраться в том, как и почему Вульфилла переводил то или иное место Библии, чтобы сделать его понятным своим соплеменникам. И на этом основании составить себе представление о жизни готов в области между Карпатами и Фракией. Вырисовывается довольно интересная картина. Вульфилла пишет для пришедших с Севера восточных германцев, которым, в IV в. по Р.Х., были, однако, уже известны оливки, виноград, смоквы и шелковица. Плоды растений, о которых, например, у Пифея, посетившего «Скатиравию» в IV в. до Р.Х., еще и речи не было. С другой же стороны, в восточно-германской Библии Вульфиллы, наряду с южными фруктами и ягодами, «услладами гортани», упомянуты лишь два сорта злаков — просо и пшеница. А вот кунжут, или сезам (от древнееврейского «шумшум» или арабского «сумсум», «симсим»), к примеру, в ней вообще не упомянут. Судя по всему, готы Вульфиллы, как ветхозаветный патриарх Иаков-Израиль со своим родом, жили в шатрах, пася свои стада. Землепашество, похоже, еще не играло важной роли в их жизни. Хотя кочевать со стадами по гористой и лесистой Дакии, сегодняшней Румынии, тесной в сравнении с Великой Скифией, готам было, наверно, непросто. Уровень технического развития готских современников и соплеменников «Волчонка» представляется нам еще очень архаичным. Мукомольные жернова приводились в движение ослами. Для молотбы, как и в ветхозаветном Израиле, использовались копыта быков, многократно прогоняемых по току, устланному разложенными на нем снопами (после чего веяли зерно, подбрасывая его в воздух особыми лопатами). Неизвестно только, придерживались ли готы ветхозаветной максимы: «Не заграждай рта волу (быку), когда он молотит» (Втор. 25:4). Проявляя милосердие к «божьей скотинке», используемой для обмолота. Ибо для хозяина зерна убыток от того, что она сможет съесть, будет несущественным. В то же время среди готов имелись горшечники, плотники и другие ремесленни-

ки (наиболее уважаемым из которых был кузнец). Наличие рыбаков и мясников указывает на определенную специализацию, на разделение труда в готской общине. В которой, возможно, всего несколькими поколениями ранее рыболовством занимался каждый, кто хотел, и каждый, по собственному желанию, занимался забоем скота. Вероятно, уже имелись готские селения, в которых было проще купить рыбу или мясо, чем самим удить, ставить верши, держать скотину и продолжать вести сельскую жизнь в рамках крупных общин. Что, в свою очередь, указывает на наличие среди готов групп лиц, чей род занятий уже не позволял им самим обеспечивать себя пищевыми продуктами. Касты или своеобразного сословия «чиновников-управленцев», воинов, священнослужителей, учителей. У готов имелись и свои лекари, врачи.

Прежде чем вновь обратиться к судьбам разделившихся надвое готов, задумаемся над вопросом: Почему именно готы оказались столь восприимчивыми к образованию, столь заметно возвысившись над своими родственниками и соседями — гепидами, вандалами, герулами и многими другими?

Навряд ли это связано с особенностями их происхождения. Исторические судьбы бургундов (чьей прародиной считается остров Борнгольм-Борнхольм, принадлежащий ныне Дании), готов (чьей прародиной считаются нынешняя Южная Швеция и остров Готланд), да и все других переселившихся с севера на юг восточных германцев, осевших, после долгих странствий и конфликтов, наконец, в зоне влияния средиземноморской античной культуры, были удивительно схожи. Почти аналогичны. Когда и где готское племя смогло обрести лучшие предпосылки, шансы развития, большую восприимчивость к знаниям? Когда, как и где готы смогли опередить других «скатинавских» мигрантов в развитии? В «Готискандзе», на Вистуле-Вискле? Там они, конечно, могли научиться у эстиев-пруссков кое-каким ремеслам. И получить от них «ноу-хау» в области внешней торговли (в первую очередь — экспорта янтаря). Между Припятью и Данапром? Где обитали осколки угрофинских племен и (прото)славяне, возможно, обладавшие более прогрессивной техникой рыболовства, чем германские мигранты, или неведомыми готским пришельцам ремесленными навыками? Но все это не могло дать готам возможности сделать решительный шаг. Выйти на новый уровень развития. Еще сложнее объяснить секрет возвышения готов над другими германскими пе-

реселенцами на берегах Евксинского понта. Ведь там все «варвары» сидели, так сказать, «на равных», за одним «столом». «Накрытым» греками, пришедшими туда до них, «на всех». С причерноморского «стола» каждый — скиф, гот, бастарн, сармат — хватал, перенимал, присваивал все, что хотел. Монеты, южные плоды, оружие, градостроительство, осадную технику, благовония, предметы роскоши. Только хватай! Но готы, видимо, оказались самыми хваткими. Ибо приводили из своих длившихся несколько десятилетий грабительских походов живой товар, челядь, людей. А люди, как известно — главный капитал. В описываемое время Малая Азия уже тысячу пятьсот лет была очагом и средоточием культуры и культурных ценностей, наук, ремесел, знаний. Не только центром греческой колонизации, но и питательной средой для греческой культуры и образования. Задолго до Афин достигшего расцвета и невиданных высот развития в Милете. Производившего на свет в каждом поколении гигантов духа и глубоких мыслителей. Рождавшихся под солнцем Малой Азии и, наряду с эллинской кровью, хранивших в своих генах здоровое, могучее наследие пастухов Анатолийского плоскогорья и дикое непокорство киликийских мореходов. Эта часть света, куда древние полисы Атики и Пелопоннеса издавна высылали своих неусидчивых «пассионариев», «людей длинной воли» (как выразился бы Лев Гумилев), в куда большей степени, чем т.н. Великая Греция на Тринакрии-Сицилии и в Авзонии-Апулии, способствовала сохранению высокой эллинской культуры в ее полном блеске. Культуры, оказавшейся долговечней латинской Римской империи. И придавшей Второму Риму, в конце концов, чисто греческий характер. Именно в Малой Азии, на восточных берегах Средиземного моря (именуемого «скромными» римлянами просто «нашим морем» — «маре нострум»), находилась духовная цитадель эллинизма, устоявшего под гнетом неотесанных мужланов с тибрских берегов. Дав повод классику римской поэзии Квинту Горацию Флакку (65 г.-8 г. до Р.Х.) - сказать: «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила». Т.е. некультурные римляне, победившие греков, переняли культуру побежденных. Римляне начали «денно и ночью, не выпуская из рук» (по слову того же Горация), изучать греческую письменность, греческий язык (как средство международного общения, подобно английскому в наши дни), литературу, философию, покупать греков-рабов — для обучения своих детей, перенимать греческие обычаи, моду и правила жизни. Именно «из

греческой школы вышло такое дивное создание римского гения, как речи Цицерона и поэзия Вергилия, с Энеидой во главе», как писал русский философ, богослов, литературный и музыкальный критик, композитор Владимир Николаевич Ильин. Эллинство добилось своего конечного триумфа (хоть «триумф» и римское понятие!), на тысячу лет пережив, в Малой Азии, римскую цивилизацию на италийской земле...

Именно сюда, в этот уникальный источник культуры и знаний, так сказать, забрасывали свои сети, невежественные готские «рыболовы». Здесь они «ополонялись челядью». Отсюда угоняли в рабство «челядь», полоняников. Оценивая пленников по чисто внешним признакам. Придирчиво ощупывая мускулы философам, ораторам, учителям, актерам, проповедникам. Проверая, годятся ли они в работники. Столь же придирчиво ощупывая грудь и «калос пигос» (или, говоря по-нашему, прекрасный зад) прелестным эллинским актрисам, поэтессам, кифаристкам и флейтисткам. Прикидывая, годятся ли они готскому воину в наложницы, домохозяйки (всякий «фрауйя» должен иметь свою «фрау») — продолжательницы рода. Вероятно, пленники и пленницы годились для того и для другого. Иначе бы не выжили и не прижились в «Готии» столь многие из них. Аммиан Марцеллин, при всем нашем к нему уважении, все-таки несколько сгустил краски, утверждая, что всех «цивилизованных» людей, плененных готами, ожидало жестокое рабство «в побоях и муках». Но готские невольники и невольницы были не просто годными работниками и наложницами, но и носителями греческой культуры. Эллинские и эллинизированные «спецпереселенцы» сохранили верность духовному миру античности, из которого были насильственно вырваны. Пленники и пленницы воспитывали своих детей, зачатых с готами или с готками, в духе и в соответствии с ценностями культуры, которая, если бы не они, оставалась бы для готов недостижимой еще на протяжении многих столетий.

И вот тут следует указать на одну, весьма немалую, заслугу готов. Ибо захват людей в качестве военной добычи практиковался тогда (и не только тогда) многими народами. Гунны и прочие народы, появлявшиеся на границах Средиземноморья из «Великой Степи», угоняли в свои стойбища целые «стада двуногого скота». И духовенство многих стран ломало себе голову над способами врачевания душевных травм, нанесенных многим семьям похищением, без всякого

разбора, дочерей, сестер и матерей. На протяжении столетий оставалась актуальной и проблема возвращения угнанных в полон отцов или мужей к родному очагу. Выясняющих, по возвращении домой, что жены их давно нашли себе других мужей. Полагая, что их прежние супруги сгинули в неволе на чужбине.

Эти трагические коллизии людских судеб свидетельствуют, что, например, у гуннов и аланов (а возможно, и у других народов, особенно — азиатских) рабы почти не интегрировались (за редкими исключениями, лишь подтверждающими правило). А возможно, и сами не пытались приспособиться к чуждому им образу жизни кочевников. А вот осевшие на юге готы давали им такую возможность. Правда, германский общественный строй был чужд, скажем, фригийцам и каппадокийцам. Но чужд лишь в определенной степени. А не абсолютно. Конечно, число «спецпоселенцев», вошедших в состав готского племени, было относительно небольшим. Но и германские мигранты значительно уступали в численности племенам азиатских кочевников. В чем громадном «плавильном котле» кровь чужеземцев-рабов, как бы много их не было, растворялась без следа.

Через угнанную в рабство «челядь» готы приобщились не только к христианству. Но и — естественно и неизбежно! — к тому культурному пространству, в котором только и могло быть выработано и кристаллизоваться это великое греко-восточносредиземноморское сотериологическое учение. Учение о Спасении и Спасителе, возникшее на фоне античной мудрости и науки, в сочетании с восточным по происхождению религиозным пылом, ревностью о Господе.

Постоянный и почти не прекращающийся «импорт челяди» готами приводил не просто к кратковременным контактам между людьми. Нет, он носил долговременный характер, Продолжая действовать в рамках смешанных браков и производства смешанного потомства. Создания новой общности крови и мышления. И, наконец, причем довольно скоро — общности веры. В немалой степени способствовавшей дальнейшему слиянию готов с не-готами. Влияние этого плодотворного и приносящего все новые плоды процесса естественным образом дополнялось ширящимися разносторонними контактами «Готии»-«Готтиуды» с Римской «мировой» империей. Kontakтами как враждебными, так и мирными, в области хозяйства и торговли, военного дела и переговоров в разных сферах и на разных уровнях. И то, что обычно ограничивается лишь несколькими областями кон-

тактов — например, обменом дипломатическими миссиями, или заключением мирных договоров, благодаря удачно сложившимся условиям, стало для готам чем-то гораздо большим. Облегчив и упростив готам заимствование элементов античного образа жизни, античной культуры, античной учености.

Разумеется, готы больше заимствовали от эллинов, чем наоборот. Как, впрочем, и все другие «варварские» народы Северного Причерноморья — например, те же скифы или анты. Временами советские ученые не любили слишком распространяться на этот счет. Но такой подход был явно ошибочным. Как и подход отдельных немецких ученых кайзеровского «Второго рейха». Не говоря уже о подходе почти всех ученых национал-социалистического «Третьего рейха». Ибо брать и давать свойственно и естественно для всех народов. Среди народов нет и не было самодостаточных. «До ут дес» — «даю, чтобы ты дал», как говорили древние римляне. Народ, которому нечего дать, разумеется, беден. Но народ, не способный взять то, что ему дают, вне всякого сомнения, еще беднее. Нам известны сохранившиеся в самых отдаленных уголках земного шара молчаливые, окаменелые в своей отгороженности от внешних влияний, прозябающие под гнетом первобытных традиций, остатки примитивных, когда-то лишившихся, в силу неблагоприятных обстоятельств, гибкости и способности учиться от других, народностей. Естественно, древние германцы (и в первую очередь — готы) к их числу не относились. К счастью для себя. Они брали и перенимали у других полезное и нужное, прекрасно представляя себе ценность того, что им предлагали взять и перенять. И использовали себе на потребу, наполняя своим духом. Ибо как иначе можно было бы извлечь из того, что они брали, пользу для себя? И ни один разумный исследователь не станет всерьез оспаривать эти естественные процессы, столь же необходимые, как поступление кислорода в живой организм. Даже в отношении рун, иногда представляющихся нам столь первобытно-древними, как если бы мы и впрямь верили, что их первыми вырезал на камне или дереве собственноручно Один, провисевший девять дней и столько же ночей на древе, пригвожденный к нему собственным копьём. Или другие германские боги.

«Когда гот Ульфилла создавал в четвертом веке после Рождества Христова национальную готскую письменность, он взял себе за образец письменность греческую и руны, бывшие в употреблении

у германцев. Творчество Ульфилы привело к созданию первого германского алфавита, пригодного для записи литературных произведений — в отличие от рун, с их чисто эпиграфическим характером» (Константин Рейхгардт).

Это часто признается. Ибо сохранившиеся до наших дней рунические надписи действительно кратки, сакральны, часто глубоко-мысленны и многозначны. Поскольку каждый из двадцати четырех знаков рунного ряда-«футарка», наряду со своим буквальным значением, обладает и символическим содержанием. Тем большим было разочарование многих искренних и отнюдь не воинствующих сторонников превосходства германской культуры, когда оказалось, что не удалось найти подтверждения ни глубокой древности рун, ни их общегерманского характера, даже в незапамятные времена.

«Для установления возраста и происхождения рунического письма важно уяснить себе, что нам по сей день не известно ни одной (рунной — В.А.) надписи, вырезанной до начала третьего века после Рождества Христова» (Рейхгардт). Конечно, «Рейхгардт нам не Евангелие». И пишет он, прежде всего, о надписях на т.н. рунических камнях. И другие исследователи датируют древнейшую руническую надпись на т.н. Фелингенском кубке, найденном на Нижнем Рейне, «сменой эр», т.е. концом I в. до Р.Х.-началом I в. п. Р.Х. Но ведь именно на рубеже II-III вв. п. Р.Х. готы пришли на берега Евксинского понта!

Может быть, кто-то очень огорчится и разочаруется, узнав, что германцы (или славяне — вспомним «Влесову книгу»!), в отличие, скажем, от семитских или других народов Древнего мира, не принадлежали к числу первых изобретателей письменности, творивших с ее помощью всяческие чудеса, на которые способно написанное слово. В утешение таким разочарованным можно привести следующее соображение. Или указать на следующий исторический факт. Силы Древней Европы, или, точнее, силы населявших ее древних культурных народов иссякли, странным образом, почти одновременно. Своим пробуждением (после, казалось бы, окончательного и бесповоротного заката), она была обязана, в основном, германцам (и, впоследствии, славянам). Ибо они, хотя и были нецивилизованными народами, подобно степным наездникам и кочевникам евразийских степей, видели в этой уступленной им в добычу Европе не только «щедро накрытый пиршественный стол», но и сферу приложения своих буйных,

еще не растраченных сил. Воспринимая освоение Европы как свою великую задачу. Немногим более ста лет после их опустошительных грабительских походов — а что такое сто лет в жизни народа? — мы видим, что германцы, чьи корабли и разбойничьи шайки разоряли римскую Европу, стали осознавать свою ответственность за ее судьбу. Основывать в «римской» Европе собственные государства (или, во всяком случае, пытаться их основывать). Поднимать на щитах своих царей (переняв римский обычай поднимать на щите новопровозглашенных императоров, приветствуя их поднятыми копьями). И даже делиться избытком своей силы и боевого духа с неприятелем. С приходом во все больший упадок Римом. С «мировой» державой, которая возможно, давно бы перестала существовать без германских вспомогательных войск и без великих полководцев германского происхождения. И в первую очередь — без готских «федератов», пусть даже становившихся порою ренегатами.

На протяжении последующих десятилетий события развивались, как будто по написанному кем-то заранее сценарию, сменяя друг друга с головокружительной быстротой, во все ускоряющемся темпе. На службу Риму, в «федераты», пошли не «царские готы», не привычные к славе и сильной государственной власти восточные, «днепровские», готы — остготы, присоединившиеся к гуннам. А западные готы, вестготы, породившие великих правителей и выдающихся военачальников. И попытавшиеся создать себе на римских землях царство во главе с собственным царем. Хотя еще и не оправившись толком от страха, который на них нагнали гуннские «кентавры».

Характерной особенностью истории вестготов было противостояние вождей — сначала Ариариха и Аориха, впоследствии же — Атанариха и Фритигерна. Во всяком случае, они были самыми знаменитыми «князьками» готов (Иордан), наиболее авторитетными представителями целой группы высших представителей готской родовой знати. Об этом мы узнаем из душераздирающего по своей драматичности повествования Иордана об «измене» Фритигерна сначала Атанариху, а затем — Римской империи, которой он поклялся хранить нерушимую верность:

«Их (готов — В.А.) постигли, — как это бывает с народом, когда он еще непрочно обосновался на месте, — оскудение и голод; тогда приматы («примат» — латинский аналог германского «фуристо», «первый», т.е. «князь» — В.А.) их и вожди, которые возглавляли их вместо

королей (т.е. царей — очередное указание на узурпацию власти над готами Фритигерном «со товарищи» — В.А.) — а именно Фритигерн, Алатей (Алафей — В.А.) и Сафрак, сострадав нуждам войска, попросили римских полководцев Лупицина и Максима открыть торжище. И действительно, на что только не вынудит пойти “проклятая золотая жажда” (которую римляне — заметим в скобках — любили приписывать кому угодно — карфагенянам-пунам, гуннам, готам и вандалам, но только не себе, любимым! — В.А.)? (римские — В.А.) Военачальники, побуждаемые алчностью, пустились продавать (своим новым готским «союзникам», отдавшимся под покровительство «Вечного Рима» — В.А.) не только мясо, баранье или бычье, но даже дохлятину — собачью и других нечистых животных, причем по высокой цене; дело дошло до того, что любого (готского — В.А.) раба продавали за один хлеб или за десять фунтов говядины. Когда же ни рабов, ни утвари не стало, жадный купец, требовал у побежденных нуждой их сыновей. Видя в этом спасение своих детей, родители поступают, следуя рассуждению, что легче потерять свободу, чем жизнь: ведь милосерднее быть продану, но питаему в будущем, чем оставаться у своих, но умереть».

В приведенном выше отрывке из «Гетики» Иордан описывает последний, самый глубокий кризис вестготского народа в дни Атанариха и Фритигерна. «Раздрай», фактически приведший к образованию у готов двух отдельных «государств». Но и вызвавший у готов приступ столь яростной ненависти к Риму и римлянам, которая, пожалуй, не уступала ненависти к ним гуннского царя с готским именем (или прозвищем) Аттила. В отличие от Фритигерна, умудренный жизнью Атанарих, вероятно, старший годами (понимание приходит с опытом) судья-«юдекс» готского народа, не питал ни малейших иллюзий в отношении жителей восточной половины Римской империи. Он предвидел, что для греков, сирийцев и всякого рода метисов «Второго Рима» голодные и отчаявшиеся готы станут желанным объектом безжалостной эксплуатации. Не только Иордан, но и другие античные авторы — например, Аммиан Марцеллин — подробно описывали, как все происходило. Как римляне сначала разрешали переправляться через Истр из «Готтиуды» только безоружным, беззащитным, безответным готским женщинам и детям, сочтя этих беженцев самой желанной и легкой добычей. Как «ромей» потребовали от готов-мужчин сдать оружие. Как продавали им собачью падаль за полное

золото (награбленное в свое время готами, возможно, на римских землях, но ведь «чужими грехами свят не будешь» — как христиане, римляне должны были это знать).

«... во главе военных сил (Восточного Рима — В.А.) стояли как на подбор ЛЮДИ С ЗАПЯТНАННЫМ ИМЕНЕМ (выделено нами — В.А.). На первом месте были Лупицин и Максим, первый — комит во Фракии, второй — командир, вызывавший к себе ненависть, оба они могли соперничать между собою в неосмотрительности. Их зловерное корыстолюбие было причиной всех бед. Оставляя в стороне другие проступки, которые названные командиры или другие при их попустительстве позволили себе самым позорным образом в отношении переходивших к нам (римлянам — В.А.) иноземцев (готов — В.А.), ничем до этого не провинившихся, я расскажу об одном столь же постыдном, сколь и неслыханном деянии, которое не могло бы быть признано извинительным, даже в глазах судей, замешанных в этом деле. Пока варвары, переведенные на нашу сторону, терпели голод, эти опозорившие себя командиры завели постыдный торг: за каждую собаку, которых набирало их ненасытное корыстолюбие, они брали по одному рабу и среди взятых уведены были даже сыновья старейшин» («Деяния»).

Голод, терзавший готских беженцев, доверившихся алчным римлянам, был, вероятно, попросту невыносим. Весь народ готов, видимо, настолько обессилел, что позволил совершиться этому позору.

Правда, свое оружие готы сохранили. И у Фритигерна, к которому они присоединились, после ухода в горы разъяренного их изменой Атанариха, скоро появились все основания одобрить это решение:

«Случилось в то бедственное время, что Лупицин, как римский военачальник, пригласил готского князька Фритигерна на пир, сам же замыслил против него коварный обман. Фритигерн, не подозревая об обмане, пришел на пиршество с небольшой дружиной и, когда угощался в помещении претория, услышал крик несчастных умерщвляемых: солдаты военачальника по приказу последнего пытались перебить его товарищей, запертых в другой части [здания]; однако резко раздавшийся голос погибающих отозвался в настороженных ушах Фритигерна; поняв и открыв обман, он обнажил меч, покинул пир, с великой отвагой и стремительностью избавил своих соратников от угрожавшей им смерти и воодушевил их на избиение римлян. Воспользовавшись случаем, эти храбрецы предпочли лучше погибнуть

в сражении, чем от голода, и вот тотчас же поднимают они оружие, чтобы убить Лупицина и Максима. Этот самый день унес с собой как голод готов, так и безопасность римлян. И начали тогда готы, уже не как пришельцы и чужаки, но как [римские] граждане и господа повелевать землевладельцами и держать в своей власти все северные области (восточной половины Римской «мировой» империи — В.А.) вплоть до Данубия» (Иордан).

Бешенство, вызванное в обманутых имперскими чиновниками «варварах» невыносимо подлым поведением «ромеев», было неопи-сваемым. Как вспоминал в своей «Римской истории» Аммиан, римские воины даже не могли уснуть в своих палатках от страха перед «бешеными» готами. Позорные воспоминания о неслыханном унижении, пережитом каждым готом, каждой готской семьей на земле римских «союзников», привело к результату, которого и следовало ожидать. К беспощадному опустошению всей римской Фракии «взбесивши-мися» готами. В союзе с сарматами, т.е. аланами-асами (такими же светловолосыми и светлоглазыми, как асы нордической мифологии). А также, согласно ряду источников — с гуннами (отнюдь не едиными, как и сами готы — не зря ведь часть гуннов поддерживала еще готов Винитария в борьбе с гуннами Баламбера). Не без помощи римских подданных, недовольных «своей, родной» имперской властью. И в первую очередь — злоупотреблениями ненасытных чиновников налоговой службы.

Доведенные до белого каления, «они (готы «со товарищи» — В.А.) рассеялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам, их земляки, или пленники указывали им богатые селения, особенно те, где можно было найти изобильный провиант. Не говоря уже о «врожденной дерзости», большим подспорьем было для них то, что «каждый день присоединялось к ним множество земляков из тех, кого продали в рабство купцы, или тех, что в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или за жалкий кусок хлеба. К ним присоединилось много рабочих с золотых приисков, которые не могли вынести тяжести налогов; они были приняты с единодуш-ным согласием всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомым местностям готам, которым они указывали скрытые хлебные склады, места убежища жителей и тайники. Только самые недоступные или лежавшие далеко в стороне места остались не заде-

тыми при их передвижениях. Не разбирали они в своих убийствах ни пола, ни возраста и все предавали на своем пути страшным пожарам; отрывая от груди матери младенцев и убивая их, брали в плен матерей, забирали вдов, зарезав на их глазах мужей, через трупы отцов тащили подростков и юношей, уводили, наконец, и много стариков, кричавших, что они достаточно уж пожили на свете. Лишив их имущества и красивых жен, скручивали они им руки за спиной и, не дав оплакать пепел родного дома, уводили на чужбину» («Деяния»).

Видимо, зря все-таки корпел Вульфила над сокращением Священного Писания, «вымарывая» из него самые кровожадные места. Или без этой «редактуры» просвещенные им готы вели бы себя еще хуже?..

После ряда сражений с неясным исходом в 378 г. произошла кровавая бойня под Адрианополем, нынешним Эдирне в европейской Турции. Разгром, ставшей для римлян не просто вторыми Каннами, но, поистине, репетицией Армагеддона, Страшного суда. Ибо отношение вестготов к римлянам, к своей собственной судьбе, роли и задаче на римской земле изменились самым решительным образом. Кровавое поле битвы под Адрианополем стало началом и исходной точкой великих готских завоевательных походов через всю оцепеневшую от страха римскую Европу. Нам с вами, уважаемый читатель, очень повезло. Ибо, на наше счастье, как раз Адрианопольская битва (а точнее говоря — резня) была описана ее непосредственным участником (с римской стороны). И это описание дошло до нас. Аммиан Марцеллин описал ее нам не только со всей обстоятельностью и профессионализмом римского штабного офицера. Но и с присущим ему литературным талантом, помноженным на незабываемые личные впечатления и воспоминаниями о том страшном дне. О «черном дне» римских вооруженных сил. Сначала Аммиан излагает краткую предысторию разгрома римских легионов «варварами». Описывая принятие арианским автократом Востока Флавием Валентом II рокового решения отклонить миротворческую миссию присланного в римский лагерь готами христианского (по всей видимости — арианского) пресвитера. И напасть на своих готских единомышленников. Причем напасть на «варваров» в одиночку, не дожидаясь подхода войск императора Запада Флавия Грациана (чтобы не делить с ним победных лавров!). Силами одной своей армии. К тому же давно не кормленной. «Людей и лошадей мучил страшный голод» («Деяния»).

Затем историк как бы вводит нас в самую гущу битвы под Адрианополем:

«Со всех сторон слышался лязг оружия, неслись стрелы. Беллона (римская богиня войны — В.А.), неистовствовавшая со свирепостью, превосходившей обычные размеры, испускала бранный сигнал на гибель римлян; наши начали было отступать, но стали опять, когда раздались задерживающие крики из многих уст. Битва разгоралась, как пожар, и ужас охватывал солдат, когда по несколько человек сразу оказывались пронзенными копьями и стрелами. Наконец, оба строя столкнулись наподобие сцепившихся носами кораблей, и, тесня друг друга, колебались, словно волны во взаимном движении. Левое крыло подступило к самому табору (готскому кругообразному укреплению из повозок, т.н. вагенбургу — В.А.), и если бы ему была оказана поддержка, то оно могло бы двинуться и дальше. Но оно не было поддержано остальной конницей, и враг сделал натиск массой; оно было раздавлено, словно разрывом большой плотины, и опрокинуто. Пехота оказалась, таким образом, без прикрытия, и манипулы (римские подразделения по двести человек, состоявшие из двух центурий каждая, получившие свое название от навешенного боевого значка, имевшего форму человеческой руки, по-латыни: «манус» — В.А.) были так близко один от другого, что трудно было пустить в ход меч и отвести руку. От поднявшихся облаков пыли не видно было неба, которое отражало угрожающие крики. Несшиеся отовсюду стрелы, дышавшие смертью, попадали в цель и ранили, потому что нельзя было ни видеть их, ни уклониться» (Аммиан).

Очевидно, Аммиан описывает истребление большей части римской пехоты в холмистых окрестностях Адрианополя, за чьими спасительными стенами уже не могло укрыться разбитое императорское войско. Каждый овраг и лог, каждая ложбина и лощина превращались в смертельную западню. Римские легионарии и ауксилиарии, сгрудившиеся, вынужденные сражаться в страшной тесноте и давке, были в куда менее выгодном положении, чем сохранявшие подвижность готы с их союзниками (конными аланами и гуннами), чьи стрелы и дротики не знали промаха.

«Когда же высыпавшие несчетными отрядами варвары стали опрокидывать лошадей и людей, и в этой страшной тесноте нельзя было очистить места для отступления, и давка отнимала всякую возможность уйти, наши в отчаянии взялись снова за мечи и стали

рубить врага, и ВЗАИМНЫЕ (выделено нами — В.А.) удары секир (уважаемый читатель, вероятно, обратил внимание на наличие такого типично германского оружия, как боевые топоры, и у «варваров», и у «римлян» — по большей части — тех же «варваров» — В.А.) пробивали шлемы и панцири. Можно было видеть, как варвар в своей озлобленной свирепости с искаженным лицом, с подрезанными подколенными жилами, отрубленной правой рукой или разорванным боком, грозно вращал своими свирепыми глазами уже на самом пороге смерти; сцепившиеся враги вместе валились на землю, и равнина сплошь покрылась расprostертыми на земле телами убитых. Стоны умирающих и смертельно раненых раздавались повсюду, вызывая ужас. В этой страшной сумятице пехотинцы, истощенные от напряжения и опасностей, когда у них не хватало уже ни сил, ни умения, чтобы понять что делать, и копья у большинства были разбиты от постоянных ударов, стали бросаться лишь с мечами на густые отряды врагов, не помышляя уже больше о спасении жизни и не видя никакой возможности уйти...»

Исход той эпохальной битвы римлян с «варварами» окончательно решила готская конница, которая «вернулась (на поле боя — В.А.) с Алафеем и Сафраком во главе вместе с отрядом аланов. Как молния появилась она с крутых гор и пронеслась в стремительной атаке, сметая все на своем пути» (Аммиан).

Данное беспристрастным Аммианом описание Адрианопольской резни не дает нам общей картины построения войск противоборствующих сторон и хода сражения. Но из него явствует, что римское войско было окружено, отрезано и заперто на холмистой местности. В результате безмерной переоценки августом Востока Валентом II своих собственных сил и фатальной недооценки им сил противника. Единственным римским военачальником, предостерегавшим злополучного императора от недооценки готов и их военного могущества, был «магистр эквитум» (начальник конницы) Виктор, сармат по происхождению — типичный «федерат». «Варвару» Виктору, посевшему на римской службе (именно он активно участвовал в «челночной дипломатии» перед заключением «тильзитского» мира с Атанарихом посреди полноводного Истра), наверняка не раз приходилось иметь дело с готами (и своими соплеменниками-сарматами, союзными готам). Поэтому он настоятельно советовал императору, взяв готский стан в окружение, дожидаться подкреплений из западной половины

империи, которые обещал прислать август римского Запада Грациан. Но август римского Востока Валент и окружавшие его льстецы, уверенные в легкой победе, сочли сарматского «федерата» пораженцем (если не тайным ренегатом). И, вопреки всем предостережениям осмотрительного Виктора, перешли в губительное для римлян наступление. Забыв древнее правило римских стратегов: никогда не пренебрегай противником, каким бы ничтожным и слабым тот ни казался.

Судя по всему, римляне ошибались и в оценке численности готского народа-войска. По недостоверным донесениям лазутчика, готов было не более десяти тысяч. Эта ложная разведывательная информация (если не прямая «деза» — возможно, лазутчик был готом или иным ненавистником империи вообще либо императора Валента — в частности) укрепила уверенность августа Нового Рима в конечном успехе. Значит, римлян было под Адрианополем не меньше двенадцати или даже пятнадцати тысяч опытных бойцов (хотя и спешно набранных из разных легионов). Готов же «со товарищи», коль скоро они обладали в действительности подавляющим численным превосходством и смогли нанести опытным легионерам сокрушительное поражение, было, по меньшей мере, тысяч тридцать (если не все сорок, хотя никак не сто — утверждавшие последнее греко-римские авторы полностью оправдывали пословицу «у страха глаза велики»). Весьма внушительная военная сила для той эпохи римской истории (в которую, по оценкам историков, во всей Европе, включая «Скатиравию», насчитывалось не больше 6 миллионов германцев). В отличие от Иордана и некоторых его современников (чуждых военному делу и в армии никогда не служивших), непомерно преувеличивающих численность тогдашних армий, профессиональный военный Аммиан, ветеран множества компаний, как раз в данном вопросе вполне достоин доверия.

Значит, под Адрианополем готы «со товарищи» (о численности присоединившихся к «варварам» римских перебежчиков мы можем только догадываться) пошли «ва-банк». Выставив в поле против римлян всех способных носить оружие (включая захваченное у римлян). Развязав против римского самодержца Валента, так сказать, всенародную войну. Памятуя о постигшем их при переходе через Истр всенародном несчастье, отучившем их доверять римлянам. Одержанная готами победа была полной, полнее и быть не могло. Под Адрианополем пало тридцать пять римских трибунов (включая командующих

легионами). Бежали все, кто уцелел. Даже славившиеся особой стойкостью армянские конные отряды. Даже «вернейшие из верных» — германцы-батавы, лучшие кавалеристы римской армии со времен Клавдия Друза Германика — пасынка Октавиана Августа. Сам восточный император Флавий Валент не пережил «черного дня» своих легионов. Правда, он не доблестно пал в жестокой сече с готами (как, скажем, в свое время — общеримский император Деций, сбитый готскими «варварами» в бою с коня в болото и в этом болоте утонувший). А погиб мучительной и совсем не героической смертью уже после боя. Утверждали, что: «Валент не сразу испустил дух, но несколько кандидатов и евнухов (как же без них? — В.А.) отнесли его в деревенскую хижину и скрыли на хорошо отстроенном втором этаже (как видно, не такие уж плохие были у иных крестьян Второго Рима хижины! — В.А.). Пока там ему делали неопытными руками перевязку, хижину окружили враги, не знавшие, кто он. Это и спасло его от позора пленения. Когда они (готы — В.А.) попытались сломать запертые на засовы двери и их стали обстреливать сверху, то, не желая терять из-за этой задержки возможности пограбить, они снесли вязанки камыша и дров, подложили огонь и сожгли хижину вместе с людьми. Один из кандидатов, выскочивший через окно, был взят в плен варварами. Его сообщение о том, как было дело, повергло в большое горе варваров, так как они лишились великой славы взять живым правителя римского государства. Тот самый юноша, тайком вернувшийся потом к нашим, так рассказывал об этом событии» («Деяния»).

В первую очередь победоносные германцы были раздосадованы, думается, тем, что лишились огромного выкупа. Который непременно получили бы за Валента II, попадись он им живым. Возможно, богачам Второго Рима пришлось бы отвалить «варварам» за плененного теми императора Востока столько золота, сколько Валент весил (а весил он немало). Но и без того роковой для римлян день 9 августа 378 г. принес готам «со товарищи» несметную добычу. И, самое главное, им удалось окончательно сломить вооруженное сопротивление восточных римлян. Военная фортуна (или Фрауйя-Христос) отдала готам на поток и разграбление всю Фракию до самого Босфора. Специфическое расположение Адрианополя на трех реках делало поле битвы настолько тесным, что неистовое «бешенство» готов не могло не восторжествовать над легионами и ауксидиями армии константинопольского императора, лишенными свободы маневра. Римляне

оказались неспособными даже на организованный отход. Мало того! Когда отважный сармат Виктор попытался собрать горсть воинов, чтобы вывести из сечи раненого августа Востока, он не смог найти никого, кто был бы готов за ним последовать. «И в гиблом бегстве потерялся» (как сказал бы греческий трагик Эсхил).

Так что под Адрианополем римские легионы и ауксилиии пережили не просто разгром, а форменную катастрофу. Аммиан приводит скорбный список вельмож, сановников и представителей нобилитета римского Востока, нашедших в этот день смерть на кровавом поле брани. «Варварами» были убиты магистр педитум (командующий пешими войсками) Себастиан (Севастиан), его предшественник на этой должности Траян; комес стабули (начальник императорской конюшни) Валериан, магистр оффиций (заведующий дворцовым управлением) Эквиций. Среди павших трибунов был трибун промотов — римской отборной конницы — Потенций, сын магистра милитум Урсидина, давнего друга и соратника самого Аммиана. «Уцелела, как известно, только треть (римского — В.А.) войска» («Деяния»). Все разбежались, кто куда...

После краткого некролога сожженному заживо готами августу Востока Валенту, Аммиан описывает, как готы безуспешно попытались взять Адрианополь, отчаянно обороняемый римскими чиновниками, гражданами и уцелевшими воинами. Возможно, все еще пребывавшие во власти охватившего их бешенства и ненависти к римлянам, готы сами лишили себя плодов одержанной победы, ожидавшей их в «городе Адриана» богатой добычи и хранившихся там сокровищ покойного августа Валента. Добытых «жадным до чужого добра» восточно-римским августом-арианином «неправыми путями». Ибо: «В стремлении заполучить большие богатства он не знал меры» (Аммиан). Триста римских пехотинцев, стоявших на самом бруствере, «построившись тесным клином», вышли из города, чтобы перейти на сторону осаждающих (судя по клинообразному построению и попытке переметнуться к готам, эти «римские мужи» сами, вероятно, были готами или, во всяком случае, германцами!). Но ратоборцы Фритигерна перебили их всех до единого. Другие осажденные, наблюдавшие со стен и башен за бойней, учиненной готами под стенами города, сделали из происшедшего надлежащие выводы. И больше перебежчиков не было. Защитники Адрианополя, знавшие теперь, что пощады им не будет, бились с примерной стойкостью.

В конце концов готов утомили сопряженные с немалыми потерями, но неизменно безуспешные попытки взять Адрианополисть приступом. Сняв осаду, они присоединились к своим соратникам, грабившим незащищенную сельскую местность. Сопряженных с этим ужасов Аммиан уже не описывает. Зато не без удовлетворения сообщает о решительных действиях военного магистра Юлия, командующего (восточно-)римскими войсками «по ту сторону Тавра»: «Получив известие о несчастьях, произошедших во Фракии, он отдал относительно всех готов, которые были приняты до этого на службу и распределены по разным городам и укреплениям, тайный приказ ко всем их командирам, — все были римляне, что в наше время случается редко (еще одно свидетельство прогрессирующей варваризации римской армии, коснувшейся даже высшего командного состава — В.А.), — в котором повелевал всех их, как по одному сигналу, в один и тот же день, вызвать в предместье как бы для выдачи обещанного жалования и перебить. Это разумное распоряжение было исполнено без шума и промедления, и благодаря этому восточные провинции были спасены от великих бедствий» («Деяния»).

Что ж, дело известное, «хороший варвар — мертвый варвар»...

Аммиан завершает книгу XXXI своей «Римской истории» главой о смерти августа Востока Валента и следующими словами: «в эти дни магистр армии по эту сторону Тавра, Юлий, отличился решительным поступком, имевшим спасительные последствия <...> Вот что я, бывший солдат и грек по происхождению, изложил по мере сил, начав от правления Цезаря Нервы и доведя рассказ до гибели Валента. Я обещал в труде своем представить истину и нигде, как думаю, сознательно не отступил от этого обещания умолчанием или ложью. Остальные события пусть опишут другие, более сильные, чем я, имеющие преимущество молодых лет и учености. Если же они — будь это им угодно — примутся за подобное, то мой им завет — дать своей речи более высокий полет».

Позднейшая историография воздала Аммиану по заслугам. Он по праву считается одним из наиболее правдивых и достойных доверия античных историков. Ибо не просто оправдывает или осуждает того или иного героя своих «Деяний», но и неизменно приводит достаточно веские доводы в поддержку своей позиции. Правда, роль современника и очевидца связана и с определенными недостатками изложения. Особенно заметными при описании Аммианом Марцеллином

событий последнего года, описанного в «Деяниях», и нескольких предшествующих лет. Заметно, что, потрясенный шумом битвы, гибелью друзей, и увлеченный ходом действия, стремительно разворачивающегося у него на глазах, историк поневоле отводит первостепенное место личным переживаниям и впечатлениям, как бы отодвигая на второй план события, действительно важные для истории — роковое решение императора Востока Валента II и эпохальные последствия этого решения.

И лишь наблюдателю, находящемуся в большом историческом отдалении, бросается в глаза происшедшая резкая перемена обстановки. Всего за несколько лет мучимые голодом и страхом, обездоленные готские беженцы, отчаявшиеся устоять перед гуннским натиском и готовые поселиться в Римской «мировой» империи из милости, на любых, пусть даже самых унижительных, условиях, превратились в могущественную силу. Это преобразование вестготских общин произошло под воздействием постигшего их огромного несчастья и вызванного им всплеска ненависти к римлянам. Но то, что готские мигранты смогли одержать столь убедительную военную победу над прославленными римскими легионами — «непобедимыми и легендарными» (говоря словами известной песни советских времен), было, возможно связано с тем, чему готы научились всего двумя-тремя годами ранее в борьбе с гуннами. А научились готы подвижным, мобильным способам ведения боя, активному использованию конницы (не только алано-сарматской, но и своей собственной), стрелков из лука. В отличие от других германцев, традиционно отдававших предпочтение ударному клинковому и древковому оружию ближнего боя. А из дальнобойного оружия применявших в основном метательные копья.

Фритигерн, во всяком случае, хорошо усвоил данный готам гуннами урок.

Но готы не уяснили себе чего-то другого. Возможно, даже более важного. Что после столь масштабной победы они фактически стали хозяевами «Ромейской василии». А быть хозяином — не значит грабить свое собственное достояние. Что, поселившись в новом доме, следует заботиться о его сохранности — от подпола до чердака. Но откуда было готам взять это понимание? Ведь они, подобно вандалам, аланам и гуннам, не были привычны к жизни в собственном доме. Они пронеслись, как разрушительный вихрь, по градам и весям,

оставляя за собой море крови и слез...ну, и, разумеется, пустые сундуки. Однако, в общем, после их набегов ничего, по сути дела, не менялось. Фритигерн не сумел воспользоваться плодами победы, двинуться дальше, на Царьград. Чтобы провозгласить себя там императором. И принять бразды правления из рук до смерти перепуганных скопцов и коррумпированных «просвещенных» вырожденцев, воображавших, что повелевают миром с берегов Босфора...

Оказавшийся не способным оценить всего масштаба собственной победы, Фритигерн дал римлянам время собраться с мыслями и с силами. Назначив уже знакомого нам опытного полководца Феодосия, или же Теодозия, из рода знаменитого воителя Траяна (при котором Римская империя распространилась на Востоке до Персидского залива) главнокомандующим войск, брошенных на вестготов, царьградские олигархи не замедлили провозгласить его в 379 г. императором Востока. Под пером бесчисленных велеречивых клириков-кафоликов новоиспеченный август, яростный гонитель арианства и ревнитель православия, вошел в историю под прозвищем Великого.

В пользу справедливости присвоения ему этого прозвища говорят такие факты, как запрет Феодосием I Великим всех вероисповеданий, кроме православной христианской веры, упразднение им в 393 г. Олимпийских игр (чисто языческих по духу и происхождению) и объединение Феодосием под своим скипетром обеих половин Римской державы (394). Хотя он правил империей, объединенной им (в последний раз за всю ее историю) всего лишь пару месяцев (394–395). А после смерти Феодосия I Римская империя окончательно разделилась на западную и восточную часть.

Против присвоения ему прозвища «Великий» говорит зверская жестокость, с которой этот суровый воин, рано лишившийся отца (магистра конницы при императоре Запада Валентиниане, казненного по проискам придворных интриганов в 376 г.), подавлял восстания и волнения собственных подданных. Кровавые бани, устроенные Феодосием своим строптивым подданным в Фессалонике в 390 г., а год спустя — в Александрии, могут сравниться разве что с массовым истреблением новгородцев при разгроме Новгорода другим благоверным государем — Иоанном Грозным в 1569 г. Не зря святитель Амвросий Медиоланский даже не впустил августа Феодосия Великого в храм Божий, пока благочестивый император не покается в пролитой им невинной крови.

Вместо того, чтобы перехватить Феодосия по пути из Испании в юго-восточную Европу и отнять у него империю, победоносные вестготы дали ему облапошить себя в ходе бесконечных переговоров. И истощить готские силы в ходе нескольких сражений и многочисленных стычек. Как прикажете обрисовать иначе ситуацию, в которой победитель непонятным образом вдруг превратился в побежденного? Ситуацию, в которой расправивший плечи готский народ, способный, при желании, легко захватить и сохранить за собой ВСЕ, согласился удовольствоваться отдельными (причем отнюдь не самыми богатыми) римскими землями? Своего рода «резервациями», отведенными готским военным поселенцам «по всемилостивому повелению благочестивого василевса ромеев»?

Это повторялось постоянно. Т.н. «варвары» давно уже, благодаря своему мужеству и боевому духу, достигли в римском войске высших должностей и почестей. Вплоть до званий военных магистров, патрициев, членов сената (или, по-гречески, синклита). И даже удостоивались занесения в «фастес консулярес» — консульские фасты (ежегодные списки высших должностных лиц — консулов, бывших в прежние времена правителями Римской республики и оставшихся в имперскую эпоху обладателями, пусть и не дававшего реальной власти, но по-прежнему весьма престижного консульского титула). Германцы и тесно связанные с ними, не менее доблестные, сарматы, или же аланы, занимали самые ответственные посты. Готы Сар, Аспар и Гайна, вандал (по отцу) Стилихон были лишь самыми известными из них. Из многих десятков «федератов», выделявшихся своими выдающимися воинскими качествами и талантами из среды римского высшего командного состава. Не говоря уже о среднем. Но в решающие моменты, в ходе переговоров, когда решались важнейшие вопросы, народы, из среды которых выходили эти «столпы империи ромеев», всякий раз шли по пути наименьшего сопротивления. Довольствуясь выплатой римлянами дани (замаскированной под жалованье за охрану «мирными» варварами «нерушимых» римских границ от других, «немирных» варваров) и предоставлением им римских земель для поселения. Хотя могли получить все и сразу. Тот несомненный факт, что «варвары» все еще стремились не разрушить, а лишь использовать империю, римскую великую державу, сразу бросается в глаза. Представляя собой, возможно, самую наглядную поведенческую параллель между вестготским племенным

союзом и действующим одновременно с ним остготско-гуннским союзом разбойников. Государство оставалось неоспоримо римским. Ибо ни предшественники Аттилы, ни преемники Германариха явно не знали, чем им заменить Римскую империю. И потому «варвары», польщенные вниманием «культурных» римлян, охотно принимали милостиво протянутую им руку императора Феодосия. Хотя тот беззащитно и постоянно похищал или присваивал себе плоды всех одержанных ими ради него и для него побед и, в своем православном рвении, притеснял их веру. Хотя благочестивый император всегда был и оставался скорей безжалостным военачальником, чем милостивым «отцом отечества (и всех своих подданных)». Хотя... а, впрочем, хватит... Сказанного более чем достаточно. Приведем в подтверждение нашей мысли лишь краткую цитату замечательного, на наш взгляд, отечественного популяризатора истории Валентина Дмитриевича Иванова из авторских комментариев к его увлекательной и правдивой книге «Русь Изначальная» — пожалуй, лучшему в русской художественной литературе произведению о взаимоотношениях «ромеев» с «варварами» (включая наших готских, и не только готских, предков, несомненно, очень удивившихся бы, в случае своего воскрешения, царящей в наши дни на всей Руси Великой несколько неожиданной для первой половины XXI столетия безудержной «византофильской аллилуйщине»):

«Тут со всей очевидностью выяснилось, что готы не задавались целью завоевания империи, они защищали справедливость так, как они ее понимали».

Похоже, Царь Небесный воздал царю земному Феодосию сторицей за столь важную заслугу, как созыв Никейского собора с целью укрепления и консолидации молодой христианской веры. Фритигерн внезапно умер. А непреклонный Атанарих даже согласился, как мы знаем, удостоить Новый Рим своим посещением. Чтобы угодить в гостепримные объятия римского самодержца Феодосия, готового, в своей неизреченной милости, к «братскому» примирению с «заблудшим», но великодушно им прощенным готом. И даже вышедшего запросто пешком навстречу готскому «судье», прибегнувшему к его высочайшему покровительству. «Кто старое помянет — тому глаз вон (а кто забудет, тому — два)... Обласканный благочестивым василевсом, бесприютный Атанарих выразил свой восторг в проникновенных словах, донесенных до нас Иорданом: «Император — это,

несомненно, земной бог, и всякий, кто поднимет на него руку, будет сам виноват в пролитии своей же крови» («Гетика»). Мы также знаем, что вскоре после примирения с благочестивым василевсом, «юдекс» готов тихо опочил в «царственном граде» на Босфоре. Почил, как говорится, с миром. Впрочем, никому доподлинно не ведомо, не подмешал ли некий услужливый скопец «лучшему из готов» что-нибудь в пиршественную чашу. Или в лекарственное питье. Темна вода во облацех... Мы ничего о тайне смерти Атанариха не знаем. И никогда узнать не сможем. Потому что вряд ли хор панегиристов василевса Константина I пел более слаженно, чем хор панегиристов василевса Феодосия, удостоившегося от Бога милости не только избежать покушения со стороны соевого военачальника Луция (пытавшегося возродить язычество), но также пережить Фритигерна и Атанариха. Аларих же в то время был еще ребенком. Предоставленной Римской империи, по милости небес, двенадцатилетней передышкой она воспользовалась для обуздания готского могущества. Постаравшись завлечь буйных простодушных «варваров» в «ласковые сети» римского утонченного «искусства жизни».

Последний «общеримский» август Феодосий I Великий, «друг готов» (как называет его Иордан), охотно приглашал к себе своих противников (естественно, поодиночке). Принимая их радушно, дружелюбно, хлебосольно, всячески стремясь их обласкать. И эти грубые вояки, как медведи, которых ласковые укротители почесывают за ухом, наслаждались тем, что константинопольские чаровницы терлись своей нежной, благовонной от восточных притираний кожей об их медвежью шкуру, позволяли им себя ласкать своими медвежьими лапами, опьяняя их непривычными дикарям на вкус пряными винами. Естественно — цельными, без примеси воды. Можно себе представить, как над облапошенными «варварами» втихомолку потешались хитрые и просвещенные «ромей». «Ваше благородие, госпожа чужбина, / Сладко обнимала ты, да только не любила / В ласковые сети постой, не лови...»

Впрочем, возможно, император Феодосий I и впрямь испытывал определенную слабость (или даже привязанность) к добродетельным, «не испорченным цивилизацией» готским богатырям. Чью верность своим моральным принципам, своему «кодексу чести», в конце концов, восхвалял в «Германии» еще Корнелий Тацит. Интересно, обладал ли автократор Флавий Феодосий I в самом деле, а не толь-

ко в представлениях своих панегиристов, таким же гармоничным, истинно царственным, телосложением, как его предок император-воитель Траян и германцы у Тацита? И такими же белокуроыми волосами (вообще-то типичными для германцев, а не для уроженцев Испании, вроде него)? Сходный во многих отношениях с Траяном, получившим от благодарных римлян титул «Наилучший» (Оптим), он, однако, отличался от своего доблестного предка способностью обуздывать свою природную воинственность и страсть к завоеваниям. Что, впрочем, не мешало самодержцу Феодосию исполнять с честью, «по-траяновски», свой воинский долг, когда вести войну было необходимо. Иначе он, несмотря на свои христианские добродетели, не удостоился бы прозвища Великого. Ибо данный эпитет мог прилагаться только к государю, сочетавшему в себе качества доброго христианина и выдающегося военачальника. Панегиристы восхваляли также умеренность благоверного императора в телесных наслаждениях, помогавшую ему, чьим любимым времяпровождением были прогулки пешком, сохранить даже на склоне лет отменное здоровье. Равно как и присущие добродетельному августу высокие понятия о целомудрии, пристойности, благовоспитанности и порядочности как необходимых качествах всякого человека. А также о святости установленных природой и религией семейных уз. Что и было подтверждено изданными василевсом Феодосием законами (названным в его честь «Кодексом Феодосия», первым официальным сводом законов Римской империи, предвосхитившим во многом знаменитый «Кодекс Юстиниана»).

Похвалы восстановителю имперского единства, охотно привечающему «варваров», дабы они служили римским интересам, превращались в подлинные гимны, когда речь заходила о нем как представителе воинствующей церкви и разрушителе идольских капищ. «Император романорум» Феодосий I удостоился величайших похвал, скажем, от блаженного Иеронима Стридонского, за разрушение храма и идола Сераписа в Александрии — одного из семи чудес света, и в то же время — центра оппозиционных римскому самодержавию сил, выступавших против автократии под знаменем язычества (сегодня бы сказали — «родноверия»). Разрушение храма Сераписа (а заодно — Александрийского Музея — Храма Муз — религиозного, исследовательского, учебного и культурного центра не только греко-египетского, но и всего средиземноморского эллинизма,

простоявшего восемьсот лет) сопровождалось, согласно некоторым источникам, очередным сожжением Александрийской библиотеки. Эту библиотеку, правда, жгли, по разным поводам, и до, и после Феодосия Великого, все, кому, так сказать, не лень. Римские императоры Гай Юлий Цезарь, Септимий Бассиан Каракалла, Луций Домиций Аврелиан, «господин и бог» Иовий Диоклетиан, арабский халиф Омар... «Но все же, все же, все же...». Рискуя прервать в очередной раз канву повествования, не могу не привести в данной связи любопытный исторический анекдот, касающийся отношения разных народов к книгам. По утверждению анонимного «Продолжателя Диона»: «Готы, вторгшись в пределы Римской империи и разорив среди прочего город Афины, собрали там все книги и хотели их сжечь. Некто из готов, считавшийся у них человеком весьма рассудительным, помешал этому, заметив, что римляне, посвящая досуг книгам, совершенно пренебрегают военным делом». Но это так, к слову...

Из всех православных иерархов только святой епископ Амвросий Медиоланский, обладавший широким кругозором, единственный христианин среди критиков последнего объединителя Римской державы (сплошь язычников), осмелился наложить на Феодосия церковное покаяние. Правда, не за сожжение книг, а во искупление «кровавой бани» в Фессалонике.

История кровавой фессалоникийской бойни и противостояния между августом Феодосием Великим и епископом Амвросием (оба были впоследствии причислены христианской церковью к лику святых) — не просто исторический анекдот. Ибо она не только освещает характер императора и стойкость князя церкви перед лицом императорской власти. Но и показывает, как действовали два сильных духом человека, являвшихся на рубеже IV и V вв. такими же соперниками, какими через несколько лет было суждено стать двум представителям следующего поколения — выдающимся военачальникам Стилихону и Алариху. Двум германцам, числившимся (и тот, и другой!) на римской службе...

Амвросий Медиоланский (годы жизни: 340–397) был младшим сыном префекта претория, управлявшего Галлией, частью Испании, Британией и римской Германией. Т.е. обладавшего властью, почти равной императорской. Будущий епископ, проповедник и гимнограф происходил из семьи, принявшей христианство в начале IV в. Святая мученица Сотерия, пострадавшая в дни Диоклетиановых гонений,

приходилось ему двоюродной сестрой. Один из четырех великих латинских учителей церкви, обративший в христианство и крестивший блаженного Августина Аврелия, Амвросий получил блестящее классическое образование в духе древних традиций римской родовой аристократии.

Высокообразованному молодому отпрыску знатного рода была открыта дорога к высоким должностям. Поначалу карьера Амвросия носила чисто светский характер. Получив довольно краткие наставления в христианской вере, молодой римлянин некоторое время управлял североиталийской областью Лигурией в чине префекта. Но после смерти епископа Авксентия Медиоланского, неожиданно стал одним из кандидатов в его преемники. Такое в те времена не было чем-то необычным. Нам известно немало случаев избрания епископов разных городов их жителями путем голосования. «Пер аккламационем», как выражались в таких случаях римляне. Но в случае избрания Амвросия дело не обошлось без политической игры. Согласно житию святого, он самыми разными, даже сомнительными, способами сопротивлялся своему избранию. Но в действительности будущий епископ, вероятнее всего, проявил себя искусным тактиком. Тонким политиком, сумевшим вселить в клир Медиоланской епархии уверенность в будущем. И избранным в 35-летнем возрасте, как человек, готовый к компромиссам.

Амвросий не был неистовым фанатиком-идолоборцем вроде епископа Афанасия Александрийского. Все-таки сказывалось полученное им в юности классическое античное образование. Но он рассматривал церковь, членом которой стал после крещения и рукоположения в епископы, как некое особое царство. «Цивитас Деи», где не могло быть иного царя и иной власти, кроме Царя Небесного и его священнослужителей. Сложилась уникальная в своей парадоксальности ситуация. Церковник, которому, с учетом происхождения и образования, «светил» скорее императорский престол, чем епископская кафедра, противостоял мирянину, обретшему величие и императорский престол благодаря своей борьбе за христианство. Они были едины только в вере. Во всем же остальном не могли не стать противниками. Первыми контрагентами великого противостояния между церковной и светской властью, между священством и царством, под знаком которого проходила вся история христианской цивилизации вплоть до Нового Времени.

И в самом деле — то, что произошло в Медиолане, нынешнем Милане, между Феодосием и Амвросием, как бы предвосхищало то, что через семьсот лет после них произошло в итальянской Каноссе между императором «Священной Римской империи» Генрихом IV и непреклонным папой (епископом) римским Григорием VII. Разница была лишь в том, что император Феодосий действительно совершил тяжкий грех пред Богом и людьми. Повелев в приступе гнева истребить тысячи своих подданных. Когда после этих событий август Феодосий хотел помолиться в церкви, святой Амвросий не пустил его за храмовый порог, обвиняя в убийстве невинных и требуя покаяния.

Дело было весной 390 г. «Служилый» гот Ботерих (Бутерих) командовал императорскими войсками в провинции Иллирия (Иллирик). Свою власть он осуществлял с помощью «варварских», главным образом — готских — «федератов» на римской службе. Жители Фессалоник(и) — портового города с многочисленным плебсом (погречески — охлосом), чью горемычную, от трудного детства до нищей старости, жизнь кое-как скрашивали периодические государственные подачки в виде «хлеба и зрелищ» — любили колесничные бега не меньше, чем жители Рима и Константинополя, Александрии, Антиохии и Карфагена. Колесничие были популярны среди масс своих фанатов не меньше «звезд» современного «большого спорта». Поэтому приказ строгого моралиста Ботериха взять под стражу одного из самых популярных колесничих, снискавшего дурную славу своими сексуальными излишествами и оргиями, в т.ч. и с участием эфэбов, т.е. мальчиков (что, по тогдашним представлениям, не соответствовало нормам христианской нравственности), вызвал возмущение черни. Плебс крупнейшего города Македонии восстал, требуя немедленно освободить колесничего из-под стражи. Как человека, необходимо для предстоящих скачек. Ботерих отказался удовлетворить требование цирковых фанатов. Разъяренные греки убили «традиционно ориентированного» готского сановника (легкомысленно ходившего по улицам без охраны), забросав его камнями (а заодно — и других императорских чиновников).

Наказание, которому благоверный василевс подверг мятежных фессалоникийцев, было настолько исключительным и необычным по своей изощренности, что вызвало среди историков немало споров. Феодосий повелел объявить о проведении цирковых игр на городском стадионе. С тем, чтобы заманить на стадион сторонников нетрадици-

онно ориентированного «народного героя»-колесничего. После чего воины императора должны были блокировать все выходы с ристалища и перебить запертую на цирковых трибунах городскую чернь. Согласно некоторым источникам, благочестивый август даже приказал истребить ЗАРАНЕЕ ОПРЕДЕЛЕННОЕ (выделено нами — В.А.) число горожан (предвосхищая тем самым большевицкую практику «разнарядок» на истребление «врагов советской власти», спускаемых «сверху» на «места» в ходе массовых «чисток»). Таким коварным способом Феодосий решил утолить жажду мести своих германских «федератов» за убитого бунтовщиками Ботериха.

Однако вскоре император умерил свой гнев, несмотря на то, что — к недовольству греков и римлян — всячески (а на взгляд «староримлян» — чересчур) заботился о своих варварах-«федератах». И срочно выслал в Фессалонику гонца, чтобы отменить уже отданный жестокий приказ. Но гонец опоздал. Массовое избиение любителей колесничных бегов уже состоялось. По разным оценкам, жертвой мечей и копий императорских наемников в амфитеатре Фессалоник пало от семи до пятнадцати тысяч человек. Узнав об этой бойне (повторенной впоследствии на царьградском ипподроме во время восстания «Ника» благоверным императором Юстинианом I — правда, в троекратном размере и без последующего покаяния), епископ Амвросий объявил, что не будет служить Божественную литургию в присутствии Феодосия, пока тот не очистится от пролитой крови, сотворив достойный плод покаяния.

Феодосий, естественно, «взвесил на весах благоразумия» всю тяжесть возможных последствий своего совершенного в приступе слепого гнева необдуманного шага. 18 августа 390 г. он, по настоянию Амвросия, издал в Вероне указ, получивший силу закона, по которому приведение в исполнение смертных приговоров откладывалось на тридцать дней после их вынесения. Что можно расценивать как почти трогательную попытку императора, так сказать, защититься от самого себя. Но в то же время, разумеется — и как признание им своей слабости, которая могла оказаться для императора роковой. Епископ Амвросий простил самодержцу совершенное тем злодеяние только через восемь месяцев. Покаяние, которого епископ требовал от императора, тот принес на Рождество Христово 390 г. Феодосий, без знаков императорского достоинства, вошел в кафедральный собор Медиолана. Он с громким плачем многократно преклонил колена

перед собравшейся в храме паствой, моля Бога о прощении за свой необдуманный приказ. Лишь после этого епископ Амвросий допустил покаявшегося в своем грехе императора к святому причастию.

Эта сцена, послужившая предметом и темой множества комментариев и произведений искусства, была в действительности лишь одним из многочисленных примеров противостояния духовной и светской власти. Конфронтации, в которой новая церковь неизменно одерживала верх над властью древних императоров.

Авторитет епископа Амвросия был так велик, что он оказывал влияние на всю политику императора Феодосия, тем самым создав значимый прецедент в отношениях государства и церкви.

Кроме случая с августом Феодосием Великим и епископом Амвросием Медиоланским, можно, в качестве примера противостояния «царства и священства», указать на вовлеченного в аналогичный конфликт с Феодосием I папу римского Сириция (384–399). Однако главной причиной конфликта, думается, была не столько политика императора в отношении к церкви, сколько склонность Феодосия продвигать готов на ведущие посты. Причем не только в отведенных им, как «федератам», пограничных областях Римской державы, но и в ее центральных областях. Амвросий, истинный, православный христианин-кафолик с языческим образованием и как бы хранитель духа и традиций древнего мира, в определенной мере олицетворял собой эзотерические и аристократические тенденции. Не зря считается, что «его мистические гимны не чужды неоплатонизму платиновского извода» (Википедия). А искренний приверженец истинного, кафолического, православного христианства Феодосий был в то же время здравомыслящим профессиональным военным, закаленным в боях военачальником, испытывавшим явную симпатию к молодой, нерастраченной варварской силе своих готских «федератов». Что и проявлялось в его (про)готской политике. В то же время царившие в Новом Риме коррупция и упадок нравов явно внушала отвращение Феодосию, видевшему в них главную причину разложения государственного организма, гнившего, так сказать, на корню. Разумеется, сам август тоже то и дело поддавался (в жизни, а не в житии) различным искушениям античных мегаполисов (ничем не уступавших в этом отношении современным мировым столицам, если не превосходивших их). Но, возможно, именно угрызения совести, терзавшие римского императора-воителя, нередко сокрушено признававшегося в собственной греховной слабости, способствова-

ли столь характерному для василевса Феодосия пристрастию к готам, неиспорченным «благами городской культуры и цивилизации». В то же время ему, опытному военному, было понятно, что, как воины, эти «варвары» давно превзошли дегенерировавших во всех отношениях «природных римлян», только и думавших, как бы им половчее «отко- сить» от службы «в доблестных рядах».

Им бы не драться, а девок раздевать!
Щуплые цыплята, сукины дети!
В баню их, что ли, позвать –
Самих догола раздеть их...

Так, кажется, писал поэт? Впрочем, довольно об этом...

Политика, проводимая августом Феодосием I Великим в отношении германцев, способствовала массовому переселению в Римскую империю и поступлению на римскую службу, прежде всего, готов и, в первую очередь — вестготов. Так сказать, их интеграции. Причем не только в чисто географическом плане (хотя и одно это было бы весьма важным), но и в плане духовном, культурном, цивилизационном. Начатый Феодосием процесс интеграции германских мигрантов всего через несколько лет нашел свое выражение в сенсационных военных успехах вестготов в самой Италии, сердце Римской империи. То, что каких-то десяти-двенадцати лет вполне хватило для сплочения разрозненных шаяк грабителей, орудовавших под предводительством разных, нередко враждебных друг другу, князей, в народ, подчиненный одному царю и беспрепятственно передвигающийся по всей Римской империи, можно понять, лишь с учетом следующего факта. Не меньше половины высшего командного состава в войсках Феодосия составляли германцы. Правда, еще Константин I Великий открыл германцам доступ к высшим командным должностям — вплоть до должности военного магистра (магистер милитум), т.е. главнокомандующего. Примечательно, что как при Константине, так и при Феодосии, германские военачальники на римской службе были, в большинстве своем, язычниками. Либо — арианами (т.е. не христианами, с точки зрения Никейского Собора, чьим постановлениям добрый кафолик Феодосий неуклонно следовал во всех сферах, за исключением военной).

Выражаясь современным языком, германцы составляли крупнейшую этническую группу в составе офицерского корпуса римской

армии. Его другая половина состояла из немногочисленных природных римлян и более многочисленных выходцев из римских провинций (колоний). Т.е. греков, сарматов, иллирийцев, представителей народов Малой Азии и Ближнего Востока, кельтов (бриттов, галлов) и иберов, сарацин (арабов), мавров, нумидийцев, египтян и др. Не все германцы на «ромейской» службе были безупречны. Как то подобало бы героям германского эпоса. Скажем, магистер милитум франк Флавий Арбогаст неосмотрительно вверг Римскую империю в (очередной) глубокий кризис, пытаясь проводить собственную, своекорыстную политику. Но, в общем и целом, германские «федераты» на римской службе и их предводители оставались самой надежной опорой императорской власти. Они, всегда отменно храбрые, действительно любили и умели воевать, страдая лишь от недостатка дисциплины (в римском понимании). Только в случаях, когда из-за их недисциплинированности возникали трения, германцы могли порой и взбунтоваться.

Служилые германцы, происходившие из царских или княжеских родов, поддавались порой искушению, не удовлетворяясь своей высокой, но все же подчиненной должностью, попытаться завладеть римским императорским престолом. Или фактически узурпировать власть над Римской империей, возведя на ее престол свою послушную марионетку. Такое случалось, хотя и нечасто. Взять, к примеру, Флавию Рихомера, франка-язычника на римской службе, ставшего консулом в 384 г. Или другого, упомянутого выше, язычника-франка — Арбогаста, командовавшего на протяжении целого десятилетия вооруженными силами Римской державы. В 392 г. он провозгласил императором свою марионетку Евгения (такого же закоренелого язычника), но не устоял в борьбе с Феодосием Великим. Служилые франки Флавий Бавтон и происходивший из царского рода Меробавд также достигли в римской армии высших командных должностей, добившись огромного влияния при «ромейском» императорском дворе.

«Унижение, до которого дошли римляне, до сих пор возбуждает в нас почтительное сострадание, и мы были бы готовы сочувствовать скорби и негодованию их выродившихся потомков, если бы в душе этих последних действительно возникали такие чувства. Но пережитые Италией общественные бедствия заглушили гордое сознание свободы и величия. В века римской доблести провинции

подчинялись оружию республики, а граждане ее законам до той поры, когда эти законы были ниспровергнуты внутренними раздорами, а город и провинция сделались раболопной собственностью тирана. Конституционные формы, смягчавшие или прикрывавшие их гнусное рабство, были уничтожены временем и насилием; итальянцы сетовали то на присутствие, то на отсутствие монархов, которых они или ненавидели, или презирали, и в течение пяти столетий пережили все бедствия, порождаемые своеволием армии, прихотями деспотизма и тщательно выработанной системой угнетения. В тот же самый период времени варвары вышли из своей неизвестности и из своего ничтожества; германские и скифские (сарматские, аланские — В.А.) воины были допущены внутрь римских провинций сначала как слуги, потом как союзники и, наконец, как повелители римлян, которых они то оскорбляли, то охраняли. Ненависть народа сдерживалась страхом; он уважал за мужество и за блестящие подвиги воинственных вождей, на которых возлагались высшие должности империи, и судьба Рима долго зависела от меча этих страшных пришельцев» (Гиббон).

Стань эти высокопоставленные «федераты» ренегатами, им ничего не стоило бы завладеть всей «мировой» империей путем государственного переворота. Ведь Римская держава и без того фактически была в их полной власти. Но Рим, благодаря своей тысячелетней харизме, официально все еще пользовался слишком большим уважением у всех «народов» («гентес»). К «народам» гордые «потомки Ромула» себя не причисляли. Как бы возвышаясь над ними, привычно глядевшими на римлян снизу вверх.

Впрочем, хотя императоры все еще были преимущественно «римлянами», т.е. романизированными греками, иллирийцами, в редких случаях пунийцами-карфагенянами — как Септимий Север и его сын Бассиан Каракалла, сирийцами — как Гелиогабал и Александр Север, фракийцами — как Гай Юлий Вер Максимин, арабами или маврами — как например, Марк Юлий Филипп или Марк Опеллий Макрин (время целых династий «ромейских» василевсов исаврийского, армянского, хазарского происхождения еще не пришло), их жены были нередко германками. Дочь Бавтона, консула 385 г., по имени Элия Евдок(с)ия стала императрицей, причем одной из наиболее известных. Германцы пользовались почти повсеместным признанием и кажущейся нам почти невероятной популярностью

в римской среде. Особенно на верхних этажах имперской социальной иерархии. Чему, конечно же, в немалой степени способствовала непомерная страсть «ромеев» к шутовству и лицедейству. Часто превращавшаяся в подлинную лудоманию. От первоначальных контактов с «германскими варварами», окрашенных, в немалой степени, тонкой, непонятной этим «дикарям» иронией, дело со временем дошло до прямо-таки театральных сцен. В ходе которых, например, всесильный временщик Руфин, префект претория Востока, при триумфальной встрече возвращавшихся в Царьград с победой готских «федератов», принимал их парад, одетый готом, в готском вооружении. А влиятельные придворные евнухи облачали своим жирные телеса в «варварскую» меховую одежду, столь подчеркивавшую мужественность германских полководцев римской армии. Помните, уважаемый читатель, доблестного Максим(ус)а в исполнении Рассела Кроу из первых кадров фильма «Гладиатор», посвященных военным действиям в Бойгеме при императоре Марке Аврелии (кстати говоря, испанце по происхождению, как предок Феодосия Великого — Марк Ульпий Нерва Траян, да и сам Феодосий Великий). «Римский с германцем — братья навек! Крепнет единство народов и рас...»?

Могло ли все это казаться естественным такому трезвому политику и здравомыслящему человеку, как Феодосий Великий? Считал ли этот опытный военачальник, что даже верные ему, нашедшие в Риме приют, прошедшие военную подготовку в рядах римских войск, проникшиеся (пусть и чисто внешне) римским духом, «прирученные», «романизированные» германцы не опасны для древней, «вечной», «мировой» империи «потомков Ромула», которую они так стойко и отважно защищали в конце IV столетия? Или он втайне понимал, что «от осинки не родятся апельсинки?»

Конечно, Феодосий I мог бы оправдаться отсутствием у него иного выбора. Теснимая со всех сторон врагами, Римская империя выбрала наименьшее из зол. Сделав ставку на верных, белокурых храбрецов, способных защитить ее от буйных, непокорных азиатских дикарей. Пришло, наконец, время проводить различие между полезными и вредными для империи «варварами». Как в начале III в., при императоре Септимии Бассиане Каракалле — осчастливить провинциалов, жителей римских колоний, дарованием им римского гражданства.

Так что не будем осуждать августа Феодосия, вот уже более полутора тысячелетий носящего прозвище «Великий». И требовать от него, да еще задним числом, невозможного — утихомирить и остановить бушующий морской прибой. Тем более, что уже родились люди, которым было суждено оседлать его волны, и мчаться по морю, как бог Посейдон. Одним из них был германец Аларих, гот царского рода. Другим — не германец, носящий, однако германское, готское имя, означающее «Батюшка». Бич Божий и Потрясатель Вселенной. Аттила.

МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ЦАРЬ АЛАРИХ

Главу, посвященную вестготскому царю Алариху, можно было бы озаглавить и иначе — Аларих и Стилихон. Если бы автор настоящей книги не посвятил ее готам, он охотно сделал бы героем этой главы военного магистра Стилихона. Вандала, все деяния которого полностью противоречили тому, что обычно связывают с понятием «вандализм». Римлянами же, участвовавшими в этой готско-вандальской «пробе сил», были наследники Феодосия I. Два юных императора, отличавшиеся распущенностью нрава, ограниченностью ума и поразительной слабостью воли. Аркадий (которому в год смерти его отца было семнадцать лет), наследник восточной части Римской империи. И Гонорий (ему было и того меньше — всего восемь!), унаследовавший власть над ее западной частью. Чтобы представить себе, до чего докатился Рим, достаточно только сравнить этих т.н. «самодержцев» Римской державы с ее реальными правителями — ментором обоих августейших недорослей вандалом Стилихоном и его главным недругом — вестготом Аларихом (чье имя означает в переводе с готского «Всеобщий Царь», «Всецарь» или «Могущественный Царь»).

Аркадий, старший сын императора Феодосия Великого от благородной Фациллы, пятикратный консул, родился в Испании в 377 г. п. Р.Х. В ту пору Феодосий был еще частным лицом, проводивший свой досуг в уединенном поместье под Кавкой. Сын Феодосия I, зачатый будущим восстановителем имперского единства на досуге в сельском уединении, с рождения страдал таким недостатком физических сил, что было невозможно надеяться на его успешное умственное развитие в будущем. Т.е. Аркадий, провозглашенный августом уже в пятилетнем возрасте, был кретином от рождения. Тщедушным, низкорослым, слабосильным, хилым и невзрачным. К тому же выглядел всегда сонливым. Впрочем, возможно ему мешала выспаться крепкая пышнотелая германка Элия Евдоксия, делившая с ним императорское ложе. Его духовные интересы ограничивались каллиграфией и религиозными упражнениями. Примечательным в этом жалком существе представляется лишь то, как быстро молодая церковь воспользовалась управляемостью столь слабого правителя, манипули-

руя им без особого труда. Начиная с V в., церковь с успехом делала это еще не раз. За исключением, возможно, суровых указов, направленных против языческих святилищ и языческого культа, а также против еретических христианских сект, за все время правления Аркадия ни одна государственная инициатива не исходила от него самого. Согласно труду Эдуарда Гиббона «Упадок и разрушение Римской империи», даже дети Аркадия были зачаты не им: «Евдоксия, молодая и красивая женщина, давала волю своим страстям и презирала мужа. Комес (комит — В.А.) Иоанн пользовался по меньшей мере дружеским доверием императрицы, и народ называл его истинным отцом Феодосия Младшего (будущего императора Востока Феодосия II, 401–450 — В.А.)». Откровенно говоря, ничего лучшего этому второму Феодосию и пожелать-то было невозможно. Ибо сын первого Феодосия, если и не был полным импотентом, то явно страдал от недостатка мужской силы (как это часто бывает с поздними детьми, вроде Аркадия). Евдок(с)ия нашла тот же выход из ситуации, какой был впоследствии найден оказавшимися в аналогичном положении Марией Стюарт, Анной Австрийской, Еленой Глинской и многими другими женщинами, как венценосными, так и не венценосными. В противном случае британцы не имели бы Иакова I, французы — Людовика XIV, русские — Ивана IV, не говоря уже об иных примерах, менее известных и оставшихся совсем неизвестными.

Впрочем, о Феодосии II говорить было еще рано. Пока что Римской «мировой» империей правил ее воссоединитель Феодосий I. Благоверный василевс решил восстановить наследственную монархию. Отличавшийся, в общем, умеренным образом жизни, старавшийся избегать излишеств, вызывающих болезни, он надеялся править единолично еще много лет (видимо, поэтому ему было особенно тяжело умирать). Император не питал особых иллюзий в отношении своих будущих наследников Аркадия и Гонория. Хотя Гонорий (Онорий) был еще слишком мал, чтобы отец мог в нем окончательно разочароваться. Тяготы одной из постоянных и нескончаемых войн с соправителями, узурпаторами и кандидатами в узурпаторы императорской власти осенью 394 г. приковали Феодосия Великого к одру болезни. Расхворавшийся «реститутор империи» повелел доставить к нему в Медиолан младшего сына — Гонория. На которого, как уже говорилось выше, возлагал несколько большие надежды. Чтобы провозгласить его там августом Западной империи, уравнив во власти, правах

и почестях с его старшим братом — августом (с пяти лет) Аркадием, правившим империей Восточной.

После кратковременного улучшения состояния императора Феодосия Великого 17 января 395 г. наступил кризис. Восстановитель римского единства пребывал в агонии. Его сыновьям было, соответственно, восемнадцать и одиннадцать лет. Империи же отовсюду угрожали враги — как внешние, так и внутренние. О чем свидетельствовал только что завершённый Феодосием с большим трудом поход против узурпатора Евгения, магистра скринорум, т.е. начальника имперской канцелярии (вздумавшего, по указке Арбогаста, отделить от империи Италию).

Но был в Римской державе человек, для которого смерть Феодосия I означала, что настал его великий час. Вандал Стилихон. Рано поседевший на римской службе полуварвар, которому Феодосий Великий подчинил, кроме войск, только что одолевших узурпатора-язычника Евгения, вооруженные силы всей Римской империи (хотя реально ему подчинились лишь войска ее западной половины). Благодаря этому важнейшему обстоятельству вся римская военная мощь (к сожалению, только формально, что, однако, выяснилось далеко не сразу) сосредоточилась в руках человека, которому было суждено стать главным врагом вестгота Алариха. Причем врагом, явно превосходящим готского вождя своими военно-политическими талантами. Не раз державшим в своих руках судьбу Алариха, которого легко мог уничтожить, превратив пленных готов в «двуногий скот». В руках Стилихона, щедро одаренного судьбой организатора, практика и стратега. И в то же время — единственного римского военачальника, чья верность императорской власти оставалась неизменной даже в том умопомрачительном хитросплетении интриг, в который неуклонно погружалась умирающая Римская империя.

Стилихон приблизился к смертному одру Феодосия. По хриплому, прерывистому дыханию августейшего больного, полководец понял, что конец императора близок. Умирающему василевсу было давно известно, что Аркадий не сможет править римским Востоком без советов ловкого и хитроумного префекта претория Руфина, а Гонорий не сможет править римским Западом, не опираясь на авторитет епископа Амвросия. Ничего большего, чем помощь советами и руководство, и не требовалось. Ибо август, даже одиннадцатилетний — уже венчанный государь, и в опекунах или регентах не нуждается. Во-

прос заключался в другом. В чьи руки передать командование вооруженными силами двуединой, отныне, империи? Кто будет защищать Римскую державу и императорскую власть обоих августов?

На это был не способен ни разжиревший на константинопольских хлебах, похотливый и трусливый галлоримлянин Руфин (сластолюбец, краснобай, мастер придворной интриги в «византийском» стиле), ни церковный иерарх Амвросий Медиоланский (безупречный во всех прочих отношениях, но преданный больше «священству», чем «царству»).

Оставался только Флавий Стилихон. Магистер милитум — главнокомандующий римской армией —, супруг племянницы императора — Серены и, таким образом, почти зять умирающего Феодосия (ибо Серена была падчерицей последнего объединителя империи).

Пристрастные современники, принадлежавшие к враждебным партиям, настолько исказили сведения о последнем разговоре лежащего на смертном одре императора с его «вернейшим из верных». Поэтому у нас нет окончательной ясности по поводу объема власти и полномочий, полученных Стилихоном от Феодосия. Тем не менее, большинство историков считает, что, согласно последней воле Феодосия, оба его сына были вверены заботам Стилихона. Возможно, восстановитель единства империи сознательно назначил Стилихона опекуном обоих августов — западного и восточного. С целью предупредить развал с таким трудом собранной им воедино Римской «мировой» империи на западную и восточную половины, не допустить их взаимного отчуждения. Хотя император передал каждому сыну в наследство его «удел» (или, по-готски — «одал» — «наследственное владение!»), они, братья, должны были оставаться братьями, а империя — единым целым. Иначе непонятно, для чего Феодосий Великий всю жизнь занимался «собираанием воедино всех римских земель». Логично? На наш взгляд — вполне.

В ту зиму 395 г. во всей Римской «мировой» державе не нашлось бы никого, способного решить задачу спасения ее от развала лучше вандала Стилихона. Мало того, любой другой, назначенный опекуном несовершеннолетних августов, неминуемо стал бы лишь «фактором риска». Хотя стратеги-«федераты» вроде гота («скифа») Гайны или франка Флавия Бавтона и придали, своей первозданной германской мощью, в сочетании с римским боевой выучкой, неожиданные, новые импульсы дряхлой империи, им не хватало качеств, необходимых

военачальнику для того, чтобы стать государственным деятелем. Мало быть искусным полководцем, чтобы успешно управлять империей.

Вандалу Стилихону приходилось сражаться не только с вестготами Алариха. Он всю жизнь боролся также с интриганами и узурпаторами. Но никогда — с вверенными его опеке императорскими сыновьями, выступавшими на исторической арене как самостоятельные правители. Стилихон имел все — деньги, власть, почет. Ничего большего себе он — фактический властитель всей римской Европы и в то же время «слуга верный своих природных государей» — не желал.

Стилихон был отпрыском одного из княжеских семейств вандалского народа. Хотя некоторые источники говорят, что в его жилах текла не просто княжеская, но даже «царская» кровь. Но это противоречие — кажущееся. Ибо германские выборные «военные (войсковые) цари» (как можно убедиться на примере родственных вандалам готов) могли избираться из довольно широкого круга членов знатного рода. Такая выборная царская власть обладала явным преимуществом перед наследственной императорской властью. Способной противопоставить самим лучшим и сильным во всех отношениях представителям «варваров» германского, сарматского или гуннского происхождения только слабовольных, слабосильных «маменькиных сынков» из одряхлевших семейств «потомков Энея и Ромула».

Уже отец магистра Стилихона дослужился в римском войске до высоких должностей. И выслужил римское гражданство. А сын его уже родился римским гражданином (как апостол Павел). Он получил блестящее римское образование. Не забывая и не отрицая при этом своего германского происхождения. Особенно ценным «экспертом по германским делам» делало Стилихона в глазах его римских хозяев свободное владение тремя языками:

1) «общегерманским» (своего рода «языком межплеменного общения», понятным всем германским племенам, странствующим по «римскому миру»),

2) латинским — официальным государственным языком всей Римской империи и

3) греческим — языком римского образованного общества, по крайней мере, со II в. до Р.Х., все больше вытеснявшим латинский при константинопольском дворе и вообще на римском Востоке.

Быстро продвигавшийся по служебной лестнице благодаря своей выдающейся храбрости, Стилихон, причисленный к сословию римских всадников (лат. ордо эквестер), второму по знатности после сенаторского сословия (лат. ордо сенаториус), ставший любимцем императора, был в 383 г. направлен тем во главе римского посольства в Персию, именовавшуюся при стоявших там тогда у власти Сасанидах «Эраншахром» (или, говоря по-нашему, «Арийским царством»). Тогда ему было около двадцати пяти лет. Значит, на момент смерти Феодосия Великого, его верному «римскому» вандалу не исполнилось еще и сорока. Он был мужчиной, так сказать, в самом расцвете лет, сил и талантов. Или, как говорили греки — «акме». Видимо, жажда власти и богатства пробудилась в Стилихоне под впечатлением невероятной роскоши двора персидского «царя царей» (которому, как следует заметить, со времен Диоклетиана, римские императоры открыто подражали, но, как видно, недостаточно — сказывалась не столь давняя привычка римлян к деспотии). Высокородному, атлетически сложенному и молчаливому (как то приличествовало достойному мужу) посланнику «вечного» Рима удалось прельстить чарующих мужские взоры луноликих пери Сасанидского двора. Но он посвящал свой досуг не любовным утехам, а охоте на тигров и львов (!). Любимой потехе персидской знати, вплоть до самого «царя царей» (судя по дошедшим до нас многочисленным изображениям на серебряных блюдах и других произведениях искусства сасанидского периода). И своей сдержанностью совсем сводил с ума прелестных персиянок.

Стилихон копил силы для будущего брачного союза (и, возможно, уже знал — с кем). После успешного завершения своей дипломатической миссии в великий Эраншахр, молодой римский дукс (подчиненный по должности военному магистру, в свою очередь подчиненному префекту претория, выше которого был только император), повел к алтарю племянницу императора с красивым, звучным именем Серена («Ясная»), удочеренную августом Феодосием I Великим и сделавшую своего законного супруга зятем воссоединителя Римской империи. Пока был жив великий православный император, Стилихону, удостоенному высших воинских почестей и получившему все высшие воинские чины, а в придачу — богатейшие поместья и роскошный дворец под Царьградом, не о чем было беспокоиться.

Но и после кончины самодержца Феодосия I военный магистр Запада и Востока Флавий Стилихон не спешил начать борьбу со своим

главным и самым опасным соперником — притязавшим на всю реальную власть магистром оффиций и префектом претория Востока патрицием Руфином. Вместо этого он во главе войска отправился на беспокойную ренскую границу. В походе на германцев, стремительность и эффективность которого вызвала всеобщее восхищение, Стилихон лишний раз подтвердил свой выдающийся талант стратега. Все великие полководцы мировой истории могли похвастаться военными успехами, аналогичными успехам не достигшего еще и сорока вандала, только что вступившего в верховное командование римскими вооруженными силами. Но лишь очень немногие из них отличались такой стремительностью и таким умением преодолевать горы, реки, леса. Так и просится на язык знаменитая суворовская триада: «Глазомер, быстрота и натиск». Должно быть, Стилихону удалось надолго впечатлитель и покорить приренские «народы» не только силой оружия, но и силой своих слов и своей личности. Ибо мир, продиктованный германцам на Рене-Рейне Стилихоном, не нарушался целых двадцать лет. Дольше, чем мир, заключенный с германцами там же когда-то самим Гаем Юлием Цезарем...

Затем Стилихон повернул на восток, где двуединой «вселенской» монархии «славных потомков Энея и Ромула» досаждали вестготы. Во главе со своим молодым царем Аларихом (Алариком, Аларейксом) они опустошали восточную часть «мировой» империи, особенно свирепствуя в Греции. Возможно, Стилихону доложили, что вестготские грабители при этом, странным образом, щадили обширные владения патриция Руфина, неизменно обходя их стороной. Дело было явно нечисто. Аларих (370–410) был не просто жадным до добычи «варваром», хватавшим, без разбору, все, что попадалось ему под руку. Несмотря на свою молодость, он был достаточно умен, чтобы играть роль «язычка» на весах. Военно-политических весах, колеблющихся между Восточным и Западным Римом, между братьями-августами Аркадием и Гонорием. На деле же — между галлом Руфином и вандалом Стилихоном.

Когда Стилихон и Аларих встретились, по прихоти судьбы на поле брани, то произошло смертельное противоборство между двумя германцами царского рода на римской земле. Ибо отпрыск вандальских царей вел на вестготов римские войска (состоявшие в немалой части из германцев, что, однако, в данном случае, неважно). Не только народы-мигранты вносят путаницу в историю IV в., но и их владыки

и вожди способствуют этой путанице, в т.ч. своими брачными союзами и браками своих сыновей и дочерей...

Как бы то ни было, запомним следующее. Аларих был не просто «военным царем», не просто избранным на время военных действий «лучшим из рубак», а потомственным государем, притязавшим на высшую власть. Он был отпрыском царской вестготской династии Балтов (Балтиев) — знатнейшего готского рода, после Амалов (если верить Иордану). Род Балтов имел для вестготов столь же большое значение, как род Амалов — для остготов. Тем не менее, багаж наших знаний о Балтах весьма скуден. Никто, насколько нам известно, не взял на себя труд проследить их генеалогию до ее мифических корней. Да что там корни! Даже в кроне родословного древа Балтов-Балтиев нам еще многое неясно. А то, что представляется, на первый взгляд, ясным, порой лишь кажется таким (ввиду недостатка надежных свидетельств).

По мнению В.Б. Егорова: «Свидетельству Иордана о существовании у везеготов своего княжеского дома Балтов можно верить или ине верить, но существование княжества в Полоцке уже во времена “призвания варягов” признают даже наши летописи. Древность династии полоцких князей косвенно подтверждается в летописях и тем, что их генеалогия (по которой первым князем Полоцка-Полтеска-Полотеска указан некий варяг Рогволод, «пришедший из-за моря» — В.А.), хотя и “притянута за уши к Рюрику”, дается все же отдельно <...> А ведь Полоцк, по-скандинавски *Paltesk/balt(e)sk*, переводится просто как “Балтский” и, следовательно, прямо напрашивается в родовое гнездо правителей тервингской династии Балтов» («Русь и снова Русь»). Но это так, к слову...

«Балта» вроде бы означает (как и латинское слово «аудакс») — «храбрый», «смелый», «отважный». Значит, Балты (не имеющие ничего общего с Балтийским морем и народами балтской языковой семьи, вроде эстиев-пруссов) суть «Храбрые». Самые храбрые из представителей храброго готского народа. «Храбрейшие из храбрых». Такими и должны быть повелители храбрых, их цари или князья («фуристо», «передовые бойцы», «воины первой шеренги»). Тем более странно, что вестгот Аларих — первый исторически засвидетельствованный Балт. Первый готский деятель, чье имя может быть однозначно связано с этим родом. Правда, Рейнгард Венкус высказал в своей статье, вошедшей в «Реальный лексикон германской древности»,

предположение, что Балтом был царь вестготов Ариарих, заключивший в 332 г. договор с императором Константином Великим. В пользу этого предположения, по мнению Венкуса, свидетельствовало быстрое возвышение и полновластие внука Ариариха — известного нам «тиуданса» Атанариха. Пользовавшегося столь непререкаемым авторитетом среди готов и римлян, что, даже разбитый на поле боя гуннами, лишенный власти Фритигерном и бежавший под защиту римлян, старик-«судья» был принят василевсом Феодосием со всеми почестями — так сказать, «по первому разряду». Подобных почестей не удостоиваются ни выскочки, ни узурпаторы. Поэтому можно предположить, что все виднейшие и авторитетнейшие правителя вестготского племенного союза избирались из рода Балтов, по меньшей мере, на протяжении столетия, прежде чем Аларих был провозглашен первым вестготским царем в полном смысле этого слова. Первым, за которым все племена безоговорочно пустились в авантюру.

Поэтому такой царственно-гордой была реакция Алариха, добровольно таскавшего со своими вестготами для василевса Феодосия Великого каштаны из огня, но не получившего обещанной награды. Когда в решающей двухдневной битве войск самодержца Феодосия с коварным узурпатором Евгением (язычником, вздумавшим оторвать от «мировой державы» если не всю западную половину, или, по крайней мере, Италию) при Фригиде в 394 г., Евгений (фактически же — его «закулисный кукловод» франк Арбогаст, столь же законченный язычник) был разбит, главная заслуга в этом принадлежала вестготским «федератам». Именно двадцать тысяч вестготов Алариха сражались в первых рядах войск Феодосия и понесли самые тяжелые потери (половину своей численности), однако принесли объединителю Римской империи победу. Благодаря железной дисциплине, которой Аларих спаял своих вестготов, они не испугались внезапно налетевшей бури, приведшей в смятение суеверных (как и все язычники) воинов Евгения и Арбогаста. Что также способствовало победе Феодосия Великого над узурпатором. Многие вестготы считали, что их тяжелейшие потери при Фригиде — на совести двуличного августа Феодосия (якобы делавшего все для ослабления их племени, рассматриваемого им как источник потенциальной угрозы для империи).

В январе 395 г. благоверный император Феодосий I почил в Бозе. Ушел в мир иной человек, за которым вестготы числили «должок», причем (по их убеждению) немалый. Его военачальник и регент

империи Стилихон отправил десять тысяч уцелевших после усмирения Италии и крайне недовольных вестготских «федератов» во главе с Аларихом в отведенные им еще раньше для поселения области Нижней Мёзии — части римской Фракии, между местом слияния Сава-Савы с Данубом, на западе, и позднейшей Добруджей, на востоке, у Понта Евксинского. Условия этого похода обострили и без того напряжённую ситуацию. Приготовленные запасы оказались недостаточными, были израсходованы, и вестготы начали в открытую грабить те земли, по которым проходили. Им явно не хотелось возвращаться к землепашеству и прочим радостям сельской жизни. Вдали от богатых городов, где было чем поживиться. И где они в ходе войны много чего насмотрелись. То, что они участвовали в гражданской войне между римлянами, в которой германцам на римской службе дозволялось грабить лишь «слегка» («когда от много берут немножко, то это не кража, а только дележка»), до разочарованных вестготских «федератов», не привыкших вникать в тонкости, попросту не доходило. И вестготы возроптали. Тем более, что нанимались на римскую службу по договору, заключённому в 392 г. с Феодосием I Великим. А не с его преемниками. В их глазах договор утратил силу со смертью Феодосия.

Вестготы требовали от Алариха, чтоб он, приведший их к победе при Фригиде, вел их и дальше. К новым, так сказать, победам. Под его предводительством они намеревались возвратиться в земли, где можно было легко взять все, что понравится. Вместо того, чтобы пахать, сеять и только потом собирать урожай. Вестготы вторглись в Грецию. Несмотря на тяжёлые потери, готам не удалось прорваться через долину Темпы. Но Аларих сумел вдоль южных предгорий Олимпа проникнуть в долину Ларисы. Между тем Стилихон (наверняка прекрасно понимавший, что «промедление смерти подобно»), поспешно возвратился с Рена. Замилив тамошних германцев, они не намерен был позволить возмутившимся вестготам помешать его великим планам. Планам, направленным на реальное подчинение себе всех римских вооружённых сил, а затем и на обретение фактического господства над всей двуединой империей. Ради этого Стилихон был согласен забыть на время о споре между западными и восточными римлянами о том, кому владеть Восточной Иллирией.

Спешными маршами он повел легионы на восток. Прежде чем Аларих сообразил, что к чему, войска Стилихона окружили

вестготский вагенбург. Заняв столь выгодные во всех отношениях позиции, что вестготы пали духом. Только что преисполненные ратного пыла, они принялись обследовать горные склоны, тщетно ища возможности вырваться из окружения. Но тут явился вестник их спасения — экстренный гонец из Константинополя. Объявивший волю Аркадия, юного императора Второго Рима. В действительности же — волю самозваного — в отличие от Стилихона! — опекуна этого умственно отсталого юнца, коварного патриция Руфина, полным ходом готовившегося женить Аркадия на своей дочери. Стилихону с его войсками предписывалось немедленно покинуть земли восточной половины Римской империи. Поскольку благоверный василевс Аркадий его, Стилихона, на помощь не звал. «Да не виноватый я, он сам пришел!..»

Был ли этот «ловкий» ход Руфина неожиданностью для проницательного Стилихона? Был ли магистр милитум разочарован? Или мрачно усмехнулся? Или выругался, на манер Гая Валерия Катутла, одного из лучших римских стихотворцев: «Педикабо эго вос эт иррумабо!» (лат. «Я поимею вас и спереди и сзади!»), если не похлеще? Или, быть может, горестно вздохнул о смертном часе Феодосия, вверившего его заботам обоих своих сыновей и обе половины империи? Ясно было, что врагом, укравшим у него столь близкую победу над вестготскими бунтовщиками, был не двенадцатилетний цареградский «самодержец». А его «кукловод» Руфин. Поэтому Стилихон, соблюдая внешние приличия (не мог же он, верный слуга империи, открыто отказаться подчиниться воле императора!), во главе западноримских войск убрался восвояси. Так и не уничтожив взятых им в окружение вестготов Алариха.

Стилихон всеми правдами и неправдами стремился сохранить единое командование над всеми вооруженными силами империи. И закрепить его за собой. Примечательно, что, согласно утверждению Зосима в «Новой истории», Стилихон, став стратигом войска (так писавший свое сочинение по-гречески историк переводил римский титул магистр милитум), «самых сильных и воинственных из солдат оставлял у себя, а ослабевших и заслуживающих презрения отправлял на Восток». Сегодня нам трудно судить о справедливости этого упрека. Ведь он был брошен давно уже переселившемуся в лучший мир западноримскому (фактически, а не формально) главнокомандующему войсками Стилихону восточноримским анналистом.

Войсками восточной половины Римской империи (формально подчиненными Стилихону) реально командовал военный магистр конницы и пехоты (магистер эквитум эт педитум) Гайна, германец (естественно), причем, по всем приметам — гот («скиф»). Патрицию Руфину пришлось устроить им торжественную встречу в награду за победы, одержанные под знаменами Феодосия. И потому юный император Аркадий и его самозванный ментор выехали навстречу возвращающимся войскам. Чтобы выразить свое особое почтение к готам Гайны, Руфин даже облачился в меховую готскую одежду. Как когда-то — римский император Грациан. А еще раньше — принцепс Каракалла, представавший перед германскими послами в куртке с нашитыми серебряными украшениями в германском стиле, с бородой и волосами, выкрашенными в рыжий «германский» цвет (сей «император романорум» был, как известно, африканцем, т.е. пуном, по отцу, сирийцем — по матери, и потому, естественно, от природы — жгучим брюнетом). Если верить источникам, патриций Руфин лично приветствовал ласковым словом всех знакомых ему готских военачальников. Но внезапно оказался в окружении варваров. Молниеносно — василевс Аркадий не успел и рта открыть! — готы изрубили магистра оффиций мечами. Теперь у Стилихона стало одним врагом меньше. Хотя еще много дневных переходов отделяли его от места гибели его соперника. Чью отрубленную голову с раскрытым ртом готы Гайны насадили на копьё и носили по окрестностям Второго Рима, восклицая: «Дайте ненасытному!» Надо думать, покойный Руфин немало высосал и выжал из «свободных римских граждан»...Казалось бы, все проблемы Стилихона были решены. Но Новый Рим был городом, в котором, как у Лернейской гидры, на смену одной отрубленной чудовищной голове с ядовитыми зубами тотчас же вырастала новая, еще более чудовищная, с еще более ядовитыми зубами. Евтропий — преемник Руфина — не уступал ему ни в чем, кроме разве что одного. Ибо он был кастратом, евнухом.

В выигрыше от этой кровавой интриги оказался только молодой Аларих. Западноримские войска Стилихона возвратились в свои италийские гарнизоны. Восточной частью Римской империи правил алчный евнух, как мы уже знаем, возведший на ложе своего юного василевса (чтобы тому было чем заняться) красавицу-германку Евдок(с)ию. В таких делах придворные скопцы отлично разбирались (для того их и держали). Так что вестготам было больше некого бояться. Перед

ними лежала, как приз, беззащитная Греция. И готы снова принялись грабить и разорять прекрасную Элладу, как некогда — их деды и отцы грабили Эгеиду, Анатолию и Восточное Средиземноморье.

На рубеже IV-V вв. п. Р.Х. Греция и греки были, как это ни печально констатировать, невероятно далеки от добродетелей, прославивших их в V-IV вв. до Р.Х. Эллинский военный дух давно угас. В первом томе своей «Истории военного искусства» (издания 1939 г.) полковник Е.А. Разин, подчеркивая, что грек того времени «изнежен, труслив, в бой идти не желает» (исключения, вроде Аммиана Марцеллина, только подтверждали это правило), цитирует весьма красноречиво подтверждающий эту констатацию античный источник: «<...> Какая радость снять, наконец, шлем и навсегда распроститься с сыром и луковицами (обычная походная пища греков). Я предпочитаю не воевать, а сидеть у очага, слушая треск сучьев в огне, колоть орехи, жарить горох на угольях, печь жолуди букового дерева, пить с друзьями и товарищами и ласкать юную Фрату, пока жена в купальне. Это куда приятнее, чем видеть каждый день перед собой ненавистного богам начальника с тремя перьями на шлеме, в яркочерном плаще. В сражении он убегает первым, я же остаюсь на месте в недоумении» (Е.А. Разин). Впрочем, так жилось далеко не всем жителям Греции, утратившей свободу. «Корыстолюбие римских губернаторов истощило силы этой несчастной провинции и предало ее в руки врага» (Гиббон). Во время готского вторжения III в. «сыны Эллады» (хотя и брошенные на произвол судьбы римскими войсками, занятыми междоусобными «разборками», «более важными», чем отражение внешней угрозы) еще как-то отбивались. «Спасая родину, спасая жен, детей своих, богов отцовских храмы», как писал Эсхил. Теперь же... Греки, окончательно разучившиеся (или, точнее говоря, отученные) воевать под римской властью, не попытались задержать вестготов Алариха даже в знаменитых Фермопилах. Предназначенных, казалось бы, самой природой сдерживать малыми силами натиск превосходящих сил противника (вспомним хотя бы подвиг трехсот спартанцев). Хотя, возможно, дело тут не только в греках, разучившихся сражаться. По Гиббону, войска, охранявшие Фермопилы, был кем-то отозваны, чтобы дать готам выйти на «оперативный простор». При появлении вестготов под стенами древних городов Эллады, их власти тут же начинали переговоры об условиях сдачи и размере контрибуции. Даже знаменитые Афины, сохранившие свою святость и в глазах римлян, полу-

чавших здесь греческое образование, капитулировали на достаточно мягких условиях. Готы согласились удовольствоваться только частью огромных богатств, накопленных афинянами (успевшими окончательно превратиться из народа воинов и мыслителей в народ торгашей и судовладельцев). Победитель Аларих въехал в Афины (говорило ли ему что-либо название города — не ведаем) верхом (вероятно, на белом коне) во главе небольшой свиты (достаточной гарантией его безопасности был необозримый готский стан под стенами «града Паллады»). И наслаждался там гостеприимством городских властей. До тех пор, пока все граждане Афин не убедились в том, что этот царь «варварского» народа, охотно принявший перед пиром ванну, отличался безупречными манерами и умением вести себя за столом. Что, впрочем, и не удивительно. В конце концов, вестготский царь одновременно был римским военачальником, отнюдь не долгобрадым, длинноусым и косматым, аки некий лангобард или иной не тронутый цивилизацией германский варвар, а, судя по хранящейся в Венском музее истории искусств портретной гемме с надписью на латыни «АЛАРИКУС РЕКС ГОТОРУМ» («АЛАРИК, ЦАРЬ ГОТОВ») — гладко выбритым, подстриженным по римской моде. Опустошив Аттику, готы двинулись дальше. Они поили своих коней в Кастальском ключе близ Дельфийского храма Аполлона. Сребролукого брата Артемиды Эфесской. Той самой покровительницы амазонок, чье святилище было осквернено готами столетием ранее (а затем — окончательно разрушено Феодосием I Великим!) Что было ужасным кощунством (ведь в этом роднике издревле совершали ритуальные омовения паломники и жрица Аполлона — пифия — перед началом прорицаний). Правда, не совсем ясно, какой именно источник осквернили готы. До наших дней сохранились два ключа, которые питал Кастальский источник. Они были обнаружены при археологическом раскопке в 1878 г. (Верхняя Касталия) и в 1960 г. (Нижняя Касталия). Верхняя Касталия датируется I в. до Р.Х. и построена в скале со специальными нишами для даров. Нижняя Касталия была построена позднее, рядом с древней дорогой на Дельфы. Она представляет собой прямоугольное сооружение серого камня с каменным бассейном, в который вода поступала из источника через трубопровод, скрытый под землей. Дворик вымощен плиткой и оснащен каменными лавками. Сегодня эта купальня хорошо просматривается с автомобильной дороги. Я там был и воду пил. Наглядно убедившись в том, что поить

там коней готам Алариха было непросто. Чисто технически. С учетом размеров сооружения. Может быть, готы не поленились забираться выше по склону горы Парнас, к месту истечения Кастальского ключа? Или в Касталии коней поили только сам Аларих со своим ближайшим окружением? Темна вода во облацех...

Хуже, чем откупавшимся от готов (если были деньги и другие ценности) эллинским городам, пришлось, однако, бесчисленным сожженным деревням и их беззащитным обитателям, павшим жертвой беспощадных готов. Как пишет Гиббон: «...пленные женщины подчинились законам войны; их красота служила наградой за храбрость, и греки, в сущности, не могли жаловаться на такое злоупотребление, которое оправдывалось примером героических времен». Правда, уважаемый автор не объясняет нам, каким образом готы могли проявить свою храбрость, если им никто не сопротивлялся. И даже Спарта, забыв о своей древней доблести, сдалась вестготским «варварам» без боя...

В скорбном повествовании Эдуарда Гиббона о причиненных Аларихом Греции бедствиях есть один любопытный фрагмент: «Готский вождь продолжал свое победоносное шествие от Фермопил до Спарты, не встречая ни одного противника между смертными; но один из защитников издыхавшего язычества (восточноримский историк-язычник Зосим — В.А.) положительно утверждал, что стены Афин охранялись богиней Минервой с ее страшной Эгидой и гневной тенью Ахилла и что завоеватель был испуган появлением враждебных греческих божеств (и потому, якобы, не разрушил Афины — В.А.). В веке чудес, быть может, было бы несправедливо опровергать притязания Зосима, заявленные им для общей пользы; тем не менее, нельзя не заметить, что ум Алариха вовсе не был подготовлен к тому, чтобы подчиняться наяву или во сне влиянию греческих суеверий. Песни Гомера и слава Ахилла, вероятно, никогда не доходили до слуха необразованного варвара (оставим это утверждение на совести Гиббона — В.А.), а ХРИСТИАНСКАЯ ВЕРА, КОТОРУЮ ОН УСЕРДНО ИСПОВЕДОВАЛ (выделено нами — В.А.), научала его презирать созданных воображением римских и афинских богов. Нашествие готов не только не поддержало язычества, но, напротив того, хотя и случайно, содействовало искоренению его последних остатков, и мистерии Цереры (богини плодородия Деметры — В.А.), существовавшие в течение тысячи восьмисот лет, не пережили разрушения Элевсина и бедствий

Греции». Выходит, готский царь Аларих был добрым христианином (хотя, конечно, арианином). И способствовал, волей неволей, полному искоренению идолопоклонства. Продолжая таким образом дело благоверных христианских василевсов Константина и Феодосия Великих. Надо думать, Аларих читал (если умел читать) или слушал Библию в «сокращенном, смягченном и обезвреженном» переводе Вульфилы. Как и воинственные готы-ариане, разорывшие Элладу (а потом — и не только Элладу) под его командованием. Чего же тогда требовать от православных императоров-«ромеев», вроде Иоанна I Цимисхия, разграбившего все города и церкви в захваченной им в 972 г., после ухода потомка готских Амалов князя Святослава, православной (!) Дунайской Болгарии? Или от православного (!) василевса «ромеев» Василия II Болгаробойцы (преемника Иоанна I Цимисхия и шурина нашего князя-Амала Владимира Красное Солнышко, сына Святослава), приказавшего ослепить плененных им в 1014 г. пятнадцать или даже двадцать тысяч (!) православных (!) воинов-болгар и отпустить их, оставив в каждой сотне ослепленных по одному поводырю с одним глазом? Не говоря уже о православном (!) императоре Константине IX Мономахе, повелевшим, после победы над войском православного (!) киевского князя Ярослава Мудрого (сына Крестителя Руси Владимира Красное Солнышко, внука Святослава и таким образом — тоже Амала) под Константинополем в 1043 г. отсечь правые руки плененным «ромеями» восьмистам православным (!) русским воинам (отсечением руки по римским законам карались рабы, поднявшие руку на своих господ), а их воеводу Вышату вдобавок еще ослепить (даром что сын Ярослава, князь Всеволод, был женат на Мономахине — дочери василевса Константина Мономаха!) Правда, христианина-арианина Алариха несколько извиняет то обстоятельство, что он зверствовал в Греции не над своими единоверцами-арианами, а над православными и язычниками. С другой стороны, православных римских императоров несколько извиняет то обстоятельство, что из читаемой и почитаемой ими православной Библии никто не потрудился удалить смущавшие арианина (а может — полуарианина) Вульфилу наиболее кровавадные и воинственные книги... Впрочем, довольно об этом...

Помощи и спасения ждать было не откуда. Все возможные несчастья уже обрушились на Грецию. Можно было лишь покарать злодеев, дав им такой урок, который отпугнул бы будущие поколения

готов от попыток повторения таких опустошительных вторжений в греко-римский мир. Сделать это было под силу лишь военному магистру Стилихону с его западноримскими войсками. И потому скопец Евтропий, бывший раб, теперь же — новый ментор императора Аркадия, забыв на время о своей вражде со Стилихоном, позвал того на помощь от имени своего юного государя. Милостиво разрешив на этот раз столь ненавистному ему вандалу, «в виде исключения», повоювать на землях римского Востока. Не дремавший Стилихон отреагировал немедленно. Как ему было не помочь восточной половине единого римского тела! «Ваша боль — наша боль». «Ваша скорбь — наша скорбь». «Всякий удар, направленный в вас, осознается нами, как удар, направленный и в нас» и далее по тексту. Не тратя время на пешие переходы, Стилихон поспешно погрузил войска на корабли и высадился под Коринфом. Вестготы бесчинствовали в Южной Греции (Пелопонессе), преодолев никем не охраняемый Коринфский перешеек — Истм — не с меньшей легкостью, чем Фермопилы. Впрочем, по утверждению Зосима, построенную во времена принцепса-неудачника Валериана — единственного из всех римских императоров, попавшего на войне в плен (к персам) и умершего в плену при темных обстоятельствах — через Коринфский перешеек от Лехея до Кенхрея стену Аларих миновал не потому, что эту стену никто не охранял, а благодаря предательству Геронтия, начальника ее охраны.

Морской десант магистра Стилихона застал захватчиков врасплох. Известно, что войско, предающееся грабежу, обремененное добычей — от упомянутых Гиббоном пленных женщин до всякого рода добра (расставаться с которым победителям тяжелее, чем с пленниками) — быстро утрачивает боеспособность. Тем не менее, очередной военный триумф Стилихона над известным своей храбростью разбойничьим народом позволяет считать его гениальным стратегом. Аларих, уже давно пребывавший в «счастливой» Аркадии и считавший себя в полной безопасности, внезапно, после нескольких навязанных ему Стилихоном сражений, оказался в полном окружении на безводном плоскогорье Фолая. Воспетая в бесчисленных идиллиях Аркадия грозила превратиться для вестготского царя и его ратников в «воинский рай» Валгаллу-Валаскьяльв (впрочем, что это я — ведь Аларих был добрым христианином и в Валгаллу с асами, валькириями, пивом, медом, кабанятиной и Одним не верил)... Однако Стилихон, набросивший готам на шею петлю, не спешил ее затягивать. Магистр

милитум послал гонца в Константинополь к августу Аркадию с ультимативным требованием немедленно изгнать зловредного скопца Евтропия и полностью вверить себя опеке Стилихона (как того желал покойный император Феодосий). Аркадий (понимай — Евтропий) ультиматум Стилихона отклонил. В отместку Стилихон решил не добивать заблокированного и поставленного им на край гибели Алариха, не дать ему с вестготами умереть от голода, жажды и вспыхнувшей среди окруженных вестготов эпидемии («морového поветрия», как выражались в то время), но превратить отпрыска рода Балтов из врага в союзника. В конце концов, они же оба — римские военачальники. И оба получают жалование за службу единому, вечному Риму, главе мира! Как же им не договориться!

После снятия блокады Стилихоном и его ухода с армией на запад, Аларих вторгся в Эпир, входивший во владения Восточной империи. За что август Аркадий (понимай: Евтропий)... заключил мир с Аларихом и назначил его военным магистром Иллирика! Лишь бы Стилихону «служба медом не казалась»! Аларих, не будь дурак, использовал свое повышение в должности для обеспечения своих вестготов орудием римского производства.

Мы с Вами, уважаемый читатель — люди, ко всему привычные. Всемирная литература, достигшая почти трехтысячелетнего возраста, содержит описание великого множества интриг и перипетий. Да и неустанно тиражируемые современными СМИ игры спецслужб с их двойными, тройными и четвертными агентами много чему нас научили. И все же в том, что разыгралось в конце IV в. п. Р.Х., сразу после смерти Феодосия I Великого, в Новом Риме и вокруг него, между Новым Римом, Ветхим Римом и Равенной, не так-то просто разобраться. Но, к счастью, в данной книге, посвященной готам, нас интересует, в основном, Аларих. И потому мы можем со спокойной совестью не вдаваться в детали, связанные с интригами и преступлениями Руфина, Евтропия и прочих — «имя им легион». Ограничимся лишь одной констатацией. Евнух Евтропий был разозлен поступком Стилихона. Каженик (как называли евнухов наши славянские предки) счел его изменой «римскому сенату и народу». По древней формуле, которая все еще была в полном ходу, несмотря на свою очевидную бессмысленность. Как и словосочетание «Римская республика» (применявшееся, правда, только к латинским провинциям империи). И как лишившийся всякого смысла титул императора римлян, используемый

автократорами, продолжавшими именоваться «Цезарями» и «Августами», как, якобы, законными преемниками «первых среди людей, царствовавших над первым среди народов» (Гиббон). Разгневанный константинопольский скопец распорядился конфисковать всю движимость и недвижимость Стилихона на территории восточной половины Римской империи. Конфискация чужого имущества вообще относилась к числу любимых занятий зловредного евнуха.

Конечно, Стилихон, выпустив готского зверя из ловушки, в которую сам же его и загнал, чтобы сделать царя вестготов собственным союзником, поступил не вполне в духе «староримской доблести», приверженцем которой он себя всегда провозглашал. Ведь не добить старого врага означало создать врага нового. Пусть не себе, но своему императору. Аркадию, призвавшему (пусть и через Евтропия) доблестного вандала, чтоб тот его от этого врага избавил. Должно быть, Стилихон приводил в оправдание следующие доводы. Дав Алариху уйти, он хотел навредить не своему императору, а его недостойному советнику Евтропию, коварством и злодействами поднявшемуся из рабского состояния до высот почти безраздельной власти над восточной частью Римской «мировой» империи. Дожившей до того, что вандалский князь на римской службе и лукавый царедворец без тетикул могли решать ее судьбу, яростно перетягивая, как канат, юного импотента-императора...

Ситуация стала еще более гротескной, когда кастрат Евтропий открыто развязал войну со Стилихоном. Естественно, не силой оружия, это было исключено. Каженик понимал, что никогда германские и гуннские «федераты» (других войск у него не имелось), не пойдут на войну под его командованием. Ибо эти представители двух диких, но гордых народностей, отличавшихся ярко выраженной маскулинностью (или, говоря по-современному, «повышенным мачизмом»), имели соответствующий кодекс чести. В лучшем случае они презрительно смеялись надо всем, что было важным для Евтропия. Поэтому лукавый цареградский царедворец решил навредить Первому Риму иным способом. Взяв под прицел (Северную) Африку. Римскую провинцию, снабжавшую западную часть империи зерном (в то время как Египет служил житницей ее восточной части).

Италия с ее большими городами, полными потомственных бездельников, желавших не зарабатывать себе трудом на хлеб, а получать бесплатную «аннону» (или, по-современному — «велфэр»),

всегда зависела от ввоза зерна. Долгое время зерно поступало в нее (в первую очередь — в Рим на Тибре) из Александрии, с Евксинского понта, но по мере усиления и все возрастающего отчуждения восточной части Римской империи от западной — во все большей степени из Северной Африки (Ливии). Не современной выжженной солнцем пустыни, а необычайно плодородной в те времена области, отличавшейся высоким уровнем развития сельского хозяйства еще со времен господства в ней пунов-карфагенян. Главарь морских разбойников Секст Помпей, перехватывая шедшие в Италию транспорты с зерном, выращенным на тучных африканских нивах, мог оказывать давление на основателя Римской империи Октавиана Августа. Ведь вечно голодный римский «плебс урбана» быстренько разделался бы с принцепсом, не обеспечивающим его даровым хлебом. Теперь, при Гонории и Стилихоне, Ливия опять стала «ахиллесовой пятой» западной части империи.

По мнению Стилихона, он дал готам такой урок, что те зарекутся воевать в ближайшем будущем, вернувшись к мирной жизни земледельцев. В Ливии же господствовал, именем «вечного Рима», служилый африканец Гильдон — комит (комес) Африки. Но этот африканец был не пуном, как, скажем, Луций Септимий Север (146–211). Потомок Ганнибала (даже поставивший знаменитому карфагенскому полководцу памятник в своем родном городе Лептисе, нынешнем Хомсе) и весьма толковый римский император (хотя и говоривший всю жизнь по-латыни с пунийским акцентом), восстановивший (в очередной раз) единство Римской «мировой» державы. Или отцы церкви Тертуллиан Карфагенский и Августин Иппонский. Нет, Гильдон был не таков. Источники именуют его маврусием, т.е. мавром. Следует заметить, что за двести пятьдесят лет до рождения пророка Мухамеда маврами именовали не арабов (сарацин), а берберов. Римский комит Африки Гильдон был сыном царя Мавретании Нубеля, «союзника и друга римского народа». Этот титул римляне с давних пор присваивали зависимым от «Вечного Города» царькам, поставлявшим в римскую армию вспомогательные воинские контингенты. Например — царю галлов-атребатов Коммию, царю Пальмиры Оденату, царю Нумидии Югурте. Когда Югурта взбунтовался против Рима, его поймал и выдал римлянам другой «друг римского народа» — Бокс, царь Мавретании. Аналогичным образом поступил и Гильдон, когда его родной брат Фирм взбунтовался, объявив себя царем, «августом

Африки», а затем даже «римским императором». Феодосий Великий назначил Гильдона, предавшего брата, комитом Африки, передал ему имени убитого Фирма, власть над мавретанскими племенами и подчинил ему все римские войска, расквартированные в африканских провинциях. С тех пор Гильдон, своеобразный прообраз и предтеча венецианского служилого мавра Отелло, жил в Карфагене, утопая в афро-азиатской царской роскоши. Не хуже, чем в свое время Юлий Цезарь и Марк Антоний в другом африканском мегаполисе — Александрии Египетской. Однако новый комит Африки оказался неблагодарной свиньей. Во время борьбы Феодосия I с узурпатором Магном Максимом в 388 г., Гильдон снабжал Максима африканским зерном. Во время войны Феодосия с узурпатором Евгением (392–394), Гильдон совсем обнаглел. Он отказал императору в военной помощи, систематически задерживал перечисление ему налогов, а после смерти Феодосия Великого в 395 г. вообще прекратил поставки хлеба в Италию. В то время недовольные усилением «вертикали власти» провинции расползающейся по всем швам (несмотря на героические усилия энергичных правителей вроде Феодосия) многонациональной «мировой» империи использовали в качестве «идеологического прикрытия» своего сепаратизма (или, точнее, «национал-сепаратизма») варианты христианского учения, объявленные имперским центром (в котором победило православие) «ересями». Гильдону и поддерживавшим его африканским магнатам таким идеологическим прикрытием служила ересь донатистов (донатистский епископ Тимгада Оптат был одним из ближайших советников узурпатора). Пользуясь тем, что Риму было не до него, Гильдон конфисковал поместья, принадлежавшие императору и другим землевладельцам, жившим за пределами Африки. Частично присвоив их, частично — раздав своим сторонникам. И вообще, подобно преданному им в свое время брату, взял курс на отделение от западной части Римской «мировой» державы. Но из тактических соображений, стремясь придать своим сепаратистским действиям вид законности. Гильдон объявил Африку частью восточной части римской «мировой» империи. Надеясь, видимо, что подчинение августу римского Востока — малоохольному Аркадию (или, точнее, его «кукловоду» Евтропию) — будет чисто формальным. И в то же время (так, на всякий случай) продолжая чеканить монету с изображением западного императора Гонория. Комит-сепаратист, конечно, понимал: «державник» Стилихон — не злонамеренный скопец Евтропий, и под

властью грозного вандала, стремящегося восстановить вертикаль власти, скоро прекратятся все его африканские безобразия. Поэтому Гильдон не выпускал транспорты с зерном из африканских гаваней, чтобы таким образом продолжать оказывать давление на Рим. Однако Стилихон обеспечил Первый Рим зерном из Галлии, доставленным по реке Родану-Роне. Что лишний раз доказывает: Стилихон был не только выдающимся полководцем и правителем, но и незаурядным хозяйственником. Эффективным менеджером, выражаясь современным языком. И, хотя конфликт с Гильдоном продолжался, Первый Рим был, на первое время, сыт, а закрома — полны зерна.

Десятилетие роскошной жизни в Карфагене сильнее сказалось на умственных способностях Гильдона, чем на мужестве, с которым он противостоял имперскому центру, мешая тому восстанавливать вертикаль власти. Предаваясь на досуге животноводческим опытам, мятежный комит вознамерился вывести пятнистую породу людей. Под оглушительный грохот тамбуринов, в клубах благовонного дыма, Гильдон занимался скрещиванием самых красивых белых девушек и женщин, захваченных его пиратами, с атлетически сложенными черными и смуглыми африканцами, пойманными его охотниками. Поскольку потомство от скрещивания получалось красивым, но одноцветным, Гильдон изощрялся в изобретении все новых способов совокупления. Стремясь, во что бы то ни стало, добиться желаемого результата — производства пегого потомства. Если только это не было лишь предлогом и поводом придать смысл разыгрывавшейся перед его глазами непрерывной оргии. Ведь не исключено, что «селекционер-любитель», комит Африки Гильдон был просто-напросто уайеристом. Но это так, к слову...

Несмотря на своевременный подвоз зерна в Ветхий Рим из Галлии, угроза голодной блокады «центра мира» не могла считаться ликвидированной, пока доступ к его главной, африканской, житнице был перекрыт узурпатором-донатистом. Римский сенат (формально, по инерции, продолжавший считаться на Западе главным источником власти), объявил Гильдона «врагом римского народа», а регент Стилихон в 398 г. направил в Африку войско, во главе которого поставил брата Гильдона, носившего нетипичное для «римлянина» (и даже для «романизированного варвара») имя Масцезель (Маскелдел). У Масцезеля были давние счеты с Гильдоном, приказавшим — на всякий случай! — убить его сыновей, своих родных племянников

(и претендентов на престол). Масцезелю удалось сбежать в Италию. И теперь безутешный отец охотно взял на себя роль мстителя (как за Рим, так и за себя).

В свое время Гильдон был храбрым воином на (западно)римской службе и заслужил звание комита не только благодаря знатности рода. Так что он был, в принципе, вполне способен помериться силами с италийским десантом (который, с учетом критической ситуации, сложившейся в трещавшей по всем швам империи, не мог быть очень многочисленным). Но, как уже говорилось выше, десятилетие распутной жизни и всякого рода эксцессов Гильдона превосходящих «нормальную» меру римского разврата (правда, Тиберий, Калигула, Нерон и Гелиогабал ему, возможно, в этом и не уступали, но ведь они были языческими императорами, он же — христианским; с него и спрос другой!). помutilи разом узурпатора. Причем в самый неподходящий для него момент. Накануне неожиданной высадки на африканском побережье войск Масцезеля. Гильдон забыл, с кем ему придется иметь дело. Он явно недооценил пять тысяч испытанных бойцов противостоявших ему галльских легионов. Они шли на мятежного комита с полной уверенностью в том, что защищают правое дело, законного императора (а не такого же узурпатора, как Гильдон). Наконец-то они могли послужить империи! И то, что африканский селекционер-любитель вывел против них в поле в четыре, в пять, а то и в десять раз больше войск, не имело никакого значения.

Не чувствуя себя уверенно в урбанизированной части римской Африки — Зевгитане, с крупными городами Карфагеном, Утикой и Иппоном (и до того исподволь противившимися разрыву с имперским центром), Гильдон (от которого отпали подчиненные ему местные римские войска) отступил в ее сельскую часть — Бизацену. Для решающей битвы была выбрана местность под Аммедарою. Семьдесят тысяч (если, конечно, верить анналистам) оглушительно вопящих, полуголых и подбадривающих друг друга перед боем африканских ополченцев узурпатора ничуть не испугали наступавшую на них традиционным римским шагом «десантуру» Масцезеля. Мавры кинулись на римлян без щитов, обмотав левую руку свернутым бурнусом. Хотя таким способом можно было одолеть разве что большого бешенством фенека, но уж никак не опытного в ратном искусстве римского легионера. Как только знаменосцу полоумного Гильдона

отрубили руку и знамя узурпатора упала на песок, исход битвы был решен. Мавретанцы побежали, кто куда, или перешли на сторону Маскелдела, и побежденный Гильдон вынужден был спасаться бегством в римскую колонию (ныне — популярный тунисский курорт) Табарку — нумидийский город на границе с Зевгитаной (северной частью современного Туниса), откуда он пытался уплыть на восток. Но неблагоприятный ветер не позволил ему сделать это своевременно. Местные жители схватили неудачливого узурпатора. Поняв, что у него нет выхода, Гильдон покончил с собой. Дети Масцезеля были отмщены, снабжение Рима на Тибре пунийским зерном — обеспечено, а поседельный на римской службе Стилихон мог гордиться очередной победой над злокозненным Евтропием.

Между тем, другой «заключенный друг», победить которого было гораздо труднее — готский царь Аларих — затаился, как хищный зверь перед новым броском, в Эпире. Древней области, входившей в римскую провинцию Иллирию, о ценности которой среди ученых нет единого мнения. Одни считают, что готы были недовольны отведенными им скудными эфирскими землями, что и заставило Алариха неустанно строить планы мести загнавшему его туда коварному вандалу Стилихону. Другие — хвалят Алариха за то, что он, воспользовавшись занятостью Стилихона африканскими делами, поспешил закрепить за собою богатый Эпир. Кому прикажете верить, уважаемый читатель? Вновь «темна вода во облацех...»

Несмотря на неясность вопроса, заранее извиняясь перед современными албанцами и греками за возможную неполиткорректность, осмелимся предположить, что готам Алариха в этой гористой, вплоть до самого побережья, области делать было особенно нечего. Эфирские долины были совершенно изолированы друг от друга, и отдельные мелкие княжества сохранились там до начала Нового Времени, так и не объединившись в одно целое. А то, что в эфирской глуши росли любимые германцами деревья их родных северных лесов — дубы и буки — было для вестготского царя, наверно, слабым утешением.

Поэтому Аларих, несомненно, рассматривал свое «спецпереселение» в почти никем не посещаемую по сей день, труднодоступную эфирскую глушь только как возможность отсидеться. Залечь на дно, чтоб пережить самую тяжелую для готов пору. О его находчивости свидетельствует, однако, то, что он, с одной стороны, вел из эфирской «ссылки» оживленные переговоры с Константинополем, стремясь

получить от Восточного Рима средства для борьбы с Римом Западным. А с другой стороны — стремился обеспечить свое войско самым современным оружием. В своих грабительских походах готы всегда щадили и уводили с собой ремесленников. А из римской префектуры Иллирик они получали то, чего им еще не хватало — инструменты, железо и образцы вооружения. И потому тишину эпирских горных долин оглашали стук кузнечных молотов, лязг и звон обрабатываемых кузнецами клинков мечей и наконечников копий. Это был тревожный шум, угрожавший выдать римлянам готские военные приготовления, но, похоже, так и не выдавший их. Слишком громко, наверно, шумели заглушавшие его кроны германских буков и дубов, в чьем шелесте люди (не только «варвары», но и греки) издавна пытались угадать грядущее. И слишком заняты были римляне своими «разборками». Пока же они разбирались, какой Рим главней — Первый или Второй — Аларих лихорадочно готовился к великой битве со Стилихоном, к Большой Игре, к походу на исконный, Первый, Ветхий Рим.

Вообще-то трудно представить себе, чтобы народ, живущий (и притом неплохо!) исключительно войной, грабительскими набегами или наемничеством, охотно возвращался к мирным занятиям, как только ему прикажут, «по свистку». Чтобы опытные воины по команде «сверху» снова становились землепашцами и скотоводами. С учетом того, что войны вспыхивают не тогда, когда у крестьянина как раз выдается свободное время, и он может опять, на время, стать воином. Именно в недооценке данного обстоятельства и коренился главный просчет нового принципа римской военной политики: интегрировать в империю сильные и молодые народы из бесконечного резервуара неиссякаемой варварской жизненной силы, расселять их на имперских землях и пополнять их представителями ауксиллии и легионы «мировой» империи. В случае готов этот вариант не прошел. В случае гуннов он привел к «битве народов» на Каталаунских полях. Это было, вне всякого сомнения, вынужденное решение, крайняя мера. Закономерно ставшая неэффективной, как только этих «варваров», которых римляне пытались таким образом «приручить» и использовать в собственных целях, возглавили вожди, интеллектуально равноценные своим римским «хозяевам». Трудно было ожидать от Алариха, сражавшегося плечом к плечу со Стилихоном и выслужившего высокий римский военный чин, что он покорно согласится вести

жизнь лишённого отечества главаря наемников. Трудно было ожидать того же и позднее от гунна Аттилы.

Но грозный гуннский царь Аттила (кстати говоря, принявший от «ромеев» титул магистра милитум, чтобы взимать с них регулярную дань, под видом жалованья и столовых денег, полагающихся римскому военачальнику за «верную службу великому Риму»), руководствуясь целевым мышлением (как говорят психологи), свойственным вождям азиатских профессиональных грабителей, всегда умел найти у римлян (и не только римлян) самое слабое место. И потому постоянно давил на Восточную империю, как более слабую. Действия же более импульсивного Алариха диктовались, по одной из версий (противоречащей другим, сосуществующим с ней, версиям), скорее бушевавшей у него в душе и голове «гремучей смесью» хаотичного тевтонского мышления, кичливой гордости, огромного честолюбия, буйной фантазии, и неудержимого стремления всякого свободного, в особенности же — благородного — германца к «вечной» славе, как к высшей и непреходящей ценности, превалировавшей над здравым смыслом.

Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но смерти не ведает
громкая слава
деяний достойных.
Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава
(Старшая Эдда. Речи Высокого).

Наверняка все это не укрылось от лукавого Евтропия, сумевшего использовать данную слабость готского вождя и сыграть на этой его душевной струнке в собственных целях. Незаметно для тевтонского героя, хитрый, как проклявший любовь ради золота и власти над всем миром карлик Альберих из саги о Нифлунгах-Нибелунгах, Евтропий, выражаясь фигурально, сумел всеми правдами и неправдами запрячь Алариха в свою разболтанную и скрипучую повозку. Указав ему на

маячивший где-то вдали признак «немеркнущей славы», и, держа его у гота перед носом, как морковку перед мордой у осла, заставил новоиспеченного восточноримского военного магистра бежать туда, куда считал нужным его направлять. Снабжал его оружием, картографами, провиантом и проводниками. Чтобы Аларих, предельно ослабив Западный Рим, облегчил его покорение Римом Восточным. И Аларих с блеском выполнял возложенную на него лукавым евнухом Евтропием задачу (так и хочется сказать «введенную в него Евтропием программу»!) со всей своей твердоголовостью славобивого германца. Да так, что восхищенные его блестящими успехами историки, все еще находящиеся под впечатлением безмерно идеализированных представлений о германцах, характерных для XIX и первой половины XX в., вроде Теодора Бирта, отказываются верить в то, что вестготский царь действовал по указке (или, точнее — наводке), но, в любом случае — в интересах Константинополя:

«Что же гнало Алариха на Запад? Наверняка не византийский (т.е. восточноримский — В.А.) двор (?! — В.А.) А его собственная воля, естественное стремление увеличить так легко достигнутые преимущества, жажда великих деяний, обуревавшая молодого героя, радостно осознающего, на что способен».

Несомненно, Аларих столь же радостно осознавал и то, что в первый год нового, V в., из-за Дануба неожиданно явились конные полчища свежее испеченного союза «варварских» разбойничьих племен, двинувшиеся на Запад. Оставшиеся без дела гуннские наемники объединились с аланами, недобитыми остготами и другими германцами и принялись «шарпать» римские земли. Они не представляли собой серьезной опасности для военачальника калибра Стилихона. И никто не отдавал себе в этом отчет лучше Алариха, не раз испытывавшего на себе военное искусство великого вандальского военного магистра. Но этот «отвлекающий маневр» давал Алариху возможность освободиться из своей эфирской «ссылки», прорвавшись через труднопроходимую Далматию. Алариху удалось вырваться из отведенной ему Стилихоном скудной горной местности на плодородную Венетскую равнину и обеспечить таким образом снабжение своих войск всеми продуктами области, давно не испытывавшей вражеских нашествий. Со времен нашествия кимбров и тевтонов в 102–100 г. до Р.Х., т.е. ровно пятьсот лет, Италия считала себя застрахованной от германских вторжений. Как теперь выяснилось — напрасно...

Покуда седовласый Стилихон разбирался с «варварами» в Паннонии, Аларих, без труда сметая со своего пути все войска, высылаемые ему навстречу Ветхим Римом, продвигался по долине реки Пад-По. Буквально «нашпигованной» богатыми городами, о которых его готы так мечтали голодными эфирскими зимами. Так он дошел до Медиолана, современного Милана — резиденции несовершеннолетнего западного императора Гонория и убежденного сединами епископа Амвросия — и, не испытывая ни малейшего благоговения, взял его в кольцо осады. Отрезанные от внешнего мира готами римляне были в отчаянии:

Тучу мы праха сомнительну зрим, стоя на высоких
Башнях, не зная, друзей приведут ли сюда иль враждебных
Клубы сии; и томит настоуженно душу молчанье,
Вплоть до мгновенья, пока не блеснул сквозь пыльного вихря,
Точно звезда, Стилихонов шишак и знакомы седины
Не засияли. Клич по ликующим стенам незапный
Тут воздвигается: сам идет! — и воротами всеми
В сретенье толпы текут бестревожны ко чтимым знаменам.

Среди осажденных, с тоской взиравших со стен епископской резиденции на северо-восток, в тревоге дожидаясь прихода к ним на вырубку военного магистра Стилихона с войском, был и поэт, которому принадлежат приведенные нами выше строки. Последний великий панегирист в истории римской литературы. Но ни в коей мере не последний льстец и пропагандист в ее истории. Ибо Клавдий Клавдиан (родом — александрийский грек), лейб-поэт Стилихона (если можно так выразиться), был, правда, гениальным рифмоплетом, эпигоном, автором нередко сладкозвучных песен, но таким же продажным, как Марциал и многие другие (до и после него). Именно стихотворцу Клавдиану принадлежит крылатое латинское изречение «Лучше сохранить общеизвестное, чем разыскивать новое», или, по-латыни: «Плюс эст сервассе репетум, квам квеиссе новум». («О консульстве Стилихона»).

Клавдиан заслужил благосклонность грозного вандала, блестяще обосновав в панегирике притязания Стилихона на опеку над обоими равно бессильными римскими императорами, Гонорием и Аркадием. С этого времени до самой смерти Клавдиан занимал видную и хлебную, хоть и небезопасную, должность придворного

поэта, исправно выступая пропагандистом политики Стилихона. Им были написаны панегирики на III, IV и VI консульства императора Гонория, панегирик на первое консульство Стилихона (в трех книгах!), самое объемное произведение поэта, а также две инвективы на врагов Стилихона на Востоке империи — Руфина («Против Руфина», две книги) и Евтропия («Против Евтропия», две книги). Кроме того, Клавдиану принадлежат поэмы «Гильдонова война» (о борьбе с Гильдоном) и «Война Поллентская, или Готская» («Поллентская, или Гетская, война») — о борьбе Стилихона с Аларихом на территории Италии в 402–403 гг.

В «Поллент(ий)ской войне» (в которой, как это ни странно, вообще не упоминаются ни единым словом ни Господь Бог Иисус Христос, ни, соответственно, молитвы, возносимые Ему римским православным духовенством с просьбой даровать римскому католическому воинству одоление на «варваров»-ариан) Клавдиан достаточно прозрачно намекает на то, что за Западным походом Алариха на Ветхий Рим стоит Рим Новый. И вообще служит нам единственным источником многих других сведений о том времени. Хотя после гибели своего покровителя патриция Стилихона Клавдиан не постеснялся клеветать на человека, которому был обязан доходной должностью нотариуса и женитьбой на богатой римлянке. И потому Клавдиан смотрится в окружавшем его кровавом хаосе интриганов, героев, святых и грабителей всего лишь как жалкая и мелкая фигура. Ибо те времена, в которые Гомер воспевал войну, Тиртей — героическую смерть в бою, Вергилий — доблестных и благочестивых предков римского народа, короче, великие времена, порождавшие столь же великих поэтов, безвозвратно миновали. Как это ни печально.

Правда, Аларих и Стилихон вели себя так, как будто бы не желали (или не могли) с этим смириться. В то время как паннонский «варварский» разбойничий союз на удивление верно оценил масштаб личности Стилихона, незамедлительно вступил с ним в переговоры и даже предоставил ему наемные отряды для войны с Аларихом, готский царь-воевода вел себя, как новый хозяин Италии, и передвигался по ней, как будто никакого Стилихона не было. Впрочем, и Стилихон не торопил события, дожидаясь подхода свежих войск из Галлии и даже из Британии. Чтобы на этот раз больше не рисковать, добиться уничтожения Алариха, «окончательного решения вестготского вопроса». После чего уже всерьез заняться и Константинополем.

Но молодой готский владыка, способный учиться на собственных ошибках, накопил к тому времени достаточно опыта. Равнины северной Италии было не сравнить с гористым Пелопоннесом. Где Алариху не хватало свободы маневра. Дождавшись подкреплений, Стилихон двинулся на готов во главе огромного, хорошо вооруженного войска. Но Аларих сумел ускользнуть от него в Лигурию. Он явно не желал возвращаться в эпирскую горную глушь.

Военному магистру Стилихону пришлось продолжать маневрировать, играя в «кошки-мышки» с «федератами», превратившимися в ренегатов, зорко следя за готами. Ибо те могли совершить бросок в южном направлении, на Рим, и с тирренского побережья. Живописные курортные города, столь любимые сегодняшними туристами-отпускниками всего мира — Портофино, например, или Рапалло — в те времена были еще мелкими рыбацкими селениями. Но, если бы подвижные готские отряды вторглись вглубь италийского «сапога», это повредило бы престижу, репутации Стилихона как великого стратега. Поэтому вандалский магистр милитум гнал свои собранные со всей Западной империи войска спешными маршами вперед и вперед. Так же стремительно, как она форсировали Адду и сняла осаду с Медиолана, армия Стилихона преградила готам путь на юг. На Пасху 402 г. разыгралась битва при Полленции.

Готы дошли из Эпира до Таврина (современного Турина в северной Италии), совершив, таким образом, свое собственное «Малое переселение народов». В непрерывных боях они прошли сотни километров по разоряемым, разграбляемым ими древнеримским имперским территориям. Это был тревожный сигнал. И потому дерзких пришельцев надо было проучить, во что бы то ни стало. Да так, чтобы нанесенное ими поражение стало столь же впечатляющим, как их грабительский глубокий рейд по исконным землям Римской империи. 6 апреля 402 г. в светлый день Христова Воскресения, две армии сошлись. Стилихон (обвиняемый порой в симпатиях к язычеству) скрестил оружие с Аларихом — христианином (хоть и арианином), мчавшимся по Римской империи как языческий бог Вотан-Один — во главе своей Дикой Охоты.

Буквально пропитанная историческими воспоминаниями италийская земля хранит все имена, но не всегда — материальные следы событий. Южнее современного итальянского города Асти (носившего при римлянах поистине провиденциальное название Гаста, т.е.

«копье» или же «дротик»), на реке Танаро (или, по-пьемонтски — Тани), названной в честь галльского бога Тарануса, правого притока Пада-По, где разыгралась битва, еще существует селение Поленция (с одним «л»). Немало виноградников, принесших всемирную славу сладким белым игристым винам Асти Спуманте и Москато д' Асти, скрывают под собой останки готских ратоборцев и легионариев Флавия Стилихона. Однако сама битва произошла в равнинной местности, т.е. ближе к берегу реки. Ибо в холмистой местности готской коннице было бы негде развернуться. Поэтому вполне возможно, что там, где располагалась ставка Стилихона, теперь красуется желто-черная вывеска автозаправки «Аджип». А там, где разворачивались конники Алариха, проходит автострада № 456 на Асти.

В своей «Поллентийской, или Готской войне» восторженный версификатор Кладвидан (под чьим ловким пером несовершеннолетний император Гонорий лично наблюдает за ночной переправой Стилихона через Адду, с целью спасти осажденный готами Медиолан) живописует нам сторожевые готские костры и страх перед готами, испытываемый жителями Рима на Тибре (до которого готам в реальности было шагать и шагать). Однако «виртуоз пера» приводит в своем сочинении и некоторые подробности битвы на берегу Танаро, которые не могут быть все без исключения неверными или выдуманными им, ибо в противном случае он рисковал бы выставить в смешном виде своего главного героя — Стилихона, которого превозносит выше лучших римских полководцев — Сципиона, Мария, Фабриция, Камилла, Курия, Фабия и Цезаря.

Аларик (Аларих — В.А.), видя римское войско, тяготится своим начинанием и собирает гетских (готских — В.А.) старейшин на совет. Один из них, самый почтенный, говорит, что за тридцать лет готский народ не бывал в столь тяжелых обстоятельствах. И напоминает, как он, воспитатель Аларика, увещевал его блюсти договоры с римлянами, оставаясь в Фессалии; но если Аларик презрел это наставление — пусть он, по крайней мере, заботясь о людях, уйдет из Италии, не думая о добыче. Как говорят предания, никто из завоевателей не доходил до Рима безнаказанно: Город (Урбс) хранят боги, а если он богов не боится (выходит, то ли готский старец, то ли Клавдиан не знал, что Аларих — христианин и враг язычества?), пусть остережется Стилихона, разбившего его в Греции. Аларик, с раздражением выслушавший старца, возражает, что он одолел всех и вся, кроме Рима.

Что теперь, когда он правит Иллириком, готский народ обладает не только доблестью, но и хорошим оружием (полученным от восточных римлян — В.А.). И что пророческий голос в дубраве обещал ему путь до Города (Урбс). Словами о пророчестве Аларик всех ободрил, пока, наконец, ему не привелось узнать, что под Городом понималась речка Урбс в Лигурии. Стилихон также обращается к своим войскам с речью, одушевляя их на бой за сердце империи. Аланы пошли в бой плечом к плечу с римскими войсками, и их вождь Савл показал пример доблестной гибели. «Незаслуженну вину искупил прославленной кровью» (т. е. своей смертью очистил себя от обвинения в вероломстве, которого он не заслужил; тем самым Клавдиан свидетельствует о наличии у римлян сомнений в благонадежности аланских частей своей армии). Смущенные гибелью Савла, римские конники начали было отступать, но Стилихон спас положение. Нет слов, чтобы достойно воспеть эту победу над «варварами», подобной которой еще не было. Жажда мщениия в римских воинах сильнее корыстолюбия: враг не отвлек их видом добычи: они освобождают пленных, и те спешат домой. Навеки смыт позор разгрома римлян под Адрианоподем, август Востока Валент отомщен. То, что он был арианом, для Клавдиана, видно, роли не играло.

Своего рода «содоклад» о той же самой битве при Поллентии (направленный, в отличие от панегирической поэмы Клавдиана, против Стилихона) оставил нам ученик блаженных Августина и Иеронима, церковный богослов историк Павел Орозий, на страницах VII книги своей доведенной им до 417 г. всемирной хроники — «Истории против язычников» (Орозий умер в 418 г.). Он осуждает, между прочим, выбор дня для битвы (пасхальное воскресенье — главный христианский праздник) и назначение военачальника-язычника Савла (алана) командовать римлянами. А готов Алариха, наоборот, восхваляет, как благочестивых христиан (хотя и ариан), избегавших битвы вследствие религии: «Я не говорю о короле (царе — В.А.) Аларихе, неоднократно побежденном вместе со своими готами, неоднократно запертом и всякий раз свободно уходившем (в чем Орозий обвиняет Стилихона, ведшего, по его мнению, «двойную игру», периодически «подыгрывая» готам — В.А.). Я не говорю о тех горестных событиях близ Поллентии, когда на полководца-варвара и язычника, а именно Савла, было возложено военное руководство, вероломством (? — В.А.) которого были осквернены священные дни и святая Пасха,

и врагу, который избегал битвы вследствие религии, было навязано сражение, и когда по суду Божьему, очень скоро показавшему, на что способна благосклонность его и как вершится кара его, хотя мы и победили в сражении, все же, победив, мы были повержены.» (Орозий).

Указанные выше и другие, достаточно скудные, источники дают весьма смутную картину сражения. Аларих выстроил свои войска у речки Урбс (сегодня — Орба), Стилихон — у реки Танаро. Совсем неподалеку от Маренго — места другой, более поздней и гораздо более знаменитой битвы, прославившей 14 июня 1800 г. на весь мир имя Наполеона Бонапарта.

После обычных речей полководцев перед битвой (столь любимых античными историками и поэтами), войска сошлись. Поначалу «варварская» (главным образом — аланская) конница Стилихона добилась перевеса и оттеснила готов. Но Аларих лично возглавил свои заколебавшиеся рати. Под его командованием вестготы сокрушительным ударом опрокинули конницу Стилихона, убив ее аланского предводителя, и уничтожили правый фланг римской армии. Ее центр, состоявший из легионариев, также оказался под угрозой. Но им командовал сам опытный во всех тонкостях стратегии и тактики военный магистр.

Гибелью мужа (Савла — В.А.) смутясь, поводья вратят верховые:
Тут совокупно бы дрогнула рать, зря крыло отсеченно,
Коль, устроив полки, Стилихон не успел бы поспешный
Конницей начату брань поможеньем пешцев упрочить.

(Клавдиан)

Как на военных учениях, легионы перестроились, развернулись фронтом к противнику и мужественно встретили бешеный готский натиск. В итоге яростный порыв стремительной готской конницы разбился о железный фронт римской пехоты. Второго Адрианополя у готов не получилось...

Немецкий историк К. Дювель писал в своей статье об Аларихе, помещенной в «Реальном лексиконе германской древности»: «Исход битвы был неясен; среди готов, попавших в плен, была и семья Алариха». Но именно в достоверности этих двух фактов сомневались еще немецкие историки Эдуард фон Витерсгейм и Феликс Дан. С тех пор их достоверность продолжают считаться сомнительной, ибо они не подтверждаются никакими источниками, кроме поэмы Клавдиана.

Конечно, не обязательно безоговорочно верить Клавдиану, сообщаящему в звучных гекзаметрах о полной победе Стилихона, захватившего несметную добычу (включая все, что досталось готам при разграблении Аргоса, Коринфа и других греческих городов), а также освободившего из готского плена тысячи военнопленных и готских рабов.

И, ненавистную кровь вождедея впивать, ратоборец
Сквозь многочисленных риз и металлом телег отягченных
Путь прочищает, и груды серебра, убийства алкая,
С презренным купно он топчет добром; дороже и злата
Кровь здесь была; не щадя небреженные выгоды, всюду
Сонмища буйственны, меч обнажа, утоляли враждебность.
И червленый убор, и Валента, огнем истребленна,
Сбруи, и тяжки кратеры, в плачевном добыты Аргосе,
И изваянья дышащи, в огне похищенны коринфском,
Враг лукавый поверг пред стопы грядущия рати -
Втуне: зловещая бо не склонила корысть их помедлить,
Токмо на праведный гнев подстрекнула их скорбная память.
Се, плененну толпу ограждает железо, и люди
Разноязыкие, те, кого увлек неприятель
В рабство, господ наконец истреблением быв искупленны,
С лаской спешат впечатлеть на десницах кровавых лобзанья.
(Клавдиан).

Сообщая о захвате готского обоза Стилихоном, Клавдиан, между прочим, замечает, что слух Алариха был поражен «завываниями» его супруги, связанными как с утратой ею имущества, так и к тому, что сама она попала в плен:

Кая тебе тут, Аларик, печаль, погубленны как Марсом
Все богатства, твой скарб, от корыстей сбиравшийся долго,
Как поразило твой слух твоея завыванье супруги,
Той супруги, что, неодолиму доверясь мужу,
От матерей авзонийских себе монист самоцветных,
Римских обреть гордовыйных рабынь домогалась, безумна.
(Клавдиан)

Ясно лишь одно. «Римляне», т.е., если верить клавдианову панегирику Стилихону — колхи, иберы (то ли испанские предки современных

басков, то ли кавказские иверы-ивиры — предки восточных грузин), армяне, мидийцы, индийцы (!?), «саки» (скифы), «роданские (галльские — В.А.) когорты», гунны и аланы — завладели готским обозом. Ибо, несомненно, именно обоз был самой вожаделенной целью «западноримских» воинов Стилихона. Ведь в обозе находилось все добро, награбленное воинством Алариха по пути из Эпира до Пада. Добро, о захвате которого воины Стилихона не могли бы и мечтать в обычных обстоятельствах. Поскольку это было имущество римских граждан из Далматии и Венетии (включая, если верить Клавдиану, даже сокровища разбитого готами Фритигерна и погибшего под Адрианополем августа римского Востока Валента II). Не вызывает особых сомнений и сообщение Клавдиана об освобождении захваченной готами «двухногой добычи» — известно, как готы ценили «челядь». Каждая битва давала рабам возможность обрести свободу. Даже если речь шла, в том или ином конкретном случае, лишь об облегчении рабам возможности бежать в сумятице сражения.

Жена и дети Алариха были бы весьма важны для Стилихона в качестве заложников. Однако, именно как ценные заложники, они не только играли бы большую роль в мирных переговорах, но и упоминались бы в других источниках. Как, например, дочь Феодосия Великого Галла Плацидия (Плакидия, Плакида), отданная в 409 г. своим братом (а заодно — сожителем) августом Запада Гонорием (т.е., на деле, Стилихоном) в заложницы (и наложницы, по мнению многих) Алариху и перешедшая затем, как некий приз, от одного готского царя к другому. От Алариха — к его преемнику Адольфу (Атаульфу), которому она родила сына Феодосия. Чтобы, овдовев через год, стать предметом торга за хлеб между вестготами и Гонорием. За всеми перипетиями трудной судьбы этой знатной заложницы императорской крови (которой мы еще коснемся в нашем изложении) очень внимательно следили, ее современники. И фиксировали его во всех подробностях. А о судьбе не менее важных заложников — семьи Алариха — ни строчки... Поэтому Витерсгейм/Дан задаются вопросом: «Как можно поверить в то, что столь важный факт (как пленение семьи Алариха Стилихоном — В.А.) не был бы упомянут более подробно, в том числе и в иных источниках?». Да и Бирт высказывает сомнения в достоверности сведений о захвате семьи Алариха Стилихоном. Сомнения, которые он, правда, сам же развеивает (хотя и не вполне убедительно). Высказав предположение (ни на каких источниках не основанное), что Стилихон вер-

нул Алариху семью в ходе мирных переговоров, «чтобы впредь между ними была любовь» (используя древнерусское выражение, использовавшиеся нашими предками в аналогичных ситуациях). Об исходе битвы при Полленции Витерсгейм/Дан, однако, пишут: «Даже если сражение закончилось фактически вничью, в стратегическом отношении оно было проиграно Аларихом. Поскольку он, находясь в самом сердце вражеской страны, в большом удалении от своей оперативной базы, и помыслить не мог о продолжении войны и броске на Рим, не выведя предварительно римское войско из игры путем нанесения ему решающего, в том числе морального, поражения».

И не пытайтесь, уважаемый читатель, спорить с этими давно умершими историками — бывшим офицером запаса прусской королевской армии Даном и боевым офицером саксонской королевской армии фон Витерсгеймом, имевшим в 1814 и 1815 гг. прекрасную возможность изучить действия армий, оперирующих на вражеской территории!

Как бы то ни было, не подлежит сомнению одно. Патриций Стилихон в очередной раз сделался хозяином положения. Молниеносное снятие им осады с Медиолана, т.е. с тогдашней резиденции западно-римского императора, в ходе которого далеко уже не молодой полководец явно совершенно не щадил себя, следует расценивать как веское доказательство его активности, решительности и уверенности в себе. И верности вандалского героя своей всегдашней «суворовской» максиме «глазмер, быстрота, натиск». Способность лично возглавить небольшой (согласно всем источникам) конный отряд, мгновенно привести готов в смятение, отвести от императора угрозу, сбить с толку Алариха — все это в очередной раз являет нам Стилихона как опытного воина. Не сомневающегося в своем конечном успехе и не рассматривающего Алариха как «неизвестную величину» или смертельную угрозу. Стилихон был явно уверен в своей способности разбить вестготского царя. И под Полленцией он отбил-таки у Алариха охоту продолжать слоняться по Италии. Да и готские воины восточно-римского военного магистра (милостью Евтропия) были подавлены и не особо рвались в бой после утраты всей добычи и пленения их жен войсками Стилихона. И все же полной уверенности в разгроме Алариха у нас нет. Ибо нам ничего не известно о том, при каких обстоятельствах Стилихон заключил с Аларихом мир (если вообще его заключил). И об условиях, на которых этот мир был заключен. Между тем, уже в 403 г., всего через год, Аларих опять «откапывает

топор войны» и подступает к италийскому городу Вероне. Под стенами которого, впрочем, терпит новое, уже окончательное (на этот раз) поражение от Стилихона в битве на реке Атезии. Клавдиан пишет о нарушении вероломным Аларихом условий мира, заключенного с Западной Римской империей. Для Эдуарда фон Витерсгейма регент западной части Римской империи вандал Стилихон — отъявленный злодей, снова напавший, в нарушение заключенного мира, на готов Алариха, и учинивший над ними кровавую расправу. Феликс Дан, обработавший огромный труд фон Витерсгейма (как Иордан — труд Кассиодора), ставит сделанный тем вывод под вопрос. При всей своей любви к готам Дан допускает, что Аларих, руководствуясь варварской «нордической хитростью» (используя известное выражение Лиона Фейхтвангера в романе «Успех»), далеко не всегда соблюдал договоры. Да и многие более поздние историки прямо указывают на вероломство и коварство визиготского царя.

Судя по имеющимся у нас скудным сведениям о битве под Вероной, она была не менее кровопролитной, чем битва под стенами Асти. Клавдиан сообщает, что река Атезий покраснела от крови убитых, и несла бесчисленные трупы павших в море. Вероятно, многие готы из войска Алариха перешли на службу Римской империи. К их числу, скорее всего, принадлежали Сар (то ли вест-, то ли остгот, сыгравший важную роль в качестве римского полководца в последующие годы), и Ульфила — тезка «готского апостола» — ставший со временем римским магистром милитум.

На этот раз патриций Стилихон не дал разбитому Алариху беспрепятственно вывести свои войска (как когда-то в Греции). Царю вестготов пришлось спешно отступить в горы, т.е. в тогдашнюю римскую провинцию Норик (а возможно — в восточную Ретию). Так Аларих ознакомился тогда с будущими австрийскими землями Каринтией и Штирией. Спасаясь в очередной раз бегством от войск Стилихона, он, вероятно, попал и в северный Норик (т.е. нынешние Нижнюю и Верхнюю Австрию).

Там ему — несмотря на вполне понятное чувство унижения и неприятные воспоминания о столь тяжелом поражении — понравилось, конечно, больше, чем в Эпире и Иллирии. Всякий российский турист, посетивший живописную Австрию, конечно, с нами согласится. Через много лет после разгрома под Вероной, когда Стилихон уже был мертв, Аларих же стал хозяином Италии, вестготский царь обратился

к затаившемуся, как болотная змея, в Равенне императору западной половины Римской «мировой» империи с просьбой отдать Норик готам под поселение. Правда, к сожалению для Алариха, ему так и не удалось добиться этого. И потому в австрийской Каринтии сегодня проживает словенское меньшинство. Которое вряд ли смогло бы проникнуть в готскую Каринтию...

История распорядилась по-иному. После, разумеется, не слишком-то приятного периода пребывания вестготских «недобитков» в Альпах, в который Стилихон постоянно отрезал готам немногочисленные пути в области с более приятным и теплым климатом, видимо, опять состоялись мирные переговоры. В обмен на передачу своих крепостей в северной Адриатике (в первую очередь – богатой Аквилеи) Аларих с остатками своих войск получил возможность беспрепятственного вывода своих войск в Иллирию. Ему было также обещано финансовое вспомоществование. Субсидии, в которых тот крайне нуждался. Ибо без денег было невозможно обеспечить пропитание и хотя бы минимальное перевооружение, в чем всегда нуждается разбитое войско, даже если не думает — пока что! — о возобновлении военных действий. А об их возобновлении Аларих пока что не думал. Хотя и не отказывался от своих планов (и планов Евтропия) в обозримой перспективе снова поднять оружие на Ветхий Рим. С учетом статьи мирного договора о денежном вспомоществовании разбитым готам, о котором сообщают все источники, становится наконец понятным, почему Стилихон снова и снова щадил воинственного Алариха. Почему он дал Алариху уйти даже после кровавой бойни на Атесисе. Патриций Стилихон не мог не знать, что сформировавшаяся при дворе в Медиолане сильная «национально-римская» партия настраивала западного императора против германцев. Как против всех германцев вообще, так и — в первую очередь! — против многочисленных германцев, занимавших высокие военные и гражданские посты в римской государственной иерархии. И потому уничтожение вандалом Стилихоном самого могущественного на тот момент германца — гота Алариха — было бы для Стилихона равнозначно самоубийству. Ведь в любой момент могла бы возникнуть ситуация, в которой только Аларих мог бы спасти Стилихона. И на этот случай Стилихон «зарезервировал» Алариха. Впрочем, когда Стилихон действительно оказался в смертельной опасности, его расчеты и надежды на спасительную роль Алариха не оправдались. Но это была не вина, а беда Стилихона...

ГОТЫ ПОД СТЕНАМИ РИМА

Многим царям приходилось представлять битву с неясным исходом в качестве своей победы. Однако поражение, нанесенное «римским вандалом» Стилихоном везеготам под Вероной, было столь очевидным, отступление в Иллирию столь удручающим и явным свидетельством их неудачи, что можно сказать, что ни один диктатор, узурпатор, выскочка не смог бы удержаться после столь сокрушительного фиаско у власти. То, что дважды разбитый Стилихоном Аларих все-таки у власти удержался, свидетельствует о привязанности сохранивших ему верность готов к своему военному предводителю. Как и о том, что Аларих, стал для них, как в дни побед, так и в дни поражений, чем-то большим, чем военный предводитель или находчивый организатор походов «за зипунами». Именно его поражения и уроки, извлеченные из них Аларихом, свидетельствуют, что институт царской власти у вестготов стал свершившимся фактом. Учреждением, не менее прочным и надежным, чем у их остготских собратьев, имевших в лице могущественного Германариха царя в полном смысле этого слова и древний царский род, которому хранили нерушимую верность «даже и до смерти».

Кстати говоря, ставшее неким «общим местом» прочно устоявшееся представление об Аларихе, как о вестготском «безупречном молодом герое», с юных лет озаренном аурой грядущего царственного могущества и полководческой славы, нуждается, на наш взгляд в трезвой и критической переоценке. «Безупречному» готскому герою не раз приходилось прибегать ко всякого рода обманным маневрам, хитростям и уловкам, вести переговоры, торговаться. Да и не был Аларих в пору своей славы таким уж молодым. Ни один источник не сообщает нам дату рождения Алариха. Из поэмы Клавдиана нам известно лишь, что Аларих родился на острове Певка в устье Истра-Данувия. В 376 г. его народ, перейдя римскую границу, двинулся на юг. В то время Аларих был еще отроком. В 379 г. он уже принимал участие в битвах. Значит, достиг уже, как минимум шестнадцатилетнего возраста. Или, скорее, восемнадцатилетнего, ибо о его участии в битвах уже достаточно широко известно (значит, он должен был к тому времени составить себе имя, прославиться как доблестный, «знатный», т.е. «известный»,

боец). Следовательно, он должен был родиться примерно в 360 г. п. Р.Х. И, соответственно, в кровавые годы битв при Полленции и Вероне Аларих был «не мальчиком, но мужем», разменявшим пятый десяток. Полным энергии и сил вестготским воином сорока двух — сорока трех лет от роду. Не «молодым героем», «быстрым мира посетителем», как возвеличенный Гомером в «Илиаде» мирмидонский царь Ахилл, а умудренным опытом и закаленным в многотрудных испытаниях не только лишь на бранном поле, но и за «столом» дипломатических переговоров, зрелым мужчиною в полном расцвете сил, каким нам предстает в другой гомеровской поэме хитроумный царь Итаки Одиссей.

На вопрос, почему Аларих все время стремился на Запад, хотя в Константинополе сидел на троне столь же слабый император (причем не поддерживаемый искусным регентом и полководцем, вроде Стилихона), невозможно дать исчерпывающего ответа, не учитывая двух обстоятельств. Во-первых, упомянутых выше интриг Евтропия, все время старавшегося перенаправить готы с Востока на Запад. Во-вторых, присутствия на всем пространстве юго-восточной Европы между Истром и Босфором новой, чрезвычайно динамичной силы — гуннов, вторгшихся туда в 375 г. Как ранее — готы, гунны поначалу были вполне довольны своей ролью римских «федератов». Подавлять, по приказу римских властей, восстания и мятежи в разных частях империи, изучать, под руководством опытных римских полководцев, римское военное искусство, да еще и получать за это жалованье и часть добычи — все это было гораздо выгоднее, чем воевать с римскими легионами. Аналогичным трезвым подходом руководствовался и Аларих. Не видевший смысла в том, чтобы воевать на территории Второго Рима с «дикими» гуннами или с «цивилизованными» гуннами на римской службе (с которых взять было нечего). Особенно с учетом тяжелых потерь, нанесенных гуннами остготам. Война всегда — рискованное дело, но прежде всего — предприятие с целью захвата добычи. Добычу же в охваченной перманентными смутами и волнениями римской Европе Аларих мог получить без особого риска лишь в италийских и галльских городах Западной империи.

Вот в чем заключался, по мнению ряда историков (например, Германа Шрайбера), его мотив (или один из мотивов в целом клубке мотивов, который нам вряд ли сегодня удастся распутать). Честолюбивое стремление захватить Первый Рим, раскинувшийся на Тибре, войти в историю покорителем Вечного Города, главы мира, давшей свое

название всему миру, по трезвом размышлении, вряд ли было главным побуждением зрелого Алариха, хотя, возможно, в юности он мечтал именно об этом. Да и его мечта о создании великой германской державы, великого царства, столь часто приписываемая героям Великого переселения народов не только авторами исторических романов XIX-XX вв., представляется весьма сомнительной. Ибо об Аларихе можно сказать лишь одно: царство его было очень даже «от мира сего». Он думал не об абстрактных, а об очень конкретных вещах, и, прежде всего, о добыче и хлебе. Готы, долгое время ведущие оседлую жизнь, в ходе своих дальних странствий опять стали наполювину кочевниками. Наблюдая за жизнью в умиротворенной римлянами и так долго пользовавшейся благами «пакс романа» части света под названием Европа, готы усвоили горький урок: войной можно жить лучше, чем полеводством. А трудолюбивые народы постоянно становятся жертвой народов воинственных. В таких условиях и с учетом такого опыта воинственный и мужественный народ готских странников вряд ли мог (или хотел) основать прочное государство.

«Его (Алариха — В.А.) политика была направлена не на основание германского царства; напротив, он стремился стать, в рамках существующих условий, военачальником (на римской сужбе — В.А.) в Восточной, а впоследствии — в Западной империи и обеспечить своим войскам землю и пропитание» (Дювель).

Нисколько не пытаясь идеализировать этого сурового воина, в данной связи необходимо подчеркнуть, что Аларих действовал трезво, разумно и целесообразно. И менее эмоционально, чем Стилихон, а впоследствии — царь гуннов Атила и царь вандалов Гейзерих. А под властью завоевателей, в чьих действиях отсутствует эмоциональный момент, завоеванные ими земли и их покоренное население страдают, несомненно, меньше.

На основе событий кратчайшего, по историческим меркам, семилетнего периода между битвой под Вероной, в которой Стилихон пролил реки готской крови, и захватом Аларихом Рима на Тибре, можно без труда сравнить отношение обоих борющихся между собой полководцев к вопросам гуманности и веры, проверить, кто из них был более человечным и религиозным. А так как в этот период в северной Италии неожиданно появился перешедший Альпы совсем дикий идолопоклонник — ежедневно приносящий своим богам жертвы германский князь Радагайс — мы можем рассмотреть совокупно всю

«троицу»: православного христианина Стилихона (с его тайными, носящими скорее эстетический, чем мировоззренческий, характер, симпатиями к умирающему язычеству), откровенного язычника Радагайса и арианина, христианина-еретика Алариха. Отличающихся друг от друга, в первую очередь, не исповедуемой ими религией, а деяниями, которые совершали сами или совершать которые позволяли другим.

Покуда август Запада Гонорий трусливо продолжал отсиживаться в крепости Равенне (куда в 402 г. была из страха перед готами перенесена из многолюдного Медиолана столица Западной империи), патриций Стилихон решил в 405 г., с помощью предусмотрительно пощажённых им готов Алариха, осуществить, наконец, свой давний план — отнять у Восточной империи префектуру Иллирик (на тот момент — фактически Грецию и все земли к северу от Греции до Днуба). Аларих со своим вестготским войском ожидал в Эпире подхода Стилихона, чтобы присоединиться к своему недавнему врагу. Но планы Стилихона и Алариха были нарушены вторжением в Италию орд Радагайса (Радагеса).

Радагайс (не упоминаемый в «Гетике» Иордана ни единым словом) был для греко-римлян «человеком из ниоткуда», «князем, пришедшим с холода». Последний латинский отец церкви святой епископ Исидор Севильский (или Гиспальский, годы жизни: 560–636) упоминает имя Радагайса под 399 г., когда, по его утверждению, «готы разделили своё царство на две части между вождями Радагайсом и Аларихом». Святой Проспер Аквитанский (390–460) относит вторжение в Италию «готов под началом Радагайса и Алариха» к 400 г. Но датировка «варварского вторжения» Исидором и Проспером противоречат довольно подробным сведениям более ранних историков, и потому обычно первое появление имени Радагайса в истории относят к 405 г. В основе сообщений обоих святых историографов, несмотря на их неточность, объясняемую, кроме всего прочего, и временной дистанцией, лежат реальные факты. Как известно, в начале V в. племена готов были рассеяны на большой территории. И Аларих возглавлял только часть племен, осевших на правобережье Истра-Данувия в 380-х гг. За Истром же обитали другие готские племена, подчинённые гуннам и периодически стремившиеся вырваться из под гуннской «опеки».

Факт прихода полчищ Радагайса из мест, не затронутых греко-римской цивилизацией, особо подчеркивается Павлом Орозием,

сравнивающим гота-идолопоклонника Радагайса с уже хорошо известным во всей Римской империи готом-христианином Аларихом (то, что тот был арианином, православного Орозия, как видно, не смущало). Радагайс, по Орозию, «язычник, варвар и сущий скиф...», с ненасытной жестокостью в убийстве любил само убийство», в то время как АЛАРИХ БЫЛ ХРИСТИАНИНОМ, С КОТОРЫМ МОЖНО БЫЛО ИМЕТЬ ДЕЛА И ЗАКЛЮЧАТЬ СОГЛАШЕНИЯ (выделено нами — В.А.), который воевал за добычу и деньги, но не ради разрушений и убийств. Радагайс же выделялся своим «варварством» даже среди прочих «варварских» вождей.

Как писал восточноримский историк Зосим, или Зосима (родом — грек), Радагайс собрал подчиненные ему народы — «кельтов и германские племена, обитающие за Истром и Реном», и двинулся с ними на юг. Вероятно, он первоначально продвигался на юго-восток, где мог захватить плодородные земли, но затем отклонился на юг, из-за гуннов. Поскольку от гуннов германцы всегда терпели несравненно больший ущерб, чем от римлян. Если Радагайс был (ост)готом (как полагали Павел Орозий — современник Радагайса наиболее точно и подробно описавший его нашествие — Проспер Аквитанский, Исидор Гиспальский, или же Севильский, и др.), то уже сама этническая принадлежность вождя «варварских» орд объясняет, почему он направился именно в Италию. Будучи остготом, он спасал от гуннов ядро своих «вооруженных мигрантов» — часть остготского народа, усиленную примкнувшими к ней мигрирующими на юг кельтскими и германскими племенами (позднейшие историки считают их вандалами и алеманнами, основываясь в основном на географической близости этих племён к месту событий). Стремясь скорее вывести своих остготов «со товарищи» из гуннской «сферы влияния» в Италию. Хотя и там не избежал грозившей его воинству от гуннов гибели. По максимальной оценке (данной Зосимом), союз племен под руководством Радагайса (и двух других князей) насчитывал (включая женщин, стариков, детей и состоявшую из пленников-рабов обозную прислугу), четыреста тысяч человек, по минимальной (данной блаженным Августином) — «более ста тысяч». Неудержимой волной он приближался с севера к реке Арн (нынешней Арно).

В своей «Истории против язычников» Павел Орозий сообщает о торжественной клятве Радагайса, который, «как это в обычае у сего

рода варварских племен, всю кровь римского народа обещал доставить в питье своим богам». Черный пиар? Черт его знает!

«Варварская» орда разделилась на три части (все вместе «вооруженные мигранты» Радагайса не смогли бы прокормиться) и медленно наступали на Ветхий Рим (среди населения которого стали распространяться антихристианские настроения — во всех бедствиях «мировой» державы винули христиан, преследовавших римское «родноверие» и даже удаливших при Феодосии I из сената статую Виктории — римской богини победы).

После опасности, только что навлекенной на Италию Аларихом, над Первым Римом нависла новая угроза. Были спешно вновь отремонтированы городские стены. Стилихон, согласно Зосиму, стянул в район города Пизы тридцать воинских подразделений из Лигурии. Иногда под этим понимают тридцать легионов, но это представляется маловероятным. Поскольку во всей западной половине Римской империи тогда насчитывалось всего восемьдесят шесть легионов (как уже говорилось выше, сильно уменьшившихся в размере и насчитывавших каждый впятеро менее воинов, чем легион времен Гая Юлия Цезаря). Скорее всего, Стилихон смог собрать тридцать когорт (примерно пятнадцать тысяч воинов). Усилив их конными отрядами «федератов» под началом гунна Ульдина (Ульдиса) и гота (!) Сара (как видим, готы дрались против готов — как под римскими, так и под собственными знаменами). Об опасности сложившегося положения свидетельствует принятый весной 406 г. указ сената, дозволявший освобождение рабов с последующим призывом их в ряды римских войск.

Когда полчища Радагайса, продвигавшиеся, вследствие своего разноплеменного состава, очень медленно, приблизились к Флоренции, Стилихон напал на них. На этот раз во вражеском войске не было никого, кто был ему известен или нужен, и кого следовало бы щадить. К тому же Радагайс (к «грабь-армии» которого, согласно нескольким источникам, примкнули некие аланы, отличные от панцирных аланских конников, служивших Риму верой-правдой под орлами Стилихона) на своем пути по северной Италии разрушил много городов, оставляя за собой широкую полосу выжженной земли. Так что Стилихон был вынужден проявить не только твердость но и классическую «староримскую» жестокость. Чтобы «буйный варвар» (как писал Иван Грозный о крымском хане) Радагайс не счел римского

военного магистра «слабаком», тот счел необходимым «шхерануть его со страшной силой».

В живописной долине под Фезулами (современным Фьезоле), всего в паре миль от осажденной Радагайсом Флоренции, произошло долгожданное сражение (а точнее — бойня). Стилихон отбросил «варваров» на несколько миль от Флоренции к скалистым высотам Фезул, где «варвары» заняли неприступную позицию. Стилихон окружил высоты линией полевых укреплений, чтобы взять врага измором. Томимые голодом и жаждой, «варвары» ринулись в бой. Но вылазка гарнизона Флоренции и наступление войск Стилихона лишили германцев Радагайса, оказавшихся «меж двух огней», всякой надежды на победу. А высокие склоны Фезульской долины исключили возможность спасения бегством (во всяком случае — женщин, детей и обозной прислуги). Да и переправиться обратно через Арн оказалось невозможно. Ловушка захлопнулась. Конечную фазу битвы источники описывают по-разному. Согласно одним источникам, Стилихон великодушно позволил своим гуннским союзникам под предводительством Ульдина истреблять окруженных до тех пор, пока «рука бойцов колоть устала». Грозные гуннские «кентавры», спастись от которых германцы Радагайса тщетно пытались, уйдя от них в Италию, настигли беглецов и там. Если гуннские «федераты» Стилихона и не истребили всех взятых в окружение германцев до последнего, то спастись от бойни удалось совсем немногим. Или — многим, если верить другим источникам. Указывающим, что, вследствие многочисленности «варваров», плененных Стилихоном под Фезулами, средняя стоимость раба на итальянском рынке «говорящих инструментов» (как именовали рабов римские юристы) снизилась в двенадцать раз. По утверждению Павла Орозия «количество пленных готв было столь велико, что толпы людей продавали повсюду как самый дешевый скот, по одному золотому за каждого». Учитывая внушительную численность полчищ Радагайса (от ста до четырехсот тысяч человек обоего пола), даже после битвы «на уничтожение» при Фезулах в живых осталось, возможно, от шестидесяти до ста пятидесяти тысяч женщин, девушек и девочек. Больше, чем могли вместить и сбыть (хотя бы с минимальной прибылью) все рынки рабочей (т.е. рабской) силы западной половины Римской «мировой» империи. Так что, возможно, пришлось пустить в расход и часть пленниц. Когда спрос ниже предложения, избыток товара уничтожают, чтобы не сбить окончательно цену...

Сам Радагайс, сложивший оружие на условиях сохранения жизни ему и его сыновьям, был, тем не менее, убит римлянами вместе с сыновьями в 406 г. Это — к вопросу о верности договорам, коварстве и вероломстве. Интересно, был ли «варвару из варваров» Радагайс известен коренной принцип римского права «пакта сунт серванда» («договоры должны соблюдаться»), и что он думал о соблюдении римлянами этого принципа. Восточно-римский историк VI в. Марцеллин Комит (просьба не путать с жившим гораздо раньше Аммианом Марцеллином!) в своей хронике, охватывающей период от вступления на престол императора Феодосия I Великого (379 г.) до первых лет царствования императора Юстиниана I Великого (534 г.), называет виновником казни Радагайса, сдавшегося под клятву Стилихона, не самого военного магистра и регента Запада, а его союзника — готского вождя Сара. Но римлянам было не впервой проявлять «пуническое» вероломство, особенно — с «варварами» (часто наивными и доверчивыми, словно дети, несмотря на свою дикость и жестокость). Олимпиодор, к примеру, писал в своем рассказе о гибели гуннского вождя с очень «по-римски» и даже «по-христиански» звучащим именем Донат около 412 г.: «Донат, коварно обманутый клятвой, был преступно умерщвлен», причем виновниками смерти вождя гуннов являлись римляне или их союзники.

Двенадцать тысяч пленных воинов «по-варварски доверчивого» Радагайса (самых отборных, оптиматов — только готов) патриций Стилихон зачислил в свое войско (остальных «римский вандал» продал в рабство, большинство из них вскоре скончалось от истощения и болезней).

Так Рим продолжал сам приближать к себе своих будущих могильщиков. Правда, все они, принятые Римом под свое крыло, могли кой-как сражаться. Сражаться приходилось повсеместно и всегда. Но прийти к власти в Римской империи, пользоваться этой властью, создавать себе сильные позиции, все это было возможно лишь, внимательно изучив ее традиционных властителей, уже шестьсот лет правящих ею хозяев — римский господствующий класс — и их систему управления. И римскую систему руководства войсками на марше, в бою и на учениях.

Владыка гуннов Ульдин, сражавшийся за Ветхий Рим под руководством Стилихона, был, вероятно, «царем» не в большей и не в меньшей степени, чем побежденный им доверчивый не в меру Радагайс.

Но он был, вероятно, дедом Аттилы. И в его внуке взошел посев, брошенный дедом в землю в ходе «битвы на уничтожение» под Фезулами.

Гуннские «федераты», словно предугадывая это, сплотились вокруг вандала Стилихона, денно и ночью защищая военного магистра Запада своими луками, мечами и телами. Германцы были их заклятыми врагами (несмотря на периодически заключавшиеся гуннско-германские военные союзы за Рим или против Рима).

Германские «федераты» Стилихона были готовы изрубить гуннов на куски. Что и сделали, под руководством остгота Сара, несколько позднее, когда Стилихона постигла опала. А римские придворные юного августа Гонория охотнее всего прогнали бы ко всем чертям и гуннов, и германцев (если бы только могли себе позволить лишиться своей последней надежды и опоры). Но, поскольку это было невозможно (в особенности потому, что гуннов и германцев на «ромейской» службе было слишком много), ненависть «национально-римской партии» обратилась (как это часто бывает после головокружительных успехов) на человека, в очередной раз спасшего Первый Рим — на Стилихона.

Римский император Запада Гонорий (по некоторым источникам, незаконно со всех точек зрения — как традиционно-римской, так и христианской — сожительствовавший с растленной им родной сестрой Галлой Платидией) по очереди женился на дочерях своего опекуна (или, как говаривали древние русичи — опекальника) — Стилихона (в честь его брака с одной из них — Марией — сладкопевец Клавдиан сочинил дошедшую до нас торжественную свадебную песнь — «Эпиталаму»). Если верить некоторым источникам (включая «Гетику» Иордана), обе дочки Стилихона оставались девственницами и после вступления в брак с августом Запада. Коль скоро это так, мужская сила Гонория вряд ли превосходила такую его брата и соперника Аркадия. Но как же он тогда ухитрился сожительствовать с родной сестрой? Или это она его так истощила, что на долю законных супругов ничего не осталось? Опять темна вода во облацех...

Как бы то ни было, Гонорий дожил до двадцатичетырехлетнего возраста. Со всех сторон его окружали придворные льстецы и наушники, неустанно чернившие в его глазах Стилихона, неумоимо воевавшего за Гонория по всей (западно)римской Европе. Придворный лизоблюд по имени Олимпий, грекоязычный сириец, по какой-то

причине особенно ненавидел Стилихона. Возможно, связывая с падением ненавистного ему военного магистра надежды на свое собственное возвышение. Внешне Олимпий старался казаться благочестивым, смиренным и скромным. В действительности же он был мастером по части тайных интриг. Плести которые ему в немалой степени невольно помогал сам Флавий Стилихон. Который, вследствие свойственного не только ему, но и другим военным, некоторого недостатка воображения, кажется, просто не мог поверить в возможность своей гибели и вообще угрозы его личности.

При описании события, потрясшего в августе 408 г. новую (с 402 г.) резиденцию августа Запада — венецкий град Равенну — нельзя не вспомнить приписываемую Титом Ливием карфагенскому полководцу Ганнибалу поговорку о богах, лишающих разума тех, кого хотят погубить. Узнав о грозящем ему взятии под стражу (интриган Олимпий все-таки добился своего!) магистр милитум Флавий Стилихон, с чисто германской верностью римскому императору и с невероятной наивностью честного воина, и не подумал собрать вокруг себя своих гуннских телохранителей. Хотя гунны заверяли Стилихона в своей готовности дать изрубить себя в куски ради него (клевет Олимпия гот Сар доставил им это «удовольствие»). И были достаточно сильны и многочисленны, чтобы сопроводить магистра к его германским «федератам». Которые, возглавь их Стилихон, вне всякого сомнения, решились бы восстать. И, несомненно, вымели бы из Равенны, как метлой, засевшую там теплую компанию неясной половой ориентации. Вместо этого Стилихон (чьи симпатии к Христовой Вере, видимо, все-таки превалявали над его симпатиями к язычеству) решил прибегнуть к помощи церкви. Он укрылся в христианском храме, надеясь воспользоваться там правом убежища. Обманутый внешним благочестием своего главного недруга — Олимпия. Когда его призвали — якобы! — на беспристрастный допрос, доверчивый, словно ребенок, невзирая на свои седины, Стилихон покинул спасительный храм. Но, стоило ему выйти из храмового сумрака на яркий солнечный свет, как его тут же вероломно убили на месте. Роль палача выполнил некий Гераклиан, назначенный, в награду за убийство Стилихона по велению императора (на деле же — Олимпия), наместником всей римской Африки. Когда через два года беженцы из взятого наконец Аларихом Ветхого Рима, ища пристанища за морем, переправлялись в Африку, где еще имели владения, комит Гераклиан,

«движимый христианским милосердием», давал приют оставшимся без крова благородным дочерям римских сенаторов... Чтобы затем продать их в рабство сирийским купцам (тоже, между прочим, «римлянам», только восточным — «дьявольская разница!», как сказал бы А.С. Пушкин — «наше все»)..

От рук этого прожженного негодяя и погиб Стилихон — человек, которому нельзя было поставить в вину ничего, кроме его загадочной слабости к Алариху (видимо, обладавшего некоей впечатлявшей современников харизмой).

Аларих же был все еще жив (вопреки «сильно преувеличенным» слухам о его смерти). Подобно Юлию Цезарю, разгневанному подлым убийством своего главного соперника Гнея Помпея, он тоже, видимо, испытывал к убийцам Стилихона глубочайшее презрение. Но, с другой стороны, вестготский царь осознавал, что после вероломного убийства своего главного соперника «де-факто» (как сказал бы истый римлянин) стал хозяином Италии, лишившейся всякой защиты. И потому в том же 408 г. готы Алариха вновь вступили на «священную» италийскую землю. Как будто вознамерились свершить святую месть за Стилихона и продемонстрировать растленной, пресмыкающейся перед воплощением ничтожества — кровосмесителем Гонорием — равеннской клике все величие защитника, которого она сама себя лишила. Немецкий историк Фердинанд Грегоровиус указывает, что вторжение арианского вестготского царя приветствовали уцелевшие друзья Стилихона и ариане (видимо, их в Италии оставалось все еще немало). Меж тем, в Италии творились безобразия, всегда творящиеся после гибели всякого доблестного мужа. Если верить высокообразованному константинопольскому патриарху Фотию, ссылающемуся на языческого историка грекоегипетского происхождения Олимпиодора, схваченные клеветами Олимпия друзья и сослуживцы Стилихона были подвергнуты мучительным пыткам, с целью выбить из них показания, уличающие покойного в «изменнических замыслах» (включая дружбу с Аларихом и намерение возвести своего сына Евхерия — то ли на престол Нового Рима вместо Аркадия, то ли на престол Ветхого Рима вместо Гонория) и оправдывающие, задним числом, его преступное, бессудное убийство. Сам Евхерий тоже был казнен (по обвинению в намерении «восстановить язычество»!). И — главное — было конфисковано все движимое и недвижимое имущество всех жертв необоснованных репрессий. Ибо благочестивые интри-

ганы из Равенны алкали чужих денег и чужого добра не меньше, чем интриганы из Константинополя — «ненасытный» патриций Руфин и евнух Евтропий.

Когда Аларих во главе своих вестготов снова появился в северной Италии (видимо, в верховьях Савии, современной Савы), вся теплая компания, наверно, горько пожалела, что не может тут же выкопать и оживить необоснованно репрессированного ею Стилихона. Но ни святой водой, ни освященным елеем мертвого военного магистра ей было — увы! — не оживить. Военачальники, спешно поставленные Олимпием во главе легионов, могли вызвать у Алариха разве что пренебрежительную усмешку. Вторгшийся в беззащитную Италию восточноримский магистр милитум даже не стал дожидаться вспомогательных войск, которые вел на помощь Алариху из северной Паннонии его шурин Адольф-Атаульф, отпрыск того же рода Балтов-Балтиев, что и Аларих. Чтобы справиться с креатурами Олимпия, вестготскому царю было достаточно его собственного войска. И в самом деле, на всем пути Алариха от Аквилеи — «Орлиного города» — вверх по течению Пада, а потом — на юг, он не встречал сопротивления. Все боевые действия, которые ему приходилось вести, сводились к взятию той или другой придорожной римской крепостцы. Только Равенну, надежно спрятанную в сердце малярийных болот, Аларих предпочел не трогать. Скорее из-за угрозы лихорадки, которой опасался сам и от которой не смог бы уберечь свои войска при осаде Равенны, чем из-за невозможности взять болотную твердыню «ветхих римлян» правильной осадой или приступом. Гонорий же со своими «болотными цветами» был от болотной лихорадки будто застрахован.

Между прочим, рядом с Равенной протекает река под небезызвестным названием — Рубикон. Именно Рубикон пересек со своими легионами Гай Юлий Цезарь со словами «якта эст алеа», т.е. «жребий брошен», двинувшись на занятый Гнеем Помпеем «Вечный Город» Рим, чтобы навязать себя сенату в пожизненные диктаторы, превратив Римскую республику в империю. Ах, если бы великий Цезарь встал из могилы и увидел, как низко пали его венценосные потомки! Но это было невозможно. Да и что бы даже Цезарь смог поделаться в этой обстановке?

«Равенна лежит на гладкой равнине, на самом краю Ионийского залива; отделенная от моря расстоянием в две стадии, она, казалось,

не могла считаться приморским городом, но в то же время она была недоступна ни для кораблей, ни для пешего войска. Дело в том, что корабли не могут приставать в этом месте к берегу, так как этому мешает само море, образуя мель не меньше чем в тридцать стадий, и хотя плывущим берег тут кажется очень близким, но эта мель ввиду своей величины заставляет их держаться возможно дальше [от берега. И для пешего войска не представляется никакой возможности подойти к городу: река Пад, которую называют также Эриданом, выходя из пределов кельтов (другое чтение: «с Кельтских гор» — В.А.) и протекая здесь, равно как и другие судоходные реки вместе с несколькими озерами, окружают этот город водою. Каждый день здесь происходит нечто удивительное: с утра море, образовавши род реки такой длины, сколько может пройти в день человек налегке, вдается заливом в землю и позволяет в этих местах плыть кораблям посередине материка; поздно вечером оно вновь уничтожает этот залив и во время отлива вместе с собой увлекает всю воду. Так вот те, которые имеют намерение везти туда провиант или оттуда вывезти что-либо для продажи или привезают с какой-либо иной целью, погрузив все это на суда и спустив эти корабли в то место, где обыкновенно образуется пролив, ожидают прилива. И когда он наступает, корабли, быстро поднятые морским приливом, держатся на воде, а находящиеся при них матросы, энергично приступив к делу, оправляются в путь. И это бывает не только здесь, но и по всему этому берегу вплоть до города Аквилеи. Обычно это происходит не всегда одинаково, но при новолунии и ущербе, когда свет луны бывает небольшим, прилив моря бывает несильным, после же первой четверти до полнолуния и далее, вплоть до второй четверти, на ущербе прилив бывает гораздо сильнее» (Прокопий Кесарийский).

В конце 408 г. войско Алариха впервые подступило к стенам «Вечного Града» на Тибре. Ветхого Рима, уже несколько лет лихорадочно восстанавливавшего свои и в самом деле обветшавшие стены. И потому бывшего, в описываемое время, в состоянии кое-как отгородиться ими от готом. Но Аларих не пошел на приступ. Он окружил миллионный (?) мегаполис кольцом осады и стал морить Рим голодом. А столичный плебс, разбалованный щедрыми даровыми подачками, голодать давно разучился (предоставив это сомнительное удовольствие обижаемому до нитки имперскими налоговиками населению провинций — в первую очередь, сельскому). Он и не думал сражаться с врагом на голодный желудок.

Но кто осмелился бы вести речь о голодном желудке в тот исторический момент, при описании событий 408 и 410 г.г., когда — впервые после Ганнибала — у ворот «Вечного Города» появился неодолимый враг! Рим стал миром — миром, разделившимся в себе, охваченным смутами и волнениями. Народные восстания, гражданская война, всяческие бедствия — ко всему этому огромное сообщество давно уже привыкло. Но как внешнему врагу удалось проложить себе оружием дорогу через сотни миль исконных римских земель к самому центру римской власти? Не должны ли были у этих дерзких пришельцев отняться ноги, когда они осмелились ступить на священную землю древнего Рима?

Аларих, торжественно именуемый во всех латинских источниках (несмотря на совершенную им — «римским» магистром милитум — явную измену «римскому делу») на римский лад «Аларик(ус)», однако, не испытывал никакого священного трепета перед священной землей, по которой ступал. Не думая, скажем, снять свою обувь (как ветхозаветный Иисус Навин под стенами Иерихона). Возможно, потому, что был знаком лишь с Готской библией Вульфилы (в которую ветхозаветная книга Иисуса Навина, как нам известно, не вошла). Аларих хорошо знал, чем был Рим. И еще лучше знал, чем Рим больше не был — главой и повелителем мира. Уже давно Гонорий дрожал (от страха, не от лихорадки) в болотах Равенны. Уже давно западный император отказался защищать свою столицу. Уже давно сама столица отказалась защищать себя. Тщетно пытаясь скрыть от себя свое уже совершившееся внутренне предательство самой себя трусливым убийством вдовы Стилихона Серены (приемной дочери Великого Феодосия!), задушенной, по указу римского сената, «дабы она не предала град на Тибре Алариху»(!). Ее убийством римские сенаторы (формально продолжавшие считаться высшей властью — ведь сам император считался лишь первым из них!) надеялись «нагнать страху» на не боявшихся ни Фрауйи, ни черта, воинов неустрашимого вестготского царя! И вообще, поведение римлян характеризует их самым что ни на есть нелестным образом. После убийства Стилихона римские воины набросились на семьи и имущество германских наемников Ветхого Рима. Не на самих германских «федератов», дравшихся за этот самый Ветхий Рим далеко от Италии. А на беззащитных жен и детей этих германских «федератов». Перебив не меньше тридцати тысяч супруг и чад этих верных защитников Первого Рима...

Все это было известно Алариху. Поэтому он позволил жителям «Вечного Города» пару недель дрожать, питаться кошками, охотиться на крыс и молить готов о пощаде. Тем самым гордым римлянам, что еще недавно, казнив сына Стилихона, выставили его отрубленную голову на всеобщее осмеяние и поругание. Хотя ему, верному соратнику своего столь же подло убитого отца, римляне были, как и Стилихону, обязаны спасением Рима от орд Радагайса...

Поэт Клавдиан, вынужденный скрываться некоторое время после убийства Стилихона, опасаясь за собственную жизнь (уж слишком усердно он воспевал впавшего в немилость полководца: «Ибо приязненну мирит со мной внимательность ныне / Или величье войны иль к Стилихону любовь» и проч.), пытался, тем не менее, как мог, пробудить в римлянах прежнюю доблесть, воспевая Рому (латинское название Рима, женского рода) в звучных стихах:

Рома (лат. Рим — В.А.), покоившись, днесь безмятежны твердыни
подъемлет.

Встани, молю, досточтимая мать, и, к богам благосклонным
С верой прямой, отрешись ты низменных старости страхов.
Небу совечный град! лишь тогда железная примет
Власть над тобой Лахесис, когда толь пременит природа
Ось, заветы свои обновя, что, вспять обращенный,
К селам придет Танаис египетским, Нил к Меотиде...

Лахесис была одной из Мойр (или, по-гречески — Парок), античных богинь судьбы (аналогичных нордическим Норнам). Пророческим строфам Клавдиана придает странно злободневный характер то, что он связывает эту судьбу с Танаисом-Доном и с Меотидой, т.е. с Меотийским болотом (Азовским морем). Именно из-за Меотийского болота явились гунны. Именно оттуда исходило давление, под которым дошли до Италии готы Алариха.

На деле же реальность, с которой Рим на Тибре был вынужден смириться той голодной зимой, была гораздо менее величественной и торжественной, чем можно было судить по фантазиям впавшего в опалу вслед за своим казненным покровителем поэта. О чем свидетельствовал в своей «Новой истории» уже цитировавшийся нами Зосим(а).

Современник тех трагических для Рима и римлян, «запертых, как обычно скотине, боязнми» (Клавдиан) событий, вполне достойный

доверия (хоть и язычник, верящий притом в официальную версию о «предательстве императора Запада мятежником Стилихоном»):

«Смерть Серены, однако, не заставила Алариха прекратить осаду (похоже, убийцы вдовы Стилихона сами поверили своим возведенным на нее необоснованным обвинениям в «измене» — В.А.). Он окружил город со всеми воротами и, завладев рекой Тибр, перекрыл проникновение продовольственных запасов из порта (Остии в устье Тибра — В.А.). Несмотря на то, что римляне осознавали (это еще большой вопрос, осознавали ли? — В.А.) всю тяжесть положения, они все же решили держать оборону, ожидая, что в любой день может прийти помощь городу из Равенны» («Новая история»).

Коль скоро это так, римляне все еще не поняли, что в Равенне нет второго Стилихона (чьи бюсты и статуи были при всенародном ликовании низвергнуты не только там, но и в самом Первом Риме).

«Однако, когда никто так и не пришел, их надежды погибли. Римляне решили сократить свой продовольственный паек и съедать лишь половину от ранее положенной нормы. Еще позднее, когда нужда усугубилась, от прежней нормы осталась лишь треть. Когда не осталось уже никаких надежд на снятие осады, а запасы продовольствия иссякли, голодающих горожан внезапно охватила чума. Трупы лежали везде и, так как трупы не могли быть похоронены за городом из-за перекрытия врагом всех выходов, город стал их могилой» (Зосим).

К упоминанию античными источниками названий тех или иных эпидемических заболеваний следует относиться осторожно. Поскольку боевых действий за Рим еще не велось, а зимой в Риме достаточно холодно, непогребенные мертвецы и трупы животных вряд ли могли вызвать в осажденном «центре обитаемого мира» эпидемию чумы. Скорее град на Тибре поразила эпидемия холеры или, может быть, дизентерии. Вызванная поеданием осажденными «потомками Энея и Ромула» того, что людям употреблять в пищу ни в коем случае не рекомендуется.

«Когда их (римлян — В.А.) положение стало безвыходным, над людьми нависла угроза людоедства. Из-за всеобщей ненависти и отвращения к людям, облеченным властью, римляне решили отправить к врагу посольство, которое довело бы до его сведения, что осажденные готовы на мир, но только на приемлемых условиях. Но они также готовы сражаться, потому что римский народ, взявшийся за

оружие, вследствие его постоянного употребления и в дальнейшем не страшится боевых столкновений».

Столь угрожающий тон римских послов, достаточно тщетно пытавшихся напомнить о былом военном могуществе Рима, видимо, основывался на надежде, что Аларих (чей страх перед всякого рода «моровыми поветриями» и вообще болезнями был хорошо известен — он будто предчувствовал свою судьбу) лично не принимает участия в осаде «Вечного Города». А подчиненного ему второстепенного полководца (между прочим, по слухам — одного из друзей Стилихона), возможно, удастся запугать подобными угрозами. И заставить «суеверного варвара» поторопиться заключить мир, а затем — уйти из-под стен миллионного (хотя многие историки считают население тогдашнего Рима на Тибре значительно меньшим — В.А.) города, переполненного больными и умершими от эпидемии. Тем более что, по Зосиму, «зловонного запаха от трупов было бы достаточно, чтобы умертвить живых (в т.ч. и готов, до которых он, конечно, доносился — В.А.)» (Зосим).

Однако, вопреки надеждам осажденных, Аларих присутствовал в военном стане готов, осаждавших Рим, собственной персоной. И даже сам руководил осадой города на Тибре. О чем наперебой сообщают все античные историки:

«Когда Аларих услышал, что римский народ занимается военными упражнениями и готов сражаться, он сказал, что густую траву легче косить, чем редкую, и рассмеялся в адрес послов. Но когда они перешли к обсуждению мирных условий, он стал использовать выражения, чрезмерные даже для надменного варвара (вот она, оскорбленная римская гордость! — В.А.). Он заявил, что может снять осаду не иначе и не раньше, пока не заберет себе все имеющееся в городе золото и серебро, а кроме того и всю домашнюю утварь и рабов-варваров» (Зосим).

Совершенно ясно, что Аларих не стал бы так себя вести, если бы допускал возможность подхода на помощь Ветхому Риму свежих имперских войск. То, что Равенна могла противопоставить ему после убийства Стилихона, вызывало у него только насмешку. Нам же остается лишь недоумевать по поводу причин столь самоубийственной наглости кровожадных равеннских святош в столь безвыходной ситуации. Судя по категорическому требованию Алариха выдать ему только рабов-«варваров» (а не, скажем, рабов-эллинов, пребывавших

в римском услужении), можно предположить, что он ощущал себя не только царем готов, но и мстителем за всех германцев. Столетиями истребляемых и угнетаемых «сынами Ромула», по присвоенному теми себе «праву сильного» и по слову своего «национального поэта» Публия Вергилия Марона:

Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твоё! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных.

Аларих был намерен «положить конец всем этим римским безобразиям». Чтобы германские «варвары» больше не служили римлянам в войсках, латифундиях, рудниках, городах, на галерах и Бог еще знает где еще. Они должны были обрести в Римской державе равноправие с римлянами. И совместно с римлянами править «мировой» империей. Когда же безмерно униженные римские послы — испанец Василий и трибун императорских нотариев Иоанн (знавший Алариха еще по службе в римском войске и даже, по Зосиму, друг вестготского царя) осмелились спросить Алариха, что же он намерен оставить римским гражданам, лишенным им всего имущества, восточноримский магистр милитум лаконично отвечал: «Их жизни».

На этих условиях (подкрепленных выдачей ему в качестве заложников, мужских отпрысков знатнейших римских семейств) Аларих был готов заключить не только мир, но и военный союз с императором Гонорием и выступить с западными римлянами в поход против всех их врагов (если и против восточных римлян, то как же Евтропий в нем ошибся!).

Добившись от Алариха хотя бы перемирия, Василий с Иоанном возвратились в «Вечный Город». Несколько дней прошли в попытках римлян и вестготов обмануть друг друга. Римляне воевать на самом деле не могли и не хотели. Аларих же, хотя и мог ворваться в Ветхий Рим, остерегался сделать это, пока там свирепствовала «чума». Но наконец восточноримский магистр милитум добился своего. Получив от западных римлян, хотя и не все их имущество, но все-таки большую контрибуцию: пять тысяч фунтов золота, тридцать тысяч фунтов серебра, четыре тысячи шелковых туник, три тысячи выделанных и окрашенных в пурпур овечьих шкур (вариант: покрывал) и три тысячи фунтов перца (очень дорогой в те, как и в последующие, времена, заморской приправы к пресной пище жителей античной

Экумены с лимитрофами; не зря богача именовали образно «мешком перца»). Этот весьма примечательный список демонстрирует нам, что Аларих взял с Рима контрибуцию, думая, прежде всего, об удовлетворении потребностей «белой кости» — поддерживавшей его готской верхушки, успевшей уже давно привыкнуть к роскоши. А не о нуждах простых готских (и не только готских) воинов, уж конечно, думавших, в первую очередь, не о пурпуре и перце (хотя шелковые одежды, служившие лучшей защитой от паразитов, могли, конечно, заинтересовать и готскую «черную кость»). Как бы то ни было, разбойникам-грабителям жилось в те времена не хуже, чем сейчас. А уж их предводители могли прямо-таки купаться в роскоши. Выжатая Аларихом из Первого Рима разом контрибуция была сопоставима, в пересчете на звонкую монету, с суммой ежегодной дани, выплачиваемой впоследствии Вторым Римом гуннам грозного Атилы. Пока что пребывавшего, согласно некоторым источникам, за стенами Ветхого Рима в качестве заложника и очевидца осады «Вечного Города» Аларихом.

Поскольку же, как пишет Зосим: «в то время в городской казне совершенно не было денег (Рим был доведен своими правителями до банкротства! — В.А.) сенаторы должны были внести выкупные суммы (контрибуцию — В.А.) в зависимости от размеров своего имущества». Тем не менее, оказалось невозможно «целиком собрать всю сумму или потому, что ВЛАДЕЛЬЦЫ СКРЫЛИ КАКУЮ-ТО ЧАСТЬ (выделено здесь и далее нами — В.А.), или же потому, что ГОРОД БЫЛ ДОВЕДЕН ДО БЕДНОСТИ ВСЛЕДСТВИЕ НЕПРЕРЫВНЫХ КОРЫСТОЛЮБИВЫХ ИМПЕРАТОРСКИХ ПОБОРОВ. Так злой дух, которым было охвачено человечество, ныне преследовал римлян и подталкивал их к крайней озлобленности. Горожане (среди которых, по Зосиму — и не только! — были все еще сильны симпатии к языческому «родноверию» — В.А.) решили возместить недостающее за счет убранства на статуях богов (остававшихся нетронутыми, хотя со времен Константина I Великого, а уж тем более — Феодосия I Великого, Римская империя официально считалась христианской — В.А.). Они просто расплатились древними предметами, освященными религиозными обрядами и украшенными, под опекой которых находилось все процветание города (и это пишет восточноримский историк VI в.! — В.А.). После забвения древних обрядов оно стало безжизненными и беспомощными (выходит, во всех бедах Рима виноваты христиа-

не! — В.А.). И когда все, что способствовало разрушению города, случилось сразу, римляне не только лишили изображения богов их убранства, но и расплавили некоторые золотые и серебряные статуи богов, не исключая статуи, олицетворявшей Мужество, которое римляне называли «Виртус» (Зосим писал по-гречески). Когда эта статуя была уничтожена, конечно, исчезли и все те мужество и сила, которые еще оставались у римлян. Тогда сбылось то, что предсказывали сведущие в религиозных делах и дедовских обычаях люди» («Новая история»).

Данные свидетельства, приводимые Зосимом, и тенденция, характерная для его «Новой истории», делают этого хрониста рупором греко-римской языческой партии, возглавлявшей вину за упадок и гибель Ветхого Рима всецело на христианство. По их мнению, именно эта новая вера изгнала и заменила собой староримские добродетели — «мос майорум», «нравы предков», которым Рим был на протяжении столетий обязан всем своим могуществом и блеском. Да и злокозненный царь готы, вынудивший римлян осквернить и уничтожить статуи «родных богов», был христианином (православным или арианом — неважно). И довершил искоренение язычества, не довершенное Константином и Феодосием Великими...

Получив контрибуцию и знатных заложников, Аларих снял осаду с Первого Рима и отступил (по Зосиму) в Тускию (лат. Тускул), т.е. в нынешнюю североитальянскую область Тоскану (некогда — центр цивилизации этрусков, тщетно присылавших в Ветхий Рим своих жрецов в попытке восстановить там языческий культ). Оттуда он вступил в переговоры с императором Гонорием. Фактически Рим на Тибре уже был во власти Алариха. Он мог в любой момент подпалить «Вечный Город» со всех концов, а его многочисленное, но неорганизованное, как овечьё стадо без пастыря, население перебить или угнать в полон. Гонорий же сидел в надежно защищенной стенами и болотами Равенне, неспособный сделать вылазку, чтоб нанести удар Алариху, и неуязвимый для вестготского царя и магистра милитум Востока. Вопреки ожиданиям Алариха, у императора римского Запада, кормившего на досуге своих кур и петухов, оказались более крепкие нервы. Сплотившаяся вокруг Гонория «антигерманская партия», так успешно свалившая Стилихона, не желала видеть во главе римских войск, вместо уничтоженного ею грозного вандала, гота Алариха. Поэтому Гонорий отклонил требование Алариха пожаловать

ему высший римский военный чин, а также власть над Нориком и Венетией, в качестве римского префекта. Его «староримляне» не желали больше вступать с «германскими варварами» в договорные отношения.

Попробуем представить себе реакцию других царей на столь безапелляционный ответ. Александр Македонский приказал бы построить плоты, мосты, дамбы, насыпи и, пусть даже ценой огромных жертв, взял бы Равенну приступом (как когда-то — Тир, вообще располагавшийся на острове в Средиземном море). Аттила от досады вырезал бы все бесчисленное население Ветхого Рима. А вот христианин (хоть и арианин) Аларих ничего подобного не сделал. В течение последующих двух военных лет он играл с Ветхим Римом словно кошка с мышью. При этом бедная римская мышь беспомощно сидела в мышеловке, без всякой надежды вырваться из нее, а готская кошка — Аларих — рыскала по Италии в поисках добычи. Пока «столица Экумены» не созрела до своего падения. И летом 410 г. Ветхий Рим, после долгих месяцев страха, переговоров, новых контрибуций и надежд на чудо, все же пал.

Наблюдая за тем, как это произошло, можно убедиться в том, что Аларих был мастером дипломатической игры, хотя и пребывавшим в плену своих предрассудков. Сделав поистине гениальный ход, царь готов добился того, что вечно беспокойный римский плебс провозгласил императором Запада префекта (градоначальника) мегаполиса на Тибре Приска Аттала — послушную марионетку Алариха. Открывшего своему готскому хозяину и покровителю ворота Первого Рима. И принявшего, в угоду готам (!) Алариха, христианство (видимо, в арианском варианте, раз «в угоду готам»). Так Аларих стал фактическим хозяином «Вечного Города». Но это обстоятельство, очевидно, интересовало готского царя меньше, чем другой достигнутый им успех. Новоиспеченный «император Запада» Аттал (де-факто узурпатор, коль скоро Гонорий не был убит или низложен) назначил Алариха военным магистром всех войск Римской империи. Даровав ему звание и должность покойного полувандала Стилихона. Единственного из противников Алариха, которого тот так и не смог победить.

По отношению к Флавию Стилихону доблестный Аларих явно страдал комплексом неполноценности. Чем и объясняется, хотя и чисто внешнее, но в любом случае совершенно излишнее подчинение готского царя своей же собственной «кукле на римском престоле» —

жалкому Атталу. Который к тому же оставался тайным приверженцем язычества и «всеми фибрами души» (как выражались римские поэты) ненавидел своего «создателя» Алариха и как «варвара», и как заставившего его изменить «праотеческим богам» христианина (не входя, как все язычники — кроме, может быть, Юлиана Отступника -, в тонкости различий между арианами и православными).

Аларих всегда хотел стать верховным РИМСКИМ ВОЕНАЧАЛЬНИКОМ. А НЕ РИМСКИМ ИМПЕРАТОРОМ. Поскольку оба известных ему римских императора, как западный, так и восточный, были «слабаками» (не говоря уже о третьем — его собственной марионетке Аттале). А Стилихон, на которого Аларих привык всю жизнь смотреть, так сказать, снизу вверх, был верховным римским военачальником. Военным магистром. Именно чин римского военного магистра казался Алариху единственным достойным «призом» и пределом всех мечтаний и желаний всякого знатного германца. Его даже, похоже, не смущало обстоятельство, на которое было трудно не обратить внимание. Патриций Стилихон получил звание военного магистра Востока и Запада от Феодосия Великого, императора всей Римской империи, до ее фактического разделения на две половины. Аттал же, император (только) Запада, никак не мог назначить Алариха военным магистром всей Римской империи. Другое дело, если бы Аттал назначил вестготского царя магистром милитум Запада, и Аларих (уже получивший ранее от императора Востока Аркадия чин военного магистра Востока) этим удовлетворился. Возможно, сложность заключалась в том, что Гонорий, брат Аркадия, законный император Запада, был жив, а его брат, император Востока Аркадий (а главное — его «кукловод» Евтропий), Аттала императором не признавал.

В своем новом чине военного магистра всей Римской империи Аларих, в сопровождении своего «карманного» императора Аттала (чьим начальником телохранителей — комитом домашних — он назначил, на всякий случай, своего соратника и шурина Атаульфа), во главе готских и римских войск подступил к Равенне, намереваясь взять город в осаду. Перед лицом столь близкой, непосредственной опасности — в конце концов, покойный Стилихон ведь преодолевал и не такие водные преграды — трусливый, слабосильный блудодей Гонорий живенько утратил свою прежнюю самоуверенность. Как бы ни уговаривали западного императора «староримская» партия и антиариански (и, соответственно — антигермански) настроенные

христиане-кафолики «проявить необходимую твердость», младший сын Феодосия I Великого настолько опасался за свою драгоценную жизнь, что не только «унизился» до переговоров с «презренным варваром-еретиком», но и согласился признать своим соправителем ничтожного Аттала — марионетку грозного Алариха!

Аларих отказался. Потому что у него к тому времени возникли серьезные сложности с Атталом. Тот, явно тяготясь вынужденным, в угоду Алариху, крещением, неожиданно показал свое истинное, откровенно языческое, лицо (или, если угодно, нутро). Аттал, выбивший памятную медаль с гордой надписью «Инвикта Рома» («Непобедимый Рим»), повелел повсеместно открыть закрытые языческие храмы. И воспротивился намерению Алариха направить флот в Африку, чтобы завладеть этой житницей Ветхого Рима. Когда же храбрый «варварский» военачальник августа Гонория — упоминавшийся выше Сар, отпрыск то ли вестготского, то ли остготского знатного рода (что не помешало ему, под командованием Стилихона, громить остготов Радагайса под Флоренцией), подобно Стилихону, пару лет назад освободившему от готов осажденный ими Медиолан, освободил от них и осажденную Равенну, чаша терпения Алариха переполнилась. «Не надо нас душить!» Он в ярости сорвал с не годного ни на что путное Аттала императорскую багряницу. И отослал ее — в знак примирения — Гонорию. Получив от того в благодарность «ноль внимания и фунт презрения».

И тогда Аларих в третий раз пошел на Ветхий Рим. На этот раз — с твердым намерением больше не щадить «Вечный Город». Первый Рим был важен Алариху как залог при переговорах с августом Гонорием. Он сознательно щадил Город на Тибре, поскольку мертвый заложник ничего не стоит. Теперь же, после срыва всех переговоров, ничто больше не удерживало «римского» военного магистра Востока и Запада от того, чтобы предать «главу мира» огню и мечу. Мы знаем, что ворота Ветхого Рима были открыты ему то ли собственными лазутчиками, то ли ждавшими от него освобождения рабами, то ли тайными агентами Евтропия-Аркадия. Но главное не в этом. А в том, что, вступив в Ветхий Рим, его покоритель Аларих, несмотря на величие своего триумфа (а может быть — как раз благодаря ему) внезапно ощутил себя не только готом, но и христианином. Не только царем готов среди римлян, но и христианином среди христиан...

Данный факт, подтверждаемый всеми источниками и потому не вызывающий сомнения в своей подлинности, нельзя расценивать иначе, чем настоящее чудо. Чудом, кстати, его и считали современники. Ибо Аларих пришел в Рим, обуреваемый чувствами отвергнутого влюбленного, уязвленной гордостью человека, убежденного в приемлемости своих мирных предложений. Из своего лагеря в Аримине (Римини) он требовал от августа Гонория, конечно, многого. Обширных земельных владений для своих готов — обеих Венетий (т.е. восточной части Северной Италии с Истрией), а также Норика, любезного сердцу Алариха, ознакомившегося с этой областью, расположенной между верхним течением Драва-Дравы и Дунаем-Данубом, в ходе своих наступлений и отступлений. Гонорий же отказал ему. Мало того! Подстрекаемый остготом Саром (лютым ненавистником Алариха, разбившим войско Атаульфа, шурина вестготского царя), опираясь на неприступную крепость, император Запада осмелился отвергнуть и второе, гораздо более умеренное требование Алариха. Даровать ему не пост верховного главнокомандующего, а более скромную должность. Из земель же — лишь Норик. В этом случае римляне оставались бы хозяевами всей Италии, ибо Норик был, в определенном смысле, не частью собственно Италии, а римским колониальным владением. Гонорий же не согласился и на это. Не желал он допускать до себя Алариха — очередного страшного в своей первобытной мощи и сурового германца, в чьем присутствии Гонорий ощущал себя таким слабым и женственным. Он предпочел остаться в окружении кастратов и монахов (Сар и прочие — не в счет, сын Феодосия держал их на расстоянии, и они с этим мирились). Позволив Алариху обрушиться на Рим (давно уже переставший быть столицей римских императоров и называемый «императорским городом» лишь по привычке). Вполне заслуживавший, с точки зрения доброго кафолика Гонория, суровой кары за то, что принял узурпатора Аттала — то ли идолопоклонника, то ли арианина — и снова впал в язычество. А то, что эта кара будет осуществлена руками «варваров», даже хорошо (никто из римлян не подумает заподозрить его, Гонория, в жестокости по отношению к «царственному граду» и населяющим его «квиритам»).

«Теперь готы и гунны стояли в лихорадочном нетерпении на высотах перед Римом, который царь обещал отдать им на разграбление. В стороне Ватикана эти дикие воины могли видеть базилику Св. Петра и дальше за ней, на берегу Тибра, базилику Св. Павла. Начальники

говорили воинам, что они не должны направлять своих жадных взглядов на эти, полные золота и серебра, святыни; но все, что есть дорогого за высокими стенами Аврелиана, принадлежит им, воинам, если они смогут проникнуть за эти стены» — писал Фердинанд Грегоровиус, немецкий историк родом из Восточной Пруссии (бывшего «Рейдготланда») в своей «Истории города Рима в Средние века» (начинающейся в завоевания града на Тибре Аларихом — В.А.). «И воины, одолеваемые хищными желаниями, видели перед собой неисчерпаемую добычу; они смотрели на это чудо архитектуры, на этот переживший столетия мир домов и улиц с высокими обелисками и колоннами и с позолоченными статуями на некоторых из них; они видели стройно расположенные величественные храмы, театры и цирки, стоявшие как громадные круги, термы с их тенистыми помещениями и обширными куполами, сверкавшими на солнце, и, наконец, обширные дворцы патрициев, казавшиеся городами внутри города, городами, в которых, как знали воины, имеются в изобилии драгоценности и скрывается роскошный и беззащитный цвет римских женщин» (Грегоровиус).

Так живописует нам перо влюбленного в Рим и все римское потомка «рейдготов» последнюю картину древнего «Вечного Города», все еще преисполненного языческого блеска, но уже христианского, окруженного полчищами «варваров», наконец-то, после столетий напрасных попыток захватить «центр мира», вплотную приблизившихся к своей желанной цели.

«Варварская фантазия воинов была вскормлена рассказами о сокровищах города, слышанными от кочевых предков на Истере (Истре — В.А.) и у Меотийского болота; но животной жадности воинов ничего не говорила недоступная им мысль о том, что город этот был городом Сципионов, Катона, Цезаря и Траяна, давших миру законы цивилизации. Варвары-воины знали только, что Рим силой оружия покорил мир, что богатства мира собраны в Риме, и эти сокровища, которых еще ни один враг не грабил, должны достаться им как военная добыча. И этих сокровищ было так много, что воины надеялись мерять жемчуг и благородные камни, как зерно, а золотыми сосудами и роскошными вышитыми одеяниями нагрюзить телеги. Лохматые сарматы войска Алариха, одетые в звериные шкуры (оставим данное утверждение на совести глубокоуважаемого мэтра Грегоровиуса, ибо сохранившиеся описания и изображения представляют нам сармат-

ских ратоборцев в шлемах и чешуйчатой броне, а вовсе не в звериных шкурах — В.А.) и вооруженные луком и колчаном, и сильные готы, облаченные в медные панцири (в медные ли — вопрос, но вообще-то готы к описываемому времени давно использовали римское вооружение, включая защитное, которым сами римляне пользовались во все меньшей степени, как уже говорилось выше — В.А.) — и те и другие, грубые сыны природы и воинственных скитаний, не могли иметь никакого представления о высоте, на которой стояли в Риме искусства, только смутно чувствовали, что Рим для них — море сладострастной неги, в которое они погрузятся; и они знали также, что все римляне — или презренные гуляки, или монахи-аскеты» («История города Рима в Средние века»).

Язычник Аммиан Марцеллин и христианский святой Иероним Стридонский также оставили нам красочные описания этого насквозь порочного Ветхого Рима, готового теперь, в бесславном конце своего блестящего исторического пути, упасть, как перезрелый плод, в руки иных, новых народов. Особенно примечательны в этом отношении письма блаженного Иеронима. Из них явствует, что христианство, новая мировая религия, поднялось со своего изначального уровня рабов, бедноты и воинов на уровень обитателей дворцов и создало в Риме новое общество. Не слишком отличающееся, несмотря на приверженность новой вере, от старого римского общества. Ибо столичное духовенство боролись за кафедру епископа Первого Рима (которой предстояло вскоре стать известной новому миру как «папский престол») средствами, приличествующими, скорее, мирянам. И зачастую ни в чем себе не отказывало.

«Проникши в дома вельмож и обманувши женщин, обремененных грехами, всегда учащихся и никогда не могущих придти в познание истины, они (клирики — В.А.) принимают на себя личину святости: и как бы подвизаются в продолжительных постах, посвящая между тем ночи тайным пиршествам. Стидно говорить о них более, чтобы не показаться не наставником, а прельщенным. Есть и другие (я говорю о людях своего сословия), которые домогаются пресвитерства и дьяконства, чтобы с большею свободой выдаться с женщинами. Вся забота у них об одеждах, чтобы благоухали, чтобы нога была гладко обтянута мягкой кожей. Волосы завиты щипцами; на пальцах блестят перстни: чуть-чуть ступают они, чтобы не промочить подошв на влажной дороге. Когда увидишь таких людей, считай их скорее женихами,

чем клириками. — Иные все старание и всю жизнь посвятили тому, чтобы узнать имена, дома и права благородных женщин. Опишу кратко одного из них особенно искусного в этом, чтобы, зная учителя, ты тем легче узнавала учеников. С восходом солнца он поспешно встает, составляет план поздравительных визитов, выбирает кратчайшие дороги, и наглый старик пробирается даже в спальни к постелям спящих. Увидит изголовье, изящное полотенце, или что-нибудь другое из домашней рухляди, — ощупывает, удивляется, хвалит, и жалуясь, что нуждается в этом, не выпрашивает, а просто вымогает: потому что всякая женщина боится оскорбить почтаря городского (явный намек на склонность подобных недостойных душепастырей к распространению клеветнических слухов и всяческих сплетен — «черного пиара» тех времен — В.А.). Непорочность — враг для него, пост — также: он любит обед роскошный из вкусных журавликов <...> Язык его груб и дерзок, и всегда готов на злословие. Куда бы ни обратилась ты, он первый на глазах. Что бы ни случилось нового, он или виновник, или распространитель молвы. Его кони меняются поминутно, то смиренные, то бешеные: подумаешь, что он родной брат фракийского царя» («Письмо к Евстохии — о хранении девства»).

Блаженный Иероним — бывший секретарь (тайный писец канцелярии) папы римского Дамаса — знал жизнь христианского Рима на Тибре как никто другой, и потому безо всякой пощады бичевал показное благочестие богатых римских матрон — содержательниц «христианских салонов» (как выразились бы впоследствии), почитывающих Евангелие, написанное золотыми и серебряными литерами на пурпурной коже (как «Серебряный кодекс» Вульфилы), и окружающих себя толпами льстивых прихлебателей (в т.ч. и в рясах христианских священно- и церковнослужителей, похожих скорее не на представителей духовенства, а на женихов, охотящихся за богатыми невестами).

В этом растленном Риме, который будет оставаться неизменным еще на протяжении полутора тысячелетий, в котором Казанова будет «блистать» в качестве аббата, а Берни — кардинала, больше не было места ни одному из качеств, требующихся от осажденных, чтобы выдержать осаду. Ни мужества, ни самоотверженности, ни стойкости. Короче, ничему, что могло бы произвести впечатление на Алариха и внушить ему уважение к осажденным. Вестготский царь, как и в прошлые разы, не шел на приступ. А держал «Вечный Город» в оса-

де. Надеясь взять его не «на копье», не штурмом, а измором. Ставка Алариха располагалась у Соляной дороги, напротив Соляных ворот Аврелиановой стены, неподалеку от нынешней горы Монте Пинчо (там стены считались наименее прочными, о чем царь готов явно был осведомлен). Правда, для Ветхого Рима, описанного в письме блаженного Иеронима с таким отвращением и осуждением, даже самые прочные стены не послужили бы надежной защитой. Вне всякого сомнения, Аларих взял Рим благодаря измене. По одной из версий, в «городе царей» имелась сильная «варварская» партия, состоявшая из рабов (после снятия предыдущей осады из Рима к Алариху ушло сорок тысяч рабов, но ведь то были только германцы) и свободных римских простолодинов, не желавших в очередной раз питаться крысами и умирать от холеры и дизентерии ради возможного спасения или продления жизни римских богачей (питавшихся человеческим мясом, включая мясо собственных рабов и рабынь). Эти-то отчаявшиеся люди и впустили войско Алариха в город. По другой версии его впустили в Рим тайно проникшие туда готские лазутчики. По третьей — агенты императора Второго Рима (понимай: Евтропия). Об этом мы уже упоминали выше, но считаем нелишним повторить еще раз все три версии взятия «Вечного Города».

Как бы то ни было, темной августовской ночью 410 г. вестготов впустили в Ветхий Рим. Возможно, как пишет восточноримский историк Прокопий Кесарийский, таким образом, в город проникли триста молодых, отборных готских воинов. По другой версии, эти триста вестготов оказались в Риме иным образом. «Аларих, притворившись, что снимает осаду и уходит, отослал сенаторам 300 благородных готских юношей как пажей с просьбой принять их как дар, свидетельствующий о его уважении к сенаторам и к их верности императору (!), и в то же время тайно приказал этим юношам в обеденное время назначенного дня перебить стражу у Porta Salara и отворить ворота, что будто бы и произошло. Однако сам же Прокопий пишет, что была распространена еще одна легенда о взятии Рима, будто готов впустила в Рим благородная Фальтония Проба, <...> приведенная в отчаяние невыносимыми бедствиями народа, которому грозило под гнетом голода обратиться в канибалов. Такая легенда могла, конечно, сложиться в связи с переговорами, которые <...> вела с Аларихом» (Грегоровиус) богатая и могущественная римлянка, желавшая склонить вестготского царя к тому, чтоб он пощадил жизнь римлян и церкви.

Существует, кстати, версия, что арианину Алариху открыли ворота Рима не одни только рабы, но и ждавшие единоверцев ариане.

Не подлежит сомнению одно. Проникшие в Рим — тем или иным способом — готы подожгли дома близ Соляных ворот (в т.ч. дворец историка Саллюстия, описавшего Югуртинскую войну и заговор Катилины), чем отвлекли защитников города, и позволили осаждающим, в начавшейся суматохе, ворваться в город. Не будем вдаваться в подробности иных, еще более фантастических версий, всякого рода легенд об «ударе ножом в спину». Измышлений римских патриотов и позднейших романофилов, не способных примириться с мыслью о том, что священный Рим, как всякий другой, обычный город, мог быть захвачен «варварской» ордой. Главное в другом. Рим потерпел полное поражение. Так сказать, на всех фронтах и по всем линиям. С чем и смирился. Это — факт (а факты, как известно, вещь упрямая). Факт, подтверждаемый, прежде всего, тем, что римляне не предпринимали никаких попыток прорвать кольцо осады — ни снаружи, ни изнутри. И что после падения Ветхого Рима, когда готы Алариха шли, с победой и добычей, по Кампании и другим италийским областям, никто из римлян так и не напал на своих завоевателей.

Сложней ответить на вопрос о поведении готов, вкупе с их сарматскими и гуннскими союзниками, во взятом ими, так или иначе, «Вечном Городе». Грегоровиус, отнюдь не беспристрастно, описал во всех подробностях жадную добычу, обуревавшую воинов Алариха. Чьи современники — христианские авторы — были, пожалуй, в еще большей степени убеждены в неминуемо ожидающих римлян и Рим ужасах «варварского» завоевания. Как заслуженной ими справедливой кары за многочисленные грехи (из которых перечисленные в письме отца церкви блаженного Иеронима были далеко не самыми тяжкими).

Здесь, кстати говоря, уместно вспомнить предчувствие римского полководца Публия Корнелия Сципиона Африканского, который на развалинах взятого и разрушенного им Карфагена оплакивал будущее падение Рима. Пророчество Сципиона оправдалось с пугающей точностью. Император Запада Гонорий, скрывающийся со своими скопцами в болотах Равенны, по легенде, получив известие: «Рим пал!», был очень огорчен и даже разрыдался. Но совсем не потому, что пал «Вечный Город». А потому, что вообразил, будто пал (т.е. подход — так говорят о смерти животных) его любимый петух, которого он назвал «Рим» в честь «царственного града». Узнав, что пал не пе-

тух, а одноименный с ним город на Тибре, август Гонорий облегченно вздохнул. Справедливости ради заметим, что в действительности речь шла не о петухе, а о курице, по имени «Рома» («Рим» по-латыни — женского рода), но это сути дела не меняет.

Поскольку никто тогда фактически не писал о Ветхом Риме и его падении беспристрастно, установить истину очень нелегко. Как язычники, так и христиане сходятся во мнении, что Первый Рим понес заслуженное наказание. Примечательное единство в осуждении: «Подделом вору и мука!». «Пал, пал Вавилон, город великий, потому что он яростным вином блуда своего напоил все народы <...> кто поклоняется зверю и образу его (как нераскаянные староримские язычники — В.А.) <...> тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне <...> пред святыми Ангелами...» (Апокалипсис). Поскольку всякий историк склонен, так или иначе, к преувеличениям, современники и их ближайшие потомки, вроде Прокопия, не скупилась в своих писаниях на душераздирающие подробности захвата и разграбления «Вечного Города». Но что же там произошло в действительности? Прав ли восточноримский церковный историк Сократ Схоластик, утверждающий, что большая часть Рима на Тибре была испепелена пожаром? Или блаженный Иероним, патетически восклицающий: «Увы, мир гибнет, и мы пребываем в наших грехах; императорский город и главу Римской империи пожрал огонь!», горестно оплакивающий благословенный град, поглощенный пожаром, толкуя этот пожар как предвестие пожара мирового, т.е. конца света? Действительно ли воины Алариха (вкупе с освобожденными ими рабами) не только разграбили Ветхий Рим, но и вырезали в его стенах и за его стенами тысячи людей? Прав ли блаженный Августин, сокрушающийся в своих письмах, что не хватало рук для погребения убитых?

Мы можем спокойно и не торопясь исследовать вопрос. Памятуя о том, что, взяв богатый город, отданный на поток и разграбление, представители всех известных нам на протяжении трехтысячелетней европейской истории (если считать со времен падения Трои) племен и народов вели себя одинаково. Греки, захватывая греческие же города, были не менее беспощадны, чем царь галлов Бренн, захвативший в 390 г. до Р.Х. Рим на Тибре (за исключением городского кремля — Капитолия, спасенного то ли священными гусями, то ли подоспевшими венетами — союзниками римлян). Да и сами римляне,

захватывая неприятельские города в ходе войн в Африке (Карфаген), с Митридатом Понтийским (Афины), с армянами (Тигранакерт) или с парфянами (Ктесифон), не говоря уже о взятии Иерусалима в ходе Иудейской войны, вели себя ничуть не лучше «варварских» народов, вторгавшихся, начиная с IV в. п. Р.Х., со всех сторон в Римскую империю.

Благочестивый Павел Орозий искренне сожалеет, что столь греховный город, как Рим был взят не Радагайсом (вот кто показал бы столичным греховодникам, где раки зимуют!), а всего лишь христианином Аларихом, который его пощадил. Судя по имеющимся у нас сведениям, эта «пощада» заключалась в том, что вестготский царь:

- 1) разрешил своим воинам грабить Ветхий Рим только на протяжении трех (по другим версиям — пяти или шести) дней;
- 2) издал строгий приказ не трогать церковное имущество.

Для огромного большинства тогдашних жителей Первого Рима ограничение времени его разграбления всего лишь тремя, пятью или шестью (пусть даже ужасными во всех отношениях) днями имело гораздо большее — и, прямо скажем, жизненно важное в буквальном смысле слова — значение, чем неприкосновенность святых мест и церковного имущества. Ибо, если разграбление Рима на Тибре готами, сарматами и гуннами Алариха в 410 г. причинило населению «Вечного Города» куда меньше вреда, чем его разграбление вандалами и аланами Гейзериха в 455 г. или, тем более, испанскими, немецкими и итальянскими наемниками венчанного владыки «Священной Римской империи» и короля Испании Карла V Габсбурга в 1527 г. (в ходе этого «Сакко ди Рома» захватчикам — христианам, а в случае воевавших под имперскими знаменами испанцев и итальянцев — еще и поголовно римо-католикам! — было дозволено неделями творить над Римом и над римлянами все, что им было угодно), то это объяснялось лишь краткостью времени, отведенного Аларихом своим людям на грабеж. «Поразительно короткий срок, который дан был Аларихом воинам для грабежа, также должен был смягчить его ужасы, так как грабители должны были спешить воспользоваться разрешенным сроком исключительно на то, чтоб набрать побольше добычи» («История города Рима в Средние века»). Простой воин, оказавшись в огромном, совершенно незнакомом ему городе, может, если ему не повезет, за отведенные ему на грабеж три дня, бродить по узким кривым улочкам кварталов бедноты (трущоб в «сто-

лице Экумены» было предостаточно), изнасиловать пару местных девиц и ... остаться с пустыми руками, не считая пары бусин или, может быть, серебряного крестика. Поэтому еще Грегоровиус с долей сарказма подчеркивал, что готы, гунны, скиры и сарматы Алариха на протяжении этих столь ценных для них трех суток, несомненно, тратили предоставленное им время на то, чтобы съесть и выпить все, что могли найти. И, если ложились где-нибудь поспать, передохнуть часок-другой «от трудов праведных», без труда находили себе и наложниц.

А вот вырвавшиеся на свободу римские рабы, указывавшие захватчикам места, где укрывались их хозяева со своим добром, действительно не знали меры в мщении своим недавним угнетателям. Но разве можно было их за это осудить?

О, час, которому и слушать и внимать
Крушение мощных царств, когда стальная рать
Деяний вековых ложится горьким прахом!
О, толпы, яростью взметенные и страхом!
Железо лязгает, и золото звенит,
Удары молота о мрамор стен и плит,
Фронтоны гордые, что славою повиты,
На землю рушатся, и головы отбиты
У статуй, и в домах ломают сундуки,
Насилуют и жгут, и сжаты кулаки,
И зубы стиснуты; рыданья, вопли, стоны
И груды мертвых тел — здесь девушки и жены:
В зрачках — отчаянье, в зубах — волос клочки
Из бороды, плеча мохнатого, руки...
И пламя надо всем, играющее яро
И вскинутое ввысь безумием пожара!
(Эмиль Верхарн. «Варвары»)

Хотелось бы обратить внимание уважаемого читателя на ту часть приведенного выше описания знаменитым бельгийским поэтом взятия Рима на Тибре Аларихом, в которой речь идет о (якобы) целенаправленном разрушении захватчиками-«варварами» стен, плит, фронтонов и статуй. По мнению Грегоровиуса было бы «нелепо и смешно представлять себе», будто эти алчущие добычи воины, якобы «от природы одержимые каким-то особым озлоблением против

храмов и колонн, во время их короткого, соединенного с грабежом пребывания в Риме, ничего другого не делали, как только ходили всюду с молотом в руке, разбивали статуи, взбирались при помощи подъемных машин на театры и бесполезно мучили себя тем, чтобы сдвинуть с места огромные глыбы камней» (Грегоровиус).

Врываясь в женские монастыри, захватчики «насильственно освобождали несчастных монахинь от данного ими обета девственности» (Грегоровиус). Причем готы-ариане вели себя не лучше своих гуннских и аланских братьев по оружию, все еще косневших в язычестве. Марцелла, благочестивая приятельница блаженного Иеронима, первая монахиня Рима из знатного рода, попыталась умолить насильников, ворвавшихся в ее дом на Авентине, пощадить целомудрие ее воспитанницы Принципии. За это мучители так отстегали ее плетьюми, что она через несколько дней умерла от последствий столь тяжелых побоев. Принципия, правда, была отведена нетронутой благочестивыми «варварами» в убежище святого Павла.

Некая благочестивая римлянка, одинокая и беззащитная, но, тем не менее, бесстрашно охранявшая порученные ей надзору священные сосуды. Ворвавшийся в ее дом гот был уже готов броситься на эту добычу. Но почувствовал страх, услышав слова благочестивой девы: «Ты можешь делать с сокровищем все, что хочешь, но оно принадлежит апостолу Петру, и святой сумеет наказать ограбившего его храм». Гот (видимо, знавший латинский язык — не исключено, что он, успев послужить под началом Алариха в римских «доблестных рядах») так испугался, что отказался от мысли завладеть сокровищами (а, возможно — и их хранильницей). Он доложил об этом происшествии Алариху. И получил от готского царя (благочестивого христианина, хоть и арианина!) приказ отнести под надежной охраной в базилику святого Петра приношения, посвященные апостолу. И проводить туда же благочестивую защитницу сокровищ православной (!) церкви. Когда туда по Риму двинулась толпа «благоразумных разбойников», которые бережно несли потиры, диски, лампы и кресты, сверкавшие драгоценными камнями, она быстро превратилась в целую процессию. Своеобразный Крестный ход. Спасавшиеся бегством христиане, женщины с искаженными страхом лицами и с детьми на руках, беззащитные старцы, трепещущие мужчины (где ты, бывшая «квиритская» доблесть?), объятые паническим ужасом язычники (готский Фрауя одолел-таки их «родноверческих» идолов!), варва-

ры с оружием и платьем, пропитанным кровью (своей и чужой) и с мрачными лицами, на которых животные страсти смешались с неожиданно одолевшим их благоговением...Все это перемешалось вместе. И, по мере того, как толпа подвигалась к храму святого Петра, торжественные гимны прерывали дикие крики грабежа. Эту полную контрастов картину отцы церкви не без основания прославляли, как триумфальное шествие христианской религии.

Бесправным и беззащитным римлянам эти три дня (если придерживаться наиболее распространенной версии), конечно, показались бесконечно долгими. Хуже всего им, вероятно, пришлось в последний, третий день. В который готы, не успевшие еще как следует пограбить, пытались всеми средствами выжать из презренных и бессильных римлян все, что можно. Ведь богобоязненный Аларих повелел им щадить только жизни римлян (а не их здоровье). А между жизнью и смертью вмещается много всего, что одним — радость, развлечение, а другим — страдание, мученье...

Хотелось бы, конечно, знать причины, по которым Алареикс не вывез из основательно выпотрошенного им Рима на Тибре в качестве добычи священную утварь Иерусалимского храма иудеев, привезенную туда победоносным императором Титом Флавием Веспасианом после разорения римлянами Иерусалима в 70 г. п. Р.Х. Может быть, «Алареикс рекс готорум», как добрый христианин, хотя и арианин, посчитал ее равной по святости священной утвари христиан и потому велел не трогать? Хотя другой арианин — царь вандалов Гейзерих, разграбивший Рим в 455 г., поступил иначе. Пощадив, по просьбе православного папы римского Льва I Великого, население Первого Рима и серебряную церковную утварь, арианин Гейзерих преспокойно вывез захваченные Титом иудейские храмовые святыни (включая знаменитый семисвечник-менору, чье изображение украшает герб современного государства Израиль), в столицу своего вандалско-аланского царства Карфаген. Где она и находилась до 533 г., пока не стала добычей православного восточноримского стратега Флавия Велитария. Присоединившего африканское царство потомков Гейзериха к державе благоверного василевса Юстиниана I Великого и перевезшего храмовую утварь иудеев в Новый Рим на Босфоре. Впрочем, есть сведения, что арабы-мусульмане, захватившие после разгрома испанского царства вестготов в 711–712 гг., сокровищницу вестготских царей, якобы нашли в ней какую-то часть сокровищ из иудейского

Храма Единого Бога, в т.ч. отлитый из чистого золота «стол царя Соломона». Темна вода во облацех...

О Гейзерихе, кстати говоря (как и о предводительствуемых им вандалах), автор этих строк узнал из седьмого тома оранжевой детской энциклопедии советского образца, носившего название «Из истории человеческого общества». Сидя с моим одноклассником и другом Андреем Леонидовичем (тогда, в детстве, просто Андреем, без «Леонидовича») Баталовым по прозвищу «Бата» (позднейшие варианты: «пан Бата», «мракобес Бата» и, наконец, «Апостол») у него дома на Вальной улице близ Павелецкого вокзала и станции метро «Павелецкая», и листая этот том, мы наткнулись в конце раздела «Античный мир» на драматического содержания иллюстрацию, озаглавленную «Нашествие Гензериха на Рим (картина К.П. Брюллова)». В подписи под картинкой говорилось, что в 455 г. германцы-вандалы во главе со своим королем Гензерихом (один из вариантов имени царя вандалов, особо поразивший мое детское воображение, поскольку «Гензерих» означает по-немецки буквально «гусак») разграбили и разорили «вечный город» Рим. И в самом деле, на картинке валялись раненые и убитые римляне (все, как один — безоружные), свирепые дикие воины брали в полон девушек и женщин, тащили награбленную добычу (включая золотой семисвечник, попавший в Рим с добычей из Иерусалимского храма), на все это скорбно взирал христианский епископ с большим крестом в руке, а на заднем плане, в клубах дыма от горящих зданий, разорители Рима сбивали надписи и барельефы с триумфальной арки. Всем распоряжался бородатый всадник на вороном коне в шлеме с конским хвостом, увенчанным зубчатой царскою короной типа позднеримских императорских венцов — надо думать, Гензерих. Кое-что оставалось нам непонятным — например, присутствие среди германцев-вандалов смуглых и даже просто чернокожих личностей в белых одеждах и бурнусах явно не германского, а африканского происхождения. Седьмой том детской энциклопедии ответа на возникшие вопросы не давал, однако заронил в мою детскую душу первое семечко интереса к Гензериху и вандалам. Но это так, к слову...

Тому, что по прошествии трех дней, проведенных «с пользой» в Ветхом Риме, готское войско в самом деле ушло из «царственного города» на Тибре, есть разные причины. Первой из них было, несомненно, вполне искреннее исповедание Аларихом христианства

(пусть и в арианской форме). Второй — его гордость и стремление подражать Стилихону (при жизни которого он так и не смог войти в Рим). Желание показать, что он, Аларих, хоть и гот, но не чета «непроцарапанному» Радагайсу, вселявшему страх и трепет во всех и вся своей варварской жестокостью. Кроме того, дальнейшее пребывание готского войска в разоренном мегаполисе, скоплении множества людей, в постоянном контакте со смертью, ранами и язвами, гниющей падалью и разлагающимися трупами, представляло для него ничем не оправданную угрозу. Тем более что перед воинами готского царя и римского военного магистра лежала совершенно беззащитная южная Италия. Где они могли, питаясь и снабжаясь за счет «благодарного населения», без помех и риска для здоровья продолжать делать все то, что им пришлось прекратить в Ветхом Риме. Поскольку к «Вечному Городу» (и к поведению готов в этом «Вечном Городе») были прикованы взоры всего «цивилизованного» мира («добрая слава лежит, а дурная — бежит»). И где готам вдобавок грозила «морозная язва» (чума, холера или еще что — неважно).

Тем, что Аларих проявил разумную сдержанность в грабеже («себя любимого» и своих приближенных он достаточно обогатил за счет взятой ранее с римлян контрибуции), увел с собой, в числе других знатных пленников, юную сестру августа Запада Гонория — Галлу Плацидию, и был зачислен современными ему историками в славную когорту истинно христианских государей (тогда еще весьма немногочисленных), вестготский царь внес немалое смятение в пропагандистскую публицистику поздней Античности. Волны разгоревшейся вокруг покорителя Рима полемики достигли даже побережья римской Африки. Где в своей келье жил, учил, писал отец церкви, епископ древнего города (Г)иппона Регийского, бывшей резиденции царей Нумидии (современной Аннабы в Алжире) — блаженный Августин Аврелий.

Поскольку никто не допускал возможности падения «столицы Экумены» в результате случайности, спор шел о том, чем объясняется захват и разграбление Рима на Тибре «варварами» Алариха. Изменой римлян «праотеческим» богам, или же карой христианского Бога, ниспосланной жителям Ветхого Рима за их «неполноценное» христианство и многочисленные грехи? Языческие и христианские писатели тогда еще вели литературную, эпистолярную дуэль почти «на равных». Как это ни странно. Ибо очень скоро настанет время,

когда окрепшая церковь будет защищаться от нападков не с помощью «виртуозов пера» духовного звания и приводимых ими аргументов, а с помощью костров, пыточных застенков и отлучений.

Язычники в один голос обвиняли христиан во всех бедствиях, обрушившихся на империю. «Пока мы приносили жертвы нашим богам, Рим стоял, Рим был счастлив; теперь эти жертвы запрещены, и вы видите, что стало с Римом». Блаженный Августин в своей 296-й проповеди опровергал эти обвинения: Рим вовсе не был так счастлив в первые века своего существования, когда ничто язычеству не угрожало. И нечего хвалиться огромностью Империи; можно ли считать счастливым государство, несправедливо захватившее земли соседей? «Что такое царство без справедливости, как не огромная разбойничья шайка? разбойничьи шайки ведь это маленькие государства» (4, 4). И языческая философия не смогла привести людей к счастью.

Блаженный Иероним Стридонский искренне скорбел о гибели Первого Рима:

«Я потерял рассудок и способность говорить; днем и ночью меня преследовала одна мысль, как помочь всему этому, и я думал, что я также в плену вместе с святыми. Яркий светоч земного круга погас; голова римского государства отделена от его тела, а вернее сказать — с этим городом погиб и весь мир, и я онемел и впал в отчаяние; у меня не стало слов для доброго; моя печаль вернулась ко мне; мое сердце горело во мне, и мою мысль жег огонь! <...> Кто мог бы поверить тому, что РИМ, СОЗДАННЫЙ ИЗ ДОБЫЧИ СО ВСЕЙ ЗЕМЛИ (выделено нами — В.А.), должен пасть, что город этот должен быть и колыбелью, и могилой для своего народа, что все приморские поселения Азии, Египта и Африки наполнятся рабынями и девушками Рима, некогда властителя мира, что в священном Вифлееме ежедневно будут искать приюта, как нищие, мужи и женщины, некогда блиставшие благородством своего происхождения и своими чрезмерными богатствами? <...> Голос мой прерывается, и рыдания не дают мне написать: покорен тот город, который покорил всю землю! (что Иероним, как видно, считал совершенно естественным и справедливым — В.А.)»

Искренностью своих чувств Иероним явно превосходил Августина. В стенаниях Иеронима чувствуется дух, прежде всего, не христианина, а римлянина, проникнутого древним политическим величием Рима. Сердце же африканца Августина было полно лишь торжеством победы христианства. Поэтому он был равнодушен к падению Рима, как «Гра-

да (т.е. государства) земного». Августин считал государство римлян со всем его мировым господством, с его законами, литературой и философией только творением дьявола, достойным проклятия. Он видел в Риме грешный Вавилон, с падением которого рухнул оплот преступного язычества. И сокрушался при этом падении только о церкви, задетой им лишь внешним образом. А также о вынужденном бегстве и смерти своих собратий во Христе. Августин написал им утешительное письмо, в котором задавался риторическим вопросом: «Почему Бог не пощадил Города? Разве не было пятидесяти праведников среди такого множества верных, монастырских братьев, постников, среди стольких служителей и дев Божиих?» Проводя параллель между Римом на Тибре и Содомом, Августин выражал радость, что Бог, уничтоживший совсем Содом, только наказал Рим. Ибо из Содома никто не спасся, из Рима же спаслись многие, чтобы затем вернуться, другие же остались и нашли убежище в церквях. Он утешал подавленных горем римлян, жалких внуков Сципионов, напоминая им о гораздо больших страданиях ветхозаветного Иова. И подчеркивая, что всякое земное страдание лишь временно. Стараясь облегчить несчастье римлян описанием страданий грешников, осужденных вечно мучиться в геенне огненной. Трактаты Августина «О падении Города» и «О Граде Божьем», его проповедь «Слово о разорении города Рима» и др. направлены на защиту христианства от упреков нераскаянных язычников. Язычники несправедливо, по его мнению, ставили в вину христианской религии катастрофу Рима, которая была неизбежна. Пылкие речи епископов, однако, слишком часто давали язычникам случай убеждаться, что грозившее Риму разрушение возбуждало в епископах одни злорадные чувства. Эти священники настолько мало скрывали свою ненависть к «Содому и Вавилону», что Орозий, как уже указывалось выше, искренне сожалел о том, что Рим не был взят варварами Радагайса. Язычники утверждали, что с падением древних богов, с той поры, как были низвергнуты Феодосием I Виктория и Виртус, римляне утратили былую доблесть. И крест Христа вступил в заговор с мечом «варваров» на погибель Города на Тибре и империи. В опровержение таких обвинений Августин написал свои сочинения, в которых, говоря о падении Рима, приводит подходящие тексты, делает строгие внушения и говорит о божественной власти над человеческим родом. Наша власть началась недавно, говорит Августин о христианстве; она не имеет связи с таким разворотом и испорченностью. Ваши предки, говорит

он о язычниках, СДЕЛАЛИ ВОЙНУ РЕМЕСЛОМ И ПОРАБОТИЛИ СОСЕДНИЕ НАРОДЫ ВОСТОКА. РОСКОШЬ, МОТОВСТВО И РАЗВРАТ БЫЛИ ЕСТЕСТВЕННЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ РИМСКИХ ПОБЕД. ПРАЗДНОСТЬ РИМЛЯН БЫЛА РЕЗУЛЬТАТОМ ПЕРЕПОЛНЕНИЯ РАБАМИ ИТАЛИИ. НЕ МЫ, НЕ ХРИСТИАНЕ, НАПОЛНИЛИ ИТАЛИЮ РАБАМИ; не мы поставили их ниже животных; не мы заставляли их исполнять работы, которые должны были нести скоты. Что касается нас, то мы проповедуем иное учение. Мы, христиане, не налагали на жителей поработанных городов оков. НЕ МЫ ЗАСТАВЛЯЛИ СОБСТВЕННИКОВ ПОКИДАТЬ СВОИ ИМУЩЕСТВА И БЕЖАТЬ; НЕ МЫ РАЗВРАТИЛИ ВАШУ ЧЕРНЬ ДАРОВОЙ ПИЩЕЙ, ЦИРКАМИ И ТЕАТРАМИ; НЕ МЫ ПОГУБИЛИ СЕНАТ И АРИСТОКРАТИЮ; НЕ МЫ ОБЕССИЛИЛИ ЛЕГИОНЫ, ЗАСТАВЛЯЯ ИХ СРАЖАТЬСЯ МЕЖДУ СОБОЙ; не мы первые унизили Рим. РАЗВЕ НЕ ГОНИТЕЛЬ ХРИСТИАНСТВА ДИОКЛЕТИАН, вопрошает Августин на страницах «Града Божьего», ПЕРВЫЙ ПОДАЛ ПРИМЕР К УНИЖЕНИЮ РИМА, ПЕРЕНЕСЯ СТОЛИЦУ Римской державы В НИКОМЕДИЮ? ВАШИ ИМПЕРАТОРЫ РАЗДАВАЛИ ПРАВА РИМСКОГО ГРАЖДАНСТВА ВСЕМ НАРОДАМ; ОНИ САМИ РАЗРУШИЛИ ПАТРИОТИЗМ. Не мы, продолжает Августин, заправляли АРМИЕЙ, КОТОРАЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ ДЕВЯНОСТА ДВУХ ЛЕТ ДАЛА НАМ БОЛЕЕ ТРИДЦАТИ ИМПЕРАТОРОВ И СТОЛЬКО ЖЕ ПРЕТЕНДЕНТОВ. Он указывает язычникам, что они, нагло и бесстыдно обвинявшие исповедующих Христа, не избежали бы смерти, если бы не переделались христианами, что пощада, сколько ее выпало на долю Рима, шла вся от Христа, а то, что обычно бывает при разграблении, — разорение, убийство, грабеж, пожар и всякие мучения, — все это обыкновенные вещи во время войн. Лживо и утверждения язычников, будто взятие и покорение Рима варварами произошло ПОСЛЕ разрушения христианами идолов. Ибо идолы были разрушены еще ДО наступления на Рим орд Радагайса. И, тем не менее, Радагайс был отброшен от Рима и уничтожен. Радагайс, который был язычником и ежедневно приносил жертвы идолам, так что даже говорили, что Радагайс не отходил от жертвенников. Так Бог показал, что земное могущество не зависит от жертвоприношений идолам. И римляне, с Божьей помощью, чудесным образом победили идолопоклонника Радагайса.

Августин хорошо знал Первый Рим. Хотя вырос на африканской земле и был сыном не слишком состоятельных родителей. Что не

позволяло ему, в отличие от многих других молодых образованных римлян, беспрепятственно странствовать по всей Римской «мировой» империи. К тому же долгое время он почти не интересовался религией. Он свободно читал по-латыни, но не по-гречески. Что создавало ему немало сложностей, ибо греческий был языком общения не только светского образованного общества Римской империи, но и христианской духовной элиты — Вульфила перевел Священное Писание с греческого на готский раньше, чем блаженный Иероним — на латынь. До сих пор в ходе латинского богослужения римско-католической Церкви слова «Господи помилуй» возглашаются не по-латыни, а по-гречески: «Кирие элейсон» (готские же ариане возглашали: «Фрауйя армай»). В Карфагене Августин вел в молодости довольно распутную жизнь. А затем увлекся дуалистическим манихейским лжеучением, пришедшим в Рим из Персии и мимикрировавшим под христианскую ересь (что наложило на его мировоззрение неизгладимый отпечаток, склонность видеть все в черно-белом цвете, без нюансов, переходов и полутонов). Как указывают биографы, будущий святой впоследствии очень сожалел об этом этапе своей жизни и даже искренне оплакивал его. Зарабатывая себе на хлеб и вино в Медиолане в качестве ратора (учителя красноречия), Августин услышал там проповедь епископа Амвросия (что лишний раз убеждает нас в ключевой роли, сыгранной последним в истории описываемой нами эпохи сумерек античной Экумены). После чего в 387 г., в тридцатитрехлетнем возрасте, крестился по православному обряду. Возвращаясь на свою африканскую родину, он провел довольно продолжительное время в италийском Риме. Впечатление, произведенное на него «Вечным Градом» на Тибре, было достаточно двойственным, или, как стало нынче модно говорить, «амбивалентным». Ибо он, в ходе споров о взятии готами «града царей», неизменно подчеркивал: В РИМЕ БЫЛО СЛИШКОМ МАЛО ПРАВЕДНИКОВ, ЧТОБЫ БОГ ЗА НЕГО ЗАСТУПИЛСЯ. Даже погрязший в грехах и нечестии библейский Содом Бог согласился пощадить, если в нем найдется хотя бы десять праведников. В Ветхом Риме же, как видно, и десяти праведников не нашлось. Там, правда, было немало людей внешне безупречной жизни, но внутренне все они были все-таки грешниками. А Бог — Он все видит. Ничто от Него не укроется.

В писаниях блаженного Августина явственно ощущается голос карфагенянина, романизированного христианина финикийского

происхождения, выросшего на древней пунийской земле и, так сказать, вскормленного не сабинскими оливками и полбенною кашей, а африканскими смоквами и финиками. В своей 296-й проповеди он напоминает, что Рим — метрополия, столица, средоточие могущественной державы, горел в своей истории не раз. Из римской истории и литературы известно, что недавний (410 г.) пожар Рима — уже третий. Единожды он горел лишь после победы христианской веры, но перед этим дважды горел под властью веры языческой. Один раз он был так опустошен огнем галлами (Бренном), что остался нетронутым лишь Капитолийский холм. Во второй раз Город был сожжен Нероном. Приказ поджечь его исходил от Нерона, императора этого Рима, служителя идолов, убийцы апостолов. Он приказал — и пламя охватило Рим. Итак, Рим горел раз, второй и третий. «Почему же ты находишь удовольствие в ропоте на Бога из-за города, уже привычного к пожарам (*te quid delectat contra Deum stridere pro ea quae consuevit ardere*)?» Этот пассаж из 296-й проповеди блаженного Августина — пожалуй, самый удивительный во всей дискуссии вокруг взятия Ветхого Рима вестготом Аларихом. Ибо доказывает, что и величайшим светочам тогдашнего христианства было нелегко утешить своих единоверцев и единоверок в горе, испытываемом ими в связи с падением великого Города, который всегда был и оставался для них чем-то неизмеримо большим, чем просто город. Именно из примирительного характера аргументации, явной растерянности, испытываемой даже сильнейшими духом и опытными в искусстве проповеди учителями Церкви, заставляющей их прибегать к софизмам и жонглированию цифрами, явствует вся глубина смятения, в котором находился весь «культурный мир». В лице Ветхого Рима все участники полемики — язычники и христиане — утратили, как видно, слишком много. Они утратили не столько место их конкретных встреч и впечатлений, чем средоточие и предмет всех их помыслов. Ибо повсюду — вплоть до Галлии и Испании христианские клирики оплакивали падение Рима на Тибре не менее горько, чем поэты, затаившиеся в отдаленных римских колониях и втайне воспевавшие там «праотеческих» богов, что отвернулись от постыдно изменившего им «града Ромула».

Потеря Рима стала наказанием не только населению «града царей» на Тибре, хотя оно, по достаточно распространенному мнению, вполне заслуживало кары за свои грехи. А всему христианству. Всему христианскому миру. В этом можно усмотреть определенное проти-

воречие. Однако речь шла не только о людях и людских грехах, но и о Вечном Городе. Сальвиан Массилийский (390 — 475 гг.), латинский христианский писатель и священник, оплакивавший падение Первого Рима издали, с безопасного расстояния, писал: «Я мог бы легко доказать, что мы страдаем ни в коей мере не сообразно нашему поведению, и что Бог обращается с нами гораздо мягче, чем мы — с Ним... Мы огорчаем его Его нашей жизнью, запятнанной грехами, и вынуждаем Его карать нас, вопреки Его воле... Все сознают, что (римское — В.А.) государство больше не обладает могуществом, и все-таки мы даже не признаем, чьим благодеянием мы обязаны тем, что все еще живы...»

Поскольку Сальвиану было суждено стать свидетелем еще и захватов Первого Рима вандалами, а затем — и остготами, он, впоследствии, возможно изменил свое мнение о недостаточности небесной кары, постигшей грешных римлян. Ведь в пору захвата Рима Аларихом Сальвиану было всего двадцать лет от роду. Тем не менее, уже тогда он истолковал это событие так, что положил начало утверждению в богословии и философии совершенно нового, иного, чем прежде, представления о Риме, увенчанного идеей Августина о бессмертном, вечном Граде Божием, призванном заменить собой утраченный навеки «Град Земной», «Царство Земное» — христианскую Римскую империю.

Эта идея утверждалась медленно и постепенно, из сравнения того, что произошло в 410 г. с Римом, с библейскими притчами. Рим из города-государства превращается в нечто подобное не просто живому, но человеческому существу:

«Праведными названы те, кто называется так по некоей человеческой мере, из-за того общения, в котором они безропотно живут среди людей, — то таких в Риме много, и ради них Бог пощадил город, и многим удалось спастись; но и тех, кто умер, Бог пощадил. Ибо те, кто умер в добром житии и истинной праведности, во благой вере — разве не избавились от тягости человеческих дел и не пришли к божественным прохладным обителям? Они умерли после скорбей, как тот бедняк при дверях богача. «Но они голодали!» И он голодал. «Они страдали от ран!» И он страдал, и даже, может быть, их меньше лизали собаки. «Они умерли!» И он умер, но послушай, что его ожидало в конце: Случилось умереть, — говорит Евангелие, — тому бедняку, и отнесли его ангелы на лоно Авраамово» («Слово о разорении города Рима»).

Так и кажется, что Рим в устах и под пером Августина вот-вот превратится во второй, небесный, Иерусалим. Или, точнее — в первый. Если, забыв об «Апокалипсисе», считать, как многие (к примеру, Герман Шрайбер), что Иерусалим Небесный был измышлением крестоносцев, не способных войти в упорно обороняемый Иерусалим Земной. «Рим, град святого Петра, сначала преодолел подступившую к нему чуму; этот город, ставший для мира прославленным главным местопребыванием блюстителя папской должности (т.е. папы римского — В.А.), силою веры, обладает всем, что он не завоевал силой оружия». Так писал живший в Галлии Проспер Тирон (Акви-танский), умерший после 455 г. И, соответственно, подобно Сальвиану, бывший свидетелем походов на Ветхий Рим вестготов Алариха, вандалов Гейзериха и остготов Теодориха. А также нашествия Аттилы — «Бича Божьего» — на Галлию и «битвы народов» на Каталаунских полях. Как верный ученик и сторонник блаженного Августина, Проспер утверждал с однозначностью, приличествующей скорее не священнослужителю, а светскому политику-полемисту: «Мы верим, что распространение Римской державы было предусмотрено Божественным Провидением. Народам, призванным к единству Тела Христова, надлежало прежде быть объединенным в правовом отношении в одну державу, хотя Милость Христа не удовлетворилась тем, чтобы иметь те же границы, что и Рим... И все же Рим благодаря первенству апостольского священства добился, как твердыня веры, большего авторитета, чем как средоточие светской власти».

Следовательно, то, что было создано на протяжении семисот лет языческой властной и завоевательной политики, было заранее предопределено Высшей Волей в Предвечном Совете, к тому, чтобы придать в итоге блеск и могущество Новому Риму, Риму христианскому. А Ветхому, языческому Риму надлежало умереть, дабы, подобно Фениксу из пепла, возродиться и воскреснуть в новом, еще большем, небывалом прежде, блеске и величии.

Оглядываясь сегодня вокруг себя, мы считаем совершенно естественным, что важные события становятся с быстротой молнии известны всему миру, что их повсюду комментируют, что они находят отражение в публицистике самых отдаленных стран, и, конечно, во всемирной паутине Интернета. Тем удивительней поистине вселенский отклик на взятие Ветхого Рима Аларихом, отраженный в микроскопе каждого из подданных агонизирующей Римской «мировой»

империи. Насколько сильно затронутым падением «Вечного Города» почувствовал себя каждый римский гражданин (а таковыми стали, со времен эдикта Каракаллы, все свободные жители «мировой» империи), способный и призванный мыслить, писать, учить и проповедовать! Никто не отмалчивался — кроме одного единственного человека, с которого все, собственно говоря, и началось. Который, поначалу терзаемый сомнениями, нерешительно, подстрекаемый агентами... нет-нет, не Коминтерна, а Константинополя, все-таки, почти через силу, заставил себя стать завоевателем Ветхого Рима. Ровно через восемьсот лет после галла Бренна. Аларих, покоритель «центра мира», полководец и политик, о котором мы, после падения Первого Рима, больше не слышим и мало что знаем, в разгар августовской жары ушел со своими войсками в южную Италию. Тяжело нагруженные добычей, захваченной в Святом Городе, воины вестготского царя и римского военного магистра, вероятно, предпочли бы идти не на юг, а на север. Возвратиться домой, в родной Норик. Где могли бы украсить захваченными ожерельями, браслетами и кольцами шеи, запястья и пальцы рук своих супругов, сестер и дочерей и отдохнуть от ратных трудов у семейного очага. Но мир с западной половиной Римской «мировой» империи все еще не был заключен. Все еще пыжился за стенами Равенны юнец в императорской порфире, игравший сам с собой, миром и Римом. Или, точнее, Римами — как городами на Тибре и Босфоре, так и упомянутым выше петухом (который был на самом деле курицей).

Кстати говоря, в том же 410 г. бессовестный младший сын августа Феодосия I равнодушно отказал в военной помощи своим подданным-провинциалам, прибывшим из римской Британии, опустошаемой северными «варварами», официально лишив их своего покровительства и бросив на произвол судьбы (римские легионы были выведены с северных островов еще раньше).

Как это ни смешно, чухлый и изнеженный донельзя император Запада Гонорий умудрился-таки пережить крепкого, словно германский дуб, Алариха. По непостижимой иронии судьбы, равеннский выродец, и глазом не моргнув, без всякой надобности вдруг пожертвовавший Римом, еще некоторое время фигурировал в анналах мировой истории, т.е. коптил небо (как выражались наши предки). Алариха же в жарком воздухе Калабрии постигла смерть. Возможно, от заразы, подхваченной им в зачумленном Городе на Тибре. Если

к его гибели не приложила руку коварная Галла Плацидия, оборотительная полонянка императорских кровей, самая ценная часть его добычи. Добавив храброму вестготу что-нибудь в еду или в питье во время ужина в интимной обстановке. Никто этого не знает. Бранные останки римского военного магистра и вестготского царя, умершего под городом Консенцией, до сих пор так и не найдены. Поскольку готы, силами своих многочисленных пленных, отвели течение реки Бузента (нынешней Бусенто), погребли Алариха на дне реки, а потом снова вернули реку в ее прежнее русло.

Чтобы никто не мог узнать места последнего упокоения славнейшего отпрыска рода Балтов, пленные, отводившие реку и рывшие могилу, были перебиты (так же, если верить Иордану, впоследствии поступили с рабами, предавшими земле «царя-батюшку» Аттилу — разве что дело обошлось без отвода реки). Скорее всего, Аларих умер в возрасте сорока шести-сорока семи лет. А погребение вестготами их храброго царя вместе с большой (а то и большей) частью взятой им у римлян в «Вечном Городе» (да и в других местах) добычи — не более, чем красивая легенда. Хоть римляне и прославились своей алчностью и «проклятой жаждой золота», Аларих отобрал у них так много этого золота, что можно не сомневаться: он и его братья по оружию не хуже римлян ценили благородные металлы. Через много лет Галла Плацидия залилась краской, при виде прошедших через много рук монет и самоцветов, награбленных готами в Риме. Которые были поднесены ей, на венчании (интересно бы знать, по какому обряду?) с преемником Алариха — Адольфом-Атаульфом — в качестве свадебного подарка готскими юношами в шелковых одеждах (конечно же, тоже доставшихся вестготам в Риме в качестве добычи). Только вот вопрос: покраснела ли дочь Феодосия Великого от гнева на готов за то давнее злодеяние, или же при воспоминании об овладевшем ею великом царе готов, не прожившем после этого и нескольких недель? Поскольку доблестный Аларих умер, не оставив после себя достойных царской власти кровных наследников, царем вестготов (часть которых, возможно, осела в Италии) стал его шурин и испытанный соратник Атаульф из рода Балтов.

3. ИТАЛИЙСКОЕ ЦАРСТВО ОСТГОТОВ

После четырнадцатилетнего царствования Одоакр должен был преклониться перед более высоким гением царя остготов Теодориха — такого героя, который соединял с дарованиями полководца мудрость правителя, который восстановил внутреннее спокойствие и благоденствие и имя которого до сих пор справедливо останавливает на себе внимание человечества.

(Эдуард Гиббон)

ХИТРЕЦЫ, БОЙЦЫ И МУДРЕЦЫ

Овеянная легендами о тайном захоронении Алариха с награбленными им сокровищами речушка Бусенто, античный Бузент, — одна из самых небольших в Италии. Длинной всего девяносто километров, она течет по территории Калабрии. Ее исток — близ горы Монте Кокуццо в Калабрийских Апенниннах. В месте впадения Бузенто в более крупную и полноводную реку Крати расположен город Козенца (древнеримская Консенция). Если лето выдается особенно жарким, создается впечатление, что Бузенто на самом деле не впадает в Крати, как на географической карте, а как будто высыхает от калабрийской жары. Если так было и в древности, то и отводить-то течение реки для захоронения в ее русле Алариха и награбленных им драгоценностей не было никакой нужды. Как на грех, именно в самый разгар летней жары на берега мелеющей Бузенто регулярно съезжаются кладоискатели и гробокопатели со всей Италии, да и из более богатых стран Европейского Союза, высмеянные в свое время итальянским писателем Гидо Провене в книге «Мама Италия».

Не меньшей склонностью верить легендам о зарытых кладках, чем кладоискатели и гробокопатели прошлого, современности (и, вероятно — будущего) отличались наши старые знакомые. Кассиодор,

магистр официий Теодориха Великого. И нотариий Иордан, опирающийся в своем труде на готскую историю Кассиодора величайший пропагандист готского величия. Искавшие в темные десятилетия остготско-гуннского союза факты, дабы воздвигнуть из этих фактов нерукотворный памятник непреходящей готской славы. Так и тянет поверить им на слово. Ведь ничто не внушает нам доверия больше, чем свидетельства «почти современников», балансирующих между правдой и легендами, с пугливой робостью прикасающихся к прошлому (для них, в отличие от нас — еще очень недавнему).

Стоя в Козенце на Понте Марио Мартире (мосту мученика Мария), спиной к современным кварталам (включая музей под открытым небом с произведениями двух прославленных художников- сюрреалистов — Сальвадора Дали и Джорджо де Кирико), видишь перед собой живописный старый город и кафедральный собор с гробницей Изабеллы Арагонской, умершей в Козенце (через восемьсот лет после Алариха) в ожидании скорого разрешения от бремени (на ее здоровье сказалась губительная калабрийская жара). Кроме Изабеллы, в соборе похоронен Генрих VII, король Сицилии и Германии, сын и соправитель владыки «Священной Римской империи» Фридриха II Гогенштауфена (от другой арагонской принцессы — Констанции). Построившего т.н. Швабский замок. И державшего в нем сына-изменника, пока тот не отдал Богу душу. Ветром дальних странствий занесло в Козенцу и упоминавшегося выше сердцееда и авантюриста Казанову. Прибывшего туда еще совсем молодым человеком, чтобы послужить епископу Марторано в качестве аббата, и удостоившего последнее пристанища Алариха нескольких строчек в своих всемирно знаменитых мемуарах:

«Епископ (Марторано — В.А.) дал мне весьма лестное письмо к архиепископу в Козенцу с просьбой отправить меня в Неаполь <...> Архиепископ Козенцы, человек умный и состоятельный, поселил меня в своем доме. За столом я с горячностью восхвалял марторанского владыку, но не пощадил его прихожан, а заодно и всей Калабрии, причем отзывался о них с такой язвительностью, что архиепископ не мог удержаться от смеха, равно как и его гости, в числе которых были две дамы, украшавшие своим присутствием нашу трапезу. Козенца — это город, где порядочный человек может найти для себя развлечения, поскольку там есть богатая знать, красивые женщины и достаточно сведущие люди, получившие образование в Неаполе

или Рима. Я уехал оттуда на третий день» (Джакомо Джироламо Казанова. «История моей жизни»).

Казанове потребовалась всего пара часов, чтобы предложить веселому душепастырю покинуть вместе с ним свою епархию и отправиться в поисках счастья на чужбину. Иерарх, однако, отказался, поступив, по мнению Казановы, неправильно. Если бы он принял предложение авантюриста, то не умер бы всего через два года, в полном расцвете сил...Вероятно, сей достойный прелат римско-католической церкви сменил царство земное на царство небесное примерно в возрасте Алариха. Потому что жил в области, подходившей ему не больше, чем вестготскому царю, как с точки зрения климата, так и с точки зрения поваренного искусства (если верить Казанове, в Козенце и вообще в Калабрии готовили пищу на очень плохом оливковом масле). Можно предположить, что и при Аларихе, тысячью трехстами годами ранее, дело обстояло немногим лучше. Пожалуй, мы достаточно уделили внимания Консенции-Козенце, отблеску награбленного готами у римлян золота (награбленного ранее римлянами еще у кого-то) и золотых (по мнению некоторых романтических поэтов — особенно немецких) кудрей «юного» Алариха, погребенного вестготами, вместе с этим золотом, в русле Бузента. Но от тогдашних тервингов остались хотя бы эти, пусть даже довольно-таки тусклые, отблески. А вот тогдашние остготы вообще остаются по сей день скрытыми от наших мысленных взоров в паннонской мгле. Мрак карпатских дремучих лесов и совершенная «неисторичность» их диких союзников-гуннов не только приводили в отчаяние Кассиодора с Иорданом, но и истощали терпение терпеливых, вообще-то, позднейших историков. В первую очередь — немецких. Во многих местах своего двухтомного труда о германцах, этого монументального произведения, переполненного разнообразнейшими сведениями, такая общепризнанная величина, как Людвиг Шмидт, вынужден разбираться со множеством гипотез, представляющихся ему несерьезными. Как и на шестнадцати страницах, посвященных им остготам в период между царствованием Германариха и «битвой народов» на Каталаунских полях. О пяти месяцах древнеримских внутривосточных событий у нас больше сведений, чем о пятидесяти годах остготско-гуннского «добровольно-принудительного» союза. И разве можно осуждать, скажем, австрийского археолога Рудольфа Эггера за его попытки, так сказать, перегадить это «исторического болото» с помощью довольно остроумных гипотез?

Тем не менее, в общем и целом, ситуация нам представляется вполне понятной. В ходе чудовищно жестокой, яростной войны «всех против всех» многим народам (например, бургундам или же гепидам) пришлось еще на подходе к громадной средиземноморской исторической арене пролить реки крови и понести чудовищные жертвы. Другие, слишком многочисленные, чтобы быть истребленными поголовно, вынуждены были разделиться, как вестготы времен Атанариха и Фритигерна. Пытаясь частью получить защиту и пристанище у римлян, часть — противостоять им. Чтобы, наконец, опять воссоединиться под властью такого сильного царя, как Аларих. Можно предположить, что так же поступили и остготы. После гибели дряхлого Германариха и тяжелых поражений, нанесенных остготам гуннскими «кентаврами», они некоторое время боролись за выживание под началом властителей, мало известных и, в общем, мало интересных нам. И важных лишь с чисто генеалогической точки зрения. Поскольку они дополняют наши представления о родословии Амалов. После их гибели в сражениях, точный ход которых нам неизвестен, как и места этих сражений, остготы оказались перед дилеммой. Аналогичной дилемме, перед которой оказались Рюриковичи после разгрома варяжской Руси монголо-татарами в первой половине XIII в. Либо, признав свое поражение, присоединиться, в качестве данников-«улусников», к разбойничьему союзу во главе с победоносными гуннами. Либо, подобно вестготам, искать приют и убежище в Римской империи, чтобы стать «федератами» на римской военной службе. Об одной такой предпринятой остготами попытке, закончившейся, по вине римлян, катастрофой, нам известно из пяти разных источников. Так что в ее реальности можно не сомневаться.

Зима 385–386 гг. выдалась столь суровой, что замерз полноводный Дунаб. Большое число «варваров» — вероятнее всего, остготов — осмелилось перейти по льду на южный берег Истра, но, вступив на римскую территорию, вскоре снова отступило. Это была первая попытка, за которой, семь месяцев спустя, последовал подход больших масс остготов к Истру. «Варвары», подчеркивая свои мирные намерения, ходатайствовали перед (восточно)римскими властями о дозволении перейти границу и поселиться на имперской территории. Дело было в начале осени 386 г. Остготов явно страшила перспектива провести в предгорьях Карпат очередную, еще более суровую зиму, чреватую угрозой новых, еще более опустошительных, гуннских набегов.

Главнокомандующий римскими войсками во Фракии магистр милитум Промот (стратегическими талантами не отличавшийся, но известный коварством и хитростью), отказался впустить остготов на земли восточной части Римской империи. Но направил на правый берег Дунаба несколько агентов-provokatorov, свободно владевших готским языком (возможно, готов на римской службе). Те посоветовали терзаемым голодом, отчаявшимся остготам переправиться на мостовиках (однодеревках) через Истр (на этот раз, видимо, льдом не покрытый). И разгромить римские пограничные войска (якобы слабые и не ожидающие нападения). После чего ничто уже не мешало бы переходу всего остготского племени через Истр и его беспрепятственному расселению на римских землях. Остготы, всегда готовые к бою, согласились, набились, словно сельди — в бочки, в лодки и другие плавсредства, какие только смогли изготовить или раздобыть, и... были методично истреблены римскими лимитанами при попытках высадиться на южный берег Истра. Затем римские пограничники, используя захваченные у убитых ими готов лодки, переправились на северный берег Дунаба. Там римляне пленили тысячи готских женщин и детей, оставшихся без защитников и кормильцев. И с большой выгодой продали несчастных в рабство. К вящей славе Римской «мировой» империи. В знак нерушимости ее границ... Об этом случае (да и о множестве других аналогичных фактов, без тени смущения засвидетельствованных самими «культурными» и «цивилизованными» греками и римлянами), уважаемый читатель не должен забывать, читая о бесчинствах «диких варваров» в колыбели античной культуры...

Князь остготов Одотий, поведший свое племя в приготовленную ему римлянами западню, погиб со своими соплеменниками. Утонув в волнах Дунаба, куда бросился, спасаясь от «ромеев». Император Феодосий Великий, известный, как мы уже знаем, своей приязнью к германцам (и особенно — к готам), не скрывал своего торжества по поводу одержанной его бдительными и доблестными лимитанами победы, в очередной раз доказавшими, что римская граница — на замке. Он даже не поленился лично посетить место разгрома остготских беженцев. После чего возглавил 12 октября 386 г. торжественное триумфальное шествие в Константинополе, в котором, на потеху гражданам Второго Рима, были проведены остготские пленницы. Из остготских мужчин якобы никто не уцелел. В чем, однако, можно

усомниться. Ибо тот же Феодосий I повелел, чтобы пленные, взятые римлянами в этом «походе на варваров», не годившиеся для крестьянских работ и потому предназначенные к «розничной распродаже» на рынке рабов, не были распроданы поодиночке. А были всем скопом поселены на неплодородных землях Анатолии в качестве колонов, т.е. военных колонистов, прикрепленных к земле (как прообраз жителей военных поселений в стиле незабвенных графов Сперанского и Аракчеева). Откуда взялись необходимые для исполнения эдикта Феодосия Великого готские «души мужеска пола», античные источники не сообщают...

Остготы не забыли учиненного над ними римлянами злодеяния. Не то, чтобы они были особенно злопамятны, но...сами согласитесь... Как только готские мальчики, пережившие резню на берегах Данува, и поселенные в Анатолии, достигли совершеннолетия, они, во главе с Трибигильдом (именуемым в источниках комитом — возможно, он, как когда-то другой германец — Арминий — успел отличиться на римской службе, чтобы усыпить бдительность своих «ромейских» хозяев), восстали. Это восстание, разразившееся в 399 или 400 г., оказалось весьма опасным для царьградского режима. Не совсем ясны взаимосвязи между поднявшими его готами, поселенными благочестивым василевсом Феодосием в древней области Фригии, и упоминавшимся нами выше римским полководцем готского происхождения Гайной, устранившим «ненасытного» патриция Руфина и сошедшимся в смертельной схватке с «полудержавным властелином» — евнухом Евтропием. Трибигильд, во всяком случае, не пережил 400 г. (или пережил его ненадолго). В связи с чем особая история его родного остготского племени опять покрывается мраком, окутывающим историю столь многих «варварских» племен...

Таким был, следовательно, результат первой попытки остготов обратиться за помощью к «культурным» римлянам. Особой радости эта попытка «диким варварам» не принесла. Если «собиратель римских земель» август Феодосий I и «любил» готов и вообще германцев, то, скорей всего — так, как палка «любит» спину. А те его — как спина «любит» палку. Уж лучше было ввериться «отеческому покровительству» таких же «некультурных, диких» гуннов. И ходить вместе с ними в набеги, получая заслуженную часть добычи и не платя налогов. Тем более, что гуннские цари правили своими подданными еще не так жестко, если не сказать — сурово, как впоследствии — грозный

Аттила (многому научившийся у римлян, у которых жил в юности заложником).

Этот первый исторический эпизод «темного пятидесятилетия» истории остготов, благодаря своей связи с Гайной хоть как-то вписывается в общую канву готской истории.

Но следующее, гораздо более масштабное, историческое событие с участием остготов, представляется нам совершенно изолированным, в определенной мере — выдернутым из контекста исторического развития, а его последствия — непостижимыми. Речь идет об упоминавшемся выше массовом вторжении остготских воинов с семьями, телегами и скарбом в северную Италию под предводительством воеводы-«идолобожника» Радагайса.

Чисто фактической стороне дела мы уже уделили несколько страниц в связи с полугерманцем Стилихоном. Вершиной военной карьеры которого стала, несомненно, победа над самым многочисленным германским войском, вторгавшимся когда-либо в Италию — полчищами Радагайса. Но, в то время как нам известно, что эту победу Стилихон смог одержать при поддержке вестготских контингентов остгота (!) Сара, аланской конницы и гуннов Ульдина (Хульдина), происхождение германских «вооруженных странников» Радагайса (которых, по мнению некоторых авторов — взять хотя бы того же Зосима — было четыреста тысяч!), для нас, в общем, до сих пор остается загадочным (что бы кто ни писал по этому поводу).

Сам свирепый нехристь Радагайс и его язычники-дружинники — ядро «сообщества вооруженных странников» — были, как нам представляется, остготами. А вот как быть с этнической идентификацией их «бесчисленных» германских «попутчиков», пришедших с «другой» стороны Рена? «Другой» эта сторона Рена была, если смотреть со стороны римской Галлии. Значит, «попутчики» вождя язычников-остготов пришли из сердца нынешней Германии, области между реками Визургием-Везером и Альбисом-Эльбой. И присоединились к остготским «скитальцам» Радагайса, возможно, только на территории нынешней Нижней Австрии. Ибо некоторые историки приписывают разрушение римских городов Виндобоны и Карнунта именно этому скопищу «странствующих искателей приключений» (назвать их «странствующими рыцарями» как-то язык не поворачивается, несмотря на некоторые явные черты сходства). Да и расположенный на Истре восточнее современного Линца древний римский

город Лавриак, лишь с трудом устоял под их натиском. Может быть, благодаря своему слишком западному (с точки зрения Радагайса «со товарищи») расположению. Так что его пытались штурмовать лишь германские племена, шедшие мимо него с севера (а от них, не столь многочисленных, гарнизону и жителям Лавриака было легче отбиться). Правда, веком спустя и этот древний город все-таки стал жертвой разрушения очередными «вооруженными мигрантами». Хотя, будучи резиденцией христианского епископа прибрежного Норика, он, конечно, пользовался определенным уважением даже у т.н. «варваров» и мог (теоретически) быть ими пощажен...

Несомненно, работорбцы Радагайса спалили и город Флавию Сольву (расположенный близ сегодняшнего австрийского города Лейбница) на реке Мур. Основанный в 70 г. римским императором Веспасианом, родоначальником династии Флавиев и победителем восставшей Иудеи. Чей сын — «кроткий и человеколюбивый» Тит, прозванный «любовью и утешением человеческого рода» — «амор ак делициэ генерис гумани» — разрушил в том же 70 г. Иерусалим, разграбив иудейский храм Всевышнего Бога. Флавия Сольва уже была разрушена в 170 г. маркоманнами, но затем восстановлена. Чтобы в 405–406 гг. испытать на себе удар шедших на юг, уже объединенных под началом Радагайса новых германских «мигрантов». Не оставивших ей шанса на выживание. Римские надгробия и мозаики, найденные австрийскими археологами в ходе раскопок, начиная с 1911 г. близ Вагны на Муре, дают нам некоторое представление о трагедии, обрушившейся на многие римские города и селения с приходом Радагайса. В большинстве своем они возникли вдоль проложенных римлянами магистральных военных дорог, по которым передвигались легионы и торговцы. Как, например, Карнунт, расположенный на Янтарном пути. Теперь же по этим так прочно и основательно — на века (т.е. «навечно») построенным римлянами (для себя!) дорогам шли с севера германские «переселенцы». Несшие придорожным городам разрушение, а их жителям — смерть, обычно довольно мучительную. Ведь редко кто добровольно открывал пришельцам «сховы» с запрятанным добром...

Раскопанное пепелище Флавии Сольвы указывает нам на район перехода разбойничьего союза Радагайса через Альпы. И его вторжения, так сказать, по долинам и по взгорьям, вдоль по течению рек, с большим обозом, в северную Италию. Массовое бегство населения

опустошаемых «варварами» провинций на юг поставило Западную империю перед лицом серьезных социальных проблем — еще до выхода на первый план проблем чисто военных.

Беженцев необходимо было накормить и где-то разместить...

Нам уже известно, что Стилихон стянул на угрожаемый участок все имевшиеся в его распоряжении войска. Что «совсем дикие» германцы Радагайса, не позаботившись о защите своих флангов и разведке местности, жгли, резали и грабили все на своем пути, пока не дали себя окружить и уничтожить.

Смерть, рабство, распад племенных связей, утрата привычного образа жизни, разрушение семей, члены которых продавались римлянами жадным до дешевой «челяди» работоторговцам не только «оптом», но и «в розницу»... Это была катастрофа таких масштабов, что не нужно было дожидаться смерти готского вождя, чтобы убедить его обезглавленный народ в гибельности избранного им пути. Но вот язычник Радагайс, разбитый Стилихоном, сложивший оружие под Фезулами и закованный римлянами в цепи, был вероломно казнен своими «культурными» победителями. И молва, «быстрокрылая Осса» (как сказал бы Гомер), разнесла горестную (для «варваров») весть о гибели громадного племенного союза остготов по всем градам и весям. Достигнув северных и северо-восточных заданубских и заренских областей. Так что, по крайней мере, остготы, или остроготы, смирились с необходимостью жизни под гуннским игом. Пусть под игом, но все таки — жизни. Из двух зол всегда обычно выбирают меньшее. «Оставшиеся на месте (под гуннским контролем остготы — В.А.), ослабленные уходом большей части своих соплеменников (с Радагайсом — В.А.), оставив мысль о сопротивлении, склонились под гуннское иго» — писал Людвиг Шмидт, особенно скептически описывающий данную фазу истории готов. Слишком очевидно, что «третьего пути» у остготов просто не было.

Конечно, интересно было бы узнать чуть подробнее, в чем конкретно выражалось это самое гуннское иго. Но и так ясно, что представление о нем — явно мрачнее, чем оно было в действительности. В те беспокойные времена больше всего ценились хорошие воины. Поскольку готы были как раз хорошими воинами, их подчинение гуннскому «игу» и жизнь под этим «игом» вовсе не означало совершенно бесправного существования в сплошном «море крови и слез». А лишь утрату готами полного суверенитета в области принятия

военных и политических решений. Но насколько свободен народ, не имеющий своей земли и своего царя? Так или иначе, такому народу необходимо куда-то податься и к кому-то приткнуться. Как пытался упорно «приткнуться» к римлянам даже великий вестгот Аларих. Хотя он был гигантом (и не только — половым) по сравнению с жалким (во всех отношениях) Гонорием. А его войско было единственной реальной военной силой на всем Италийском, или Апеннинском, полуострове. Порой трудно отделаться от впечатления, что народы, вторгавшиеся в римские пределы с севера, востока и северо-востока, перед лицом внешне столь прочной и впечатляющей, несмотря на свою внутреннюю слабость, военной и гражданской организации Римской «мировой» империи осознавали одну простую истину. Что они просто еще не способны сами занять место римлян в роли владык этой «мировой» империи. Первым «варваром», убежденным в своей равноценности и равнозначности римским императорам, и остервенело пытавшимся добиться от них своего признания таковым, был гуннский царь с готским именем Аттила. До него все вожди «варваров» готовы были удовлетвориться меньшим. Поддержкой и покровительством римской власти, статусом римских военных поселенцев, римских союзников, римских должностных лиц и военачальников (пусть даже высочайшего ранга).

Гунны доаттиловской эпохи, эпохи первых союзов с неоднократно разбитыми ими остготами, были степными разбойниками. Такими же охотниками «за зипунами», какими были и сами готы всего за несколько десятилетий до гуннского нашествия. Гунны были язычниками. Что сильнее сближало гуннов с остготами (в большинстве своем — также язычниками), чем с вестготами (христианами-арианами, стараниями просветителя-епископа Вульфилы), уже давно живущими на римских землях и потому — волей-неволей — в той или иной мере романизированными. К тому же у остготов с момента загадочной во многих отношениях гибели Германариха, по существу, не было собственных царей. Конечно, были среди них еще Амалы, призванные властвовать храбрые воеводы. Враги гуннов, мечтавшие о продолжении или возобновлении сопротивления гуннам. Но были и другие. Смирившиеся с тем, что гунны их разбили, и продолжавшие сражаться под началом своих гуннских победителей.

Даже поднаторевшему в генеалогии готских владык Йордану (не говоря уже о его многочисленных последователях или исследовате-

лях) порой было явно непросто разобраться во всех ее хитросплетениях:

«Первым из героев, как сами они передают в своих сказаниях, был Гапт (Гаут — В.А.), который родил Хулмула. Хулмул же родил Авгиса. Авгис родил того, которого называют Амал; ОТ НЕГО-ТО ВЕДУТ ПРОИСХОЖДЕНИЕ АМАЛЫ (выделено нами— В.А.). Этот Амал родил Хисарну; Хисарна же родил Остроготу; Острогота родил Хунуила, а Хунуил родил Атала. Атал родил Агиульфа и Одвульфа; Агиульф же родил Ансилу и Эдиульфа, Вультвульфа и Герменериха (Германариха — В.А.); а Вультвульф родил Валараванса; Валараванс родил Винитария; Винитарий же родил Вандилиария (Вандалария — В.А.); Вандилиарий же родил Тиудемера (Тиудемира, Тиудимира — В.А.) и Валамира и Видимира; Тиудемер родил Теодериха (Теодориха, Феодориха, Тиудерейкса — В.А.); Теодерих родил Амаласвенту (Амаласвинту, Амаласунту, Амалазунту — В.А.); Амаласвента родила Аталариха и Матесвенту (Матасвинту — В.А.) от Евтариха, мужа своего, род которого соединен с ней следующим образом: вышесказанный Германарих, сын Агиульфа, родил Гунимунда, Гунимунд же родил Торисмунда, а Торисмунд родил Беримуда; Беримуд родил Ветериха, Ветерих же родил Евтариха, который, сочетавшись с Амаласвинтой, родил Аталариха и Матесвенту; Аталарих умер в отроческих годах, а с Матесвинтой сочетался Витигис, от которого не восприняла она детей. Оба они были приведены Велезарием (восточноримским полководцем императора Юстиниана I — В.А.) в Константинополь. Так как Витигис отошел от дел человеческих, Герман, патриций, племянник императора Юстиниана, взял [Матесвенту] в жены и сделал патрицианкой; от него и родила она сына, по имени также Герман. Когда же Герман скончался, [жена его] решила остаться вдовой. Как и каким образом было разрушено королевство (царство — В.А.) Амалов, я расскажу, если поможет Господь, в своем месте» («Гетика»).

Вероятно, гунны опирались, по меньшей мере, на одну линию Амалов. По крайней мере, одна линия этого древнего готского рода со своей дружиной была готова сражаться в составе великого разбойничьего союза, возглавляемого гуннами. И совместно с гуннами драться с другими племенами, в т.ч. и германскими.

Мало того! Не исключено, что тот или иной особо выдающийся готский властитель мог временами возглавлять весь этот разбойничий союз, т.е. обладать властью и над гуннскими военными

контингентами, соединявшимися (пока их не сплотил «царь-батюшка» Атиллы) с остготами в военных целях. На эту мысль наводит нас фигура упомянутого выше гуннского царя (или вождя) со странным именем Баламбер, о котором пишет Иордан. Еще Людвиг Шмидт обратил внимание на то, что это имя звучит как-то не по-гуннски. Само по себе это еще ничего не говорят. В конце концов, у германцев встречается — особенно во II половине V в. — немало гуннских слов и имен. Как и наоборот — немало звучных готских имен у гуннских девушек и женщин. И почему, коль скоро это так, гуннскому вождю было не взять себе не просто германское, но готское царское имя Валамир? Слегка изменив его, в целях сделать привычней для гуннского уха? Тем более, что, как мы знаем, он женился на готской царевне Вадамерке (или Валадамарке). Причем — дочери или племяннице павшего в бою с этим самым Баламбером готского царя Винитария (или Винитара). Однако сомнения все-таки остаются. Впрочем, гунны, не любившие предаваться иллюзиям и руководствовавшиеся в своих действиях исключительно соображениями целесообразности, вряд ли слишком переоценивали значение этнической принадлежности (как впоследствии — каан монголов Чингисхан). И потому гунны (как и римляне позднеантичной эпохи) вполне могли избирать или назначать главнокомандующими наиболее умных и опытных воинов, невзирая на их происхождение. Если это так, гуннский царь со звучащим столь по-германски странным именем Балам(б)ер-Валамир, да и гуннское «иго» над остготами предстают перед нами в ином, непривычном свете...

Понятно, что столь ненадежные и нестабильные отношения приводили к многочисленным, постоянно меняющимся военным комбинациям, к то более, то менее продолжительным военным союзам, совпадениям и конфликтам интересов, чередовавшимся со скоростью и неуловимостью чередования комбинаций разноцветных стеклышек в калейдоскопе. Эту картину следовало бы признать исключительно сложной по композиции даже в случае, если бы у нас имелись не менее надежные сведения обо всех народах, племенах, властителях и битвах той поры, чем о столь же пестрой картине борьбы между итальянскими городами-государствами эпохи Возрождения. Но это, к сожалению, не так. Поскольку единственная более-менее связанная и последовательная история готов, вышедшая из-под пера готоалана Иордана, с учетом вышесказанного, естественно, полна противоре-

чий. Вот и приходится позднейшим ученым разных стран сотнями лет корпеть над гигантским, подлинно головоломным «пазлом», в тщетных попытках собрать его полностью.

В центре этого загадочного скопления быстро сменяющихся друг друга легенд, событий, фактов, слухов, находится разыгравшаяся в середине V в. на Каталаунских полях битва большинства средне- и восточноевропейских народов-мигрантов, сошедшихся в смертельной схватке на западной окраине области их долгого взаимодействия. Дело было в 451 г. Наряду с двумя Римскими империями (формально продолжавшимися считаться двумя половинами одной, по-прежнему единой-неделимой Римской «мировой» державы) к тому времени сложился жестко организованный и обладающий огромным военным могуществом союз народов под верховной властью гуннского правителя Атилы. Являющийся, хоть и не «унитарным» царством или государством в полном смысле слова, но военным фактором номер один во всей тогдашней Экумене. Именно это гуннское военное превосходство многие историки пытались (и пытаются сегодня) отрицать. Хотя от римского военного превосходства к тому времени тоже ничего, на самом деле, не осталось. Там, где римляне еще оказывались способными сдерживать гуннский натиск, это удавалось им лишь с помощью контингентов своих германских «федератов». И когда Атила начал постепенно отзывать гуннские наемные отряды, сражавшиеся за Рим под римским командованием, в свою собственную «Великую армию», римско-гуннское военное равновесие стало быстро сменяться все большим гуннским военным превосходством.

Поэтому-то хитроумный римский военный магистр патриций Флавий Аэций (Эций, Аэтий), получивший от восточноримского историка Прокопия Кесарийского звучное прозвище «последний римлянин» — отнюдь не новый Стилихон, да и вообще не германец, а сын римского военачальника, родом из римской колонии Дуростора (Доростора) на нижнем Данубе, избрал местом решающей битвы с гуннами равнину в самом сердце ценнейшей римской провинции. Полностью романизированной Галлии. Очень далеко от главной операционной базы гуннов и остготов. Поскольку галлы уже давно превосходили своей боеспособностью выродившихся до предела италийцев. И поскольку часть римской Галлии была к тому времени уже заселена вестготами, не желавшими порывать с Римом даже после Алариха, и готовыми поддержать римлян своим оружием против

гуннов «со товарищи». С учетом этих обстоятельств, у Аэция имелись шансы устоять под всеокрушающим гуннско-остготским напором.

Чудовищная по кровопролитности «битва народов», форменная мясорубка, разыгравшаяся в конце лета 451 г. под современным Шалонем-на-Марне, там, где сегодня свекловичные поля окружают французский военно-учебный лагерь, закончилась (так и хочется сказать «как и следовало ожидать»!), вообще-то говоря, вничью (а не «победой римлян над гуннами»). Возможно, потому, что руководство битвой ускользнуло из рук главнокомандующих обеими армиями — римлянина Аэция и гунна Аттилы. Ибо германцы, несшие на себе ее основное бремя и составлявшие главную боевую силу обеих армий, дрались не столько за римлян или гуннов, сколько за самих себя. Отстаивая не столько римские и гуннские, сколько свои собственные интересы. Под Каталауном друг другу противостояли две бургундские «партии» (или, как сказали бы римляне — «фракции»). Две «партии» франков сражались на двух разных сторонах за право выставить из своих рядов наследника умершего франкского царя. В смертельной схватке сошлись и две части готского «братского» народа (еще решавшего в Причерноморье более-менее согласованно общие задачи по «добыванию зипунов»). Царь вестготов Теодорих (Феодорих, Теодерих, Теодор, Феодор, у Иордана — Теодорид), дравшийся на стороне «последнего римлянина» Флавия Аэция, пал, сраженный метательным снарядом (то ли дротиком, то ли стрелой), пущенным в него рукой Андаг(ис)а из рода Амалов, т.е. остгота царской крови.

Теодорих I был похоронен со всеми почестями неподалеку от поля сражения. После тризны по павшему, «осиротевшие» вестготы ушли в свое созданное ими к тому времени на землях римской Галлии царство (занимавшее территории Аквитании и Толосы). Чтобы избрать там, в спокойной обстановке, нового царя. Оставшийся без их поддержки доблестный Аэций оказался (как и следовало ожидать) не в состоянии причинить гуннам и остготам никакого вреда. Но и последние, несколько выбитые римско-вестготской коалицией из колеи (ведь до сих пор им приходилось, в первую очередь, совершать грабительские набеги, а не вести серьезные боевые действия), не думали завоевывать Галлию. Так что хитрый план Аэция вполне осуществился. «Варвары» вернулись к себе в Паннонию. Понеся тяжелые потери. Зализывая многочисленные раны. И, несомненно, преодолев свое совсем недавнее «головокружение от успехов». Ибо,

хотя гунны воевали часто и повсюду, это тяжелейшее полевое сражение, в ходе которого им не удалось использовать свое главное оружие, всегда обеспечивавшее им успех — внезапность, быстроту, страх и жестокость — было не просто предупреждением. А прямо-таки предвкусением того, что предстояло им, в случае объединения Европы для организованного сопротивления новым нашествиям кочевников.

Объединенное, возглавляемое опытным и одаренным полководцем, сплоченное римско-германское союзное войско не смогли бы одолеть даже гунны «со товарищи», сплоченные железной волей Аттилы. Однако между теорией и практикой — «дистанция огромного размера» (А.С. Грибоедов). История не знает сослагательного наклона... Даже остготы не смогли вырваться из «дружеских объятий» главаря разбойничьего союза Аттилы, сражаясь на его стороне против своих же братьев — вестготов. И с какой отвагой!

Неясный исход «битвы народов», подробности хода и даже место которой служили и служат по-прежнему поводом жарких дискуссий, порой побуждали скептиков вообще отрицать ее историчность. Т.е. ставить под сомнение сам факт сражения на Каталаунских полях. Так, например, французский ученый профессор Бернар Шертье писал своему немецкому коллеге Герману Шрайберу тоном человека, которому хотелось бы поверить, но который поверить не в силах: «Не существует доказательств того, что эта битва произошла на равнинах в окрестностях Шалона. Да и вообще, было ли такое сражение? Я часто задаюсь этим вопросом. Возможно, имели место лишь разного рода мелкие стычки между отдельными военными отрядами. Бои, впоследствии превращенные народной фантазией в одно большое сражение».

При всем уважении к беззаветно трудившемуся всю свою долгую жизнь на ниве древней истории хранителю музея в Шалон-сюр-Марн, поспешим успокоить всех авторов и читателей исторической литературы. На месте битвы трехсот спартанцев (и примкнувших к ним семисот феспийцев, о которых почему-то часто забывают, несмотря на популярный голливудский фильм) царя Спарты Леонида с евразийскими полчищами персидского «царя царей» Ксеркса Ахеменида при Фермопилах также до сих пор не найдено ни ископаемых скелетов, ни оружия, подтверждающих историчность этой поистине «хрестоматийной» битвы. Не осталось также «вещественных доказательств» реальности сухопутных битв между греками и персами при Марафоне

и Платеях, между македонянами и греками при Херонее, между греко-македонянами и персами при Гавгамелах, между карфагенянами и римлянами при Каннах, морских битв между греками и персами при Саламине, между Октавианом и Антонием при Акции. Как и множества иных битв и сражений, которыми столь богата всемирная история. Мы верим в реальность многих исторических фактов, сохраненных нам всего лишь несколькими хронистами и историками. Событий, не поддающихся реконструкции естественнонаучными методами. Очень долгое время на местах сражений не воздвигались памятники (исключения вроде памятников на месте Фермопильской или Херонейской битвы только подтверждают правило!), не вделывались в бетон (изобретенный только римлянами) образцы вооружения, таблички с указанием численности противоборствующих войск и т.д. Однако же не подлежит сомнению одно. Аттила и Аэций «со товарищи» сошлись на поле битвы (то ли близ нынешнего Шалона, то ли близ нынешнего Труа, то ли где-то между этими двумя городами французской провинции Шампань), чтобы, основательно пустив друг другу кровь, вновь разойтись (подобно Стилихону и Алариху).

Кроме того, трудно отрицать историчность «битвы гигантов», приведшей к победе Меровингов (ибо предводитель знатного рода, соперничавшего с Меровингами в борьбе за власть над франкским племенем, пал под Каталауном, сражаясь на гуннской стороне). В результате чего франки с того самого дня и на протяжении многих поколений могли похвастаться наличием у них исторически достоверного царского дома, обязанного своей властью именно победой над гуннами на Каталаунских полях. Трудно измыслить иной способ ухода из жизни вестготского царя Теодориха I, чья гибель в мясорубке под Шалоном подтверждается всеми имеющимися у нас источниками. Как не поверить не только хронистам поздней Античности и раннего Средневековья, но и житиям святых! Сохранившим более чем достаточно сведений о нашествии гуннов на Дурокортор (ныне — Реймс), Каталаун (сегодняшний Шалон), Аврелиан (нынешний Орлеан), Трикассий (сегодня — Труа), Диводур (современный Мец) и Августу Треверов (сегодняшний Трир). Проявляя последовательность в отрицании вызывающих сомнение фактов, следовало бы вычеркнуть из ранней истории европейского Средневековья все эти жития святых. Что привело бы к радикальному сокращению числа наших источников и катастрофическому ухудшению нашей

базы знаний о «темных веках», отделяющих распад Римской «мировой» империи от возникновения на ее развалинах национальных государств. Даже такой признанный авторитет в данной области, как немецкий историк, источниковед, палеограф Вильгельм Ваттенбах, указывал в свое время в своем труде о средневековых письменных источниках, что религиозные тексты — к примеру, жития святых — достойны доверия в первую очередь. Ибо подвергались гораздо более тщательной проверке, в процессе их неоднократного копирования, чем светские источники (и потому многие древние судебники содержат, в дошедшем до нас виде, гораздо больше неточностей и ошибок, чем т.н. священные тексты).

«Битва народов» на Каталаунских полях привлекла к себе всеобщее внимание своих современников (и «почти современников»), должно быть, также потому, что гунны (и, возможно, часть их остготских союзников) были язычниками, а римляне и вестготы — христианами (кафоликами или арианами — в данном случае было неважно). И битва между ними стала как бы повторением решающей битвы, выигранной в свое время у язычников святым равноапостольным царем Константином I Великим и обеспечившей победу христианства. С той только разницей, что в историчности победы над нехристианами первого императора-христианина (как и самой битвы) никто не сомневался.

После «битвы народов» под Каталауном военно-политическая ситуация не стала менее сложной. Но позднеантичный мир, который она всколыхнула, стал снабжать последующие поколения землян несколько большим объемом данных. Так что мы можем хотя бы частично проследивать взаимосвязь в цепи исторических событий. Впервые, явственно обозначилось разделение остготов на три части (намек на которое появлялись в разных источниках десятилетиями раньше, но с недостаточной четкостью и ясностью). Сомневаться в историчности остготских царей Валамира, Тиудимира и Видимира у нас не больше оснований, чем в историчности факта принадлежности всех трех царей к династии Амалов. Возможно, они были даже братьями. По крайней мере, сыновьями одного отца. Чье имя нам, впрочем, известно не больше, чем его историческая роль. Утверждение (Кассиодора/Иордана и др.), что его звали Вандаларием, и что он был сыном Винитария, павшего в битве с гуннами в 376 г., вызывает большие сомнения. Поскольку «Вандаларий», как мы помним, означает «Победитель» (покоритель) вандалов». Вандалов же к тому

моменту ветер времени давно уже унес далеко не только от остготов, но и от вестготов — в римскую (Северную) Африку.

За разделением остготов на три части вскоре последовало и разделение гуннской великой державы. В свою (очередную) первую брачную ночь с красавицей Ильдико, Гильдико или Хильдико (возможно — германкой, судя по имени) «царь-батюшка» Атила умер, задушенный внезапным носовым кровотечением (а по легенде — косями тайно ненавидевшей его юной супруги-германки). Это событие датируется почти всеми источниками 453 г. Следовательно, владыка гуннов пережил свое поражение (?) на Каталаунских полях лишь на два года.

Сыновья скончавшегося при неясных обстоятельствах на брачном ложе «царя-батюшки» составляли, по мнению ряда авторов, «целое войско» (по словам Иордана, сыновей Атилы «насчитывались целые народы»). Нам известны имена, по крайней мере, дюжины из них. Однако что-то представляли собой только отважный Эллак и неистовый, упорный, дравшийся с врагами до последнего Денгизик. А харизматичный царевич Гиесм, сын Атилы от сестры царя гепидов Ардариха, породил долгую цепь потомков, прослеживаемую вплоть до VI в. и одарившую мир, по меньшей мере, двумя славными представителями дома Атилидов.

После того, как остготы на протяжении целого поколения, судя по всему, не могли противопоставить Атилле никого, сразу три остготских царя выступили объединенным фронтом против сыновей Атилы. И не только продолжили готскую традицию одерживать великие победы в битвах. Но и продемонстрировали столь очевидное военное превосходство над гуннами, что одному из них однажды даже удалось разбить гуннов, не дожидаясь подхода двух других царей (братьев?) ему на помощь.

Подобный поворот событий был, возможно, связан с тем, что со смертью Атилы гунны потеряли очень-очень много. В то время как их «добровольно-принудительные» союзники остготы восстановили свое утраченное, после подчинения гуннам, царство (пусть даже разделенное натрое). А также с тем, что многочисленный клан отвыкших от войны сынов Атилы, а именно — происходившие от иных матерей, чем Эллак и Денгизик (Дингизих), царевичи Эрнак (Ирна, Эрнек, Ирник), Эмнедзар и Узендур (которого некоторые авторы отождествляют с Эмнедзаром), предпочли воевать не с Римом, а за Рим.

В качестве военных колонистов — земледельцев-«федератов», поселившихся в нижнем течении Истра, и «мирных» кочевников, готовых к бою «к вящей славе Рима», они вернулись под крыло Восточной Римской империи.

Относительно неясным был исход лишь первой (и крупнейшей) из многочисленных битв остготов с гуннами, пытавшимися снова подчинить их своей власти. Битву, в которых на стороне гуннов дрался и мудрый царь гепидов Ардарих, главный советник Аттилы, ратоборствовавший за то, чтобы наследником Аттилы стал его, Ардариха, родной племянник — сын гуннского «царя-батюшки» Гиесм. Эта великая битва произошла в 453 г., т.е. вскоре после кончины Аттилы, на реке Недао, протекавшей по территории Паннонии и до сих пор не поддающейся точной идентификации. В своей предыдущей книге, посвященной гуннам, автор этих строк предположил, что под гидронимом «Недао» скрывается современная венгерская река Капош, правый приток Дуная. В битве при Недао пал Эллак, сын-первенец великого Аттилы. После его гибели разбитых гуннов оттесняли все дальше на восток. Место их кочевий и стойбищ в Паннонии заняли остготы и гепиды.

Столь важные события редко искажались или фальсифицировались даже падкими на всяческие вымыслы античными историками. И потому Иордан, опираясь, как обычно, на Кассиодора, дает нам вполне связное описание гигантомахии между Ардарихом и враждебными ему (а точнее — его племяннику и прижизненному любимчику «Бича Божия» Гиесму) сыновьями Аттилы, приведшей, в конце концов, к свержению остготами гуннского ига:

«Туда сошлись разные племена, которые Аттила держал в своем подчинении; отпадают друг от друга царства с их племенами, единое тело обращается в разрозненные члены; однако они не страдают от страдания целого, но, по отсечении главы, неистовствуют друг против друга. И это сильнейшие племена, которые никогда не могли бы найти себе равных [в бою], если бы не стали поражать себя взаимными ранами и самих же себя раздирать [на части]». («Гетика»).

Иордан описывает битву при Недао (возможно, мало уступавшую или совсем не уступавшую по своему размаху и числу участников «битве народов» под Каталауном) в классически-риторической манере. Под его пером в качестве активных участников титаномохии выступают и (ост)готы (без которых, по твердому убеждению

отъявленного «готофила» Иордана, не могло обойтись ни одно мало мальски значительное событие мировой истории):

«Думаю, что там было зрелище, достойное удивления: можно было видеть и гота, сражающегося копьями...» («Гетика»).

Между тем, современные историки придерживаются мнения, что, хотя в битве при Недао и решалась судьба остготов, сами остготы в ней активно не участвовали, сохраняя своего рода «вооруженный нейтралитет» (как и римляне патриция Аэция — под Каталауном, по мнению, скажем, Исидора Севильского). Этой крайне подозрительной, для союзников и данников, пассивностью остготских войск, видимо, и объясняется подтверждаемый всеми источниками гнев сыновей Атиллы на своих неверных «улусников». И замечание одного из хронистов, что с тех пор гунны стали охотиться на остготов, как на беглых рабов. При активной поддержке остготских союзников гунны наверняка разбили бы Ардариха, несмотря на то, что гепиды проявляли во всех сражениях исключительную отвагу и высочайший боевой дух.

Иордан завершает свое описание битвы при Недао знаменательными словами: «Итак, после многочисленных и тяжелых схваток, победа неожиданно оказалась благосклонной к гепидам: почти тридцать тысяч как гуннов, так и других племен, которые помогали гуннам, умертвил меч Ардариха вместе со всеми восставшими. В этой битве был убит старший сын Атиллы по имени Эллак, которого, как рассказывают, отец настолько любил больше остальных, что предпочитал бы его на престоле всем другим детям своим. Но желанию отца не сочувствовала фортуна: перебив множество врагов, [Эллак] погиб, как известно, столь мужественно, что такой славной кончины пожелал бы и отец, будь он жив. Остальных братьев, когда этот был убит, погнали вплоть до берега Понтийского моря, где, как мы уже описывали, сидели раньше готы. Так отступили гунны, перед которыми, казалось, отступала вселенная. Настолько губителен раскол, что разделенные низвергаются, тогда как соединенными силами они же наводили ужас. Дело Ардариха, короля (царя — В.А.) гепидов, принесло счастье разным племенам, против своей воли подчинявшимся владычеству гуннов, и подняло их души, — давно пребывавшие в глубокой печали, — к радости желанного освобождения. Явившись, в лице послов своих, на римскую землю (т.е. на территорию Восточной Римской империи — В.А.) и с величайшей милостью принятые

тогдашним императором (Востока — В.А.) Маркианом, они получили назначенные им места, которые и заселили. Гепиды, силой забравшие себе места поселения гуннов, овладели как победители пределами всей Дакии и, будучи людьми деловыми, не требовали от [Восточной] Римской империи ничего, кроме мира и ежегодных даров по дружественному договору. Император (Востока) охотно согласился на это, и до сего дня (т.е. до времени жизни Иордана — В.А.) племя это получает обычный дар (т.е. дань — В.А.) от [восточно-] римского императора. Готы же, увидев, что гепиды отстаивают для себя гуннские земли, а племя гуннов занимает свои давние места, предпочли испросить земли у Римской империи, чем с опасностью для себя захватывать чужие, и получили Паннонию, которая, протянувшись в длину равниною, с востока имеет Верхнюю Мезию, с юга — Далмацию, с запада — Норик, с севера — Данубий. Страна эта украшена многими городами, из которых первый — Сирмий (ныне — Сремска Митровице в сербской Воеводине — В.А.), а самый крайний — Виндомина (или Виндобона, нынешняя Вена — В.А.)» («Гетика»).

Вот, значит, куда переместилась «кочующая» родина, «странствующий удел (одал)» братьев (?) Амалов — Валамира, Видимира и Тиудимира (если считать по порядку с юга на север). Автор этих строк просит, однако, уважаемых читателей сфокусировать свое внимание на последнем из этой остготской «троицы» — Тиудимире (Тиудемире, Теодемире, Теодемере). Ибо в его ставке (расположенной, скорее всего, на берегу сегодняшнего озера Нойзидлерзее в австрийской федеральной земле Бургенланд, на границе с Венгрией) в 454 г., т.е. в год (а по легенде — даже в день) разгрома гуннов и гепидов Валамиром в битве при Недао, и за год до разграбления Первого Рима на Тибре царем вандалов и аланов Гензерихом, появился на свет младенец Теодорих (Феодорих, Тиудиреикс). Прозванный впоследствии Великим.

ГУННОСКИР ПРОТИВ ОСТГОТА

О готском царе Теодорихе автор этой книги впервые узнал, когда пришел с папой за ручку в московский музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (в просторечии — Пушкинский музей) в шестилетнем возрасте. Мы тогда жили совсем близко от музея, на улице Фрунзе (называющейся ныне, как и при Царе-батюшке — не гунском, разумеется, а нашем, русском — Знаменкой). В т.н. Итальянском дворике музея на первом этаже папа подвел меня к двум бронзовым статуям в человеческий рост, одетым в кованые рыцарские доспехи в позднесредневековом, т.н. «максимилиановском», стиле. Одна из них изображала короля Британии Артура Пендрагона (как было написано на круглом постаменте). Другая — усатого рыцаря в остроконечном шлеме с поднятым забралом, в задумчивости опирающегося на небольшую алебарду, с надписью на круглом постаменте «THEODERICH DER GOTTH» («ТЕОДОРИХ ГОТ», хотя написание этнонима с двумя «Т» формально позволяет перевести надпись с немецкого на русский и как «ТЕОДОРИХ БОГ»). Папа в доступной моему тогдашнему восприятию форме рассказал мне, что жил, мол, давным-давно такой великий король готов Теодорих, покоривший всю Италию и державший в подчинении даже Столицу Мира — город Рим.

Так состоялось наше первое знакомство с героем этой главы. Позднее я узнал, что в Пушкинском музее стоят лишь копии. Что подлинники обеих статуй — как Артура, так и Теодориха — изваянные немецким скульптором эпохи Возрождения Петером Фишером Старшим в 1514 г., украшают надгробие владыки «Священной Римской империи», «последнего рыцаря» — императора Максимилиана I Габсбурга — в дворцовой церкви австрийского города Инсбрука. Что на самом деле Теодорих не носил таких кованых доспехов (да и не мог носить, ибо жил задолго до их изобретения), а уж король Артур — и подавно (ибо вообще вряд ли существовал). И все равно память о первой встрече с Теодорихом Великим оказалась для меня неизгладимой. Но это так, к слову...

Ни одна эпоха мировой истории не была связана со столь большим и быстрым расходом человеческого, или, если можно так выразить-

ся, этнического материала, как эпоха Великого переселения народов. Возможно славяне обязаны своей силой, во многом, тому, что почти не участвовали в этой кровавой войне всех против всех, в этой кажущейся порой беззаботной и даже бесцельной смене ареалов, сред обитания народов и племен. Их время пришло несколько позднее, в конце правления Юстиниана I Великого.

У италиков и романизированных подданных двуединой Римской «мировой» империи не было иного выбора, кроме как стать «терпилами», «благодарно (или, во всяком случае — покорно) принимая все, что им назначено природой», и играя на арене мировой истории по преимуществу страдательную роль. Будучи обитателями главного места действия, попав в «мясорубку истории», они силой вещей были вынуждены примириться с этим фактом. И лишь германцы с воодушевлением и неиссякаемым желанием «побольше есть, побольше пить, побольше драться», бросались в бесчисленные битвы между переселяющимися народами и племенами, сотрясавшие, заливавшие кровью и удобрявшие человеческой плотью всю Европу к югу от реки Мена, нынешнего Майна, с 270 г. п. Р.Х. до конца VI в.

Выдающиеся деятели этого века бесконечных схваток, выделяющиеся на их кровавом фоне и возвышающиеся над ними, не были окружены полным мраком неизвестности. Их происхождение не было совершенно «темным» (как нередко — происхождение узурпаторов последующих столетий). Но, с другой стороны, их возносила на престол не «легитимность», не «законный брак» венценосных родителей, не слепой автоматизм передачи власти по наследству («одарившей» Рим самыми слабыми императорами за всю его долгую историю). Знатные герои этого столетия очень скоро погибли бы, не обладай они куда большим запасом ума, силы и мужества, чем многие «высокородные» и «легитимные» кретины. Эти люди обладали наилучшими исходными позициями, какие только можно было себе представить. По отцу они происходили из призванных к владычеству родов. Так что в младенчестве, когда всякая кормилица, всякий придворный евнух (римское влияние давало себя знать и у «варваров») могли бы устранить их, несмышленишей хранила мощная длань отца и владыки. Матери же их могли быть рабынями (как в случае Гейзериха), наложницами-конкубинами (как в случае Аттилы), или просто царскими возлюбленными без определенного статуса — как,

например, прекрасная Эливира (Эрелеува, Эрелиева), родившая Тиудимиру в 454 г. сына Теодориха.

Никто особо не интересовался знатностью и вообще происхождением этих т.н. «жен левой руки», «младших жен» или «любовниц». Положение, занимаемое этими избранницами судьбы, определялось совсем иными факторами — красотой, темпераментом, телосложением и другими чисто женскими достоинствами. Так и происходило смешение народов, столь часто приводившее к весьма удачным комбинациям свойств родителей с особым упорством, стойкостью и неутомимой силой, необходимыми для успешной борьбы за выживание. Упомянувшийся неоднократно выше царь вандалов и аланов Гейзерих, вероятно, унаследовал от матери иранскую или кавказскую кровь. Родителями Одоакра были гунн Эдекон (Эдика), советник «Бича Божьего» Атиллы, и неизвестная нам по имени рабыня, происходившая, однако, из знатного скирского рода. Мундзук (Мундиух), отец Атиллы, набрал себе форменный гарем из иноземок, захваченных им в бурные годы «наездов» на «ромеев» и германцев, и следовавших за ним в целом караване из кибиток. Мать Теодориха Остготского, Эриулива-Эливира, вероятно, была тоже не германкой, а скорей пригожей полонянкой из числа «челяди», захваченной остготами в те годы, когда остготы и гунны плечом к плечу жгли, грабили, насиловали, убивали в греко-римских областях (прежде всего — на нынешних Балканах).

В восьмилетнем возрасте, Теодорих был отправлен заложником в Константинополь. При царьградском дворе готский царевич, прошедший в Новом Риме десять лет, получил изысканное воспитание. Там повторился процесс, уже принесший плоды, когда он начался несколькими десятилетиями ранее. Готский епископ Вульфилла, глава осевших у «ромеев» мирных «гоги минорес», «малых готов» (кстати говоря, довольно многочисленных, хотя и мирных), был, как нам известно, метисом, в чьих жилах смешалась греко-каппадокийская и готская кровь. Теодорих, происходивший по отцу из готского царского рода Амалов, проделал тот же путь, что и Вульфилла, но в обратном направлении. Направившись в Новый Рим на Босфоре, где римская императорская власть, проникнутая греческой культурой, вызвала к жизни роскошный расцвет позднеантичной цивилизации.

Вне всякого сомнения, этот громадный, шумный и многоязычный город, чьи стены, башни, храмы и дворцы так живописно отражались

в переливающихся перламутром водах Пропонтиды, поразил готско-го отрока, прежде всего, обилием блестящих памятников из мрамора и бронзы, которыми святой равноапостольный царь Флавий Константин I поспешил украсить свою новую столицу (ограничив ради этого все города Средиземноморья). Охваченный стремлением не на словах, а на деле превратить свою новую, христианскую, столицу в Новый Рим, сын Констанция Хлора свез туда множество, не менее двух тысяч, еще сохранившихся в Греции шедевров эллинских ваятелей. И, когда юный Теодорих прогуливался по площадям Царьграда, его окружал настоящий музей под открытым небом. Из Афин, Дельф, Додоны, из священных рощ Геликона, из всех частей Эллады, Смирны, Эфеса, с Хиоса, Родоса и Крита, первый христианский император собрал в Константинополе всю гордость и красоту языческого мира. Выставив ее напоказ элинам, римлянам и «варварам». На Форуме Теодорих любовался знаменитой порфирной колонной, возвышающейся по сей день близ Святой Софии. Сегодня она почерневшая от удара молнии, лишена своего бывшего навершия. Но во времена заложничества Теодориха ее венчала колоссальная статуя первого императора-христианина Константина Великого, с челом, обрамленным нимбом из семи мистических лучей божества Солнца — Митры-Аполлона, именуемого римлянами, со времен мудрых и бесстрашных августов-воителей Септимия Севера и Домиция Аврелиана, «Соль Инвиктус». И юный заложник видел, как перед этим образом святого равноапостольного царя, украшенного атрибутами языческого бога Соля-Аполлона, преклоняли голову и христиане, и язычники.

В Константинополе юный Амал находился под влиянием самых разных верований, сил, идей, или, говоря по-современному — идеологий.

Господствующей на тот момент в обеих частях Римской империи религией был кафолический вариант христианства, исповедуемый матерью Теодориха. Сохранились сведения о том, что она была крещена под именем Евсевии. Возможно, это греческое имя выбрала себе она сама. Ибо Эливира (или Эрелива), как и ее небесная покровительница, была, по мнению многих, греко-карийского происхождения. Сам же Теодорих-Феодорих был крещен по арианскому обряду и оставался арианом всю свою жизнь, даже став повелителем Италии. Он и в других отношениях держался на некотором расстоянии от константинопольских учителей (и в первую очередь — законоучителей).

Похоже, он не получил законченного школьного образования в тогдашнем греко-римском понимании. Чего ему не могли простить иные комментаторы из числа современников Теодориха и представителей последующих поколений. Доходящие даже до утверждения, что он не умел ни читать, ни писать. Подобно императору Юстину (дяде Юстиниана I Великого), лишь ставившему на зачитанных ему вслух документах пурпурный штемпель «ЛЕГИ», что означает по-латыни: «ПРОЧИТАЛ». Но даже если это было так, за годы, проведенные в Царьграде, Теодорих осознал всю важность образования, научился уважать духовные и культурные достижения античности. Без этого понимания, без этого духовного оружия, без этого уважения к учености, его правление Италией в зрелые годы было бы немыслимым. Весьма положительно сказалось на Теодорихе то обстоятельство, что, с одной стороны, в Константинополе все еще очень сильно было германское влияние, а с другой — император Востока Лев I Великий (имевший и другое, весьма характерное, хоть и не официальное, прозвище — «Макелла», т.е. «Мясник») покровительствовал смышленому «варваренку». Царствие этого восточно-римского василевса было крайне беспокойным. Шли боевые действия против персов на Кавказе и в Аравии. Авары, булгары (тюркское кочевое племя пра- или протоболгар) и славяне, вторгаясь в империю, самовольно заселяли земли, прилегающие к Истру. Чтобы противостоять вандалам, Лев возвел на престол Западной Римской империи своего ставленника патриция Анфимия (Антемия). Восседавший на царьградском троне василевс «ромеев» послал в поддержку Анфимию (пытавшемуся, кстати говоря, восстановить язычество) огромный флот со сотысячным войском для разгрома вандалов на Западе. Но коварный царь вандалов Гейзерих перехитрил возглавлявшего «ромейское» войско малоспособного полководца Василиска (шурина императора Льва, впоследствии взбунтовавшегося и пытавшегося захватить престол), и эта экспедиция, так же как и последующая, потерпела поражение. По смерти очередного западноримского императора Олибрия (Оливрия), василевс «ромеев» Лев послал экспедиционный корпус в Италию, чтобы сместить его наследника Гликерия (Глицерия). Гликерий, возведенный на престол военным магистром Западной империи бургундом Гундобадам, был свергнут, с помощью восточноримских войск, Юлием Непотом, племянником супруги василевса Льва (вскоре убитым заговорщиками). Восточно-римскую Фракию в правление

Льва I неоднократно разоряли остготы и гунны, которые, однако, не смогли взять Константинополь благодаря стенам, укрепленным при императоре Феодосии II «Каллиграфе». В 459 г. Лев сумел заключить перемирие с готами Валамира. Но оно было достаточно непрочным. И василевс надеялся воспитать жившего у него в заложниках племянника Валамира так, чтобы сделать его другом и слугой империи «ромеев».

Некоторые исследователи эпохи Теодориха предполагают, что и могущественный гот (или алан — за время совместных скитаний, боев и походов готы настолько сроднились с алано-сарматами и так много у них переняли, что их часто путали друг с другом) Флавий Ардавур Аспар, магистр милитум, занимавший высокие командные посты в римском войске при трех императорах и возведший не престол императора Льва I Великого, тоже покровительствовал Теодориху (будучи, как и остготский царевич, не кафоликом, а арианином). В описываемое нами время царьградский престол был плотно окружен целым готским кланом, видное место в котором занимали не только мужчины, но и женщины. К этому клану принадлежал и другой, старший по возрасту, Теодорих — т.н. Теодорих Страбон (не путать с одноименным античным географом, имевшим не готское, а греческое происхождение!), отпрыск знатного готского рода (то ли Амал по крови, то ли нет). Сестра гота Страбона, отличавшаяся ослепительной красотой, была возлюбленной гота Аспара. Беспощадные в своей сухости историки именуют ее наложницей (или, на римский манер, «конкубиной»), как и мать «нашего» Теодориха — Евсевию-Эреуливу-Эливиру. У нас нет достоверных сведений о «крышевании» готами, проникшими, похоже, во все поры новоримского государственного организма, «ромейских» торговых и промышленных предприятий, но вполне можно представить себе нечто подобное. Да и вообще в граде Константина было в моде все готское. «Мажоры» из числа золотой «новоримской» молодежи щеголяли в готских меховых «прикидах» и штанах, красили волосы в модный белокурый или рыжий «готский» цвет и оснащали свой великосветский греко-латинский жаргон модными готскими словечками. Эти константинопольские франты, разумеется, не упускали в то же время случая высмеять по-ювеналовски или по-лукиановски без счета «понаехавших» в «столицу мира» готских (и не только готских) «варваров». Но не в лицо, а за глаза — кто знает, что тупому «варвару» вдрут в голову

придет? Еще, того гляди, пырнет ножом или кинжалом! А попробуй сдачи дай — хлопот не оберешься. Всем известно, что благочестивый православный император к своим «варварским» телохранителям (даром что арианам!), так сказать, «неровно дышит», «каждую пылинку с них сдувает», холит и лелеет, осыпая римскими наградами, чинами, званиями, титулами. Так что лучше не дразнить гусей...

Историки до сих пор спорят о том, когда же завершился царьградский период жизни молодого Теодориха. Одни датируют его окончание 471-м, другие — 472 г. п. Р.Х. Т.е. Теодориху было лет семнадцать-восемнадцать, когда он — вполне образованный (для гота) царевич, вернулся из Второго Рима под крыло своего отца Тиудимира. Если Царьград надеялся, что этот юноша позаботится об улучшении отношений между восточными готами и Восточным Римом (ибо остготы были, пожалуй, единственным «варварским» племенем, пригодным для глубокой интеграции в римские традиции), царивших на Босфоре императоров ждало большое разочарование. В ходе целого ряда военных походов (в подробности которых мы в нашей книге вдаваться не будем) сын Тиудемира не раз скрещивал оружие со своим тезкой Теодорихом Старшим (Страбоном). Выступавшим, после ликвидации Аспара (убитого по воле подозрительного василевса-«мясника», как видно, возжелавшего избавиться от угрожавшего стать чересчур влиятельным военного магистра — даром, что благоверный август Лев был обязан Аспару престолом!), то в качестве врага восточных римлян, то в качестве их союзника и оруженосца. После гибели Аспара его сторонники («готская партия») не сложили оружия, пытаясь спасти все, что возможно. Но, когда борьба за императорский двор и Царьград была ими окончательно проиграна, Теодорих Страбон остался единственным, кто мог стать преемником Аспара. Он потребовал от Константинополя признать себя «единственным правителем всех готов», которому следовало выдавать перебежчиков и разрешить селить своих людей по всей Фракии. Но имперское правительство сочло Страбона мятежником и узурпатором. Возможно, сложные интриги императора Востока Льва I, без устали натравливавшего двух готских князей-тезок друг на друга, привели бы, в конце концов, к преследуемой благочестивым василевсом цели — взаимоистреблению готского народа. Хороший «варвар» — мертвый «варвар». И чем больше «варвары» будут убивать других «варваров» к вящей славе великого Рима, тем лучше. Знакомая, старая песня. Дивиде эт импера ...Но против

практики братоубийственных войн в конце концов возмутились сами вынужденные участвовать в них готские воины. Ибо в ходе этих войн оба Теодориха попеременно получали высокие римские чины и награды, но готские воины, которыми они повелевали, слишком часто оставались без добычи (если им вообще удавалось сохранить здоровье и жизнь). Наконец, с готами Теодориха Страбона, разорившего Филиппополь (Пловдив в нынешней Болгарии) и Аркадиополь (Люлебургас в современной европейской Турции), был заключен мир. Страбон добился от константинопольского автократора признания своего княжества (именуемого порой даже «царством») на имперских землях, чина магистер милитум презенталис и ежегодной субсидии (размером чуть ли не с ежегодную дань, выплачиваемую «ромеями» в свое время гуннскому «царю-батюшке» Атилле, или отступные деньги, некогда полученные визиготским повелителем Аларихом от римлян под нажимом Стилихона) за верную службу подчиненных ему остготов императору Льву I в рядах имперских римских войск против всех врагов империи, кроме вандалов (видимо, Страбон намеревался продолжать дружественную в отношении вандалов политику Аспара).

Мир-миром, но вести хоть какую-нибудь войну было все же необходимо. Поскольку остготы умудрялись, вследствие прогрессирующей лени и постоянных мелких усобиц, голодать даже в богатой Паннонии. Старый Тиудимир пал жертвой какой-то болезни (?) в каком-то не поддающемся точной идентификации местечке. Едва успев созвать дружинников к своему смертному одру и добиться от них присяги на верность своему любимому сыну и наследнику Теодориху. Который уже в возрасте Зигфрида (по выражению Бирта) успел покрыть себя воинской славой в боях с «ромеями» и с готами Страбона (напоровшегося, в конце концов, на копьё в собственном лагере в 481 г. — очередная странная смерть!). Сын Тиудимира был достаточно хорошо знаком с греко-римским миром, чтобы не пытаться, в приступе бешенства, разрушить его, как это делали другие «варвары». Короче, он был самым лучшим (во всяком случае, среди уцелевших к тому времени Амалов). И потому именно Теодорих в 474 (по мнению Людвига Шмидта — в 471) г. стал владыкой остготов — вопреки интригам своего «заклятого друга» и тезки Страбона.

Самый насущный и жизненно важный вопрос, на который Теодориху необходимо было найти незамедлительный ответ, заключался

в следующем. Где его верный остготский народ мог найти, во-первых, добычу, и, во-вторых — землю? Причем, по возможности, землю, которую готам не пришлось бы обрабатывать самим. И на которой им не пришлось бы самим вести хозяйство. Ибо за два с половиной века почти непрерывных скитаний, перемежающихся бесконечными вооруженными схватками разного масштаба, готы, очевидно, утратили все качества мирных крестьян, которыми, конечно, обладали в период своего пребывания в «Скандиии», на острове Готланд или в дельте Вистулы. И потому Теодорих обратил свой взор на Италию.

Дело было в том, что на Апеннинском полуострове неизбежная в условиях разложения Римской «мировой» империи и все большая интеграция германцев (или, если угодно, германизация) достигла к описываемому времени своего апогея. Теодорих Отсготский извлек из сложившейся ситуации необходимые уроки. Станным образом, в «римской» Италии, кичившейся победою над гуннами, одержанной «последним римлянином» Флавием Аэцием в союзе с «варварами», пользовались большим влиянием два «обломка» бывлой гуннской державы, два бывших приближенных «Бича Божьего» Аттилы.

Один из них, Флавий Орест, родившийся римским подданным, но перебежавший к гуннам, служил, в свои лучшие годы, при дворе гуннского «царя-батюшки», если можно так выразиться, по дипломатической части, в должности главного толмача-переводчика и одновременно — «начальника протокольного отдела». А также «юрисконсульта службы внешних сношений». После смерти Аттилы и распада его царства в ходе разгоревшейся кровавой смуты, этот Орест перебрался от гуннов в римскую Равенну, где, благодаря своим приобретенным еще со времен службы гуннам связям, смог подчинить своему влиянию германские наемные войска. Провозгласившие, по указке Ореста, его сына Ромула (западно)римским императором.

Другой бывший приближенный и советник Аттилы — гунн Эдекон — был особо доверенным лицом «Бича Божьего». Именно Эдекон не раз успешно возглавлял гуннские посольские миссии в Константинополь. И разоблачил организованный «ромеями» (с ведома императора Востока Феодосия II Младшего) заговор на жизнь гуннского царя (для вида согласившись принять в нем участие). Верный гунн спас жизнь Аттилы (хотя в случае своего реального, а не притворного, участия в царевубийстве мог бы несказанно обогатиться и получить высокий пост в Новом Риме). В благодарность Аттила назначил

Эдекона правителем германского племени скиров. Верный гунн взял в жены скирскую княжну (или царевну), родившую ему (наряду с другими детьми) сына по имени Одоакр (Отокар, Оттокар, Отакар, Отакер, Одоакер, Одоацер). Этот энергичный, рослый, «беспощадный к врагам рейха» полугунн-полугерманец вступил в ряды телохранителей (западно)римского императора. И дослужился до начальника всех германских «федератов» на западноримской службе. Подчинив себе, таким образом, единственную реальную военную силу в тогдашней Италии. В битве при Тицине (нынешней Павии) Одоакр разбил Ореста, убил его и сослал плененного в Равенне пятнадцатилетнего сына убитого советника Атиллы — Ромула Августа (прозванного римскими насмешниками «Августулом», т.е. «Августиком», «Августишкой», «Августёнком») — в кампанское имение богача-сибарита Лукулла. Предварительно низложив его с (западно)римского престола. Из уважения к традициям — не собственным распоряжением, а указом римского сената.

Марцеллин Комит впоследствии писал: «Западная империя Римского народа, которой в 709 году от основания Города (Рима) начал править Октавиан Август, первый из императоров, пала на 522 год правления императоров с этим Августулом. С этого времени власть в Риме в руках готских королей (царей — В.А.)».

Конечно, Марцеллин, оценивавший события в «Гесперию» из безопасного «константинопольского далека», был не совсем точен в своем данном задним числом утверждении, ибо готским царям для захвата власти в Ветхом Риме нужно было предварительно избавиться от гунноскира Одоакра.

«Одоакр был первый варвар, царствовавший в Италии над народом, перед которым когда-то преклонялся весь человеческий род» (Гиббон).

Как и все его предшественники из числа германцев на римской военной службе, гунноскир Одоакр не стремился сам занять римский императорский престол. Он отослал (восточно)римскому императору исаврийского происхождения Зенону (Зинону) в Царьград отнятые у «Августула» (которого, по иронии судьбы, звали Ромулом, как и основателя Рима на Тибре) знаки императорского достоинства. Объявив (внимание, уважаемый читатель!), что «ЕДИНСТВО РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ВОССТАНОВЛЕНО, и в мире опять есть лишь один римский император, как лишь одно солнце на небе». И заставив римский

сенат принять указ, по которому титул «императора Запада» навеки упразднится и единственным римским императором объявлялся навеки владыка Нового Рима — Константинополя. Иными словами: то, что впоследствии стало восприниматься как «падение (конец) Западной Римской империи», воспринималось современниками этого «падения» как ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНСТВА Римской империи. Одоакр присягнул константинопольскому императору на верность, получил от него высокий титул римского патриция и стал управлять Италией от имени василевса Зенона, чей профиль гунноскир, как честный верноподданный, чеканил на своих монетах.

«Несчастливого Августа сделали орудием его собственного падения; он заявил сенату о своем отречении от престола, а это собрание — В СВОЕМ ПОСЛЕДНЕМ АКТЕ ПОВИНОВЕНИЯ РИМСКОМУ МОНАРХУ (каково лицемерие! — В.А.) все еще делало вид, как будто РУКОВОДСТВУЕТСЯ ПРИНЦИПАМИ СВОБОДЫ И ПРИДЕРЖИВАЕТСЯ ФОРМ КОНСТИТУЦИИ (здесь и выше выделено нами — В.А.). В силу единогласного решения оно обратилось с посланием к зятю и преемнику Льва (Макеллы — В.А.) — Зенону, только что снова вступившему на византийский (т.е. восточно-римский — В.А.) престол после непродолжительного восстания. Сенаторы формально заявили, что они не находят нужным и не желают сохранять в Италии преемственный ряд императоров, так как, по их мнению, величия одного монарха достаточно для того, чтобы озарять своим блеском и охранять в одно и то же время и Восток и Запад. От своего собственного имени и от имени населения они соглашались на то, чтобы столица всемирной империи была перенесена из Рима в Константинополь (как будто это не было совершенно официально сделано еще в 330 г. императором Константином I Великим, даже повелевшим именовать Византий «Римом», в честь чего были установлены каменные столбы с текстом указа! — В.А.) и отказывались от права выбирать своего повелителя — от этого единственного остатка той власти, которая когда-то предписывала законы всему миру. «Республика (они не краснели, все еще произнося это слово) может с уверенностью положиться на гражданские и военные доблести Одоакра, и они униженно просят императора возвести его в звание патриция и поручить ему управление италийским диоцезом». Депутаты от сената были приняты в Константинополе с изъявлениями неудовольствия и негодования, а когда они были допущены на аудиенцию к Зенону, он грубо упрекнул их за

то, как они обошлись с императорами Анфимием и Непотом, которых Восточная империя дала Италии по ее же просьбе. «Первого из них, — продолжал Зенон, — вы умертвили, а второго вы изгнали; но этот последний еще жив, а пока он жив, он ваш законный государь». Но осторожный Зенон скоро перестал вступаться за своего низложенного соправителя (тем более, что вскоре убили и Непота — В.А.). Его тщеславие было польщено титулом единственного императора и статуями, которые были воздвигнуты в его честь в нескольких римских кварталах; он вступил в дружеские, хотя и двусмысленные сношения с патрицием Одоакром и с удовольствием принял внешние отличия императорского звания и священные украшения трона и дворца, которые варвар был очень рад удалить от глаз народа» (Гиббон).

Модель распределения земельных владений и вообще римско-германских отношений в подчиненной патрицию Одоакру Италии, разработанная и внедренная, видимо, самим Одоакром, свидетельствует, на наш взгляд, о КВАЗИГЕНАЙЛЬНОСТИ этого гуннского отпрыска. Поскольку римская Италия, в отличие от римских же (пока) Паннонии, Фракии и Анатолии была густо населена и полностью окультурена, в ней практически не оставалось свободных земель или заброшенных имений, которыми новоиспеченный (восточно)римский наместник мог бы наделить своих «федератов». Всех этих скиров, герулов, туркилингов, аланов, ругов-ругиев и прочих. И потому патриций Одоакр распорядился, чтобы каждый римский землевладелец уступил треть своей земли германскому наемнику. В остальном же все шло по-старому. Римское право оставалось в силе, римская система управления продолжала действовать, функции римского сената не были ни в чем урезаны. Осталось неизменным даже римское налоговое законодательство. «Одоакр возложил на римских должностных лиц ненавистную и притеснительную обязанность собирать государственные доходы (умень был «варвар», ничего не скажешь! — В.А.), но он удерживал за собой право облегчать по своему усмотрению тяжесть налогов и приобретать этим путем популярность» (Гиббон). Гунноскир даже казнил «для порядка» убийц императора Юлия Непота. Официальная (к тому времени) римская православная церковь не подвергалась никаким преследованиям (хотя сам полугунн-полугерманец Одоакр был, как большинство германцев, арианином). «Подобно всем другим варварам, он (Одоакр — В.А.) был воспитан в арианской ереси, но он относился с уважением к лицам

монашеского и епископского звания, а молчание кафоликов (православных — В.А.) свидетельствует о религиозной терпимости, которой они пользовались под его управлением. Его префект Василий (родом римлянин — В.А.) вмешивался в избрание римского первосвященника (православного епископа-папы Первого Рима — В.А.) только для того, чтобы охранять внутреннее спокойствие столицы, а декрет, запрещающий духовенству отчуждать свои земли, имел в виду пользу (римского православного — В.А.) народа, благочестие которого было бы обложено сборами на покрытие церковных расходов» (Гиббон).

По всем этим причинам правление Одоакра оценивалось современниками и потомками как, в общем, мудрое и справедливое. Хотя положившее ему начало фактически насильственное, пусть даже прикрытое видимостью действий от имени законного императора «всех римлян» благоверного Зенона, отчуждение трети всей римской земельной собственности трудно не назвать грабежом среди бела дня или, выражаясь несколько мягче, хищением частной собственности римских граждан в особо крупных масштабах. С другой стороны, «добровольно-принудительным» отказом от трети своей недвижимости, «римский народ» де-факто оплатил услуги «варваров» по обеспечению его безопасности. Ибо иных средств самозащиты у измельчавших римлян более не оставалось. А поскольку большинство германцев, наделенных по воле императора Зенона (т.е., в действительности — патриция Одоакра) третью римских земель, продолжало добросовестно нести военную службу, перераспределение земельной собственности чаще всего выражалось в следующем. По мнению ряда исследователей — например — Германа Шрайбера, после «земельной реформы Одоакра, римский крестьянин или колон продолжал обрабатывать свой надел, но отдавал треть урожая или полученной от его продажи выручки на содержание «приписанного» к нему на «кормление» германского воина с его чадами и домочадцами. Все это очень напоминало переходную стадию к средневековым отношениям между «прикрепленными к земле» крестьянами и воинами-рыцарями, которых эти крестьяне содержали. Будучи зато освобождены от несения военной службы. Кстати говоря, сегодня вряд ли найдется в мире государство, чей военный бюджет не превышал бы треть доходов от сельского хозяйства. А когда впоследствии, при императоре Юстиниане, восточно-римские войска «освободили» своих италийских сограждан от «тяжкого варварского ига», тем пришлось платить

в «свою родную императорскую римскую казну» столько (включая «пени» и «недоимки», накопившиеся за годы господства «варваров» над Италией), что они, конечно, горько пожалели об изгнании «варваров» из Италии и возвращении «законной римской власти». При этом следует учитывать, что распределение налогового бремени на римских подданных было весьма неравномерным и несправедливым. Верхние «десять тысяч» — богатейшие из богатейших, сенаторы (как правило, давно уже не заседавшие в сенате, чьи решения к тому времени лишились всякого значения, ибо все решал император, а точнее — окружавшая его узкая придворная клика) жили (во всяком случае, на Западе империи), подобно будущим средневековым феодалам, за стенами своих вилл, превращенных в настоящие крепости. Владычествуя в центре своих громадных, почти автономных земельных владений (т.н. «сальтусов»), охраняемых отрядами собственных воинов-«кусочников» — буцеллариев, букеллариев, вукеллариев — от слова «буцелл», т.е. «кусоч (хлеба, получаемого от хозяина за службу — В.А.)». Нередко (при не слишком сильных августях) попросту прогонявших осмелившихся сунуть к ним нос имперских сборщиков налогов. И те заполняли дыры в государственном бюджете за счет безответного мелкого люда, по принципу «чем больше жмешь, тем больше выжмешь». Поэтому ни о каких массовых восстаниях «угнетенного варварами» римского населения Италии в тылу «варваров-угнетателей» при «долгожданном» приходе в Италию «родной римской армии-освободительницы» царьградские историки не сообщают (редкие исключения лишь подтверждают правило)...

Впрочем, пока что до реального (а не формального) возвращения Италии в лоно «ромейской», так сказать, ойкуменической империи было еще ой как далеко. А весьма удачным решением земельного вопроса гунноскиром Одоакром вскоре после него воспользовался остгот Теодорих. Утвердившийся в Италии, уничтожив гунноскирского «выскачку» (с точки зрения высокородного Амала). Под властью Теодориха Остготского «римские подданные»-италийцы продолжали исправно отдавать треть урожая «варварам» (только теперь уже — остготам).

Правда, данная версия, изображающая земельную реформу Одоакра некоей «прелюдией» к средневековому крепостному праву, не соответствует, к примеру, точке зрения Эдварда Гиббона, ссылающегося на свидетельства папы римского Гелазия, современника

и подданного Одоакра: «папа Гелазий <...> утверждает — впадая в сильное преувеличение —, что в Эмилии, Тоскане (Тускуле, т.е. Этрурии — В.А.) и соседних провинциях население почти совершенно вымерло. Римские плебеи (столичный пролетариат, живущий не трудом рук своих, а подачками от государства, и не имеющий иного имущества, кроме потомства, или, по-латыни, «пролес» — В.А.), получавшие свое пропитание от своего повелителя (императора Запада, пост и титул которого был теперь упразднен — В.А.), погибли или исчезли, лишь только прекратились его щедрые подаяния; упадок искусств довел трудолюбивых граждан до праздности и нищеты, а СЕНАТОРЫ (выделено здесь и далее нами — В.А.) <...> БЫЛИ СПОСОБНЫ РАВНОДУШНО ВЗИРАТЬ НА РАЗОРЕНИЕ ОТЕЧЕСТВА, ОПЛАКИВАЛИ УТРАТУ ЛИЧНЫХ БОГАТСТВ И РОСКОШНОЙ ОБСТАНОВКИ. ИЗ ИХ ОБШИРНЫХ ИМЕНЕЙ, когда-то СЧИТАВШИХСЯ ПРИЧИНОЙ РАЗОРЕНИЯ ИТАЛИИ (а не из наделов римских свободных и полусвободных земледельцев, как считал Шрайбер — В.А.), ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ БЫЛА ОТОБРАНА В ПОЛЬЗУ ЗАВОЕВАТЕЛКЙ. К материальным убыткам присоединялись личные оскорбления; сознание настоящих зол становилось еще более горьким из опасения еще более страшных несчастий; а так как правительство (Одоакра — В.А.) не переставало отводить земли (принадлежавшие сенаторам и другим магнатам — В.А.) для приходивших толпами новых варваров, то каждый из сенаторов (а отнюдь не свободных и полусвободных италийских земледельцев — В.А.) имел основание опасаться, чтобы руководившиеся личным произволом межевщики не приблизились к его любимой вилле или к самой доходной из его ферм». (Гиббон).

Кто тут прав — Шрайбер или Гиббон? Как всегда — темна вода во облацех...

Поскольку гунн по отцу Одоакр опирался в первую очередь на герулов и скиров и не предпринимал никаких враждебных действий против (Восточного) Рима, чьим наместником в Италии он официально считался, Константинополю было весьма непросто найти веский повод для военного похода против внешне вполне лояльного ему вассала-федерата — италийского «царька». Хотя такие планы хитроумные стратеги на Босфоре вынашивали со дня свержения жалкого Ромула «Августула». Сразу же воспользоваться в этих целях Теодорихом Остготским оказалось невозможно. Ведь поначалу личные отношения между двумя «римскими патрициями» — Одоакром

и сыном Тиудимира (служившими формально одному и тому же повелителю «воссоединенной Римской империи» Зенону) были, вроде бы, ничем не омрачены. В отличие от героических сказаний германского Средневековья (сложенных значительно позднее), упоминающих якобы исконную взаимную вражду между гунноскиром и остготом. Но Теодорих достаточно долго прожил в Царьграде, уже более десяти лет правил остготами в качестве царя, досконально изучил все хитрости и все коварство окружающих его народов. И потому совместно с императором Зеноном и князем (царем) ругов Фавой (Феллефеем), изгнанным Одоакром из своего удела в Норике (присоединенным энергичным гунноскиром к вверенной ему Италии), нашел немало поводов добиться получения от императора приказа осуществить завоевание Италии. Как немало последующих завоеваний, оно официально считалось ОТВОЕВАНИЕМ (Реконкистой, как сказали бы испанцы). И царь остготов, твердо намеренный захватить Италию в качестве добычи для своего народа, заявлял о себе как о послушном исполнителе императорского повеления, ибо «воистину, император — это земной Бог» (как сказал вестготский «юдекс» Атанарих при виде василевса Феодосия Великого). Как о римском верноподданном, думающем лишь о восстановлении «закона и порядка» в «страждущей под игом варваров» Италии. Как будто Одоакр правил Италией не в качестве законного наместника императора Зенона, чей профиль он чеканил на своих монетах, имевших хождение по всей Римской империи, чье единство было восстановлено гунноскиром, пусть даже и от имени римского сената! И как будто сам Теодорих не был таким же «варваром» (на римской службе), как и Одоакр!...

Как писал Прокопий Кесарийский: «...готы, поселившиеся с разрешения императора во Фракии, с оружием в руках восстали против римлян под начальством Теодориха, патриция, получившего в Византии (т.е. в Константинополе: сознательно архаизирующий свой язык, Прокопий употребляет древнегреческое название Нового Рима — В.А.) звание консула. Умевший хорошо пользоваться обстоятельствами, император Зенон убедил Теодориха отправиться в Италию и, вступив в войну с Одоакром, добыть себе и готам власть над западной империей; ведь достойнее, говорил он, для него, тем более что он носит высокое звание сенатора, победив захватчика власти, стоять во главе всех римлян и италийцев, чем вступать в столь тяжелую войну с императором. Теодорих, обрадовавшись этому предложению,

двинулся на Италию, а за ним последовали и все готы, посадив на повозки детей и жен и нагрузив весь скарб, который они могли взять с собой».

Надо сказать, что Одоакр был слеплен из совсем иного теста, чем Августул или же Гонорий. Несмотря на весь внешний «римский» лоск сего патриция, сказывалась кипевшая в его жилах гуннская и германская кровь. Хотя «последний римлянин» Аэций был уже давно убит завидовавшим его военно-политическим успехам императором Запада Валентинианом III — по некоторым версиям, с помощью евнуха (или «полумужа», как назвал его Клавдиан) — повторив трагическую судьбу Стилихона, Италия не оставалась беззащитной. «Италию охраняло оружие ее завоевателя, а так долго издевавшиеся над малодушными потомками Феодосия (Великого — В.А.) галльские и германские варвары не осмеливались переступить ее границ» (Гиббон). «Западноримский» гунноскир патриций Одоакр оказался способным на упорное и успешное сопротивление «восточноримским» готам. И Теодориху, несмотря на постоянные упражнения с оружием его чуравшихся мирного сельского труда остготов, еле удалось пробиться в благодатную Италию. Осенью 488 г. он сумел, после трудного и долгого похода через Сирмий на Запад, захватить, по крайней мере, запасы, необходимые для того, чтобы пережить военную зиму. В ходе этих битв у реки Ульки противниками остготов были гепиды. Остготы неминуемо потерпели бы поражение от этих отважных противников, если бы не были спасены героизмом Витигиса (Виттиха-Виттига героических саг германского Средневековья о Дитрихе Бернском). Перед лицом этих трудностей, осложненных в зимний период также болезнями и потерями от стычек с мелкими отрядами Одоакра, постоянно беспокоившими готов Теодориха, нельзя не задаться вопросом: почему же Теодорих не отказался от своего предприятия, осуществление которого оказалось столь сложным? Ведь после победы над сыновьями «Бича Божьего» Атиллы готы получили превосходные земли для поселения — пожалуй, лучшие, которые имелись в пределах Римской «мировой» державы. По крайней мере, в юго-восточной Европе. Теодорих, согласно источникам, «родившийся близ Виндобоны (современной столицы Австрии города Вены — В.А.)», несомненно мог бы, со своим природным умом, во всеоружии полученных во Втором Риме знаний, превратить плодородные земли между нынешним Венским лесом и средним Подунавьем в заповедник образцового кре-

стьянского хозяйствования, приносящий богатые урожаи. Но думать так — анахронизм. За исключением краткосрочных грабительских рейдов отборных ватаг «охотников за зипунами» (как в Восточном Средиземноморье в IV в.), готы (подобно всем германцам, да и прочим «варварам») всегда брали с собой в поход семьи и всю свою движимость. Как язычник Радагайс, вломившийся в Италию, разбитый там разноплеменными войсками Стилихона и уничтоженный со всем своим народом и добром. Остготский царь, римский магистр, консул и сенатор Теодорих тоже пошел завоевывать Италию (хотя, в отличие от Радагайса, и «во исполнение воли императора Зенона») с огромным обозом из тысяч повозок, с целым привычным к странствиям и скитаниям народом. «Теодорих <...> двинулся на Италию, а за ним последовали и все готы, посадив на повозки детей и жен и нагрузив весь скарб, который они могли взять с собой» (Прокопий Кесарийский). Остготский «народ-войско» продвигался к цели медленно, с трудом. Неспособный повернуть обратно. Обреченный победить или умереть.

И потому готы снова и снова нападали на своих противников, преграждавших им доступ в Италию. Они даже пытались переправить на восточноримских кораблях через Адриатику сильный передовой отряд, чтобы его силами обойти войско Одоакра, удерживавшее подступы к Северной Италии. Но эта попытка десантирования на Апеннинском полуострове, предпринятая остготами весной 489 г., завершилась полным провалом. Поэтому Алариху пришлось продолжать наносить лобовые удары по войскам могущественного и равного ему по силам и воинским навыкам противника. Подвергая свой готский народ риску полевых сражений и тем самым, угрозе поголовного истребления, включая обозных и всех нонкомбатантов (выражаясь современным языком). Согласно Гиббону, Теодорих одержал над своим опытным в ратном деле врагом немало побед в многочисленных, хотя и оставшихся неизвестными, кровопролитных битвах, прежде чем, наконец, сломив всякое сопротивление благодаря своему полководческому искусству, упорству и мужеству, спустился с Юлийских Альп и водрузил свои победоносные знамена в пределах Италии. С тех пор хвалебные гимны великого британского историка сопутствовали Теодориху на всем протяжении его Италийского похода и всех его битв. Остготский царь, прозванный впоследствии «Великим», пользовался не меньшей симпатией историков, чем, пожалуй, впоследствии владыка франков Карл Великий. Что лишний раз доказывает: конечный

успех затмевает и даже, в какой-то мере, извиняет целый ряд кровавых преступлений, совершенных ради его достижения, даже в глазах умных и хорошо осведомленных людей. Как говорится, цель оправдывает средства. В Италии Теодорих вел себя не столько по-германски, сколько «по-византийски». Просим прощения у уважаемых читателей за этот совершенно «ненаучный» и «неисторичный» термин. Ведь сами восточные римляне, как нам уже известно, называли себя «ромеями» (т.е., по-гречески, «римлянами»). Соседи же называли их «греками». Но опять-таки: «Греки лукавы суть»...

В выборе средств для достижения поставленных целей Теодорих Остготский не стеснялся. А поскольку он был владыкой, находившимся в центре внимания всей тогдашней Европы, стремившейся подражать ему во всем, то именно на нем лежит немалая вина за одичание нравов, характерное для наступающего раннего (и не только раннего) Средневековья...

После многочисленных «боев местного значения» произошла первая большая битва на реке Сонтии (Фригиде). В ней остготами было поставлено на карту все. Потерянные ими в ходе первых неудач две тысячи повозок с добром были заменены трофейными, Зерна для ручных зернотерок, имевшихся в каждой остготской семье, оставалось лишь на пару дней боевой страды. А вот мяса было в избытке. Памятуя о том, что «не хлебом единым жив человек...», готы, в ожидании большой добычи и возможности «оттянуться по полной» в богатой Венетии, забили чуть ли не весь скот, который гнали с собой. Чтобы, в случае чего, не умирать на голодный желудок...

Воины рейкса Теодориха, оказавшись перед роковой дилеммой — смерть от голода в случае неудачи или новый «золотой ауйом», «земля обетованная», благословенная Италия, в случае победы, дрались как бешеные. Конница преодолела утомление от долгого похода, пехотинцы прорвались через спешно возведенные войсками Одоакра (вот она — римская выучка!) полевые укрепления, опиравшиеся своим правым, указывавшим на юг, крылом на развалины разрушенной «Бичом Божиим» гунном Атиллой древней Аквилеи — конечного пункта торгового Янтарного пути. Одоакр был отброшен до самых стен Вероны и бурных вод реки Атесис (нынешней Адидже, или, по-немецки, Этч). Разбив «восстановителя римского единства», остготы добились большого успеха. Ибо, хотя до завоевания Италии было еще далеко, в их руках оказалась богатая провинция Венетия. Вопрос

продовольственного снабжения воинов Теодориха и их семей был, во всяком случае, решен.

Битва с Одоакром под Вероной, или, по-германски, Берном (поэтому Теодорих-Тидрек-Дитрих именуется в германских сагах «Бернским»), была еще более кровопролитной. Победа в ней далась остготскому царю не сразу. Остготская конница угодила в расставленную ей опытным стратегом гунноскиром Одоакром хитроумную ловушку. В самый критический момент, когда непосредственная опасность угрожала самому Теодориху и дрогнули ряды его телохранителей, их бегство было остановлено только вмешательством матери и сестры остготского царя, пристыдивших усомнившегося в победе сына и брата и упрекнувших его в намерении трусливо бросить их, отдав в добычу Одоакру. Неизвестно, обнажились ли они при этом, выставив напоказ грудь и другие части тела, которые правилами приличия предписывалось скрывать от всеобщего обозрения (как поступали, если верить Тациту, в аналогичных случаях матери, сестры, жены, и дочери древних германцев; впрочем, те описанные римским историком германки были не христианками, а язычницами)... Устыдившись, Теодорих, вроде бы, собрал вокруг себя горсть самых верных и храбрых дружинников, повел их в бой и в последний момент вырвал у врага победу.

Этот легендарный эпизод вполне мог иметь место в действительности. А факт возможности участия вдовы Тиудемира и членов семьи Теодориха в Италийском походе (естественно, в обозе), подтверждается примером Алариха. Ведь и при разгроме Алариха в воспетой Клавдианом битве под североиталийской Поллентией жена и другие члены семьи вестготского царя были пленены победоносным Стилихоном.

Победа Теодориха над Одоакром в битве под Вероной сделала царя остготов господином всей (все еще «римской» по названию) Италии. Теперь у готов было вдоволь фуража (для конского состава), не говоря уже о провианте для состава личного. Разбитый наголову, но не утративший совсем способности сопротивляться, Одоакр отступил в направлении Рима на Тибре, надеясь отсидеться там в ожидании перемены военной фортуны. Но, ввиду отсутствия поддержки и симпатии со стороны неблагодарных римлян, был вынужден уйти в Равенну. Опираясь на эту мощную болотную крепость, гунноскир в следующем, 490 г. так энергично повел боевые действия, что возвратил под

свою власть значительную часть Северной Италии, вынудив остготского царя вновь отступить к реке Тицину (или, говоря по-современному — Тичино). И лишь дождавшись подкрепления из «римской» Галлии от царя толосских вестготов (!), остготы Теодориха, опираясь на вестготские отряды, смогли одержать решительную победу над Одоакром в битве на альпийской реке Адде, снова — и теперь уж окончательно! — загнав его в Равенну.

«Навстречу им (готам — В.А.) вышел Одоакр со своими войсками; побежденные во многих сражениях, они вместе со своим вождем заперлись в Равенне и в других наиболее укрепленных местах. Осадив их, готы захватывали все остальные укрепления, когда им представлялся для этого благоприятный случай, крепость же Цезену (современную Чезену — В.А.), находившуюся от Равенны на расстоянии трехсот стадий, и самую Равенну, где находился и Одоакр, они не могли взять, ни заставив их капитулировать, ни силою» (Проконий Кесарийский).

Боевые действия, которые велись двумя «варварскими» царями (считавшимися официально в то же время римскими полководцами) в описанные нами выше в самой сжатой форме два года борьбы за «римскую» Италию, в гораздо большей степени, чем мы сочли необходимым изложить, характеризовались изменой, лицемерием, коварством и интригами. Целая группа военачальников Одоакра перешла на сторону Теодориха, чтобы покинуть его в самый критический момент и подставить под меч Одоакра большое число опытных остготских «полевых командиров». Князь ругов Фелефей, сражавшийся за Теодориха, сменил (военно-политическую) ориентацию, перебежав к Одоакру (хотя тот лишил его удела). А сам Теодорих, в приступе ярости, приказал перерезать всех перебежчиков из стана его неутомимого противника, чтобы застраховать себя от измен в будущем.

Пока разноплеменные защитники Равенны героически сопротивлялись, Теодорих постепенно завоевал всю Италию от Альп на севере до Калабрии на юге. Став наконец хозяином всего Апеннинского полуострова, он получил от вандалов (всегда слывших отъявленными оппортунистами) в подарок захваченный теми ранее остров Сицилию.

А вот взять Равенну было невозможно (во всяком случае, силой оружия). Поэтому Теодорих, после трех лет безуспешной осады, постоянно тревожимый вылазками стойкого равеннского гарнизона,

решил прибегнуть к «нордической хитрости». Через православного епископа Равенны Иоанна II остготский царь-арианин предложил осажденному, но не желавшему сдаваться Одоакру, своему единоверцу, мир на очень выгодных для того условиях. По мнению большинства исследователей, Теодорих предложил гунноскиру совместно править из Равенны всей Италией. Естественно, при этом оба германских царя (или, пользуясь «новоримской» терминологией — «этнарха») формально выступали бы в качестве наместников константинопольского императора (но ведь сути дела это не меняло ни на йоту). Они даже поселились вместе в Равеннском императорском дворце (занимая в нем разные, но соседние покои).

Не будем здесь вдаваться в споры о тонкостях перевода и трактовки соответствующего сообщения Прокопия Кесарийского: «Теодорих, как говорят, открыв, что Одоакр строит против него козни, коварно пригласил его на пир, убил его». Ибо, если Теодорих, имевший на руках все козыри и прекрасно осведомленный о голоде, царившем в стенах Равенны, все-таки сделал Одоакру столь великодушное мирное предложение, значит, он был твердо намерен не соблюдать его. Или же нарушить его при первом же удобном случае. Тем не менее, при заключении мира остготский царь поклялся сохранить Одоакру свободу и жизнь. Исход этого соглашения был легко предсказуем. В самый разгар дружеской пирушки (или попойки — как кому больше нравится) в «римско-германском стиле», длившейся несколько дней, Одоакр, чья бдительность была усыплена «дарами Вакха и Венеры» и притворной дружбой Теодориха, был заколот то ли рукой, то ли слугами своего «заклятого друга». Вероломное убийство гунноскира совершилось в марте 493 г. Одновременно во всех гарнизонах, в которых после заключения мира были собраны воины Одоакра, они подверглись внезапному нападению готов, обезоружены и не взяты в плен, а беспощадно перебиты. Что оказалось совсем нетрудно сделать. Ибо ратники царя Италии, всецело полагаясь на скрепленный торжественной клятвой (на оружии или на готской библии Вульфилы — в данном случае неважно) мирный договор со своими «германскими братьями», не ожидали нападения и были захвачены убийцами врасплох.

Как обычно в таких случаях, задним числом убитому изменнически Одоакру приписали якобы вынашиваемый им коварный план заговора против Теодориха. Однако, как справедливо замечает Герман

Шрайбер, невиновность гунноскирского царя Италии нетрудно доказать. Ведь у сына гунна Эдекона не было никаких резонов нарушать столь выгодные для него условия мира. Виновость же остгота Теодориха доказывается тем, что он, несравненно сильнейший партнер по мирному договору, не имел никаких резонов претворять его условия в жизнь. И явно не намерен был их выполнять.

На протяжении своего многолетнего царствования Теодорих совершил — собственноручно или руками своих присных — еще немало тяжких преступлений. Отчего он, мучимый угрызениями совести и явлениями призраков загубленных им душ (во всяком случае, по мнению многих историков прошлого), впал в тяжелую, смертельную болезнь, которая и унесла его в могилу. И, тем не менее, именно вероломное убийство доверившегося его клятве, его слову гунноскира Одоакра, бросило самую мрачную тень на долгое правление великого остготского царя, не имевшее себе равных по успешности, стабильности и продолжительности в то кровавое столетие.

Конечно, с учетом запутанности, неясности и фрагментарности тогдашних сообщений источников, можно задаться вопросом: действительно ли убийство Одоакра было делом рук Теодориха (а не «услужливых дураков» из его окружения, проявивших, из желания предугадать неверно понятый ими замысел своего господина, «усердие не по разуму»)?

Ведь Теодорих на протяжении тридцати лет «с гаком» своего владычества зарекомендовал себя мудрым, пронизательным правителем, стремившимся примирить всех и вся. И способным найти менее кровавый способ решить проблему Одоакра, чем святотатственное клятвопреступление и подлое убийство. Тем не менее, все историки, на сообщениях которых основывается оценка личности Теодориха потомками, не едины лишь в одном вопросе: нанес ли царь остготов смертельный удар Одоакру собственной рукой, или лишь приказал сделать это другим.

Правда, приведенная выше (и поддерживаемая, в частности, Эдвардом Гиббоном) версия публичного убийства гунноскира на торжественном пиршестве, куда всегда приглашалось много гостей и куда Одоакр (как будущий соправитель Теодориха), конечно, не явился бы без подобающей свиты, вызывает немало вопросов. Более близкой к истине автору этой книги представляется другая версия. Изложенная восточноримским автором VII в. Иоанном Антиохийским. И под-

держиваемая столь маститым автором как Теодор Моммзен. Впервые опубликовав ее, подчеркнул, что версия Иоанна отличается как от официальной готской (Кассиодора/Иордана), так и от официальной (восточно)римской (Прокопия) большей достоверностью (а главное — непредвзятостью).

По этой версии, Теодорих и Одоакр заключили договор, по которому должны были совместно править из Равенны «Римской империей» (вероятно, все-таки лишь Западной, фактически сократившейся до размеров Италии с небольшими территориальными «довесками»). Они часто встречались, постоянно посещая друг друга. Не прошло и десяти дней с момента заключения договора, как два человека схватили Одоакра, вошедшего к Теодориху, за руки, как это принято у просителей. По этому условному знаку другие, прятавшиеся в комнатах по обе стороны пиршественной палаты, выскочили оттуда с обнаженными мечами, но невольно оробели под суровым взглядом гунноскира, не решаясь нанести ему первый удар. Тогда к ним подбежал Теодорих и погрузил меч в тело Одоакра, разрубив ему ключицу. Одоакр вскричал: «Где Бог?» (т.е.: «Бога ты не боишься!»; значит, они клялись в мире и дружбе на Святом Евангелии). На это Теодорих отвечал: «Как ты с моими, так и я с тобой!»

На какой именно поступок Одоакра, повлекший за собой столь суровую кару, намекал своим ответом Теодорих, нам сегодня дать ответ, пожалуй, невозможно. Однако, основываясь на подобном высказывании Теодориха, многие историки предполагают, что причиной разрыва между обоими несостоявшимися соправителями римской, по названию, Италии послужило убийство Одоакром каких-то родичей или друзей остготского царя.

Согласно Иоанну Антиохийскому, удар был смертельным. Поскольку меч легко рассек тело Одоакра до бедра (видимо, наискось — от левого плеча до правого бедра), Теодорих воскликнул: «Похоже, в теле этого изверга не было костей!». Пошутил, называется...Рекс остготов приказал вынести труп сына гунна Эдекона из палаты и похоронить в каменном гробу возле еврейской синагоги. О том, что думали равенские евреи по поводу столь «приятного» соседства, история умалчивает. Кстати говоря, после установления Теодорихом власти над Италией римская синагога иудеев была сожжена гражданами «Вечного города» в ходе очередного еврейского погрома (за что Теодорих не преминул попенять римскому сенату в специальном послании).

Времени жизни Одоакра было шестьдесят лет, времени его правления четырнадцать лет. Его брат Онульф пытался искать спасения в бегстве, но был настигнут готами, прикончившими его в роцце пиний под Равенной. Теодорих приказал схватить жену Одоакра — Сунгигильду (почти Свенильду!) и их сына Оклана (Телана), которого отец уже успел провозгласить цезарем (кесарем). Сына зарубленного им гунноскира остготский царь отправил в ссылку в Галлию. Повелел верным людям тайно убить Оклана в укромном месте, чтобы тот не вздумал самовольно вернуться в Италию и поднять там мятеж (что «цезарь на час» якобы замышлял). И Оклан был убит. Сунигильду же Теодорих заключил в темницу, где уморил ее голодом.

Как говорится, чистая работа. Мертвые, как известно, не кусаются. Жаль только, Теодорих впопыхах забыл про летописцев. Их (по крайней мере, живших при его дворе) тоже не следовало оставлять в живых. Впрочем, все современные остготскому царю хронисты (да и не одни хронисты) предусмотрительно держали рот на замке. Ни единым словом не осудив (но и не восхвалив) злодеяние, содеянное Теодорихом. И только позднейшие историки нарушили «заговор молчания» вокруг убийства Одоакра «с чадами и домочадцами». Но к моменту, когда у историков развязался язык, запах крови уже развеялся под благодатным небом остготской Италии, современники и свидетели равеннской расправы уже умерли, блеск правления Теодориха затмил все темные пятна (которые ведь бывают даже на солнце!), в обновленной Равенне возвышались построенные при царе остготов, римском консуле, патриции и военном магистре шедевры архитектуры (а сам он уже упокоился в своем величественном мавзолее — правда, ненадолго). «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи». И потому Теодориха не столько осуждали, сколько восхваляли. В том числе и противники остготской власти над Италией — «ромейские» скрипторы-борзописцы из Второго Рима. Включая уже неоднократно цитировавшегося нами Прокопия Кесарийского. Родившегося в 500 г. советника знаменитого восточно-римского магистра (стратига) и консула (ипата) Флавия Велизария, лучшего полководца владыки «Ромейской василии» — императора Юстиниана I Великого (которых мы уже упоминали и еще упомянем). На страницах восьми книг своего исторического труда Прокопий описал (лишь иногда допуская неточности в датах), не без юмора и очень увлекательно, события, происходившие в V–VI вв. во всей

сфере влияния Восточной Римской империи. В «Войне с готами» он писал, что Теодорих «тех из варваров, которые раньше были его врагами и теперь еще уцелели, <...> привлек на свою сторону» и т. о. «получил единоличную власть над готами и италийцами. Он (как и гунноскир Одоакр — В.А.) не пожелал принять ни знаков достоинства, ни имени римского императора, но продолжал скромно называться и в дальнейшем именем «рекс» (так обычно варвары называют своих начальников); подданными своими он управлял твердо, держа их в подчинении, как это вполне подобает настоящему императору. Он в высшей степени заботился о правосудии и справедливости и непреклонно наблюдал за выполнением законов; он охранял неприкосновенной свою страну от соседних варваров и тем заслужил высшую славу и мудрости и доблести. Сам лично он не притеснял и не обижал своих подданных, а если кто-либо другой пытался это делать, то он не дозволял этого, исключая того, что ту часть земли, которую Одоакр дал своим сторонникам, Теодорих тоже распределил между своими готами. По имени Теодорих был тираном, захватчиком власти, на деле же самым настоящим императором, ничуть не ниже наиболее прославленных, носивших с самого начала этот титул; любовь к нему со стороны готов и италийцев была огромна, не в пример тому, что обычно бывает у людей. Ведь другие, находясь во главе правления, становятся или на ту, или на другую сторону, и поэтому установившаяся власть нравится тем, кому она в данный момент своими постановлениями доставляет удовольствие, и вызывает к себе нерасположение в том случае, если идет против их пожеланий» (Проконий Кесарийский). «Его стараниями было восстановлено достоинство города Рима. Он перестроил стены, в благодарность, за что сенат воздвиг ему золотую статую» (Исидор Севильский).

То, что так удивляло Прокопия, действительно представляется самым удивительным в царстве, хотя и не основанном Теодорихом в Италии, но превращенном им на деле в то, что, может быть, лишь рисовалось Одоакру (а, возможно, и Алариху) в самых смелых мечтах. Никто не мог сомневаться в том, что Риму удалось на протяжении своей восьмисотлетней истории создать уникальный управленческий аппарат с необходимой для его безупречного функционирования законодательной базой, регулирующей все сферы общественной и частной жизни. Многие из того, что было создано в период между «Законами Двенадцати таблиц» и Кодексом Юстиниана, вошло не-

отъемлемой частью в законодательства всех стран мира и международное право. Вот только слишком часто не хватало специалистов, способных пользоваться этим великолепным инструментарием. Личностей, достойных его во всех отношениях. Дело было не столько в интеллектуальном уровне, учености, образования (мы готовы даже поверить в версию, что Теодорих не умел писать и, вместо собственноручной подписи на указах, обводил пурпурной краской золотой прорезной шаблон, или трафарет, как поступал в подобных случаях восточноримский василевс Юстин — выслужившийся из простых солдат дядя Юстиниана I). Сколько в целом комплексе необходимых личных качеств, энергии и способностей, взятых, так сказать, в комплексе, в целом. И не случайно создателям и обновителям великих держав всегда присущи некие тиранические черты, некая беспощадность. И потому, описывая их правление, историки предпочитают подсчитывать его результаты, а не потери, понесенные ради достижения этих результатов. Сказанное относится в равной мере к Августу и к Теодориху, к Карлу Великому и Людовику XI, Вильгельму Завоевателю и Владимиру Красное Солнышко, Ивану Грозному и Генриху VIII, Петру Великому и Карлу V, Елизавете I и Екатерине II. К монархам, в чьем историческом величии нет ни малейших сомнений, Хотя на их руках, во всяком случае, не меньше крови, чем на руках Теодориха...

С другой стороны, именно этот неизменный костяк, или каркас, сохраненного в неприкосновенности римского административно-юридического аппарата был опорой всей Италийской державы. С того момента, как готы и италийцы осознали, что отныне монополия на убийство принадлежит царю Италии Теодориху, гениально сконструированный, хоть и порядком заржавевший механизм вновь заработал. И Теодорих смог посвятить себя внешнеполитическим вопросам. Доказав при этом, что — в отличие от других узурпаторов, не подвержен ненасытной страсти ко все новым завоеваниям. Уютно устроившись в солнечной Италии, среди покорного местного населения, готы, похоже, наконец-то успокоились. Не стремясь к новым военным предприятиям, исход которых не мог быть ясным и потому был связан для них с риском потерять все, «нажитое непосильным (ратным) трудом». А поселившиеся вокруг огражденной силой остготского оружия сферы влияния Теодориха германские народы остерегались вызвать на свою голову гнев этого могучего владыки, на глазах всего «варварского» (и неварварского) мира с таким непо-

дражаемым хладнокровием расправившегося с самим великим Одоакром. С могущественным гунноскиром, игравшим римскими императорскими инсигниями, словно мячиками.

Как и в последующие, более цивилизованные времена, остготские царевны отправлялись в чужие государства, восстанавливая, путем брачных союзов, оборванные в годы военного лихолетья, связи между германскими народами. Чтобы забылись поскорее столетия взаимного проламывания германцами друг другу черепов. Эта начатая Теодорихом политика «брачной дипломатии» оказалась на удивление успешной. Тем самым создавались условия для возобновления производительного, продуктивного труда на умиротворенных землях. Ибо какой крестьянин согласился бы пахать и сеять, не надеясь дожить до сбора урожая? Большое недовольство и нежелание трудиться, понятные в столетия непрерывных войн, сменились нормальным желанием жить трудами рук своих. И это общее стремление к восстановлению нормальных, здоровых хозяйственных отношений и получения доходов от мирных занятий, разумеется, способствовали претворению в жизнь намерений остготского царя Италии. Суровыми мерами, железной рукой он обеспечивал мир и спокойствие, закон и порядок в своей стране и за ее пределами. Причем так успешно, как это не удавалось правителям Италии, возможно, со времен основателя Римской империи принцепса Октавиана Августа, внучатого племянника и пасынка великого Гая Юлия Цезаря. Ведь даже в пору расцвета императорской власти римские дороги, горы и леса кишмя кишели шайками разбойников-латронов, постоянно нападавших на путешественников, крестьянские селения и даже виллы богатых латифундистов. Под властью же остгота Теодориха (если верить современникам) всякий италиец был так уверен в собственной безопасности и сохранности своего добра, что частные лица обходились без дверных замков, а города — без засовов на воротах (а то — и вообще без ворот)... Прямо как в богоспасаемой Валахии при Владе Дракуле...

РАВЕННСКАЯ ХИМЕРА

Тем не менее, несмотря на все перечисленные выше несомненные улучшения в сфере повседневной жизни, нам сегодня трудно представить себе, как Теодориху удалось наладить и обеспечить мирное сосуществование на Апеннинском «сапоге» народов, столь разных во всех отношениях? Академик Л.Н. Гумилев явно отнес бы италийское царство Теодориха Великого к числу государственных образований, квалифицируемых отцом неоевразийства и создателем пассионарной теории этногенеза как нежизнеспособные химеры. Под государством-химерой профессором Гумилевым понималась этническая форма и продукт контакта несовместимых (имеющих отрицательную комплиментарность, т.е., попросту говоря — несочетаемость) этносов, принадлежащих к различным суперэтническим системам. В результате этой отрицательной комплиментарности, выросшие в химере люди утрачивают этническую традицию и не принадлежат ни к одному из контактирующих этносов. Государство-химеру Гумилев характеризовал как общность дезэтнизированных, выпавших из этносов людей. Согласно его теории, в государстве-химере господствует бессистемное сочетание несовместимых между собой поведенческих черт, на место единой ментальности приходит полный хаос царящих в обществе вкусов, взглядов и представлений. В такой среде расцветают всякого рода антисистемные идеологии. Потеря своеобразных для каждого этноса адаптивных навыков приводит к отрыву населения от кормящего ландшафта. В отличие от этноса химера не может развиваться, а способна лишь некоторое время существовать, впоследствии распадаясь — происходит своего рода этническая аннигиляция (взаимоуничтожение). Возникшие в недрах химеры антисистемы выступают, как правило, инициаторами кровопролитных конфликтов, либо химера становится жертвой соседних этносов. Химера может существовать в теле здорового этноса, подобно раковой опухоли, существуя за его счет и не выполняя никакой конструктивной работы. При этом она может быть относительно безвредной (пассивной) либо же становиться рассадником антисистем (агрессивная химера). Большинство известных в истории этнических химер сложились за счет вторжения

представителей одного суперэтноса в области проживания другого, после чего агрессор пытался жить не за счет использования ландшафта, а за счет побежденных. Результатом в конечном итоге всегда был распад и гибель химеры, так как победители деградировали не в меньшей степени, чем побежденные. Так говорит пассионарная теория этногенеза, о которой Теодорих Великий, разумеется, не имел никакого понятия. Хотя если бы он и имел о ней понятие, то, надо думать, все равно предпринял свой «этнохимерический эксперимент» на италийской земле. Что же происходило на этой земле с народами, жившими там бок о бок под скипетром сына Тиудимира?

О ругах сообщают, что они жили строго обособленно, чтобы не смешиваться ни с италиками, ни даже с готами. Выражаясь современным языком, они имели компактные места проживания. И ни один руг(ий) не женился на девушке-иноплеменнице. Однако именно эта подчеркиваемая и особо выделяемая хронистами особенность поведения ругов в Италии (подмеченная, в частности, Прокопием Кесарийским) позволяет предполагать, что остготы вели себя иначе. Да и не могли не вести себя иначе. Будучи, в отличие от ругов-ругиев, народом многочисленным и расселившимся по всей территории италийского «сапога». Возможно, Теодорих сознательно стремился к смешению готов с италийцами? Может быть, он думал повторить на римской земле замысел Александра Македонского, мечтавшего соединить, путем заключения браков, европейский континент с азиатским? Ведь это замысел действительно осуществился в возникших уже после смерти Александра смешанных в культурном отношении греко-среднеазиатских, греко-малоазиатских, греко-среднеазиатских, греко-египетских и даже греко-индийских эллинистических царствах. Но повторение подобного эксперимента в остготской Италии привело бы, в конце концов, к растворению готской «капли» в италийском «море»... Видимо, поэтому немецкие историки разных эпох не особенно склонны разделять данную точку зрения...

Так, Феликс Дан писал в своем монументальном труде «Цари германцев»:

«Переселенцы были в своем подавляющем большинстве остготами, хотя к ним присоединились также ругии, гепиды и даже отдельные византийцы (восточные римляне — В.А.). Ругии воздерживались от смешивания с готами и италиками и сохранили внутри готской державы свою обособленность. Следовательно, они селились рядом;

ибо никогда они не смогли бы избежать смешения со своими соседями, никогда ругийский мужчина не мог бы всегда жениться только на ругийской женщине, если бы родственные связи между ругами были разорваны и семьи ругиев — разбросаны по всему царству. Но в том, что было дозволено малой части второстепенного народца-попутчика, конечно, не могло быть отказано готам, пришедшим (в Италию — В.А.) целой нацией, и у готов, как у ругиев, целые роды, племена и т.д. селились вместе, компактно. Так же компактно вошли в римскую державу за сто лет перед этим — вестготы, а впоследствии — лангобарды... Было бы совершенно нелепым, крайне насильственным, почти невозможным шагом, беспричинно разорвать *familiae et propinquitates* (лат. объединения нескольких семейств и их родственников — В.А.), бывшие основой жизни народа»...

Ну, таким уж беспричинным шагом это бы, конечно, не было, если бы цель Теодориха в самом деле заключалась в слиянии двух подвластных ему народов. Но из уникального документа, запечатлевшего историю остготского царства — писем сенатора Кассиодора — явствует нечто иное. Теодорих был слишком высокого мнения о своих остготах, чтобы желать их растворения в среде более многочисленного италийского населения. Недаром он ставил остготов в пример не только всем прочим «варварам», но и римлянам. И его представления о государстве имели мало общего с насильственным или хотя бы стимулируемым соответствующей политикой расселения готов в Италии слиянием разных народов, проживавших бок-о-бок на италийской земле. Конечно, столь многочисленному (по «варварским» масштабам) народу, как остготам, не могла быть выделена, в достаточно густо населенной Италии, способная вместить его весь одна компактная область проживания (для этого пришлось бы изгнать слишком много живших там до того италиков, что привело бы к серьезным внутривитическим проблемам). Но на практике дело могло обстоять так, как это представлялось Феликсу Дану: «Только не следует представлять себе расселение (готов в Италии — В.А.) таким образом, что, к примеру, ровно треть провинции Эмилия была отведена под компактное поселение готов. Нет, готские пришельцы распределялись по всем трем третям провинции Эмилия. Треть каждого имевшегося в наличии римского земельного владения отчуждалась в пользу готской семьи. Но каждое из этих готских семейств, поселявшихся разрозненно, вперемешку с римлянами (*cum sciamos*

Gotos vobiscum habitare permixtos, как сказано у Кассиодора), в Эмлии, Лигурии и т.д., принадлежало к одному определенному роду, к одному определенному племени. Так что между готами в каждой провинции сохранялись и продолжали действовать прежние родоплеменные связи, позволявшие им чувствовать себя, пусть малым, но единым целым».

Доказательством этого служат не только «Варии» Кассиодора — первого секретаря Теодориха, несчетное количество раз излагавшего его царскую волю и решения на пергамене и папирусе. Но и тот факт, что после уничтожения царства остготов восточными римлянами описанные выше группы готов еще на протяжении нескольких поколений продолжали вести свое обособленное и самостоятельное существование. «Глубокая истина заключается в появившейся еще в те дни (под пером Прокопия — В.А.) аллегории, называющей народ готов ногами (в смысле «опорами» — В.А.) Теодориха» (Феликс Дан).

Этот исторический феномен нельзя назвать не имеющим аналогов. Мы уже указывали выше на пример эллинизма. В качестве аналогичного примера можно указать на кельтов Ирландии и Гебридских островов, превратившихся в миссионеров, христианизировавших остальную часть Европы. Но это так, к слову...

Итак, римский консуляр, сенатор, патриций и магистр милитум Флавий Теодорих, сын Тиудимира, опирался на остготов, как на свои «ноги», и гордился ими. Не столько потому, что подчиненные и верные ему остготы были сильным, здоровым, молодым и отважным народом. Сколько потому, что они заметно выделялись на фоне прочих «варваров» своей тягой к знаниям и способностью воспринимать наследие античной культуры, творчески перерабатывая его. О чем свидетельствуют хотя бы сохранившиеся до наших дней изначально арианские церкви Равенны (пришедшие на смену походным церквям на колесах времен готских скитаний), мавзолеи Теодориха и Галлы Плацидии, остатки дворца Теодориха, базилики святого Аполлинария (с единственным дошедшим до нас мозаичным изображением равеннской гавани) и святого Виталия, часовня святого Андрея и другие архитектурные шедевры остготского периода. Которым наш поэт «Серебряного века» Александр Александрович Блок посвятил одно из самых известных своих стихотворений:

РАВЕННА

Все, что минутно, всё, что бrenно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.
Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаик.
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.
От медленных лобзаний влаги
Нежнее грубый свод гробниц,
Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и цариц.
Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожег.
Военной брани и обиды
Забут и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.
Далеко отступило море*,
И розы оцепили вал,
Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал.
А виноградные пустыни,
Дома и люди — всё гроба.
Лишь медь торжественной латыни
Поет на плитах, как труба.
Лишь в пристальном и тихом взоре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой...

Подобно многим жителям Равенны, А.А. Блок полагал, что прах Галлы Плацидии (Плакиды) и Теодориха Остготского покоится в ра-

---

* Со времен Теодориха — на десять километров — В.А.

венских мавзолеях, что не соответствует действительности. Но это так, к слову...

Процесс вrastания готов в античную цивилизацию и греко-римское наследие, начавшийся с епископа Вульфилы, стал фактом, реальностью всемирно-исторического масштаба. Реальностью, которая не могла не беспокоить Второй Рим, разлегшийся, как ядовитая змея или удав, в кольце из стен, на Пропонтиде и Босфоре.

Хотя порой трудно понять, где в «Вариях» сенатора Кассиодора говорит он сам — ученый, влюбленный в свою риторику и свой эпистолярный стиль —, а где — его царь-государь Теодорих, не может быть сомнения в фактической достоверности слов, сказанных Теодорихом Великим говорит одному из своих послов, успешно выполнившему данные ему дипломатические поручения:

«Ты противостоял царям как равный им по силе противник и, посланный нами, оказывал нашу справедливость и таким, которые в грубом упрямстве едва ли понимали твои доводы. Тебя не смущала царское достоинство, воспламеняемое гневом от того, что ты осмеливался возражать. Ты подчинил отвзуг истине и потряс совесть варваров (примечательно, что своих готов Теодорих «варварами» явно не считал! — В.А.) настолько, что они стали покорными нашим повелениям».

Миссионерский характер намерений Теодориха Остготского становится ясным из того, что он милостиво одаривает «варварские» народы благовоспитанными девицами своего рода в качестве цариц. Судьбы этих остготских царевен, воспитанных в Константинополе, Равенне или Ветхом Риме, свободно владевших латынью, греческим и всеми свободными искусствами, были аналогичны судьбам дочерей многих других государей. Например, китайских принцесс, становившихся, ради сохранения мира и спокойствия Поднебесной, женами суровых, не знающих церемоний и учтнвого обхождения вождей гуннов-хунну и других кочевников на «Диком Западе» Китая.

Племянница Теодориха Амалаберга, отданная царем остготов в жены «царю» тюрингов (турингов) Гарменфреду (и родившая ему сына Амалафрида), привезла будущему мужу вместе с приданным сопроводительную грамоту от тестя следующего содержания :

«Счастливая Тюрингия будет отныне украшена девицей, которую богатая Италия обучила наукам и учтнвому обхождению, и впредь Тюрингия будет блистать достоинствами своей царицы не меньше, чем своими победами...»

Драчливого паннонца Теодорих вразумляет:

«Почему вы хватаетесь за меч, хотя имеете теперь судей, которые неподкупны? Как заметить, что царит мир, если под властью закона и порядка происходят схватки? Подражайте нашим готам, которые на поле брани отличаются мужеством, а в условиях мира — законопослушанием!». Сходные мысли были высказаны Теодорихом Остготским и в другом письме: «От нравственно развращенных варварских народов готы отличаются своей справедливостью и любовью к закону, вдвойне похвальными качествами: таким образом готы переняли разумность римлян, не утратив оттого, однако, храбрость варваров». Судя по всему, Теодорих всерьез пекся о государственной пользе.

В заключение этой главы нам представляется уместным привести отрывок из «Истории города Рима в Средние века» уже неоднократно цитировавшегося нами Фердинанда Грегоровиуса:

«Царь готов не коснулся ни одного из существовавших установлений Римской республики и скорее льстил (римскому — В.А.) народу открытым признанием этих установлений. И ничто в действительности не подверглось изменению ни в политической, ни в гражданской жизни Рима; все формы как общественной, так и частной жизни оставались при Теодорихе в такой же мере римскими, в какой они были римскими при (императорах — В.А.) Феодосии и Гонории. Не зря Теодорих носил патрицианское имя Флавиев. С сенатом он обходился с особенным вниманием, хотя светлейшие отцы не принимали уже никакого участия в управлении государством. Сенат представлял собой только средоточие всех высших государственных назначений: каждый, получавший такое назначение, вместе с этим получал и место в сенате. Петронии, Пробы, Фавсты и Павлины из рода Анициев все еще существовали и занимали высшие государственные должности. На сенаторов еще возлагались посольства ко двору в Константинополь; в самом городе на них отчасти еще лежала судебная деятельность по уголовным делам; в ведении сенаторов были и все дела, относившиеся к общественному благоустройству; наконец, сенаторы имели влиятельный голос в выборе папы и в делах, касающихся церкви. Среди собранных Кассиодором эдиктов есть семнадцать посланий Теодориха *ad patres conscripti* (отцам, включенным в списки, т.е. сенаторам — В.А.), написанных в официальном стиле императоров. В этих посланиях царь выражает свое уважение к достоинству сената и говорит о своем намерении охранить и возвысить значение

сената. Совет отцов Рима является, т. о., как бы самой почтенной руиной в городе, которую благочестивый царь варваров старается охранять с такой же заботливостью, с какой он относится к театру Помпея или к Circus Maximus (Большому Цирку — В.А.). Назначая кого-либо в виду его заслуг патрицием, консулом или на какую-либо другую доходную должность, царь (видимо, узурпировавший право делать такие назначения, принадлежавшее только римскому императору — В.А.) в вежливой форме обращался к сенату и просил его принять в свою среду, как товарища, избранного им, царем, кандидата. Титулы должностных лиц Теодориха: *magister officiorum* (магистр оффиций, а по-нашему — премьер-министр, как уже говорилось выше — В.А.), *комит дворцовых войск*, *префект города*, *квестор*, *комит патримония* (доменов — В.А.), *magister scrinii* (начальник государственной канцелярии — В.А.), *comes sacrarum largitionum* (комит казначейства и торговли — В.А.), равно как и приводимые Кассиодором формуляры назначений на должности, — все это показывает нам, что Теодорих сохранил все должности, бывшие при (императоре — В.А.) Константине (I Великом — В.А.) и его преемниках, и старался вернуть этим должностям их значение. Ничего не переменял Теодорих и в римском законодательстве. В интересах обеспечения своего положения в Италии Теодорих как чужеземец должен был облечь военное могущество готов, вторгшихся в Италию, покровом титулов республики и сохранить римлянам их римские законы. **НО ОБОСОБЛЕННОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ ГЕРМАНСКОЙ НАЦИИ МЕЖДУ ЛАТИНЯНАМИ И СРЕДИ РИМСКИХ УСТАНОВЛЕНИЙ ПРИВЕЛО ЕЕ САМОЕ К НЕИЗБЕЖНОЙ ГИБЕЛИ** (выделено нами — В.А.). Нерешительность в деле воссоздания государства и безжизненность политических форм, которые только искусственно поддерживались и сохранялись, как развалины, сделали невозможной гражданскую реорганизацию Италии и лишь послужили на пользу образовавшейся (кафолической римской — В.А.) церкви», которая, по мере прогрессирующего распада государства, постепенно, но последовательно и неуклонно усиливала свое влияние.

ОСТГОТСКИЙ РАГНАРЁК

Тем не менее надо отдать Теодориху Остготскому должное. Он, вопреки всему, предпринял грандиозную попытку осуществить на практике то, о чем иные готские или вандалские владыки не могли даже мечтать. Создать большое и тем не менее достаточно прочное царство в самой привлекательной для завоевателей части «римской» Европы. На Апеннинском полуострове, который жадно манил взоры, но в то же время внушал робость и благоговейное почтение даже разбойничьей душе свирепых предводителей самых диких кочевников. Земли между Медиоланом и Неаполем с древним Римом, являвшиеся вожаделенной целью всех «вооруженных мигрантов» на протяжении многих поколений. Возможно, что у многих — у вестготского царя Алариха, у повелителя вандалов и аланов Гейзериха, у гуннского «царя-батюшки» Атилы, у отважного и умного властителя гепидов Ардариха — тоже хватило бы сил сделать то, что сделал Теодорих, сын Тиудимира. Но всем им не хватало спокойствия, выдержки и понимания необходимости предпочесть рост благосостояния на протяжении долгих лет нескольким неделям походов за добычей.

Итак, при нем максимально приблизилась к реальности мечта, которой особенно охотно предавались немецкие историки эпохи как «Второго рейха» Гогенцоллернов, так и гитлеровского «Третьего рейха». Взиравшие на эпоху Великого переселения народов ретроспективно. Усматривая в ней время упущенных шансов на установление германского господства над Европой. Для его установления было, казалось, рукой подать. Даже в Константинополе германцы занимали сильные позиции, служа главной опорой власти восточноримских императоров. И, по крайней мере, в разгар одного из тяжелейших кризисов Нового Рима его судьба, судьба всей «Ромейской василии», оказалась в руках Мунда (Мундона) — внука гунна Атилы и сестры германца Ардариха, спасшего жизнь и престол императору Юстиниану I в грозные дни царьградского восстания объединившихся против благочестивейшего василевса двух крупнейших цирковых партий — «зеленых» и «голубых» — (вошедшего в историю под названием «Ника», по боевому кличу восставших, означающему по-гречески:

«Побеждай!» или «Победа!»), позволивших лукавому, безжалостному императору Юстиниану заманить себя на цареградский ипподром и перебитых там наемниками автократора (число жертв составило тридцать пять тысяч человек, в три раза превысив число жертв фессалоникийской бойни, учиненной по приказу Феодосия Великого в отместку за гота Бутериха «со товарищи»). Во всей «римской» (официально, вопреки реальности) Европе — от «Ромейской василии» на Балканах до Британии и от Скандинавии до Африки — господствовали германцы, правили «военные цари», постепенно создавшие себе в римских пределах собственные царства. Гейзерих — в Северной Африке, вестготы — в Южной Галлии и Испании, франки — в регионе между центральной Галлией и царством бургундов, остготы при Теодорихе — в пространстве от Италии до Южной Галлии и Альп.

Константинополь и Рим были некими «островами античности» в этом германском «море». И, хотя в остготском царстве Теодориха носить оружие было дозволено лишь готам и их германским вспомогательным отрядам, но оставался римский император в Константинополе, сенат — в Риме, множество высокообразованных древнеримских семейств — хранителей славы и учености былых веков, внуки и правнуки знаменитых ораторов и писателей, которые с представляющимися сегодня нам непостижимыми самоуверенностью и патрицианской гордостью (а если быть точнее — спесью и одновременно — слепотой) упорно противопоставляли единственный казавшийся им важным и существенным мир увядающей античности новому царству, которое «выскачка-полуварвар» из Паннонии, дерзающий равняться себя с «истинными римлянами», создал себе копьями и мечами своих дикарей.

Представителями этих «староримских» сил, не желавших смириться с ходом истории, были — наряду с сенатором Кассиодором, правой рукой Теодориха — многие иерархи православной церкви в Медиолане, Равенне и Риме. А также римская знать, которая, лишенная прямого доступа к политической власти, тем усерднее занималась поддержанием культурных и литературных традиций «Вечного (так сказать, пер дефиниционем) Города на Тибре»: поэт, писатель и географ Постумий Руф Фавст Авиен, (сын консула Фавста), историк, консул и префект Рима Квинт Аврелий Меммий Симмах, философ и богослов Аниций Манлий Торкват Северин Боэций, или Боэтий (сын консула, префекта Рима и префекта претория Флавия Манлия

Боэция) и другие. Стоя между этими двумя непримиримыми мирами, Теодорих смог добиться выдающихся успехов в области внешней политики, в то время как в отношениях с сенатом и римлянами вообще на него, возможно, влияло, давнее предубеждение против литераторов, ученых и ораторов, вовлеченных в эксцессы деградирующей императорской власти. Подчеркиваемое всеми, как древними, так и современными, авторами, враждебное отношение Теодориха, прежде всего, к миру не латинской, а греческой образованности, видимо, возникло в годы, проведенные им заложником на Босфоре (где все латинское последовательно и неуклонно маргинализировалось под напором прогрессирующего «ромейского неозеллинизма»). Во всяком случае, неприятие Теодорихом Отсготским всего греческого не может быть объяснено иначе, с учетом последующих, продиктованных здравым политическим расчетом, решений чрезвычайно умного остготского монарха.

В то же время греконенавистник Теодорих, вполне в духе германских традиций, пытался установить прочные семейные связи с правителями других германских народов. При этом отсылаемым им в соседние государства остготским царевнам надлежало, выходя за рамки чисто брачного союза, добиваться у своих мужей и их подданных понимания, одобрения и поддержки государственной деятельности Теодориха на италийской земле. Именно из соображений государственной пользы, как нам уже известно, высокообразованная дочь остготского царя римской (лишь по названию) Италии — Амалаберга — была отдана в жены царю тунингов Германфриду, а сестра Теодориха — Амалафрида (Амальфрида) — стала супругой царя вандалов Тразимунда. Который, оставаясь на протяжении всей своей жизни добрым другом Теодориха, имел немало заслуг перед Остготской державой.

Насколько верны оставались остготские царевны Теодориху, явствует из судьбы Амалафриды. После смерти своего супруга она так ревностно стремилась сохранить вандало-остготский союз, что Хильдериху, подкупленному Константинополем преемнику ее мужа на вандалском престоле (в чьи руки она попала, несмотря на свое бегство к сопредельным маврам), пришлось уморить сестру Теодориха в темнице. Несколько меньшее значение имели два других дипломатических брака, которые мы здесь упомянем, так сказать, для порядка. От первого брака (или от связи с сожительницей) у Теодориха было две красивые дочери. Одной из них была Теодикода (Феоди-

кода), имевшая и второе (возможно, крестильное) имя Аравагния. Ее супругом стал Аларих II, царь вестготов. Другую дочь Теодориха звали то ли Острогота, то ли Теодогота (Феодогота). Она была отдана в жены царю бургундов Сигмунду. Его опасных соперников — франков — Теодорих пытался примирить со своим бургундским зятем (да и с остготами) тем, что сам женился на Авдофледе (Аудефледе), сестре православного царя франков Хлодвига I из рода Меровингов (пожалованного императором «ромеев» знаками консульского достоинства).

Это была, если угодно, первая попытка добиться общеевропейского мира путем семейной, или брачной, дипломатии, уже тогда оказавшаяся на поверку безуспешной. Впоследствии на британской земле герцог Монмутский сражался за корону со своим единокровным братом королем Иаковом II Стюартом. История итальянского Возрождения прямо-таки переполнена кровавыми схватками между ближайшими родственниками. А распределившиеся по всем европейским престолом отпрыски широко разветвленного дома Габсбургов то и дело воевали друг с другом.

Уже в самом начале своего правления Теодорих находился под сильным давлением упоминавшегося выше племени бургундов, переселившихся на европейский материк почти одновременно с готами (считается, что с острова Борнгольм) и совершившие долгое, кровавое странствие по просторам нашего континента, пострадав по пути и от вандалов, и от римлян, и от гуннов. Воинственные, хотя, казалось бы, совсем недавно чуть не истребленные патрицием Аэцием и гуннами, бургунды основательно опустошили подвластную Теодориху Остготскому северную Италию и ушли, только получив огромный выкуп за освобождение взятой ими «двуногой добычи». Следующими на очереди были франки. Особенно агрессивно расширявшие свои пределы и, благодаря своим победам над бургундами и аллеманами, все ближе подступавшие к готским царствам с центрами в Толосе и Равенне. Представляя для вестготов и остготов все большую угрозу (тем более, что были православными, а не арианами). И при всем при этом за спиной у Теодориха маячил враждебно затаившийся и выжидающий «ромейский» император. Который втайне, с чисто «византийским» коварством, плел паутину связей с католической церковью Италии и со старыми сенаторскими семействами — двумя главными опорами власти царьградских автократов в Остготском царстве.

Трудности, испытанные италийскими остготами в схватках с неожиданно воспрянувшими духом и собравшимися с силами бургундами, были первым тревожным симптомом. В отличие от готов, служивших константинопольским императорам и постоянно участвовавших в боевых действиях (Римская империя постоянно с кем-нибудь да воевала, шла ли речь о врагах внешних или врагах внутренних), целое поколение италийских остготов выросло фактически в отсутствие войны. Увы — остготы разленились без войны. Они все больше утрачивали свои боевые навыки. Как, впрочем, и навыки трудовые. Ибо фактически не обрабатывали выделенную им в Италии землю, отнятую у римских землевладельцев, предпочитая жить на ренту с этой земли, обрабатываемой руками рабов и крепостных крестьян-колоннов. Даже охотились готы не так, как некогда в своих родных лесах и степях, предпочитая загонную охоту, при которой загонщиками выступали те же колонны и рабы, самим же готам оставалось лишь приканчивать загнанных теми зверей стрелами или рогатинами.

В результате последние годы жизни и правления равеннского царя-мудреца прошли под знаком требовавшей от него все больших усилий войны на два фронта: против полуварварских «братьев-германцев» на Севере и Северо-Западе и против тонко интригующего католического духовенства и «староримских» интеллектуалов в собственной стране. Самые знаменитые среди этих «староримлян», осужденных в Ветхом Риме за измену Теодориху Остготскому в 524 г., Аврелий Меммий Симмах и его зять — философ Боэций — конечно, не были совсем уж невиновными. Сегодня их назвали бы «агентами влияния» Царьграда. Боэций, в своей речи (ставшей для него роковой), с древнеримской честностью и прямоотой, признал коллективную вину всего сената в сближении с Константинополем. К тому же он не раз конфликтовал со знатными и могущественными готами, заступаясь за своих римских собратьев. «Сколько раз препятствовал я Конигасту, когда тот намеревался посягнуть на имущество какого-нибудь беззащитного; сколько раз предостерегал Тригвиллу, управляющего царским дворцом от замышлявшегося им или готового свершиться беззакония; сколько раз несчастных, которые постоянно подвергались козням из-за непомерного и безнаказанного корыстолюбия ВАРВАРОВ (выделено нами — В.А.) защищал я от опасностей, пользуясь своей властью! <...> В то время, когда благосостояние провинциалов было погублено как грабежами частных лиц, так и госу-

дарственными податями, я сокрушался не менее тех, кто пострадал. Когда во время жестокого голода принудительные тяжкие и невыполнимые закупки хлеба могли обречь на крайнюю нужду Кампанскую провинцию, я выступил против префекта претория ради общего блага и добился того, чтобы дело было отдано на пересмотр царю (Теодориху — В.А.), вследствие чего закупки не состоялись» («Об утешении философией»). И потому Теодорих, царь, обеспечивший Италии три более-менее мирных, характеризовавшихся определенным ростом благосостояния десятилетия (несмотря на эксцессы, упомянутые Боэцием) — уникам для своего времени — тем не менее, вошел в историю с каиновым клеймом тирана. Конечно, разъяренный воин мог в те времена уничтожать ценности, убивать священников, ученых, женщин и детей, не вызывая особого осуждения современников (на войне как на войне!). Но такому человеку, как великий Теодорих, особенно на склоне лет и в условиях давно упрочившейся власти остготов над Италией, не следовало казнить, по доносу своих фаворитов — «сиятельных мужей» Конигаста (гота), Тригвиллы (гота), Киприана (римлянина) и других — римского мудреца Боэция, мужа праведной жизни и автора уникальных переводов и толкований, стоявшего у истоков средневекового образования.

Правда, безжалостные потомки, ценящие лишь литературное наследие, обязаны этому несчастью позднеримского мыслителя его имеющим непреходящую ценность трудом «Об утешении философией» («Утешение философией»). Который не был бы написан, если бы его автор не был заключен в узилище. Как и удивительная «Книга о разнообразии мира» венецианца Марко Поло, заключенного в генуэзскую тюрьму. Не говоря уже о «Записках из мертвого дома» Фёдора Михайловича Достоевского. Но Теодорих не только бросил в темницу Боэция, Симмаха и других, но и предал их казни. И, возможно, именно эта во многом неадекватная реакция столь великого человека свидетельствует о том, чему, вроде бы, не было явных признаков. О возраставшей год от года слабости остготского народа, продолжающего, несмотря на свою разбросанность по Италии, вести вполне благополучную жизнь, однако давно уже утратившего первоизданную силу и мощь жадно стремящегося к возделенной цели голодного разбойничьего племени...

В 522 г. два сына Боэция были удостоены консульского звания. Это была неслыханная почесть, оказанная императором (Нового) Рима не

только им и их отцу-философу, но и Ветхому Риму. И в то же время — наверняка встревожившая Теодориха демонстрация слишком тесных связей императора Восточного Рима с Западным Римом на Тибре. 523 г. принес с собой обвинение доносчиком Киприаном сенатора и консуляра Альбина в преступной и изменнической переписке с Константинополем, направленной против власти Теодориха. Римский сенат, в защиту которого мужественно выступил Боэций (тоже, кстати, консуляр), малодушно отступился от философа, проявившего в защите сената чрезмерное рвение, как только «запахло жареным». С почти «полагающейся им по должности» трусостью, помноженной на обычную зависть одних интеллектуалов к другим, более обласканным Фортуной, сенаторы, к стыду римского имени, фактически приняли участие в осуждении Боэция на основании древнего, принятого еще во времена республики (правда, в правление жестокого диктатора Луция Корнелия Суллы) закона об оскорблении величества (римского народа). Поэтому не удивительно, что в своей лебединой песне «Об утешении философией» мудрец вовсе не осуждает тирана Теодориха, обречшего его на смерть, и не упражняется в христианском смирении (поскольку выставление напоказ этой добродетели в христианском Риме его времени слишком часто было продиктовано ханжеством и лицемерием). Философ ведь отлично понимал, что раболепствующий перед тираном римский сенат не меньше (если не больше) самого тирана повинен в его, Боэция, гибели: «Меня обвинили в том, что я хотел спасти сенат <...>. Мне поставили в вину то, что я препятствовал клеветнику в представлении документов, которые свидетельствовали бы об оскорблении величества сенатом. <...> Но я желал и никогда не откажусь желать здоровья сенату. Повинюсь ли? Но это будет означать отказ от борьбы с клеветником. Могу ли я назвать преступлением желание спасти сенат? А ВЕДЬ ОН (римский сенат — В.А.) СДЕЛАЛ ВСЕ, ЧТОБЫ СВОИМИ ПОСТАНОВЛЕНИЯМИ, КАСАЮЩИМИСЯ МЕНЯ, ПРЕДСТАВИТЬ ЭТО В КАЧЕСТВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (выделено нами — В.А.) <...>».

Любопытно, что восточный римлянин Прокопий Кесарийский в своей «Войне с готами», написанной с позиций «римского великодержавия», оплакивая трагическую судьбу мучеников Симмаха и Боэция, возлагает вину за их казнь исключительно на «варвара» Теодориха и анонимных доносчиков, ни единым словом не упоминая вины римского сената в осуждении на смерть его же, этого сената, «первых лиц»:

«Симмах и его зять Боэций были оба из старинного патрицианского рода; они были первыми лицами в римском сенате и консулярами. Оба они занимались философией и не меньше всякого другого они отличались справедливостью; многим из своих сограждан и иноземцев они облегчили нужду благодаря своему богатству; этим они достигли высокого уважения, но зато и вызвали зависть у негодных людей. Послушавшись их доносов, Теодорих казнил обоих этих мужей, будто бы пытавшихся совершить государственный переворот, а их состояние конфисковал в пользу государства».

Кстати говоря, из «Утешения философией» явствует, что Боэций не питал ни малейших иллюзий относительно возможности восстановления римской свободы, химерой которой соблазнялись так многие не только до, но и после него: «Нужно ли еще говорить о подложных письмах, на основании которых я был обвинен в том, что надеялся на восстановление римской свободы <...>. **НО НА КАКИЕ ОСТАТКИ СВОБОДЫ МОЖНО БЫЛО ЕЩЕ НАДЕЯТЬСЯ** (выделено нами — В.А.)? О, если бы хоть какая-нибудь (свобода — В.А.) была возможна!» («Об утешении философией»).

На страницах своего предсмертного труда узник Боэций предстает перед читателем фактически не христианином, а язычником. Мудрым, образованным, сдержанным в чувствах проповедником стоических и неоплатонических идей — «взращенным на учениях элеатов и академиков». Чей последний трактат можно с полным основанием рассматривать как погребальную песнь последним отблескам Античного мира:

«Что же, о человек, повергло тебя в такую печаль и исторгло скорбные стенания? Думаю, что ты испытал нечто исключительное и небывалое. Ты полагаешь, что Фортуна переменчива лишь по отношению к тебе? Ошибаешься. Таков ее нрав, являющийся следствием присущей ей природы. Она еще сохранила по отношению к тебе постоянства больше, чем свойственно ее изменчивому характеру. Она была такой же, когда расточала тебе свои ласки и когда, резвясь, соблазняла тебя приманкой счастья. Ты разгадал, что у слепого божества два лица, ведь еще прежде, когда суть его была скрыта от других, оно стало полностью ясным для тебя. Если ты одобряешь его обычаи, не жалуйся. Если же его вероломство ужасает [тебя], презри и оттолкни то, которое ведет губительную игру: ведь именно теперь то, что является для тебя причиной такой печали, должно и успокоить» («Об утешении философией»).

Примечательно в этом утешении Боэцием (от имени Философии) самого себя то, что и остготский царь все еще римской, по названию, Италии, приговоривший римского сановного философа к смерти, мог бы воспользоваться этим утешением для самого себя. И, вероятно, в последние месяцы правления и жизни мог бы не в меньшей мере, чем Боэций, счесть играющее человеческими судьбами божество слепым. Один за другим умерли верные и мудрые советники Теодориха, причем именно тогда, когда он в них особенно нуждался. Умер Тразамунд, обладавший сильным характером и тесно, связанный с Теодорихом родственными узами вандалский царь. Умер умный и образованный царь, чей господствовавший в Средиземном море флот избавлял остготского царя от необходимости строить собственный флот (обстоятельство, в скором времени оказавшееся для остготов роковым). Ибо в случае угрозы Корсике, Сардинии или Сицилии можно было призвать на помощь флот вандалов. И, наконец, умер Евтарих, зять и заранее признанный Восточным Римом в качестве законного преемника Теодориха отпрыск рода Амалов (и таким образом — прямой потомок Германариха). Который, правда, прельстился блеском римской культуры, но оставался готом до мозга костей. Любитель роскоши, но храбрый воин, обещавший стать могущественным владыкой. А вот его сын Аталарих, внук Теодориха, был слишком мягок. Он был воспитан так, как если бы готовился к роли нового Боэция. И это в пору, когда остготский народ особенно нуждался, для упрочения своей власти над покоренными землями, не просто в новом Теодорихе, но в сверх-Теодорихе (если можно так выразиться).

30 августа 526 г. почил в Бозе остготский царь и римский консул, «вир иллюстрис» («сиятельный муж») Теодорих Великий, победитель царя сарматов Бабая, узурпатора Василиска, непокорного Страбона, гунноскира Одоакра, «столп империи» и прочая и прочая. Сын племенного вождя беспокойного нрава и его красавицы-возлюбленной, отличавшейся притом большим умом, хотя и темного происхождения. Умер правитель двух народов, уживавшихся до поры-до времени в границах одного царства-химеры, чья внутренняя сила истощилась в ходе проведения им своеобразной «политики апартеида». Не следовало ему, на протяжении почти сорока лет, с одной стороны — превращать всех подвластных ему италийских готов в воинов, не допущенных к занятию гражданских управленческих должностей, а, с другой стороны — не допускать подвластных ему

италийских римлян до военной службы. Это разделение неизбежно создало смертельно глубокую пропасть между его готскими и римскими подданными.

Когда Константинополю удалось, усилиями энергичного, коварного и беззастенчивого в средствах, но одновременно, в случае необходимости, готового к уступкам или компромиссам, императора Юстиниана I, уладить церковные разногласия между Новым и Ветхим Римом, Равенна оказалась в изоляции. Господство исповедуемой остготами арианской веры в условиях численного превосходства православных италийцев, созрело для падения не в меньшей степени, чем военно-политическое господство остготов над этими италийцами. Задуманного Теодорихом симбиоза двух народов, вер, культур не получилось. И только чудом можно объяснить тот факт, что лишь через примерно тридцать лет после смерти Теодориха Великого целому ряду храбрых остготских царей довелось героически пасть на боевом посту, не в силах противопоставить натиску объединенных войск «Василии Ромеон» и восставших в тылу у остготов (хоть и не повсеместно) италийцев (не подозревавших, в своем умело подготовленном имперской пропагандой «антиварварском порыве», что за судьбу готовит им на деле им брошенная на Италию Юстинианом I «армия-освободительница») ничего, кроме покорности судьбе и мужества отчаяния.

Имена и судьбы Амаласунты, Витигиса, Ильдебада, Эрариха, Тотилы, Тейи и других, их подвиги и злодеяния в годы этой подробно описанной Прокопием и другими хронистами Готской войны достаточно хорошо известны. Об этой войне можно было бы написать отдельную книгу (хотя это еще в VI в. с блеском сделал Прокопий Кесарийский).

Поэтому мы рисуем ее здесь лишь в самых общих чертах.

Считается, что Теодорих правил тридцать три года. По другим данным, его правление длилось даже дольше — тридцать семь лет. Историки не едины в точке отсчета времени царствования сына Тидимира. За менее чем тридцать лет, прошедших со дня его смерти в 526 г. до гибели на поле брани царя Тейи и последних остготов в 533 г., у италийских готов сменилось не менее пяти царей. Начиная с молодого Атанариха, которому на смену пришел Теодахад. Оба они не смогли отвратить приговор, вынесенный остготскому царству в Царьграде. Затем пришел черед трёх отважных остготских царей-ратоборцев — Витигиса (Витигеса), Тотилы (Бадвилы) и Тейаса

(Тейи). В них как бы воплотился ещё один всплеск остготской мощи, храбрости и силы, что просто удивительно, после более-менее сытного и зажиточного существования остготов, успевших, как уже говорилось выше, обрасти жирком на протяжении жизни целого поколения и, вроде бы, утративших волю к сопротивлению, особенно на первом этапе вероломного, без объявления войны, вторжения «ромеев». Хотя готам и не суждено было одержать окончательную победу, но из-за переменчивости военного счастья в ходе «ромейско»-готской войны даже умные и расчётливые стратеги императора Юстиниана — Велизарий, Мунд, Нарзес, Юстин и прочие — не смогли бы добиться успеха перед лицом ярости и мужества остготов... если бы в войну на стороне «ромеев» не вмешались другие германские племена. В первую очередь — герулы-эрулы (давно уже искавшие случая свести старые счёты с остготами), а также отборные части гепидов. Именно гепидским копьём был сражён остготский царь Тотила. Победу же «ромеев» в битве при Тагине обеспечили тысячи остервенело дравшихся в римских рядах против остготов, прибывших в Италию герульских «федератов».

После смерти Теодориха Остготского католическое духовенство Второго и Первого Рима тотчас же начало сочинять об усопшем легенды с двусмысленным (а чаще — недвусмысленным) политическим подтекстом, весьма популярным как в близившуюся к своему завершению эпоху Античности, так и в начинающуюся эпоху Средневековья. Одна из них дошла до нас в изложении Прокопия Кесарийского. Когда Теодорих обедал несколько дней спустя после казни Симмаха и Боэция, слуги подали ему на блюде голову какой-то крупной рыбы. Теодориху почудилось, что это — голова недавно казнённого им Симмаха. Так как нижняя губа у неё была прокушена зубами, а глаза её смотрели грозно и сурово, то она показалась ему очень похожей на угрожающую. Испуганный таким зловещим чудом, Теодорих весь похолодел и стремительно ушёл в свои покои к себе на ложе; велел покрыть себя многими одеждами, он старался успокоиться. Затем, рассказав всё, что с ним случилось своему врачу Эльпидию, он стал оплакивать свой ошибочный и несправедливый поступок по отношению к Симмаху и Боэцию. Раскаившись в таком своём поступке и глубоко подавленный горем, он умер немного времени спустя, совершив этот первый и последний проступок по отношению к своим подданным, так как он вынес решение против обоих этих мужей, не рассле-

довав дела со всей тщательностью, как он обычно это делал. Столь же ясен и подтекст другой истории. Некий отшельник, спасавшийся на одном из Липарских островов в Тирренском море, после смерти царя остготов, якобы узрел его (дух? душу?) несущимся по небу. С одной стороны (дух? душу?) Теодориха поддерживал дух Симмаха, с другой — дух Боэция (надо думать, отшельник знал всех троих в лицо). Духи двух праведников доставили (дух? душу?) царя (которого многие считали их убийцей, несмотря на казнь святых мужей по указу РИМСКОГО СЕНАТА) прямоком в преисподнюю (вход в которую — адская пасть — находился, по античным представлениям, в жерле сицилийского вулкана Этна; пустынный, видевший все это с Липарских островов, надо думать, обладал особо острым зрением)...

Но готы (включая, как это ни удивительно, оставшихся на их скандинавской прародине и потому не просвещённых светом Христианской веры) сохранили о Теодорихе Великом благоговейную память, как о богоравном герое, в духе своих исконных дохристианских представлений. Часть датируемой примерно 825 г. п. Р.Х. рунической надписи на т.н. Рёкском рунном камне, найденном в шведской провинции Эстергётланд («Земля восточных готв»), касающаяся вошедшего в германский эпос величайшего остготского царя, гласит:

Теодорих храбрый, царь морских воинов,
 Во время оно правил на сих берегах,
 Ныне он восседает, во всеоружии, на своем готском (коне — В.А.),
 Первый среди героев (Валгаллы — В.А.), со щитом на ремне.

Приведём, для сравнения, вариант перевода той же самой рунической надписи, опубликованный В.Б. Егоровым в его уже цитировавшемся нами выше исследовании «Русь и снова Русь», со ссылкой на книгу известного отечественного археолога Глеба Сергеевича Лебедева «Русь и чудь, варяги и готы (итоги и перспективы изучения славяно-скандинавских отношений)»:

Правил Тьодрик дерзновенный
 Вождь морских воев берега Рейд-моря (Hraid-mara — В.А.)
 Сидит снаряженный на скакуне своем
 Щит раскрашенный защитник Мерингов.

В первые годы после смерти Теодориха Великого в царстве остготов царил внешний и внутренний мир. Остготское войско, несмотря

на прогрессирующее разложение германских покорителей Италии, было еще вполне боеспособным, особенно если его вел в бой опытный и решительный полководец. В 530 г. была сорвана попытка гепидов завладеть готской Сирмийской Паннонией. Отбросив и преследуя гепидов, готский военачальник Витигис (будущий царь Италии) слишком глубоко проник на восточно-римскую территорию, захватив «ромейский» город Грациану в Верхней Мезии. Пять лет спустя, в 535 г., это нарушение границы послужило императору Флавию Юстиниану I, зорко следившему за всем происходящим с берегов Босфора, одним из предлогов для начала полномасштабной агрессии против царства остготов.

Однако не этот пограничный инцидент и не упомянутые выше фантастические рассказы (своего рода «черный пиар» в тогдашнем стиле) послужили официальным поводом к «ромейско»-остготской войне за Италию. А печальная история Амаласунты. Дочери Теодориха и упомянутой выше Авдофледы — сестры франкского царя Хлодвига I. Единственного из тогдашних германских царей, придерживавшихся не арианского, а православного варианта христианства. Что роднило франков с православными (к тому времени) «ромеями». Видимо, Авдофледа тоже была воспитана в католической вере и воспитала в ней дочь. В своем непреодолимом увлечении всем римским, «ромейским», царьградским, античным, классическим, Амаласунта (Амалазунта, Амаласвинта), опираясь на римский сенат, при удобном случае устранила своих готских соперников. Свободно владевшая латынью и греческим, православная царица италийских готов, культурная и просвещенная монархиня, романофилка и филэллинка, во всех вопросах своего правления руководствовалась советами Кассиодора. Покровительствовала римлянам. Вернула конфискованные имения сыновьям Симмаха и Боэция. И даже снабдила всем необходимым (вплоть до лошадей и фуража) «ромейскую» морскую экспедицию Флавия Велизария, смирителя надменных персов и усмирителя восставших жителей Царьграда, посланного императором Юстинианом I «вернуть в лоно империи римлян» захваченную вандалами (и прикнувшими к ним аланами) римскую Африку (в то время как вестготский царь Испании Теудис, несмотря на франкскую военную угрозу, нашел возможность поддержать вандалов в отражении «римской» агрессии).

Вообще судьба вандалов, обосновавшихся при Гейзерихе в римской Африке (вот откуда взялись темнокожие воины Гензериха в белых бурнуссах на живописном полотне Брюллова, столь поразившем в свое время детское воображение автора этих строк!) оказалась крайне незавидной. «Ромеи» отомстили им, так сказать, по полной. Мечь их вандалам за опустошение «Вечного Города» на Тибре в 455 г., в ходе которого погиб жалкой смертью труса западно-римский император-интриган Петроний Максим, и за прочие «грехи» перед Римской кафолической империей и церковью носила двоякий характер. С одной стороны, вандалы были подвергнуты «благочестивыми ромеями» почти поголовному физическому истреблению. С другой стороны, безжалостные победители постарались навсегда очернить память о фактически стертых ими с лица земли вандалах, наложив на тех в сознании потомства (вплоть до наших с вами современников) неизгладимое клеймо сознательных врагов культуры и цивилизации. «Настойчивая имперско-христианская (кафолическая — В.А.) пропаганда — вандалы были схизматиками (еретиками — В.А.)-арианами — сообщает невероятные подробности ограбления Рима (вандалами при Гейзерихе — В.А.). Например, вандалы были настолько дики, что сняли с римских крыш позолоченную черепицу, сочтя ее чистым золотом и т.п. Все это, доверчиво воспринятое буржуазной историографией, сделало нарицательным, наряду с гуннами (а заодно — и с «безбожными готами» — В.А.), варварами, племенное название храброго народа. но те же самые источники изображают высокий уровень экономики и богатство вандальского государства. А через несколько лет после возвращения «в лоно империи» Северо-Западная Африка являет страшную картину разрухи: оросительные каналы разрушены, поля засохли, сады погибли или вырублены, население исчезло. Таков был результат освобождения от вандализма» (В.Д. Иванов. «Русь Изначальная»). Впрочем, довольно об этом...

После смерти своего воспитанного скорее для ученых трудов, чем для царского правления, единственного сына Аталариха, Амаласунта предназначила остготам в цари своего племянника Теодахада (Феодагада, Теодата, Феодата). Этот столь же высокообразованный малодушный «слабак», впадавший в дрожь и чуть ли не падавший ниц перед любым посланцем «земного бога» из Константинополя, не был намерен делить власть над Италией со своей тетушкой-романофилкой. Но ему и не хватало мужества убраться с дороги. Поэтому он сослал

ее на остров Мартану посреди озера Больсена. На этом уединенном острове Амаласунта, лишенная всякой помощи и поддержки, стала легкой добычей для своих готских «кровников». Сородичи готских сановников и полководцев, лишенных по ее приказу жизни или власти, покончили с Амаласунтой 30 апреля 535 г., удушив ее горячим паром в бане (как подручные императора Константина I — его жену императрицу Фавсту, дочь свирепого гонителя Христовой веры августа Геркулия Максимиана). Или же в одной бане утопив.

Поскольку же убитая с полным на то основанием считалась стонницей и «агенткой влияния» восточноримского двора, опорой политики императора Юстиниана I в Италии, её убийство дало благоверному василевсу официальный повод двинуть на Италию (официально считавшуюся подвластной ему, «императору римлян», и лишь находящейся под управлением его, «императора римлян», остготских союзников) карательную экспедицию «с целью восстановления попорченной справедливости». Направившему в Новый Рим дипломатическую ноту царю персов, требовавшему от самодержца «новых римлян» разъяснений, благочестивый император повелел, «со всею римской прямою», ответить «варвару»: **ВИНОВНИКОМ ВОЙНЫ ЯВЛЯЕТСЯ НЕ ТОТ, КТО ЕЁ НАЧАЛ, А ТОТ, КТО ВЫНУДИЛ ЕГО ЕЁ НАЧАТЬ**. Так началась последняя, роковая глава остготской истории. Битвы, осады, вылазки, прорывы, долгое и кажущееся порой беспечным маневрирование даже таких опытных полководцев, как Флавий Велитарий (лишь однажды потерпевший в своей жизни поражение), кажущееся порой непонятным милосердие даже таких суровых воинов, как царь Тотила...

Официально война Юстиниана с италийскими остготами началась летом 535 г. Но ей предшествовала своеобразная «разведка боем». В 530 г. п. Р.Х. науськиваемые ромеями гепиды и герулы при участии внука Атилы Мундона (Мунда, дослужившегося впоследствии до восточноримского магистра конницы) напали на остготский Сирмий. С ходу захватить его не удалось, боевые действия затянулись, но в 535 г. Сирмий был все-таки взят (хотя уже регулярными войсками Юстиниана). Плененные «ромеями» остготы были, вместе с семьями, депортированы в «римскую» Тавриду. По мнению отечественного археолога Михаила Михайловича Казанского, их депортация могла стать причиной появления в Северном Причерноморье, в Крыму, в особенности на Боспоре Киммерийском, элементов остготской ма-

териальной культуры (поясных пряжек, застежек фибул и предметов женского убора, характерных для итало-остготского костюма).

О заметно усилившейся в результате военных реформ, начатых еще энергичным василевсом Маркианом (не побоявшимся бросить вызов самому «Бичу Божьему» Атилле) восточноримской армии, с которой остготам пришлось столкнуться в Италии, британский военный историк сэр Бэзил Генри Лиддел Гарт писал:

«Ко времени Юстиниана и Велизария основной род (восточноримских — В.А.) войск составляла тяжелая конница, воины которой были вооружены луком и пикой и закованы в латы. Толчком к этому, очевидно, было стремление сочетать в одном вымуштрованном воине подвижную стрелковую и ударную мощь. Эти качества соответственно были присущи в отдельности конным лучникам в войсках гуннов и персов и готским кавалеристам, вооруженным пикой. Эта тяжелая конница (по-гречески: «катафрактарии», или «катафракты», т.е. «защищенные» — В.А.) дополнялась легкой, укомплектованной лучниками <...> Пехота также делилась на два типа: легкую и тяжелую, но последняя с ее тяжелыми копьями и плотными боевыми порядками использовалась только в качестве надежной опоры, вокруг которой конница могла маневрировать в бою» («Стратегия непрямых действий»).

В центре боевых действий снова оказались Рим на Тибре и Равенна. При этом Рим было тяжело оборонять, но легко морить голодом и брать приступом. В то время как за стенами Равенны неизменно находил убежище тот, кто был слабее на поле брани. «Ромеи» отсиживались в Равенне в моменты, когда остготы добивались военного превосходства в Италии. А остготы — в моменты, когда восточным римлянам удавалось захватить остальные италийские города и земли. Как будто бы противники на время уступали друг другу эту мощную крепость «для передышки». Происходили, впрочем, и еще более странные вещи. Храбрейший гот, далеко уже не молодой, но несломленный духом боец Витигис (Витигес, Витигез), после бесчисленных сражений «дал слабину» под стенами Рима. И даже не сумел сомкнуть вокруг Города кольцо осады, не перерезав Тибрскую дорогу, ведущую к морю, откуда римляне могли получать подкрепления, провизию и все, что помогало им выдерживать осаду. А Тотила — рожденный царствовать военный гений, молниеносно восстанавливавший боеспособность остготского войска даже после тяжелейших пораже-

ний — попав в огромный «Вечный Град» на Тибре, передвигался по нему, словно сомнамбула или лунатик, не используя неожиданно доставшийся ему подарок судьбы. Мало того! Казалось, память о вреде, причиненным римским сенатом Теодориху, вселила в него суеверный, непреодолимый страх перед Городом и римлянами. Поэтому Тотила повелел, перед своим вступлением в Первый Рим декабрьским утром 456 г., « всю ночь трубить в тубы (военные трубы — В.А.), чтобы дать римлянам время убежать из Города ». Правда, первыми из « царственного града » убежали не собственно римляне, а воины греческого гарнизона, присланного защищать Ветхий Рим из Рима Нового. Во время осады эти измельчавшие « потомки Ахилла, Агамемнона и Леоноида » наживались на царившем в отданном под их защиту Риме голоде, продавая римлянам часть своего солдатского пайка втридорога, за золото и драгоценности (как же много римляне успели награбить по всей Экумене, если после стольких « варварских » набегов в Риме еще оставались запасы « презренного металла »!)... Лишь после того, как все убежали или укрылись в церквях, поздно наступившим утром 17 декабря, остготы вступили в опустевший Город.

« Готы, проникнув наконец в город, вокруг которого их народ лежал еще в свежих могилах, имели основания отжаться беспощадной мести; но совершенно опустелый Рим уже не мог дать пищи для их ненависти, а бедствия его были так велики, что он должен был вызвать сострадание к себе даже в бесчеловечных варварах. И желание мести у готов было удовлетворено тем, что они изрубили 26 греческих солдат и 60 римлян из народа, а Тотила, скорее подавленный тяжелым зрелищем, чем счастливый, поспешил принести свою первую благодарственную молитву у гроба апостола (Петра — В.А.). На ступенях базилики победителя встретил дьякон (православный — В.А.) Пелагий, с Евангелием в руках, и сказал: « Государь, пощади нас, твоих людей! » Тотила заметил пастырю: « Так ты обращаешься ко мне с мольбою, Пелагий? » Пелагий ответил: « Бог сделал меня твоим слугой, и ты, государь, пощади твоих слуг ». Юный герой утешил павшего духом Пелагия, поручившись ему, что готы не будут убивать римлян; но несчастный город был отдан в добычу воинам, которые этого требовали. Разграбление Рима было произведено без кровопролития: дома были покинуты, и никто не мешал грабить их. Город уже не был теперь так богат, как во времена Алариха, Гензериха или даже Рицимера; старинные дворцы древних родов большей частью стояли

уже давно пустые, и только в немногих из них сохранялись еще произведения искусств и ценные библиотеки. В домах патрициев, однако, можно было найти кое-какую добычу, а во дворце цезарей в руки царя готов попали все те кучи золота, которые копил там Вессас (Бесс — «ромейский» комендант Рима на Тибре, вовремя спасшийся бегством — В.А.). Те патриции, которые были найдены во дворцах, были все пощажены; они возбуждали к себе глубокое сострадание: одетые в изодранные платья рабов, они бродили от дома к дому и молили своего врага именем Бога дать им кусок хлеба. В таком же жалком виде готы нашли женщину, которая принадлежала к высокому роду и более, чем кто-нибудь, заслуживала сожаления; то была Рустичиана, дочь Симмаха и вдова Бозтия (Бозция — В.А.). Во время осады она раздала свое имущество, чтобы сколько-нибудь смягчить общую нужду, и теперь, на склоне своей жизни, полной лишений, благородной матроне не приходилось краснеть, когда она, как нищая, должна была просить о куске хлеба и вызывала слезы участия к себе. Готы указывали друг другу на эту женщину, с горечью вспоминая, что она из мести за смерть отца и мужа приказала свергнуть статуи Теодориха, и требовали, чтоб она была предана смерти (примечательно, что мысль о том, чтобы самим, на месте, взять да и расправиться со своей давней ненавистницей, похоже, и не приходила в голову «бесчеловечным готским варварам»! — В.А.). Но Тотила отнесся с глубоким почтением к дочери и жене граждан, прославивших себя доблестью, и охранил от оскорблений и ее, и всех других римлянок. Его милосердие ко всем без различия было так велико, что он возбудил к себе изумление и любовь даже у врагов, и о нем говорили, что он поступал с римлянами, как отец со своими детьми». (Грегоровиус. «История города Рима в Средние века»).

Восторг, с которым большинство историков (в первую очередь, по вполне понятным причинам — скандинавских и немецких) прославляет доблесть «опоздавшего родиться» благородного Тотилы, основан, прежде всего, на хвалебных гимнах, сложенных в честь готского царя-воителя на страницах «Войны с готами» восточным римлянином Прокопием — историкам враждебной готам стороны. И в самом деле — есть нечто достойное восхищения в том, как готский народ, после бездеятельного и трусливого Теодата, злосчастного Витигиса и двух узурпаторов — Ильдибада (Ильдивада) и Эрариха — снова воспрянул духом. Причем почти внезапно, после периода мрачной

подавленности, овладевшей остготами в связи с гибелью их последнего великого царя (а убивший бесталанного Теодата храбрый Витигис, несомненно, был великим царем, несмотря на свое поражение). Когда оставшиеся без предводителя остготы то тут, то там искали себе нового вождя, они нашли в Ильдибаде (родиче вестготского царя Испании Теудиса, на чью помощь надеялись остготы) только предприимчивость, бешенство, энергию, жестокость и злонравие (как оказалось — самоубийственное). Ибо остгот, во время пира отрубивший Ильдибаду голову, покотившуюся по столу, был царским телохранителем. Обиженным на Ильдибада, отказавшего ему в руке приглянувшейся ему девушки и выдавшего ее замуж за другого, по своему собственному усмотрению. Тотила, предводительствовавший остготскими войсками в Тарвисии (Тарвизионе), на северо-восточном участке италийской границы, прилегавшей к Норрику, не побоялся принять на себя ответственность, связанную с царской властью, предложенной ему в столь грозный для остготов час. Однако согласился принять ее лишь на заранее оговоренных условиях, как то и подобало доблестному мужу, знающему себе цену. Тотила потребовал от готов предварительно устранить Эрариха — не только не Амала, но и вообще не остгота, а иноплеменника-руга, нагло затесавшегося в ряды готской знати и дерзновенно посягнувшего на наследие Ильдибада. Требование молодого царевича было выполнено. Остготы убили Эрариха. В 541 году Тотила, всего через несколько месяцев после смерти своего дяди Ильдибада, стал царем остготов. За два года он отвоевал у «ромеев» захваченные консуляром Велизарием италийские земли. Вся Италия, кроме Равенны, снова стала остготской. Мало того! Тотила завоевал даже острова, принадлежавшие вандалам и отнятые у тех восточными римлянами — Корсику, Сардинию и Сицилию. Как будто забыв о былом бессилии остготов на море.

Впрочем, Прокопий особенно восхваляет даже не военную доблесть, а человечность Тотилы. Гуманность этого молодого «варвара» — несомненно, глубоко верующего христианина -, взявшего на себя всю тяжесть борьбы с «Ромейской василией» в столь безнадежной для остготов ситуации, что, вообще-то, никто не стал бы требовать от него особого великодушия. Когда в захваченном остготами Неаполе готский воин изнасиловал девушку-римлянку, несмотря на ее сопротивление, его боевые соратники тщетно умоляли Тотилу о милосердии. Насильник, забывшийся лишь один-единственный

раз в жизни, был казнен. При этом Тотила пояснил, что готы сами виноваты в обрушившихся на них несчастьях, забыв, в правление безнравственного Теодата, о добродетели ради золота и наслаждений, чем и навлекли на себя гнев Бога. Господа-Фрауйи, даровавшего им в свое время победу над римлянами, повинными в тех же грехах. Когда умирающие от голода неаполитанцы были вынуждены открыть остготам городские ворота, Тотила нашел время позаботиться о том, чтобы их осторожно, не вредя здоровью изголодавшихся, приучали к вновь появившейся у них еде. И позволил им беспрепятственно уйти из Неаполя в Рим. Интересно, оценили ли неаполитанцы поступок царя «готских варваров», накормивших и отпустивших с миром врагов, даже не взяв с них обещания впредь не поднимать на него оружия. А впрочем, много ли стоили подобные обещания в то жестокое время (вспомним хотя бы историю Одоакра и Теодориха)...

Поэтому — возвращаясь к вопросу о Тотиле в Ветхом Риме — ни в коем случае не стоит причислять Тотилу к разрушителям и разорителям «Вечного Города» на Тибре и считать Первый Рим его жертвой. Тотила приказал снести треть городских укреплений, это верно. Но он сделал это, опасаясь новых морских десантов «ромеев». И потому сравнивал с землей, к примеру, также город Беневент. Однако же сам город Рим остготский царь не тронул. А лишь приказал, в силу известных лишь ему причин, выселить всех, кто еще оставался в стенах «царственного города». Уцелевших римских сенаторов Тотила взял с собой, а прочих римских граждан с женами и детьми расселил по кампанским селениям. Никому не было позволено остаться в Риме. Остготский царь ушел из Ветхого Рима, не оставив в нем ни единого человека. Правда, через сорок дней римляне стали понемногу возвращаться в опустелый и опустошённый град на Тибре, встречая там кое-кого из отсидевшихся от готов в укромных уголках сограждан. Но черты прежней метрополии Первый Рим стал вновь обретать лишь при папе Мартине V из рода Колонна (1368–1431). А до того меланхоличные крестьяне пасти своих коров на Форуме, среди полуразрушенных остатков римского величия. Которое было и былшем поросло... И посещавший «Вечный Город» иностранец изумленно спрашивал себя: «...где же огромный древний Рим? <...> мало-помалу из тесных переулков начинает выдвигаться древний Рим, где темной аркой, где мраморным карнизом, вделанным в стену, где порфировой потемневшей колонной, где

фронтоном посреди вонючего рыбного рынка, где целым портиком перед старинной церковью, и, наконец, далеко, там, где оканчивается вовсе живущий город, громадно воздымается он среди тысячелетних плющей, алоэ и открытых равнин необъятным Колизеем, триумфальными арками, останками необозримых цезарских дворцов, императорскими банями, храмами, гробницами, разнесенными по полям; и уже не видит иноземец нынешних тесных его улиц и переулков, весь объятый древним миром: в памяти его восстают колоссальные образы цезарей; криками и плесками древней толпы поражается ухо <...> Ему нравились <...> эти признаки людной столицы и пустыни вместе: дворец, колонны, трава, дикие кусты, бегущие по стенам, трепещущий рынок среди темных, молчаливых, заслоненных снизу громад, живой крик рыбного продавца у портика <...> идиллия среди города: отдохавшее стадо козлов на уличной мостовой <...> и какое-то невидимое присутствие на всем ясной, торжественной тишины, обнимавшей человека... И там, на дряхлеющей стене, еще дивит готовый исчезнуть фреск. И там, на вознесенных мраморах и столпах, набранных из древних языческих храмов, блещет неувядаемой кистью плафон <...> Прекрасны были эти немые пустынные римские поля, усеянные останками древних храмов, <...> по ним еще виднелись там и там разбросанные гробницы и арки, потом они сквозили уже светлой желтизною в радужных оттенках света, едва выказывая древние остатки <...>. Но <...> чуял он другим, высшим чутьем, что не умерла Италия, что слышится ее неотразимое вечное владычество над всем миром, что вечно веет над нею ее великий гений, уже в самом начале завязавший в груди ее судьбу Европы, внесший крест в европейские темные леса, захвативший гражданским багром на дальнем краю их дикообразного человека, закипевший здесь впервые всемирной торговлей, хитрой политикой и сложностью гражданских пружин, вознесшийся потом всем блеском ума, венчавший чело свое святым венцом поэзии и, когда уже политическое влияние Италии стало исчезать, развернувшийся над миром торжественными дивами — искусствами, подарившими человеку неведомые наслажденья и божественные чувства, которые дотоле не подымались из лона души его <...>. Притом здесь, в Риме, не слышалось что-то умершее; в самых развалинах и великолепной бедности Рима не было того томительного, проникающего чувства, которым объемлется невольно человек, созерцающий памятники за-

живо умирающей нации. Тут противоположное чувство; тут ясное, торжественное спокойство. И <...> он <...> стал подозревать какое-то таинственное значение в слове «вечный Рим» (Н.В. Гоголь. «Рим»).

Граница между фронтами невиданно разорительной и губительной для многострадальной Италии вот уже восемнадцатилетней войны за ее «освобождение от власти варваров римскими братьями с Востока» постепенно становилась все более призрачной. «Готы приходят — грабят, римляне приходят — грабят»... Прокопий, хорошо знавший своих соотечественников, писал, что, если готы отняли у римлян недвижимость, землю, то римское имперское правительство и его войска — движимость. Торгашеский дух греков оказался куда сильнее чувства ответственности за ввергнутых охваченным римскими великодержавными амбициями императором Юстинианом в страдания и беды коренных жителей Италии, которую Восточная империя, «Ромейская василия», включила (или пыталась включить) в свой состав (не забывая взыскивать с «освобожденных, наконец-то воссоединённых снова и навеки с Римским Отечеством» италийцев недоимки, накопившиеся за десятилетия их пребывания де-факто вне пределов досягаемости щупалец константинопольской налоговой системы). Стоило готам подступить к воротам италийского города, его «ромейский» комендант первым делом повышал в вверенном его защите городе цены на хлеб (бывало, что раз в десять). Только имперский полководец Флавий Велизарий, ведший почти аскетический образ жизни, несмотря на свое огромное богатство (а может быть — именно благодаря этому богатству), не был замечен в попытках нажиться таким образом на беде своих новых «сограждан, вызволенных доблестными императорскими войсками из-под варварского ига». Прокопий, похоже, даже несколько обескураженный подобным бескорытием славного консуляра, сообщает, как о величайшей добродетели, что Велизарий не посягал даже на пленённых жен и дочерей готов и ругов, среди которых были «красивейшие женщины из виданных когда-либо в Европе». Думается, Прокопию можно верить. С учетом того обстоятельства, что Велизарий отказался даже от царской порфиры и власти над Италией, предложенной ему остготами в случае перехода избалованного военной славой консуляра на их сторону. Возможно, подлинно «последним римлянином» был вовсе не Флавий Аэций, а другой Флавий — Велизарий?

С этим хладнокровным и неподкупным «ромейским» стратегом и сошелся в смертельной схватке Тотила, желавший любой ценой удержать за остготами уже почти отвоеванную ими у «римлян» Италию. Ему удалось вплотную приблизиться к этой цели, повторно взяв Ветхий Рим в 549 г. К тому же Велизарий — «мастер стратегии непрямых действий» (так его аттестовал сэр Бэзил Генри Лиддел Гарт) — был отозван недовольным его все возрастающей популярностью в войсках благочестивым императором в Константинополь. А оттуда — переброшен на «восточный фронт», против извечных врагов римлян — персов, дабы отучить их совать свои длинные арийские носы в «ромейские» дела. Причем лучшими воинами Велизария в сражениях с персами, согласно труду Лиддел Гарта «Стратегия», были мавры, вандалы и... готы (часть которых, видимо, предпочла гибели и изгнанию неведомо куда службу под «ромейскими» знаменами). А новым главнокомандующим армией «ромеев» в активно «освобождаемой» ими Италии василевс Юстиниан назначил внука Нарзеса. Этот будущий победитель Амала Тотилы был армянином по происхождению (как и будущий победитель «нашего Амала» Святослава Киевского — василевс Иоанн I Цимисхий). Нарзес (Нерсес), прекрасно понимавший сложность обстановки, согласился принять эту должность лишь при условии предоставления ему многочисленного и хорошо вооружённого войска (в отличие от Велизария, который вынужден был обходиться в Италии весьма малыми силами — Юстиниан завидовал его военным лаврам и, возможно, опасался чрезмерного усиления своего слишком одарённого военачальника).

Нарзесу приписывают изречение, что в сапог влезают сверху. Поэтому царьградский полководец, наконец, возглавив предоставленное ему отборное войско, прошел вдоль побережья Адриатики и, вступив в Италию с севера, сверху, ударил по остготам, оттесняя их на юг Апеннинского полуострова, вниз по голенищу сапога, к его носку, подошве, каблuku. Впрочем, согласно «Византийским штудиям» Гфёфера, Нарзес, произнося свое крылатое изречение (если только он его действительно произносил), так сказать, сделал из нужды добродетель: Восточная Римская империя настолько запустила свой военный флот, что доблестным «ромеям» просто не хватило кораблей для переправы двенадцати тысяч отборных воинов Нарзеса с лошадьми, вооружением, провизией и фуражом, осадной техникой и прочим в южную Италию. Поэтому Нарзесу и пришлось идти в Италию по

гиблым малярийным болотам через Аквилею. Видимо, уже восстановленную после разорения гуннами Аттилы. Иначе ее не пришлось бы разрушать, в очередной раз, следующим, после остготов и «ромеев», завоевателям — лангобардам (или, по-гречески, лонгивардам), вторгшимися в Италию, только что очищенную восточными римлянами от остготов, в 568 г., и давшим Северной Италии название «Ломбардия». Но до этого было еще далеко. Пока что лангобардские «федераты», щедро оплачиваемые «ромейским» золотом, выжатым имперскими налоговиками из благодарных и покорных подданных благочестивого Юстиниана, сражались в армии Нарзеса за возвращение Италии в лоно Римской империи.

Воины Нарзеса, включая вспомогательные контингенты, присоединившиеся к «ромеям» по пути в Италию, были привычны к южной лихорадке и болотным испарениям — дурному воздуху (лат. «мал ария», т.е. малярия). Все искали приключений, способные носить оружие, считавшие «свою головушку — полушкой, да и чужую шейку — копейкой» (как сказали бы наши древнерусские предки), желавшие разгуляться и поживиться в (видимо, таившей в себе неисчерпаемые богатства, хотя и разоряемой так долго и систематически «своими» и «чужими») солнечной Италии, спешили под лабарумы, драконы и орлы Нарзеса, чтобы принять участие в его «освободительном походе» — последние недобитые гунны, упомянутые выше лангобарды, герулы-эрулы, гепидские наемники, и даже персы (не говоря уже о греках). Так сказать, «ограниченный контингент ромейских воинов-интернационалистов»... Все они рвались в бой с «бесчеловечным варваром-еретиком» Тотилой и на грабеж «счастливой Авзонии».

Готское войско сошло с «ромейской» армией вторжения в равнинной Умбрии. В четырнадцати километрах от города Нуцерии (ныне — Ночера Инферьоре), под Тагиной (сегодняшним Гуальдо Тадино). Тем каждое местечко — подлинная окаменевшая легенда, хранящая в себе живую память тысячелетий. Неподалеку от тех мест, на озере Больсена, кстати говоря, как говорилось выше, удушили паром в бане злополучную Амаласунту (что и явилось поводом к войне). Однако же неустрашимого Тотилу не пугали призраки и духи жертв свершившихся здесь многочисленных убийств, как и воинов, павших здесь в былых сражениях. В описании Прокопия мы, словно наяву, видим Тотилу между двумя рядами войск, стоявших в боевом порядке друг против друга, и нам кажется, что перед нами явился образ средневекового

рыцаря, достойный «Хроник» Жана Фруассара. В сверкающих золотом доспехах и шлеме, с развевающимся на копье пурпурными лентами, в царской порфире, Тотила лихо вольтижировал на горячем боевом коне, демонстрируя войскам свое, так сказать, искусство джигитовки (просим прощения у уважаемых читателей за анахронизм, но так будет понятнее). Он скакал на коне по полю, описывая круги, и с юношеской ловкостью то проделывал всевозможные движения, то бросал в воздух копьё и ловил его на всем скаку, гордый, молодой, уверенный в победе, Пока ему не сообщили о присоединении к готскому войску подкрепления — две тысячи отборных воинов, которых он нетерпеливо дожидался, чтобы начать, наконец, сражение.

Между тем Нарзес, незаметно для Тотилы, перегруппировал свой боевой порядок, усилив фланги «ромейского» войска дополнительными отрядами стрелков из лука. Столь большое число лучников (по четыре тысячи на каждом крыле) указывает на внушительный размер гуннского контингента в составе восточноримской «освободительной» армии. Центр «ромейского» войска, которому предстояло принять на себя главный удар остготов, состоял из лангобардских и герульских «федератов». Вот тебе и «римляне против варваров»!

Когда конница остготов вклинилась в центр войска «новых римлян», его крылья, состоявшие из гуннских конных лучников, двинулись вперед, охватывая атаковавших готы с флангов. «Ромейский строй» стал напоминать раскрытые ножницы или латинскую литеру «V» — начальную букву слова «VICTORIA» — «Виктория», «Победа» (факт многозначительный, как замечал в подобных случаях Николай Михайлович Карамзин). Охваченные наступательным порывом, готские вершники (как называли всадников русские летописцы) дали завлечь себя в пространство между «лезвиями» этих «новоримских» смертоносных «ножниц».

Тотила был молод, исполнен сил, беззаботен и, конечно же, недооценивал противника, если действительно отдал остготам приписываемый ему приказ не применять против «римской» фаланги лук и стрелы (впрочем, готские лучники никогда, еще со времен Винитария и Баламбера, не могли тягаться с гуннскими в частоте, дальности и меткости стрельбы). Нарзесу же в год битвы при Тагине исполнилось семьдесят два. Он был опытным в интригах царедворцем, пользовавшимся особым покровительством благочестивой василиссы Феодоры — жены блаженнейшего василевса Флавия Петра Савватия Юс-

тиниана I Великого. Бесстрастным, хладнокровным и расчетливым. Приказавшим своим гуннским «федератам», составлявшим фланги имперского войска, осыпать доблестных остготов, бросившихся в рукопашный бой с благочестивым кличем: «Фрауйя армай!» — «Господи помилуй!» —, тучами острых стрел, пока число усеявших поле сражения остготских трупов не достигло шести тысяч. В былые времена Нарзес бы удостоился за это славы триумфатора. Теперь же все победные лавры получал вечный триумфатор — «император романорум» (или же, «по-новоримски» — «василевс ромеон»). Как бы далеко он не находился от поля битвы, выигранной его верноподданными...

Раненый стрелой гунна на восточноримской службе, готский царь Тотила пытался искать спасения в бегстве. Но был настигнут гепидским копьём, вонзившимся ему в спину. Соратники отвезли его в местечко Капра, в нескольких милях от места проигранной готами битвы. Спасения не было. Царь пережил поражение всего на пару часов. У остготов даже не осталось времени похоронить его по-царски, с подобающими почестями. Готовясь к дальнейшему бегству, «на ходу» (как пишет Грегоровиус), они наспех зарыли труп Тотилы в приметном месте. Это случилось летом 552 г.

«Если величие героя измеряется множеством препятствий, которые герою приходится преодолеть, или неблагоприятностью судьбы, с которой он должен бороться, то Тотила еще более заслуживает бессмертия, чем Теодорих. Тотила, будучи еще юношей, своей энергией и гением не только восстановил разрушенное государство, но и отставивал это государство в течение одиннадцати лет, ведя борьбу с Велизарием и войсками Юстиниана. Наконец, если достоинство человека определяется доблестями облагораживающими душу, то между героями и древности, и последующих времен найдется немного таких, которые были бы равны этому готу великодушием, справедливостью и самообладанием» (Грегоровиус).

Главной потерей остготов в битве при Тагине была, несомненно, гибель их гениального царя-полководца. Возможно, готы вспомнили зловещее предсказание, сделанное в присутствии Тотилы неким таинственным старцем, когда внезапно взбесившийся вол опрокинул статую медного быка, украшавшую римский Форум (насколько же глубок был упадок Рима на Тибре, если по Форуму бродил рогатый скот, как в незапамятные времена!): «Придет время, и вол одолеет быка». Так и вышло — «вол» (бессильный, вроде бы, кастрат Нарзес)

одолеет «быка» Тотилу (из которого прямо-таки ключом била мужская сила, или, как сказал бы римлянин — «вирильность»)..

Но не меньшей и столь же невосполнимой потерей была и смерть от стрел «ромейских» гуннов в один день шести тысяч лучших готских воинов, усеявших своими телами поле проигранной битвы. Об ослабленности сил обеих противоборствующих сторон, предельно истощенных кровопролитной войной за Италию, свидетельствует не только сравнительная небольшая численность их войск. Но и, скажем, явная неспособность остготов занять своими воинами все стены осажденного Нарзесом Рима. Как, впрочем, и очевидная нехватка у Нарзеса войск для того, чтобы полностью взять Рим в кольцо осады. Противники дрались друг с другом из последних сил. Но именно на исходе сил приходится усиленно работать головой. А с этим у старого царьградского скопца дело обстояло явно лучше, чем у готских полководцев.

Остготы отошли на север, где между Тицином и Вероной еще сохранились в неприкосновенности остатки их народа. Там они избрали себе нового царя — отважного воина, молодого отпрыска знатного рода по имени Тейя (Тейяс, Тейас). Но то, что сделал Тейя и что он мог сделать, было не попыткой восстановления царства остготов в Италии, а его (само)ликвидцией — героической и кровавой, в истинно германском стиле, духе и вкусе, вроде описанного в «Эдде» Рагнарёка — «Сумерек (Гибели) богов», а с ними — всего древнегерманского мира. Впрочем, разве можно было ожидать чего-либо иного от обречённого на неминуемую гибель храброго народа?

Разъяренный гибелью шести тысяч своих лучших соплеменников в битве при Тагине, одержимый бешеным желанием во что бы то ни стало омрачить дошедшее до неприличия, наглое, безудержное ликование «ромеев» при виде окровавленного шлема и одежды павшего Тотилы, Тейя отдал жестокий приказ перерезать всех римских заложников, взятых Тотилой после захвата им «Вечного города» — прежде всего, мужчин и юношей из сенаторских семейств. По его приказу остготы перебили от трехсот до трехсот пятидесяти человек. Т.е. фактически всех мужских представителей высшей староримской знати. Хотя поименно хронисты перечисляют среди жертв Тотилы лишь представителей рода Анициев — самых упорных врагов остготов еще при Теодорихе. Судьба попавшей в руки готов римской знати города Медиолана была ничуть не менее печальной. Но все это остготов не спасло...

После взятия войсками Нарзеса мазволея императора Адриана, превращённого остготами в крепость (современного папского Замка Святого Ангела), и очередного захвата «ромеями» Рима на Тибре, служившие под знамёнами императора Юстиниана «варвары», выйдя из-под контроля и войдя в раж, переняли от готов «эстафету» в деле истребления природных римлян. Уничтожив тех из граждан «Вечного города», до которых у остготов в спешке руки не дошли. Видимо, по этой причине (наряду с другими) дальновидный Нарзес постарался поскорей избавиться от лангобардов — наименее надежных и дисциплинированных «федератов» из служивших под его драконами, орлами и лабарумами. Впрочем, лангобарды ушли из завоеванной, с их помощью, восточными римлянами Италии только для того, чтобы всего через шестнадцать лет в нее опять вернуться. Дабы скрестить оружие на этот раз уже с засевшими в Италии «ромеями»...

Остатки награбленных в годы остготского «великодержавия» сокровищ, не доставшиеся воинам Юстиниана в мавзолею Адриана и в захваченных «ромеями» прибрежных городах, были спрятаны бойцами Тейи в Кумских пещерах на Мизенском полуострове. Этот небольшой (площадью всего в несколько квадратных километров) мыс под Неаполем по сей день остаётся одним из самых таинственных уголков Италии, где каждая пядь земли скрывает в себе память об исторических событиях. Там располагались ушедшие ныне под воду самые посещаемые термальные источники римской эпохи — фешенебельный курорт Байи с его богатыми виллами и увеселительными заведениями, погружившийся со временем на дно морское. Там некогда пророчествовала в своей священной пещере Кумская сивилла, сделавшая Кумы знаменитыми на все Средиземноморье. Там Секст Помпей, невенчанный «царь морских разбойников», к радости истерзанной гражданскими войнами Италии, примирился с принцепсом Октавианом Августом (что вскоре стоило слишком доверчивому Сексту головы). И теперь остготы пытались укрыть от торжествующих «ромеев» свои сокровища в извилистых, наполненных удушливыми горячими испарениями мизенских шахтах. Алигерн (Алагерн), брат Тейи, охранял их во главе отборных войск. В то время как остаткам остготского флота было поручено, в крайнем случае, прикрыть и обеспечить их эвакуацию с этого последнего прибрежного рубежа.

По мере отхода на север, под «ромейским» натиском, царя Тейи, не дождавшегося помощи от франков, на чью поддержку он так

надеялся (франки предпочли преследовать в Италии свои собственные цели), готский флот приобретал все большее значение. Ибо снабжал отрезанные со стороны суши готские войска Алигерна и Тейи на обоих мысах — Мизенском и Суррентском — всем необходимым. Река, разделявшая остготов и «ромеев», называлась Сарн или Дракон. Судя по ее небольшой ширине — даже не река, а так, узкая речушка, образуемая из источников питьевой воды у подножия Везувия. Но глубоко уходящая своим ложем в местные вулканические породы, с быстрым, бурным течением и отвесными скалистыми берегами, не проходимая ни для всадников, ни для пехоты вплавь. Единственный мост был в руках готов, оборонявших его с помощью метательных машин-«баллистр» (как пишет Прокопий). «Ромеи» и остготы простояли два месяца друг против друга на противоположных берегах реки, обмениваясь тучами стрел и других метательных снарядов. Так продолжалось до тех пор, пока остготы господствовали здесь на море и могли держаться, ввозя продовольствие на кораблях в свой стан, расположенный недалеко от моря.

В этой ситуации Нарзес воспользовался испытанным... в очередной раз так и подмывает сказать «византийским», но не буду! — «ромейским» приемом. Он подкупил начальника готского флота (утратившего к тому времени надежду на победу Тейи), передавшего восточным римлянам большую часть своих военных и невоенных кораблей. К тому же к «ромеям» подошло «бесчисленное множество» (Прокопий) собственных кораблей с Сицилии и из других частей империи. Так что пути отхода морем были для готов отрезаны. Одновременно Нарзес, стремившийся скорее завершить войну, усилил нажим на суше. Воздвигнув вдоль берега Дракона множество деревянных башен, он «смог страхом окончательно поработить прежнюю самоуверенность врагов» (Прокопий). Загнав последних, недорезанных остготов на возвышенность близ Стабий, которую было легко оборонять, но тяжело снабжать — т.н. Монс Лактариус (Молочную гору). То, что произошло потом, мир узнал от Прокопия, перешедшего, в качестве тайного секретаря, от Велизария к Нарзесу. Это тщательно документированное описание гибели остготов, ей-Богу, стоит процитировать дословно:

«Очень испуганные <...>, стесненные недостатком продовольствия, готы бежали на расположенную поблизости гору, которую римляне на латинском языке называют «Молочной горой». Римлянам никак нельзя было следовать за ними туда, ввиду трудности прохода и неудобной

местности. Но и варварам, которые поднялись туда, вскоре уже пришлось раскаяться в этом, так как у них еще в большей степени стал ощущаться недостаток в продовольствии; добывать его для себя и для лошадей они никак не могли. Поэтому считая, что предпочтительнее окончить свои дни жизни в бою, чем погибнуть от голода, они сверх всякого ожидания, двинулись на неприятелей и неожиданно-негаданно напали на них. Римляне, насколько позволяли им данные обстоятельства, твердо стояли против них, расположив свой боевой строй не по отдельным начальникам, не по отрядам или легионам, не отделенные друг от друга каким-либо иным способом, не с тем, чтобы слышать даваемые им в битве приказания, но с тем, чтобы биться с врагами со всей силой, где кому придется. Удалив коней, все готы первыми стали пешим строем по всему фронту, устроив глубокую фалангу; видя это, римляне тоже спешили, и все выстроились точно так же.

Я хочу рассказать здесь об этой знаменитой битве, и о той доблести, не уступающей, думаю, доблести ни одного из прославленных героев, которую в данном случае проявил Тейя. К смелости готов побуждало безвыходное их положение, римляне же, хотя и видели их в состоянии отчаяния, считали нужным противиться всеми силами, стыдясь уступить более слабым. И те и другие, полные воодушевления, устремлялись на близстоящих; одни, готовые погибнуть, другие, стремясь получить славу доблести. Битва началась рано утром. Тейя был на глазах у всех, держа перед собою щит; с грозно поднятым копьём он с небольшой кучкой своих близких стоял впереди фаланги. Видя его и считая, что если бы он пал, то битва быстро бы окончилась, римляне направили против него все свои усилия, атакуя на него в большом числе, кто только стремился к славе. Одни издали бросали в него дротики, другие старались поразить его копьём. Тейя, закрывшись щитом, принимал на него все удары копий и, внезапно атакуя на врагов, многих из них убил. Всякий раз как он видел, что его щит весь утыкан брошенными в него копьями, он, передав его кому-нибудь из своих щитоносцев, брал себе другой. Сражаясь так, он провел целую треть дня. К этому времени в его щит вонзилось двенадцать копий, и он уже не мог им двигать, как он хотел, и отражать нападающих. Тогда он стал звать настойчиво одного из своих щитоносцев, не покидая строя, ни на единый вершок не отступая назад и не позволяя неприятелям продвигаться вперед; он не поворачивался назад, прикрыв щитом спину, не сгибался набок; он

как бы прирос к земле со своим щитом, убивая правой рукой, отбиваясь левой и громко выкрикивая имя своего щитоносца. Он явился к нему, неся щит, и Тейя быстро сменил на него свой отягченный копьями. И тут на один момент, очень короткий, у него открылась грудь, и судьба назначила, чтобы именно в этот момент он был поражен ударом дротика и в ту же минуту умер. Воткнув его голову на шест и высоко подняв ее, некоторые из римлян стали ходить вдоль того и другого войска, показывая его римлянам, чтобы придать им еще большую храбрость, готам — чтобы те, придя в отчаяние, прекратили войну. Но даже и теперь готы не приостановили сражения до самой ночи, хотя точно знали, что король (царь — В.А.) их умер. Когда мрак спустился на землю, обе стороны, разойдясь и не снимая оружия, заночевали тут же. На следующий день с рассветом они опять выстроились по-прежнему и сражались до самой ночи; они не уступали друг другу, не обращались в бегство и не наступали; хотя и с той и с другой стороны было много убитых, но озверев, с непреклонным духом они продолжали бой друг с другом: готы знали, что они сражаются в последний раз, римляне питали для себя недостойным оказаться слабее их. Но наконец, варвары, послав к Нарзесу некоторых из знатнейших лиц в своей армии, сказали, что они поняли, что они борются с богом: они чувствуют противоборствующую им силу. Из происходящего они уразумевают истину дел и хотят поэтому изменить свое решение и оставить это упорное сопротивление. Но они не хотят в будущем жить под властью императора, но проводить свою жизнь самостоятельно вместе с какими-либо другими варварами. Поэтому они просят римлян дать им возможность мирно уйти, не отказывать им в этом разумном предложении и подарить в качестве «денег на дорогу» те средства, которые каждый отложил для себя за время прежней службы своей в Италии. Этот вопрос Нарзес поставил на обсуждение на военном совете. И вот Иоанн, племянник Виталиана, предложил удовлетворить эту просьбу и не вести уже дальше боя с людьми, обреченными на смерть, и не пытаться на себе испытать смелость людей, уже отчаявшихся в жизни, которая тяжка и для тех, кто ее проявляет, и для тех, кто им противится. «Достаточно, — сказал он, — для разумного человека одержать победу, а желание чрезмерного может иной раз обратиться для кое-кого и в несчастье». Нарзес дал убедить себя этим предложением. Они договорились на том, чтобы варвары, оставшиеся в живых, взяли свои

собственные деньги, тотчас же ушли из всей Италии и больше уже никогда не вели войны с римлянами».

Согласно Прокопию, еще до закрепления результата переговоров в форме договора, остатки войск доблестно павшего Тейи — не более тысячи готов —, выйдя из лагеря с оружием и «дорожными деньгами», пройдя через ряды «ромейских» войск победоносного Нарзеса, удалились в город Тицин (будущий стольный град винилов-лангобардов Папию, сегодняшнюю Павию) и в места по другую сторону реки Пада. Их взор был исполнен такой решительности и отваги, что никто не осмелился на них напасть (хотя договор еще не был подписан и утвержден взаимными клятвами). Больше никто никогда ничего о них не слышал. Так что, вероятнее всего, они действительно покинули Италию, чтобы, возможно, поселиться на одном из островов, завоеванных Тотилой. По другим сведениям, часть уцелевших остготов разбрелась по опустошенной почти двадцатилетней войной Италии. Алигерн долго защищал от войск восточных римлян Кумы, где хранилась царская казна.

Но не все были такими стойкими, как Алагерн. Прокопий Кесарийский неоднократно упоминает о наборе военнопленных италийских готов в «ромейскую» армию в ходе военных действий (к примеру, при взятии ромеями Неаполя в 536 г. или крепости Петра в 537–538 гг.). Случалось, на сторону восточных римлян переходили отдельные знатные остготы и даже целые остготские гарнизоны (как, например, в Прибрежных Альпах в 540 г.), с ходу зачислявшиеся в императорское войско. Возможно, Юстиниан расселял остготов, плененных в ходе Готской войны, в Мезии для несения военной службы среди тамошних «гоги минорес», как и в других частях «Ромейской василии» — например, в Египте или на Боспоре Киммерийском, против «немирных» гуннов и других «разбойников». «Привлечение к охране границ Империи на дальних рубежах только что захваченных военнопленных вполне соответствует практике византийской военной политики. Об этом свидетельствует, например, депортация пленных вандалов из Африки на персидскую границу, организованная тем же Юстинианом» (М.М. Казанский. «Военная политика Юстиниана и готы на Боспоре Киммерийском»).

Самые непримиримые остготы надеялись при помощи франков и алеманнов, вторгшихся в Италию, вернуть ее себе, но были окончательно разгромлены Нарзесом на берегу реки Вольтурны, у Казилина в 554 г. Именно после этого сражения остготская государственность

прекратила своё существование, а Италия стала частью «Ромейской василии». Казалось, римский «мировой змей» (как Ёрмунганд в германской «Эдде» или Уроборос) вот-вот укусит себя за хвост, вновь опоясав мир Средиземноморья сплошной адамантовой цепью возвращенных наконец в лоно империи «Вечного Рима» провинций, отвоєванных у «мятущихся вскую народов», «племён, замышляющих тщетное» (Пс. 2) остро отточенным римским мечом, скованных воедино железными скрепами римских законов, спаянных стальными догматами римской кафолической веры... И мало кто тогда мог усомниться в том, что Бог не даст исполниться амбициозным замыслам Юстиниана I (поторопившегося — надо думать, к радости императрицы Феодоры! — официально, в предвкушении восстановления империи, авансом, называть себя в указах «Цезарем Флавиєм Юстинианом Аламанским, Готским, Франкским, Германским, Антским, Аланским, Вандальским, Африканским»). Хотя, казалось бы, всякому христианину должно быть известно евангельское изречение Спасителя: «Не вливают новое вино в мехи ветхие.» (Мф. 9:17, Мк. 2:21–22, Лк. 5:37–39)...

Так завершился Рагнарёк остготовов...

Какой великолепный, подлинно эпический финал! И какой печальный исторический урок! Каким потокам крови суждено было пролиться, сколько народных сил не только германцев, но и аланов, сарматов и гуннов должна была поглотить «мать сыра земля» европейских полей сражений! И все лишь потому, что части человечества все еще приходилось странствовать в поисках лучшей доли, не в силах выдержать голод, терзающий «мигрантов»! В то время как другая часть человечества давно уже сидела сиднем под защитой стен и башен городов, имела представление о праве, законе, государственном порядке и была готова защищать их (по крайней мере — в лице своей правящей верхушки) до последней капли крови — своей или чужой...

Гунны, угры, сарматы, авары навоевались в Европе до смерти и исчезли из поля зрения цивилизованного мира почти полностью. За исключением загадочных остатков, точный этнический состав которых нам ныне не известен (какими бы гордыми именами великих народов прошлого эти остатки себя не называли). В горных долинах, укромных уголках, на узких полосках побережья, повсюду в Европе и Анатолии сидят гнездами остатки тех великих племен, которых римляне ухитрились подавить и подчинить даже в эпоху, когда преобразившаяся по-

чти до неузнаваемости Римская империя продолжала существовать (а порой — воистину «дышать на ладан») лишь за счет нерастраченной силы своих германских «федератов». Каждое из этих мелких и мельчайших племен, каждый из этих народов-остатков, народов-реликтов, нашел своих фанатов и популяризаторов, посещающих их селения, от страны басков до Фриули, от Крыма до Кавказа, от Адрианополя до Инвернесса, собирающих воспоминанья о былом, записывающих под диктовку местных сказителей звуки, слова и истории.

А вот с остготами дело обстоит несколько иначе. Они — не тема для искателей всяческих раритетов. Они — никак не маргинальное явление истории. Остготы были, вероятно, величайшим шансом, предоставленным историей Европе. Шансом, без разрыва во времени и, тем не менее, с новой силой перейти из поры духовного и культурного расцвета Античности в новую эпоху. Как ни странно это прозвучит, Тотила был последним объединителем Италии до Гарибальди. Неудачные попытки Цезаря Борджа — не в счет. Ибо этот сын римского папы Александра VI об объединении всей Италии всерьез не думал. Как бы ни обольщался и не заблуждался на его счет Никколо Макиавелли в своем «Государе». А Теодорих Великий, проникнутый духом молодого, сильного остготского народа, заложил фундамент обновления античных традиций и античного наследия. Ни один другой народ, владевший Италией, кроме остготского, не открыл перед этим уникальным полуостровом, перед этой солнечной «Авзонией», перспективу реального выживания и воскрешения к новой жизни. Ибо после гибели Теи наступили тринадцать столетий сплошного междуцарствия, упадка во всех областях, междуусобиц, неприятельских вторжений...

Тем не менее, итальянцы сохранили о готах лишь недобрые воспоминания. Невольно создается впечатление, что принципиальное отношение к ним классического итальянского общества от Альберти до Альфиери было неизменно проникнуто аристократической скорбью об унижении Италии в «варварские», «готские», «готические» времена, после которых, к счастью для цивилизованного мира, наступило Возрождение. Спрашивается: возрождение чего? Ясное дело — доготской, доготической, эллинистической, греко-римской, Италии.

Итальянцы (и другие народы романского корня) забыли о величайшей способности пришедшего с севера остготского народа к адаптации. Забыли о том, с каким детским благоговением и искренней готовностью остготы попытались влезть в давно уже лишившийся остатков

прежнего могущества каркас древней Римской империи. Или, по крайней мере, примерить его на себя. Вместо того, чтобы разводить костры в ветшающих дворцах и разбивать шатры в дичающих садах и парках. Как это делали на первых порах даже арийские номады в завоеванных ими Мохенджо-Даро и Хараппе (что было — то было)...

Итальянский ученый Лудовико Антонио Муратори (1672—1750) — священник, куратор библиотеки Эсте в Модене и Амвросианской библиотеки, крупнейший историограф своего времени писал: «Когда в Италии сегодня произносят имя готов, иные из народа, да и из полуобразованных (Александр Исаевич Солженицын сказал бы — «образованцев» — В.А.), содрогаются, как если бы речь шла о бесчеловечных варварах, совсем не имевших законов и вкуса. Так, плохие, старые постройки называют готической (буквально — «готика», т.е. «готской») архитектурой; готическими же считаются грубые характеры многих дурных гравюр конца пятнадцатого и начала следующего века. Все это — суждения невежд. Теодорих и Тотила, оба — цари этой (готской — В.А.) нации, конечно, совершили немало ошибок. Тем не менее, их любовь к справедливости, умеренность, мудрость в выборе чиновников, сдержанность, верность договорам и иные добродетели были столь сильны, что они и сегодня еще могут служить образцом доброго правления для народов... К тому же эти государи ничего не изменили в магистратах, законах или обычаях римлян, а рассуждения иных об их дурном вкусе — ребяческая глупость. Самому императору Юстиниану больше сопутствовало счастье, чем готским царям; но если хотя бы половина того, что сообщает нам Прокопий в своих записках — правда, то эти два гота значительно превосходили его (Юстиниана — В.А.) своими добродетелями». Спокойное, хорошо взвешенные слова, написанные в эпоху, когда абсолютистскую Европу снова раздирали религиозные войны. Человеком, преследуемым иезуитами и обязанным предоставленной ему относительной свободой исследований лишь достаточно просвещенному римскому папе. Как бы то ни было, терпимость и благородство великих готских царей — Алариха, Теодориха, Тотилы — к сожалению, нашли в многострадальной постготской Италии лишь очень немногих последователей...

4. ИСПАНСКОЕ ЦАРСТВО ВЕСТГОТОВ

Готфы пали не бесславно:
Храбро билися они,
Долго мавры сомневались,
Одoleет кто кого.

(А.С. Пушкин)

ОТ ТОЛОСЫ ДО ТОЛЕТА

К тому моменту, когда наемники (Второго) Рима добивали последних защитников италийского царства остготов в тени Везувия, уже давно существовало другое готское царство, основанное вестготами. К тому моменту, когда после гибели Тейи франки, не пожелавшие ему помочь, прошли огнем и мечом с севера на юг всю теперь беззащитную Италию, когда их союзники и данники — язычники-аллеманы — предали огню постройки, пощаженные Теодорихом и Тотилой, готские цари уже давно правили из Толосы (нынешней Тулузы) царством, созданным ими по образцу царства, созданного в Италии гунноскиром Одоакром.

Мы оставили вестготский народ в момент смерти его великого царя Алариха. Оставили народ «древлян», не пожелавший покориться гуннам, скрестивший оружие с римлянами и завоевавший, наконец, Рим на Тибре. После погребения Алариха в русле реки Бусента под Консенцией вождем вестготов стал двоюродный брат и шурин покойного героя — Атаульф. Он унаследовал ценнейшее из сокровищ своего тестя — девятнадцатилетнюю красавицу императорских кровей, заложницу Галлу Плацидию. Единственную дочь от второго брака императора-«германофила» Феодосия, прозванного Великим. При захвате Первого Рима Аларихом она, почти еще ребенок, была уже растлена своим беспутным братом Гонорием. Невзирая на юный возраст Галлы, предусмотрительный сенат Ветхого Рима счел необходимым заручиться ее согласием на убийство вдовы Стилихона — Серены. Таким образом римские «патрес конскрипти» — «отцы, занесенные

в списки» — решили создать себе алиби. «Как бы чего (потом) не вышло». Вдруг кто-то решит призвать их к ответу? Поскольку все дальнейшее поведение Галлы Плацидии свидетельствует о ее незаурядном уме, можно предполагать, что дочь самодержца «ромеев» вполне отдавала себе отчет в том, какую тяжкую вину на нее возложили. Но, прежде чем она пришла в себя после этого события, преодолев последствия первого принятого ею решения о жизни и смерти другого человека (да еще своей близкой родственницы — Серена была, как мы помним, падчерицей августа Феодосия I, удочеренной им, т.е. фактически сестрой Плацидии!), Алариха уже впустили в «Вечный Город». И дочери римского императора пришлось на протяжении шести лет следовать за армией вестготов по Италии.

То, что ценность заложников заключается в их неприкосновенности, было, надо думать, понятно Алариху не хуже, чем тем международным и «народным» террористам, что берут заложников сегодня. Тем не менее, мнения историков о судьбе дочери Феодосия Великого в вестготском стане впоследствии разделились. Одни историки (почему-то преимущественно французские и итальянские) считают, что Плацидию насиловали на каждой лагерной стоянке чуть ли не все, кому не лень (начиная с самого Алариха — даром что римского военного магистра и патриция!) и держали, как последнюю рабыню, полуголой. Другие (почему-то преимущественно немецкие и австрийские) — что, в отличие от пленниц более низкого звания, дочь императора насилию не подвергалась. Что готы держали Галлу в холе и почете, обучили ее своему языку, и что на Плацидию, именно в силу ее неприкосновенности, не мог наглядеться Аларих, чуть ли не сдувавший с нее каждую пылинку. Впрочем, нельзя исключить и возможность возникновения у юной заложницы т.н. «стокгольмского синдрома»...

После смерти Алариха (возможно, при участии Галлы) его сменил, в роли воздыхателя и обожателя, новый царь вестготов Атаульф — умный, храбрый красавец-мужчина в полном расцвете сил из рода Балтов (в которого юная римлянка вполне могла действительно влюбиться).

Вероятно, под влиянием Галлы Плацидии (и, несомненно, чтобы сделать ей приятное), Атаульф принял историческое решение в пользу перехода от военной конфронтации к мирному сотрудничеству с Римской империей, смысл которого до нас донес упоминавшийся

выше хронист и историк Церкви Павел Орозий: «Он (Атаульф — В.А.) пламенно желал, чтобы, когда будет истреблено само имя римское, вся римская земля стала бы готской империей и по факту, и по имени, и чтобы, если говорить попросту, то, что было Романией, стало бы Готией, а Атаульф стал бы тем, кем некогда был Цезарь Август. Однако когда на большом опыте он убедился, что ни готы не могут повиноваться законам из-за своей неукротимой дикости, ни государство не может быть лишено законов, ибо без них государство — не государство, он решил наконец обрести себе славу человека, восстановившего в цветущем состоянии и укрепившего силами готов римское имя, и стать для потомков инициатором восстановления Римского государства, после того как не смог сделаться его преобразователем. Поэтому он старался удерживаться от войны, поэтому он жаждал мира, к свершению добрых дел побуждаемый главным образом уговорами и советами своей жены, Плацидии, женщины воистину острого ума и весьма религиозной. Когда же он начал со всем усердием добиваться того самого мира, сам же его предлагая, он был убит в результате заговора готов в Баркилоне (современной Барселоне — В.А.), городе в Испании» («История против язычников»).

Если Атаульф действительно высказал подобное намерение, то сделал это, вероятнее всего, в 413 г. Т.е. примерно через шестьдесят лет до рождения остгота Теодориха Великого. Которому было суждено осуществить то, что Атаульф считал невозможным. Или то, к чему шурин Алариха не считал нужным стремиться. Шесть лет, проведенных в обществе Галлы Плацидии — женщины, великой как в добрых, так и (возможно — памятуя, например, о странной смерти Алариха) злых делах того кровавого столетия — произвели в нем заметную перемену. Атаульф счел недопустимым обменять этот дорогой живой залог на корабли с зерном, столь необходимым его вечно голодным вестготам. Готам пришлось поголодать еще, Галла Плацидия осталась в руках Атаульфа, а император, бывший даже при желании не в состоянии силой отнять у него роковую красавицу (а такого желания у него не было), удовольствовался тем, что Атаульф с соблюдением всех правил и приличий попросил у него руки дочери Феодосия Великого, преподнеся в дар тысячу готских мечей.

Так в начале V в. был восстановлен мир между вестготами и Римом. Вестготы получили разрешение поселиться на имперских землях между рекой Гарумной (нынешней Гаронной — В.А.) и Пиренейски-

ми горами. Основав там первое из «варварских» царств на территории Римской «мировой» державы — совершенно обособленных регионов, связанных с остальной империей не общими государственными институтами и общим законом, а финансовыми вливаниями и личной верностью глав этих регионов — «варварских» царей, осыпанных высокими римскими чинами и титулами — тому или иному императору. А царь вестготов Атаульф заполучил в супруги императорскую дочь Галлу Плацидию.

Свадьбу, положившую начало не только законному брачному, но и успешному военно-политическому союзу, пышно отпраздновали в городе Нарбоне (нынешней Нарбонне — В.А.). Настолько знаменитом уже в 414 г., что по нему была названа целая провинция — Нарбонская Галлия, богатейшее из римских колониальных владений. Там, между Пиренеями и Средиземным морем, издавна процветала весьма своеобразная племенная культура тектосагов. Хотя побережье было романизировано, в глубине страны, между Толосой (нынешней Тулузой — В.А.) и Бискайей, тектосаги почти не изменились с до-римских времен. У римлян не было необходимости заниматься ими вплотную, ибо страна была богата, а долина Родана (современной Роны — В.А.) — область процветающей торговли — столь привлекательна, что «сыны Ромула» оставили дождливые отроги Пиренеев с обитавшим там мелким галльским народцем в покое. Чтобы, так сказать, «не заморачиваться»...

Когда же появились вестготские мигранты, пожелавшие, по брачному договору, прибрать к рукам эту землю, скоро выяснилось, что она приносит несравненно меньший урожай и доход, чем, например, италийские земли. В Италии остготам хватало трети земель, чтобы прокормиться. В Нарбонской Галлии же вестготы не прокормились бы одной третью. И потому тектосагам пришлось уступить готским «вооруженным переселенцам» не одну, а целых две трети. Это привело к тому, что тектосаги были вынуждены переселиться — от греха подальше — выше в горы, перегнав свои стада на высокогорные пастбища, оставив равнину в руках пришельцев. Но без особых проявлений недовольства и без достойного упоминания кровопролития.

А вот между самими вестготами начались кровавые «разборки». Атаульф, осматривавший своих любимых скакунов в конюшне, был заколот ударом в спину собственным конюхом, обиженным на своего царя и работодателя, мстя за какую-то мелкую (с царской точки

зрения, естественно) личную обиду. Возможно, впрочем, его использовала «втемную» некая таившаяся в тени престола группа заговорщиков из среды антиримской либо антибалтской оппозиции. Ибо после гибели Атаульфа царский престол занял не ближайший родственник убитого из рода Балтов, а некий выскочка-бахвал по имени Зингирих (Зингерих, Зигерих, Сингирих). Причем, не дожидаясь решения тинга — собрания «народа-войска» (соответствовавшего у готов, как и у всех древних германцев, агоре греков гомеровской эпохи или славянскому вече). Балт Атаульф был заколот в готской царской конюшне города Баркилоны. Ибо к тому времени вестготы, убедившись в неспособности прокормиться на отведенных им владыкой западной части Римской империи скудных землях тектосагов, протянули свои щупальца через Пиренеи в «римскую» Испанию — страну своей будущей трудной судьбы. Следует заметить, что эта новая родина вестготов была к тому времени «римской» лишь по названию. Еще в 409 г. в Испанию вторглись вандалы, аланы и свевы. Поэтому римляне, осознав, что эту территорию им собственными силами уже не удержать, скрепя сердце, передали ее вестготам. Которые, в качестве «федератов» империи, обещали Риму защищать переданные им земли от других «варварских» народов. А также от местных крестьян-повстанцев — багаудов. И от союзников багаудов — древнего иберийского племени васконов (предков современных басков и гасконцев). Издавна отличавшихся крайней драчливостью (вспомним гасконца д'Артаньяна!) и не замедливших вступить в конфронтацию с вестготами.

По мнению некоторых историков — например, Германа Шрайбера — Сингирих (то ли вестгот, то ли остгот, как и его брат Сар — неоднократно упоминавшийся выше враг Алариха) был, так сказать, «готским националистом». Человеком, имевшим немало сторонников среди готской «непримиримой оппозиции». Ярким представителем «староготской партии», отвергавшим любые связи с Римом и тосковавшим по временам прежней готской вольности времен грабительских набегов в стиле позднейших казаков, походов готских «вечных странников» за «зипунами». Зигирих прекрасно понимал, чего хотели Атаульф и его «ромейская» красавица-жена — сделать вестготов оседлым народом, заставить их пахать, сеять, жать, молотить и вообще трудиться в поте лица своего — дабы обеспечивать Галле Пладиции и ее окружению комфорт, роскошный образ жизни, привычный

ей со старо- и новоримских времен. Пришедший к власти Зингирих не скрывал своего твердого намерения положить этим «римским безобразиям» конец, раз и навсегда.

Первым делом он без долгих разговоров превратил Галлу Плацидию, вдову своего предшественника на вестготском царском престоле и законную вестготскую царицу, снова в бесправную полонянку (каковой она была, по мнению некоторых авторов, до брака с Атаульфом). Если верить современникам, дочери императора римлян, родившей царю Атаульфу в законном браке сына, пришлось босой, подоткнув подол, двенадцать миль идти пешком перед свирепым узурпатором, гордо восседавшем на коне (наверно — белом или вороном) и любовавшимся безмерным позором знатнейшей римлянки и всего римского, в ее лице. Однако публичное унижение семени Феодосия Великого на пыльной испанской (впрочем, ее уже можно было назвать каталанской, ибо нынешняя Каталония-Каталания получила свое название от Готалании-Готоалании — земли, захваченной готами и аланами) дороге было еще не худшим из злодеяний, совершенных Зингирихом. Он повелел убить детей Атаульфа от первого брака (не имевших ничего общего с Римом и римлянами), как ни старался мужественный священник отговорить тирана от «иродова злодейства». Он убил бы и сына своего предшественника от Галлы Плацидии, но младенец успел умереть собственной смертью через месяц после рождения. Как бы то ни было, живых наследников у Балта Атаульфа не осталось.

Зингирих правил вестготами всего неделю. Успев пролить в Баркилоне-Баркилоне потоки крови. Нам сегодня трудно объяснить такую кровожадность, не уступающую кровожадности франкских царей из рода Меровингов (даже с учетом того обстоятельства, что в свое время брат Зигериха — Сар — ненавистник Алариха — пал в битве с Атаульфом). Она как бы предвосхитила зверские нравы надвигавшегося на античный мир жестокого, бесчеловечного Средневековья. И в то же время ознаменовала собой его неумолимое приближение — нет, даже его наступление, приход. С тех пор в Испании и Галлии (получившей имя Франкии-Франции от покоривших ее к тому времени франков) всякий раз, когда разгоралась борьба за престол, совершались убийства перед воротами храмов, да и в самих храмах. А проблемы, остававшиеся нерешенными с помощью меча, как правило, решались с помощью кинжала или яда.

В самый разгар вызванной зверствами Сигериха смуты внезапно появился человек, вроде бы, не известный никому. Впрочем, в «варварской» среде случаи захвата высшей власти совершенно «темными» личностями были нередки. Это был безродный, но лихой рубака по имени Валла (Валья, Валия), устранивший Зигириха (что оказалось относительно нетрудно) и сумевший отстранить от престолонаследия родного брата Атаульфа (что было значительно труднее). В лице Валии над вестготами вновь воцарился типичный «царь-дикарь». Он проложил себе мечом путь через всю Испанию (населенную, вследствие своей обширности, все еще достаточно редко и неравномерно), стремясь переправиться оттуда в Африку. И, разобравшись по-мужски с засевшими там вандалами и аланами, обеспечить вестготам привольную, сытую жизнь за счет этой житницы римского Средиземноморья. Но год уже близился к концу. Осенние бури разметали захваченные у римлян корабли готского транспортного флота. И столь близкая Африка так и осталась недостижимой. Неужели же все усилия были потрачены зря? Но нет, Валия не был намерен сдаваться. Испания была велика, а его народ — смел и силен. Он сражался с таким упорством и с такой энергией, что у римского августа в далеком городе Медиолане наверняка прибавилось морщин (а может, даже появились ранние сединки в волосах, хотя навряд ли). Конечно же, взаимоистребление «варваров» в «римской» Испании радовало всякое «истинно-римское» сердце. Однако, Валья явно слишком далеко шагал. Пора было его унять, иначе он всего лишь через пару месяцев грозил завоевать всю «римскую» Испанию, откуда бы его уже никто потом не выгнал — ни крестом, ни ладаном (не говоря уж о мече). И потому благочестивый август повелел своим вестготским «союзникам» — что написано (в союзном договоре) пером, то не вырубишь топором (даже готским)! — прекратить испанскую авантюру, вернуться за Пиренеи, на север, в Нарбонскую Галлию, и мирно жить да поживать там, в отведенных им для поселения, по безмерной милости божественного (хоть и христианского) императора, землях между Пиренейскими горами и рекой Лигером (сегодняшней Луарой — В.А.), т.е. в Аквитании. Терпеливо дожидаясь там очередного императорского приказа выступить в поход «к вящей славе великого, вечного Рима». Туда, куда Его Императорское Величество все милостивейше повелеть соизволит...

Решение выполнить такой приказ (фактически лишавший его всех плодов уже близкой победы) далось бы нелегко любому готскому царю, будь он хоть сто раз «другом и союзником римского народа», «социем», «федератом» и т.д. Особенно такому, как Валия, появившемуся как бы из ниоткуда, не имеющему предков царственного или даже княжеского рода. И, вероятнее всего, рассчитывающему на поддержку готов лишь до первого поражения или до первого случая серьезного отпора со стороны внешнего врага. А его вестготским подданным, так лихо дравшимся с оспаривавшими у них Испанию аланами, вандалами и свевами, готовыми вытеснить из испанской Галиции асдингов (которых одни историки относят к вандалам, другие же — нет), явно понравились плодородные земли Вандалиции и область Нового Карфагена (современной Картахены). Там, правда, было непривычно и, пожалуй, слишком жарко, но в остальном... им там жилось бы лучше, вольготней и сытней, чем где бы то ни было и когда бы то ни было ранее...

И все же вестготы последовали за своим царем Валией в Аквитанию, где их дожидались присланные императором корабли с зерновым хлебом. Ибо за время продолжительных и жестоких боевых действий в Испании готы привыкли наполнять свои ручные мельницы зерном, пожалованным римским императором. Щедрым Великим Отцом из Медиолана (выражаясь языком североамериканских индейцев, именовавших президента США «Великим Белым Отцом из Вашингтона»). Этот способ снискать себе пропитание был более быстрым и, самое главное, куда менее трудоемким, чем пахота, сев, сбор урожая (которого можно было и не дожидаться)...

И опять — как в случае гуннского нашествия из глубины степей, или вторжения готов в Римскую империю — решающими факторами были голод и еда (или, точнее — ее хронический недостаток). Главным «выгодоприобретателем» (или, выражаясь языком римских юристов — «бенефициаром») этих «хлебных спекуляций» стал уродливый и далеко уже не молодой римский военачальник Констанций. Ухитрившийся, однако, добиться столь внушительных успехов в борьбе с узурпаторами, что императору Гонорию пришлось пообещать ему в жены многострадальную Галлу Плацидию. И потому достигшую уже двадцатипятилетнего возраста (а между тем известно, что южанки увядают быстро) императорскую дочь и вдовствующую вестготскую царицу все-таки обменяли на зерно (эта судьба грозила

ей уже давно, со времен Атаульфа). Бесстрастные, бездушные скопцы из окружения Гонория возвели Галлу на ложе старого уродливого римлянина — после нескольких лет, проведенных ею в счастливом браке с молодым и полным сил вестготом Атаульфом (об отношениях Галлы с Гонорием и с Аларихом не будем даже вспоминать). Известна даже цена, за которую вестготы продали римлянам красавицу, свою недавнюю царицу — пятьдесят две тысячи четыреста гектолитров зернового хлеба.

(Восточно)римский «державник» Иордан описывает всю эту историю в куда более возвышенных и благовидных выражениях: «Против него (Валии — В.А.) император Гонорий направил с войском Констанция, мужа сильного в военном искусстве и прославленного во многих битвах; император опасался, как бы Валия не нарушил союза, некогда заключенного с Атаульфом, и не затеял снова каких-либо козней против империи, изгнав соседние с нею племена; наряду с этим он хотел освободить сестру свою Плацидию от позора подчинения [варварам], условившись с Константием, что если тот войной ли, миром ли или любым способом, как только сможет, вернет ее в его государство, то он отдаст ее ему в замужество. Констанций, торжествуя, отправляется в Испании со множеством воинов и почти с царской пышностью. С неменьшим войском спешит ему навстречу, к теснинам Пириней (Пиренейских гор — В.А.), и царь готов Валия. Там от обеих сторон были снаряжены посольства, которые сошлись на таком договоре: Валия вернет Плацидию, сестру императора, и не будет отказывать римской империи в помощи, если в ней случится нужда» («Гетика»).

Следует признать — август Гонорий (видно, совесть ненадолго пробудилась даже в нем!) делал все, что мог, чтобы уломать растленную им в юности сестру, противившуюся неравному во всех отношениях браку (хотя ей было не впервой). В день торжественной (очередной) «сдачи Галлы Плацидии в эксплуатацию» (просим прощения у уважаемых читателей за некоторый цинизм, но это было действительно форменное безобразие!), 1 января 417 г., август римского Запада пожаловал Констанцию звание консула (достоинство патриция тот уже получил за прежние заслуги — в частности, разгром двух очередных узурпаторов). Смирившись с неизбежным, Галла Плацидия — в ней неожиданно пробудилось честолюбие, как во многих женах, не способных полюбить своих мужей — всемерно способствовала дальнейшему возвышению супруга, пока не сделала его — под именем Кон-

станция III — августом и соправителем своего царственного брата. Это была настоящая гонка за эрзац-удовлетворением, жертвой которой счастливый супруг, впрочем, пал всего через семь месяцев после достижения верховной власти над западной частью «мировой» империи, трещавшей по всем швам. И в день смерти Констанция III — главного инициатора перехода римской Галлии на местное самоуправление (418 г.) и поселения вестготов в Аквитании (419 г.), последовавшей в сентябре 421 г., безутешная вдова — ей бы жить да радоваться столь счастливому избавлению от постылого мужа! — узнала крайне неприятную для нее новость. Покойный супруг «блаженной» (если верить А.А. Блоку) Галлы, воспитанный в духе «староримских добродетелей», принципиально не брал взяток (которые ему наверняка предлагали, и не раз — просто в силу занимаемого им высококого положения). Не использовал свое служебное положение в целях личного обогащения. Не стремился увеличить свое небольшое (по меркам поздней империи, превратившейся, по меткому замечанию Моммзена, вследствие поистине чудовищного социального расслоения, в «общество, состоящее из миллионеров и нищих») личное состояние, унаследованное от предков. И «не крал то, что должен был стеречь». Совсем как Флавий Велизарий! Но в отличие от Велизария, скромного и неприхотливого в быту, Констанций III стремился, ради удовлетворения собственного тщеславия, помноженного на тщеславие августейшей супруги (льстивые «ромеи» впоследствии назвали бы ее порфирородной или багрянородной), жить на широкую ногу, «по-царски» во всех отношениях (как говорят в Одессе: «Лопни, но держи фасон!»). И умудрился не просто наделать долгов. Но и задолжать буквально всем, кому только можно. «На брюхе — (пурпурный императорский) шелк, а в брюхе — щёлк!» Вот и осталась августа Плацидия после смерти своего добродетельного августа не просто у разбитого корыта, а прямо-таки по уши в долгах. И с двумя малыми детьми на руках. Правда, дети давали ей кое-какие шансы выбраться из долговой пропасти (как известно, самой глубокой — в нее можно падать всю жизнь). Дочь — Юсту Грацию Гонорию — Галла Плацидия родила еще в 417 г. Констанций, слишком долго дожидавшийся ценной добычи, сразу же поторопился сделать ей ребенка. 3 июля 419 г. на свет, при официальном ликовании всех верноподданных Римской империи «от Равенны до самых до окраин, с южных гор до северных морей», появился наследник — сын Галлы и Констанция по имени

Флавий Плацид (Плакид) Валентиниан, будущий император Запада. Август Гонорий поторопился объявить новорожденного племянника цезарем, включив его тем самым в круг кандидатов на престол.

Впрочем, большого счастья и большой радости Галле Плацидии не принесли и ее дети от Констанция III. Дочь покойного августа и его вдовой августы — красавица Юста Грация Гонория — была с излишней поспешностью обещана придворными равеннскими скопцами- мудрецами в жены гуннскому «царю-батюшке» Аттиле. Ее нежелание отказаться от брака с этим повелителем «кентавров» (и одновременно — римским военным магистром) и переданная Аттиле придворным евнухом Гиацинтом, вместе с обручальным кольцом, просьба самому явиться за своей нареченной, послужили формальным поводом к очередной кровопролитной гунно-римской сваре. Приведя, в частности, к «битве народов» на Лигере и Матроне (современной Марне — В.А.) в 451 г. Сын же покойного августа и его вдовой августы, был в шестилетнем возрасте возведен на престол западной части Римской империи под именем Валентиниана III. Его правление (хотя за Валентиниана фактически правила мать, августейшая Галла Плацидия) было ознаменовано, кроме трусости и жестокости венценосного недоросля, лишь утратой им большей части имперских территорий. В 454 г. подозрительный и постоянно опасавшийся за свою жизнь придурок Валентиниан, подло убив «последнего римлянина» Флавия Аэция (с помощью евнуха по имени то ли Плацид, то ли Иракий), собственной рукой лишил свою власть последней опоры. Чтобы очень скоро, в 455 г., самому пасть жертвой убийцы, мстившего за Аэция.

В своем панегирике императору Авиту Сидоний Аполлинарий, стремясь отвести вину в убийстве Аэция от августа Валентиниана, полностью возложил ее на помогавшего (якобы) венценосцу евнуха-убийцу: «Плацид свершил, полумуж, Аэция гибель, безумный». Но истинный виновник происшедшего был всем слишком хорошо известен. Тем более, что, как мы помним, полное имя вероломного августа Запада было Флавий ПЛАЦИД (выделено нами — В.А.) Валентиниан, так что в панегирике Сидония мог содержаться почти непрекрытый намек на прямое соучастие августа в кровавом преступлении. И потому упоминавшийся выше Марцеллин Комит, историк времен Юстиниана I, напрямую связывает в своей «Хронике» под 454 г. гибель Западной Римской империи с убийством Аэция имен-

но Валентинианом: «Аэций патриций, великое спасение Западного (Римского — В.А.) государства и устрашение царя Аттилы, Валентинианом императором умерщвлен во дворце вместе с другом [его] Бозэцием; и с ним пало Гесперийское (Западное, по расположенному на крайнем Западе обитаемого мира мифическому саду Гесперид — В.А.) царство (римлян — В.А.), и доселе не смогло подняться».

Впрочем, согласно другим источникам, не все было так просто: за Валентинианом III стоял давний ненавистник храброго Аэция, знатный римлянин из senatorского рода Анициев, успевший побывать претором, трибуном и консулом (в один — 433 — г. с августом Востока Феодосием II «Каллиграфом») Флавий Петроний Максим — будущий западноримский император-узурпатор, правивший, Впрочем, недолго — с 17 марта по 31 мая 455 г. Этот заклятый враг Аэция таил злобу и на августа Запада Валентиниана, изнасиловавшего жену Петрония в своем дворце на Палатине.

По утверждению восточно-римского историка Иоанна Антиохийского, Петроний Максим понимал, что не сможет отомстить августу Валентиниану, пока Аэций жив. Поэтому коварный кознодей тайно сговорился с евнухом Валентиниана, примицерием (примикирием, т.е. главным смотрителем) священной опочивальни Ираклием, который долго боролся с «последним римлянином» за контроль над слабым императором. Вдвоем Максим и Ираклий убедили легковерного Валентиниана III, что Аэций намерен убить его и захватить престол Западной империи. В действительности же Аэций собирался женить своего сына Гауденция на дочери императора Евдокии. Между Аэцием и августом Валентинианом уже было заключено соглашение на этот счет. Валентиниан, усмотрев в матримониальных планах Аэция повод для подозрений, поверил Максиму и Ираклию и согласился убить своего лучшего полководца, опору империи Запада. Во время встречи с Аэцием 21 сентября 454 г. император вонзил своему спасителю в грудь меч (или кинжал), после чего слуги во главе с Ираклием добились тяжело раненого «последнего римлянина».

Одновременно с Аэцием был убит его сторонник, префект претория Бозэций. Но мало того! Прежде чем по Риму пополз слух об убийстве Аэция, император-убийца пригласил каждого из влиятельных друзей Аэция в свой дворец, где всех их умертвили поодиночке. Это кровавое событие потрясло и ужаснуло не только римлян, но и служилых варваров, с полным на то основанием уважавших Аэция больше всех

других римских военачальников. Когда август Валентиниан спросил одного из знатных римлян, хорошо ли или дурно он поступил, убив Аэция, тот ответил, что не может знать, дурно ли это, или нет, зато отлично знает, что император левой рукой отрубил себе правую.

После гибели Аэция, тайный вдохновитель его убийства Максим попросил Валентиниана назначить его на должность военного магистра вместо убитого, но император отказался. Ибо осмотрительный Ираклий посоветовал ему не давать никому такой же власти, как Аэцию. Если верить Иоанну Антиохийскому, Максим был настолько раздражен отказом Валентиниана назначить его военным магистром, что задумал убить императора. Он выбрал в качестве сообщников Оптилу и Траустилу, двух служивших «скифов» (готов или гуннов — В.А.), воевавших под знаменами Аэция и ставших затем телохранителями императора.

Максим легко убедил готов (или гуннов) в том, что Валентиниан был единственным виновником гибели Аэция, и предложил им отомстить за своего предводителя, пообещав награду за измену императору-убийце. 16 марта 455 г. Валентиниан III отправился верхом на Марсово поле (место военных упражнений) в сопровождении телохранителей, среди которых были Оптила, Траустила и их сообщники. Лишь только август Запада спешил, чтоб пострелять из лука по мишеням, как Оптила поразил его в висок. Раненый август обернулся, чтобы увидеть нападавшего в лицо, и был сражен Оптилой насмерть. В то же мгновение Траустила заколол злокозненного евнуха Ираклия. Снятые с убитого Валентиниана императорский венец и пурпур «скифы» доставили Максиму, обрадованному удачным завершением затеянной им интриги.

Убийство Валентиниана III оставило Западную часть Римской «мировой» державы без главы и без законного наследника престола. На императорский венец «Гесперии» рассчитывали сразу три претендента, поддержанные разными группами имперской чиновной бюрократии и военных кругов. Западноримское войско раскололось на три части, следовавшие за этими тремя кандидатами:

1) Максимианом (бывшим телохранителем-доместиком Аэция, сыном разбогатевшего в Италии египетского купца Домнина);

2) Майорианом, сменившим убитого Аэция в должности главнокомандующего и пользовавшимся поддержкой императрицы Лицинии Евдоксии; впоследствии Майориан, с помощью патриция Рицимера

(отпрыска свевского царского рода по отцу, внука вестготского царя Валии — по матери, ученика Аэция), сверг императора Марка Мецилия Флавия Эпархия Авита и стал-таки августом римского Запада под именем Флавия Юлия Валерия Майориана;

3)Петронием Максимом, за которого выступал сенат Ветхого Рима.

В конце концов, Максим, умело распределяя деньги между чиновниками императорского дворца, обошел своих конкурентов и 17 марта получил вождеденные диадему и пурпур.

Придя к власти в Ветхом Риме, Максим решил сразу же породниться с династией Феодосия, чтобы придать своей узурпации вид законности, и женился на Лицинии Евдоксии, вдове Валентиниана III. Лициния вышла за него замуж неохотно, поскольку догадывалась, что именно Петроний стоял за убийством ее венценосного супруга. Если верить Просперу Аквитанскому, узурпатор Максим запретил Лицинии оплакивать Валентиниана. Скороспелый император Запада сам способствовал усилению подозрений вдовы Валентиниана, ибо не только не казнил убийц последнего, но и возвысил их. Царьградский император Маркиан и не подумал признавать Максима августом западной части Римской «мировой» державы. Пытаясь укрепиться на престоле Запада в условиях отсутствия поддержки и признания со стороны Константинополя, Петроний дал своему приближенному Эпархию Авиту (которому предстояло стать вскоре «августом на час», чтобы быть свергнутым Майорианом) звание военного магистра Галлий и отправил его в галльскую Толосу, чтобы заручиться военно-политической поддержкой парвившего там, с формального согласия западноримского двора, царя вестготов Теодориха II.

Западный император расторг помолвку Евдокии, дочери Лицинии Евдоксии, с Гунерихом, сыном царя вандалов Гейзериха, бывшую, предположительно, одним из условий мирного договора Валентиниана III с вандалами. Расторжение помолвки узурпатором вызвало ярость Гейзериха, искавшего предлог к тому, чтобы откликнуться на просьбу призывавшей его в Италию Лицинии о помощи. Вандалы начали готовиться к вторжению в Италию. Лицинию Евдоксию в определенной мере извиняет то, что вдова Валентиниана не могла надеяться на сколь-нибудь существенную помощь от Восточной Римской империи. Ведь ее отец Феодосий II «Каллиграф» и тетка Пульхерия к тому времени почили в Бозе, а правивший Новым Римом на Босфоре Маркиан был человеком, совершенно не знакомым

и не симпатизировавшим Лицинии. По легенде, именно поэтому Лициния навела вандалов на Италию, обратившись за помощью к Гейзериху из желания отомстить узурпатору Петронию Максиму за своего супруга Валентиниана III. Согласно Прокопию Кесарийскому, Петроний Максим даже имел неосторожность признаться Лицинии, что убил императора Валентиниана из-за любви к ней. Хотя эту версию трудно увязать с другой, придающей первостепенное значение желанию Петрония отомстить за свою жену, изнасилованную августом Валентинианом. Ну что тут скажешь, кроме как «темна вода во облацех...»

В мае 455 года, после двух с лишним месяцев правления Максима, до Ветхого Рима докатилась весть о выступлении Гейзериха в поход на Италию. Как только эта весть распространилось по «Вечному Городу», его граждан охватила паника. Многие стали покидать свои дома, чтобы бежать, куда глаза глядят. Эпархий Авит к тому времени еще не вернулся с ожидаемым Петронием вестготским подкреплением. Отказавшись от планов отразить нашествие вандалов, как бесперспективных, Максим предпочел искать спасенья в бегстве, призвав «отцов-сенаторов» покинуть Рим на Тибре вместе с ним.

По мнению Эдварда Гиббона, Петроний Максим был заблаговременно уведомлен о подготовке Гейзериха к походу на Италию, но не проявил необходимых в таких случаях решительности, расторопности, смекалки, ожидая грозного врага с полнейшим безразличием. Похоже, долгие десятилетия «негативной селекции» привели к сильнейшей деградации западноримской правящей элиты, сделав ее хронически не способной к принятию мало-мальски разумных и верных решений...

Трусливый Максим выехал из Рима 31 мая 455 г., но был схвачен толпой разъяренных граждан «Вечного Города» и тотчас же побит камнями, как преступник. По утверждению же Иордана, Максим был убит «неким римским солдатом по имени Урс» (известно, что впоследствии два воина западноримской армии, римлянин и бургунд, спорили между собой, кто из них нанес императору смертельный удар). Тело развенчанного узурпатора было растерзано «вольнолюбимыми квиритами» в клочки и брошено с проклятиями в Тибр. По версии же Проспера Аквитанского, Максим был убит своими слугами. Правление Петрония Максима продлилось всего семьдесят восемь дней. Его сын от первого брака, Палладий, недолго носивший титул цезаря

и женившийся на своей сводной сестре, по-видимому, также был убит разгневанными горожанами или распоясавшейся наемной солдатней.

2 июня 455 года, через три дня после убийства Максима, «колченогий евразиец» Гейзерих выступил из Остии на незащищенный Рим, взятый им без малейших усилий. Не оказавшие вандалам ни малейшего сопротивления, римляне выслали навстречу Гейзериху мирную процессию, которую возглавлял папа римский Лев (первым из всех христианских епископов «Вечного Града» на Тибре принявший в 440 г. древний, чисто языческий, первосвященнический титул великого понтифика, носимый римскими папами по сей день) с представителями православного духовенства. Милостиво преклонив свой слух к увещаниям Льва (опытного дипломата, сумевшего тремя годами ранее уговорить царя гуннов Атиллу удалиться из Италии), Гейзерих отказался от кровавой расправы над римлянами и обязался защищать здания «столицы мира» от поджогов, приказав также своим вандалам и аланам (а возможно — и примкнувшим к нему маврам и берберам, если верить картине К.П. Брюллова «Нашествие Гензериха на Рим») воздержаться от резни в стенах «Вечного Города». Разграбление Рима на Тибре вандалами «со товарищи» длилось четырнадцать дней и ночей; последние остатки государственной казны и богатств частных лиц были доставлены в Остию, погружены на вандалские корабли и отправлены в Африку. Гейзерих выгреб дочиста все римские дворцы, забрал трофеи императора Тита, взятые тем при разграблении Иерусалима в 70 г. п. Р.Х., бесчисленное множество иных сокровищ. Обобрав до нитки (или ободрав, как липку) всех надменных римских богачей. Но удержавшись, все-таки, по просьбе папы Льва, от грабежа серебряной церковной утвари (папа на радостях повелел расплавить украшавшую Форум статую верховного бога римских язычников Юпитера Капитолийского и переплавить ее в статую первого римского епископа — святого апостола Петра). Вместе с немереной добычей в вандалскую столицу Карфаген была отправлена, в сопровождении своих порфирородных дочерей Пластидии и Евдокии, императрица Запада Лициния Евдоксия, наведшая, мстя за сугубо личные обиды, на свой родной город Рим вандалскую грозу...

Вот какие нравы процветали при дворе благочестивых римских императоров, да и среди неумоимо восхвалявших их счастливых, всем всегда довольных верноподданных, презрительно именовавших «(полу)диких» готов «варварами»...

Но вестгот Валяя счастливо избежал участи Аэция и прочих слишком успешных полководцев на римской службе которые могли: 1) сами стать императорами; 2) пасть от мечей и кинжалов ревнивых к их ратной славе императоров; 3) пасть от мечей и кинжалов наемных убийц, подсланных к ним этими императорами. Что было наглядно доказано печальными судьбами Стилихона и Аэция. Поэтому Валяя, довольный тем, что имел — зерновым хлебом и землей — решил держаться от благочестивых августов подальше, ограничившись укреплением своей власти над Толосским царством вестготов.

Именно с этого момента, как ни странно, началась (пусть с некоторой задержкой) романизация кельтов-тектосагов и их столицы. Не «готизация», а именно романизация. Осуществляемая не самими римлянами (у которых на это уже не было ни сил, ни времени, ни желания), занятыми исключительно «спасением животишек» (по выражению Федора Михайловича Достоевского), а — парадоксальным образом! — вестготами.

Прожившими и провоевавшими, как-никак, на протяжении целого поколения, бок-о-бок с римлянами и полными решимости создать на римской территории центр собственной власти.

Как писал французский историк-тулузовед и архивист Пьер Салье, вестготы, ничего не разрушившие ни в Немаузе (современном Ниме), ни в Нарбоне, принялись превращать Толосу в великолепный город с роскошными дворцами, достойными столицы, из которой вскоре стали повелевать обширным царством — царством, северная граница которого пролегла по Лигеру, заканчиваясь в южной Испании, простиравшимся на западе до вод Атлантики, а на востоке — до Родана. Правда, у вестготов, судя по всему, и не было другого выбора, чем фактически выстроить себе новую столицу на месте города, основанного тектосагами и расширенного римлянами. Раскопки свидетельствуют о катастрофическом разливе Гарумны в 412 г. — крупнейшем в истории этой реки и ее эстуария. Наводнение достигло масштабов, вызывающих ассоциации с ветхозаветным Всемирным потопом. Бесследно поглотив древний город тектосагов со сравнительно немногочисленными памятниками римской архитектуры. До нас дошли свидетельства блаженного Иеронима Стридонского, оплакивающего голод и упадок нравов, вызванные этим стихийным бедствием. Совершенно ясно, что толосцы не имели ни сил, ни возможностей сами возродить свой город и его округу. Прежде

всего, потому, что снова получили доступ к средиземноморской торговле лишь благодаря вестготам.

Необходимой для восстановления Толосы с прилегающей округой даровой (или почти даровой) рабочей силы было хоть отбавляй. Несказанно бедствовавшие после наводнения представители галльского племени тектосагов были рады любому заработку или приработку. К тому же к услугам вестготов было великое множество военнопленных, захваченных во время похода в Испанию. Строительство велось по римской технологии, без всяких элементов раннехристианского или «ромейского» архитектурного стиля. Вестготам было не до градостроительных экспериментов, они нуждались в жилищах и крепостных сооружениях без «архитектурных излишеств», возведенных, так сказать, в конструктивистском стиле. Огромная, мощная крепостная стена вокруг Толосы была возведена не римлянами в I в. п. Р.Х. (как долгое время полагали историки). В самый разгар не омрачаемого ничем серьезным «пакс романа» римлянам было совершенно ни к чему расходовать финансовые и трудовые ресурсы на возведение столь мощных и дорогостоящих фортификационных сооружений (в центре Нарбоннской Галлии при Октавиане Августе и его ближайших преемниках из династии Юлиев-Клавдиев было просто не от кого защищаться). Строительство городских стен столицы Нарбоннской Галлии, организация подвоза и погрузки материалов на речные суда и плоты, их доставка по Гарумне, производство кирпича в Толосе — все это было делом рук вестготов (естественно, с привлечением римских специалистов). Когда в 493 г. римский полководец Литорий, правая рука «последнего римлянина» Флавия Аэция, при поддержке гуннских «федератов», осадил столицу вестготов Толосу, построенные двадцатью годами ранее городские стены оказались для него непреодолимыми.

Других памятников светской архитектуры в современной Тулузе не сохранилось. Вообще, в Тулузе, чье население резко возросло за последние десятилетия, довольно трудно отыскать следы прошлого. Жизнь в бывшей метрополии вестготов бурлит, как в Париже. Гуляя вечером по тулузскому Бульвар де Страсбур, трудно отделаться от впечатления, что находишься в парижском Сен-Жермен де Пре. Единственным напоминанием о полуварварских, давно прошедших временах служит, пожалуй, ресторан, где подают отменные бифштексы, брызжущие кровушкой не хуже флорентийских...

Церковная архитектура оказалась более стойкой, сохранившись под напором модернизма, в куда большей степени, чем светская. На площади, где до катастрофического наводнения 412 г. стоял языческий храм, в готскую эпоху была возведена церковь Ля Дорад (Позолоченная), получившая свое название от золотого фона мозаики, украшающей ее с V в. Площадь, на которой возвышалась эта готская церковь, нетрудно найти. Ибо свято место пусто не бывает. И потому на месте смытого наводнением храма богини мудрости Минервы (римского аналога Афины Паллады) и Позолоченной (Дорад) церкви (вероятно, арианской), сегодня высится, отделенная от Гаронны набережной, римско-католическая базилика XVIII в.

Кафолическое христианство, утвердившееся в Толосе за двести лет до вестготов, чтит память своих святых мучеников и страстотерпцев ежегодными праздниками. Как и сменившее его со временем римско-католическое. Сент-Сернен (кафедральный собор нынешней Тулузы), был назван в честь святого Сатурнина — первого епископа римской Толосы, прибывшего в город в 245 г. Его житие, в общем и целом, носит вполне исторический характер. Судя по тому, что опускает историю юности святого, излагая лишь факты его мученичества как такового. Согласно житию святого Сатурнина (по-французски — Сернена), он жил недалеко от толосского Капитолия, мимо которого ему постоянно приходилось проходить. На Капитолии Толосы (как и на Капитолии Ветхого Рима, с которого он был скопирован) были сосредоточены главные святилища языческих богов. Данное обстоятельство было использовано против христианского епископа языческими жрецами, прекратившими в 250 г. жертвоприношения идолам. Под тем предлогом, что их боги отказываются принимать жертвы, пока те оскверняются постоянным присутствием главного врага «праотеческой веры». По другой версии, идолослужители, стремясь запятнать репутацию епископа, потребовали от Сатурнина принести белого быка в жертву гению римского императора Деция. Того самого гонителя христиан, которому предстояло очень скоро, в 251 г., потерпеть поражение от готов в битве при Абритте, быть сбитым с коня и утонуть в болоте, став первым римским императором, погибшим на войне с внешним врагом. Сатурнин, будучи стойким христианином, отказался. И претерпел мученичество, подобно своему собрату — святому Папулу, первому христианскому священнику в Толосе.

Епископа Толосы Сатурнина привязали веревкой к хвосту быка, предназначенного в жертву императору, и погнали того вниз по ступеням Капитолия. Еще до того, как бык добежал до самого низа, череп епископа был разбит о каменные ступени лестницы. Но язычники гнали быка все дальше по ведущей с севера на юг улице кардо (существовавшей в каждом римском городе), пока он не выбежал через ворота на равнину за городом, где веревка разорвалась. Лишь там две христианки («святые девы» — память им 17 октября) осмелились предать земле бранные останки святого страдальца.

Вероятно, именно по этой причине Памплона (древняя Пампелуна) — «город быков» в Северной Испании — избрала священномученика Сатурнина своим небесным заступником. Что лишний раз доказывает ее тесную связь с Толосой — несмотря на разделяющие оба города Пиренеи. Ведь царство вестготов просуществовало одинаковый по времени срок по обе стороны Пиренеев. Арабы-мусульмане, уничтожившие в начале VIII в. царство вестготов в Септимании (области, отданной в свое время под поселение ветеранам римского Седьмого, по-латыни - септем, легиона), разрушили и базилику, посвященную святому Сатурнину. Однако уже при царе франков и обновителе (Западной) Римской империи Карле Великом в честь великомученика был воздвигнут новый храм. Ставший хранилищем его святых мощей (или, как говорят римо-католики — святой реликвии) и важнейшим местом паломничества на пути пилигримов к главной христианской святыне Западной Европы — Сантьяго де Компостела в североиспанской области Галисии (при вестготах — Галиции), хранящей живую память о небесном заступнике Испании — святом апостоле Иакове Зеведееве, или Иакове Старшем — ученике самого Господа Иисуса Христа. Дорожные указатели на ультрасовременных автострадах Испании по сей день напоминают о ней иностранным туристам, не знающим, возможно, о значении словосочетания Камин де Сантьяго.

Сегодня тулузская базилика Сен-Сернен, увенчанная высокой остроконечной восьмигранной башней колокольни (возведенной не при готах, а позднее, в XII в.) — самый красивый, большой и роскошный романский собор не только во Франции, но и во всей Европе. Построенный в 1080–1350 гг. (тогда строили долго, но основательно, не торопясь скорей «освоить» выделенные средства), он (или, во всяком случае, его старейшая часть — хоры с апсидными часовнями) дает нам

уникальную (для современной Тулузы) возможность ощутить хотя бы дух Средневековья. Храм расположен в самом сердце Тулузы и соединен прямой улицей под названием «Тор» («Бык» — в память об идоложертвенном быке, влачившем святого по городу) с площадью Капитоль (в память о Капитолии, где когда-то началось мученичество епископа Сатурнина). Базилика стоит в окружении узеньких улочек, неожиданно выводящих нас к ней. Она, как каменный цветок, высится над тесно стоящими рыжими зданиями. Храм выстроен из кирпича, как и вся старая Тулуза (прозванная за это «Розовым городом»). Добраться до базилики проще всего двумя способами:

1) доехать на метро по ветке «А» до станции «Капитоль», выйти на площадь Капитоль и пройти по улице Тор прямо к базилике, ориентируясь на ее колокольню;

2) доехать на метро по ветке «Б» до станции «Жанна д' Арк», пройти несколько метров до Бульвар де Страсбур, потом повернуть налево — и выйти прямо к фасаду базилики. Стоимость билета равна 1,60 евро (как на метро, так и на автобусе).

Интерьеры церкви поражают своим величием: сводчатые потолки украшены лепниной и витражами, а сама базилика по форме напоминает огромный крест. Она внесена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Но хватит об этом...

Многие ученые до сих пор утверждают, что вестготы уничтожили (или, в лучшем случае — «варваризовали», т.е. примитивизировали и привели в упадок) процветающую античную культуру тектосагов. Другие (со сравнительно недавних пор) — что вестготы придали новый импульс деградирующей, загнивающей колониальной цивилизации, сделав ее самостоятельной и независимой от окончательно впавшей в ничтожество римской метрополии. Споры не утихают. В качестве аргумента используется каждый новый найденный кирпич. Ибо лишь на основании тщательного изучения кирпичей можно судить о времени возведения той или иной постройки, того или иного сооружения. Когда в XII в. сносили древнюю Позолоченную церковь, выяснилось, что она была построена вестготами из кирпичей еще более древнего римского амфитеатра. Итак, храм состоял из римского стройматериала, но был построен в послеримский, вестготский период — вот вам, уважаемые читатели, пример многочисленных проблем, которые приходится решать местным археологам и краеведам при классификации архитектурного наследия.

Французы вообще трепетно, если не сказать — любовно относятся ко всему, связанному с археологией. В специализированных журналах перед наступлением очередного летнего сезона регулярно анонсируются предстоящие раскопки, с указанием условий участия в них, количества необходимых участников, возможностей проживания и т.д. Все больший интерес к вестготскому прошлому, естественно, идет на пользу части Франции, расположенной между Луарой и Пиренеями. Энтузиасты раскопали древние акведуки (один из них, длиной семь километров, был построен для снабжения водой Толосы при вестготах). Было найдено множество отдельных погребений с фибулами, пряжками и прочими артефактами в том же роде. Но надежды французских кладоискателей откопать сокровища вестготов (и, возможно, даже легендарный «клад Алариха») пока что оправдались не в большей степени, чем надежды их итальянских коллег — откопать их в русле Бусенто... А впрочем, сказано: Ищите — и обрящете...

Несмотря ни на что, период Толосского царства (418–507), конец существованию которого был положен франками православного царя Хлодвига I из дома Меровингов, разбившего вестготов-ариан в 507 г. в кровопролитной битве при Пиктавии (современном Пуатье), вошел в историю как период вестготского величия (если не сказать — великодержавия). Преемником Вальи стал (вероятно, связанный с ним родственными узами, а по некоторым сведениям — внебрачный сын Алариха) Теодорих I (годы правления: 419–451). Теодорих значительно расширил пределы Толосского царства. Он дважды (в 422 и 427 гг.) пытался захватить Арелат (нынешний Арль), но оба раза получал отпор от «последнего римлянина» Флавия Аэция. Однако вскоре угроза очередного нападения гуннов под предводительством «Бича Божия» Аттилы заставила вестготов и римлян временно объединиться, забыв на время свои распри. Уже глубоким стариком, но не утратив боевого духа, Теодорих, во главе вестготского контингента «воинов-интернационалистов» в составе сводной армии патриция Аэция, 20 июня 451 г. сразился на полях Каталауна со столь же многонациональным воинством Аттилы. Согласно Иордану, «правое крыло держал Теодерид с везеготами, левое — Аэций с римлянами; в середине поставили Сангибана, <...> который предводительствовал аланами». Примечательно, что Иордан приводит в своей «Гетике» целых две, причем взаимоисключающие, версии гибели на поле брани Теодориха-Теодерида:

1) «Там король (царь — В.А.) Теодорид (Теодорих — В.А.), объезжая войска для их ободрения, был сшиблен с коня и растоптан ногами своих же; он завершил свою жизнь, находясь в возрасте зрелой старости»:

2) «Некоторые говорят, что он был убит копьём (буквально — «снарядом», т.е. дротиком, а может быть, стрелой — В.А.) Андагиса (из царского рода Амалов — В.А.), со стороны остроготов, которые тогда подчинялись правлению Аттилы».

Какой же из двух версий верить? Вновь «темна вода во облацех»...

Воистину, велеречивый Иордан воздвиг царю вестготов памятник нерукотворный: «... везеготы стали искать короля (царя — В.А.), сыновья — отца, дивясь его отсутствию, как раз когда наступил успех. Весьма долго длились поиски; нашли его в самом густом завале трупов, как и подобает мужам отважным, и вынесли оттуда, почтенного с песнопениями на глазах у врагов. Виднелись толпы готов, которые воздавали почести мертвецу неблагозвучными, нестройными голосами тут же в шуме битвы. Проливались слезы, но такие, которые приличествуют сильным мужам, потому что, хотя это и была смерть, но смерть — сам гунн тому свидетель — славная. Даже вражеское высокомерие, казалось, склонится, когда проносили тело великого короля (царя — В.А.) со всеми знаками величия. Отдав должное Теодориду, готы, гремя оружием (видимо, ударяя копьями в щиты, как полагалось при избрании царя народом-войском у германцев — В.А.), передают наследнику королевскую (царскую — В.А.) власть, и храбрейший Торисмуд (Торисмунд, который, по Исидору Севильскому, став царем вестготов «правил <...> очень недостойно и много плохого сделал» — В.А.), как подобало сыну, провожает в похоронном шествии славные останки дорогого отца» («О происхождении и деяниях гетов»).

В «битве народов» под Каталауном вестготы так отчаянно, самоотверженно и яростно дрались с остготами, что чуть не загубили на корню будущее всей Европы. Впрочем, прошло всего пятьдесят лет — и перед лицом общей опасности ост- и вестготы стали союзниками. Вестготы помогли Теодориху Остготскому разбить бургундов и, главное — гунноскира Одоакра. Остготы же, хотя и подросли к полю битвы при Пиктавии уже после разгрома вестготов франками, все же помогли позднее своим вестготским братьям по крови и по арианской вере отстоять от православных франков Септиманию. Последние вестготы, долго хранившие верность арианству, сохранились там

чуть ли не до смены Средневековья Новым Временем под именем «каготов» — своего рода «париев» или «неприкасаемых», подозреваемых римско-католическим большинством местного населения в приверженности к ереси и связях с нечистой силой.

Благодаря остготской поддержке, вестготы, оттесненные франками в Испанию (где их новой столицей стал Толет), смогли удержать за собой часть утраченного ими Толосского царства между Восточными Пиренеями и Средиземным морем. Особенно ценную для вестготов благодаря расположенным там древним и богатым галлоримским по происхождению торговым городам. Известным ныне всем и каждому (хотя не всем и каждому известно ныне, что до 721 г. эти города были вестготскими) — Каркассону и Нарбонне, Магелону и Эльну, расположенному у самого впадения Эро в Лионский залив Агду (прославленному ныне разве что своими нудистскими пляжами), Ниму, древней герцогской столице Юзесу. Гуляя в наши дни по этим древним городам — античному Ниму, тесным по-средневековому Юзесу и Каркассону, понимаешь, почему немало высокоученых мужей до сих пор скрещивают и ломают словесные копыя в спорах о том, представляло ли собой Толосское царство вестготов последний островок безвозвратно уходящей в прошлое античной культуры на землях современной Франции, или же плацдарм надвигающегося на нее — от Эльбы до Гаронны — германского Средневековья. Как бы то ни было, в проигранной вестготами в 507 г. кровопролитной битве при Пиктавии-Пуатье (городом, под которым не раз в истории человеческого рода сходились в судьбоносных схватках разные народы, исповедовавшие разные веры) в лице франков-кафоликов Хлодвига I одержало победу Средневековье. Тучи над готами все больше сгущались.

ВЕСТГОТСКИЙ РАГНАРЁК

Говорят, студентам-медикам особенно трудно разбираться в многочисленных крупных и мелких костях и косточках человеческого черепа. Не менее сложно историкам разбираться в хитросплетениях истории западнототских царей со всеми их сыновьями, супругами, соправителями и соперниками. Православно-кафолические, арианские и втайне симпатизирующие язычникам авторы писали о них, внося в вопрос еще большую путаницу, в свете своих симпатий и антипатий, фальсифицируя, обрабатывая и перетолковывая и, в довершение ко всему, выдумывая обращения из ложной веры в истинную, которых в действительности не было. Если бы автор настоящей книги взялся все это пересказывать в подробностях, то ему очень скоро не пришлось бы считать овец, чтобы уснуть. Ибо поведение героев раннего испанского Средневековья, действующих по одному и тому же, одинаково ужасному сценарию: религиозные споры-братоубийство-отцеубийство-сыноубийство-покушения-захват власти насильственным путем — с почти удручающим однообразием приводило к одному и тому же, одинаково ужасному, результату — сну разума, порождающему кошмары. Или — чудовищ (памятуя о знаменитой гравюре из цикла «Капричос» гениального испанского художника Франсиско Гойи)...

Судя по всему, прежних готских традиций господства и подчинения уже было недостаточно для регулирования порядка престолонаследия. Из числа царей вестготов, правивших территорией от Толосы до Толета, два — Теодорид II и Еврих, или Эйрих — захватили престол силой. Другие — Атаульф, Аларих II и Амаларих-Амальрих — пришли к власти благодаря своим родственным связям с прежними властителями. Большинство же вестготских царей были избраны решением т.н. «великих царства» — т.е. представителей знатных родов и самых богатых вестготов — из своей среды. Наиболее дельных и энергичных из них поднимали на щите, как римских императоров. Так стали царями Валья и Теодорих I — властитель вестготов, героически павший в «битве народов» с гуннами на Каталаунских полях. Да и сын Теодориха — Торисму(н)д (годы правления: 451–453),

провозглашенный вестготами преемником павшего отца прямо на поле сражения.

Некоторые авторы считают, что арианство вестготов на рубеже IV-V в.в. еще не играло особой роли во внешне- и внутривосточных отношениях. Мало того, иные из них находят аргументы в пользу утверждения, что принятие вест- и остготами этой формы христианской веры произошло достаточно случайно. С их точки зрения, различия между православием и арианством в то время были, якобы, еще не слишком-то большими. Достаточно вспомнить, по мнению сторонников данной версии, хотя бы весьма терпимое отношение арианина Алариха к православным святыням взятого им Ветхого Рима. Оставим данные утверждения на совести авторов (хотя, думается, мало кто из серьезных религиоведов с ними сегодня согласится). Но, так или иначе, по мере консолидации православного мира, укрепления его догматической, теоретической и вероучительной базы на великих церковных соборах Восточного Средиземноморья, и после обретения православной церковью сильного союзника, в лице франков, на Западе, связанные с религиозными различиями политические проблемы стали все больше обостряться.

С учетом растущего военного могущества франкских племен, утвердившихся, опираясь на союз с католической церковью, в столь богатых землях, как Галлия и соседние с ней территории, готы (от Равенны до Толосы и Толета) не раз пытались, во что бы то ни стало, улучшить отношения с франками путем установления родственных связей с франкскими знатными родами. Естественно, получая оттуда в качестве невест для своих арианских царевичей и княжичей правверных православных царевен и княжон. Дело, как водится, не обошлось без конфликтов на религиозной почве. Скажем, царь вестготов Амаларих (Амальрих), убежденный арианин, смертным боем бил свою жену — благочестивую православную франкскую царевну Клотильду -, пока та, так и не обратившись в арианство, не решилась с верным человеком переслать своим братьям пропитанный ее кровью платок (как свидетельство страданий, переносимых ею ради веры). Видно, Амальрих в пылу арианского рвения забыл о мудрой заповеди святого апостола Павла во Втором послании к коринфянам «не давать повода ищущим повода». Разгневанный мучениями сестры, претерпеваемыми ею за веру, брат Клотильды, царь франков Хильдеберт, или Гильдеберт (возможно, ждавший подходящего

момента и повода), собрав большое войско, подступил к Нарбону и наголову разбил вестготов. Спасаясь бегством, Амаларих — (видно, очень уж «жаба душила»!) — ненадолго заскочил в Нарбон, чтобы прихватить кое-что из сокровищ, и был убит ударом франкского копья. Это — по одной версии. А по другой: «Разбитый Хильдебертом, королем франков, в битве у Нарбона, Амальрих в страхе бежал в Барселону. Презираемый всеми, он был зарезан собственными людьми и умер» (Исидор Севильский).

Еще до Амалариха царь Еврих, или Эйрих (филологи-германисты, утверждают, что по-готски его имя звучало несколько иначе — Эорих), брат царя Теодериды (466–484 гг.), захвативший престол путем братоубийства, поставил под угрозу внутренний мир и покой в своем могущественном царстве, внушавшем страх и уважение соседям «вплоть до Рима великого», начав суровые гонения на православных. Что вполне соответствовало и его военной политике, направленной против православной «ромейской» империи. Согласно Исидору Севильскому: «Как только преступление дало ему (Эориху — В.А.) власть, он отправил послов к императору Льву и без задержки начал грандиозное и разрушительное наступление на Лузитанию (территорию современной Португалии — В.А.)». Иордан же пишет иное: «Тогда Еврих, король (царь — В.А.) везеготов, примечая частую смену римских императоров, замыслил занять и подчинить себе Галлии». При Еврихе вестготы начали записывать законы. Резюмируя деятельность Евриха, автор «Гетики» пишет, что он подчинил себе Испанию и Галлию и покорил бургундзонов (бургундов). А пришедший к власти после Евриха, вероятно, наиболее значительный властитель этого переходного периода вестготской истории — Леувигильд, Лиувигильд или Леовигильд (правивший царством западных готов уже не из Толосы, а из Толета — современного Толедо) — был вовлечен в кровопролитную борьбу со своим собственным сыном Германгильдом (или, по-нашему, по-русски — Ерменингельдом, царевичем готфским). Из-за женитьбы последнего на православной франкской царевне Ингунде. Возможно, отцу и сыну удалось бы найти разумный «консенсус». Ведь Леовигильд слыл мудрым монархом, непритворно любившим своих сыновей. Но его жена Госвинда, вдова предшественника Леувигильда, на которой тот женился вторым браком — не по любви, а из «соображений государственной пользы», чувствуя себя несправедливо оттесненной на второй план, питала самые недобрые чувства к своей

православной невестке из франкского племени. Конфликт между Госвиндой и Ингундой приносил последние несказанные страдания. Не в силах оставаться их бессильным и немым свидетелем, муж несчастной Ингунды — царевич Герменгильд, наследник вестготского престола — упросил отца отправить его наместником в Гиспалис, или Гиспалу (будущую Севилью). Там он, обдумывая планы мести, перешел из арианства в православие и поднял военный мятеж, надеясь свергнуть с престола отца и ревностную арианку Госвинду.

Православные «ромей» (еще владевшие, со времен «восстановителя Римской империи» Юстиниана I, частью Испании), казалось, бывшие естественными союзниками Герменгильда, своего новоиспеченного единоверца, вопреки всем ожиданиям, не поддержали. А предпочли предать и продать его... нет-нет, не за тридцать сребреников, а за тридцать тысяч золотых солидов венценосному отцу — еретик-арианину (с православно-римской точки зрения). «Ничего личного»... Должны же были «сыны Ромула» вернуть себе каким-то образом хотя бы часть золота, украденного у них вестготами в ходе многочисленных «походов за зипунами», полученного от «ромеев» в виде дани, контрибуции, «федератского» жалованья и т.д. Надеюсь, уважаемый читатель не забыл, что восклицали готские «федераты» Гайны, потрясая отсеченной и насаженной ими на копье головой «ромейского» временщика патриция Руфина? Дайте ненасытному!!!

Будь Леовигильд кровожадным чудовищем, как многие из его предшественников и преемников, он бы, конечно, не замедлил выставить отрубленную голову сына — вероотступника (с арианской точки зрения) и бунтовщика (со всех точек зрения) на всеобщее обозрение (и это в лучшем для неудачливого Герменгильда случае). Но Леовигильд кровожадным чудовищем не был. Обняв «блудного сына» со слезами на глазах, он простил Герменгильда, ограничившись его ссылкой в Валенцию (современную Валенсию — ничего себе ссылка, прямо как Пушкина сослали в Крым, Кишинев, Гурзуф, Одессу!). И лишь в 585 г., когда Герменгильд тайно покинул место ссылки и бежал на север (да еще оскорбил по пути арианского епископа, отказавшись принять от того Святые дары), Лиувигильду пришлось заступиться за все оскорбленное, в лице епископа, арианское духовенство Испании. Столь тяжкое преступление каралось смертью. И Герменгильд был казнен. За что по прошествии почти тысячи лет римско-католическая церковь в лице папы римского Сикста VI

в 1585 г. канонизировала православного (римско-католическая церковь откололась от православной только в 1054 г., до этого никаких «католиков» не было, а были лишь кафолики, т.е. православные) вестготского царевича. Папа римский Урбан VIII распространил почитание священномученика на весь римско-католический христианский мир. А на территории нынешних Испании и Португалии Германгильд-Эрменгильд был прославлен в лике местночтимых священномучеников сразу же после официального перехода иберийской церкви из арианства в православие в VII в.

Автор(ы) его жития уточняет (уточняют) и объясняет (объясняют) ход событий указанием на то, что он был сыном Леовигильда не от Госвинды, а от первой жены чадолюбивого вестготского царя — Феодосии, дочери восточно-римского наместника Испании Севериана. Согласно житию, святого, православная христианка Феодосия заронила в душу юного Германгильда семя неприятия арианства. Впоследствии это семя проросло под благотворным влиянием франкской жены царевича. Но главная заслуга в деле отвращения Герменгильда от арианских заблуждений и обращения его в истинную — кафолическую, т.е. православную веру, принадлежала Леандру, архиепископу Севильскому (Гиспальскому) — одному из самых выдающихся церковных и политических деятелей того столетия. Хотя, вообще-то, не совсем понятно, как и почему рьяный арианин Леовигильд позволил своему любимому сыну столь тесно общаться с этим православным князем церкви...

Леовигильд вроде бы скоро раскаялся в казни сына и — нет, не перешел из арианства в православие (что признает автор жития и честно подтверждает Григорий Турский в своей «Истории франков»), но не препятствовал сделать это своему другому сыну — Реккареду.

При обращении к тексту самого жития вестготского священномученика перед нами вырисовывается следующая картина, несколько (мягко говоря) отличная от приведенной нами выше.

Святой Ерменигельд был сыном готского царя-арианина Леовигильда. Подобно своему царю, подавляющее большинство готов и его сыновья Ерменигельд и Реккаред, исповедовали арианство. Святой Ерменигельд и Реккаред были сыновьями Леовигильда от первого брака. Его первой женой была Феодосия, двоюродная сестра святителя Леандра, архиепископа Гиспальского. Леовигильд стал управлять Испанией в 568 г. После смерти в 568 г. царя Атанагильда

в вестготской монархии наступил период междуцарствия. Лишь спустя пять месяцев на трон был избран царь Лиува I, который стал править в тогдашней столице вестготского царства Нарбоне. Он избрал в соправители своего брата Леовигильда, поручив ему управление Испанией. Столицей Испании стал в 569 г. город Толет. В 573 г. умер Лиува, и Леовигильд стал единственным царем вестготов. Леовигильд правил четырнадцать лет, которые прошли в постоянных сражениях за безопасность государства и расширение границ со свевами, франками и правителями (восточно)римских владений в Испании. Кроме того, постоянно происходили внутренние восстания, умиряемые его железной рукой, часто с большой жестокостью. Став суверенным монархом, Леовигильд разделил свою власть с сыновьями — Ерменигельдом и Реккаредом, с тем, чтобы, по крайней мере, один из них наследовал трон. Такая форма правления была введена с целью сохранить власть монарха в этой семье. Являясь фактически узурпацией власти, противоречащей германской традиции свободного избрания монарха. Вероятно, именно по этой причине в годы правления Леовигильда среди знати, считавшей себя обделенной в правах на престол, возникало множество заговоров против царя. Возможно, эти заговоры поддерживались соседними царствами, жаждущими подорвать любым способом все возрастающее могущество Леовигильда.

После смерти первой супруги Леовигильд женился на Годсвинте, вдове царя Атанагильда. По сведениям древних хронистов, она была «крива телом и душой». Годсвинта таила в себе скрытую злобу и ненависть к христианам (надо думать — православного вероисповедания — В.А.). Одна из ее дочерей от первого брака Гелесвинта, бывшая замужем за франкским царем Луильперихом Ротомагским, была убита по приказанию своего мужа на супружеском ложе, а ведь франки были православными (эта трагедия стала темой для скорбной элегии испаноримского поэта Венанция Фортуната, посвященной Гелесвинте). Другая дочь Годсвинты, Брунегильда, была замужем за франкским царем Сигибертом Дурокорторским, и их союз был счастливым и плодовитым (оставим это заявление на совести автора «Жития», ибо речь идет о той самой Брунгильде-Бруннегаут, которую франки казнили, четвертовав лошаадьми, за убийство десяти членов царской семьи Меровингов, о которой мы упоминали в главе «Загадочный царь Германарих» — В.А.). Однако поступок православного царя Лу-

ильпериха, убившего ее дочь, оставил в душе Годсвинты неутолимую горечь и желание отомстить любому христианину (православного вероисповедания), что возымело затем трагические и кровавые последствия.

579 г. стал радостным и торжественным для вестготского царства. В этот год состоялась свадьба между православной франкской царевной Ингундой и первенцем вестготского царя Ерменингельдом. Ингунда была сестрой царя австразийских франков Хильдеберта II и дочерью Сигиберта I и Брунегильды, дочери Атанахильда и Годсвинты. Годсвинта стала плести интриги вокруг этого брака между своей внучкой и пасынком, в которых, наряду с личными, без сомнения, важную роль играли и политические мотивы.

Ингунда была православной, остальные члены семьи и царский двор вестготов хранили верность арианству. Годсвинта настойчиво пыталась, сперва — лаской, а затем — угрозами, добиться, чтобы Ингунда отказалась от православия и приняла арианское крещение. До нас дошли диалоги этих двух женщин, в которых внучка, непреклонная в своей вере, страдала от угроз разгневанной бабки. Дворцовая атмосфера становилась с каждым днем все более невыносимой, особенно для Ерменингельда, покоренного любовью и добродетелью своей жены.

Чтобы избежать скандалов, которые могли стать известными народу, большинство которого составляли не вестготы-ариане, а православные испаноримляне, было принято решение отправить молодоженов в Гиспалу, на территорию, граничащую с испанскими владениями восточных римлян. Где нужен был царский наместник, которому монарх мог бы без опасения доверять. Кроме того, с удалением от двора Ингунды Леовигильду было проще осуществлять политику религиозной унификации страны, по сути означавшей насильственное обращение православных христиан в арианство. По мнению вестготского царя, эта мера должна была укрепить политическое единство страны. Кроме того, Леовигильд рассчитывал, что за время пребывания Ингунды и ее мужа царевича Ерменингельда в Гиспале ее религиозное упорство ослабеет, она подрастет и «поумнеет», ведь в пору своего бракосочетания Ингунда была еще почти подростком.

Нелегко оценить миссию святого Ерменингельда в Бетике (области юго-западной Испании, приблизительно совпадающей с современной испанской провинцией Андалузией). Современные авторы

используют двусмысленные фразы, что речь шла об управлении царевичем той областью в качестве царского наместника, а не суверенного монарха. Любое расчленение визиготского царства шло вразрез с политикой объединения, проводимой Леовигильдом.

Одновременно с удалением из Толета Ерменингельда царь начал активную политику по обращению в арианство всех своих подданных, религиозного объединения ариан-вестготов и православных испаноримлян. В 580 г. в Толете состоялся собор арианских епископов, который «облегчил» христианам-кафоликам путь к вероотступничеству (уклонению из православия в арианскую ересь — В.А.). Он признавал действительным православное крещение, если при этом таинстве произносилась арианская крещальная формула. Была много случаев вероотступничества — например, епископ Сарагосский Винцент, обратился к арианству даже не столько по богословским убеждениям, столько из страха и расчета.

Преследования, разжигаемые при подстрекательством царицы — «головы, ответственной за принятые меры», изобиловали ссылками, экспроприациями, телесными наказаниями и тюремными заключениями. Однако вместе с этим проявилась душевная стойкость, твердость веры и мужество ряда архиереев, таких, например, как Масона Эмеритский, столп гонимого православия, который не оробел перед угрозами ариан. Он был изгнан со своей кафедры, и на его место был назначен арианин Сунна. В «Историю великих архиереев» этот Сунна вошел как человек «отвратительный, гнусного зверского лица, свирепого взгляда, грубых манер...», незаконно захвативший кафедру, которого Масона вызвал на публичный диспут (или, говоря по-древнерусски, «прю о вере»), в котором с легкостью одержал победу. Однако, это не помешало отнятию у (православной — В.А.) церкви в пользу еретиков находившейся в юрисдикции святителя Масоны базилики святой Евлалии, базилики Пресвятой Девы Марии Толетской и многих других православных храмов вестготского царства. Были попытки убить энергичного архиерея, и царь угрожал ему ссылкой, которую святитель воспринял с иронией: «Ты предлагаешь мне ссылку? Имей в виду, я не боюсь угроз. Меня не пугает ссылка. И поэтому я прошу тебя, чтобы ты, если знаешь хоть одно место, где нет Бога, послал меня туда». «Безумец, есть ли такое место, где нет Бога?», — прервал его царь. «Если ты знаешь, что Бог есть везде, — ответил Масона, — почему же ты угрожаешь мне

ссылкой? Я знаю, что в любом месте, куда бы ты меня не послал, у меня не будет недостатка в Божией помощи. И я так в этом уверен, что чем больше ты будешь меня притеснять, тем более мне будет помогать и утешать милосердие Божие». Подобно Масоне, из своих епархий были изгнаны святой Леандр Севильский, святой Фульгенций Эсихский, Фроминий Агдский. Святой Исидор Севильский, выдающийся церковный деятель, историк и образованнейший человек своего времени, говоря о тех преследованиях, сообщает, что Леовигильд «преисполненный арианского фанатизма, преследовал православных, изгоняя епископов, захватывая церковное имущество, лишая Церковь прав. Этим он достиг того, что многие переходили в ересь, напуганные наказаниями или прельщенные деньгами и царскими милостями».

А в это время, будучи правителем Бетики в Гиспале, окруженный преданным двором, Ерменингельд возродил в своем доме мир и покой. Ингунда могла свободно исповедовать свою веру и впервые познать радость материнства с рождением сына, которому дали имя Атанагильд.

Прибытие Ерменингельда в Гиспалу совпало с пребыванием на епископской кафедре святого Леандра, старшего из четырех святых братьев и сестер, прибывших из Нового Карфагена (Картахены) в визиготскую землю. Все они — кто на епископской кафедре, кто в монастыре — стали светильниками и примерами добродетельной жизни. Святой Леандр был старшим сыном, его братьями были святитель Исидор, избранный на Гиспальскую кафедру после смерти святого Леандра, и святитель Астигский Фульгенций, сестрой — преподобная Флорентина, основавшая первый женский монастырь в Испании.

Благодаря продолжительным беседам королевича с епископом Леандром и добродетельному примеру супруги Ингунды, Ерменингельд познал истину христианской (православной — В.А.) веры и ложь арианской ереси, далекой от Божественной правды, поскольку она отвергала основной догмат — Божество Господа Иисуса Христа и единосущие Пресвятой Троицы. Под воздействием благодати Божией он отрекся от арианства и стал членом православной паствы, приняв крещение с именем Иоанн.

Интересно, в данной связи, отметить роль православных правительниц в позднеантичной и раннесредневековой Европе, благодаря которым обращались к (православной — В.А.) вере сперва их мужья,

а затем и целые народы. Бургундская царица Клотильда повлияла на обращение (в православие — В.А.) своего супруга — франкского царя Хлодвига. Меровингская царица Берта, бывшая замужем за Этельбертом Кентским, стала своеобразным «мостом» для проникновения православия на юг Англии; Этельберта, супруга царя Нортумбрии Эдвина, представила ему монаха Павлина Йоркского, крестившего в реках Нортумбрии массы народа. После этой встречи и сам англосаксонский царь стал христианином. Царица Теодолинда повлияла на просвещение лангобардов; наконец наша славная равноапостольная великая княгиня Ольга-Хельга из готского рода Амалов много поспособствовала просвещению подчиненных князю Игорю руссов и славнейшего из русских Амалов — своего внука святого Владимира Красное Солнышко, крестившего Русь в православную веру. В Испании на Ингунду выпала миссия подготовить страну к официальному принятию православия, но эта миссия стоила многих жертв, скорбей и потерь.

Преследование православных, начатое Леовигильдом, как и следовало ожидать, вместо того, чтобы укрепить единство страны, стало причиной более глубокого разделения. До достижения политического спокойствия визиготам было еще далеко. Испаноримляне считали вестготов не своими соотечественниками, а скорее оккупантами; варвары занимали все главные должности и при дворе, и в армии. В официальных вестготских документах той эпохи встречаются только германские имена.

В этот период государство вестготов раздиралось множеством внутренних нестроений, сопровождаемых многочисленными восстаниями, которые Леовигильд был вынужден с жестокостью подавлять, будучи не в силах мирным путем потушить их очаги. Баски, кантабры, левантийцы, жители Ороспеды серьезно угрожали существованию готской монархии. Но самую большую угрозу представляли области Гиспалы и Кордубы, совсем недавно отвоеванные готами у «ромеев». Ставшие пристанищем противников вестготов, всегда готовых проявить свою непокорность. С той же проблемой столкнулись готы полтора века спустя при борьбе с арабским вторжением.

Обращение святого Ерменингельда в православие повлекло за собой волну негодования вестготской арианской знати: Толетский двор (не совсем ясная формулировка автора или авторов жития — В.А.) разгневался на царя Леовигильда, подстрекаемый неопишуемым гневом царицы Годсвинты и ее фанатичного арианского окружения.

По-видимому, желанием царя преградить путь возможным последствиям такого неожиданного для двора обращения царевича, объясняется ужесточение гонений, до этого времени скрытых. Царь стал опасаться распространения православия среди вестготов. В Бетике, напротив, собирались силы сопротивления, сплотившиеся вокруг правителя области — святого Ерменингельда, в котором они видели защитника своих религиозных убеждений и политических интересов. Его поддерживали Гиспала, Кордуба (будущая Кордова) и Эмерита (современная Мерида). Ерменингельд начал чеканить в Гиспале собственную монету. Противостояние с самого начала развивалось трагически. Православные народы, граничившие с вестготами — свевы, «ромеи» и франки — решили воспользоваться сложившимся положением, готовые извлечь из него наибольшую возможную выгоду для себя.

Ерменингельда терзали сомнения. С одной стороны, сыновний долг почтения к родителю призывал его подчиниться воле отца и не поднимать на него меча. С другой, гонения на православных, приобретающие все более жестокие формы, побуждали его выступить защитником истинной веры. Долгие мучительные часы проводил он в раздумьях, выбирая между верностью своему отцу монарху, с которым он делил трон, и своей ответственностью как верующего православного правителя, царствующего над народом, составлявшим в своем большинстве православное население, несправедливо притесняемое в своей вере арианами, которые принуждали его к веротступничеству. Решение, которое можно было бы принять в такой сложной ситуации, не могло созреть одномоментно, и приходилось действовать соответственно развивающимся событиям.

Между отцом и сыном произошел конфликт. Вероятно, Леовигильд настаивал на принятии вновь отвергнутого арианства и прибытии Ерменингельда в Толет. На оба приказания тот ответил отказом, решившись действовать по-другому. Возможно, имели место дипломатические контакты с соседними царствами, у которых он просил военной помощи, или они сами предлагали ее, в том случае если Леовигильд попытается с помощью силы ослабить сопротивление своего сына. Действительно, архиепископ Леандр отправился в Константинополь, чтобы привлечь внимание императора римлян Маврикия к происходившим в Испании событиям. Он вернулся с обещаниями последнего предоставить военную помощь. Между

тем в бетийскую коалицию вступали и другие города Лузитании, не подчинявшиеся Ерменингельду; обещания и заверения в помощи поступили от православных свевов и, вероятно, от православных франков.

Гиспальский царевич почувствовал себя уверенно, взвесил силы и провозгласил себя царем вестготов. Об этом свидетельствуют несколько монет и надписей, дошедших до нашего времени, на которых Ерменингельд именуется этим титулом. Нам сейчас трудно судить, имел ли Ерменингельд намерение основать собственное царство, независимое от царства своего отца, или же заменить отца на визиготском троне.

Леовигильд твердо вознамерился положить конец сыновнему непокорству. В 582 г. он начал войну против строптивного сына, легко овладев Эмеритой и Норбой Кесарией (сегодняшним Касересом). Свевский царь Мирон решил поддержать Ерменингельда. В 583 г. Ерменингельд потерпел сокрушительное поражение от своего отца, при попытке снять осаду с Гиспалы. Мирон, чьи войска были окружены Леовигильдом, сложил оружие и возвратился в Галицию, где вскоре умер. Святой Ерменингельд остался без союзников, имея в своем распоряжении лишь войска подчиненной ему области. С каждым днем он все больше утрачивал контроль над ее разными частями, покоряемыми войсками его отца. В Гиспале Ерменингельд приготовился к обороне; он отправил свою жену и сына в «ромейскую» область Испании, закрепляясь с войсками в замках и других оборонительных сооружениях. Одно за другим они захватывались толетцами. Мужество оборонявшихся не мешало тому, что крепость Оссет, акрополь-кремль Гиспалы, пала под напором нападавших. Город был взят, а святой Ерменингельд — вынужден бежать в Кордубу, преследуемый войсками Леовигильда. Леовигильд вступил в Гиспалу. В феврале святой Ерменингельд укрепился в предместье Кордубы и обратился за помощью к правителю южноиспанской области Восточной Римской империи. Он устроил бегство туда жены и сына, ибо ожидал подкрепления от «ромеев» из Нового Карфагена. Но обещанные римские войска не пришли к нему на помощь, поскольку «ромейский» военачальник был подкуплен Леовигильдом за тридцать тысяч солидов золотом. Жена и сын Ерменингельда были схвачены «ромеями» и доставлены в Константинополь. Ингунда умерла по дороге, а сын царевича —

Атанагильд — стал главным заложником при царьградском дворе. Это произошло в 584 г.

Подлю преданный «ромейскими» единоверцами, поняв, что проиграл, Ерменингельд попросил убежища в одной из церквей Кордубы. Его брат Реккаред, тогда еще арианин, пришел в храм, чтобы от имени отца предложить Ерменингельду испросить у царя прощения и сдаться в обмен на жизнь. Святой Ерменингельд принял это предложение, смирился с поражением, стал узником отца. Но остался верным православию и уповал на помощь Бога, предавая себя Его спасительной воле. Известно, что святого Ерменингельда перевезли сперва в Гиспалу, затем в Валенцию. Затем состоялось примирение с отцом. Кажется, оно было искренним с обеих сторон, ведь ни сын не желал поднимать руку на отца, ни отец, в глубине души, не хотел зла родному сыну. И только затмившие разум властолюбие и религиозная нетерпимость, разжигаемые в его душе супругой, арианским двором и врагом рода человеческого, пробудили в нем вражду к святому Ерменингельду. Леовигильд вернул своему первенцу многие из его прежних владений, и был готов забыть все, что произошло между ними. Но жене царя Годсвинте удалось возбудить новые подозрения против святого Ерменингельда. Подозрения Леовигильда против сына усилились, когда стало известно, что, франкский царь, тесть готского царевича, пытаясь помочь ему, вторгся в Нарбонскую Галлию. Гунтрам Бургундский послал военные корабли на помощь галицийским свевам, а сам напал на визиготов в Септимании из дельты Родана и Толосы. Кантабрский флот, посланный на помощь свевам, был уничтожен, а сам Гунтрам, захватив Каркассон, не смог взять Немауз, и, в конце концов, был разбит воинством царевича вестготов Реккареда.

По проискам Годсвинты святой Ерменингельд был вновь схвачен и заключен в темницу в Тарраконе. Теперь его обвиняли не в измене, а в ереси; ему предлагалась свобода взамен на отказ от православной веры. Святой Ерменингельд усердно молился Богу, чтобы Он укрепил его в исповедании веры, добровольно умерщвлял плоть, вдобавок к своим страданиям, и оделся в рубище, как кающийся. На Пасху царь послал к нему арианского епископа, пообещав простить его, если царевич примет причастие из рук прелата. От известия о категорическом отказе святого Ерменингельда на Леовигильда напал один из частых приступов гнева и ярости, и он направил в тюрьму воинов с приказанием убить непокорного сына. Царевич принял приговор

с глубоким смирением и умер от первого же удара, заколотый в своей темнице Сисебертом.

Мученик Ерменингельд, обманутый теми, кому он доверял, осмеянный своими врагами, несчастный в своей отчизне, не удостоился, среди современных ему историков, за исключением разве что святого Григория Великого, и одной фразы в свою честь. святой Григорий Великий вменяет в подвиг святому Ерменингельду обращение его брата Реккареда и всей визиготской Испании к православию. Вскоре Леовигильд стал сожалеть о содеянном. И хотя он клятвенно не отрекался от арианства, есть надежда, что это привело его на смертном одре к православной вере. Умирающий в 586 г. Леовигильд, завещал своему второму сыну Реккареду принять Православие и поручил его святому Леандру Гиспальскому, которого вернул из ссылки, в качестве наставника. Мы не можем осуждать Ерменингельда за грех восстания против отца, ибо как замечает святой Григорий Турский, он полностью смыл этот грех своими страданиями и своей мученической смертью. Кроме того, святой Ерменингельд искренно пытался поступать ради блага людей и веры. Через его смерть Господь явил Свою силу, ибо то, чего не удалось добиться мечом, было совершено примером смиренных страданий и смерти и молитвами святого Ерменингельда. Практически сразу после смерти отца и брата Реккареда принял православие, а 8 мая 589 г., спустя четыре года после смерти святого Ерменингельда, православие принял, торжественно отрекшись от арианства, на Третьем Толетском Соборе, весь визиготский народ. Так, в царстве вестготов было достигнуто подлинное религиозное единство в истинной спасительной вере. Это великое событие было прославлено в проповеди святителя Леандра, произнесенной на Соборе в Толетской базилике. Святитель Григорий Великий писал, что святой Ерменингельд «удостоился за свое мученичество истинного царского венца».

В 1585 г., когда исполнилась тысяча лет со дня мученической смерти святого Ерменингельда, папа Сикст VI причислил его к лику святых, по ходатайству испанского короля Филиппа II Габсбурга. Память святого мученика Ерменингельда, царевича Готфского, празднуется и Православной церковью 14 ноября по новому стилю. Согласно полному месяцеслову Восточной (православной) церкви, в этот же день празднуется память святителя Леандра, архиепископа Гиспальского. Мощи царевича-мученика покоятся доныне в церкви во имя святого

Ерменингельда в испанском городе Севилье, бывшей античной Гиспале.

Какой же из всего этого следует вывод, уважаемый читатель?

Правлением царя-кафолика Реккареда (586–601) завершился не только бурный VI в., но и период господства арианства. Причем не только среди готов, но и среди других германских народов Европы. В правление Валии на Иберийском полуострове еще шли жестокие схватки между арианами-вестготами и православными свевами. Бедствия местного населения (в большинстве своем — православно-го с римских времен), вызванные этими религиозно окрашенными военными распрями, очевидец описывал в самых мрачных красках: «Варвары принесли с собой кровь и огонь, чуму и голод. Приведший к такой нужде, что люди стали людоедами и матери питались плотью своих умерших детей. Казалось, что эта война положит конец существованию человеческого рода».

Осевшие на территории Испании примерно триста тысяч везеготов держали в подчинении местное население, численность которого достигала примерно девяти миллионов человек. Весьма жизнестойких, в свое время, метисов, происшедших от браков пунийских мигрантов из карфагенской Африки, кельтских земледельцев, иберийских охотников и пастухов, подвергшихся (по крайней мере, в городах), многовековой романизации. При царе Леувигильде эта огромная страна впервые с момента прекращения реальной римской власти смогла насладиться благами достаточно продолжительного мира. Что, поистине, многого стоило. Реккаред, наученный горьким опытом своего старшего брата, очевидно, пришел к власти с твердым намерением сохранить мир хотя бы внутри страны. Раз уж не мог быть уверен в возможности сохранить мир на ее границах, с учетом все возраставшей агрессивности жадных до добычи франков.

В ходе конфликтов, связанных с Герменгильдом, его распрей с мачехой Госвиндой и т.д., он хранил непоколебимую верность отцу. Успев порадовать Леовигильда перед смертью своими блестящими победами над франками, благодаря которым Реккаред сохранил толетскому престолу запиренейские области Каркассона и Нарбона. Трудно сказать, успел ли тяжело больной царь узнать, что и его второй сын намерен отказаться от веры отцов. Возможно, Реккаред, официально перешедший в православие лишь через десять месяцев после восшествия на престол, сам распространил слух о том, что и его

отец на смертном одре обратился из арианской в католическую веру. Как бы возлагая ответственность за столь важный шаг (который уже давно было необходимо сделать, с политической точки зрения, не говоря уже о необходимости спасения собственной души и душ своих подданных, заблудших в арианской ереси) на усопшего монарха-миротворца. Своего отца, почитаемого всеми своими подданными. Сам же Реккаред всего лишь последовал примеру отца, выполняя его предсмертную волю...

С точки зрения Реккарета — самого уравновешенного, рассудительного, разумного тактика среди всех вестготских царей — это решение было, несомненно, единственно правильным. Ведь еще блаженной памяти епископ Вульфилла, с учетом незначительных, интересных, в сущности, лишь для богословов и несущественных для культовой практики различий между арианством и православием, рекомендовал своей готской пастве верить в Бога, быть добрыми христианами и не заботиться о христологических тонкостях. Сходным образом, видимо, мыслил и Реккаред, не склонный допускать возникновения новых смут и распрей из-за конфессиональных споров. По его мнению, были дела поважнее. Он чувствовал себя призванным продолжить начатое отцом, не отвлекаясь на ссоры между епископами.

Стараясь действовать как можно осторожней — так сказать, «без фанатизма» — избегая всякого насилия, не тратя лишних слов, он не «одарил» ариан новыми великомучениками, за исключением одного-единственного — строптивного арианского епископа из Нарбона. Умершего от невзгод, вызванных войной, в ходе которой князь церкви иберийских «омиев» не нашел ничего лучше, как призвать на помощь против своего православного царя Реккарета... православных франков (!). В самой же Испании все прошло без особых волнений. Арианская элита подчинилась царскому решению. Госвинда умерла. И Реккаред, лично присутствовавший на церковном синоде, окончательно осудившем арианство как ересь, опиравшийся на своих мудрых советников — православных иерархов Леандра, архиепископа Гиспалы, и Масоны епископа Эмериты Августы, нынешней Мерида, мог более не сомневаться в прочности своей власти над вестготским царством.

В результате из всех германских племен верность арианству сохранили только лангобарды — энергичный и храбрый, хотя и жестокий народ, еще долго державшийся в Северной Италии и даже не

раз угрожавший римскому папе, пока тот не позвал на помощь православного франкского царя Карла Великого, разом прекратившего эти лангобардские безобразия. Толетский «объединительный» собор, начавшийся 4 мая 589 г. и ставший одним из важнейших событий в истории христианской церкви, сделал широко известным место своего проведения — испанский город Толет. Избранный вестготскими царями своей столицей. Подобно тому, как в свое время Гай Юлий Цезарь, избрав рыбацкую деревушку Лютетию в области племени паризиев на берегу реки Секваны (современной Сены) местом сбора вождей всех галльских племен, положил начало ее превращению в будущую столицу Франции — город Париж. Правда, Толет имел определенное значение еще при римлянах как центр их оружейных мастерских и складов. Толетские оружейники уже тогда славились высоким качеством выделяваемой ими стали. Однако только при вестготах Толет стал резиденцией правительства целого государства. И, надо сказать, государства довольно своеобразного, в котором воинская каста властвовала над целым народом, отличным от нее по языку и вере. Теперь же, после Толетского собора, этот немногочисленный высший, правящий слой, мог опереться, по крайней мере, на единство веры с подчиненным ему неготским населением. И, что было не менее (если не более) важным — на поддержку объединенного христианского духовенства. С тех пор, начиная с раннего Средневековья и до начала эпохи европейских революций, этот союз был главной, хотя и незримой, опорой всех государств Европы (в подавляющем своем большинстве — монархий). Их сердцевиной и ядром, которые власть духовная и светская тщательно и со вкусом драпировали своими пышными, переливающимися всеми цветами солнечного спектра одеяниями.

Но, раз уж Толет был избран столицей, поскольку готские цари расширили бывший римский опорный пункт, украсив его роскошными зданиями, превратив маленькую крепость в большой город, в нем стали жить не только готы. Вскоре, уже при Леувигильде и Реккареде, к готскому и доготскому христианскому населению добавился третий характерный этнический и конфессиональный элемент — иудеи. «Сыны Иудины» стремились поселиться в центрах власти готов над Испанией. Поскольку между простонародьем и могущественной воинской кастой — готской «аристократией меча» — совершенно отсутствовала прослойка, средостень, среднее сословие, которое могло

бы заняться коммерцией, торговлей, денежным обменом. Победы царя Реккареда и его преемников над последними восточно-римскими прибрежными анклавами на территории Испании освободили иудейских коммерсантов Сфарда (как иудеи издавна именовали Иберийский полуостров) от пронырливых «ромейских» конкурентов. Готские владыки не вмешивались в дела этого своеобразного народа — замкнутого в себе и обособленного, но полезного, в т.ч. в роли всегда готового к услугам заимодавца. Царям — вестготским, и не только! — вечно не хватало денег и заморских дорогих товаров. А среди иудеев, чьи общины распространились по всему обитаемому миру, давно уже были в ходу векселя и денежные чеки...

В Толеге проживала одна из древнейших иудейских общин на территории Иберийского полуострова. Толетских и гиспальских иудеев, как, впрочем, и иудеев, проживавших в других испанских городах, с римских (а скорее всего — еще с карфагенских времен), в эпоху средневекового религиозного мракобесия, да и позднее, обвиняли в том, что именно они стали причиной падения готской власти над Испанией. А ведь эта власть казалась нерушимой. Еще не отзвучало ликование всех подданных великого царства вестготов по поводу счастливого завершения Толетского собора. Во всяком случае, так кажется нам. Ведь до нас, живущих в столь значительном временном удалении, доходят лишь запечатленные на писчем материале голоса тех, кто тогда имел право голоса и пользовался этим правом. Именно эти люди во все времена решали, что должно войти в историю, чему следует верить. И раздавали похвалы и порицания в зависимости от того, что приносило большую или меньшую пользу церкви. Громче всего звучал (и звучит по сей день) голос Исидора Севильского (или, по тем временам — Гиспальского). Сменившего своего старшего брата Леандра на архиепископской кафедре Гиспалы-Севильи. С усердием и деловитостью, достойными Плиния Старшего (да и Плиния Младшего) Исидор (между прочим — небесный покровитель Интернета), происходивший по отцу из знатной испаноримской семьи, а по матери — из рода вестготских царей, собирал факты, писал всемирные хроники, толкования на библейские книги и столь щедро одарил потомство плодами своих трудов, что они дошли до нас в виде не менее чем тысячи рукописей.

Благодарному Реккареду это ничем не грозило. Ибо он, как подчеркивал архиепископ Исидор, вернул православной церкви все иму-

щество, переданное в царскую казну вследствие «кошунственной алчности» его отца Леовигильда. На котором Исидор Севильский, так сказать, «живого места не оставил»: «Хоть он и был отличным полководцем, но не было в его победах благочестия, что отразилось на его славе <...> Переполненный безумием арианского заблуждения, Леовигильд начал преследование кафоликов, сослал епископов, отнял доходы и привилегии у (православной — В.А.) церкви <...> Леовигильд был безжалостен к некоторым из своих людей, если он видел кого-то выдающегося знатностью и могуществом, то либо обезглавливал его, либо отправлял в ссылку. Он был первым, кто увеличил поборы и первым, кто наполнил казну, грабя граждан и обирая врагов». А вот Реккареда облагодетельствованные им иерархи церкви и не уставали восхвалять на все лады: «Он был благочестивым человеком, отличным от отца по образу жизни. Тогда как один был неверующим и предрасположенным к войне, другой был миролюбивым и деятельным в мирное время; один распространял могущество народа Готов через искусство войны, другой возносил народ посредством победы веры <...> Он был добрым и мягким, необычайно ласковым, и настолько сердечным и доброжелательным, что даже плохие люди желали его любви <...> Он был настолько милосердным, что часто уменьшал подати своего народа, даруя ему прощение <...> Он провозгласил единство трех ипостасей Господа: Сын рожден единосущно от Отца, а Святой Дух не разделен с Отцом и Сыном и есть Дух их обоих, соединяющий их в единое целое». Испания же под правлением Реккареда, по Исидору, процветала во всех отношениях: «О Испания, ты — знаменитейшая из всех стран, простирающихся от океана до самой Индии. Благословенная страна, счастливая своими государями, мать многих народов, ты — царица всех провинций (видимо, имеются в виду провинции продолжающей, в представлении епископа, существовать — пусть даже чисто гипотетически! — единой Римской «мировой» империи, частью которой, вопреки очевидности, продолжало считаться вестготское царство — В.А.), от тебя получают свет Восток и Запад, от тебя, славы и чести всего земного круга, знаменитейшая часть Вселенной. На твоей земле изобильно процветает славное плодородие готского народа и т.д.». Выходит, что велеречивый иерарх был убежден в том, что Испания — сокровищница духа и учености (несущая свет Востоку и Западу). Доказывая нам тем самым нечто очень важное. А именно — факт продолжение существования на

Иберийском полуострове римской культуры и образованности даже под властью свевов и готов, а после завоевания свевского царства Лео-овигильдом — также в объединенной Реккаредом готской Испании. Моммзен указывал на то, что эта провинция, на которую чисто римские, италийские, литераторы смотрели, из-за «странной латыни испанцев», несколько свысока (и даже высмеивали испанских провинциалов в своих сатирах), стала еще при Юлиях-Клавдиях (Сенека, Лукан, Марциал, Квинтилиан), но особенно — в позднеимперский период, настоящим прибежищем римской образованности, поэзии, точных и гуманитарных наук. Да и сам Исидор, подобно целой плеяде своих не менее ученых современников, чьи имена ныне почти совершенно забыты, усердно заботился о поддержании римских культурных традиций и в условиях готского господства. Об этом не следует забывать, говоря о пышном расцвете арабской мусульманской культуры в Испании, затмившей собой все, что существовало в иберийском культурном пространстве до нее. Несомненно, сохранение вестготами римских культурных традиций сыграло немаловажную роль в расцвете арабской культуры именно на Пиренейском полуострове.

Из дальнейшего текста Исидора, который мы не будем здесь воспроизводить из-за нехватки места, однозначно явствует, что объединение Испании Реккаредом оказало самое благотворное влияние и на хозяйственную жизнь. Наслаждаясь благами наконец-то наступившего мира, народ перешел к решению более масштабных задач, не подчиненных первоочередной необходимости обеспечения пропитания, так долго определявшей жизнь вестготов. Теперь готы могли, к примеру, не думая только о хлебе насущном, заниматься на досуге коневодством. И готские породы лошадей вызывали восхищение во всех странах Экумены. Горное дело, почти заброшенное на протяжении многих поколений, возродилось. Да и развитие ремесел достигло новых высот. Готские ремесленники — от дубильщиков и красильщиков до гранильщиков драгоценных камней и ювелиров — не знали себе равных.

С учетом столь бурного развития ремесел странным представляется лишь заметное отставание вестготов в области архитектуры. Ну, не могли они похвастаться чем-то, сравнимым с архитектурными шедеврами современной им Италии — хотя бы Равенны или Рима. А именно — готскими (а не готическими!) храмами, сочетающими в себе христианскую веру со свойственной германцам непреодолимой

тягой к причудливой орнаментике, сформировавшейся под влиянием блестящей раннехристианской восточно-римской культуры. Толет должен был бы по праву иметь такой храм, в память о состоявшемся в этом городе объединительном соборе. Но VI в. и начало VII в. не ознаменовались возведением великих памятников церковной архитектуры на испанской земле. Впрочем, и от римских времен в Испании остались в основном прочные каменные мосты, а не роскошные палаты.

Кстати говоря, слово палаты (от латинского слова «палатиум», т.е. «дворец», «чертог») имеет не латинское, а греческое происхождение (palation). Наш старый знакомый Прокопий Кесарийский пишет об этом: «... царский дом римляне, подражая грекам, называют Палатием (имеется в виду Палатинский холм — Палатин — в Ветхом Риме на Тибре — В.А.) Поскольку некий Паллад, родом эллин, еще до взятия Трои поселился в этом месте и построил здесь замечательный дом, они стали называть это строение Палатием; Август, став автократом (самодержцем — В.А.), решил сделать его своим местопребыванием, и с того времени Палатием называют помещение, в котором пребывает царь» («Война с вандалами»). Но это так, к слову...

Тем не менее, в 575–600 гг. в Толете была построена церковь Спасителя (ныне — храм Эль Сальвадор в Толедо), чьи характерные подковообразные арки напоминают нам о готах, чьи фигурные колонны считаются древнейшим скульптурно-архитектурным памятником вестготской эпохи, свидетельством высокого искусства ваяния времен царя Реккареда. На одной из этих колонн сохранились скульптурные украшения в виде фигур святых. Лица на барельефах стесаны (возможно, сознательно сбиты мусульманскими завоевателями, непримиримыми к «идольским образам», «бутам»), однако фигуры, застывшие в наивно-молитвенных позах, еще хорошо различимы. Производя по-прежнему трогательное впечатление, несмотря на прошедшие с момента их создания безымянным ваятелем четырнадцать, если не все пятнадцать веков. В Мериде, древней Эмерите Августе, была найдена гораздо лучше сохранившаяся вестготская колонна с орнаментальным узором. Видимо, раздражавшим мавров меньше, чем рельефные лики святых. Поэтому она была сочтена достойной для украшения мавританской бани.

После смены на престоле целого ряда боровшихся с франкской экспансией и друг с другом вестготских царей, чье время правления

было недолгим, даже если их жизнь не пресекалась ударом кинжала убийцы, при царях Реккаресвинде (653–672), Вамбе (672–680) и Эгике (687–701) строительная деятельность стала более активной. Не стоит упрекать их предшественников в том, что они тратили меньше времени и средств на строительство храмов. Ибо уже Реккаред все-рез занялся физическим воспитанием своего народа. Чтобы его готы в условиях наступившего мира не ослабили телом и духом, оставаясь хорошими воинами. Упомянув войны Реккареда с франками, римлянами и басками, Исидор Севильский считает необходимым подчеркнуть: «В этих случаях он действовал не ради войны, а чтобы упражнять своих людей, как это делается в состязаниях по борьбе». После Реккареда столь же большое внимание постоянным упражнениям своих подданных с оружием уделяли, прежде всего, два вестготских царя. Сисебут, или Сисебат (который, если верить Исидору, «был так милосерден в упоении победой, что на собственные деньги выкупил многих врагов, обреченных на рабство и переданных в качестве добычи войску»). И Свин(с)тила (именуемый Исидором «величайшим из всех» царей вестготов — «кроме воинской славы, у Свинтилы было много других истинно царских достоинств: вера, благоразумие, трудолюбие, глубокие познания в юридических делах и решительность в управлении; своей щедрости он был великодушен ко всем, и милосерден к бедным и нуждающимся»). На тот момент вестготский народ был еще вполне «готов к труду и обороне», не утратив своей природной и потомственной воинственности:

«В искусстве обращения с оружием они (вестготы — В.А.) достигли совершенства, и сражаются не только ударным оружием пешими, но и метательными копьями в конном строю» — подчеркивал Исидор, умерший в 636 г. и потому не бывший свидетелем того, что произошло потом. «Впрочем, они больше полагаются на неукротимый бег коней... Они очень любят упражняться в метании копий и в примерных боях; военным играм они предаются ежедневно. Единственным упражнением в военном искусстве, которому они еще не предавались, была война на море. Но после того как князь Сисебут был по милости небес призван на престол, они, благодаря его усилиям настолько усовершенствовались свои воинские навыки, что встречали неприятелей во всеоружии не только на суше, но и на море, и даже римские воины покорно служили им, подобно столь многим народам и всей Испании».

Войско вестготов представляло собой довольно упорядоченную организацию, заимствовавшую много у римлян. Наименьшей войсковой единицей был десяток, которым командовал декан. Десяток входил в состав сотни (центурии) во главе с центенарием (аналог римского центуриона). Самой крупной войсковой единицей была тысяча, которая подчинялась милленарию (тысячнику). Милленарии никогда не выступали в роли самостоятельных военачальников, подчиняясь на поле битвы самому царю либо назначенным им полководцам (в случае если царь не возглавлял войско сам) — дук(с)ам (duces). Известно, что вестготы были прославленными конниками.

Жаль, что впоследствии энергичный Свинтила вступил в конфликт с духовенством, поддержавшим направленное против царя-воителя восстание Сисенанда (Сигизмунда). Свинтила был свергнут с престола и заключен в монастырь вместе с членами своей семьи, а Сигизмунд признан царем и правил с 631 по 636 г. Низвержению Свинтилы было узаконено в 633 г. Четвертым Толетским собором (хотя Толетские соборы были провинциальными синодами испанской церкви, после принятия в 587 г. вестготами православия на них обсуждались не только церковные, но и светские дела, касавшиеся, в частности, суда и правления, и созывались они вестготскими царями).

Со времен второй половины VII в. кое-где в, самых отдаленных уголках Испании сохранились небольшие вестготские храмы, служащие немymi, но оттого не менее наглядными свидетельствами готского благочестия и христианства германского образца в кельто-иборо-романской стране.

Долгое время испанцы, вот уже более ста лет проявляющие все возрастающий интерес к своему древнему и древнейшему прошлому, проводящие раскопки финикийских и римских городов на своей территории, испытывали определенную нерешительность и неопределенность в вопросе оценки вестготского периода своей истории. Считать ли готов «варварами», прервавшими традиционно оцениваемый как положительный кардинальный путь развития страны от кельтиберов — к римлянам, а от римлян — прямоком к конкистадорам, принесшим в Новый Свет не только римско-католическое христианство, но и наследие великой римской, романской, латинской культуры — Латинидад? Или же считать вестготов важным, если не наиболее существенным, элементом средневековой, да и нынешней, сегодняшней, Испании, ее своеобразной смешанной культуры, ода-

рившей испанский народ великою печалью Сурбарана, великою фантазией Кортеса, великою удачью Писарро?

Последнее предположение, конечно, ближе к истине. И потому-то нам сегодня нелегко воссоздать зримую картину периода вестготского владычества в Испании, хотя он был довольно продолжительным и оставил некоторое количество ценных культурных свидетельств. Но возьмем ли мы крипту в кафедральном соборе Паленсии, каменные арочные мосты в Мериде или Пинос-Пуэнте, найденные под Гвадарзой драгоценные, украшенные самоцветами, короны вестготских царей, укрытые от мавританских захватчиков — все это отдельные фрагменты, обломки некогда единого целого, скрепить которые воедино историки могут, лишь максимально используя силу своего воображения. С исторической точки зрения, распространение православного христианства на всю Испанию, его проникновение даже в столь отдаленные ее уголки, в которых сохранились упомянутые выше вестготские церкви, вроде Санта Комба де Банде, построенной при царе Реккесвинде, южнее города Оренсе, на дороге в Португалию, привело не только к церковному единству. Но и к созданию совершенно новой внутривосточной ситуации. Православные цари вестготов, начиная с Реккареда, получили надежную опору в лице умного и опытного католического духовенства. Отныне царскую власть, вынужденную прежде постоянно лавировать между разными группировками правящей воинской касты вестготского происхождения (считавшей царя лишь «примус интер парес» — «первым среди равных»), поддерживали шестьдесят-семьдесят епископов (число их кафедр колебалось), хорошо знавших свои епархии и имевших там множество приверженцев.

Конечно, дело не обошлось без восстаний против этой новой расстановки сил. Без попыток восстановить, вместе с арианством, и господство прежнего могущества родовой вестготской знати. Но союз царской власти с католической церковью (если он был достаточно крепким) с тех пор не удавалось одолеть. Ни в Испании, ни в какой-либо другой стране христианской Европы.

В сложившихся условиях в вестготской Испании уцелели лишь отдельные, бессильные осколки древнего язычества, да и то в самых отдаленных районах. Уцелели вечно беспокойные баски, а в самом низу Пиренейского полуострова, в нынешней португальской области Алгарвиш — маленький «ромейский» плацдарм, не имевший боль-

ше никакого военного значения. Испания была столь плотно охвачена и ведома царской властью и православной церковью, она столь неукоснительно управлялась по принципам Соборов, как никогда прежде в своей истории. Тем не менее, суровые победители, обретшие полновластие епископы, были недовольны существованием не слишком большой, но мощной в экономическом отношении группы — иудеев — и их синагог.

Нигде в Европе история иудейства не была так сложно и так тесно связана и переплетена с историей страны его проживания, как именно в Испании. Иудеям было суждено сыграть судьбоносную роль не только в истории вестготов. Но именно вестготы были первыми по счету...

Испанское иудейство представляется столь древним, а его история — столь интересной, что автор этой книги не счел для себя возможным удержаться от искушения посвятить им отдельный экскурс.

Самые ранние иудейские общины возникли на Иберийском полуострове (Сефарде или Сфарде) в первые столетия галута (иудейского рассеяния, или, по-гречески — диаспоры, за пределами собственно земли Израилевой). Т.е. в конце I — начале II в. п. Р.Х. Но впоследствии испанские иудеи, достигшие на Иберийском полуострове огромного влияния (прежде всего — экономического, но, вследствие этого — также и политического), не удовлетворялись столь поздней датировкой своего появления на Пиренеях. В их среде возникла легенда, что еще царь объединенного Израиля Соломон Премудрый отправлял своего сборщика налогов Адонирама в Сфард, где тот основал израильские поселения. Кстати говоря, целиком исключить эту версию нельзя. Ведь тот же Соломон, согласно Библии, отправлял совместно с финикийцами торговые морские экспедиции в дальние страны — например, Офир (в Восточной Африке, возможно — Сомали). Что же мешало царю-мудрецу стать дольщиком в регулярных плаваниях финикийцев в Испанию? Ведь ветхозаветный пророк Иона был проглочен «китом» («большой рыбой»), будучи выброшен за борт с корабля, шедшего не куда-нибудь, а в Таршиш (Тарсис, Фарсис, Тартесс), расположенный не где-нибудь, а на испанском побережье! Древний город Тартесс, основанный в южной Испании в I тысячелетии (не позднее 1100 г.) до Р.Х., был основан этрусками в тесном взаимодействии с финикийскими колонистами из города Гадир, или Гадес в нижнем течении реки Бетис (ныне — Гвадалквивир) и славился

своим богатством и торговыми связями на все Средиземноморье. Вероятно, именно оттуда отправлялись в «Море мрака», за «столпы Мелькарта», отважные ханаanei-сидоняне, оставившие следы своего пребывания в Новом Свете задолго до появления там норманнских викингов. Во всяком случае, нет ничего, что исключало бы возможность присутствия иудейских купцов ранее 1000 г. до Р.Х. в Гадесе, нынешнем Кадисе (равно как и в других финикийских факториях Испании и Северной Африки).

Первое документальное упоминание крупных иудейских общин на территории Испании содержится в христианских соборных постановлениях 306 г., принятых еще при римлянах, до признания христианства государственной религией Римской империи. В 306 г. Эльвирский собор в рамках мер, направленных, прежде всего, против еще очень сильного тогда в Испании язычества, запретил выдавать православных девушек замуж как за еретиков (=ариан), так и за иудеев. Женатым кафоликам было под угрозой отлучения от церкви запрещено иметь сношения с язычниками или с иудейками. Земледельцам было запрещено пользоваться услугами иудейских раввинов при благословении полей и других религиозных церемониях, связанных с сельскохозяйственной деятельностью. Особенно интересный запрет, свидетельствующий о своеобразном состязании христиан и иудеев в борьбе за благосклонность «поганых» — в полном смысле этого слова (т.е. сельских)! — язычников (латинское слово «паганус» — «язычник», означает буквально «селянин», «деревенщина», от слова «паг» — «сельский округ»). Выходит, что не только Киевская Русь (согласно Повести временных лет) имела шанс принять иудаизм (если бы хазарским иудеям удалось склонить на свою сторону «нашего» Амала — князя Владимира Красное Солнышко). Но и испанские язычники имели вполне реальный шанс стать иудеями. Расовый момент в те времена имел гораздо меньшее значение, чем момент религиозный. Внутреннего решения конкретного индивидуума было достаточно для всех религий. Хотя и не для всех царей вестготов...

С учетом этого проявившегося очень рано антииудейского настроения испанских кафоликов, арианские вестготские цари, пришедшие на смену православным римским императорам, по логике вещей, должны были казаться иудеям желанными и, так сказать, прирожденными покровителями. Поэтому иудеи, особенно — в запиренейской Септимании, т.е. в готских владениях вокруг Нарбона — заняли однозначно

проготскую позицию. Направленную не только против римлян (фактора, вскоре совсем сошедшего на нет), но и против православных франков, постоянно стремившихся Септиманию покорить. Что не сулило септиманским иудеям ничего хорошего. Вопреки фантазиям Майкла Бэйджента, Ричарда Ли, Генри Линкольна и прочих сторонников мифа о «Приорате Сиона», «Мессеианском наследии», «Священной Крови», «Святом Граале», происхождении Меровингов из дома Давидова и обо всем, что с ними связано. Не случайно христианский биограф первого православного царя франков — уже знакомого нам Хлодвига I из дома Меровингов — писал об этом германском «Новом Константине», что, когда Хлодвиг при своем крещении услышал о предательстве Иуды и страданиях Господа Иисуса Христа, он воскликнул, что если бы тогда находился рядом, то вместе со своими франками отплатил бы за это иудеям «кровавой мстью». Примечательно, что автор биографии Хлодвига, будучи смиренным христианским монахом, откровенно радовался словам воинственного франкского царя, подчеркивая: «Этим он доказал глубину своей веры, подтвердил свою преданность христианству».

Счастливому периоду спокойного развития и быстрого экономического взлета многочисленных иудейских семейств в Испании был, однако, неожиданно положен конец. Когда распри между двумя соперничавшими вариантами христианства прекратились при царе Реккареде I. И вся мощь испанского кафолицизма, не отвлекаясь больше на борьбу с арианством, сведенным, наконец, на нет, обрушилась на иудеев. Первое исторически засвидетельствованное гонение на иудеев в вестготской Испании (на острове Менорка), связанное с почитанием святого первомученика Стефана, носило еще более-менее случайный характер. Но теперь, под давлением кафолической церкви, вестготские цари — Реккаред I, Сисебут и другие, приняли новые, весьма суровые законы, крайне осложнившие жизнь их иудейских подданных. А цари позднего готского периода истории Испании — Реккесвинт (Рецесвинт) и Эрвиг — похоже, даже стремились, путем принятия все более строгих законов об иудеях, вообще изгнать иудейское религиозное меньшинство из своих пределов.

Первый удар христиан по «сынам Иудиным» носил, так сказать, экономический характер. Иудеям было запрещено держать в услужении рабов христианского вероисповедания. Епископы-кафолики со своей паствой сочли недопустимым, чтобы христиане, не говоря уже

о христианках, «служили иудеям, их страстям и даже похоти». Когда затем царь Сисебут, высокообразованный человек и даже стихотворец, под страхом изгнания «сынов Израилевых» из страны, добился массового обращения иудеев в христианство, появилась новая возможность принудить этих «христиан поневоле» к соблюдению христианских заповедей и жизненных правил. Насильно окрещенные «сыны Иудины» были подчинены епископам. О том, к чему это привело, Шарль-Луи де Монтескье в главе I книги XXVIII своего знаменитого труда «О духе законов» не без основания писал, как о начале инквизиции (во всяком случае — испанской):

«Епископы пользовались очень большим влиянием при дворе вестготских королей (царей — В.А.); важнейшие дела решались на соборах. Мы обязаны вестготскому кодексу всеми правилами, принципами и понятиями современной (XVIII в. — В.А.) инквизиции, и впоследствии монахи полностью применяли к евреям (иудеям — В.А.) законы, составленные некогда епископами» (Монтескье).

То, что иудеи не ощутили на себе в полной мере всю суровость этих законов, объяснялось целым рядом причин, связанных с самим характером власти вестготов над Испанией. Во-первых, готские цари очень часто сменяли друг друга. И эта «царская чехарда» не позволяла последовательно применять антииудейское законодательство на практике. Царь Гундемар, к примеру, начавшей форменное гонение на иудеев, продержался у власти совсем недолго — с 610 по 612 г. С другой стороны, у иудеев, как уже упоминалось выше, были деньги, которых у царей, причем не только у вестготских, как правило, не было. «Флюс мафиш», как говорят арабы, «денег нет». Именно благодаря большим суммам «презренного металла» вечно гонимым «сынам Израилевым» удавалось, вплоть до Нового Времени, смягчать сердца гонителей. Так и испанским иудеям удавалось до поры-до времени избегать слишком жестокого угнетения путем щедрых «доброхотных даяний».

Черта под этот период, который может быть назван неприятным, тягостным и унижительным для иберийских иудеев, но все-таки не совсем бесчеловечным и бесперспективным, была подведена в момент, когда мешумед — вероотступник-конвертит, т.е. выкрест (крещеный иудей) или потомок иудеев, перешедших в христианство (таких впоследствии на Иберийском полуострове называли «новыми христианами» или «марранами») занял высшую церковную должность в вестготской Испании. Это был некто Юлиан (Хулиан), ар-

хиепископ Толета. Города, называвшегося по-древнееврейски так же, как он впоследствии стал называться по-арабски: Толетола. Ибо он был, по иудейскому сказанию, основан, якобы, бродячими иудейскими беженцами (толетолим), бежавшими в Сефард после разрушения Иерусалима с Первым Храмом Единого Бога и выселения жителей Иудеи халдейским (нововавилонским) царем Навуходоносором (Набукудуриуццуром) II в 597 г. до Р.Х.

Юлиан стал архиепископом Толетским в 680, а умер в 690 г. по Р.Х. Он председательствовал на нескольких церковных синодах, написал ряд богословских трактатов, историю правления царя вестготов Вамбы и латинское сочинение, направленное против иудеев. Удостоившись впоследствии, несмотря на некоторые вероисповедные разногласия с папой римским, причисления к лику святых. Через четыре года после его смерти на вестготскую Испанию обрушилась страшная эпидемия чумы.

Юлиан (как впоследствии — официальный создатель испанской инквизиции и первый Великий Инквизитор Томас де Торквемада) принадлежал к числу немногих действительно выдающихся и страшных своим ренегатским рвением отступников от иудейства, обратившихся против исповедников веры собственных отцов и дедов, став, благодаря своему острому уму и пылу неопитов, их самыми непримиримыми врагами. Юлиан и комит (впоследствии — царь) Эрвиг так прекрасно взаимодополняли друг друга, что исторические последствия этой взаимодополняемости (или «положительной комплиментарности», как сказал бы академик Л.Н. Гумилев) не заставили себя долго ждать. Ибо Эрвиг был не готом, а «ромеем». Опоившим царя Вамбу неким «лютым зельем», от которого помрачившийся рассудком готский царь скончался в 680 г. Эрвиг же, при поддержке церкви, стал править Испанией, всячески притесняя знатные, истинно-готские роды. Желая снискать расположение епископов и отвлечь внимание народа от фактически совершенного им цареубийства, он указал вестготам, как на нового врага, на иудеев. Поскольку иудеи, в большинстве своем, были богаче тех, кто покупал у них товары, обменивал или занимал у них деньги под проценты (христианам ростовщичество в то время строго запрещалось церковью), подстрекательство против иудеев и разжигание ненависти к ним редко оставались безуспешными. Пришлось иудеям искать спасения в бегстве. Беженцы с полуострова Сефард массами переправлялись на разного

рода плавсредствах через пролив в Северную Африку (уже захваченную маврами-мусульманами, или, как тогда говорили, магометанами). Или же направляли свои стопы на север, через Пиренеи, в Септиманию, где по-прежнему пользовались целым рядом привилегий.

Относительно многочисленные иудейские общины сохранились только в крупных городах вестготской Испании. Там, где они проживали компактно, в самоуправляющихся и имевших даже собственную, раввинскую, юрисдикцию, отгороженных от христианских кварталов внутренними стенами т.н. «иудериях». Наступившая вслед за смертью царя Вамбы очередная смута и общее недовольство царем Эрвигом (да и первосвятителем Испании — архиепископом Юлианом), позволили испанским городам добиться большей самостоятельности, а испанским иудеям — несколько большей безопасности. Никто, однако же, не мог предугадать, в какую сторону пойдет развитие страны после загадочной кончины Вамбы. После того, как Вамба, опоенный «зельем», впал в глубокий обморок, он неожиданно был показан народу в священническом облачении и даже с выбритой на голове тонзурой. Что должно было свидетельствовать о принятом им, якобы, решении уйти от мира. И, соответственно, перестать быть вестготским царем. Темна вода во облацех...

Покуда вся вестготская Испания думала и гадала, что бы это значило, мигрировавшие в северную Африку прыткие иудеи-сфарды (сефардим, сфардим), конечно, не дремали. Заключив союз с опьяненными нескончаемой чередой своих побед арабами-мусульманами (или, как говорили христиане, «агарянами»), взиравшими нетерпеливо, натянув поводья скакунов, через пролив на вожделенную Испанию, они стали готовиться к вторжению на Иберийский полуостров.

Эта угроза не укрылась от внимания царя вестготов Эгики, родича Вамбы и зятя Эрвига. В 694 г. он объявил в Толете, что недавно узнал из надежных источников о начале испанскими иудеями переговоров с иноземными иудеями из заморских стран с целью заговора против христианского рода. Встревоженные этим известием, созванные царем на синод епископы приняли постановление о полном порабощении оставшихся еще в Испании иудеев. Они были объявлены рабами государства, которое могло по собственному разумению передавать их в собственность своим подданным. Детей у этих государственных рабов предполагалось отбирать по достижении ими шестилетнего возраста и давать им христианское воспитание.

Повсеместное проведение в жизнь столь радикальных мер имело, в общем, мало шансов на успех даже в более — скажем так — современных обществах. Поэтому большинство историков сомневается в том, что этот закон не остался только на бумаге (или, если быть точнее — на пергамене). Витица, соправитель и преемник Эгики, вроде бы, отменил его (целиком или частично). Но не подлежит сомнению другое. У иудеев, возглавляемых очень умными и прозорливыми вождами, вряд ли теперь оставались сомнения в том, какая именно судьба им уготована в христианской вестготской Испании. С другой стороны, им было ясно, на сколь слабых опорах держалась власть вестготских царей над Испанией. В которой постоянно появлялись все новые претенденты на престол и, в конце концов, даже епископы взяли себе манеру выжидать с кинжалом наготове в засаде за дверями царского дворца. Долго так продолжаться больше не могло. Лучшим выходом, чем постоянные и связанные с немалыми расходами сил, времени и средств попытки полюбовно договариваться с царями, сменявшими друг друга с калейдоскопической быстротой, представлялось свержение всего института вестготской царской власти раз и навсегда. Даже если это означало войну, неизбежно связанную с риском. И риском немалым.

Как писал известный французский арабист Эварист Леви-Провансаль в своей «Истории мусульманской Испании», «все как один арабские хронисты делают более или менее детальные намеки на помощь, оказанную магометанам иудеями до и во время завоевательных войн. Кажется, иудеям во многих случаях поручали надзор над завоеванными городами, чтобы рвавшимся все дальше арабским армиям не приходилось оставлять там крупные гарнизоны. Ибо почти все иудеи были горожанами. И во всех более-менее значительных испанских городах имелись иудейские общины. Мало того, все население многих городов — например, древней Гранады, Лусены и других — кажется, состояло исключительно из иудеев». И это — после массового изгнания иудеев из Испании вестготскими царями в северную Африку и Нарбону? Темна вода во облацех...

Наряду с этой опирающейся на исторические факты версией предыстории падения испанской державы вестготов, дополнительно подтверждающейся ролью иудеев после покорения Испании арабами, существует и другая, легендарная и романтическая версия. Ибо поэтической натуре арабов (в первую очередь), видимо, претило столь сухое и рациональное объяснение совершившегося. В сложившейся вокруг

завоевания Испании маврами-мусульманами легенде играет большую роль некий таинственный граф Юлиан (Хулиан). Отважный и опытный воин, удерживавший, в качестве вестготского наместника последний христианский плацдарм в Северной Африке (на месте нынешних Суты или Танжера, из легенды точная локализация его не совсем ясна). Долго успешно отстаивавший это «предмостное укрепление» от арабов. Однако осознавший со временем безвыходность своего положения. И заключивший с маврами своего рода «джентльменское соглашение», обеспечив себе и своим людям выживание и освободив воинов ислама от необходимости совершать дальнейшие кровопролитные штурмовые атаки на христианскую твердыню. Так сказать, вооруженное перемирие на неопределенный срок. Юлиан отправил свою дочь-красавицу Флоринду (или Каву) к царскому двору в Толет. Чтобы благородная девица научилась там изящным манером и получила образование, соответствующее ее высокому происхождению. Наслаждаясь в полной мере ароматом царской резиденции. С учетом того, что нам известно о нравах при царском дворе в вестготской державе, шансов сохранить свою добродетель незапятнанной у юных придворных дам было не слишком много. Если они, конечно, не спасались от соблазна за стенами женского монастыря. Что, однако, лишало их надежд удачно выйти замуж. К тому же на прекрасную Флоринду-Каву «положил глаз» сам царь вестготов Родерих (Родрик, в позднейших испанских романах — Родриго). Которому посчастливилось как-то подглядеть за ней (как некогда израильскому царю Давиду — за прекрасной Вирсавией) из окна своего толетского дворца во время купания. Что не исключено, если германские девушки продолжали купаться совершенно голыми, как во времена Публия Корнелия Тацита. Как бы то ни было, Юлиан узнал о том, что Родерих соблазнил его дочь. Поскольку у него, как царского наместника, не было возможности привлечь царя к ответу за содеянное, Юлиан замыслил измену. Сговорился с врагами-иноверцами, выжидавшими за стенами обороняемого им города. И тем самым дал последний толчок к завоеванию Испании, о котором военачальник мавров Муса ибн Нусайр и без того думал денно и нощно.

Современные историки находят в этой легенде рациональное зерно. В начале VIII в. при халифе Валиде I границы всемирного (по замыслу) мусульманского государства — халифата, чьей основной движущей силой были обратившиеся в ислам арабы (лат. сарацины, греч. сарракины) — вплотную приблизились к испанскому царству

вестготов. Арабский полководец и вали (правитель) Африки Муса ибн Нусайр, усилив свою армию принявшими ислам берберами, завоевал в 707–709 гг. остатки ещё сохранившей независимость «ромейской» Северной Африки и вышел к берегам «Моря мрака». Только одна христианская крепость продолжала оказывать арабам ожесточенное сопротивление, надолго задержав их дальнейшее продвижение. Это была Гептадельфия (греч. «У семи братьев»), или, по-латыни «Ад септем фратрес», сокращенно «Ад Септем» («У семи»), принадлежавшая Восточной Римской империи. Владевшей, после завоевания вандало-аланского царства преемников Гейзериха нашим старым знакомым стратегом Велизарием при августе Юстиниане I, всем североафриканским побережьем.

Именно в ходе войны Юстиниана с африканскими вандалами произошло первое, на африканском театре военных действий, столкновение «ромейских» войск с вестготами. Вестготский царь Теудис (Тиудис, Теода, Февда, Феодорих или Теодорих III), родом из остготов, правивший Испанией с 531 г., вмешался в «ромейско»-вандалский конфликт на стороне вандалов. Последний царь вандалов Гелимер, вступил с Теудисом в переговоры, он собирался бежать с царской сокровищницей в готскую Испанию, но не сумел (хотя, возможно, успел передать вестготам часть скоровищ, награбленных еще Гензерихом в Ветхом Риме, включая священную утварь из Иерусалимского храма Единого Бога). Покорив вандалскую Африку, Велизарий выбил вестготский гарнизон из Гептадельфии — единственного владения вестготов на африканском берегу близ Геркулесовых столпов — и занял город, присоединив его к «Ромейской василии».

Возможно, Теодорих III таким образом пытался поддержать не только Гелимера, но и единоплеменных ему италийских остготов в их разразившейся в 534 г. войне с «ромеями». Пока стратеги августа Юстиниана покоряли остготскую Италию, вестготские войска совершили вторжение в уже фактически принадлежавшую «Римской империи» Юстиниана Африку и захватили крепость Септем, но вскоре вновь утратили ее и, побежденные «ромеями», были вынуждены эвакуироваться назад в Испанию через Гадитанский пролив.

В своем эдикте об учреждении новой имперской африканской префектуры претория благочестивый василевс Юстиниан предписал разместить в крепости Септем гарнизон во главе с надежным комендантом, которому было поручено неусыпно наблюдать за Гадитанским

проливом и незамедлительно сообщать во Второй Рим обо всем, происходящем в «варварских» царствах вестготов и франков. В целях обеспечения ускоренной доставки сообщений в порту Гептадельфии, сильно укрепленной «ромеями», захватившими также принадлежавшие ранее вандалам Балеарские острова, стояли на якоре в постоянной готовности высокоскоростные боевые галеры-дромоны (греч. «бегуны»). Цезарь Юстиниан явно присматривался к занятым «варварами» западноевропейским провинциям Римской державы.

С тех пор крепость Ад Септем оставалась оплотом «мировой» империи «ромеев» в Африке вплоть до нашествия арабских мусульман.

Но «император романорум», он же - «василевс ромеон», пребывал в Константинополе-Царьграде на Босфоре, т.е. слишком далеко, чтоб оказать своей последней африканской твердыне действенную помощь. И поэтому начальник крепости комит Юлиан («ромей», а не вестгот) вступил в союзные отношения с вестготами, отослав свою дочь к толетскому двору (видимо, в качестве заложницы — для упрочения союза). Но «ромейская» красавица имела несчастье понравиться Родериху, который, хотя и не отличался особым сладострастием (во всяком случае, на общем фоне), все-таки ее обесчестил. Пылая гневом, Юлиан сдал мусульманам вверенную его защите крепость (переименованную маврами в Себту — от ее «ромейского» названия Ад септем). Предварительно заключив выгодный для себя договор с врагами христианства. После этого исторический Юлиан (хоть и не изменивший царю вестготов, чьим подданным он — в отличие от Юлиана легендарного - не был, но, в любом случае, предавший своих единоверцев вестготов — таких же православных, как и сам комит, и все его «ромей»; вынесенный коменданту Гептадельфии историей суровый приговор смягчает разве что предположение, что он в действительности выполнял пришедший из Константинополя приказ использовать «неверных агарян» для ликвидации царства испанских готов «к вящей славе Бога и вечного Рима»!) стал убеждать Мусу ибн Нусайра завоевать Испанию, обещая ему всячески содействовать.

В конце лета 709 и в июле 710 г. арабы, с согласия халифа Валида I, совершили несколько успешных разведывательных рейдов. Полководец Мусы, Абу Зура Тариф, с отрядом из трехсот (!) пеших и ста (!) конных воинов, переправился через «Геракловы столпы» на четырех кораблях, предоставленных комитом Юлианом, вволю пограбил и вернулся назад в Африку с богатой добычей. Вдохновленные успе-

хами, достигнутыми в ходе этой беспрепятственной разведки боем, мавры и иудеи стали всерьез готовиться к крупномасштабному вторжению. Все необходимые сведения враги вестготов получили как от иудейских беженцев, так и от ренегата Юлиана. А поступавшие из Толета последние новости свидетельствовали о том, что вестготское царство переживает очередной тяжелый внутривнутриполитический кризис. К тому же на севере Иберийского полуострова против власти вестготов восстали вечно непокорные, склонные к бунту васконы-баски, или же гасконцы — предки драчливого шевалье д'Артаньяна, пламенной Долорес Ибаррури и жестоковывных террористов из ЭТА!

При получении достоверных известий о том, что царь вестготов Родерих с отборными войсками прочно увяз в далекой стране басков, осаждая Пампелуну, современную Памплону, арабское войско во главе с опытным полководцем Тариком ибн Зиядом в апреле 711 г. переправилось через пролив, высадилось в будущем Гибралтарском заливе (бухте Альхесирас) и закрепилось на легко захваченном плацдарме. Вскоре последовала высадка второй волны сил вторжения, состоявшей из берберов и иудейских воинов во главе с Кауланом аль Яхуди. После соединения обеих армий мавры двинулись на Кордубу. Собственно арабов в семитысячной армии вторжения Тарика ибн Зияда было крайне мало — всего триста (!) человек. Подступив к Кордубе, нынешней Кордове, мавры узнали, что своевременно извещенный о вторжении царь Родерих спешно возвратился, с горстью самых доверенных людей, из баскского похода, чтобы возглавить оборону города. Осторожный Тарик поостерегся сразу же брать Кордубу приступом. И предпочел дожидаться подкреплений, которых запросил у Мусы. Вскоре из Альхесираса и впрямь подошли подкрепления. Пять тысяч мусульманских воинов, направленных в Испанию Мусой, воспользовавшись судами, спешно построенными сразу же после отплытия Тарика. И тринадцать тысяч (!) воинов комита Юлиана (надо думать — православных христиан-«ромеев», как и сам комит). Вот тебе и «мусульманское завоевание»! Христиане против христиан! Мало того — кафолики против кафоликов! Зато перед мысленным взором римских геополитиков наконец-то обрело реальные черты давно уже всемерно приближаемое ими «окончательное решение готского вопроса»...

Из вышеизложенного можно заключить, что теперь, после создания плацдарма, к испанскому берегу постоянно приставали арабские транспортные корабли, высаживавшие все новые отряды иудеев

и берберов. Хотя, по другим данным, воины ислама переправились через пролив на одних и тех же четырех кораблях, предоставленных им «ромеем» Юлианом, потому что у мусульман не было других. По мере того, как корабли перевозили людей и коней, Тарик собирал их у скалистой прибрежной горы, которая поныне носит его имя — Гибралтар (от арабского Джебель аль-Тарик — «гора Тарика»). Расположенный у подножия горы древний город Картея был вскоре захвачен мусульманами. Чьи силы постоянно пребывали. Родериху же было гораздо сложнее отзывать свои войска с далекого баскского «фронта». И потому мавры, видимо, значительно превосходили по численности вестготскую рать, с которой сошлись 19 июля 711 г. среди лагун у речки Гвадалете, чтобы в решающем сражении решить, кому владеть Испанией.

Как ни странно, о ходе и подробностях этого сражения — вне всякого сомнения, одного из важнейших в мировой (и уж, во всяком случае, в европейской истории) — нам по сей день известно очень (так и хочется сказать — до обидного) мало. В этом повинны как цветистая фантазия арабских летописцев, так и очередная внутренняя смута, раздиравшая вестготскую державу. На арабской стороне в сражении при Гвадалете (или, как его еще называют — битве при Хересе де ла Фронтера) приняло участие, по разным подсчетам, от десяти до двадцати тысяч человек. А на вестготской стороне — от восьми до десяти тысяч. Причем не все они, судя по всему, дрались за царя Родериха в полную силу. Часть правого крыла вестготского войска, которым командовали представители знатного рода, оппозиционно настроенного по отношению к царю, и вовсе перешла на сторону арабов. Сражение, продолжавшееся, якобы, пять, шесть, семь или даже восемь дней, было к 25 (или 26) июля окончательно проиграно вестготами. Родерих пал либо в самом сражении, либо в ходе одной из стычек, которыми сопровождалось преследование разбитых готов победоносными мусульманами в последующие дни. По некоторым сведениям, царь готов утонул при переправе через реку Гвадалете... Увы — готские кони, дротики и копья, все плоды военных упражнений, которыми вестготы так усердно занимались под властью столь многих царей, не принесли им победы. Ибо были давно утрачены внутренняя спайка и политическая сплоченность вестготской державы. Под тучами стрел арабов и берберов центр (или, как говорили наши древнерусские предки — чело) вестготской рати обратился в бегство. А ее фланги, или крылья (а, говоря по-древнерусски — полки правой и левой руки) оставались безучастными

к разгрому центра, поскольку предводители их (Оппа и Сисиберт — сыновья царя Витицы, отстраненного от власти Родерихом), возможно, вовсе не желали победы своему царю. И потому то ли тоже побежали, то ли перешли на сторону Тарика. Проигранная готами в 711 г. битва при Гвадалете открыла воинам ислама путь в христианскую Европу (по зловещей иронии судьбы — при активной помощи кафоликов-«ромеев»). Памятуя о всемирно-историческом значении этого события, бельгийский историк Анри Пиренн датировал конец Античности и наступление Средневековья именно 711 г.

Если верить арабским хронистам, о бесталанном Родерихе после этого сражения не было больше никаких известий. Он не был найден ни живым, ни мертвым. Магометане отыскиали лишь его завязшего в трясине белого коня с осыпанным рубинами и изумрудами седлом из золотой парчи. Христианские испанские хронисты также считали царя Родериха без вести пропавшим после Гвадалетской битвы. Об этом, как о несомненном факте, писал в 883 г. анонимный автор т.н. «Пророческой хроники». Однако, по более позднему испанским преданиям, верные слуги павшего в битве царя, разыскав среди убитых тело Рдериха, отвезли его в Визиеу (северная Португалия), где и схоронили. В Визиеу был найден скромный надгробный камень с начертанной на нем краткой эпитафией: «Здесь покоится Родерих, царь готов». Последний вестготский царь Испании правил семь с половиной лет.

«Наше все» А.С. Пушкин, похоже, был не склонен верить версии о гибели злосчастного вестготского царя в сражении с маврами. Об этом свидетельствует начало незаконченной им поэмы «Родрик» (в которой он, руководствуясь данными легенды, изображает ренегата Юлиана не «ромеем», а вестготом — «готфом»):

На Испанию родную
 Призвал мавра Юлиан.
 Граф за личную обиду
 Мстить решился королю.
 Дочь его Родрик похитил,
 Обесчестил древний род;
 Вот за что отчизну предал
 Раздраженный Юлиан.
 Мавры хлынули потоком
 На испанские берега.

Царство готфов миновалось,
 И с престола пал Родрик.
 Готфы пали не бесславно:
 Храбро бились они,
 Долго мавры сомневались,
 Одолеет кто кого.
 Восемь дней сражение длилось;
 Спор решен был наконец.
 Был на поле битвы пойман
 Конь любимый короля.

Шлем и меч его тяжелый
 Были найдены в пыли.
 Короля почли убитым,
 И никто не пожалел.
 Но Родрик в живых остался,
 Бился он все восемь дней —
 Он сперва хотел победы,
 Там уж смерти лишь алкал.
 И кругом свистали стрелы,
 Не касаяся его,

От полей кровавой битвы
 Удаляется Родрик;
 Короля опередила
 Весть о гибели его.
 Стариков и бедных женщин
 На распутьях видит он;
 Все толпой бегут от мавров
 К укрепленным городам.
 Все, рыдая, молят Бога
 О спасенье христиан,
 Все Родрика проклинают;
 И проклятья слышит он.
 И с поникшею главою
 Мимо их пройти спешит,
 И не смеет даже молвить:
 Помолитесь за него.
 Наконец на берег моря
 В третий день приходит он,
 Видит темную пещеру
 На пустынном берегу.
 В той пещере он находит
 Крест и заступ — а в углу
 Труп отшельника и яму,
 Им изрытую давно.
 Тленье трупу не коснулось,
 Он лежит, окостенев,

Мимо дротики летали,
 Шлема меч не рассекал.
 Напоследок, утомившись,
 Соскочил с коня Родрик,
 Меч с запекшеюся кровью
 От ладони отклеил,
 Бросил об земь шлем пернатый
 И блестящую броню.
 И, спасенный мраком ночи,
 С поля битвы он ушел.

II

Ожидая погребенья
 И молитвы христиан.
 И с мольбою об усопшем
 Схоронил его король,
 И в пещере поселился
 Над могилою его.
 Он питаться стал плодами
 И водою ключевой;
 И себе могилу вырыл,
 Как предшественник его.
 Короля в уединенье
 Стал лукавый искушать,
 И виденьями ночными
 Краткий сон его мутить.
 Он проснется с содроганьем,
 Полон страха и стыда;
 Упоение соблазна
 Сокрушает дух его.
 Хочет он молиться Богу
 И не может. Бес ему
 Шепчет в уши звуки битвы
 Или страстные слова.
 Он в унынии проводит
 Дни и ночи, недвижим,
 Устремив глаза на море,
 Поминая старину.

III

Но отшельник, чьи останки
Он усердно схоронил,
За него перед Всевышним
Заступился в небесах.
В свиденье благодатном
Он явился королю,
Белой ризою одеян
И сияньем окружен.
И король, объятый страхом,
Ниц повергся перед ним,

И вещал ему угодник:
«Встань — и миру вновь явись.
Ты венец утратил царский,
Но Господь руке твоей
Даст победу над врагами,
А душе твоей покой».
Пробудься, Господню волю
Сердцем он уразумел,
И, с пустынею расставшись,
В путь отправился король.

Следует заметить, что не все источники объясняют поражение Родериха изменой сторонников свергнутого им царя Витицы в рядах вестготского войска. В т.н «Мосарабской хронике» (754 г.), указывается, что в битве с маврами пали и вестготские «соперники» Родериха. Что вряд ли произошло бы с ними в случае перехода на сторону арабов. Тем не менее, противники Родериха, пусть косвенным образом, способствовали его поражению. Ибо их враждебное отношение к царю не могло не ослабить военную мощь и боевой дух вестготского «народа-войска».

По одной из версий, решающая битва мавров с вестготами в действительности произошла не на Гвадалете, а гораздо южнее, ближе к месту высадки арабов, у самого Гибралтара, на реке Гвадарранке (арабск. Wad al-Rinq, «река Родериха»).

После гибели Родериха организованное сопротивление вестготов маврам было сломлено. Готы отступили к Эмерите, где создали последний, отчаянный очаг вооруженного сопротивления. После победы Тарику ибн Зияду надлежало возвратиться в Африку к Мусе. Но победителя снедали два желания:

- 1) распространить власть ислама на страну неверных и
- 2) завладеть легендарными сокровищами царя Соломона, по-арабски — Сулеймана (то ли полученными Теодорихом III Вестготским из вандальской Африки от последнего царя вандалов Гелимера, то ли захваченными в Ветхом Риме при Аларихе вестготами и привезенными ими на Иберийский полуостров, то ли доставленными в Испанию иудейскими беженцами еще раньше, после разрушения Первого

Иерусалимского храма халдеями вавилонского царя Навуходоносора II), якобы хранящимися в Толете или в его окрестностях.

Если верить арабской хронике аль-Казраджи, Тарик ибн Зияд овладел в захваченном Толете двадцатью пятью золотыми готскими коронами, инкрустированными драгоценными камнями (каждый готский царь возлагал на себя при венчании на царство свою, особую, корону, на которой было начертано его имя, с указанием, что он жертвует этот венец Богу).

К 714 г. мавры-победители взяли под свой контроль большую часть Пиренейского полуострова.

КОНЕЦ — ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО?

Андалузия, или Андалусия, которую владевшие ею когда-то вандалы называли Вандалузией, была переименована маврами в Аль Андалус. Православных епископов Леандра, Исидора и Юлиана, способствовавших, в своем качестве последних писателей Античности, неожиданному расцвету духовной жизни в вестготской державе, сменили «агарянские» поэты. Неустанно сочинявшие победные песни, сладкозвучные касыды и газели, оглашавшие древние города Гранаду, Кордубу, Виллу Гайену (возникшую на месте бывшего поместья римского императора Гая Калигулы) и др. восторженными восхвалениями новой веры, новой страны, новой жизни магометан на древней римской и готской земле Иберийского полуострова.

Расцвет мавританской культуры в Испании оставил свои зримые следы, известные донныне нам и всему миру. Роскошные бани, Львиный дворик в гранадской Альгамбре, дворцы, патио, уникальное переплетение различных, но так гармонично слитых воедино элементов иберийско-арабской жизни. Именно благодаря всему этому нам так трудно оплакивать падение вестготского царства в Испании. Которое, согласно многим историкам, погибло под бременем своих собственных противоречий и даже успело (к примеру, по мнению Дитриха Клауде) отказаться от вестготского языка (чему, конечно же, способствовало обращение готов при Реккареде в кафолическую веру и их отказ от арианской библии Вульфилы, написанной на готском языке), к моменту, когда арабы нанесли ему последний, смертельный удар, лишь прервавший давно начавшуюся агонию. Лишь поставивший кровавую точку под давно уже внутренне исчерпавшим себя владычеством вестготов. Но Испания отличается от других стран Европы. Она — страна романсов и сказаний. «Прославляя свои воинские подвиги, испанцы делали это в христианском духе; но форму этих славословий они заимствовали у мавров. Поскольку истина познавалась явно не посредством пера и чернил, но посредством оружия и кровопролития, она увековечивалась не в томах библиотек, а в воинственной народной поэзии. Наши романсы — сумма нашего богословия и нашей философии», утверждал испанский писатель и дипломат Анхель

Ганивет и Гарсия (покончивший с собой в 1898 г. в Риге, на территории Российской империи).

«Песнь о моем Сиде» — древнейший испанский героический эпос, уходящий своими корнями в эпоху последних вестготов — содержит больше арабских, чем германских, элементов. Хотя к моменту его создания готские героические песни далеко еще не отзвучали. А прозаические пересказы исторических средневековых романсеро Хинесом Пересом де Ита — одним из основоположников жанра исторического романа в Европе — и «Рукопись, найденная в Сарагоссе» графа Яна Потоцкого кажутся нам, людям XXI г., гораздо ближе, чем глубоко-мысленные полемические произведения Исидора Севильского со всеми их тонкостями и ухищрениями. И все таки было бы несправедливо и неверно напрочь забывать вестготскую Испанию, рассматривать вестготов лишь как преходящий, эфемерный эпизод в долгой истории Испании. И делать вид, будто вестготы — лишь одна из многочисленных приправ к и без того уже излишне пряной и острой «олье подриде» Иберийского полуострова. Ну, разве что чуть-чуть тяжеловеснее цыган; чуть-чуть грубее иудеев; чуть-чуть попроще мусульманских авторов любовно-поэтических шедевров Абу Мухаммада Али ибн Ахмада аль-Андалуси, или, сокращенно, ибн Хазма — творца «Ожерелья голубки»; чуть менее душеполезнее премудростей рабби Моше бен Маймона из Кордовы, Рамбама, «орла синагоги», известного в Европе как Маймонид. Хотя, вследствие латинского языка и христианского содержания испанской литературы вестготского периода в ней крайне сложно выделить собственно вестготский субстрат, в ней чувствуется одно. Неустанное стремление к самоутверждению, характерное для времени и для субъектов Великого переселения народов, все-таки еще не умерло. И не погибло вместе с царем Родерихом и его дружинниками на поле сражения при Гвадалете.

Битва завершилась для вестготов полной катастрофой. Вне зависимости от того, где именно она произошла. На Гвадалете, к югу от Аркоса, на Гвадарранке близ Геракловых столпов, или в устье реки Саладо близ Хереса де ла Фронтера. Длилась ли она восемь, семь, пять дней или всего лишь день. Как бы то ни было, она стала не только поражением, но и последним, в высшей степени впечатляющим, внушительным самоутверждением и — в то же время — зримым проявлением готской сущности, которой даже победоносные арабы сочли необходимым засвидетельствовать свое искреннее уважение. Сыновья

Родериха получили от новых мусульманских хозяев Испании богатые земельные пожалования. И возможность беспрепятственно жить — пусть не по-царски, но вполне по-княжески. В отличие от православных «ромеев» августа Юстиниана I в Италии, мавры-мусульмане не вели в Испании против готов войну на уничтожение. Христианские жители городов, покоренных маврами, не были обращены в рабов. Страна не была разграблена подчистую. И даже, вроде бы, не подверглась большей эксплуатации, чем при вестготах. И, хотя граница расширившегося Халифата с сохранившимися на севере Испании христианскими государствами (на последних клочках вестготской земли еще какое-то время и кое-как держались объявившие себя царями Агила II и Ардо — последний, по мнению Дитриха Клауде, правил в Септимании, за Пиренеями) оставалась чем-то вроде военного кордона, союзы между ними на протяжении последующих столетий нередко заключались вне зависимости от религиозной принадлежности высоких договаривающихся сторон.

Но самое главное заключалось в другом. Часть Пиренейского полуострова так и не покорилась его новым хозяевам. Переселившиеся туда готы, принятые остатками свевов (живших там издавна и не добытых вестготами) в союзе с автохтонным кельтиберским населением, сплотились в новую общность, исполненную веры в царей своих мелких государственных образований и в выполнимость возложенной на них самим Провидением высокой миссии освободить когда-нибудь Испанию от мавров.

В то время как арабы и берберы преодолевали Пиренеи, завоевывали остатки готских владений в Септимании, совершали все более глубокие и опустошительные рейды в земли франков, пока не были разбиты франкским майордомом Карлом Мартеллом под Трикассием (сегодняшним Труа) и Пиктавией (современным Пуатье), христиане северной и северо-западной Испании упорно отстаивали — как бы в тени упомянутых выше масштабных военных событий — свои крохотные владения. Их сердцем была Галисия, древняя Галиция — страна паломников со всей Европы, стремящихся сотворить достойный плод покаяния за совершенные грехи там, где упокоены мощи святого апостола Иакова, ставшего небесным заступником Испании — в Сантьяго де Компостела.

Но для того, чтобы паломники могли идти на поклонение ко гробу святого апостола Божьего, в ставшую уже на три четверти

мавританской Испании, готам было необходимо во что бы то ни стало удержать в своих руках узкую полосу земли на севере страны. Сражаться за Испанию так, как они сражались за Италию у подножия Везувия при Тейе. И точно так же, как никто не знал, откуда, из какого ниоткуда, взялся Тейя, теперь никто не знал, откуда, из какого ниоткуда, взялся воитель Пелагий. Возглавивший последних вестготов, как Тейя, когда-то — последних остготов.

Традиционно принято считать, что Пелагий (или, по-испански — Пелайо) был одним из уцелевших в битве при Гвадалете знатных готских воинов (по некоторым сведениям — «князем»). Он ухитрился провести остатки своей доблестной дружины через всю Испанию в ее северную оконечность и основать там независимое графство (комитат). Не ранее 721, но и не позднее 725 г. т.е. лет через двенадцать после поражения и гибели вестготского царя Родриго-Родериха, «старец» (если верить роману Мигеля Сервантеса де Сааведра «Дон Кихот») Пелагий дал арабам бой, расцениваемый испанцами как начало их семисотлетней Реконкисты. Первый бой новой эпохи, новой эры. В которую арабы вынуждены были перейти от наступления к обороне. А христианская Испания принялась шаг за шагом отвоевывать захваченный у нее маврами полуостров.

Место этого боя хорошо известно. Он произошел к востоку от Овьедо, в долине реки Рио Селья, близ пещерного монастыря Ковадонга. Испанский автор Эмилиано де ла Уэрга, большой знаток истории этой священной для испанских христиан долины и побед, одержанных Пелагием над сарацинами (другое название арабов-мусульман), писал о первой победе Пелайо при Ковадонге (или, по-астурийски, Куадонге):

«Когда всякое сопротивление маврам на равнинах Кастилии утратило смысл, князю Пелайо пришли на ум горы и скальные стены Астурии, оказавшиеся неприступными даже для римлян. С остатками войска, разбитого при Гвадалете, он обратил свои стопы на север и начал набирать себе дружину среди мужей Астурии. К нему присоединилось немало туземцев. Это были храбрые воины, хорошо знавшие свою область непроходимых лесов и труднопреодолимых гор <...> Но и во всем остальном Пелайо проявил большую осмотрительность; он даже поддерживал определенные отношения с губернатором победоносных арабов в Хихоне, и с Кордовой, где, говорят, провел некоторое время в заключении как заложник. Невзирая на то, что его тщательно

охраняли, ему удалось бежать и добраться до гор Астурии, где его уже ожидали верные соратники; теперь ему было необходимо ударить на врага, поскольку арабы, после бегства пленника, уже не сомневались в его намерениях. Он повелел трубить в военную трубу и укреплять лагерь. Оружие, изготовленное по его приказу, состояло из луков со стрелами, кинжалов и небольших копий, служивших туземцам для защиты от хищных зверей (возможно, охотничьих рогатин? — В.А.), пращей и камней. Нетрудно разгадать план, которому он следовал. Иберы на протяжении двух столетий сопротивлялись громадному военному превосходству римлян, применяя против них тот способ ведения войны, который мы сегодня называем герильей (малой, или партизанской войной — В.А.). На стороне христиан были горы, в которых можно было укрываться, как в естественных укреплениях, созданных самой природой; непроходимые леса, в которых превосходно ориентировались туземцы; а также небесное могущество Святой Девы, Вирхен де ла Куэва («Пещерной Девы»). Арабы, для которых было крайне важно уничтожить этот очаг сопротивления, пытались добиться победы в полевом сражении. Однако выбор поля битвы оставался за христианами. Последние выжидали в засаде, но, когда выдавался благоприятный случай, вступали в бой, хотя враги значительно превосходили их вооружением и численностью. На руку христианам играла внезапность совершаемых ими из засады нападений. Постепенно мощь и численность войск мусульман ослабевала. Находившийся в своей ставке, расположенной в Санта Куэва («Священной Пещере»), предводитель христиан дон (от лат. «доминус», т.е. «господин» — В.А.) Пелайо разрабатывал стратегию, отдавал распоряжения об устройстве засад, постоянно менял места расположения своих войск и распределял провиант, нередко состоявший лишь из меда диких пчел и из дичи, водившейся в лесах. Христиане удерживали горные высоты, обрушиваясь с них на мелкие вражеские отряды, уничтожая их и срывая таким образом все планы мусульман. При таком способе ведения войны сарацинское войско день ото дня несло все большие потери. Год от года (с 718 по 722 г.) падала его численность, мораль и боевой дух. Христиане же, напротив, с каждой одержанной, пусть даже незначительной, победой, становились немного сильнее; а по мере возрастания их оптимизма, возрастало и число воинов, шедших в бой с врагом под знаменем Креста».

Весьма интересным представляется и сообщение о Пелагии, содержащееся в «Хронике короля Альфонса III»:

«Пелайо со своими людьми пребывал в недрах горы Аусева, когда появилось войско (мавров — В.А.), разбившее свои бесчисленные шатры перед входом в пещеру. Епископ (!) Оппа (или Оппас — В.А.) взошел на возвышенность напротив Святой Пещеры и спросил: «Пелайо, где ты?» Тот отвечал ему из трещины в скале: «Я здесь». Епископ продолжал: «Думаю, от тебя не укрылось, что все войско готов не смогло устоять перед сарацинами. Как же ты думаешь оказать им сопротивление, сидя в этой горе? Внемли моему совету и покорись; перейдя на сторону мавров, ты получишь много всякого добра». Пелайо возразил: «Разве ты не читал в Священном Писании, что Церковь Господа подобна горчичному зерну, из коего, как оно ни мало, по милости Божией произрастает нечто большее, чем из всех остальных семян?» Епископ отвечал: «Воистину, так сказано в Писании». Пелайо же ему: «Наше упование — Христос; из этой малой горы придет спасение для Испании и для готского народа. Милость Христова освободит нас от этих неверных, которые я презираю». Тогда епископ обратился к войску мавров со словами: «Готовьтесь к бою, вы ведь слышали, что он мне ответил»».

Военачальник мавров Алькаман подал знак начать сражение. Неверные пустили в ход пращи и катапульты. Сверкнули обнаженные мечи, запели стрелы, засвистели дротики. Однако по милости Божией, камни из пращей и катапульт, залетавшие внутрь пещеры и долетавшие до скрытого в ней алтаря Пречистой Девы, отлетали обратно, поражая насмерть выпустивших эти камни сарацин. Готы сделали вылазку из «Священной Пещеры» и обратили мавров в бегство. Епископ Оппа был взят ими в плен, Алькаман убит, а с ним — сто пятьдесят тысяч (!) мусульманских воинов. Уцелевшие же шестьдесят три тысячи (!) мавров, бежавшие в поисках спасения в селение Амосу, были погребены под гигантским оползнем, обрушившись вместе с массой земли и камней в реку Дева. По сей день река, выходящая из берегов при паводке, выносит на поверхность человеческие кости и оружие. Мунуза (еще один арабский предводитель — В.А.) бежал из Хихона, но был настигнут в Вилья де Олалес и убит собственными дружинниками».

Надо думать, что мавританские камни и дротики, пущенные снизу вверх и падавшие на пол пещеры, не причиняя вреда укрывавшимся в ней христианам, летели обратно вниз, убивая мавров, только под пером хронистов. Что указанная ими численность арабских воинов была сильно преувеличена. И что на пытавшихся спастись бегством

арабов обрушился не оползень, а отряд преследовавших отступающих неверных разъяренных готов, свевов и кантабров. Многочисленные фантастические подробности и преувеличения, которыми пестрят христианские хроники, объясняются упоением первой победы после стольких унижительных, позорных поражений. В арабской же хронике Наф аль тиб де аль-Маккари, цитируемой испанским автором Клаудио Санчесом Альборносом в его труде «Мусульманская Испания», об этой битве сказано следующее:

«Как сообщают некоторые историки, первым объединил христиан, бежавших в Галисию, после арабского завоевания Испании, некий неверный по имени Пелайо, родом из Астурии, взятый арабами в заложники, чтобы защититься от населения этой страны. Он бежал из Кордовы во времена Аль-Хурр бен Абд аль-Рахмана а-Закафи, второго арабского эмира Испании, на шестой год после завоевания, происшедшего в 98 году Хиджры (716–717). Он сеял смуту среди христиан, пока они не прогнали наместника аль-Хурра и не стали хозяевами страны (Астурии — В.А.), каковыми они и остались. Число их царей до смерти Абд аль-Рахмана III составило двадцать два.

Иса бен Ахман аль-Рази говорил, что во времена Анхазы бен Сухама аль-Квальби в стране Галисия восстал некий дикий упрямец по имени Пелайо. С тех пор христиане в Аль Андалусе начали защищать те области, которыми они еще владели, хотя и не надеялись больше на то, что им это удастся. Мусульмане воевали с многобожниками (каковыми магометане считали христиан, верящих в Триипостасного Бога — В.А.), прогнали их и завладели их страной вплоть до Ариулы в земле франков, захватили Памплону в Галисии, и на долю царя по имени Пелайо не осталось ничего кроме гор, куда он убежал с тремя сотнями человек. Непрестанно подвергающиеся нападениям, его воины умирали от голода, и у него осталось не более тридцати мужчин и десяти женщин. И им было нечего есть, кроме меда, который они отбирали у пчел, гнездившихся в расселинах скал. Это надоело мусульманам, и они, наконец, с презрением сказали: Тридцать диких ослов — что за вред они могут нам причинить? В 133 году (Хиджры — В.А.) Пелайо умер, и царем стал его сын Фафила. Правление Пелайо длилось девятнадцать лет, правление же его сына — два года. После этих двоих правил Альфонсо, сын Педро и дед Бени Альфонсо, которым удалось сохранить свою власть по сей день и отвоевать то, что было отнято у них мусульманами».

Христианские и арабские хроники настолько противоречат друг другу, что именно из факта их противоречивости можно сделать следующий важный вывод. Вне всякого сомнения, пара сотен лишенных всякой реальной силы и надежды на успех, упорно сопротивлявшихся в очевидно безвыходной ситуации, туземцев во главе с «безбашенным» вестготом, действительно могли казаться маврам дикими, упрямыми ослами. Тем более что во всей покоренной мусульманами Испании коренных жителей никто — пока! — особенно не притеснял. О чем свидетельствует хотя бы факт присутствия в арабском войске христианского епископа, выступающего в качестве парламентаря и пытающегося убедить дону Пелайо в бессмысленности дальнейшего сопротивления — мол, плетью обуха не перешибешь... И даже призывающего мусульман готовиться к бою со своими единоверцами — готовыми победить или умереть за Пресвятую Богородицу — Вирхен де ла Куэва — православными христианами, не желающими покориться, «преклонить колена пред Ваалом»! С другой стороны, совершенно очевидно и нечто другое. Даже обладающее подавляемым численным превосходством, возглавляемое опытными военачальниками, хорошо вооруженное (вплоть до метательных машин) арабское войско оказалось бессильным и неспособным одолеть небольшой отряд испанских «герильясов», искусно использующих особенности труднодоступной и труднопроходимой горной местности. Возможно, дону Пелайо вдохновлял пример из прошлого — стойкое сопротивление кельтиберов римлянам, о котором он мог знать из сказаний и книг (если, конечно, был обучен грамоте). Подобно тому, как мы знаем из книг о том, как о горные теснины Испании, обороняемые ее несгибаемыми в своем мужестве сынами (да и дочерьми), сломала себе зубы мнившая себя непобедимой армия императора французов (а фактически — императора Запада) Наполеона I. Да и франкскому паладину «римского» императора Запада Карла Великого — графу Роланду — с его верным другом Оливьером и воинственным архиепископом Турпином довольно солоно пришлось в Испании — не зря с тех пор и по сей день

Плачут сладкозвучные виолы,
Вспоминая сечу под Ронсевалем ...
(«Песнь о Роланде»).

Таким образом, Ковадонга, Священная Пещера, наряду с доблестной Нуманцией и Ронсевальским ущельем, принадлежит к числу

мест кровавых уроков, данных этой удивительной в своей своеобразности Испанией т.н. великим державам. И не важно, кто давал им этот кровавый урок — доримское население Иберии, баски-васконы или крепчайший этнический сплав, образовавшийся в горах Астурии из кельтов, свевов, готов с баскскими «вкраплениями»...

Конечно, в той тесной и узкой долине никак не могли уместиться двести тысяч арабов с обозом, стрелометами и камнеметами. Они бы просто задохнулись в тесноте и давке и оставили отважных воинов донна Пелайо без работы. Однако значение той или иной битвы зависит не от числа участников. А от ее характера и последствий. С учетом же данного обстоятельства следует заметить, что горы, взбирающиеся вниз на Ковадонгу, видно, не случайно носят имя Пикос де Эвропа, «Европейских пиков» . Ибо именно в их сени дикий упрямец дон Пелайо выиграл одну из судьбоносных для Европы битв — не в единственный день победы при Ковадонге, но в течение последующих лет своего ожесточенного сопротивления арабам. Своих неустанных боев за северный краешек потерянного, казалось бы, субконтинента. Пикос де Европа предстают перед нами высочайшими башнями неприступной крепости. Ибо «в Ковадонге, на одном из подступов к крепости, Пелайо в 722 г. устоял перед мусульманами, распространившими свое господство на весь мир от Индии и до Атлантики. Именно там и родилась Испания» (Клаудио Санчес Альборнос).

Хотя точная дата победы Пелагия над сарацинами при Ковадонге все еще не установлена, поскольку наметившийся в ходе борьбы перелом наступил не только в день той ставшей знаменитой, но отдельно взятой, битвы, но и в ходе целой серии отличавшихся большей или меньшей ожесточенностью боев испанских «герильясов» с маврами в 718–722 гг., ясно одно. Эти «схватки христианского Давида с мусульманским Голиафом» имели государствообразующее значение. Подобно тому, как французская королевская династия Капетингов была основана малоизвестным графом Одо(ном), или Эдом, отличившимся героической обороной города Парижа от норманнских викингов, так и победы при Ковадонге оказалось достаточно для того, чтобы малоизвестный дотоле Пелагий-Пелайо стал царем не подчинившихся маврам вестготов «со товарищи».

В данной связи важно обратить внимание на сообщения арабской хроники о годах, проведенных Пелагием в заложниках у мавров. Ибо в заложники арабы (да и не только они) обычно предпочитали брать

не абы кого, но отпрысков самых знатных семейств покоряемых ими земель и народов. Астурийским краеведам удалось установить, что Пелагий-Пелайо был родственником царя вестготов Хиндасвинда (Хиндесвинда). И что вестготский царь Витица (смещенный впоследствии злополучным Родерихом) приказал, по внутривосточным соображениям, убить отца Пелагия — Фавилу. Коль скоро это так, то доказательства прямого преемства новой, основанной Пелагием, династии с доарабскими царскими родами вестготов — налицо.

Пелайо одержал победу, но большой славы и могущества он все же не достиг. Его столицей стал живописный городок Кангас де Онис, расположенный в шестнадцати милях от Ковадонги. Пелагию, умершему в 731 г., наследовал его упомянутый выше сын Фавила (правивший до 739 г.), Фавиле же — князь из другой ветви царского рода вестготов, Аль(де)фонс(о) I, фигурирующий в исторических сочинениях, в т.ч. и на русском языке, как Католический (хотя правильнее было бы назвать его Кафолическим, т.е. Православным — ведь раскол единой апостольской церкви произошел лишь в 1054 г., о чем полезно лишней раз напомнить). Аль(де)фонс I был потомком несчастного царевича Герменгильда-Ерменительда. Как писал в своей латинской Истории испанский хронист Лука, епископ Туйский, голосом всего народа готов был избран (царем — В.А.) дон Альдефонс Кафолик (лат.: *Aldefonsus Catholicus ab universo populo Gothorum eligitur*). Лишь Аль(де)фонсу, зятю царя Фавилы, женатому на царской дочери Эрменсинде, или Герменсинде (его предпочли малолетним царским сыновьям, не способным править), и прозванному за свою воинскую доблесть Великим, удалось несколько расширить христианскую зону влияния. Причем не только силой оружия. Но и — прежде всего — путем использования кровавой смуты, разгоревшейся в мавританском лагере. После быстрого мусульманского завоевания Иберийского полуострова в 711–718 гг. он был превращен магометанами в провинцию Арабского халифата, которым правила из Дамаска (Сирия) династия Омейядов (Умайядов). Резиденцией арабских наместников в Испании, носивших титул «вали» или «эмир», стала Кордова, прежняя Кордуба.

Первоначально испанский эмир назначался африканским наместником «общепарабского» халифа, а тот, в свою очередь, подчинялся непосредственно халифу. В этническом отношении мусульмане Иберии подразделялись на арабов, живших в городах, берберов, живших

в сельской местности, и сирийцев, преобладавших в войсках (размещенных в казармах). Эти мусульманские народы боролись между собой за власть над страной Аль Андалус. В 750 г. правившая Арабским халифатом династия Омейядов-Умайядов была свергнута и почти полностью истреблена новой династией — Аббасидами (перенесшими столицу халифата из сирийского Дамаска в месопотамский Багдад). Абд ар-Рахман, один из уцелевших Омейядов, совершил побег в Египет, а затем — в Магриб (Северную Африку). Но его попытки закрепиться на египетских и африканских землях оказались безуспешными. В конце 755 г. Абд ар-Рахман высадился в Испании, захватил Кордову и провозгласил себя эмиром. Некоторое время он формально признавал власть Аббасидов над Испанией, в качестве их наместника. Но после обострившегося конфликта с ними в 785 г. упоминание Аббасидов в пятничных проповедях в мечетях было запрещено по всей умайядской Испании. Большую часть своего правления Абд ар-Рахман I провел в борьбе с испанскими христианами. Однако подлинным создателем независимого Кордовского эмирата стал его преемник Абд ар-Рахман II, начавший ускоренную исламизацию населения Пиренейского полуострова, значительно уменьшив число христиан на мусульманских землях. Между тем, борьба за власть над Испанией между арабами и берберами не прекратилась и после создания независимого Кордовского эмирата. Что давало дополнительные шансы иберийским христианам.

Сын Альфонса I — Фруэла I Жестокий (годы правления: 757–768), вследствие межмусульманских распрей, смог, наконец, спуститься с гор и основать город Овьедо, ставший истинным средоточием новой испанской державы на готской основе.

В первые десять лет своего правления он одержал много побед над маврами и был милостив и великодушен, но затем, склонившись к тирании, стал ненавистен своим подданным, и за то, что незаконно лишил жизни своего брата Вимерана, любимого народом, был свергнут и убит в 768 г.

В Овьедо (в местном произношении: Овьеддо), давно забывшем, кажется, о жестокости своего вестготского основателя, сохранились архитектурные памятники той поры, прежде всего — церкви Сан Хулиан до лос Прадос (или, в местном произношении — «Сантульяно»), Сан Мигель де Лильо (по нашему, храм святого Михаила Архангела — бывшая часовня царского дворца) и Санта Мария де Наранко (перестроенный царский дворец, о чем свидетельствуют лестницы

и внутреннее помещение, похожее скорее на палаты древнего германского царя, чем на неф христианского святилища). Наглядно свидетельствующие о свершившемся, наконец, слиянии властного германского мышления с великой христианской идеей Реконкисты, о готском прошлом испанского народа. Альфонс I, вне всякого сомнения, ощущал себя всецело готом и постоянно это подчеркивал.

Но и в округе — в долинах, тянущихся к Пикос де Эуропа, да и ниже, у моря, сохранилась россыпь церковок, арочек, крипточек, часовенок — зримые свидетельства начавшегося великого движения. Поначалу это было лишь самоутверждение, непрерывные попытки вырваться из арабских тисков, затем — изумленное, постепенное пробуждение от тяжелого сна, от ночного кошмара. Восстания, начавшие вспыхивать на юге против власти могущественных завоевателей, перешедших от прежней политики религиозной терпимости к насильственной исламизации своих христианских подданных, позволили северянам продвинуться до реки Дуэро. Постепенная утрата арабами бдительности, самовлюбленность изнежившихся мавров, их утонченное искусство и сладкая жизнь позволили суровым христианским воинам Астурии и Леона все чаще переходить от обороны к наступлению.

С вполне понятным нетерпением испанские историки ищут в этих темных столетиях — VIII, IX и X — истоки не только свойств испанского национального характера, которым Испания была обязана своим величием, но и характерных черт христианских испанских государей эпохи Реконкисты. При этом они — за небольшим исключением — не желают ничего слышать о, вне всякого сомнения, лежащих в их основе вестготских истоках и традициях. Как, впрочем, и об удивительной стойкости и способности к сопротивлению баскского племени. Породившего Наварру и «гуманиста с мечом в руке» — Генриха IV, Великого Беарнца, основателя династии Бурбонов — одной из знаменитейших в Европе Средневековья и Нового Времени. Тем не менее, именно, здесь, на Севере, на орошаемом дождями кантабрийском побережье, с его промышленными городами и шахтами, можно, при желании, убедиться в том, что мощь свевско-готско-баскского наследия не была исчерпана в ходе Реконкисты (в отличие от мощи наследия кастильского). Его непокорные, своенравные потомки — Каталония, Астурия, Леон и Страна басков (Эускади) — всем новомодным «автономистским» поползновениям вопреки — залог будущего Испании, вечно прекрасной и единой в своем многообразии.

ПОСЛЕДНИЕ ГОТЫ?

Немецкий историк из Марбурга Дитрих Клауде (учившийся, кстати говоря, некоторое время в университете бывшей вестготской резиденции Тулузы) указывал в своей «Истории вестготов» на курьезный случай спора между дипломатами на Базельском соборе римско-католической церкви 1434 г. Тогда Николаус Рагнвальди (Нильс Рагнвальдсон) — посланник короля Дании, Норвегии и Швеции Эрика VII Померанского — потребовал для себя особо почетного места в зале собраний. Приведя в обоснование законности своего требования довольно любопытный довод. Он заявил, что шведы суть потомки готов, готам же подобает эта честь, с учетом их достославной истории. Заносчивому шведу, впрочем, не замедлил возразить испанец Альфонс де Картахена — министр и полномочный посол Его Величества короля Кастилии. Заявивший, что у испанцев несравненно больше прав считаться наследниками славных готов, чем у шведов. Ибо вестготы, отправившиеся на Иберийский полуостров совершать великие деяния, чьими потомками являются испанцы, без сомнения, были лучшими и храбрейшими представителями своего племени. А самые негодные, ленивые, бездеятельные готы остались на родине, в Швеции — жалкие остатки готского народа, не имеющие прав ни на какие привилегии. И вести от них свой род не очень-то почетно.

Эта дипломатическая дуэль разыгралась через тысячу лет «с гаком» после смерти вестготского царя Алариха и несколько меньше лет после смерти остготского царя Теодориха Великого. За это время политический небосвод христианской Европы успели озарить Карл Великий, Оттон I Великий, Владимир Святой, Вальдемар Аттердаг, Фридрих I Барбаросса, прозванный «чудом мира» — «ступор мунди» — Фридрих II Гогенштауфен и немало других монархов «крупного калибра». И все же готы были не забыты. Мало того! Ранг дипломатов, оказывается, напрямую зависел от отношения, которое имели к готам государства, представляемые на международных форумах этими дипломатами. Это не только неожиданно, не только удивительно, но и несколько отдаст неблагодарностью. С учетом несомненных заслуг, скажем, франков в деле сплочения новой, христианской Центральной

и Западной Европы и основания Священной Римской империи. Возможно, в памяти христианских народов Европы (продолжавшей, в силу исторической инерции, столетиями, если не тысячелетиями, мыслить «римскими» категориями) слишком ярко запечатлелись многочисленные преступления представителей франкских царей — например, моральный хаос, царивший в период от Хлодвига до Пиппинов. И на их фоне, несколько отдаленные во времени вестготы, несмотря на свои интриги и насилия, успели превратиться в идеализированных памятью и фантазией потомков борцов за лучшую, рыцарскую, христианскую Европу? Было бы заманчиво написать на эту тему книгу, озаглавив ее, скажем: «Эволюция образа готов в оценках людей европейского Средневековья». Писать, да и читать ее, наверно, было бы довольно интересно... В любом случае, с учетом приведенных выше соображений, становится понятным, почему интерес к готам не только не угасает, но и постоянно возрастает, в самые разные эпохи и на самых разных уровнях (от «готических» романов до современной молодежной субкультуры «готов»). Имена остготских и вестготских царей известны во всем мире не меньше, чем имена их современников — последних римских императоров. Причем, интерес к готскому наследию проявляют не только скандинавы или англосаксы. И не только немецкие историки (начиная с саксонского министра Эдуарда фон Витерсгейма, Феликса Дана и Людвига Шмидта до Германа Эйке, Дитриха Клауде, Германа Шрайбера, Рольфа Хахмана и множества других). Но и наши, русские историки, начиная с Вельтмана, Соловьева, Вернадского, эмигранта Александра Александровича Васильева, автора фундаментального труда «Готы в Крыму», и множества других, как упомянутых, так и не упомянутых в этой книге — несть им числа... Ибо и мы, русские, тоже — потомки и наследники готов. С течением времени — по прошествии многих столетий, на протяжении которых Европу постоянно опустошали войны, разрушавшие материальные свидетельства прошлого и стиравшие саму память о нем — мир стал свидетелем знаменательного феномена. Все большее значение стали приобретать районы, расположенные на западных и восточных оконечностях нашего многострадального материка и потому сохранившие больше следов готской эпохи, чем казавшиеся изначально более важными места событий готской истории между Равенной и Бусенто. Или между Тулузой и Толедо. Если мы хотим ощутить отдаленное веяние готской истории, нам надо отправиться далеко на запад — в Санта Ком-

ба южнее Орензе, или на гору Монте Наранка с храмами Сан Мигель де Лильо и Санта Мария под Овьедо. Далеко на юг — в Равенну с ее готскими храмами и мавзолеями. Или не так далеко на юг — в наш благодатный Крым, где по соседству со славным городом русской воинской славы Севастополем, в юго-западной части Крымского полуострова, в четырнадцати километрах от Бахчисарая, расположены руины Эски-Кермена. Что в переводе с крымско-татарского языка на русский значит «Старая Крепость». Ибо эта старая крепость (называвшаяся в VI в. Дорос), построенная на столообразном горном плато Мангуп, ограниченном обрывами до тридцати метров высотой — не просто древнее военное укрепление. А целый город на высотах известковой горной гряды. Состоящий из пятисот скальных пещер. Город с шестью подземными церквями, в трех из которых еще сохранились фрески в восточноримском стиле. Там располагалась готская резиденция, отражавшая все вражеские нападения до 962 г., когда она была захвачена хазарами под предводительством полководца Песаха. Подтверждением этого факта является наличие осадного колодца VI в., с лестницей из шести маршей и с восьмьюдесятью ступенями, с двадцатиметровым коридором; подобного не было в укреплениях «ромеев» периода строительства защитной линии для отражения набегов кочевников в Средней гряде Крыма. Территория города занимала площадь восемь с половиной гектаров, имея в длину тысячу сорок метров в длину и сто семьдесят метров в ширину. После ухода хазар готский город Дорос возродился и даже разросся, достигнув максимального расцвета в конце XII — начале XIII в., когда количество постоянных жителей Дороса превысило две тысячи. В указанный период Дорос был уже полноценным средневековым городом. Плато, на котором он располагался, было застроено прямоугольными кварталами, разделенными между собой достаточно широкими улицами, по которым была способна проехать повозка. На территории готского города пребывал правящий епископ округа, о чем свидетельствуют остатки кафедры в храме у центральных ворот. Эта христианская базилика, предположительно построенная в центральной части плато в IV в., неоднократно перестраивалась и расширялась до начала VIII в. В 1299 г. город крымских готов был разрушен войсками монголо-татар под предводительством золотоордынского беклярибека Ногая (Есун-Нохоя, буквально: «Железного Пса») и уже не смог восстановить свое былое значение. В 1399 г. татаро-монгольское войско

под предводительством темника Золотой Орды Едигея уничтожило отстроенные укрепления и окончательно razорило Дорос. После этого город уже не восстанавливался. В его окрестностях осталось только небольшое поселение Черкес-Кермен (село Крепкое) расположенное между северной оконечностью Эски-Кермена и Кыз-Куле. Оно просуществовало с периода поздней Античности и до начала семидесятых годов XX-го в. Ныне Эски-Кермен — один из наиболее посещаемых пещерных городов Крыма, после «иудейского (в действительности — караимского) города» Чуфут-Кале, и входит в Бахчисарайский историко-культурный заповедник. Маршруты к Эски-Кермену идут от сел Холмовка, Залесное, Терновка и Красный Мак, куда можно добраться на рейсовом автобусе из Бахчисарая — бывшей столицы ханов крымских татар из рода Гиреев.

После взятия и разорения Дороса хазарами Песаха (послужившего поводом для антихазарского восстания под руководством святого Иоанна Готского) новой столицей князей крымских готов (их княжество впоследствии получило название Феодоро или Теодоро — уж не в честь ли одного из Теодорихов?) стал Мангуп, расположенный довольно близко — всего в пяти километрах — от Эски-Кермена. Мангуп (ставший также центром Готской епархии в Крыму) оставался столицей готского княжества Феодоро (гербом которого был, между прочим, двуглавый орел — прямой предшественник государственного гербового орла России; возможно, он имел в своей основе ворона, распластанного перед прикреплением к щиту, как это было принято у древних ратоборцев «Готискандзы»), контролировавшего весь юго-западный Крым и находившегося под влиянием «Ромейской вассилии», до середины XV в., был после непродолжительной осады взят турками-османами, но просуществовал до конца XVIII в., пока не был покинут своими жителями. Именно с этой эпохи сохранились его многочисленные искусственные пещеры, оборонительные стены, фундаменты базилик и руины цитадели на мысе Тешкли-бурун.

Крымские готы, поселившиеся на древней земле Таврического полуострова, как нам известно, с III в. п. Р.Х., выжили не только благодаря известным и многократно подтверждавшимся на практике воинскому духу и боевым навыкам, отличавшим готский народ во все времена, но, видимо, еще и потому, что Крымский полуостров был в несколько меньшей степени подвержен опустошительным нашествиям кочевых народов, чем степи к северу от Крыма или долины

Дуная и Днестра, лежавшие в зоне главных направлений всех нашествий с Востока.

Кроме того, Крым, несмотря на свои не слишком высокие горы, все же представлял собой созданную самой природой крепость, создававшую немалые трудности превосходящим силам врагов — например, объединенным армиям величайших держав мира Франции, Англии, Турции (с примкнувшей к ним на правах младшего союзника Сардинией) — в годы Крымской войны в XIX в. или германскому вермахту в годы Великой Отечественной войны советского народа в в. XX. Природная крепость, устоявшая под обстрелом корабельной и осадной артиллерии западных союзников в годы Крымской войны и под обстрелом тяжелейших германских мортир Второй мировой, была тем более неприступным убежищем в эпоху Средневековья.

«Здесь же, на этом побережье [Крыма], есть страна Дори, где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направившимся в Италию. Они добровольно остались здесь и в мое время еще были в союзе с (восточными — В.А.) римлянами», писал в своей «Войне с готами» Прокопий Кесарийский.

Следовательно, крымские готы отнюдь не пребывали в изоляции «на задворках цивилизованного мира», но не прерывали связей с соплеменниками, рассеянными по просторам позднеантичной Ойкумены.

Император римлян, «василевс ромеев», благоверный православный царь Юстиниан I Великий, поддерживавший, как нам с уважаемым читателем уже известно, тесные отношения с ост- и вестготами, был первым из великих монархов, удостоивших крымских готов знаков своего высочайшего внимания. Оказав им помощь при строительстве крепостей и включив, в качестве ответной услуги, крымско-готские контингенты в свои всегда победоносные (официальная формулировка) войска на правах «федератов». Речь шла о двух-трех тысячах воинов, чьи семьи жили на плодородном побережье Дори (именно их упомянутая выше столица Дорос получила впоследствии название Эски-Кермен), ставшем «не только политическим центром, но и огромным убежищем для готского народа» (Денис Никодимович Козак. «Готы. Политическая история»). Наряду со сведениями, так сказать, военного характера, мы располагаем также сведениями о крымских готах, сохраненными церковными документами. Готы-тетрациты стали христианами в конце III в. В качестве доказательства

в книге нашего упомянутого выше соотечественника-эмигранта А.А. Васильева о готах в Крыму упоминается, в частности, надгробие некоего Евтропия, найденное под Керчью (древней столицей зависимого от римлян эллинистического Боспорского царства — Пантикапеум). Правда, они сами называли себя не христианами, а авдианами. В честь Авдия Эдесского — последователя ересиарха Ария, родом из Междуречья, сосланного в Скифию (т.е. крымскую Готию) по обвинению в ереси. Коль скоро это так, крымские готы были, подобно остготам и вестготам, арианами. Но арианами, принявшими учение Ария в форме и на основе проповедей, в которые их учитель и апостол Авдий привнес свои собственные взгляды и древнее наследие своей месопотамской родины. Авдиан (авдиян) называли также антропоморфитами. Антропоморфией (греч. «человекоподобием») в тогдашнем церковном словоупотреблении именовалось стремление буквально трактовать библейские сюжеты, в которых при описании Бога используются человеческие атрибуты и качества. Свою правоту Авдий Эдесский подтверждал цитатами из Ветхого Завета, в частности — книги Бытие (I, 26). Авдиане полагали, что Бог должен иметь тело, руки и ноги, а также чувства подобно человеку. Именно в этих особенностях их вероучения православные критики авдиан усматривали их близость к арианскому «человекобожию». В богослужениях антропоморфиты пользовались апокрифами, написанными преимущественно Авдием, однако не отвергали и каноническую литературу. Пасху они отмечали по иудейскому календарю.

Прокопий Кесарийский, говоря в VI в. п. Р.Х. о готах азиатского Боспора, подчеркивал:

«Принадлежали ли эти готы когда-нибудь к арианскому исповеданию, как и все другие готские племена (включая, следовательно, и крымских гогтов — В.А.), или в вопросах исповедания веры они следовали другому какому-нибудь учению, этого я сказать не могу, так как они и сами этого не знают...» (О войнах VIII 7, 11–12).

В данной связи представляется необходимым, не вдаваясь особо в христологические и иные богословские тонкости, обратить внимание на следующее обстоятельство, кажущееся нам весьма примечательным. Существовали тесные связи по церковной линии не только между Крымом и Константинополем. Но и между крымскими готами и Двуречьем — ведь оттуда приходили и туда уходили вероучители, испрашивались и направлялись епископы. Значит, по логике вещей,

должны были существовать и не менее оживленные двусторонние экономические связи и контакты. Сам Авдий прибыл в Крым уже глубоким стариком. Однако его проповедь оказалась столь успешной и эффективной, что утвердившееся, благодаря ему, у крымских гот-тов авдианство уступило свои позиции православному христианству лишь к середине VI в.

Вследствие этого особого вероисповедания крымских гот-тов приобрел такое значение Вселенский Собор 325 г. в Никее. Большинство его участников известно поименно. В качестве епископа (крымских) гот-тов в списке участников указан Феофил. О епископе же Боспор-ском, Домне, точно не известно, был ли он, подобно Феофилу, готом, или нет.

Когда после смерти «Бича Божьего» Атиллы распалась гуннская держава, отдельные племена великого народа гуннов отхлынули в Крым и подчинили крымских гот-тов. Но скоро осознали их полезность и вступили с готами в своеобразный «братский союз народов». Чья счастливая мирная жизнь была нарушена сперва нашествием хазар, захвативших столицу гот-тов «страны Дори» — Дорос. Затем — нашествием татар, включивших Крым в состав Золотой Орды, а после ее распада, создавших на древней земле Тавриды отдельное Крымское ханство. И, наконец, гибелью Восточной Римской империи под ударами турок-османов, взявших в 1453 г. Второй Рим — Царьград-Константинополь — и завладевших в 1475 г. также Крымом, сделав ханов крымских татар своими вассалами («улусниками», выражаясь по-ордынски). Мангуп, где по-прежнему жили крымские готы, попал под турецкое управление. И лишь сохранившийся готский язык продолжал свидетельствовать о том, что готский народ еще жив. Правда, недолго...

В середине следующего, т.е. XVI, в. посланник императора «Священной Римской империи» Фердинанда I Габсбурга к двору турецкого султана, в ходе своих поездок по османским владениям посетил Крымский полуостров. К счастью последующих поколений (включая наше) этим «цесарским» дипломатом был одаренный от природы всеми добродетелями, высокообразованный, умный и наблюдательный фламандец — барон Ожье Жислен де Бусбек. Не кто иной, как благочестивый император «Священной Римской империи» и король Испании Карл V Габсбург (тот самый, чьи войска устроили в 1527 г. в папском Риме на Тибре страшную резню — «Сакко ди Рома»), оценив де Бусбека по достоинству, возвел его в дворянство и принял

талантливого фламандца на дипломатическую службу (хотя тот был незаконнорожденным).

В 1555 г. Бусбек впервые прибыл с дипломатической миссией ко двору турецкого султана Сулеймана II. И оставался в Турции с 1556 по 1562 г. В своих «Легационис Турциэ Эпистолэ», (т.е. «Письмах о посольстве в Турцию») IV, «цесарский» дипломат упомянул о своей встрече с последними готами в Крыму. Это событие не может быть названо таким же важным, как находка тем же Бусбеком древнеримского Анкирского монумента с перечислением деяний императора Августа под Ангорой (нынешней Анкарой), «но все же, все же, все же...»

В 1972 г. Л.Ю. Мильтер обнаружил на скале в Бахчисарае два граффити позднесредневекового происхождения — тамгу в форме перевернутой «Ш» (смутное воспоминание о готском или, возможно, перенято готами у сарматов или у боспорских царей «трезубце Рюриковичей», ставшем для них стилизованным изображением ворона Вотана-Одина?) и однострочную надпись из трех букв, сочтенную им германской рунической и считающуюся самым поздним памятником готского письма в Крыму. Сопоставив бахчисарайскую надпись с акростихом первых четырех строк готского граффито I.1 с Мангупа, содержащим выполненную готскими буквами греческую формулу «Бог Иисус», отечественные историки Андрей Юрьевич Виноградов и Максим Игоревич Коробов расшифровали бахчисарайскую надпись как греческую формулу «Спаситель Бог Иисус».

«Таким образом, можно предположить, что надпись на скале в Бахчисарае выполнена рукой крымского гота, знакомого и с местным изводом алфавита Вульфилы, и с греческими акронимами; феномен двуязычия у горнокрымских готов фиксируется и Бусбеком, и мангупскими граффити<...> Итак, перед нами удивительный феномен: двукратная (в Мангупе и в Бахчисарае) сокращенная запись греческих христологических формул аналогичными готскими буквами. Появление этих формул, отражающих учение Никейского собора в противовес учению Ария о низшем статусе Иисуса по сравнению с Богом-Отцом, в готских надписях в Крыму трудно трактовать иначе, как эхо никейско-арианской полемики. Однако среди черноморских готов такая богословская дискуссия была актуальна сразу после принятия их основной частью христианства в виде арианства, тогда как с уходом готов-ариан за запад возможности для нее значительно сократились, хотя и не исчезли полностью (ср., например, ариан-

скую кафедру в Константинополе до VI в. или сношения с Крымом арианского короля остготов Теодориха). Позднее <...>, когда догматическое противостояние утратило свою актуальность из-за исчезновения готов-ариан, формула «Иисус-Бог», вероятно, продолжала использоваться горнокрымскими готами по инерции как устойчивый маркер православной идентичности. Ее использование не говорит однозначно в пользу изначального православия готов Горного Крыма, но удревняет его, как минимум, до VI в. (А.Ю. Виноградов, М.И. Коробов).

При этом, по мнению исследователей, крымские готы заимствовали и долго использовали алфавит и, вероятно, перевод Вульфилы, что говорит в пользу их близкого знакомства с культурной традицией готов-ариан. Они усматривают в ситуации с использованием готами никейцами арианского по происхождению перевода Библии и алфавита прямую параллель с политикой архиепископа Константинополя святого Иоанна Златоуста по обращению готов в никейство. Златоуст, с одной стороны, «инициировал отправку к готам — возможно, боспорским — епископа Унилы и его преемника», с другой же, как указывал в своем «Готском букваре» немецкий лингвист-индогерманист Вильгельм Август Штрайтберг — участвовал в литургии с чтением Священного Писания и проповедью на готском языке в храме Святого Павла в Константинополе. «Поэтому наиболее вероятно, что горнокрымские готы в середине V — первой половине VI в. позаимствовали именно результаты этого проекта никейской адаптации готской Библии и богослужения <...>, а также <...> сопряженные с ним христологические никейские формулы-акронимы от своих сородичей-никейцев с Нижнего Дуная, где православное готское богослужение сохранилось до IX в., с Боспора, где православная готская епископия существовала в V–VI вв. или из Константинополя, где готы были многочисленны весь ранневизантийский период» (А.Ю. Виноградов, М.И. Коробов.)

Ну, вот, собственно, и все, что автор этой книги хотел поведать своим уважаемым читателям. Автора могут обвинить в желании во что бы то ни стало «притянуть готов за уши» к российской истории, «любой ценой сделать готов предками нашего русского народа». Но ведь еще не так давно советские археологи и историки, на основании археологических находок в скифских курганах и развалинах, глазом не моргнув, поторопились объявить скифов (сколотов) предками славянских

народов, включая русский народ, чуть ли не по прямой линии. И ничего, «хоть бы хрен по деревне»!.. Так что с какой стати нам, русским, отдавать готов и все готское на откуп скандинавам, англосаксам, испанцам, португальцам, не говоря уже о немцах? Тем более, что даже уважаемый Дитрих Клауде писал: «Нам следует окончательно отказаться от расхожих представлений Дана и его современников, считавших, что вестготская история является составной частью истории немецкой. Так как о возникновении немецких государств можно говорить только после распада империи Карла Великого, т.е. начиная примерно с 900 г., любое соотнесение с давно исчезнувшим вестготским государством отпадает уже по одним хронологическим соображениям. Племя вестготов говорило на языке, близкородственном языку племен, столетиями позже основавших немецкое государство. Но это единственная связь, которую можно установить между вестготами и средневековыми немцами. Тем более что этот язык исчез еще до распада вестготской державы, а само наименование «вестготы» полностью утратило свое этническое значение» («История вестготов»).

А вообще-то «Турольд утомился», и, значит, пора ставить точку. С учетом правильности крылатого изречения незабвенного Фаддея Козьмича Пруткова: «Плюнь в бороду тому, кто захочет объять необъятное». Пришло время автору этой книжицы погасить свой маленький фонарик, с помощью которого он постарался высветить, пусть кое-как, путь готского народа-странника сквозь время и пространство. Хотя этот фонарик кажется не больше светлячка на фоне сплошных черных дыр — от Понта Балтийского до Понта Евксинского, по которым некогда мигрировали готские скитальцы то ли с севера на юг, то ли с юга на север, то ли... Фрауяй их знает...

Река времен в своем стремленьи
 Уносит все дела людей
 И топит в пропасти забвенья
 Народы, царства и царей.
 А если что и остается
 Чрез звуки лиры и трубы,
 То вечности жерлом пожрется
 И общей не уйдет судьбы.

(Г.Р. Державин)

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

I в. до Р.Х. — Переселение готов в дельту Вистулы

I в. п. Р.Х. — Приход готов на Восточноевропейскую равнину (Ауйом).

Морские набеги готов на Черноморье и восточное Средиземноморье.

III в. п. Р.Х. — Предполагаемое разделение готского народа на остготов и вестготов.

II пол. III в. — Вторжения готских племен в Римскую империю. Поселение готов в Дакии (на территории нынешней Румынии).

Ок. 340 г. — Проповедь епископа Вульфилы в землях вестготов.

369–372 — Гонения на христиан-вестготов при Атанарихе.

Ок. 375 — Набеги гуннов на остготов и вестготов. Разгром гуннами более слабых германских народов.

376 — Просьба вестготов позволить им переселиться в Римскую империю.

378 — Победа вестготов над императором Востока Валентом II в битве под Адрианополем.

395–410 — Правление «военного царя» вестготов Алариха I.

402 — Разгром Алариха западноримским полководцем вандальского происхождения Флавием Стилихоном в битве под Полленцией

408 — Убийство Стилихона по приказу императора Запада Гонория

408 — Первая осада Рима на Тибре вестготами

410 — Захват Рима на Тибре Аларихом. Смерть Алариха в южной Италии.

410–415 — Правление царя вестготов Атаульфа.

414 — Женитьба Атаульфа на Галле Плацидии, дочери последнего императора единой Римской державы василевса Феодосия I Великого.

415 — Правление Сигериха.

415–418 — Правление Валии.

417 — Галла Плацидия выходит замуж за римского полководца и будущего императора Запада Констанция.

- 418 — Мирный договор между вестготами и Римской империей. Расселение вестготов в Аквитании в качестве римских «федератов».
- 451 — «Битва народов» на Каталаунских полях.
- 453–466 — Правление вестготского царя Теодориха II.
- 456 — Захват вестготами свевского царства.
- 466–476 — Новые завоевания вестготов в Галлии. Арианские гонения на православную церковь.
- 466–484 — Правление Евриха. Первая кодификация вестготских законов (т.н. Кодекс Евриха) около 475 г.
- 484–507 — Правление Алариха II.
- 493 — Убийство Одоакра Теодорихом Остготским.
- 494–506 — Завоевание вестготами большей части Испании.
- 506 — Издание «Романского закона визиготов» (*Lex Romana Visigothorum*). Агдский собор.
- 507 — Разгром вестготов франками при Пиктавии.
- 507–511 — Завоевание франками вестготских владений в Галлии, кроме Септимании (области Нарбона).
- 526 — Смерть остготского царя Италии Теодориха Великого после пятидесятилетнего правления.
- 526–531 — Правление Амалариха.
- 534 — Захват восточными римлянами африканской крепости вестготов Септем.
- 542–552 — Последние битвы остготов во главе с царями Тотилой и Тейей на итальянской земле с войсками императора Юстиниана I Великого.
- 565 — Смерть императора Юстиниана (правителя Восточной Римской империи с 527 г.).
- 568/69–586 — Царь вестготов Леовигильд подчиняет себе всю Испанию.
- 579 — Восстание царевича Ерменигельда.
- 584 — Подчинение Ерменигельда.
- 586–601 — Правление царя вестготов Реккареда I.
- 589 — Третий Толетский собор. Переход вестготов в православие.
- 612–621 — Правление царя вестготов Сисебута.
- 615 — Заключение выгодного для вестготов мирного договора с Восточной Римской империей. Насильственное крещение части испанских иудеев.
- 621 — Правление царя Реккареда II.

621–632 — Правление вестготского царя Свинтилы.

Ок. 625 — Захват вестготами последних (восточно)римских плацдармов в Испании. Исидор Севильский пишет свой исторический труд.

632–636 — Правление царя вестготов Сисенанда. Волнения в разных частях вестготского царства.

642–652- Правление царя вестготов Хиндасвинта. Подавление им оппозиционеров из числа родовой вестготской знати. Интенсивная законотворческая деятельность.

649–672 — Правление царя вестготов Реккесвинда (Рецесвинда).

672–680 — Правление царя вестготов Вамбы.

680–687 — Правление царя вестготов Эрвига.

681 — Последняя кодификация вестготского права. Принятие законов против иудеев.

687–702 — Правление царя вестготов Эгики.

693/94 — Эпидемия чумы.

694 — Испанских иудеев объявляют собственностью вестготского государства.

698–710 — Правление царя вестготов Витицы.

710–711 — Вторжение мавров, иудеев и восточных римлян в южную Испанию.

721/725 — Победа Пелагия над маврами при Ковадонге. Начало Реконкисты (которой будет суждено продлиться семьсот лет).

962 — Захват столицы крымских готв Дороса хазарской армией Песаха.

1562 — Бусбек встречает в Крыму последних тетракситов, еще говорящих по-готски.

СПИСОК ОСТГОТСКИХ ЦАРЕЙ

1. Острогота (умер в 249 г.)	10. Видимир II (474-?)
2. Книва (правил с 250 г., умер в 271?)	11. Теодорих Великий (470–526)
3. Геберих (334–337)	12. Аталарих (526–534)
4. Германарих (?-около 376 г.)	13. Амаласунта (526–534)
5. Витимир-Винитарий (375–376 гг.)	14. Теодахад (534–536)
6. Видирих (376-?)	15. Витигес (536–540)
7. Валамир (40–469)	16. Ильдебад (540–541)
8. Теодемир (469–474)	17. Эрарих (541–541)
9. Видимир I (469–474)	18. Тотила (541–552)
	19. Тейя (552–552)

СПИСОК ВЕСТГОТСКИХ ЦАРЕЙ

1. Алика (начало IV в.)	22. Леовигильд (568–586)
2. Ариарих (I половина IV в.)	23. Реккаред I (586–601)
3. Аорих (середина IV в.)	24. Лиува II (601–603)
4. Атанарих (365–381)	25. Виттерих (603–610)
5. Фритигерн (370–380)	26. Гундемар (610–612)
6. Аларих I (410–415)	27. Сисебут (612–620)
7. Атаульф (410–415)	28. Реккаред II (620–621)
8. Сигерих (415–415)	29. Свин(с)тила (621–631)
9. Валия (415–419)	30. Сисенанд, или Сигизмунд (631–636)
10. Теодорих I (419–451)	31. Хинтила (636–640)
11. Торисмунд (451–453)	32. Тульга (640–641)
12. Теодорих II (453–467)	33. Хиндасвинт (641–652)
13. Еврих (467–485)	34. Реккесвинт (649–672)
14. Аларих II (485–507)	35. Вамба (672–680)
15. Гезалех (507–511)	36. Эрвиг-Эрвигий (680–687)
16. Амаларих (507–531)	37. Эгика (687–671)
17. Теудис-Тиудис-Теода-Теодорих III (531–548)	38. Витица (697–709)
18. Теудигизель (548–549)	39. Родерих (709–711)
19. Агила I (549–554)	40. Агила II (711–714)
20. Атанагильд (554–567)	41. Ардо (714–721).
21. Лиува I (568–573)	

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
1. В НАЧАЛЕ ДОЛГОГО ПУТИ	
Всего три корабля?	13
Через сухопутный океан	38
Спалы, скифы и другие	65
Истина, скрытая в могилах	82
Готы под стенами Трои	102
Загадочный царь Германарих	129
2. КУДА БЕДНЫМ ГОТАМ ПОДАТЬСЯ?	
Мал... или все-таки амал?	165
Про готского «Волчонка»	184
Федераты? Ренегаты?	224
Могущественный царь Аларих	258
Готы под стенами Рима	296
3. ИТАЛИЙСКОЕ ЦАРСТВО ОСТГОТОВ	
Хитрецы, бойцы и мудрецы	341
Гунноскир против остгота	362
Равеннская химера	390
Остготский рагнарёк	398
4. ИСПАНСКОЕ ЦАРСТВО ВЕСТГОТОВ	
От Толосы до Толета	433
Вестготский рагнарёк	457
Конец — это только начало?	497
Последние готы?	509
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Хронологическая таблица	519
Список остготских царей	522
Список вестготских царей	522

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru
.....

**ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177»**
Санкт-Петербург, Невский пр., 177 (с 10:00 до 20:00)
8 (812) 643 77 43 www.vk.com/dpcspb
.....

в Москве:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, Малый Гнездниковский пер., 12/27 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.su
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»
Москва, ул. Мясницкая, 20 (пн. –пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)
8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60 www.bookshop.hse.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БИБЛИО-ГЛОБУС»
Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1 (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)
www.biblio-globus.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «У КЕНТАВРА»
Москва, ул. Чайнова, 15 (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
8 (495) 250-65-46 www.rsuh.ru/kentavr

в Минске, Киеве, Варшаве, Риге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЭПОСЕРВИС»
Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4
+375 17 338 95 23 www.tregross.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНЫЙ БУМ»
Киев, Вербовая ул., 8 (вт.–вс. с 11:00 до 17:30)
+38 067 273-50-10 www.academbook.com.ua

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН при «Centrum Nauczania Języka
Rosyjskiego w Warszawie»
Ptasia 4, 00-138 Warszawa
+48 22 826 17 36 www.jezykrosyjski.com.pl

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «Intelektuāla grāmata»
Kr. Barona iela 45/47, Rīga (пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00)
+371 67315727 www.merion.lv

Электронные книги:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru
ЛИТРЕС www.litres.ru

Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru
OZON www.ozon.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com
ESTERUM www.esterum.com
БУКВОЕД www.bookvoed.ru
ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru
MY-SHOPRU www.my-shop.ru
КНИЖНЫЙ БУМ www.academbook.com.ua

Акунов Вольфганг Викторович

Сказание о наших готских предках

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Оригинал-макет *И.Р. Поздняков*
Корректор *Д.Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция: тел. (812) 577-48-72, e-mail: aletheia92@mail.ru,
191015, г. Санкт-Петербург, ул. 9-ая Советская, д. 4, офис 304

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron111@mail.ru

в Минске:

«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88¹/₁₆. Усл. печ. л. 32,9. Печать офсетная.

Заказ №